3 1761 07482704 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/mezhdunarodnyfed00iash

IAshchenko, Aleksandr Semenovich

А. Ященко.

I

41

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМЪ.

Mezhdunarodnyĭ federalism

Идея юридической организаціи человѣчества въ политическихъ ученіяхъ до конца XVIII вѣка.

Inconsutilis tunica Dei.
Dante.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1909.

JC
355
I38

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. XIII—XXI

Методъ изслѣдованія. Идея эволюціи—основная идея историческаго изученія. Возможность изученія развитія идеи внѣ связи ея съ общественной средой и съ учрежденіями. Значеніе изученія общей исторіи идеи по отношенію къ детальному изученію по эпохамъ. Важность изученія федерализма. Федерализмъ въ современной жизни. Общій планъ работы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Античный и средневѣковый универсализмъ.

ГЛАВА I.

Античный космополитизмъ.

1. Философскій космополитизмъ въ Греціи и Римѣ. Національная исключительность древняго Востока. Анти-національнизмъ и имперіализмъ у нѣкоторыхъ софистовъ. Космополитизмъ Сократа. Космополитизмъ въ сократическихъ школахъ (Стильпонъ. Аристиппъ). Циники (Антисѳенъ. Діогенъ. Кратесъ). Мнѣнія о космополитизмѣ циниковъ. Платонъ. Партикуляризмъ его политическихъ идеаловъ въ „Государствѣ“; федерализмъ въ „Критіасѣ“. Аристотель. Идея общечеловѣческой солидарности. Эпикурейская школа. Международный аномизмъ. Космополитизмъ стоиковъ. Зенонъ. Цицеронъ. Сенека. Эпикуръ. Маркъ Аврелій. 1—17.

2. Юридическій космополитизмъ. Политическій универсализмъ—римскій идеалъ. Pax romana. Всемірное право. 17—19.

3. Религіозный космополитизмъ. Сліяніе религій въ Римѣ. Космополитизація древнихъ религій. Мозаизмъ (Мессіанство. Филонъ). Неопиѳагореизмъ. Неоплатонизмъ. Космополитизмъ христіанства. Общій характеръ античнаго универсализма. 19—24. 1—24

Стр.

ГЛАВА II.

Папизмъ.

1. Универсализмъ средневѣковой политической мысли. Принципъ единодержавія. Дуализмъ универсалистическаго идеала. 25—29.

2 Идея всемірной теократіи. Блаженный Августинъ. Теократическій универсализмъ папизма. Эпоха до Григорія VII. Эпоха Григорія VII. Эпоха послѣ Григорія VII (Ивонъ Шартрскій. Ѳома Бекетъ. Бернардъ Клервоскій. Іоаннъ Салисбюрійскій. Иннокентіи). Декретъ Граціана и канонисты. Универсальный идеалъ Ѳомы Аквинскаго. Эпоха борьбы Бонифація VIII и Филиппа Краснваго (Булла „Unam sanctam“. Эгидій Римскій). Эпоха Людовика Баварскаго и Іоанна XXII (Августинъ Тріумфъ. Альваръ Пелагій). 29—43.

3. Ходъ развитія папистскаго универсализма. Монархомахи-католики. Томазій Кампанелла. Значеніе средневѣковаго папизма. Дальнѣйшая исторія теократическаго универсализма. 43—47. 25—47

ГЛАВА III.

Средневѣковый имперіализмъ.

1. Общій характеръ средневѣковаго имперіализма. Феодальный характеръ средневѣковаго имперіализма. Имперія, какъ международная власть. Универсалистическія стремленія германскихъ императоровъ. Теоретики имперіализма въ эпоху Генриха IV. Эпоха Гогенштауфеновъ (Гуго Флёрійскій. Іорданъ Оснабрюкскій. Глоссаторы. Декретисты). 48—55.

2. XIV-й вѣкъ. Публицисты (Данте. Энгельбертъ Адмонтейскій. Ландульфъ Колонна. Вильгельмъ Оккамъ. Леопольдъ Бебенбургъ. Петрарка). Цивилисты Различныя направленія въ отношеніи къ имперіализму среди постглоссаторовъ. Послѣдовательные имперіалисты (Раніеро Форлійскій). Различеніе de jure и de facto (Бельпершъ. Чино Пистойскій. Бартолъ). 56—66.

3. Упадокъ имперіалистической идеи. Эней Сильвій и др. публицисты XV вѣка. Французскій имперіализмъ. Гильомъ Постель. 66—68.

4. Общій взглядъ на значеніе средневѣковаго имперіализма. 68—72. 48—72

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Идея всемірнаго права.

ГЛАВА IV.

Международный аномизмъ.

1. Характеръ новѣйшаго интернаціонализма. Международный аномизмъ, анархическое международное право и международный федерализмъ. 75—77.

Стр.

2. Крайне-индивидуалистическій аномизмъ. Индивидуалистическій анархизмъ въ древности. Законченное выраженіе этого направленія въ ученіи Макса Штирнера. Теократическій анархизмъ. 77—80.

3. Международный аномизмъ. А. Отрицаніе международнаго права, съ позитивной точки зрѣнія, эгоистическимъ утилитаризмомъ. Позитивизмъ въ правѣ до Эпикура. Эпикуръ. Макіавелли. Гоббесъ. Спиноза. Гельвецій. Нѣкоторая непослѣдовательность этого направленія въ вопросѣ о международномъ правѣ и организаціи. 80—91.

4. Международный аномизмъ. Б. Отрицаніе международнаго права, съ точки зрѣнія теоріи государственнаго суверенитета. Древность. Теоріи государственнаго суверенитета въ средніе вѣка. Іоаннъ Парижскій. Марсилій Падуанскій. Націоналистическіе трактаты во Франціи въ XIV в. Опоре Боне. Антиимперіализмъ въ Англіи. Націонализмъ французскихъ легистовъ. Боденъ. Салмазій. Крайнее утвержденіе государственнаго суверенитета у Гегеля. Новѣйшій легизмъ. 91—104. 75—104

ГЛАВА V.

Критика международнаго аномизма.

1. Критика теоріи индивидуалистическаго анархизма. Невозможность чисто эгоистической этики и изолированнаго разсмотрѣнія индивида. Внутреннее самоотрицаніе крайняго индивидуалистическаго идеала. Двойное свойство человѣка (мысли Вл. Соловьева и С. Трубецкого). Оправданіе права. Право—необходимый историческій фактъ. Право, оправдываемое соціологическимъ закономъ общественной солидарности. Природа закона общественной солидарности. Постулатъ цѣнности жизни, лежащій въ основѣ солидаристической этики. Соотношеніе между этическимъ и историческимъ направленіями въ правѣ. Право разумное, право идеальноее и право положительное въ тѣсномъ смыслѣ слова. Соотношеніе между ними. Народное сознаніе и признаніе, какъ основаніе положительнаго права. Примѣнимость установленныхъ точекъ зрѣнія къ международному праву. 105—118.

2. Критика крайнихъ государственныхъ теорій права. Сведеніе государственными теоріями всего права къ государственнымъ законамъ. Формально-юридическое направленіе. Возраженія противъ признанія государственной власти единственнымъ источникомъ права и противъ принужденія, какъ необходимаго элемента права. Опасности юридической школы положительнаго права. Обѣдненіе области права. Государственный абсолютизмъ. Отсутствіе идеала и критики. 118—123.

3. Неизбѣжный результатъ международнаго аномизма—оправданіе войны. Защита войны съ мистико-религіозной точки зрѣнія (Жозефъ де-Местръ), съ эволюціонной точки зрѣнія, какъ условіе прогресса (Гегель, Жозефъ де-Местръ, Прудонъ), какъ осуществленіе права. Пацифизмъ—какъ противоположное теченіе. Идея вѣчнаго мира въ исторіи. Какъ должна быть поставлена проблема пацифизма. 123—131. 105—131

Стр.

ГЛАВА VI.

Идея всемірнаго права до Гуго Гроція.

1. Идея анархическаго международнаго права. Эволюція понятія всемірнаго права (jus gentium). Соотношеніе между естественнымъ правомъ и правомъ народовъ (Двѣ стадіи въ пониманіи естественнаго права. Раціональное право и право международное). 132—137.

2. Jus naturale и jus gentium въ древности. Идея вѣчнаго закона до софистовъ. Естественное право у софистовъ. Ученіе о δίκαιον Сократа. Дуализмъ этико политическихъ воззрѣній Платона. Отсутствіе у него универсалистическаго идеала. Естественное и законное право, правда и солидарность у Аристотеля; примѣненіе этихъ понятій къ международнымъ отношеніямъ. Идея всемірнаго права въ Греціи послѣ Аристотеля (Полибій). Ученіе объ естественномъ правѣ у стоиковъ (Хризиппъ, Цицеронъ). Jus naturale и jus gentium у римскихъ юристовъ. Природа jus naturale. Соотношеніе между jus naturale и jus gentium (отожествленія у Гая, различеніе у послѣдующихъ юристовъ; основаніе этого различенія у Гермогеніана). 137—152.

3. Jus naturale и jus gentium въ средніе вѣка. Jus naturale у средневѣковыхъ писателей. Jus naturale у церковныхъ писателей—инстинктъ добра, вложенный Богомъ въ сердца людей (св. Павелъ, Оригенъ, Тертуліанъ, Амвросій, Августинъ). Jus naturale primaevum и secundarium глоссаторовъ. Естественный законъ и право у Ѳомы Аквинскаго. Jus gentium у средневѣковыхъ писателей. Понятіе jus gentium у Исидора Севильскаго. Дифференціація понятія jus gentium. Междугосударственный характеръ пріобрѣтаемыхъ постепенно jus gentium. Отдѣльные институты договорно-обычнаго международнаго права. 152—161.

4. Естественное и международное право у предшественниковъ Гроція. Отношеніе ихъ къ Гроцію. Испанскіе писатели XVI в. (Викторія, Сото, Васкезъ, Коварубіасъ, Суарезъ). Французскіе юристы XVI в. (Коннанъ, Боденъ, Грегуаръ Тулузскій). Джентили. Бэконъ. 161—171. 132—171

ГЛАВА VII.

Идея всемірнаго права послѣ Гуго Гроція.

1. Естественное и международное право у Гроція. Основныя черты естественнаго права. Стоическая точка зрѣнія. Основа естественнаго права. Положительный элементъ въ естественномъ правѣ. Раціоналистическія тенденціи. Право добровольное (jus voluntarium). Понятіе международаго права, какъ права всего человѣческаго рода. Источники международнаго права. Естественный и добровольный элементы въ международномъ правѣ. Позитивный и синтетическій характеръ доктрины Гроція. Различныя направленія, возникшія въ ученіи о всемірномъ правѣ въ послѣ-гроціанскую эпоху. 172—178.

Стр.

2. Естественно-правовое направленіе въ доктринѣ международнаго права. Кумберландъ. Естественный законъ—во всеобщемъ доброжелательствѣ. Право человѣчества. Боссюэтъ. Естественно-правовая, этическая связь между всѣми народами. Локкъ. Понятіе естественнаго закона. Естественное право—право естественнаго состоянія. Естественное состояніе—фикція. Отношенія между государствами—естественное состояніе. Состояніе войны, и политическое общество, какъ выходъ изъ него. Пуфендорфъ. Божественная воля—источникъ естественнаго права. Международное право—естественное право. Томазій (Лоримеръ). 178—188.

3. Дуалистическое направленіе въ воззрѣніи на международное право. Лейбницъ. Ученіе объ естественномъ и положительномъ элементахъ въ международномъ правѣ. Вольфъ (Давидъ Мевій). Раздѣленіе международнаго права у Вольфа. Civitas maxima и imperium universale. Школа Вольфа (Нетельбладтъ, Ваттель). Космополитическій идеалъ Лессинга. 188—193.

4. Школа раціональнаго всемірнаго права. Французскіе писатели вѣка просвѣщенія. Раціоналистическій гуманитаризмъ и космополитическій радикализмъ этихъ писателей. Фенелонъ. Школа физіократовъ. Ученіе Кенэ объ естественномъ правѣ. Идея международной солидарности. Всемірное публичное право (Шмидъ д'Авенштейнъ). Дидро. Гольбахъ. Мелье. Школа утилитаристовъ (Даламберъ, Сенъ-Ламберъ, Вольней). Монтескье. Позитивные и историческіе моменты въ его ученіи. Его двоякое воззрѣніе на естественное право. Положительное международное право. Раціональное международное право. Руссо. Въ чемъ принципъ политической жизни. Вопросъ объ естественномъ правѣ. Утвержденіе разумнаго права. Естественное состояніе и историческій процессъ. Раціоналистическое основаніе теоріи Руссо. Взглядъ Руссо на международныя отношенія. Кантъ. Общіе принципы раціональной теоріи Канта. Космополитическое право. Вліяніе раціоналистическаго теченія на науку международнаго права—въ смыслѣ отдѣленія ея отъ доктрины естественнаго права. 194—212.

5. Школа положительнаго международнаго права. Зёхъ, Рахель, Тексторъ, Бинкерсгукъ, Мозеръ, Юмъ. Новѣйшее позитивное направленіе. 212—217.

6. Историческая школа и идея всемірнаго права. Борьба націонализма исторической школы противъ идеи всемірнаго права. Побѣда идеи универсализма. Универсалистическіе моменты у корифеевъ исторической школы (Густавъ Гуго, Савиньи, Пухта). Защита идеи универсализма Іерингомъ. 217—222.

7. Соотношеніе между раціональными и историческими моментами въ современной школѣ науки международнаго права. Вопросъ о разумномъ правѣ и правѣ положительномъ. Положеніе естественнаго права. 222—225. 172—225

ГЛАВА VIII.

Основные принципы теоріи международнаго права.

1. Источникъ международнаго права. Критика теорій, видящихъ этотъ источникъ въ авторитетѣ отдѣльныхъ государствъ. Критика теоріи самообязываемости. Критика теоріи соглашенія Трипеля. Источникъ международнаго права—авторитетъ цивилизованнаго человѣчества. Значеніе международнаго договора. Субъектъ международнаго права. 226—232.

Стр.

2. Вопросъ о суверенитетѣ. Понятіе суверенитета. Природа власти. Суверенитетъ, какъ идея самоопредѣляющейся власти. Невозможность отказаться отъ идеи суверенитета. Господствующія ученія о суверенитетѣ. Суверенитетъ и государство. Эволюція суверенитета въ теченіе исторіи. Государство—несуверенный союзъ. Суверенитетъ человѣчества. 232—247.

3. Необходимость организаціи международнаго права. Организованное и неорганизованное право. Противорѣчія теорій, защищающихъ неорганизованное, анархическое международное право. Критика анархическаго права. Современное международное право—переходная ступень полу-культурнаго состоянія. Слабыя стороны въ современномъ практически-положительномъ направленіи международнаго права. 247—254. 226—254

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Международный федерализмъ.

ГЛАВА IX.

Международный федерализмъ до XVIII вѣка.

1. Идея международнаго федерализма въ древности. Федерализмъ въ платоновскомъ діалогѣ „Критіасъ". Идея общеэллинской организаціи у Аристотеля. Федерализмъ Полибія. Этолійская и ахейская федераціи. Симпатіи Полибія къ всемірной организаціи. 257—261.

2. Идея международнаго федерализма въ средніе вѣка. Развитіе идеи личной свободы, какъ основа федерализма. Федеративный характеръ феодальнаго средневѣковаго строя. Федеративный идеалъ средневѣковой политической мысли. Проектъ международной организаціи Пьера Дюбуа. Проектъ общеевропейской конфедераціи Георгія Подибрада. Взглядъ Макіавелли на достоинства федеративнаго строя. 261—270.

3. Идея международнаго федерализма въ ученіяхъ кальвинистовъ. Троякій интернаціонализмъ христіанской доктрины. Федерализмъ кальвинистскаго ученія. Эволюція взглядовъ Кальвина отъ анархизма къ федерализму. Федерализмъ монархомаховъ-кальвинистовъ. Памфлеты „De jure magistratuum in subditos" и „Vindiciae contra tyrannos." Международная солидарность по возрѣнію Морнэ. Другіе памфлеты этой эпохи. Альтузій. Боксгорній. Великій планъ Генриха IV. Федеративная организація общеевропейской республики. Проектъ международной организаціи Эмерика Крюсе. 271—285.

4. Религіозный федерализмъ у англійскихъ индепендентовъ XVII вѣка. Броунъ. Робинзонъ. Индепенденты. Квакеры. Проектъ Беллерса. Вліяніе индепендентскихъ идей на послѣдующія ученія. 285—290. 257—290

Стр.

ГЛАВА X.

Международный федерализмъ въ XVIII вѣкѣ.

1. Общій ходъ развитія идеи общечеловѣческой организаціи въ XVIII вѣкѣ. Юридическія теоріи о международной организаціи. Гуго Гроцій. Вольфъ. Зёчъ. Рахель. 291—292.

2. Гуманитарный федерализмъ аббата Сенъ-Пьера. Организація вѣчнаго союза европейскихъ государствъ. Цѣль этого союза. Основныя статьи федеративнаго договора. Компетенція союзнаго собранія. Значеніе проекта Сенъ-Пьера. Мнѣніе Вольтера. Мабли. Франкъ-масонскій федерализмъ. „Федералистъ". Международный федерализмъ во время французской революціи. Якобинскій имперіализмъ и жирондистскій федерализмъ. 293—301.

3. Метафизическій федерализмъ Лейбница. Идея общечеловѣческой организаціи, какъ выводъ изъ общефилософской системы Лейбница. Человѣчество, какъ Церковь Божія. Отношеніе религіознаго универсализма Лейбница къ средневѣковому универсализму. Имперіализмъ въ „Tractatus de jure suprematus". Анти-централистическіе идеалы Лейбница. Отношеніе Лейбница къ проекту Сенъ-Пьера. Изложеніе Лейбницомъ федеративной теоріи. 302—308.

4. Индивидуалистическій федерализмъ идеалистическихъ системъ. Руссо.—Значеніе идеи общественнаго договора въ соціальной философіи Руссо. Націонализмъ и анти-космополитизмъ Руссо. Его предпочтеніе небольшихъ государствъ. Въ основаніи международной организаціи—не общественный договоръ, а свободное конфедеративное соглашеніе. Государственный централизмъ и междугосударственный федерализмъ. Мнѣніе Руссо о мирной тактикѣ пацифизма. Кантъ.—Взаимныя отношенія государствъ—естественное состояніе. Гоббеистское воззрѣніе на естественное состояніе. Вступленіе въ правовой союзъ—моральный императивъ. Международная всемірная организація есть проблема исторіи. Съ точки зрѣнія разума—всемірная республика, на практикѣ—достаточно свободнаго федерализма. Фихте.—Первоначальный индивидуализмъ его воззрѣній. Его ученіе о союзѣ народовъ. Компетенція этого союза. Назначеніе человѣка. Націоналистическіе моменты въ развитіи Фихте. Конечный идеалъ Фихте—свободное Царство Божіе. Основныя черты идеалистическаго федерализма Руссо, Канта и Фихте. Противорѣчивые моменты въ этомъ направленіи. 308—326.

5. Индивидуалистическій федерализмъ утилитарной школы. Два основныя воззрѣнія на природу этики. Годвинъ. Основной принципъ—личный интересъ. Замѣна государствъ свободнымъ союзомъ небольшихъ общинъ. Взглядъ Годвина на патріотизмъ и на войну. Бентамъ. Ученіе о максимизаціи счастья. Всемірная симпатія и всемірная солидарность. Протестъ противъ войны. Проекты международнаго суда, федераціи и кодекса международнаго права. 326—334.

6. Соціологическій федерализмъ. Вико. Идея историческихъ законовъ. Стремленіе европейскихъ государствъ образовать аристократію, союзъ всѣхъ главъ государствъ. Монтескье. Достоинства федеративнаго государства. Кондорсе. Прогрессъ человѣчества въ направленіи къ образованію всемірной

Стр.

федерація. Федерализмъ Кондорсе. Гердеръ. Ученіе о націи, какъ о необходимомъ элементѣ единаго человѣчества. 331—342

7. Соціально-экономическій федерализмъ. Мерсье де-ля-Ривьеръ. Всеобщая конфедерація. Ученіе физіократовъ о всемірной экономической солидарности. Федерализмъ Шмида д'Авенштейна. Планъ международной федерації Тюрго. Интернаціоналистическій характеръ новѣйшаго экономическаго развитія. Дальнѣйшія судьбы соціалистическаго федерализма въ XIX вѣкѣ. 342—349. 291—349

ГЛАВА XI.

Основные вопросы международнаго федерализма.

1. Общій взглядъ на развитіе организованности человѣчества. Развитіе идеи политической организаціи человѣчества. Съ какихъ точекъ зрѣнія утверждается единство человѣчества. 350—353.

2. Вопросъ о формѣ политической организаціи человѣчества. Что такое политическая организація. Природа общественной власти. Степени организованности отъ аморфіи къ централизму. Форма организаціи находится въ зависимости отъ того или иного распредѣленія власти между цѣлымъ и частями. Вопросъ о суверенитетѣ. Аморфія. Природа конфедерализма. Природа федерації. Общія замѣчанія о разницѣ различныхъ формъ организованности. 353—367.

3. Нѣкоторые частные вопросы международной федерализмъ. Положеніе государства въ международной федерації и патріотизмъ. Положеніе націи въ международной федерації и національный принципъ. 367—374.

4. Неизмѣнный ходъ исторіи влекущей народы къ всемірной федерації. Высшая разумность идеи единаго человѣчества. 374—378. 350—378

Указатель цитированныхъ авторовъ. 379—386

ВВЕДЕНІЕ.

Авторъ предлагаемой читателю книги предпринялъ свое изслѣдованіе въ глубокомъ убѣжденіи, что однимъ изъ главныхъ и могучихъ орудій научнаго познанія является изученіе проблемъ въ ихъ историческомъ развитіи. Авторомъ неизмѣнно руководила мысль, что въ исторіи человѣческаго духа есть постоянное поступательное движеніе, что исторія міра есть не безмысленное круговращеніе и не простое колебаніе, подобное колебанію волнъ въ океанѣ, а органическое развитіе изначальныхъ, живыхъ силъ, что вселенная правится необходимыми законами, изъ которыхъ однимъ изъ наиболѣе вѣроятныхъ является законъ исторической эволюціи. Съ тѣхъ поръ какъ человѣческая мысль, отказавшись отъ религіознаго мистицизма, перестала смотрѣть на исторію человѣчества, какъ на утрату первоначальнаго совершенства и какъ на постепенное паденіе и отдаленіе отъ Бога, создавшаго міръ прекраснымъ и гармоничнымъ, она стала искать гармонію и совершенство въ концѣ исторіи, а не въ ея началѣ. Отсюда вѣра въ превосходство будущаго надъ прошлымъ. Идея прогресса и эволюціи есть величайшее пріобрѣтеніе человѣческаго разума за послѣдній вѣкъ, и авторъ, не выдѣляясь изъ общаго потока научной мысли, не нуждается, думается, въ особомъ оправданіи съ его стороны. Кондорсе и Кантъ, Гегель, Контъ и Спенсеръ исчерпали всю силу человѣческихъ доказательствъ въ пользу того, что исторія политическихъ обществъ управляется законами прогрессивнаго развитія, и было бы ненужной и горделивой попыткой снова взять на себя доказательство этой мысли.

Обращаясь къ объему, предѣламъ, методу и предмету частной задачи, поставленной себѣ авторомъ и являющейся лишь приложеніемъ указаннаго общаго научнаго принципа, авторъ считаетъ необходимымъ дать нѣкоторыя объясненія.

Съ точки зрѣнія признаваемаго авторомъ метода изслѣдованіе развитія идеи юридической организаціи человѣчества, поставленное во всей своей полнотѣ, должно было бы прослѣдить, какъ видоизмѣнялась и развивалась эта идея подъ вліяніемъ измѣненія всей исторической обстановки, какъ измѣненіе въ учрежденіяхъ и въ формахъ общечеловѣческихъ и международныхъ отношеній отражалось на измѣненіяхъ юридическихъ идей и политическихъ идеаловъ организаціи человѣчества.

Однако, предлагаемая работа не ставитъ вопроса во всей его широтѣ. Въ ней идея общечеловѣческой организаціи исторически изучается и юридически анализируется въ извѣстной искусственной изолированности, сама по себѣ, внѣ связи ея съ окружающими ее историческими условіями и внѣ соотвѣтствія ея запросамъ общественной жизни. Нельзя, конечно, не признать извѣстнаго основанія за тѣмъ возраженіемъ, выставляемымъ противъ такого метода, что идея берется обособленной отъ среды и такимъ образомъ какъ бы признается діалектическій, самостоятельный ростъ идеи. Но авторъ нисколько не намѣренъ становиться на такую метафизическую точку зрѣнія: если онъ не попытался связать ростъ интересующей его идеи съ ростомъ общечеловѣческихъ организованныхъ отношеній, то лишь въ силу сложности и почти невыполнимости такой задачи. Это значило бы написать всемірную исторію. Предлагаемая работа есть попытка собрать воедино и освѣтить одною общею мыслью многочисленныя положенія, высказывавшіяся въ различныхъ политическихъ теоріяхъ объ организаціи человѣчества. Такого рода сопоставленіе идей для выясненія общаго хода развитія опредѣленной теоріи дѣлалось не разъ и съ большимъ успѣхомъ и пользою. Классическій примѣръ представляютъ работы Гирке по исторіи корпоративной идеи въ древности и въ средніе вѣка и по исторіи естественно-правовыхъ государственныхъ теорій въ средніе вѣка и въ новое время. И, думается намъ, такая исторія идеи имѣетъ не только логическое и формально-юридическое, но и соціологическое значеніе и оправданіе. Идея есть одна изъ сторонъ единаго соціальнаго цѣлаго. Если обособленіе ея сопряжено съ извѣстною искусственностью, то эта искусственность есть почти непзбѣжное условіе всякаго изслѣдованія. Развѣ знаніе вообще не есть единое цѣлое, а изложеніе отдѣльной науки не нѣкоторое искусственное изолированіе?

Развѣ всякое общественное явленіе, всякій институтъ не есть часть единаго цѣлаго? Исторія всякой стороны единой нераздѣльной жизни въ извѣстной степени искусственна. Отрицая право на изолированное изображеніе опредѣленной идеи, надо послѣдовательно отрицать и обособленное изображеніе другихъ сторонъ соціальной жизни. Развѣ, напримѣръ, исторія государственныхъ формъ не подлежитъ тѣмъ же возраженіямъ, и государственныя формы не являются результатомъ сложнаго взаимодѣйствія разнообразныхъ факторовъ? Развѣ недопустима изолированная исторія, напримѣръ, хозяйственныхъ формъ потому лишь, что эти формы суть результатъ также и развитія идей? Цѣлостное научное изображеніе всей соціальной жизни (послѣдовательнѣе даже всей міровой жизни) есть, разумѣется, идеалъ знанія. Но выставить его, какъ методологическое требованіе, значитъ закрыть путь какому бы то ни было научному изслѣдованію и осудить науку на произвольныя и пустыя обобщенія. Впрочемъ этимъ мы нисколько не хотимъ отрицать пользы общихъ соціологическихъ конструкцій. Неудачные доселѣ соціологическіе опыты и построенія нисколько, по нашему мнѣнію, не говорятъ противъ права дѣлать подобныя построенія. Будучи научными гипотезами и являясь отраженіемъ геніальной интунціи, они могутъ служить плодотворнымъ руководящимъ маякомъ для отдѣльныхъ научныхъ изысканій. Разумѣется, при спеціальномъ изслѣдованіи нельзя упускать изъ виду общей связи всѣхъ явленій и становиться въ противорѣчіе съ исторической дѣйствительностью. Указаннымъ опредѣляются границы предлагаемаго изслѣдованія. Авторъ бралъ идею всеобщей организаціи человѣчества въ ея историческомъ развитіи и въ ея юридическомъ содержаніи; но въ исторіи этой идеи онъ разсматривалъ только чисто теоретическое развитіе ея въ политическихъ ученіяхъ, интересуясь при этомъ лишь общимъ вопросомъ организаціи человѣчества, лишь основными принципами этой организаціи, а не тѣми или другими деталями, разсчитанными, главнымъ образомъ, на немедленное практическое осуществленіе.

Начиная свое изслѣдованіе, авторъ нисколько не скрывалъ отъ себя трудности предпринятой задачи. Дать эволюцію извѣстной идеи значитъ привлечь громадное количество историческаго матеріала, погрузиться въ дебри всевозможныхъ контроверзъ, въ непроходимыя чащи разнообразныхъ перекрещивающихся доктринъ, надо изъ-

за деревьевъ не упустить лѣса, надо понять основной историческій смыслъ въ побѣдномъ ходѣ идеи, развивающейся въ эволюціи человѣческой мысли, надо схватить этотъ основной смыслъ, не потерявшись въ частностяхъ, но въ то же время всегда имѣя въ виду эти частности, дабы предполагаемая эволюція оказалась дѣйствительной, а не только воображаемой. Не лучше ли взять и изложить систему одного мыслителя или ограниченную небольшимъ періодомъ времени эпоху: результаты, конечно, будутъ въ этомъ случаѣ менѣе важны, выводы менѣе убѣдительны, но зато задача болѣе легка. Но въ этомъ случаѣ предъ авторомъ встало то же соображеніе, которое когда-то предстало Сенъ-Симону и Конту, пораженнымъ разъединенностью научныхъ знаній. Мысль человѣческая дифференцируется, распадается на обособленныя сферы, уходитъ во все болѣе тонкія развѣтвленія единой науки. Человѣческій разумъ теряетъ чувство научнаго пространства, въ которомъ онъ движется, теряетъ нерѣдко самую возможность ориентироваться въ своихъ изысканіяхъ. Частное изученіе каждой отдѣльной эпохи всегда имѣетъ въ виду добыть матеріалъ для общаго построенія, всякая система исторически изучается, чтобы опредѣлить ея мѣсто въ общей эволюціи человѣческаго знанія. Работникамъ науки, подобно путешественникамъ долины, нужно иногда подняться на вершины, дабы оттуда обозрѣть пространство, оставшееся позади и открывающееся впереди, порадоваться громадности уже пройденнаго и съ надеждою и бодростью увидѣть очертанія новыхъ путей.

Общій планъ историческихъ изысканій, чтобъ быть цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ, рисуется въ слѣдующемъ видѣ. Сначала дается, на основаніи перваго знакомства съ историческимъ матеріаломъ, общая картина историческаго развитія, указываются пути, намѣчаются основныя вѣхи; послѣ того, въ отдѣльныхъ частяхъ производятся монографическія работы, исправляются ошибки, пополняются пробѣлы, углубляются отдѣльные вопросы; когда же накопляется достаточное количество частныхъ выводовъ, дѣлается новая попытка дать общую концепцію исторической эволюціи. Получается нѣчто въ родѣ того, какъ пишется работа отдѣльнымъ человѣкомъ: сначала на основаніи перваго, непосредственнаго знакомства со всѣмъ подлежащимъ изслѣдованію матеріаломъ составляется общій планъ сочиненія и намѣчаются приблизительно его

руководящія идеи; потомъ производится детальная работа по отдѣльнымъ пунктамъ общаго плана; многое исправляется, почти все углубляется; и, наконецъ, все подлежитъ общей завершительной обработкѣ. Это—необходимыя стадіи работы. Нельзя производить монографическаго изслѣдованія по частнымъ вопросамъ, когда нѣтъ общаго плана и основныхъ руководящихъ идей, ибо такой трудъ рискуетъ остаться ненужнымъ и безполезнымъ. Автору этой книги приходилось производить свою работу, не имѣя предшественниковъ, и онъ можетъ съ сожалѣніемъ сказать о ней словами Овидія,—proles sine matre creatam. Никѣмъ не было дано изслѣдованія не только исторіи международнаго федерализма, но и исторіи вообще федерализма; автору пришлось поэтому итти по нерасчищеннымъ путямъ, по неразработанной почвѣ. Его единственной цѣлью было дать руководящій планъ другимъ изслѣдованіямъ, и для него будетъ высокимъ удовлетвореніемъ, если его работа окажется полезной для новыхъ изысканій въ такой интересной и важной области, какъ исторія федерализма.

Когда авторъ рѣшилъ посвятить свой трудъ изслѣдованію исторіи международнаго федерализма, имъ руководило сознаніе великой важности именно этой проблемы. Наша эпоха живетъ въ атмосферѣ федерализма, и теорія федерализма представляетъ собою самое жизнеспособное и полное блестящаго будущаго теченіе. Междугосударственная, государственная и соціальная жизнь являетъ безконечное множество всякаго рода федеративныхъ образованій. Международная жизнь мало-по-малу перестаетъ быть bellum omnium contra omnes, постепенно выходитъ изъ состоянія анархіи и полной аморфности и вступаетъ въ стадію союзной жизни. Всевозможные союзы, соглашенія, конвенціи, международные суды довершаютъ дѣло общечеловѣческаго объединенія. Рано или поздно, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, человѣчество объединится въ одну или нѣсколько обширныхъ конфедерацій. Въ настоящее время центральнымъ вопросомъ международнаго права является международный федерализмъ. Кто хочетъ понять глубокія трансформаціи, совершающіяся въ междугосударственной жизни, и уловить черты грядущей эпохи, долженъ уяснить себѣ природу международнаго федерализма. Обращаясь отъ общечеловѣческой жизни въ сферу государственную, мы видимъ, что федеративная форма

въ теченіе послѣдняго столѣтія торжествуетъ въ различныхъ странахъ. Утвердившись въ Соединенныхъ Штатахъ, она послужила образцомъ для государственнаго устройства Аргентины, Бразиліи, Венецуэлы и Мексики; въ Европѣ ей давно уже слѣдуютъ Швейцарія и Германія; Канада и Австралійская Община сложились по федеративному образцу; поставленъ вопросъ о федераціи всей Британской Имперіи; федеративное движеніе сильно въ Австріи. Наконецъ, независимо отъ этого, такъ сказать, территоріальнаго федерализма, развивается внѣ-государственное, соціальное федеративное движеніе. Современное общество охвачено глубокимъ ассоціаціоннымъ движеніемъ. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, роста солидарности людей между собой, а съ другой, усилившейся соціальной дифференціаціи, современный человѣкъ перестаетъ находиться въ состояніи одинокаго соціальнаго атома и соединяется съ другими людьми въ соціальныя ячейки. Образуются союзы и группировки, основанныя на общности профессіональныхъ, экономическихъ, промышленныхъ, международныхъ, научныхъ и т. п. интересовъ. Каждый изъ такихъ союзовъ представляетъ изъ себя родъ федераціи отдѣльныхъ индивидовъ; эти союзы стремятся соединиться въ свою очередь въ обширныя федераціи. Рѣзче всего это федеративное движеніе сказывается въ образованіи и объединеніи профессіональныхъ союзовъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современный міръ напоминаетъ собою эпоху передъ расцвѣтомъ среднихъ вѣковъ, когда человѣчество, путемъ широкаго развитія корпорацій и федерацій общинъ, вышло изъ многовѣковой анархіи и полу-аморфнаго состоянія въ періодъ болѣе широкой государственной и національной жизни. Федеративное движеніе на смѣну нынѣшней хаотической, неорганизованной, по истинѣ анархической экономической жизни хочетъ поставить стройную самоорганизацію производителей, объединеніе работниковъ одного производства въ корпоративные союзы и объединеніе всѣхъ этихъ союзовъ въ одну обширную конфедерацію, которая и явилась бы политической организаціей новаго міра. Кризисъ политическихъ наукъ, кризисъ государства, демократической идеи и парламентаризма, повидимому, находятъ свое разрѣшеніе въ принятіи теоріи федерализма. Со всѣхъ сторонъ, самыми спокойными изслѣдователями, менѣе всего чуждыми скороспѣлаго увлеченія, утверждается, что въ политической организаціи происходятъ глу-

бокія видоизмѣненія, и что современное государство должно утвердиться на новыхъ принципахъ, гдѣ всемогущество центральнаго парламента было бы ограничено и различныя отрасли правительственной и административной дѣятельности организованы по федеративному образцу.

Современное публичное право должно, повидимому, проникнуться идеей федерализма: международное право заняться проблемой построенія всемірной конфедераціи, государственное право—вопросомъ о децентрализаціи и введеніи въ государственный строй федеративнаго принципа территоріальнаго и личнаго характера, административное право — урегулированіемъ движенія къ корпоративному объединенію соціальныхъ силъ. Поскольку современное право забываетъ эту свою основную задачу, постольку оно остается чуждымъ дѣйствительнымъ запросамъ вѣчно волнующейся и развивающейся жизни, отстаетъ отъ хода исторіи и тѣмъ готовитъ въ нѣдрахъ общества грозные конфликты. Постепенно все болѣе и болѣе утверждается мысль, что федеративный принципъ представляетъ собою одно изъ наиболѣе совершенныхъ созданій политической жизни. Еще Монтескье говорилъ, что одна лишь федеративная система способна примирить преимущества большихъ и малыхъ націй, внѣшнюю силу монархіи и внутреннюю свободу республикъ, порядокъ и свободу. Она одна въ силахъ примирить прогрессъ личности съ ростомъ соціализаціи. Историческій процессъ заключается въ одновременномъ наростаніи общественной интеграціи и сопровождающей ее соціальной дифференціаціей. Усиливающееся раздѣленіе труда способствуетъ образованію разнообразныхъ общественныхъ группъ. Дать юридическое выраженіе этой дифференціаціи, этому образованію общественныхъ группъ можетъ лишь федерализмъ. Для жизни и нормальнаго развитія общества необходимо, чтобы между интеграціей и дифференціаціей постоянно сохранялось извѣстное равновѣсіе, необходимо, чтобы внѣшнюю юридическую организацію получало не одно центростремительное движеніе, но и центробѣжное. Какъ чрезмѣрное утвержденіе принципа децентрализаціи, политическаго раздробленія грозитъ превращеніемъ политической жизни въ хаосъ аморфныхъ отношеній, такъ и чрезмѣрная централизація, слишкомъ значительное усиленіе центральной власти ведетъ къ политической смерти,

такъ какъ централизація повсюду убивала личную свободу, уничтожала разнообразіе общественной жизни, а съ тѣмъ губила частную инициативу, эту живую силу, на которой зиждется всякое человѣческое общество, и такимъ образомъ легко переходила въ свою противоположность,—въ анархію. Федеративный строй имѣетъ еще то великое преимущество, что препятствуетъ установленію тираническаго правительства. Въ странѣ, построенной на федеративныхъ началахъ, невозможенъ государственный абсолютизмъ, ибо здѣсь центральная власть дѣйствуетъ не на отдѣльнаго индивида, а на могучія подъ часъ коллективныя единицы. Вездѣ, гдѣ получаетъ силу мысль, что право есть государственный законъ и государство можетъ дѣлать все, гдѣ власть централизована и всемогуща,—тамъ созданіе между индивидомъ и государствомъ промежуточныхъ политическихъ образованій должно противодѣйствовать абсолютистскимъ тенденціямъ. Но если во внутренне-государственной жизни федерализмъ долженъ явиться оздоравливающимъ коррективомъ чрезмѣрной централизаціи государственной власти, то, обратно, въ области международныхъ отношеній онъ имѣетъ задачей внести порядокъ и гармонію въ отношенія, носящія еще слишкомъ анархическій характеръ.

Настоящее изслѣдованіе посвящено лишь международной сторонѣ политическаго федерализма. Авторъ задался въ немъ цѣлью прослѣдить развитіе идеи юридической организаціи человѣчества. Его изслѣдованіе естественно распалось на три главныя части. Въ первой изслѣдуется универсалистическій идеалъ, во второй —теорія всемірнаго права и въ третьей—идея федеративной организаціи человѣчества. Мысль объ организаціи, обнимающей все человѣчество, развивалась не сама изъ себя, а параллельно росту самой организованности человѣчества. Единство есть та цѣль, къ которой стремятся люди съ самаго возникновенія человѣческихъ обществъ. Исторія знала два періода въ этомъ стремленіи осуществить единство человѣчества черезъ созданіе единой міровой организаціи. Первый періодъ можно назвать имперіалистическимъ; онъ обнимаетъ собою античную эпоху и первую половину среднихъ вѣковъ. Въ основѣ международныхъ отношеній лежало начало завоеванія. Уже на Востокѣ мы видимъ попытки созданія всемірныхъ монархій: Египетъ, Ассирія, Вавилонъ, Мидія и Персія пытались поочередно

установить всемірный юридическій порядокъ. Въ Греціи тоже, хотя и были замѣтны зародыши федеративныхъ идей, возобладали идеи имперіализма и стремленіе къ гегемоніи. Всемірная Македонская монархія была завершеніемъ этого греческаго имперіализма. Въ полномъ расцвѣтѣ этотъ послѣдній развернулся въ ростѣ Римской имперіи. Бюрократическій централизмъ, абсолютистское преувеличеніе принципа власти привели къ распаду возникшей было общечеловѣческой организаціи. Наступила частно-правовая и публично-правовая анархія, человѣческое общество разложилось на свои атомы. Имперіалистическая идея сохранилась, лишь какъ идеалъ человѣческаго устройства, оставшійся позади. Когда кончилась анархія аморфныхъ IX и X вѣковъ, народился новый міръ на новыхъ основахъ и начался другой періодъ въ исторіи общечеловѣческаго объединенія, федералистическій. Политическія теоріи сохраняютъ еще старый имперіалистическій идеалъ, но содержаніе жизни уже имъ не соотвѣтствуетъ. Соціальные атомы слагаются въ моллекулы,—общины и корпораціи; возникаютъ соціальныя тѣла—государства; въ жизнь проникаетъ и утверждается начало договора и покоющаяся на немъ политическая форма федераціи. Прекращеніе частно-правовой анархіи съ образованіемъ государствъ не устранило однако публично-правовой анархіи въ междугосударственной сферѣ. Поэтому международная организація на федеративныхъ началахъ дѣлается цѣлью соціально-политическихъ движеній и проблемой теоретической мысли.

Авторъ заканчиваетъ свое изложеніе теоріями конца XVIII вѣка. Для цѣльности изложенія онъ иногда указываетъ на наиболѣе яркіе и характерные моменты и въ XIX вѣкѣ; но дѣлаетъ это не съ цѣлью касаться теорій XIX вѣка, что не входило въ его намѣренія, а лишь для извѣстной законченности изложенія, дабы избѣжать впечатлѣнія произвольнаго обрыва, возникающаго въ концѣ изложенія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Античный и средневѣковый универсализмъ.

ГЛАВА I.

Античный космополитизмъ.

Идея юридической организаціи человѣчества, получившая свое полное развитіе въ новѣйшее время, не чужда была людямъ еще въ раннія эпохи исторіи.

Востокъ.

Уже въ жизни и въ доктринахъ древняго Востока можно открыть зачатки универсалистическихъ идей. Хотя доминирующей чертой Востока была національная исключительность, однако и среди этой исключительности неоднократно проявлялись проблески религіозно-нравственнаго космополитизма и политическаго универсализма [1]). Но, какъ правило, надо признать, что древне восточнымъ государствамъ свойственно было желаніе изолироваться отъ внѣшняго міра, и древне-восточныя религіи, въ общемъ, стояли на мѣстной, національной точкѣ зрѣнія. Интернаціонализмъ древняго Востока былъ случаенъ, и, насколько онъ проявлялся, онъ не оказалъ вліянія на дальнѣйшую исторію космополитическихъ идей. Лишь во времена развитія мессіанства, александрійской философіи

---

[1]) Подробно разработанъ вопросъ о международныхъ отношеніяхъ и воззрѣніяхъ древняго Востока у F. Laurent, *Histoire du droit des gens et des relations internationales*, vol. I. *l'Orient*, Gand, 1850; Müller Iochmus, *Geschichte des Völkerrechts im Alterthum*, Leipzig, 1848; Holtzendorff, *Handbuch des Völkerrechts*, 1, §§ 40—48; Cybichowski, *Das antike Völkerrecht*, Breslau, 1907. Уже у индусовъ имѣлись нѣкоторые зародыши космополитизма, и буддизмъ явился, какъ ученіе претендующее на универсализмъ (Laurent, *op. cit.*, т. I, стр. 153, 199). Патріархально-теократической религіи китайцевъ свойственно универсалистическое воззрѣніе, по которому богдыханъ, сынъ неба, долженъ быть повелителемъ всего человѣчества и установить союзъ между всѣми народами; вѣчный миръ есть идеалъ китайской философіи (Müller Iochmus, *op. cit.*, стр. 33—57, особ. 35—38). Въ самой государственной жизни древне-восточныхъ имперій часто проявлялось стремленіе ко всемірному распространенію, къ поглощенію всѣхъ народовъ въ единой имперіи.

и христіанства доктрина единаго человѣчества получила силу на Востокѣ, но это было уже въ эпоху римскаго владычества.

Греція

Настоящая непрерывная исторія идеи единаго человѣчества начинается лишь въ Греціи со временъ Сократа. Только въ философіи послѣдняго ученіе о космополитизмѣ поставлено было на сознательно-философскую почву. Досократовская философія занималась главнымъ образомъ космологическими вопросами, и объ этическихъ и политическихъ воззрѣніяхъ философовъ этой эпохи осталось слишкомъ мало свѣдѣній, чтобы можно было притти къ какому-нибудь заключенію относительно ихъ воззрѣній на международную жизнь [1]).

Софисты.

Первый ударъ мелкому патріотизму, національной исключительности и національнымъ предразсудкамъ, раздѣляющимъ человѣчество, нанесенъ былъ софистами [2]). Софисты строили свое политическое ученіе на теоріи силы. Государство и право суть созданія силы. Въ отношеніяхъ между людьми и народами царитъ право сильнѣйшаго. Теорія силы не является однако, какъ можно было бы съ перваго взгляда подумать, отрицаніемъ юридической организаціи человѣчества. Если съ одной стороны у послѣдующихъ сторонниковъ этой теоріи, какъ у Гоббеса и Спинозы, мы находимъ международный аморфизмъ, то у другихъ, какъ у марксистовъ, ясно требованіе всемірной организаціи. У самихъ софистовъ, въ особенности у позднѣйшихъ, эти теоріи выразились въ извѣстномъ

[1]) Можно однако предполагать, что Пиѳагору были не чужды идеи общечеловѣческой филантропіи. Въ организаціи своего общества онъ не дѣлалъ различія между греками и варварами. Iamblich. *Vita Pyth.*, c. 34 (241). Дружелюбіе и милость, которыя онъ проповѣдывалъ, должны были одинаково простираться и на грековъ и на иностранцевъ. Stob., *Flor.*, X, 37; Iamblich. *Vita Pyth.*, c. 33 (234—236). Зачатки космополитизма, отрицанія патріотизма находимъ мы и у Анаксагора. Никто упрекнулъ Анаксагора въ томъ, что онъ не думаетъ объ отечествѣ. „Смотри, вотъ мое отечество“, отвѣчалъ Анаксагоръ, указывая на небо. Ὅτε καὶ πρὸς τὸν εἰποντα, «οὐδέν σοι μέλει τῆς πατρίδος»; «Εὐφήμει», ἔφη, «καὶ γὰρ καὶ σφόδρα μέλει τῆς πατρίδος» δείξας τὸν οὐρανόν. Diog. Laert., II, 3, § 7; ср. также § 11 и Cicer., *Tuscul.*, I, 43.

[2]) См. діалоги Платона *Protagoras* и *Gorgias*; F. Horn, *Platonstudien*, т. I (1893), стр. 23—68, т. II (1904), 280—357; Hildenbrand, *Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie*, 1860, стр. 66—80.

стремленіи къ имперіализму. Софисты были прежде всего сторонниками и горячими проповѣдниками союза всѣхъ грековъ, они отрицали и высмѣивали мелкій провинціальный патріотизмъ отдѣльныхъ крохотныхъ республикъ, которыми кишѣла Греція [1]). Но они не останавливались и на союзѣ однихъ грековъ, а были приверженцами имперіалистической политики Филиппа Македонскаго [2]).

Космополитизмъ Сократа.

У Сократа этика впервые дѣлается предметомъ самостоятельнаго философскаго изслѣдованія, тогда какъ до него философы главное свое вниманіе сосредоточивали на натурфилософскихъ и логическихъ проблемахъ. Съ Сократа же надо вести начало исторіи идеи единаго человѣчества. У него и у его учениковъ не было настоящей любви къ отечеству. Космополитизмъ Сократа вытекалъ изъ самаго духа его ученія. Передъ его духовнымъ взоромъ носился другой, новый идеалъ. Гдѣ все судится передъ лицомъ разума, гдѣ ничто не обязательно потому лишь, что обычно, а все должно быть подвергнуто критикѣ разума и въ немъ найти свое оправданіе, какъ могъ сохранить свою силу ограниченный небольшимъ пространствомъ городской общины патріотизмъ? Общечеловѣческое отодвинуло все мѣстное на задній планъ. Сократъ считалъ, что κοινὴ πατρὶς ἀνθρώπων ἁπάντων ὁ κόσμος ἐστίν [3]).

---

[1]) Isocrates, *Panegyricus*, §§ 3, 15; Philostratus, *Vitae Sophistarum*, I, 9, 1—2 (о Горгіасѣ).

[2]) Philostratus, *Vitae Soph.*, II, 3.

[3]) Musonius, lib „Exilium non esse malum“ у Stob., *Serm.* 40, 7. По свидѣтельству Цицерона, Сократъ считалъ себя жителемъ и гражданиномъ цѣлаго міра. Socrates quidem cum rogaretur, cujatem se esse diceret, *mundanum*, inquit; totius enim mundi se incolam et civem arbitrabatur (Cic., *Tusc.*, V, 37). Тоже подтверждаетъ Плутархъ (Plut., *De exilio*, c. V). Целлеръ сомнѣвается въ достовѣрности этого утвержденія и не думаетъ, чтобы Сократъ могъ придерживаться космополитическихъ воззрѣній. По его мнѣнію, космополитизмъ былъ приписанъ Сократу позднѣйшими философами - космополитами. Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на платоновскіе діалоги Критонъ и Апологія, 37, с. f. [Zeller, *Die Philosophie der Griechen*, II, 1 (3 изд.). стр. 140]. Въ противоположность Целлеру, Гомперцъ справедливо считаетъ космополитизмъ характерной чертой политическаго ученія Сократа. Сократъ былъ и казненъ, какъ человѣкъ опасный національному идеалу. Друзья и ученики Сократа легко дѣлались чуждыми своему отечеству. Ксенофонтъ въ Персіи и Спартѣ, Платонъ въ Сиракузахъ легко акклиматизировались и чувствовали себя тамъ болѣе дома, чѣмъ у себя на родинѣ. Антисоенъ и Аристиппъ сознательно избѣгали государственной жизни, и въ школѣ Антисоена космополитизмъ почти предписывался мудре-

Сократомъ была разрушена національная исключительность. Въ основу всей этики имъ поставленъ былъ разумъ. За моралью разума послѣдовалъ вскорѣ культъ всемірнаго гражданства, космополитизма. За нимъ возникла всемірная имперія, за всемірной имперіей всемірная религія.

Сократическія школы.

Послѣ Пелопонесской войны космополитизмъ широко распространился среди грековъ [1]). При этомъ онъ развивался въ трехъ главныхъ направленіяхъ: или 1) онъ получалъ отрицательно-анархическій характеръ (у циниковъ), когда онъ являлся лишь отрицаніемъ всякой привязанности къ какому-нибудь государству, или 2) положительно-анархическій характеръ (у многихъ стоиковъ), когда онъ означалъ любовь и привязанность ко всѣмъ людямъ, какъ разумнымъ существамъ, или 3) имперіалистическій характеръ, когда онъ требовалъ соединенія всѣхъ народовъ въ единое государство и смотрѣлъ на человѣчество, какъ на единое цѣлое.

Учениками Сократа космополитическія идеи учителя были восприняты и развиты. Менѣе всего, изъ всѣхъ сократическихъ школъ, космополитизмъ выраженъ въ ученіи мегарской школы. Однако Стильпонъ, одинъ изъ представителей этой школы, выставлялъ независимость и свободу отъ внѣшнихъ условій, какъ свой идеалъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ, отрицаніе патріотизма и космополитическія идеи были въ извѣстной степени восприняты и имъ [2]).

Сильнѣе космополитизмъ былъ представленъ въ школѣ киренаиковъ, основанной ученикомъ Сократа Аристиппомъ изъ Кирены. Исходя изъ того положенія, что основой морали должно быть стремленіе къ удовольствію и наслажденію, Аристиппъ выше всего цѣ-

---

цу и сдѣлался господствующимъ принципомъ. Что во всѣхъ этихъ случаяхъ ученики слѣдовали по стопамъ своего учителя (т. е. Сократа), едвали кто-нибудь усомнится. См. Gomperz, *Griechische Denker*, т. II (1902), стр. 92—93. То же думаетъ и Laurent, *op. cit.*, II, 372—377.

[1]) Julius Kaerst, *Studien zur Entwickelung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum*, Leipzig, 1898; и *Die antike Idee der Oekumene in ihrer politischen und kulturellen Bedeutung*, Leipzig, 1903.

[2]) Stob., *Flor.*, XL, 8. — „въ изгнаніи изъ родины нѣтъ ничего дурного“.

нилъ личную свободу и потому не хотѣлъ принадлежать ни къ носителямъ власти, ни къ подчиняющимся ей; въ силу этихъ же основаній онъ не хотѣлъ быть членомъ какого-нибудь государства. Отсюда вытекалъ его отрицательно-анархическій космополитизмъ, стремящійся не къ созданію единой организаціи человѣчества, а къ освобожденію отъ всякой организаціи [1]). Ученикъ Аристиппа, Ѳеодоръ держался того же мнѣнія, что для мудреца отечество— міръ [2]).

Въ значительной степени изъ соединенія философіи Сократа и доктрины софистовъ родилась циническая школа. Циники порывали связь съ гражданскимъ обществомъ, отказывались отъ всякой заботы о собственности, избѣгали всякихъ семейныхъ узъ, не выбирали опредѣленнаго мѣста жительства, и не только стояли вдали отъ государственной дѣятельности, но даже, какъ «граждане міра» (κοσμοπολῖται), были равнодушны къ судьбамъ родного города и націи [3]). Основатель цинической школы Антисѳенъ полагалъ τῷ σοφῷ ξένον οὐδὲν οὐδ' ἄπορον [4]). Точно также ученикъ Антисѳена Діогенъ Синопскій на вопросъ, какой страны онъ гражданинъ, отвѣчалъ, что онъ κοσμοπολίτης [5]). Діогенъ считалъ, что въ мірѣ (ἐν κόσμῳ)

[1]) Объ отрицательномъ космополитизмѣ Аристиппа см. Xen., *Memor.*, II, 1, 8—13 и сл. [Аристиппъ говоритъ: „иностранецъ повсюду, ξένος πανταχοῦ εἰμι, я избѣгаю всякаго правительства"]; Stobaei, *Florilegium*, XL, 8.

[2]) Diog. Laert., II, 8, §§ 98—99 [εἶναί τε πατρίδα τὸν κόσμον]; S. Epiphanii. *Adversus haereses*, lib. III, t. II, § 1089 [ἔλεγε μίαν πατρίδα εἶναι τὸν κόσμον]. Объ индивидуалистическомъ космополитизмѣ киренаиковъ см. у Hildenbrand., *op. cit.*, стр. 502—504.

[3]) Voigt, *Jus naturale, aequum et bonum*. 1863. I, 102; Hildenbrand, *op. cit.*, 500 и сл.

[4]) Diog. Laert., VI, I, § 12. Ср. Stobaei, *Florilegium*, XLV, 28. Объ Антисѳенѣ имѣются свѣдѣнія, что онъ написалъ книгу Περὶ νόμου ἢ περὶ πολιτείας. Целлеръ высказываетъ предположеніе, что эта книга была написана въ духѣ коммунистическаго космополитизма. Подтвержденіе этому онъ видитъ въ томъ, что впослѣдствіи Зенонъ, основатель стоической школы, написавшій книгу о государствѣ и находившійся еще подъ вліяніемъ цинической школы, развивалъ такія же точно идеи. По мнѣнію Целлера Платонъ въ своей „Политіи" высказалъ многіе современные ему взгляды, и въ кн. II, 372, A и сл. онъ при изображеніи естественнаго государства имѣлъ въ виду Антисѳена. Zeller, *op. cit.*, II, 1, стр. 279. Ср. Gomperz, *op. cit.*, II, 92—93.

[5]) Diog. Laert., VI, 2, § 63.

можетъ быть только одно истинное государство (ὀρθὴν πολιτείαν) [1]). Не менѣе энергично и третій извѣстный представитель цинической школы Кратесъ выражался: Οὐχ εἰς πάτρας μοι πύργος, οὐ μία στέγη, πάσης δὲ γέρσου καὶ πόλισμα καὶ δόμος ἕτοιμος ἡμῖν ἐνδιαιτᾶσθαι πάρα [2]).

Въ оцѣнкѣ цинической космополитизма мнѣнія расходятся. Одни, какъ Целлеръ, видятъ въ немъ не концепцію солидарности и союза всѣхъ людей, а лишь заботу объ освобожденіи личности отъ узъ гражданской жизни и національныхъ границъ, лишь чисто отрицательную доктрину [3]). Съ этой точки зрѣнія, космополитизмъ циниковъ не былъ теоріей международныхъ отношеній. Онъ велъ лишь къ распаду и уничтоженію семьи и отечества. Наоборотъ, по противоположному мнѣнію Гомперца, эта отчужденность циниковъ не носила сознательно анархистскаго характера и не являлась въ глазахъ школы, какъ продолжительное и окончательное состояніе: идеаломъ циниковъ было всемірное государство. Путемъ къ этому послѣднему должно было явиться устраненіе всякихъ границъ, раздѣляющихъ человѣчество, будутъ ли онѣ имѣть племенное, сословное или національное основаніе. При этомъ всемірное государство циниковъ должно было быть построено на принципахъ просвѣщеннаго абсолютизма. Гомперцъ считаетъ вполнѣ основательнымъ предположеніе Плутарха, что Александръ Великій, основывая свою всемірную имперію, лишь осуществлялъ на практикѣ идеалы циниковъ.

Платонъ.

Космополитическій идеалъ, повидимому, менѣе всего изъ всѣхъ учениковъ Сократа былъ воспринятъ Платономъ. Политическія воззрѣнія послѣдняго явились протестомъ противъ современныхъ ему доктринъ. Въ то время какъ индивидуалистическія ученія софистовъ разлагали самыя основы античнаго общества, Платонъ стремился создать теорію, въ которой было бы укрѣплено общественное начало; въ то время какъ ученія циниковъ разрушали всякое государство и всякое отечество, Платонъ рисовалъ картины

[1]) Diog. Laert., VI, 2, § 72. Ср. Epictet., *Dissert.*, III. 24, § 60 (Діогену вся земля была отечествомъ). Тоже у Lucian., *Vitarum auctio*, § 8.

[2]) Diog. Laert, VI, 7, § 98: ср. тамъ же § 93 (ἔχειν πατρίδα ἀδοξίαν καὶ πενίαν). Ср. Plut., *De adulat.*, 28 (изгнаніе—не зло).

[3]) Zeller, *op. cit.*, II, 1, 277—279.

идеальной, изолированной, замкнутой въ своемъ патріотизмѣ общины [1]). Платонъ не хотѣлъ признать совершившейся въ это время эволюціи въ греческомъ мірѣ: демократизаціи и распада отдѣльныхъ греческихъ общинъ и образованія широкаго международнаго общенія. Онъ строилъ утопіи о возсозданіи отношеній, давно уже отошедшихъ въ прошлое. Какъ съ соціальной, такъ и съ международной точки зрѣнія, идеальное государство Платона носило для эпохи, когда жилъ Платонъ, реакціонный характеръ. Въ своихъ утопіяхъ о наилучшемъ государственномъ строѣ «Государствѣ» и «Законахъ», Платонъ не имѣлъ въ виду нарисовать идеальный политическій строй для всего человѣчества, а ограничивалъ свою задачу небольшой городской общиной, состоящей приблизительно изъ 5.040 семействъ. Онъ изолировалъ свое государство отъ внѣшняго міра, ибо сношенія съ чужими народами способствуютъ ассимиляціи чужихъ воззрѣній и нравовъ, а Платоновское государство построено было на неизмѣнномъ полицейскомъ строѣ [2]). Свое государство онъ помѣщалъ вдали отъ моря и окружалъ его высокими горами [3]). Жителямъ этого государства запрещались заграничныя путешествія, за исключеніемъ особо указанныхъ закономъ случаевъ [4]). Иностранцы не имѣли права натурализироваться въ государствѣ Платона [5]).

---

[1]) Pöhlmann, *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus*, т. I (Мюнхенъ, 1893). стр. 146—581; Gomperz, *op. cit.*

[2]) *De legibus*, IV. 704, C; V, 705, B; XII. 949, E; 950, A.

[3]) *Ib.* IV. 704, B.

[4]) *Ib.* XII, 950, E, 951, A.

[5]) *Ib.* VIII, 850, B, C. По пути, указанному Платономъ, слѣдовало большинство другихъ утопистовъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь подробно на международныхъ воззрѣніяхъ послѣдующихъ утопистовъ (интересующихся отсылаемъ къ нашей работѣ *Соціализмъ и интернаціонализмъ*, Москва, 1907, стр. 8—23). *Utopia* Томаса Мора, *Civitas Solis* Т. Кампанеллы, *Histoire des Sevarambes* Морелли и множество *voyages imaginaires* XVII и XVIII вв. построены на искусственномъ изолированіи идеальнаго государства отъ всего остального человѣчества. Утопизмъ, стремясь осуществить соціальную гармонію, всегда приходилъ къ созданію тѣсно замкнутыхъ союзовъ. Однако, не говоря уже о томъ, что практически эта мечта неосуществима, теоретически и принципіально она положительно нежелательна. Самое существованіе подобныхъ союзовъ можетъ покоиться лишь на подчиненіи отдѣльныхъ личностей мелочно-подробнымъ, разъ навсегда установленнымъ положеніямъ; отсюда—полицейскій характеръ государства и неизбѣжный консерватизмъ общественнаго строя. Въ государствѣ

Правда, въ началѣ своей неоконченной третьей утопіи, Атлантиды Платонъ пришелъ къ нѣсколько иному идеалу. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ князья Атлантиды вступили между собою въ родъ федеративнаго союза. Ихъ споры рѣшались на общемъ конгрессѣ; имъ запрещено было воевать другъ съ другомъ [1]). Конгрессъ рѣшалъ по вопросу о войнахъ и о другихъ общихъ дѣлахъ. Князья составляли нѣчто вродѣ охранительнаго священнаго союза; владѣнія каждаго князя охранялись общими силами союза [2]).

Аристотель.

Почти совершенно чуждымъ остался космополитизмъ также и ученію перипатетической школы. Аристотель не считалъ возможнымъ полнаго сліянія грековъ и варваровъ въ единомъ государствѣ. Онъ совѣтовалъ Александру Македонскому создать родъ личной уніи, въ которой Александръ являлся бы ограниченнымъ властителемъ по отношенію къ грекамъ и неограниченнымъ по отношенію къ варварамъ [3]). Но и у Аристотеля, въ особенности въ его Этикѣ, можно кон-

---

Платона мелочныя детали жизни подробно регулируются, и сохраняется рабство; на Утопіи Томаса Мора также сохраняются рабство, паспортная система, стѣснительныя условія для передвиженія, смертная казнь за народныя собранія для обсужденія общихъ дѣлъ; въ Солнечномъ градѣ Кампанеллы не знаютъ ни религіозной, ни политической свободы, теократическое правительство неограниченно царитъ надъ народомъ. Это стремленіе утопизма изолировать государство отъ внѣшняго міра проникнуто несомнѣннымъ реакціоннымъ характеромъ, такъ какъ подобное изолированіе шло бы въ разрѣзъ съ ходомъ всемірной исторіи, влекущей всѣ народы земного шара къ сближенію, солидарности и великому синтезу. Отрѣзать государства отъ внѣшняго міра, порвать всѣ внѣшнія связи, подобно тому какъ это долго пытался сдѣлать Китай, значило бы вернуться къ тому состоянію, которое уже пережито человѣчествомъ. Наконецъ, „не только должно, но и можно спасти только всѣхъ. Только тотъ идеальный типъ общественнаго устроиства можетъ считаться окончательнымъ и пріемлемымъ, который хочетъ дать выходъ и надежду всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, и только на этой основѣ можно строить свой общественный идеалъ". См. статью П. И. Новгородцева, *Два правовыхъ идеала* („*Научное Слово*", 1904 г., № 10).

[1]) *Critias*, 119, C, 120, E.—Платонъ разсказываетъ о религіозныхъ обычаяхъ, предшествующихъ судебнымъ засѣданіямъ конгресса.

[2]) Эти краткія строки изъ Критіаса являются одними изъ немногихъ въ античной литературѣ, гдѣ мы можемъ открыть первыя очертанія федеративныхъ идей. Подробнѣе см. ниже гл. VI.

[3]) Plut., *De fortuna Alex.*, I, 6. О возарѣніи Аристотеля на естественное неравенство человѣческаго рода см. у Carlyle, *A history of mediaeval political theory in the West*, т. I, Лондонъ, 1903, стр. 7.

статировать, хотя въ слабомъ очертаніи, идею общности всѣхъ людей. По его ученію, человѣкъ есть часть всего человѣчества; а послѣднее, въ свою очередь, понимается имъ, какъ государственноподобное коллективное цѣлое; человѣкъ призванъ принимать участіе въ жизни человѣчества, и обязанность его быть благорасположеннымъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ людямъ [1]). Въ этикѣ Аристотель говоритъ о солидарности, соединяющей государства (τὰς πόλεις συνέχειν ἡ φιλία).

Эпикурейская школа.

Въ такъ называемый этическій періодъ античной философіи изъ-за вліянія боролись двѣ школы: эпикурейская и стоическая.

Воззрѣнія эпикурейцевъ на международныя отношенія не заслуживаютъ особаго вниманія. Въ этой области они ограничивались чистымъ отрицаніемъ. Исходили они въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ изъ той идеи, что люди по природѣ злы, и потому естественна война всѣхъ противъ всѣхъ. Государство есть созданіе человѣческой воли. Общечеловѣческой солидарности не существуетъ; между разумными существами нѣтъ никакого природою даннаго общенія [2]). Эпикуръ говорилъ, что, какъ нѣтъ справедливаго или несправедливаго между животными, которыя не могутъ заключать между собою соглашеній о томъ, чтобы не причинять зла другъ другу, такъ все дозволено и между народами, когда

[1]) Aristot., *Ethic. Nic.*, I, 7, 1097 в., 5 и сл.; VIII, 1, 1155, a 3; VIII, 13, 1161 в, 5; Stob., *Ecl.*, II, 252—254; Cic., *Academ.*, 1,5,21 и *De fin.*, V, 23, 65. Если въ Аристотелевской этикѣ космополитическій моментъ стоитъ еще на заднемъ планѣ, то уже въ перипатетической школѣ, у его ученика Ѳеофраста, этотъ моментъ начинаетъ выдвигаться и пріобрѣтать значеніе. Porph., *De abst.*, III, 25. Ср. Zeller, *op. cit.*, II, 2. стр. 851 и 865; Bernays, *Theophrast Schrift über Frömmigkeit*, стр. 100 и сл.; Scala, *Die Studien des Polybios*, 1890, стр. 304.

[2]) Barth, *Stoa*, стр. 121. Аналогичныхъ взглядовъ еще ранѣе придерживался и Демокритъ, великій основатель матеріалистической теоріи, пришедшій въ области этико-политической къ теоріи чистаго эгоизма. Изъ этого вытекало у него анархическое отношеніе къ политической жизни—отрицательный анархизмъ. По мнѣнію Демокрита „ἀνδρὶ σοφῷ πᾶσα γῆ βατή; ψυχῆς γὰρ ἀγαθῆς πατρὶς ὁ σύμπας κοσμος“. См. Stobaeus, *op. cit.*, XL, 7. Впрочемъ Scala въ своей прекрасной книгѣ *Die Studien des Polybios* высказываетъ предположеніе, что Демокритъ, болѣе чѣмъ Сократъ, долженъ считаться представителемъ космополитизма въ до-александровскую эпоху; см. стр. 301. Ср. Bernays, *Phokion und seine neueren Beurtheiler*, Berlin, 1881, стр. 31, 112.

они не могутъ вступать въ соглашенія, или если и могутъ, но не хотятъ [1]).

Космополитизмъ стоиковъ.

Своего высшаго философскаго выраженія античный космополитизмъ достигъ въ ученіи стоиковъ [2]). Стоики въ значительной степени восприняли этику циниковъ, смягчивъ лишь ея примѣненіе и расширивъ ее. Мораль и политическіе взгляды стоиковъ покоились на ихъ основной идеѣ нравственнаго и органическаго единства міра. Все божеское и человѣческое есть единое цѣлое. Люди лишь отдѣльные члены этого великаго организма [3]). Стремленіе къ единству есть основной принципъ міра. Все стремится соединиться съ родственнымъ [4]). Отсюда, изъ этого природнаго единства міра и человѣчества, вытекаетъ нравственное требованіе всеобщей симпатіи ко всѣмъ людямъ, равенства всѣхъ людей, такъ какъ всякая душа есть часть божественной, всемірной души. Всѣ люди—братья другъ другу [5]). Вселенная, по ученію стоиковъ, руководится божественнымъ провидѣніемъ; она есть какъ бы общій градъ, государство людей и боговъ, и каждый составляетъ часть этого міра. Отсюда законъ, требующій предпочтенія нашего личнаго блага общей пользѣ [6]). Вселенною правитъ божественный разумъ. Этотъ разумъ есть осно-

---

[1] Diogen. Laert., *op. cit.*, X. 150. Сенека видѣлъ разницу между политическими взглядами Эпикура и Зенона въ томъ, что Эпикуръ принципіально (*ex proposito*) рекомендовалъ удаленіе отъ государственной жизни, Зенонъ же лишь условно (*ex causa*), если государственный строй не отвѣчаетъ разуму. (Sen., *De otio*, III, 2). Примѣчательно во многихъ отношеніяхъ сходство международныхъ воззрѣній эпикурейцевъ съ тѣми, которыя впослѣдствіи были предложены Гоббесомъ. Ср. A. Haass, *Ueber den Einfluss der epikureischen Staats—und Rechtsphilosophie auf die Philosophie des 16 und 17 Jahrhunderts*. Berlin, 1896 (Dissertation).

[2] См. Zeller, *Philosophie der Griechen*, III, 1; Barth, *Die Stoa*, Stuttgart, 1903; H. A. Winckler, *Ein Beitrag zur Geschichte des Stoicismus*, Leipzig, 1878 (особ. 34 — 41 стр.); Bonhöffer, *Die Ethik des Epiktets*, Stuttgart, 1894, стр. 92 и сл.; Voigt, *Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Römer*, Leipzig, 1856, (особ. I, 133 и сл. 237 и сл.); Gierke, *Das deutsche Genossenschaftsrecht*, Berlin, 1881, III, 26 — 28; Laurent, *Histoire*, II, 414—418, III, 431—488; Hildenbrand, *Geschichte und System der Rechts— und Staatsphilosophie*, стр. 511—512.

[3]) Seneca, *Ep.*, 95, 52.

[4]) M. Aurelius, *Commentarii*, VII, 9.

[5]) См. особенно Epiktet., *Dissert.*, I, 3, 2; II, 8, 11; III, 22, 96.

[6]) Cicero, *De fin.*, III, 19.

ваніе естественнаго права, регулирующаго жизнь всего человѣчества.

Признавая общеніе между всѣми людьми, стоики простирали его на весь міръ и отстаивали идею солидарности всего человѣческаго рода [1]). Эта общечеловѣческая общность, по мысли стоиковъ, должна выразиться въ единой организаціи; поэтому стоики обыкновенно склонны были игнорировать фактически существующія государства и признавать лишь одно государство,—весь міръ, царство Божіе, Διὸς πόλις. По справедливому мнѣнію Целлера, положительной стороной стоической политической философіи былъ космополитизмъ. Ни одна изъ прежнихъ системъ не въ состояніи была вполнѣ преодолѣть національной исключительности, и даже Платонъ и Аристотель раздѣляли общій эллинскій предразсудокъ по отношенію къ варварамъ; только циники дѣйствительно являлись предшественниками стоиковъ, считая принадлежность къ отдѣльному государству ничтожной по сравненію съ всемірнымъ гражданствомъ; но, съ одной стороны, эта идея не получила у нихъ культурно-историческаго значенія, какое она пріобрѣла впослѣдствіи, съ другой стороны, она обозначала у нихъ лишь отрицательную мысль о независимости философа отъ родины и отечества, а не положительную о реальной общности и связанности всѣхъ людей между собою. Только стоическая философія наполнила мысль о всемірномъ гражданствѣ положительнымъ содержаніемъ и сдѣлала ее плодотворной [2]).

Зенонъ.

Основатель стоической школы Зенонъ написалъ книгу о политикѣ, въ которой развилъ космополитическій идеалъ [3]). Объ этой книгѣ Плутархъ писалъ: «Существуетъ планъ республики, предметъ всеобщаго удивленія, принадлежащій Зенону, основателю стоической секты. Эта организація имѣетъ одну основную цѣль, именно, чтобы мы жили не въ городахъ и общинахъ (κατα δήμους), находящихся подъ особыми законами, а чтобы смотрѣли на всѣхъ людей, какъ на своихъ согражданъ и членовъ одного государства (δημότας καὶ πολίτας), чтобы былъ одинъ родъ жизни, какъ есть

---

[1]) См. Zeller, *op. cit.*, III, 1, 285—7, 299 и сл.

[2]) Zeller, *op cit.*, III, 1, стр. 298.

[3]) Pearson, *The Fragments of Zeno and Kleanthes*, London, 1891 (особ. fr. 162 и 171). Ср. Pöhlmann, *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus*, München, I, стр. 610—618.

одинъ міръ (εἰς βίος . καὶ κόσμος), чтобы человѣчество было подобно стаду, подчиняющемуся общему закону... ὥσπερ ἀγέλης συνόλου νόμῳ κοινῷ συντρεφομένης». Таковъ былъ планъ Зенона [1]. Въ томъ же направленіи развивался космополитизмъ и другими стоиками перваго періода, Клеанѳомъ и Хризиппомъ, а также и Средней Стои [2].

Цицеронъ.

Стоическія идеи объ общечеловѣческой нравственной солидарности и о всемірномъ естественномъ правѣ были приняты и блестяще изложены Цицерономъ [3]. По ученію Цицерона (въ чемъ ему служилъ образцомъ Аристотель), стремленіе къ общественности приводитъ людей къ общенію, которое отъ наиболѣе простой формы семьи, черезъ государство, возвышается до *societas hominum*, союза человѣчества, и до *societas hominum atque deorum*, мірового общенія [4]. Это всемірное общеніе людей проявляется въ двухъ направленіяхъ: какъ чисто моральное чувство любви и милости ко всѣмъ людямъ, ко всему человѣческому обществу, и какъ юридическое единство подъ властью единаго естественнаго права. Моральное единеніе всѣхъ

---

[1] Plut., *De Alex. fort.*, I, 6. Александръ Македонскій приложилъ теорію на практикѣ. Плутархъ говоритъ, что, несмотря на сѣтованія Аристотеля, Александръ не различалъ варваровъ и грековъ.—онъ желалъ, что его миссія организовать и примирить всѣ народы во вселенной. Ср. Chrysost., *Homil. I in. Math.*, 4. Οὐ γὰρ καθάπερ Πλάτων ὁ τὴν κατάγελαστον ἐκείνην πολιτείαν συγγεὶς καὶ Ζήνων καὶ εἴ τις ἕτερος πολιτείων ἔγραψεν ἢ νόμους συνέθηκεν.

[2] О Клеанѳѣ см. Pearson, *op. cit.*, стр. 117. Хризиппъ опредѣлялъ міръ (κόσμος), какъ систему боговъ и людей (Bonhöffer, *op. cit.*, II, 93). Объ универсализмѣ Хризиппа см. Diog. Laert., VII, §§ 87—88. Объ идеяхъ космополитическаго государственнаго и правового общенія у Хризиппа см. Cicero, *De fin.*, III, 20, 67; Marc. lib. I, *Instit.* I, 2 D. de leg. 1, 3). Подробности о политическомъ ученіи философовъ Средней Стои см. Schmekel, *Die mittlere Stoa*, Berlin, 1892, стр. 356 и сл. Ученикъ стоика Аристона александрійскій ученый Эратосѳенъ отрицалъ дѣленіе человѣчества на эллиновъ и варваровъ. Plut., *De Alex. fort.*, 329a; Strabo, I, 4, 5.

[3] Voigt, *op. cit.*, I, 176—226, 238 и сл.; Hildenbrand, *op. cit.*, стр. 537—593; Carlyle, *A history of mediaeval political theory in the West*, т. I, Лондонъ, 1903, стр. 6—13.

[4] *De republ.*, I, 25; *De off.*, I, 17 (человѣчество — *immensa societas humani generis*, распадающееся на различные союзы, *gradus plures*); *De fin.* III, 64 (*mundus est quasi communis urbs et civitas hominum et deorum*); *De off.*, III, 5—6 (*societas humani generis*); *De off.*, III, 17 (69) (*societas enim est..., latissime quidem quae patet, hominum inter homines; interior eorum, qui ejusdem gentis sunt; propior eorum, qui ejusdem civitatis*).

людей сказываетъ въ *caritas generis humani*: эта *caritas* начинается отъ родительской любви и постепенно распространяется на городъ, государство, союзъ государствъ и наконецъ на весь человѣческій родъ [1]). Теорія всемірнаго естественнаго права развивается Цицерономъ слѣдующимъ образомъ: нѣтъ ничего выше разума; разумъ проявляется лишь въ Богѣ и людяхъ, является первой связью между человѣкомъ и Богомъ; гдѣ же есть общеніе разума, тамъ есть общеніе и справедливаго разума. Справедливый же разумъ — это законъ. Итакъ законъ есть, между людьми и богами, общественная связь. Гдѣ же есть общеніе закона, тамъ есть и общеніе права, и всѣ тѣ, между которыми есть это общеніе, должны считаться гражданами единаго града, въ особенности, если они повинуются одной и той же власти. Люди же повинуются божественному духу, всемогущему Богу; поэтому можно смотрѣть на вселенную, какъ на общее государство боговъ и людей [2]).

Столь же возвышенъ былъ космополитизмъ и Сенеки [3]). Подобно Цицерону, Сенека видѣлъ основаніе космополитизма въ духѣ, въ разумѣ человѣческомъ, не знающемъ границъ. «Есть нѣчто, говоритъ онъ, великое и благородное въ душѣ человѣческой: она не полагаетъ себѣ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя общи ей съ самимъ божествомъ. Оно не признаетъ ничтожнаго отечества, вродѣ Эфеса или Александріи, какъ бы ни многочисленны были его жители, какъ бы ни радостны были его жилища; его отечество—тотъ обширный кругъ, который опоясываетъ вселенную, этотъ сводъ, подъ которымъ простираются моря и земли» [4]). Такой космополитизмъ не приводилъ Сенеку, какъ и остальныхъ стоиковъ, къ всеобщему аморфизму, къ распыленію общества на отдѣльныхъ индивидовъ, къ анархическому идеалу. Человѣческій родъ и общество понимались не какъ механическое соединеніе индивидовъ-атомовъ,

Сенека.

---

[1]) Cic., *De fin.*, V, 23; ср. *De legibus*, I, 23 (61) (Кто обратитъ взоръ свой на жизнь вселенной, тотъ *se non unius circumdatum moenibus loci, sed civem totius mundi, quasi unius urbis, agnoverit*).

[2]) Cic., *De legibus*. I. 7 (23), тоже III. 1 (3).

[3]) См. Carlyle, *A history of mediaeval political theory in the West*, т. 1, стр. 20—23.

[4]) Seneca, *Epistolae*, 102. Ср. *Consolatio ad Helviam*, IX; *De otio sapientis*, 31.

а какъ единое цѣлое, солидарное въ своихъ частяхъ. «Я могу въ немногихъ словахъ, говоритъ Сенека, слѣдующей общей формулой обозначить обязанности человѣчности: Этотъ міръ, который ты видишь и въ которомъ заключена какъ божественная такъ и человѣческая природа, единъ; мы — члены великаго цѣлаго (*membra sumus corporis magni*). Природа, творя насъ изъ одинаковыхъ элементовъ и для общихъ цѣлей, сдѣлала насъ родными; она соединила однихъ съ другими взаимной привязанностью и сдѣлало насъ общежительными. Наше общество похоже на сводъ, который палъ бы, если бы его различныя части не поддерживали взаимно другъ друга» [1]). Среди человѣческихъ обязанностей на первомъ планѣ стоятъ обязанности по отношенію къ человѣческому роду [2]). Понятно, что войны должны быть уничтожены и установленъ всеобщій миръ [3]).

Эпиктетъ.

Окончательное свое выраженіе стоическій космополитизмъ нашелъ въ ученіи Эпиктета и Марка Аврелія. Нравственная сторона космополитизма развита была особенно Эпиктетомъ [4]). По словамъ этого мыслителя, изъ философскаго положенія, что люди родственны Богу, слѣдуетъ, что на вопросъ, «изъ какой ты страны», надо отвѣчать не: «я—аѳинянинъ, или я—коринѳянинъ», а подобно Сократу: «я—гражданинъ міра (κοσμίος)». Въ самомъ дѣлѣ, почему ты изъ Лѣнъ, а не изъ того небольшого угла, гдѣ твое жалкое тѣло было рождено? Не ясно ли, что если ты называешь себя аѳиняниномъ или коринѳяниномъ, то лишь потому, что даешь себѣ имя по средѣ болѣе обширной, обнимающей не только этотъ небольшой уголъ и твой домъ, но и то болѣе широкое пространство, изъ котораго вышла вся твоя семья? Почему же тотъ, кто уразумѣлъ законы міра и знаетъ, что изъ всѣхъ семей самая великая, обширная и важная есть семья, состоящая изъ людей и Бога, и что Богъ бросилъ свое сѣмя не только въ его

---

[1]) Senec., *Epistol.*, 95.

[2]) *De Benef.*, VII, 19; см. также *De ira*, II, 31. Гнѣвъ не допустимъ даже по отношенію къ иностранцамъ. Преступно предать отечеству, слѣдовательно, и согражданину, такъ какъ послѣдній лишь часть отечества; если цѣлое почитаемо, то и часть его священна; то же надо сказать и вообще о человѣкѣ, какъ какъ онъ согражданинъ великой всечеловѣческой общины.

[3]) *De clement.*, I, 26; *Epistol.*, 96; *Quaest. nat.*, III, V, 18; *De vita beata*, XX.

[4]) A. Bonhöffer. *Die Ethik des Epiktets*, Stuttgart, 1894.

отца или дѣда, а во всѣ существа, рождающіяся на землѣ, и въ частности въ существа разумныя (такъ какъ они одни могутъ вступать въ отношеніе къ Богу, съ которымъ они соединены разумомъ), почему, спрашивается, такой человѣкъ не можетъ отвѣтить: «я—гражданинъ міра, такъ какъ я сынъ Божій»? [1]). Въ другомъ мѣстѣ Эпиктетъ говоритъ: «Ты—гражданинъ міра, ты—часть вселенной (πολίτης εἶ τοῦ κόσμου καὶ μέρος αὐτοῦ). Какова же обязанность твоя, какъ гражданина? — Не справляться со своею частной пользой, какъ будто она отлична отъ общественной, но дѣйствовать подобно тому, какъ рука или нога, если бы онѣ могли разсуждать и понимать организацію природы, управляли бы всѣми своими движеніями и всѣми своими желаніями по соображенію со всѣмъ тѣломъ. Цѣлое должно стоять выше части, община—надъ гражданиномъ» [2]). Причина войнъ есть незнаніе блага; чтобы установить дружбу между людьми и союзъ между народами, надо научить ихъ, что благо зависитъ не отъ внѣшнихъ вещей, а отъ нашего моральнаго самоусовершенствованія. Войны происходятъ лишь отъ ослѣпленія [3]).

Маркъ Аврелій.

Гораздо болѣе политическій характеръ получила космополитическая доктрина у Марка Аврелія [4]). Маркъ Аврелій исходилъ изъ того основного положенія, что всѣ вещи въ мірѣ согласованы между собою, приведены къ единству и способствуютъ порядку вселенной. Въ своемъ единствѣ міръ заключаетъ всѣ существа безъ изъятія. Богъ, все проникающій, единъ; субстанція едина; единъ законъ: разумъ, проявляющійся въ разумныхъ существахъ, имъ общъ; истина также едина [5]). Надо возвыситься до почитанія разумнаго, всемірнаго, общественнаго духа [6]). Въ своихъ дѣйствіяхъ надо руководиться стремленіями своей природы, но при этомъ выше всего надо всегда ставить природу разумнаго существа. Разумное же существо есть въ то же самое время существо созданное для общества [7]). Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, каждый долженъ

---

[1]) *Dissert.*, I, 9.

[2]) *Op. cit.*, II, 22.

[3]) *Op. cit.*, II, 22, 22. Эпиктетъ не признавалъ даже, что война можетъ быть необходима для охраны народной чести. *Op. cit.*, III, 22, 36.

[4]) „Τὰ εἰς ἑαυτόν“ (*Commentarii libri* XII).

[5]) *Op. cit.*, VII, 9.

[6]) *Ib.*, VI, 14.

[7]) *Ib.*, X, 2.

поступать такъ, какъ если бы онъ составлялъ съ ними часть одного общества [1]). Только тѣ дѣйствія отвѣчаютъ разумной природѣ, которыя руководятся соображеніями общаго интереса [2]). Всѣ существа, надѣленныя разумомъ, составляютъ единую семью, и надо любить всѣхъ людей безъ исключенія [3]). Человѣкъ соединенъ съ человѣческимъ родомъ тѣснымъ родствомъ, идущимъ не отъ общности крови или расы, а отъ общности разума [4]). Всякій человѣкъ есть лишь восполненіе общественнаго тѣла, и поэтому всѣ его дѣйствія должны руководиться соображеніями восполненія соціальной жизни и сохраненія ея единства [5]). Мы всѣ созданы, чтобы содѣйствовать общему дѣлу, подобно тому, какъ нашему тѣлу содѣйствуютъ его отдѣльные члены. Дѣйствовать другъ противъ друга значитъ поступать противъ естественнаго порядка [6]). Каждое индивидуальное существо есть членъ одного общаго организма, членъ семьи разумныхъ существъ [7]). Основное стремленіе человѣка заключается въ стремленіи къ общественности, и потому каждый долженъ въ своей дѣятельности служить цѣлому [8]). Маркъ Авреліи возводилъ стремленіе къ единенію, къ общественности на положеніе общаго, мірового, космическаго закона [9]). Стремленіе къ общежитію дано самимъ разумомъ. Человѣкъ сознаетъ себя частью цѣлаго. Есть лишь одинъ свѣтъ солнца, хотя онъ и свѣтитъ на милліоны предметовъ. Существуетъ лишь одна субстанція, хоть она и раздѣляется на тысячи тѣлъ. Есть лишь одна жизнь, хоть она и распредѣляется на многообразныя существа и выражается въ разнообразныхъ формахъ. Существуетъ лишь одинъ разумный духъ, разсѣянный въ безконечности. Все многообразіе вселенной проникнуто стремленіемъ къ единому центру, и люди должны стремиться къ единенію между собою [10]). Всѣ люди, какъ разумныя существа, образуютъ единое коллективное цѣлое. Разумъ общъ всѣмъ людямъ, а такъ какъ онъ есть основаніе закона, то и законъ общъ для всѣхъ; вслѣдствіе этого всѣ люди, находясь подъ дѣйствіемъ единаго закона, являются согражданами, членами единаго правительства. Изъ этого можно заключить, что

[1]) *Ib.*, VI, 23. [2]) *Ib.*, VIII, 7. [3]) *Ib.*, III. 4. [4]) *Ib.*, XII, 26. [5]) *Ib.*, IX, 23. [6]) *Ib.*, II, 1. [7]) *Ib.*, VII. 13. [8]) *Ib.*, IX, 23 и VII, 55. [9]) *Ib.*, IX, 9. [10]) *Ib.*, XII, 30. Здѣсь мы видимъ тотъ *argumentum unitatis*, которымъ впослѣдствіи постоянно будутъ оперировать средневѣковые писатели, обосновывая свои универсалистическій идеалъ.

весь міръ есть лишь единое обширное государство (ὁ κόσμος ὡσανεὶ πόλις ἐστί) [1]). «Мое государство, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Маркъ Аврелій, мое отечество, какъ Антонина, есть Римъ; но поскольку я человѣкъ, мое отечество—міръ; для меня нѣтъ другого блага, кромѣ того, что полезно различнымъ государствамъ, часть которыхъ я составляю» [2]). Человѣкъ есть гражданинъ высшаго, обнимающаго все человѣчество государства, по отношенію къ которому частныя государства подобны домамъ единаго города [3]).

Космополитизмъ римскаго права.

Универсалистическая идея нашла свое политическое осуществленіе въ Римской имперіи, которая объединила все извѣстное тогда человѣчество въ единую юридическую организацію. Идеаломъ Рима, противопоставленнымъ аморфизму варваровъ, была всемірная организація человѣчества, всемірный правовой порядокъ, поддерживаемый единымъ закономъ. Одной изъ основныхъ римскихъ идей была всеобщая денаціонализація; эта идея неизбѣжно влекла за собою идею нѣкотораго равенства всѣхъ свободныхъ подданныхъ. Римскіе жрецы во времена имперіи совершали жертвоприношенія не отъ имени какой-либо секты, а отъ всего человѣческаго рода [4]). Предполагалось, что римская держава есть окончательная организація человѣчества, что она—вѣчное государство, и что ею осуществленъ вѣчный миръ (*pax romana*) [5]).

Человѣчество организовалось въ видѣ единой имперіи. Соотвѣтственно этому, нормы, которыми регулировалась совокупная жизнь человѣчества, вылились въ форму всемірнаго, космополитическаго права, а не въ форму международнаго права, построеннаго на федеративномъ началѣ соглашенія [6]). Понятіе *jus gentium*, возни-

[1]) *Ib.*, IV, 4.

[2]) *Ib.*, IV, 44.

[3]) *Ib.*, III. 11.

[4]) Beugnot, *Histoire de la destruction du paganisme en Occident*, Paris, 1835, стр. 327.

[5]) Вѣра въ вѣчность Рима была господствующей во времена римскаго господства. См. слова Лактанція, Тертулліана. а также поэтовъ и писателей I-го вѣка Римской Имперіи у Брайса, *Священная Римская Имперія*, стр. 15—16. О планѣ императора Пробуса осуществить вѣчный миръ см. Vopiscus, *Florian.*, с. 3; ср. Laurent. *op. cit.*, III, 417—418.

[6]) Walker, *A history of the law of nations*, Cambridge, 1899, §§ 28—29, 37—38, 44. Ср. Ward, *An Enquiry into the foundation and history of the Law of nations*, т. I-й, гл. 4 (*That the law of nations is not the law of the world*) и гл. 6.

кающаго изъ правовой общности различныхъ народовъ, строилось римскими юристами не на федеративномъ принципѣ внѣшне организованнаго союза, а на стоической идеѣ внутренняго единства человѣческаго рода и вытекающаго отсюда совпаденія, согласія различныхъ юридическихъ положеній [1]). *Jus gentium*—это то право, которое *naturalis ratio inter omnes homines constituit* и которое *apud omnes peraeque custoditur*. Однако это установленіе есть индивидуальное дѣйствіе каждаго народа, а не солидарное соглашеніе или волеизъявленіе народовъ, какъ коллективнаго цѣлаго. Эта послѣдняя идея, изъ которой выросло международное право, возникла лишь впослѣдствіи, въ средніе вѣка и въ новое время [2]). Хотя въ первый періодъ своей исторіи Римъ и зналъ междугосударственное право, о чемъ въ Дигестахъ остались кой-какіе слѣды, въ родѣ отрывковъ о правѣ войны и посольства (D. L. 49, 15; 50, 7), однако, когда Римъ сдѣлался *dominus mundi*, отношенія между различными народами стали регулироваться началами общаго римскаго права.

Юридическій универсализмъ Рима слишкомъ общеизвѣстный фактъ, чтобы представлялась необходимость останавливаться на немъ съ большею подробностью. Универсализмъ этотъ прекрасно формулированъ Іерингомъ въ начальныхъ словахъ «Духа римскаго права»: «Три раза Римъ диктовалъ міру законы, три раза онъ служилъ соединяющимъ началомъ между народами: сначала единствомъ *государства*, когда римскій народъ еще былъ въ расцвѣтѣ своего могущества; потомъ, послѣ паденія Римской имперіи, единствомъ *церкви*, и, наконецъ, въ третій разъ, единствомъ *права*, послѣ рецепціи римскаго права въ средніе вѣка... Достаточно одного слова, чтобы опредѣлить всю важность миссіи Рима во всемірной исторіи:

---

[1]) Just. inst. I, 2; Gaj. *Inst.* I, 1; Ulp., l. 4. § 4 Dig. I, 1.

[2]) Въ наши намѣренія вовсе не входитъ разбирать здѣсь вопросъ о природѣ и взаимоотношеніи римскаго *jus gentium* и *jus naturale*. См. *Voigt*, *Die Lehre vom jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Römer*, Leipzig, т. 1-й, 1856; 2-й. 1858;—Н. П. Боголѣповъ, *Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ римской классической юриспруденціи*, М., 1876. Мы склоняемся къ мнѣнію, считающему, что „понятіе о естественномъ правѣ у римскихъ юристовъ было довольно сбивчивымъ и шаткимъ: они то отличали естественное право (jus naturale) отъ общенароднаго (jus gentium), то отожествляли то и другое". Подробнѣе см. ниже гл. V.

Римъ представлялъ тріумфъ идеи *всемірности* надъ принципомъ національности» [1]).

Религіозный космополитизмъ.

Наряду съ нравственно- философскимъ и юридическимъ универсализмомъ выросъ и религіозный космополитизмъ. Древній міръ при образованіи великой Римской имперіи находился въ состояніи глубокаго нравственнаго броженія. Старыя этическія системы пали или вели ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Разрушеніе прежнихъ національныхъ государствъ сопровождалось гибелью старыхъ національныхъ религіозныхъ системъ. Всевозможные культы вступали въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, къ взаимному уничтоженію. Образованіе единаго всемірнаго гражданства требовало и созданія единой религіозной системы. Возникло небывалое религіозное движеніе, исканіе всемірной религіи. Созданы были системы неопиѳагореизма и неоплатонизма. Даже древній мозаизмъ принялъ новую форму. Какъ результатъ различныхъ теченій, возникло и побѣдило христіанство. Всѣ эти религіозныя системы, нося отпечатокъ современной имъ эпохи, получили космополитическій характеръ.

Мозаизмъ по своему происхожденію и первоначальному характеру былъ исключительной, національной религіей, подобно остальнымъ древнимъ религіямъ. Однако къ концу старой эры въ мозаизмъ стали проникать универсалистическіе элементы. Этотъ новый духъ внесенъ былъ мессіанствомъ. Возникла мечта, развитая пророками, о грядущемъ всемірномъ теократическомъ государствѣ, въ которомъ, послѣ разрушенія всемірныхъ имперій, собранный изъ разсѣянія и пробужденный отъ смерти Израиль будетъ господствовать, руководимый Мессіей, надъ всей вселенной, служа единому Іеговѣ. Вмѣстѣ съ этимъ на землѣ воцарится вѣчный миръ [2]). Этотъ имперіализмъ мессіанства носилъ рѣзко выраженный націоналистическій характеръ: царство Мессіи должно осуществиться благодаря господству евреевъ надъ всѣми націями земли и образованію единой теократіи подъ главенствомъ Мессіи [3]).

---

[1]) *Geist d. r. Rechts*, I, § 1.

[2]) См. знаменитое предсказаніе Исаіи о будущемъ вѣчномъ мирѣ II, 2—4; XI, 6—9; то же у Михея, IV, 2—5 и Захаріи, IX, 10. Аналогично думалъ Филонъ Александрійскій, *De praem. et poen.*, 924, A. c. D.

[3]) Захарія, XIV, 14; Исаія, XIV, 2, LIV, 3, LX, 11, 12, 16, LXI, 5.

Одинъ изъ главныхъ представителей еврейской школы александрійскаго періода, Филонъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ греческой философіи. Этика его была въ значительной степени стоической и, соотвѣтственно этому, воззрѣнія его на человѣческую организацію были космополитическими. Мудрый не долженъ ограничиваться какимъ-нибудь отдѣльнымъ государствомъ, онъ долженъ смотрѣть на себя, какъ на члена всего человѣческаго рода [1]). Впрочемъ и Филонъ не могъ вполнѣ отказаться отъ еврейской исключительности и національнизма. Онъ вѣрилъ въ первенствующее положеніе евреевъ среди другихъ народовъ [2]).

О неопиѳагореизмѣ осталось мало свѣдѣній и онъ не сыгралъ значительной роли. Но изъ того, что извѣстно объ этомъ движеніи можно заключить, что оно также было проникнуто общими въ ту эпоху космополитическими тенденціями. Аполлоній Тіанскій писалъ: «Вся земля—наше отечество; всѣ люди—братья и друзья, такъ какъ они всѣ—дѣти Божіи; ихъ природа одинакова, будутъ ли они греками или варварами» [3]).

Политическія идеи неоплатониковъ въ значительной степени совпадали съ идеаломъ Платона. Извѣстна попытка Плотина основать въ Кампаніи родъ платоновской республики [4]). Однако въ доктринѣ Прокла мы находимъ космополитическія черты. По его мнѣнію, философъ не долженъ ограничиваться почитаніемъ боговъ какого-нибудь города или народа, онъ—жрецъ цѣлаго міра [5]).

---

[1]) Philo, *De Ioseph.*, 530, E(46) (ἡ μὲν γὰρ μεγαλοπόλις ὅδε ὁ κόσμος ἐστὶ, καὶ μιᾷ χρῆται πολιτείᾳ καὶ νόμῳ ἑνί); *De mundi opificio*, I, B; *Vita Mosis*, 626, E (Всѣ мы граждане міра, хотя и рождены въ отдѣльныхъ государствахъ); *De Monarch.*, II, 825, B (универсализмъ еврейской религіи); *Vita Mosis*, I, 625, D, 626, E; II, 656, E, 657, A, 660, C, 661, C; *106 Qu. in Exod.*, II, 42; *Quod Deus sit immutabilis*, 318, B, F, 208, M. О космополитизмѣ Филона см. Winckler, *op. cit.*, стр. 41, Zeller, *op. cit.*, III, 2(3), 404 стр., Laurent, *op. cit.*, I, 395—400.

[2]) См. Эйкенъ, *Исторія и системы средневѣковаго міросозерцанія*. стр. 76—78.

[3]) Apollon., *Epist.*, 44.

[4]) Porphyr., *Vit. Plotin.*, 12.

[5]) Marin., *Vita Procl.* Политическія идеи двухъ послѣднихъ системъ съ достаточной ясностью представлены Плутархомъ, соединявшимъ воззрѣнія обѣихъ системъ, но въ своихъ политическихъ взглядахъ склонявшимся къ стоическому

Христіанскій космополитизмъ.

Подъ значительнымъ вліяніемъ іудейско-мессіанскихъ, стоическихъ и неоплатоническихъ идей создалась и выработалась христіанская доктрина [1]).

Основной чертой первоначальнаго христіанства былъ космополитизмъ. Этотъ послѣдній въ теченіе исторіи принималъ различный характеръ; въ первой стадіи онъ, несомнѣнно, носилъ анархическій характеръ крайняго индивидуализма; впослѣдствіи онъ подвергся вліянію римскаго имперіализма и превратился въ ученіе о вселенской церкви, о всемірномъ царствѣ Божіемъ [2]). Универсалистическая этика христіанства, требующая любви къ ближнему независимо отъ его семейнаго и національнаго положенія и такимъ образомъ имѣющая своимъ объектомъ все человѣчество, могла найти свое осуществленіе лишь во всемірномъ государствѣ. Христіанство не хотѣло знать ни семьи, ни частнаго отечества. Все должно было исчезнуть въ самомъ широкомъ чувствѣ любви къ людямъ, къ человѣчеству. «Кто любитъ отца или мать болѣе меня, не достоинъ меня», повторялъ нѣсколько разъ Іисусъ. «Кто моя мать и кто мой братъ?» спросилъ онъ однажды и, протянувъ руки къ ученикамъ, сказалъ: «вотъ моя мать и мои братья, такъ какъ всякій, кто исполняетъ волю

космополитизму. Въ основѣ его доктрины лежало возвышенное воззрѣніе на общежительную природу человѣка и на цѣнность человѣческаго общенія. См. Plut., *De amore prolis*, 3. Это человѣческое общеніе, въ духѣ стоическаго космополитизма, должно было простираться на всѣхъ людей, внѣ какого бы то ни было различія по національностямъ. Plut., *De Exil.*, 5 и 7 (Отечество—міръ; всѣ—подъ единымъ закономъ. Φύσει οὐκ ἔστι πατρίς. Лишь небо-граница нашего отечества. Человѣкъ нигдѣ не является иностранцемъ, но душа его чужда этому міру); *De Alex. virt.*, 1,6.

[1]) О еврейскомъ національномъ первыхъ христіанъ см. Laurent, *op. cit.*, IV, 196—197; Neander, *Geschichte der Pflanzung des Christenthums durch die Apostel*, I, 43. О вліяніи стоицизма на развитіе космополитизма въ христіанствѣ см. Winckler, *Ein Beitrag zur Geschichte des Stoicismus*, 1878. Въ христіанствѣ воспринята была космополитическая идея стоиковъ, что каждый человѣкъ есть участникъ весь міръ проникающаго Логоса. Winckler, *op. cit.*, стр. 25—27, 34 и сл. Въ христіанствѣ всѣ люди дѣлались членами Христа. См. первое Посланіе Кор., VI. 15; XII, 13—12 и 25—27; къ Рим., XII, 5; къ Эф., IV, 25; ср. цитату ап. Павла изъ стоика Клеанѳа, Дѣян. Ап., XVII, 26—28.

[2]) О космополитизмѣ древняго христіанства было много писано. Одной изъ наиболѣе удачныхъ работъ является брошюра М. Таубе. *Христіанство и организація международнаго мира*, Спб., 1902.

моего Отца, есть мой братъ, мои сестры и моя мать» [1]). Христіанскій монотеизмъ универсаленъ. Богъ есть отецъ всѣхъ, защитникъ всѣхъ; онъ есть утѣшеніе и помощь слабымъ и нуждающимся въ помощи. Соотвѣтственно этому и христіанская мораль универсалистична, охватывая собою все человѣчество въ цѣломъ. Человѣкъ, какъ таковой, какъ членъ культурнаго общенія, дѣлается субъектомъ этики. Христіанство взглянуло на жизнь людей и народовъ, какъ на драму *всемірной исторіи* съ грѣхопаденіемъ, какъ исходнымъ началомъ, и искупленіемъ, какъ цѣлью. Въ этомъ ученіи о всеобщей грѣховности, о всеобщемъ искупленіи сказалось сознаніе солидарности всего человѣческаго рода. «Спасеніе *всего* человѣческаго рода становится содержаніемъ божественнаго предначертанія, и важнѣйшимъ среди всѣхъ проявленій Божественной воли является то общеніе (ἐκκλησία), къ которому призваны *всѣ* члены человѣческаго рода, благодаря участію въ общемъ дѣлѣ искупленія. Въ подобномъ отношеніи къ религіозной философіи исторіи находится созданное жизнью понятіе *церкви*, среди отличительныхъ признаковъ которой всеобщность (католичность) является однимъ изъ важнѣйшихъ» [2]). Христіанство объявило все человѣчество солидарнымъ въ *общеніи* (ἐκκλησία). Христіанская церковь явилась представительницей общечеловѣческаго начала. По идеѣ она обнимала все человѣчество, всѣхъ людей, безъ различія расъ и національностей. Это былъ

---

[1]) Матѳ., XII, 47 — 50. Слѣды этого космополитизма есть уже въ Евангеліи; см. притчу о милосердномъ самаритянинѣ и гл. XI Ев. Іоанна слова Каіафы: Іисусъ долженъ умереть ради сохраненія еврейской націи). Ср. Матѳ., XXI, 43, XXVIII, 19; Іоан., IV, 21; Матѳ., XII, 47—50; Лук., XIV, 26. Апостоломъ Павломъ христіанская доктрина была безповоротно поставлена на космополитическую почву; см. Посл. къ Галатамъ, III, 28 („нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ, ни рабовъ, ни свободныхъ,—всѣ они едины въ Іисусѣ Христѣ"); Посл. къ Колос., III, 11. Отцы церкви II, III и даже IV вѣковъ постоянно говорятъ объ уничтоженіи національныхъ границъ, протестуютъ противъ государственнаго патріотизма и т. д. Юстинъ мученикъ говорилъ объ истинныхъ христіанахъ: Πασα ξένη πατρὶς εστιν αὐτων, καὶ πᾶσα πατρὶς ξένη (*Ep. ad Diog.*). См. у Климента Александрійскаго *Strom.*, I IV, с. 26, въ концѣ, *Cohort. ad Gentes*, с. XI, у Тертуліана (*unam omnium rempublicam agnoscimus mundum*) и др. Рядъ пацифистскихъ заявленій изъ отцовъ церкви см. у М. Таубе, *Христіанство и организація международнаго мира*, стр. 30 и сл., ср. Winchler, *op. cit.*, стр. 41.

[2]) Виндельбандъ, *Исторія философіи*, С.-П., 1898, стр. 239.

высшій, нравственный союзъ человѣчества, созданный для единенія съ Богомъ [1]).

Во всѣхъ разнообразныхъ теченіяхъ, которыя приняло христіанское ученіе, сохранилась идея мірообъемлющей религіи, каѳоличности религіознаго общенія. Однако это каѳоличность носила разный характеръ. У первыхъ христіанъ, у средневѣковыхъ сектантовъ, у квакеровъ, мы видимъ космополитизмъ анархическаго характера, отрицающій какую бы то ни было внѣшнюю организацію человѣчества. Въ ученіи Августина, въ доктринѣ официальной церкви этотъ универсализмъ пріобрѣтаетъ имперіалистическій, теократическій характеръ. Наконецъ, у кальвинистовъ мы найдемъ выраженіе всемірнаго федерализма. Во всѣхъ случаяхъ однако человѣчество понимается какъ единое цѣлое.

Общій характеръ античнаго универсализма.

Бросая общій взглядъ на развитіе идеи общечеловѣческой организаціи въ античныхъ политическихъ доктринахъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ древнемъ мірѣ универсализмъ проявился главнымъ образомъ въ двухъ основныхъ формахъ: космополитизма, носящаго анархическій оттѣнокъ, и космополитизма, понимаемаго въ духѣ мірового имперіализма. Въ свою очередь, и имперіализмъ носилъ или національстическій характеръ, когда предполагалось, что все человѣчество, всѣ народы должны объединиться подъ владычествомъ одного народа, или общенародный характеръ, когда считалось, что всѣ народы должны слиться въ единое всемірное государство. Часто трудно бываетъ въ точности установить, какой характеръ носилъ космополитизмъ въ той или другой доктринѣ. Это колебеніе античнаго космополитизма между анархизмомъ и имперіализмомъ вполнѣ соотвѣтствовало политической дѣйствительности. Развитіе эллинской культуры, распространеніе эллинизма вызвали къ жизни имперіализмъ позднѣйшихъ софистовъ; упадокъ политической жизни Греціи повелъ къ усиленію философскаго анархизма; образованіе и ростъ Римской имперіи сказались въ имперіалистическомъ универсализмѣ стоиковъ и римскихъ юристовъ; паденіе политической жизни и внутренній упадокъ Рима создали отвращеніе

---

[1]) О καθολικὴ ἐκκλησία см. Послан. Псевдо-Игнатія, *Ad Smyrn.*, 8; *Mart. Polyc.*, 1, 5, 8, 16, 19; *Eus.* V, XVI, 9, 19; XVII, 4. *Canon* Muratori, 61—62; Clement Alex., *Strom.*, VII, 17. Ср. Iustin. *Dial.*, 63: Цельзій у Orig. V, 59.

къ государству и христіанскій космополитизмъ, отрицающій государственную жизнь; распадъ и анархія конца античнаго міра вызвали страстное стремленіе къ единству, сказавшееся въ ученіи Бл. Августина и въ доктринѣ католической церкви.

Въ древнемъ мірѣ не было недостатка и въ федеративныхъ образованіяхъ. И въ Греціи и въ Италіи возникали многочисленные между-государственные союзы, временные или постоянные, религіознаго или политическаго характера [1]). Но, страннымъ образомъ, эта практика очень мало отразилась на теоріи. Вообще, идеальное государство, обнимающее все человѣчество, строилось по образцу государства-города, въ которомъ отдѣльныя государства, по выраженію Марка Аврелія, были бы подобны домамъ единаго города. Античный имперіализмъ мечталъ объ образованіи всемірной имперіи-πόλις. Идеалъ такого всемірнаго государства-общины былъ отчасти осуществленъ римлянами.

---

[1]) Федераціямъ древняго міра давно уже посвящаются многочисленныя изслѣдованія. Капитальной, хотя нѣсколько уже устарѣвшей, работой между ними является E. Freeman, *History of federal government in Greece and Italy*, 2 ed., London. 1893. Подробныя библіографическія ссылки приведены у Le Fur, *Etat fédéral et confédération d'états*, Paris, 1896. См. ниже гл. VI.

ГЛАВА II.

Папизмъ.

Средневѣковая политическая мысль.

Античный міръ и въ теоріи и на практикѣ пришелъ къ единой юридической организаціи человѣчества въ видѣ построенной на монархическомъ принципѣ всемірной имперіи. Какъ подъ вліяніемъ внутренняго разложенія, такъ и подъ напоромъ извнѣ, эта грандіозная организація рухнула. Вторгнувшіеся со всѣхъ сторонъ варвары явились носителями индивидуалистически—анархическаго начала. Они разрушили античное единство и построили новый міръ на началахъ личнаго права. На мѣсто власти и авторитета, служащихъ интересамъ общаго, была поставлена неограниченная, безпредѣльная свобода индивида. Однако завѣщанное древнимъ міромъ стремленіе къ универсализму не умерло среди средневѣковой анархіи; идея единства человѣчества и необходимости внѣшней юридической организаціи для этого единства сохранилась въ теоріи священной римской имперіи, простирающей свое господство на весь міръ, и въ доктринѣ вселенской (католической) христіанской церкви, призванной къ господству надъ всѣми людьми. Безсильная, часто, въ матеріальной жизни, но всемогущая въ средневѣковой теоріи, универсалистическая идея уцѣлѣла, какъ политическій идеалъ, видящій свой образецъ въ давно разрушенномъ прошломъ. Средневѣковая жизнь и средневѣковая политическая мысль представляли собой борьбу двухъ началъ: авторитарнаго, универсалистическаго, римскаго и анархо-индивидуалистическаго, варварскаго [1]).

---

[1]) Общія библіографическія данныя о средневѣковыхъ политическихъ доктринахъ см. у Potthast, *Bibliotheca historica medii aevi*, 2 vol., 2 ed., Berlin, 1896; собранія сочиненій средневѣковыхъ политическихъ писателей у Goldast, *Monarchia Sancti Romani Imperii*. 3 vol., Hanoviae, 1612; Schardius, *De jurisdictione, auctoritate et praeeminentia imperiali*, Basiliae, 1566; Mo-

Подъ вліяніемъ римскихъ идей и какъ бы въ противовѣсъ анархіи и индивидуализму средневѣковой политической жизни, средневѣковая теорія въ единствѣ видѣла зиждительный принципъ мірового цѣлаго. Съ средневѣковой философски-богословской точки зрѣнія, Богъ представлялся, какъ единое бытіе, источникъ и цѣль всякаго особаго существованія; божественный разумъ, какъ міровой законъ (*lex aeterna*), проникаетъ все многообразіе вселенной, а боже-

---

numenta Germaniae historica, *Libelli de lite imperatorum et pontificum XI et XII conscripti*, Hanoviae, v. I—1891, v. II—1892, v. III—1897; *Patrologiae latinae cursus completus*. ed. Migne, 221 vol., Parisiis, 1844—1864. Разбору средневѣковыхъ политическихъ теорій посвящена обширная литература, изъ которой можно указать лишь главнѣйшіе общіе труды: F. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, V—VII vol., Paris, 1857—1861; Л. Каченовскій, *Курсъ международнаго права*, кн. 1-я, Харьковъ, 1863; Ad. Franck, *Réformateurs et publicistes de l'Europe*, vol. 1, Paris, 1864; E. Friedberg, *Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche* (*Zeitschrift für Kirchenrecht*, B. VIII, 1869); Б. Чичеринъ, *Исторія политическихъ ученій*, т. I-й, Москва, 1869 (2 изд. 1903); S. Riezler, *Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers*, Leipzig, 1874; I. Bryce, *The Holy Roman Empire*, 8 ed., London, 1886 (русскій переводъ Д. Петрушевскаго, *Священная Римская Имперія*, Москва, 1891); O. Gierke, *Das deutsche Genossenschaftsrecht*, B. III: *Die Staats—und Korporationslehre des Alterthums und des Mittelalters und ihre Aufnahme in Deutschland* (основное сочиненіе, особенно § 11, стр. 501—604, перев. на англійскій языкъ проф. Maitland; оно содержитъ обширныя библіографическія указанія на средневѣковую публицистическую литературу); H. Eicken, *Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung*, Stuttgart, 1887 (русскій переводъ В. Линда: Генрихъ Эйкенъ, *Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія*, Спб., 1907); P. Janet, *Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale*, v. 1, 3 éd., Paris, 1887; C. Mirbt, *Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII*, Leipzig, 1894; Кн. Ев. Трубецкой, *Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в.*, Москва, 1892, и его же *Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в.*, Кіевъ, 1897; М. Таубе, *Исторія зарожденія современнаго международнаго права. Средніе вѣка*, т. I, Спб., 1894, и т. II, Харьковъ, 1899; Walker, *A history of the law of nations*, vol. 1, *From the earliest times to the peace of Westphalia*, Cambridge, 1899; E. Nys, *Les origines du droit international*, Paris, 1894, и его же *Etudes de droit international et de droit politique*, v. 1, 1896, v. II, 1901; В. Грабарь, *Римское право въ исторіи межд.-прав. ученій. Элементы международнаго права въ трудахъ легистовъ XII—XV вв.*, Юрьевъ, 1901; R. Scholz, *Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz' VIII*, Stuttgart, 1903; A. Carlyle, *A history of mediaeval political theory in the West*, vol. 1, *The second century to the ninth*, London, 1903.

ственная воля направляетъ весь міръ къ единой цѣли [1]). Въ области политической это стремленіе къ единству сказывалось въ пониманіи человѣчества, какъ единаго цѣлаго, и въ требованіи единодержавія на землѣ. Уже самая логика средневѣковаго реализма видѣла въ человѣчествѣ не понятіе, а реальное существо [2]). Изъ единства всего сущаго вытекалъ постулатъ внѣшняго союзнаго единства всего человѣчества. По словамъ Гирке, въ теченіе всего средневѣковья христіанская община, отожествлявшаяся въ идеяхъ того времени съ человѣчествомъ, представлялась, какъ самимъ Богомъ основанный и руководимый, единый и всемірный союзъ. Человѣчество есть единственное «мистическое тѣло»; оно есть единый и въ себѣ соединенный народъ; оно является, какъ міробъемлющая земная «universitas»; оно образуетъ великую духовно-свѣтскую всемірную имперію, которая обозначается то именемъ «ecclesia universalis,» то именемъ «respublica generis humani». Оно нуждается поэтому въ единомъ внѣшнемъ правопорядкѣ (lex) и въ единомъ правительствѣ (unicus principatus), которые бы вели его къ его общей цѣли [3]).

---

[1]) Gierke, *op. cit.*, *III*, стр. 515.

[2]) Съ точки зрѣнія реализма, по указанію Брайса „классы. *genera* и *species* (роды и виды), сами по себѣ не считались понятіями, которыя умъ составлялъ о явленіяхъ, или только случайными аггрегатами объектовъ, сгруппированныхъ подъ ними и обозначаемыхъ какимъ-нибудь общимъ названіемъ; они были реальными вещами, которыя существуютъ независимо отъ индивидуумовъ ихъ (понятія) составляющихъ, и скорѣе констатируются человѣческимъ умомъ, чѣмъ создаются имъ. Съ этой точки зрѣнія человѣчество есть существенное свойство, присущее всѣмъ людямъ и дѣлающее ихъ тѣмъ, что они есть; поэтому по отношенію къ нему люди представляютъ не множество, а единство, при чемъ различія между индивидуумами являются только случайными признаками (акциденціями). То, что сообщаетъ имъ истинное бытіе, заключается въ этомъ универсальномъ свойствѣ, которое одно только имѣетъ постоянное и независимое существованіе. Общая природа индивидуумовъ, сконцентрированная такимъ образомъ въ единомъ Существѣ, съ двухъ своихъ сторонъ, духовной и свѣтской, олицетворяется двумя лицами, всемірнымъ священникомъ и всемірнымъ монархомъ, которые представляютъ на землѣ подобіе Божьяго единства“. Брайсъ, *Священная Римская Имперія*, стр. 75—76. Философскіе аргументы, выдвигавшіеся средневѣковыми публицистами въ пользу единодержавія, приведены у Friedberg, *De finium inter ecclesiam et civitatem*, Lipsiae. 1861.

[3]) Gierke, *op. cit.*, *III*, 517.

Политическія теоріи среднихъ вѣковъ исходили изъ принципа единства и единодержавія. Въ нихъ господствовала идея всемірнаго, общечеловѣческаго союза, въ которомъ государство и церковь образуютъ цѣльное единство, одну res publica christianorum, одно божественное государство; въ этомъ государствѣ различались двѣ власти (два меча), свѣтская и духовная; отношеніе между этими двумя основными властями различные авторы понимали различнымъ образомъ: одни—какъ отношеніе подчиненія, другіе—какъ координацію; но какъ бы это отношеніе ни понималось, обыкновенно обѣ власти считались составляющими нераздѣльное единство. Дуализмъ духовной и свѣтской власти не считался окончательнымъ. Противоположности должны примириться въ высшемъ единствѣ, *ad unum reduci*. «Единство для публицистовъ среднихъ вѣковъ есть форма божественнаго царства, обнаруженіе божественнаго единовластія въ строѣ вселенной; въ порядкѣ соціальномъ, человѣческомъ, точно такъ же и въ порядкѣ космическомъ—единство есть высшее благо, а двоица, напротивъ, есть злое начало, «подлое число», олицетвореніе всего того, что противится божественному порядку, принципъ раздора и раскола» [1]).

Дуализмъ могъ быть сведенъ къ окончательному единству власти двумя путями: или признаніемъ верховенства духовной власти надъ свѣтской (теорія всемірной теократіи) или свѣтской надъ духовной (теорія всемірнаго имперіализма). Это дало мѣсто двумъ основнымъ направленіямъ въ политическихъ теоріяхъ среднихъ вѣковъ: папизму и имперіализму [2]).

Въ дальнѣйшимъ мы попытаемся набросать общій очеркъ воззрѣній обѣихъ средневѣковыхъ доктринъ на организацію человѣчества. Въ сущности, несмотря на продолжавшуюся всѣ средніе вѣка взаимную борьбу имперіализма и папизма, трудно рѣзко раздѣлить изложеніе обѣихъ теорій, съ точки зрѣнія идеи юридической

---

[1]) Кн. Ев. Трубецкой, *Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в.*, Кіевъ, 1897, стр. 1—2.

[2]) Рядомъ съ этими двумя унитаристическими теоріями имѣлись такъ же дуалистическія доктрины, допускавшія одновременное существованіе двухъ верховныхъ властей, съ различной лишь компетенціей, доктрины анархическія.— вполнѣ, когда отрицалась необходимость всякой власти, или частично, когда власть отрицалась лишь для отношеній между государствами, — и, наконецъ, зачатки федералистическихъ теорій.

организаціи человѣчества: съ одной стороны, приверженцы имперской идеи нисколько не были чужды всемірной теократической идеѣ, съ другой стороны, и церковная партія, исходя изъ принципа единства, требовала обыкновенно и въ свѣтской сферѣ единодержавія. И паписты и имперіалисты сходились въ требованіи единодержавія. И для тѣхъ и для другихъ соціально-политическое единодержавіе человѣчества есть отображеніе единодержавія космическаго, божественнаго. Разница между ними лишь въ томъ, что паписты хотѣли бы построить всемірную организацію человѣчества на теократическомъ принципѣ съ «единодержцемъ» папой во главѣ, имперіалисты же настаивали, что такая организація должна покоиться на политическо-свѣтскомъ принципѣ всемірной имперіи, съ императоромъ, какъ *dominus mundi*.

Однако, обѣ доктрины,—теорія юридическаго свѣтскаго единодержавія и теорія всемірной теократіи, представляютъ изъ себя построенія различнаго порядка, и потому лучше ихъ разсмотрѣть отдѣльно.

Блаженный Августинъ.

Въ первоначальномъ христіанствѣ, какъ мы уже указывали, былъ значительный элементъ теократическаго анархизма. Эти анархическіе элементы были преодолѣны въ ученіи Блаженнаго Августина, послужившемъ основнымъ и исходнымъ пунктомъ всего послѣдующаго средневѣкового теократическаго универсализма [1]).

Основнымъ мотивомъ дѣятельности и философіи Августина было исканіе всеобщаго единства для міра, для общественной организаціи и для души человѣка, «исканіе такой новой, идеальной вселенной, которая преодолѣвала бы въ себѣ контрасты временной дѣйствительности, ея дурную двойственность въ единствѣ всеобщаго мира и покоя» [2]).

---

[1]) Augustinus (353—430), *De civitate Dei libri XXII*, русскій пер. „*О Градѣ Божіемъ*“ въ *Твореніяхъ Блаженнаго Августина*, ч. 3—6 (Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ, изд. при Кіевской Духовной Академіи, Кіевъ, 1880). См. H. Reuter, *Augustinische Studien*, 1887; Ев. Трубецкой, *Рел.-общ. идеалъ запад. христ. въ V в. Міросозерцаніе Блаженнаго Августина*. М., 1892 (Лучшее, какъ по изяществу изложенія, такъ и по широтѣ философской постановки вопроса, сочиненіе объ Августинѣ); A. Niemann, *Augustins Geschichtsphilosophie*. 1895.

[2]) Кн. Ев. Трубецкой, *Міросозерцаніе Блаженнаго Августина*, М., 1892, стр. 27. Въ борьбѣ противъ манихеевъ Августинъ развивалъ ученіе объ един-

Задаваясь вопросомъ о спасеніи человѣческой личности, Августинъ, въ силу своего воззрѣнія на зло, какъ на всеобщее начало, пришелъ къ вопросу о спасеніи всего человѣческаго общества и всей вселенной.

Политическимъ идеаломъ Августина была новая организація всего человѣчества, которая должна была принести съ собою единство всеобщаго покоя [1]). Эта организація должна принять форму не всемірнаго государства, а единой вселенской церкви. Къ государству, какъ мірскому союзу, Августинъ относился вполнѣ отрицательно и на мѣсто его ставилъ церковь. Истинный правовой порядокъ только тамъ, гдѣ есть справедливость; эта же послѣдняя осуществляется лишь въ церкви [2]). Свою организацію Августинъ строилъ не на шаткой, съ его точки зрѣнія, и подверженной измѣненіямъ основѣ публичнаго права, а на незыблемомъ нравственномъ божественномъ законѣ. Въ своемъ сочиненіи *Civitas Dei* Августинъ противопоставилъ римской идеѣ всемірнаго свѣтскаго государства христіанскую идею вселенскаго духовнаго царства и объявилъ христіанскую теократію единственнымъ истиннымъ вѣчнымъ царствомъ.

Эта теократическая организація носила въ представленіи Августина универсальный, вселенскій характеръ [3]). «Подобно Платону, справедливо говоритъ кн. Ев. Трубецкой, Августинъ желалъ пересозданія человѣческаго общества согласно съ вѣчнымъ его первообразомъ — сверхчувственной Божественной Идеей... Но идеальное общество Платона есть царство философовъ—теократія въ узкой эллинской формѣ государства-города. Идеалъ Августина есть всеобщее единство рода человѣческаго, согласіе народовъ,

---

ствѣ мірового порядка; въ борьбѣ противъ донатистовъ онъ отстаивалъ единство церковнаго авторитета и единство церкви; въ борьбѣ противъ пелагіанъ онъ выставилъ благодать, какъ принципъ общечеловѣческой организаціи.

[1]) *Civitas Dei*, l. XIX, c. 7, 11, 12, 13.

[2]) *Civitas Dei*, l. IV, c. 4 и l. XIX, c. 21, 24.

[3]) „Небесный градъ, пока находится въ земномъ странствованіи, призываетъ гражданъ изъ всѣхъ народовъ и набираетъ странствующее общество во всѣхъ языкахъ, не придавая значенія тому, что есть различнаго въ правахъ, законахъ и учрежденіяхъ, которыми миръ земной устанавливается и поддерживается". Августинъ, *О Градѣ Божіемъ*, кн. 19, гл. 17.

объединенныхъ божественною мудростью во вселенскомъ зданіи церкви. Идеалъ спасенія мудрыхъ посредствомъ философской діалектики представляется ему слишкомъ узкимъ, эгоистическимъ. Для него Божественная мудрость есть основа всемірной соціальной организаціи» [1]).

Всемірная организація человѣчества въ лонѣ единой церкви представлялась Августину не какъ фактъ, а какъ императивъ, какъ идеалъ, который надо достигнуть. Она являлась какъ бы программой, которую христіанская церковь должна осуществить въ своемъ развитіи. Но въ тоже время Августинъ не считалъ этого идеала оторваннымъ отъ всякой связи съ исторіей. Эта организація есть конечная цѣль исторіи, ея безусловный провиденціальный предѣлъ, къ которому стремится и стремилось все существующее. И въ самой прошлой исторіи человѣчества Августинъ видѣлъ вѣчное, неустанное приближеніе къ этой цѣли, непрерывное развитіе единой идеи божественнаго порядка.

Доктрина Августина заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ она, созданная при начавшемся распадѣ древняго міра передъ надвигающимися вѣками темной анархіи, явилась какъ бы завѣщаніемъ древняго міра новому. Она явилась, съ одной стороны, послѣдовательнымъ, систематическимъ выраженіемъ стремленій умиравшей имперіи, а съ другой, была долгое время маякомъ политической мысли среднихъ вѣковъ.

Теократическій универсализмъ папизма.

Папистскій теократизмъ былъ политической теоріей, понимавшей человѣчество, какъ единую организацію, въ которой высшая власть принадлежитъ римскому папѣ. Человѣчество—едино, и потому можетъ существовать лишь одна правильная организація человѣчества, именно католическая церковь. Эта католическая церковь есть не только невидимое общеніе вѣрующихъ, но и видимая организація. Эта видимая церковь не ограничена какимъ-нибудь мѣстомъ или временемъ, она—всемірная конгрегація всѣхъ христіанъ, разбросанныхъ по всему міру. «Universalis sancta ecclesia, заявлялъ Вормскій капитулярій 829 г., Dei unum corpus manifeste esse credatur ejusque caput Christus». Невидимая глава этой всемірной церкви есть

[1]) Кн. Ев. Трубецкой, *„Политическій идеалъ Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи“. Вопросы философіи и психологіи*, сентябрь, 1890 г.

Христосъ; но такъ какъ единство церкви нуждается въ видимомъ осуществленіи, то оно представляется земнымъ, видимымъ намѣстникомъ Христа, папою. Папа есть верховный владыка всего человѣчества. Онъ есть единая, суверенная власть на землѣ. Отдѣльныя свѣтскія державы являются лишь частями единой церкви. Принципіально церкви и ея главѣ папѣ принадлежитъ полнота всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ правомочій. Но пользованіе свѣтскою властью передается церковью императору. «Totius sanctae Dei ecclesiae corpus in duas eximias personas, in sacerdotalem videlicet et regalem... divisum esse novimus». Папѣ, въ силу jus divinum, принадлежитъ верховенство и въ духовной и въ свѣтской областяхъ,—оба меча. Но изъ этихъ властей онъ оставляетъ себѣ для непосредственнаго осуществленія лишь духовную власть, свѣтское же верховенство, мірской мечъ, онъ передаетъ для соотвѣтствующаго церковнымъ цѣлямъ пользованія императору или отдѣльнымъ королямъ. Какъ по источнику, такъ и по цѣли, свѣтская власть остается подчиненною папѣ. Свѣтская власть есть лишь составная часть универсальной, католической церковной организаціи и является средствомъ для достиженія церковныхъ цѣлей. Свѣтскіе правители обязаны послушаніемъ верховной церковной власти и суть лишь органы церковной организаціи. Такъ какъ свѣтская власть передается лишь для извѣстныхъ цѣлей, то, понятно, когда эти цѣли не достигаются, папа, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ снова временно соединить въ своемъ лицѣ духовный и свѣтскій суверенитетъ. Это наступаетъ въ случаяхъ вакансіи престола, тяжкихъ отпаденій свѣтскихъ правителей отъ церкви, тираніи властителей. Великіе папы среднихъ вѣковъ вообще не знали различія между прямой и косвенной властью. Они допускали, дѣйствительно, свѣтскую власть, но въ то же время выражали притязанія на божественное верховенство надъ этой властью: они, какъ викаріи Христа, простирали свою дѣятельность, какъ на духовную, такъ и на мірскую области.

Соотвѣтственно своему общему теократически-монархическому идеалу, папизмъ и организацію свѣтской власти представлялъ въ видѣ всемірной монархіи. Человѣчество должно составить одно государство, которое, съ одной стороны, является, какъ Церковь, съ другой, какъ Имперія, при чемъ Имперія подчинена Церкви.

Эпоха до Григорія VII.

Первыя очертанія теоріи папистскаго универсализма можно найти еще въ первую половину среднихъ вѣковъ. Въ IX вѣкѣ появи-

лись Лже-Исидоровы декреталіи, подложныя письма, приписанныя первымъ римскимъ епископамъ. Въ этихъ декреталіяхъ впервые были высказаны притязанія папъ на всемірную теократію. Такъ, напр., папа Климентъ 1-й сообщаетъ о завѣтахъ апостола Петра: «Онъ приказалъ всѣмъ правителямъ земнымъ и всѣмъ людямъ склонять главы свои передъ священниками. Обязаность князей—повиноваться духовнымъ лицамъ, какъ Богу. Всѣ неповинующіеся должны быть изгнаны изъ церкви и лишены своей власти» [1]). Власть духовная должна быть поставлена надъ свѣтской, а власть римскаго епископа въ свою очередь должна быть поставлена надъ всею церковью,—таковы два основные тезиса Лже-Исидоровыхъ декреталій.

Та же тема о теократичекомъ господствѣ духовенства надъ свѣтскими властями защищалась и реймскимъ архіепископомъ Гинкмаромъ, однимъ изъ наболѣе извѣстныхъ и блестящихъ публицистовъ IX вѣка [2]).

Эпоха Григорія VII.

Въ ясной и категорической формѣ теократическая идея католическаго папизма впервые высказана была въ XI вѣкѣ въ эпоху Григорія VII [3]). Различные авторы григоріанскаго направленія, вродѣ кардинала Гумберта, Гебгарта Зальцбургскаго, Манегольда Лаутенбахскаго и др. [4]), высказывали мысли о верховенствѣ церкви надъ имперіей и о приматѣ папы въ церкви.

Всѣхъ рѣзче и классически формулировалъ притязанія папъ на

---

[1]) *Pseudo-Isidorus* (1628), lit. I, 21, III, 73.

[2]) Если въ своемъ сочиненіи *De potestate regia et pontificia* Hinkmar (806—882) склоняется скорѣе къ дуалистическимъ идеямъ о независимой компетенціи духовнаго и свѣтскаго суверенитетовъ (cap. I), то въ *Opera de divortio Loth.* онъ становится вполнѣ на теократическую точку зрѣнія. Ср. Janet, *op. cit.*, I (2 изд.), 356—359; тамъ же заявленіе папы Николая I о необходимости различать королей отъ тирановъ.

[3]) Относящіяся сюда публицистическія сочиненія большей части напечатаны въ *Monumenta Germaniae historica. Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI et XII conscripti*, vol. I (1891), II (1892), III (1897). См. Karl Mirbt, *Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII*, Leipzig, 1894; Кн. Ев. Трубецкой, *Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в.*, Кіевъ, 1897.

[4]) Humberti Cardinalis, *Libri III adversus Simoniacos* (*Libelli de lite*, I, 100—253), lib. III, c. 24, 29; Manegoldi Lutinbach, *Ad Gebehardum liber* (*Libelli de lite*, I, 388—430), cap. 7, 45, 45, 48. Рядъ цитатъ изъ другихъ авторовъ этой эпохи см. у Mirbt, *op. cit.*, стр. 575. Koch, *Ma-*

всемірный теократизмъ самъ папа Григорій VII [1]). Свою теорію о суверенитетѣ римскаго папы надъ всѣми государствами Григорій изложилъ въ письмѣ къ Мецскому епископу Герману [2]). Взгляды Григорія VII на международныя отношенія можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: «Католичество противополагается всѣмъ некатоликамъ, какъ единая политическая организація, единое международное *царство*. Истинный католицизмъ долженъ проявиться какъ *миръ вселенной*, миръ внутри католическихъ государствъ и въ ихъ отношеніяхъ къ другъ другу... Международное царство церкви, какъ оно представляется Григорію,—не есть внутреннее единеніе національностей, основанное на признаніи ихъ особенностей, а іерархическій порядокъ, извнѣ надъ нами господствующій. Подъ закономъ римскаго первосвященника, какъ нѣкогда въ языческой имперіи Августа, народы должны утратить свою національную физіономію; она не должна проявляться въ богослуженіи: преслѣдуя космополитическій, римскій идеалъ, Григорій... желалъ бы ослабить національный характеръ іерархіи. Сынъ феодальной эпохи, не знавшей національностей, какъ строго обособленныхъ и организованныхъ соціальныхъ единицъ,—онъ представляетъ себѣ церковь какъ союзъ лицъ и какъ порядокъ международный; національная жизнь остается внѣшней и чуждой ей областью» [3]).

Эпоха послѣ Григорія VII.

Послѣ Григорія VII сторонники папской идеи продолжали развивать его идеи, иногда лишь смягчая его тонъ и стараясь часто примирить притязанія папъ съ требованіями свѣтской власти. Сто-

---

riegold von Lautenbach und die Lehre von der Volkssouveränität unter Heinrich IV (*Historische Studien* herausg. Eberling, № 34).

[1]) Сочин. его см. Migne, *Patrologiae latinae*, vol. 148. Его доктрина съ политико-юридической точки зрѣнія блестяще изложена и оцѣнена кн. Ев. Трубецкимъ, *op. cit.*

[2]) Reg. VIII, 21. См. Mirbt, *Quellen zur Geschichte der Papstthums und des römischen Katholicismus* (2 изд.), стр. 105—112. Папа, какъ пріемникъ Святого Петра, есть господинъ земли и имѣетъ божественное право; отказать въ повиновеніи апостольскому престолу значитъ быть виновнымъ въ идолопоклонствѣ (Greg., *Epist.*, IV, 23). Petrus Apostolus, quem Dominus Iesus Christus, rex gloriae principem super regna mundi constituit (Greg., *Ep.*, I, 63; Migne, *op. cit.*, vol. 148, стр. 339). Reges a suis dignitatibus cadere, si praesumerent apostolicae sedes decreta contemnere (Greg., *Epist.*, IV, 24).

[3]) Кн. Ев. Трубецкой, *op. cit.*, 128—130.

лѣтія XII и XIII были вѣками наивысшаго развитія всемірно-теократической идеи папизма.

Епископъ Ивонъ Шартрскій доказывалъ англійскому королю Генриху I, что подобно тому, какъ человѣческое чувство должно подчиняться разуму, земная власть должна повиноваться духовному водительству; король — не верховный владыка, а рабъ рабовъ Божіихъ [1]). То же писалъ англійскому королю Генриху II и Ѳома Бекетъ [2]). Короли получили свою власть отъ церкви, а не обратно. Короли должны подчинять свои рѣшенія церковнымъ властямъ и склоняться передъ ними [3]). Исходя изъ принципа единства, какъ совершенства (*ubi unitas, ibi perfectio*), и превосходства духовной области надъ свѣтской, пришелъ къ папистскому универсализму и другой извѣстный писатель XII вѣка Бернардъ Клервосскій [4]). Бернардомъ приведенъ былъ въ доказательство превосходства церковной власти евангельскій текстъ о двухъ мечахъ, сдѣлавшійся однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ въ средневѣковой политической полемикѣ. Церковь имѣетъ въ своемъ распоряженіи два меча— матеріальный и духовный; первый долженъ извлекаться для охраны церкви, вторый—самою церковью; первый въ рукахъ воина, второй—

---

[1]) Sicut enim sensus animalis subditus debet esse rationi, ita potestas terrena subdita esse debet ecclesiastico regimini. Et quantum valet corpus nisi regatur ab anima, tantum valet terrena potestas, nisi informetur et regatur ecclesiastica disciplina... Hoc cogitando, servum servorum Dei vos esse intelligite, non dominum; protectorem, non possessorem. Ivo Carnotensis episcopus († 1115), *Opera omnia*, въ Migne, *Patrologiae latinae cursus*, vol. 162, p. 126.

[2]) S. Thomas Cantuarensis archiepiscopus (1116—1170). *Opera omnia* (Migne, *Patr. lat.*, v. 190).

[3]) Christus fundavit Ecclesiam... Ecclesia enim Dei in duobus constant ordinibus: clero et populo... In populo sunt reges, principes, duces, comites et aliae potestates, qui secularia habent tractare negotia, ut totum perducat ad pacem et unitatem Ecclesiae. Et quia certum est reges potestatem suam accipere ab Ecclesia, non ipsam ab illis sed a Christo... non habetes episcopis praecipere и т. д. (Migne, *op. cit.*, vol. 190, p. 652, ep. 64; ср. также ep. 42, 65).

[4]) S. Bernhardus abbas Clarevallensis (1091—1153), *Opera omnia* въ Migne, *Patr. lat.*, vol. 182—185, особ. *De consideratione*. Et forte praesentes ceteri (ученики Христа) condiscipuli erant, cum committens uni (ап. Петру) unitatem omnibus commendaret in uno grege et uno pastore, secundum illud: Una est columba mea (Cantic., VI, 8). Ubi unitas, ibi perfectio. Reliqui numeri, perfectionem non habent, sed divisionem, recedentes ab unitate. *De consid.*, lib. II, cap. 8, § 15.

священника. Матеріальный мечъ извлекается лишь по приказу императора и съ согласія церкви [1]).

Болѣе научную форму система папизма получила у Іоанна Салисбюрійскаго [2]). *Respublica* у него есть организмъ, образованный по образцу біологическаго организма и человѣческаго *microcosmus'a*, въ этомъ организмѣ *sacerdotium*, какъ душа, господствуетъ надъ тѣломъ.

Практическаго и теоретическаго своего апогея всемірно-теократическая идея папизма достигла въ XIII вѣкѣ, въ эпоху борьбы папъ Иннокентіевъ III и IV противъ императоровъ изъ династіи Гогенштауфеновъ. Съ наибольшею силою идея эта защищалась словомъ и дѣломъ Иннокентіемъ III. Продолжая пользоваться прежними доводами, приводимыми въ пользу папской супрематіи. Иннокентій особенно выдвинулъ новою теорію—нравственнаго закона, права папы подвергать испытанію съ точки зрѣнія нравственнаго достоинства личность императора, а также простирать свою юрисдикцію на всѣ тѣ дѣла и споры свѣтскихъ властителей, въ которыхъ затронуты нравственные интересы (судъ *de peccato* [3]). Подобно лунѣ, получающей свѣтъ свой отъ солнца, свѣтская власть заимствуетъ свою силу отъ церкви. Власть папы простирается на весь міръ [4]).

Канонисты. Юридическое свое выраженіе теократическіе идеалы папистской партіи нашли въ каноническомъ правѣ. Уже въ Декретѣ Граціана, вышедшемъ въ половинѣ XII вѣка, высказана была политическая доктрина папскаго престола. Декретъ Граціана базпровался

---

[1]) Uterque ergo Ecclesiae et spiritualis scilicet gladius et materialis; sed is quidem pro Ecclesia, ille vero et ab Ecclesia exserendus: ille sacerdotis, is militis manu, sed sane ad nutum sacerdotis, et jussum imperatoris. Впрочемъ у Бернарда, стоящаго на почвѣ дуалистическихъ идей, можно найти и возраженія противъ идеи папизма. См. P. Janet, *Histoire de la science politique*, v. 1 (2 изд.), 364—366.

[2]) Iohannes Saresberiensis (1120—1180), *Opera omnia* (*Patrologiae latinae*, vol. 199), особенно *Polycraticus* (около 1159 г.). См. Gemrich, *Staats- und Kirchenlehre Johanns von Salisbury*, 1894.

[3]) Таково было извѣстное его вмѣшательство въ войну французскаго и англійскаго королей, сопровождавшееся приказомъ о заключеніи мира.

[4]) Innoc., *Epistol.*, lib. I, 401. Ср. письмо Иннокентія къ константинопольскому патріарху, *Epistol.*, lib. II, 209. „Iacobus, frater domini... Petro non solum universam ecclesiam, sed totum reliquit saeculum gubernandum". „Unum praeficiens universis, quem suum in terris vicarium ordinavit".

главнымъ образомъ на Лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ; можно указать особенно на два документа, вошедшіе въ Граціановъ Декретъ и явившіеся выраженіемъ теократическихъ идей, именно, на конституцію Оттона, гдѣ содержится клятва императора Оттона въ феодальной вѣрности папѣ [1]), и на дареніе Константиномъ папѣ Западной Римской имперіи [2]).

Въ томъ же направленіи работали и декретисты или суммисты, писавшіе къ Декрету глоссы. Поддерживая, подобно современнымъ имъ глоссаторамъ, идею всемірнаго свѣтскаго владычества императора [3]), они однако надъ императорами ставили сюзеренитетъ папы. Таковы были идеи, напр. Іоанна Тевтонскаго, сдѣлавшаго, по отношенію къ Декрету ту же работу, какую Аккурсій сдѣлалъ по отношенію къ Corpus juris civilis, т. е. написавшаго къ нему glossa ordinaria. Работа эта продолжена была декреталами послѣдующихъ папъ и комментаторами ихъ. Въ 1234 году опубликованъ былъ сборникъ декреталовъ Григорія IX. Къ нему въ свою очередь писались суммы, изъ которыхъ особымъ авторитетомъ пользовались «Золотая Сумма» Гостіензія [4]) и заключительная глосса Бернарда Пармскаго. Каноническая литература оказала громадное вліяніе на церковно-политическія сочиненія среднихъ вѣковъ. Благодаря канонистамъ, ученіе о церковной и папской власти было во всѣхъ своихъ деталяхъ закрѣплено въ точныя юридическія формулы, съ помощью цивильнаго римскаго права. Вся церковная жизнь была понята съ юридической точки зрѣнія и возведена въ настоящую юридическую систему. Въ этой системѣ Церковь строилась, какъ всемірное государство римскаго образца, и папа являлся абсолютнымъ главою этого государства; и подобно тому, какъ древне-римскому императору принадлежала абсолютная власть, папѣ приписывалась plenitudo potestatis.

Свое высшее, философски-завершительное выраженіе теорія папизма нашла въ системѣ величайшаго схоластическаго философа

Ѳома Аквинскій.

---

[1]) *Decretum*, Pars I. dist. 62, c. 33.

[2]) *Ibidem*, Dist. 96, c. 14.

[3]) См. напр. ниже въ гл. 3-й на стр. 56 слова одного изъ наиболѣе знаменитыхъ декретистовъ, Гукуччо.

[4]) Hostiensis, *Summa aurea super titulis decretalium* (ок. 1250).

Ѳомы Аквинскаго [1]). Политическое ученіе изложено было Ѳомою Аквинскимъ главнымъ образомъ въ сочиненіи *De regimine principum* [2]). Его основныя положенія могутъ быть сведены къ слѣдующему. Государство есть послѣдствіе общежительной природы человѣка и необходимости для людей взаимной помощи. Государь долженъ содѣйствовать осуществленію добродѣтели и общественному благосостоянію. Лучшая государственная форма—монархическая. Доказывается это слѣдующими доводами. Чѣмъ болѣе правительство можетъ сохранить единство и миръ, тѣмъ оно цѣлесообразнѣе. Болѣе же цѣлесообразнымъ мы называемъ то, что лучше ведетъ къ цѣли. Но единое въ самомъ себѣ, очевидно, можетъ скорѣе явиться причиною единства, чѣмъ многое, подобно тому, какъ наиболѣе дѣйствительная причина нагрѣванія есть уже въ самой себѣ теплота. Слѣдовательно, правительство одного цѣлесообразнѣе правительства многихъ. Далѣе, очевидно, что многіе правители не могутъ сохранить прочнымъ общественнаго строя, если они находятся въ полномъ разладѣ другъ съ другомъ. Поэтому и при множественности правителей требуется извѣстное единство, чтобы была хотя какая-нибудь возможность правленія. Множественность стремится черезъ сближеніе къ единству, и поэтому одинъ управлетъ лучше, чѣмъ многіе, имѣющіе лишь тяготѣніе къ единому. Далѣе, то, что сообразно съ природою, есть наилучшее. Всякое же естественное управленіе исходитъ отъ единаго. Среди множества членовъ есть одинъ, движущій всѣмъ, именно сердце; среди душевныхъ способностей есть одна главенствующая—разумъ. Такъ и у пчелъ есть лишь одна матка, и во всемъ мірѣ лишь одинъ Богъ есть творецъ и управитель. И этому имѣется разумное основаніе. Всякая множественность ведетъ свое начало отъ единства. Такъ какъ произведенія искусства подражаютъ созданіямъ природы и имѣютъ тѣмъ высшее достоинство, чѣмъ

---

[1]) Thomae Aquinatis (1224—1274), *Summa theologiae* и *De regimine principum* (многочисленныя изданія). См. Feugeray, *Essai sur les doctrines politiques de S. Thomas d'Aquin*, Paris, 1857; I. Baumann, *Die Staatslehre des heil. Thomas von Aquino*, Leipzig, 1873; R. Eucken, *Die Philosophie des Thomas von Aquino und die Kultur der Neuzeit*, Halle a. S., 1886; Чичеринъ, *op. cit.*, I, 165—196, 200—205; P. Janet, *op. cit.*, I (2 изд.), 399—438; Antonades, *Die Staatslehre des Thomas ab Aquino*, Leipzig, 1890.

[2]) Ему принадлежатъ lib. I и II, cap. 1—4, остальное его ученику Ptolomaeus Lucensis.

болѣе они походятъ на свой образъ въ природѣ, то и человѣческому обществу, какъ произведенію искусства, лучше управляться однимъ лицомъ. То же самое слѣдуетъ и изъ опыта. Области и города, управляемые многими лицами, страдаютъ отъ не-единства, находятся въ постоянномъ волненіи и не знаютъ мира. Обратно, области и города, имѣющіе одного правителя, наслаждаются миромъ, полной справедливостью и счастливымъ изобиліемъ.

Идеаломъ Ѳомы Аквинскаго была всемірная монархія, при чемъ глава этой монархіи долженъ назначаться и смѣщаться папою, и такимъ образомъ папа долженъ быть верховнымъ повелителемъ всего человѣчества. Ѳома Аквинскій исключалъ однако языческихъ королей. Любопытны схоластическія доказательства верховной власти папы. Ѳома Аквинскій исходитъ изъ понятія цѣли. Управлять значитъ вести управляемое надлежащимъ путемъ къ требуемой цѣли. Послѣдней цѣлью человѣческаго общества являются добродѣтельная жизнь и чрезъ эту жизнь общеніе съ Богомъ. Если бы можно было достигнуть этой цѣли силами человѣческой природы, то къ ней долженъ былъ бы вести людей король. Но такъ какъ человѣкъ можетъ достигнуть своей цѣли, т. е. общенія съ Богомъ, не человѣческой добродѣтелью, а лишь божественной силою, то вести его къ этой цѣли дѣло не человѣческаго, а божественнаго руководства и управленія. Такое же управленіе принадлежитъ тому королю, который является не только человѣкомъ, но и Богомъ, именно Господу нашему Іисусу Христу, который сдѣлалъ людей дѣтьми Божьими и пріобщилъ ихъ къ небесному блаженству. Для того же, чтобы духовное было отдѣлено отъ земного, управленіе этимъ королевствомъ передано не земнымъ королямъ, а священникамъ и главнымъ образомъ верховному первосвященнику, преемнику Петра, намѣстнику Христа, римскому епископу, которому (какъ самому Господу Іисусу Христу) должны быть подчинены всѣ короли христіанскихъ народовъ, ибо всѣ стремящіеся къ опредѣленной цѣли должны подчиняться и находиться подъ владычествомъ того, кто имѣетъ попеченіе о послѣдней цѣли [1]).

---

[1]) *De regimine princ.*, l. I. c. 14. Ср. *Opuscula contra errores Graecorum libelli II*, c. 32—38 (Папа есть глава reipublicae Christi); *Summa*

Поводомъ къ дальнѣйшему изложенію и защитѣ теократическихъ идеаловъ католической церкви послужили два знаменитые конфликта XIV вѣка между духовною и свѣтскою властями: споръ папы Бонифація VIII съ французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ и борьба германскаго императора Людовика Баварскаго съ папою Іоанномъ XXII и его преемниками.

Конфликтъ между Филиппомъ Краснвымъ и Бонифаціемъ VIII сопровождался обширной полемической литературой, въ которой разбирались и защищались доводы въ пользу политическихъ теорій обѣихъ сторонъ [1]).

Булла „Unam sanctam"

„Доводы папистской партіи собраны, повторены и изложены были въ формѣ политическаго манифеста, въ знаменитой буллѣ Бонифація VIII *Unam Sanctam*. Церковь едина и всемірна. Она есть единое мистическое тѣло. Это тѣло имѣетъ единую главу Христа и его намѣстника римскаго папу. Въ этомъ единствѣ верховной власти заключается Богомъ установленный міровой порядокъ [2]).

---

contra gentiles, IV, c. 76 (опровергаются возраженія, что довольно „unum caput, Christus"; необходимо также представительство Христа черезъ praesentia corporalis, въ лицѣ одного монарха); *In libr. II Sentent.*, dist. 44 ad 4 (nisi forte potestati spirituali etiam saecularis potestas conjungatur, sicut in Papa, qui utriusque potestatis apicem tenet, sc. spiritualis et saecularis, hoc illo disponente qui est sacerdos et rex in aeternum, sec. ordinem Melchisedech); *Summa Theol.*, II. 1, q. 81, a 1 (multi homines ex Adam derivati sunt tanquam multa membra unius corporis) и III, q. 8, a 1 и 2 (genus humanum consideratur quasi unum corpus, quod vocatur mysticum, cujus caput est ipse Christus et quantum ad animas et quantum ad corpora); lect. 2 ad Rom. 12; lect. 3 ad 1 Corinth., 12.

[1]) См. особ. Richard Scholz, *Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz' VIII*, Stuttgart, 1903, въ *Kirchenrechtliche Abhandlungen* изд. Ulrich Stutz, N. 6—8 (использована обширная, сохранившаяся лишь въ рукописяхъ литература этой эпохи).

[2]) Unam sanctam ecclesiam catholicam, et ipsam apostolicam, urgente fide, credere cogimur et tenere... Quae unum corpus mysticum repraesentat, cujus corporis caput Christus... Ecclesiae unius et unicae unum corpus, unum caput, non duo capita quasi monstrum. Christus scilicet et Christi vicarius, Petrus Petrique successor... In hac ejusque potestate duos esse gladios, spiritualem videlicet et temporalem, evangelicis dictis instruimur... Uterque est in potestate ecclesiae... Quicunque igitur huic potestate a Deo sic ordinatae resistit, Dei ordinationi resistit, nisi duo sicut Manichaeus, fingat esse principia, quod falsum

Эгидій Римскій.

Главнымъ теоретикомъ папистской партіи въ эту эпоху былъ Эгидій Римскій [1]). Онъ вполнѣ признавалъ основной средневѣковый принципъ, что вся вселенная есть организмъ, единое, гармоническое, монархически образованное и расчлененное цѣлое, покоющееся на принципѣ единства Божества. Эгидій давалъ слѣдующую схему территоріальныхъ союзовъ: domus, vicus, civitas, provincia, regnum и communitas totius mundi или totius orbis. Этой схемѣ въ церковной іерархіи соотвѣтствуютъ: приходское духовенство, епископы, архіепископы, патріархи и папа. Эти обѣ іерархіи, охватывающія всю землю, не координированы и не соподчинены другъ другу, а свѣтская во всѣхъ отношеніяхъ подчинена духовной, не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Это есть лишь послѣдствіе всеобщаго мірового порядка, который покоится на принципѣ единства и монархическаго управленія различными частями. По мнѣнію Эгидія все отъ одного происходитъ и все къ одному должно быть сведено; какъ во всей вселенной правитъ лишь одинъ Богъ, какъ и среди небесныхъ тѣлъ есть *primum mobile*; какъ въ тѣлахъ царитъ сердце, а среди пчелъ матка, такъ и государство нуждается въ единомъ управленіи [2]).

По ученію Эгидія никто не имѣетъ права владѣть чѣмъ-нибудь, если только онъ владѣетъ не чрезъ церковь или не отъ ея имени. Только при этомъ послѣднемъ предварительномъ условіи вѣрующіе могутъ имѣть dominium надъ свѣтскими дѣлами: dominium particulare et inferius fidelibus elargimur [3]). Свѣтской власти противополагается

---

et haereticum esse judicamus. Quia testante Moyse, non in principiis, sed in principio coelum Deus creavit et terram. Porro subesse Romano pontifici omni humanae creaturae declaramus, dicimus, et definimus, omnino esse de necessitate salutis. Ср. Mirbt, *Quellen zur Geschichte des Papstthums*, стр. 148—149.

[1]) Aegidius Romanus Colonna (1247—1316), *De regimine principum libri* III (Изд. Venet 1497); многочисленные переводы; см. Giles de Rome, *Li livres du gouvernement des rois*, послѣднее изд. New Jork, 1899).—*De ecclesiastica sive de summi pontificis potestate* (главное сочиненіе Эгидія, имѣющееся лишь въ рукописномъ видѣ; содержаніе см. у Scholz, *op. cit.*, стр. 46—55); объ Эгидіи см. Lajard въ *Histoire litteraire de la France*, t. XXX (1888), стр. 421—566, и особенно Scholz, *op. cit.*, 32—129.

[2]) „C'est plus grant profit que les provinces et les citez soient gouvernees par soul homme, que par pluseurs"; *De regimine principum*, III, 2, c. 3; цитир. по франц. изд. Molenaer, стр. 302—304. Ср. Scholtz, *op. cit.*, стр. 59—60.

[3]) *De ecclesiastica potestate*, II, c. 7.

на всю землю простирающееся верховенство церкви. Свѣтскія власти имѣютъ, пожалуй, собственную юрисдикцію, но она всегда пространственно ограничена вполнѣ опредѣленными временными благами и лицами и извѣстными лишь спорами между отдѣльными мірянами. Если же мірская власть государства узурпируетъ что-нибудь въ свѣтской области, то противъ этого выступаетъ церковь со своею всемірной юрисдикціей [1]).

Что касается отношеній между имперіей и отдѣльными государствами, то въ первой своей книгѣ, *De regimine principum*, написанной для наслѣдника французскаго престола, Эгидій еще называетъ высшимъ и наиболѣе совершеннымъ политическимъ союзомъ regnum, объ imperium же нигдѣ не упоминаетъ; но въ послѣдующей книгѣ, *De ecclesiastica potestate*, онъ сохраняетъ за imperium его традиціонное верховенство надъ отдѣльными regna въ лѣствицѣ свѣтскихъ властей [2]).

Споръ папы Іоанна XXII съ императоромъ Людовикомъ Баварскимъ выдвинулъ особенно двухъ теоритиковъ папистскаго теократизма, Августина Тріумфа и Альвара Пелагія.

Августинъ Тріумфъ.

Августинъ Тріумфъ былъ однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ крайнихъ представителей папизма [3]). Теорія его изложена была имъ въ *Summa de potestate ecclesiastica*. Папская власть превосходитъ всякую другую въ троякомъ отношеніи: въ отношеніи къ достоинству, насколько духъ выше тѣла, настолько небесная жизнь совершеннѣе земной; въ отношеніи къ причинности, ибо она производитъ всѣ другія власти: наконецъ, въ отношеніи къ авторитету, ибо она одобряетъ и утверждаетъ распоряженія всѣхъ другихъ властей. Какъ императоръ, такъ тѣмъ болѣе и остальные короли и князья юридически подчинены папѣ даже въ свѣтскихъ дѣлахъ. Папа имѣетъ судъ во всемъ мірѣ надъ духовными и свѣтскими дѣлами; только не вездѣ онъ принимаетъ на себя непосредственное управленіе послѣднимъ. Отъ приговора всякого

---

[1]) Scholtz, *op. cit.*, стр. 90—91.

[2]) Scholtz, *op. cit.*, 105—106; *De eccl. pot.*, II, с. 5 и особ. с. 13. III, с. 4.

[3]) Augustinus Triumphus († 1243—1328). *Summa de potestate ecclesiastica ad papam Johannem XXII.* Roma, 1583; ср. E. Friedberg, *Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche. Augustinus Triumphus. Marsilius von Padua* (въ *Zeitschrift für Kirchenrecht*. Tübingen, B. 8, 1869, стр. 69—110).

князя, можно апеллировать къ папѣ, какъ скоро невинная сторона чувствуетъ себя угнетенною; какъ судья живыхъ и мертвыхъ, вмѣсто Христа, онъ можетъ оправдывать и прощать грѣшныхъ князей, низлагать ихъ по требованію справедливости и возводить на ихъ мѣсто другихъ, ибо онъ, вмѣсто Бога, имѣетъ попеченіе о всѣхъ царствахъ земныхъ, и, подобно Богу, есть ихъ виновникъ и промыслитель [1]).

На такой же крайней, теократической точкѣ зрѣнія стоялъ и Альваръ Пелагій [2]).

Ходъ развитія папистскаго универсализма.

Внимательно вглядываясь въ теоріи и доводы сторонниковъ теократическаго универсализма, мы замѣчаемъ слѣдующую общую эволюцію доктрины папизма. Первоначально, юридическая и нравственная сферы соединяются вмѣстѣ, и папѣ приписывается суверенитетъ въ обѣихъ сферахъ; считается, что ему принадлежитъ прямой юридическій суверенитетъ надъ міромъ. Далѣе, юридическая и нравственная сферы начинаютъ разъединяться, но не вполнѣ; папѣ приписывается суверенитетъ во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ имѣется нравственный элементъ; считается, что папа обладаетъ косвеннымъ юридическимъ суверенитетомъ надъ міромъ. Средніе вѣка не дошли до идеи полнаго раздѣленія юридической и нравственной областей; такое раздѣленіе было сдѣлано лишь въ новое время. Въ ученіяхъ великихъ богослововъ XVI вѣка, Беллярмина и Суареза за папою утверждается уже лишь нравственный суверенитетъ надъ міромъ, хотя впрочемъ и не безъ нѣкоторой тенденціи перейти въ юриди-

---

[1]) Ср. *Summa de potestate ecclesiastica*, 1, q. 1, a. 6 и a. 8. Церковь отожествляется съ *corporale et spirituale*, составляющими одновременно *communitas totius orbis*; ср. I, q. I, a 7—9; II, q. 36.

[2]) Alvarius Pelagius († 1352), *De planctu ecclesiae*, 1 a. 13 F и 37 Q и R (unum corpus mysticum, una communitas et unus populus, una civilitas et politia christiana), a. 40 (церковь имѣетъ духовную и свѣтскую власть; она есть истинная politia, государство составляетъ лишь часть ея; обѣ вмѣстѣ суть partes integrales unius potestatis; онѣ имѣютъ одну и ту же finis supranaturalis, при чемъ все мірское есть лишь средство духовнаго), a. 59 D. (partes distinctae unius potestatis), a. 37 R nr. 19 (est simpliciter praelatus omnium et monarcha) и Bb (papa universalis monarcha totius populi christiani et de jure totius mundi). Къ двумъ указаннымъ папистамъ надо причислить еще и Конрада Мегенбургскаго. См. Riezler, *Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers*, 1874, стр. 288—294.

ческую сферу. Такъ Суарезъ [1]) считалъ, что папѣ принадлежитъ право отмѣнять явно нечестивые законы, запрещать несправедливыя войны, освобождать народъ отъ повиновенія еретику и тирану, jus avocandi sibi causam belli et potestatem ferendi sententiam, cui partes tenentur obedire, nisi manifestam faciat injustitiam.

Доктрина папизма находила себѣ сторонниковъ, правда, и въ новое время, но она уже потеряла всякое научное значеніе и перестала быть владычицей умовъ. Можно лишь вкратцѣ указать на ея дальнѣйшую судьбу.

Монархомахи-католики.

Въ XVI вѣкѣ монархомахи-католики отстаивали идею главенства папы надъ міромъ, и въ силу реакціи противъ реформаціонныхъ движеній готовы были вернуться къ отжившему средневѣковому идеалу. Существенное ядро ученія о суверенитетѣ монархомаховъ католиковъ заключалось въ теоріи всемірнаго суверенитета папы надъ всѣми христіанскими князьями и народами міра. Буше и Россей защищали вполнѣ средневѣковыя притязанія папъ. Доводы ихъ мало отличаются отъ тѣхъ, которые приводились во времена Григорія VII. Буше, правда, отрицалъ, что папа имѣетъ право низлагать по своему усмотрѣнію князей, измѣнять и лишать силы законы и осуществлять полную непосредственную юрисдикцію надъ королями, какъ надъ подчиненными ему епископами; но и онъ приписывалъ папѣ право заботиться о томъ, чтобы христіанская церковь не потерпѣла ущерба, и поэтому въ нужныхъ случаяхъ предавать королей анаѳемѣ, разрѣшать ихъ поддапныхъ отъ обязанности послушанія и предлагать другимъ князьямъ занять мѣсто низложеннаго короля [2]). Эта власть папы простирается только на христіанскихъ князей [3]). По ученію католическихъ монархомаховъ высшій всемірный, духовный и свѣтскій суверенитетъ надъ князьями и народами всего земного шара принадлежитъ римскому епископу [4]).

---

[1]) О немъ подробнѣе см. ниже.

[2]) Boucher, *De justa Henrici III abdicatione*, lib. I, c. 5, lib. II c. 34 (anathema ab obedientia subditos solvit); тоже Rossaeus, *De justa reipublicae christianae... authoritate*, c. 8 § 1 (rex haereticus per pontifices juste excommunicari et jure regio alioqui debito privari potest), c. 8 § 7 и сл.

[3]) Boucher, *op. cit.*, I. c. 5.

[4]) Ср. Landmann, *Der Souveranetätsbegriff von Bodin bis auf Jean Jacques Rousseau*, 1896, стр. 36—39.

Томазій Кампанелла.

Достоинъ также вниманія теократическій идеалъ знаменитаго доминиканскаго монаха Томазія Кампанеллы. Въ своемъ проектѣ *De Monarchia Hispanica* [1]) Кампанелла объявилъ себя сторонникомъ всемірной монархіи, основывающейся на военномъ могуществѣ Испаніи и имѣющей главою папу. Въ этомъ всемірномъ государствѣ всѣ народы Европы должны были составлять одно цѣлое, и всѣ національныя различія исчезнуть. Благодаря этому, всякое зло, споръ, война, бѣдность, нищета прекратились бы, международный миръ сдѣлался бы ненарушимъ, и счастье воцарилось бы повсюду. Въ своей *Monarchia Messiae* [2]) Кампанелла еще съ большей энергіей говорилъ въ пользу вѣчнаго мира и теократическаго идеала. Установленіе золотого вѣка, когда исчезнутъ войны, возможно не посредствомъ установленія всемірнаго свѣтскаго могущества, а лишь черезъ духовное владычество папы. Однако, по теоріи Кампанеллы, единство папскаго принципата нисколько не должно вести къ уничтоженію королевствъ и республикъ; оно ихъ лишь утвердитъ, оно сдѣлаетъ ихъ лучшими, такъ какъ соединитъ ихъ. Государства образуютъ единую республику, главой которой сдѣлается папа.

Значеніе средневѣковаго папизма.

Теократическій универсализмъ католицизма пышнымъ цвѣтомъ расцвѣлъ и сыгралъ свою роль въ средніе вѣка. Ни одинъ изъ лучшихъ умовъ того времени не возсталъ противъ притязаній римскаго первосвященника на всемірное верховенство, ибо страстное стремленіе къ формальному единству въ управленіи являлось въ то время противовѣсомъ со стороны цивилизаціи и культуры противъ анархіи политической жизни, противъ безпорядка и всеобщаго распада, явившихся результатами варварскихъ инстинктовъ большей части человѣчества. Единая вселенская видимая церковь, какъ верховный судія и хранитель античныхъ универсалистическихъ идей, была живымъ символомъ единаго человѣчества, предчувствіемъ всеобщей гармоніи.

Когда сложились національныя государства и періодъ общегражданской анархіи кончился, смѣнившись менѣе чувствуемымъ

---

[1]) Campanella, *De Monarchia Hispanica*, Amsterdam, 1641.

[2]) Ernest Nys, *Les origines de droit international*, Paris, 1894. стр. 394; *Etudes de droit international et de droit politique*, 2 série, Paris, 1901, стр. 232—236.

періодомъ международной анархіи, новые идеалы стали освящать путь человѣчеству. Народы почувствовали стремленіе къ самостоятельной, автономной жизни, идея соглашенія, федерализма стала путеводной звѣздой плановъ общечеловѣческой организаціи, и средневѣковое «единодержавіе», монархическаго и унитарнаго характера, отжило свой вѣкъ.

Дальнѣйшая исторія теократическаго универсализма.

Теократизмъ, правда, не умеръ, но онъ потерялъ свое значеніе и перемѣнилъ характеръ. Все болѣе и болѣе стала выдвигаться нравственная сторона верховенства папы. Въ XVIII вѣкѣ Лейбницъ пытался придать новую жизнь средневѣковымъ теократическимъ идеаламъ [1]). Въ началѣ XIX вѣка Жозефъ де-Местръ дѣлалъ безуспѣшныя усилія возродить средневѣковую теорію верховенства папы надъ всѣми народами [2]). Съ большимъ талантомъ и краснорѣчіемъ утверждалъ онъ непогрѣшимость папы, неизбѣжность во всякомъ управленіи послѣдней абсолютной инстанціи, необходимость всѣмъ государямъ подчиняться папѣ, какъ высшему авторитету, какъ верховному судіи [3]). Это была послѣдняя яркая вспышка потухающаго свѣточа. Даже ультрамонтанскіе писатели послѣдняго столѣтія говорятъ о папѣ, лишь какъ объ естественномъ международномъ третейскомъ судьѣ [4]). Та же идея высказана была и въ энцикликѣ *Syllabus* папы Пія IX отъ 8 дек. 1864 г. Въ ней Пій IX заявлялъ, что церковь выше государства и что папа долженъ быть судьею конфликтовъ, возникающихъ между монархами и народами [5]).

Вообще же даже и писатели-католики, стоящіе на теократической точкѣ зрѣнія, не возвращаются болѣе къ средневѣковому идеалу всемірнаго юридико-нравственнаго суверенитета папы. Клерикалы реакціоннаго направленія, какъ Шлегель и Балланшъ, говорятъ о союзѣ, о федераціи народовъ, проникнутыхъ христіан-

---

[1]) Объ этомъ ниже.

[2]) Joseph de Maistre, *Du pape*, 1819.

[3]) *Op. cit.*, кн. II. гл. 3, 9 и 11, кн. III, гл. 2.

[4]) Adam Müller, *Die Elemente der Staatskunst*, 1809. О немъ см. Чичеринъ, *Исторія полит. ученій*, IV, стр. 242 и сл., 248—9. Ср. Dreyfus, *L'arbitrage international*, Paris, 1892, стр. 329 и сл.; Mougins de Roquefort *De la solution juridique des conflits internationaux*, Paris, 1889. стр. 113 и сл.; *La mission actuelle des souverains par l'un d'eux*, и рядъ другихъ.

[5]) Prédelièvre, *Precis de droit international public*, II, стр. 66.

скимъ духомъ и соединившихся вокругъ христіанства [1]). Клерикалъ-консерваторъ Шлейермахеръ высказывается какъ противъ всемірнаго государства, такъ и противъ всеобщей федераціи народовъ, стоитъ на національной точкѣ зрѣнія и ждетъ приближенія къ международному миру и порядку отъ роста оборота и урегулированія внѣшнихъ отношеній [2]). Представитель революціоннаго теократизма Ламеннэ говоритъ объ unité sainte du genre humain [3]) и даже о той счастливой эпохѣ, «où le monde ne formera qu'une même cité régie par la même loi, la loi de justice et de charité, d'égalité et de fraternité, religion future de la race humaine tout entière, qui saluera dans le Christ son législateur suprême et dernier» [4]). Но его идеалъ—не всемірная іерархія подъ единымъ главенствомъ папы, а свободный федерализмъ, союзъ народовъ, объединенныхъ вѣрою во Христа и нравственнымъ руководительствомъ преобразованой церкви [5]) и [6]).

---

[1]) Schlegel, *Philosophie des Lebens*, 1827. стр. 435—439; Ballanche, *Essais de palingenesie sociale*, 1827.

[2]) *Die Lehre vom Staat* (*Werke*. III Abt., B. VIII. 31—37, 79, 152), *Entwurf eines Systems der Sittenlehre* (*Werke*. 3 Abt., B. V, 288—289).

[3]) Lamennais. *Le livre du peuple*. ch. IX.

[4]) *Op. cit.*, ch. XVI.

[5]) См. С. Котляревскій, *Ламеннэ. Новѣйшій католицизмъ*, Москва, 1904., стр. 261 и сл.

[6]) Мы не будемъ здѣсь касаться другихъ формъ теократическаго универсализма, ни анархо-теократическаго космополитизма Толстого, ни федералистическихъ идеаловъ новаго христіанства Сенъ-Симона, Неккера, Леру. ни „истиннаго" католицизма Бюше. Всѣ эти построенія далеки отъ среднѣковаго папизма.

ГЛАВА III.

Средневѣковый имперіализмъ.

Общій характеръ средневѣковаго имперіализма.

Противъ теоріи теократическаго универсализма папистовъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ боролась имперская партія, отстаивавшая доктрину всемірной свѣтской монархіи. Почти вся исторія средневѣковой политической мысли сосредоточивается вокругъ борьбы этихъ двухъ великихъ партій. И та и другая удовлетворяли страстному стремленію среднихъ вѣковъ къ единству. Анархія, со всѣми своими печальными послѣдствіями, была всеобщимъ бѣдствіемъ того времени; поэтому всѣ стремленія къ усовершенствованію общественно-политическаго строя приняли форму порываній къ организаціи единой верховной власти, которая наложила бы узду на анархическіе инстинкты общества и, увеличивая силу симпатіи, научила бы непокорную волю приносить себя въ жертву общему благу.

Разсматриваемая съ церковной точки зрѣнія, идея единой организаціи человѣчества, властно царившая надъ средневѣковыми умами, требовала созданія единой теократіи; разсматриваемая со стороны свѣтской, эта идея отстаивала необходимость и божественность всемірной имперіи.

Публицистами-имперіалистами выработана была теорія, утверждавшая, что самимъ Богомъ была предусмотрѣна и предопредѣлена организація всего человѣческаго рода въ единую всемірную монархію; уже не одинъ разъ исторія знала такія monarchiae mundanae; но римскому универсальному господству суждено быть послѣднимъ, заключительнымъ звеномъ въ ряду этихъ міровыхъ колоссовъ. Рожденіемъ, жизнію и смертію Христа Римская имперія была освящена и признана; Константиномъ она временно была перенесена къ грекамъ, а въ заключеніе, Божественной волею передана

нѣмцамъ. Какъ непосредственный *юридическій* наслѣдникъ римскихъ цезарей, римско-нѣмецкій императоръ. въ силу божественнаго и человѣческаго права, имѣетъ imperium mundi, и потому всѣ народы и правители земли, какъ христіанскіе, такъ и не христіанскіе [1]), ему подчинены de jure.

Средневѣковый имперіализмъ былъ непосредственнымъ продолженіемъ римскаго имперіализма, но Римская имперія была живымъ учрежденіемъ, сильнымъ юридическимъ институтомъ, тогда какъ имперія средневѣковая была почти исключительно теоріей, политической системой, юридической доктриной. Но какъ теорія, она являлась центромъ политической мысли въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія и вмѣстѣ съ идеей папства, какъ всемірной единой церкви, оказывала глубокое, всеподавляющее вліяніе на умы средневѣковыхъ людей.

Въ развитіи теоріи имперскаго универсализма вообще можно отмѣтить слѣдующія стадіи: въ теченіе пяти первыхъ вѣковъ имперія понималась, какъ унитарное, централизованное и бюрократическое государство; въ теченіе трехъ послѣдующихъ вѣковъ (VI—VIII в.) Западная Римская имперія распалась на провинціи, а вслѣдъ за тѣмъ временная организація и этихъ провинцій исчезла въ сплошномъ хаосѣ; идея имперіи лишь въ слабыхъ проблескахъ сохранилась во взглядѣ на имперію, какъ на тѣло всемірной церкви; вѣка IX—X проникнуты были идеей имперіи, какъ наслѣдницы Римской имперіи; въ теченіе XI—XIV вѣковъ имперія понималась папистами, какъ носительница всемірнаго свѣтскаго суверенитета (меча) по порученію церкви, а имперіалистами, какъ феодальный сюзеренитетъ надъ міромъ; наконецъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ имперія стала пониматься, какъ высшая международная власть, призванная судить споры народовъ и способствовать установленію всеобщаго мира.

Феодальный характеръ средневѣковаго имперіализма.

Средневѣковыми публицистами-имперіалистами теорія всемірной имперіи строилась обыкновенно въ гармоніи съ феодальной системой. Феодализмъ былъ лишь первой ступенью въ переходѣ отъ крайней анархіи первыхъ вѣковъ послѣ разрушенія Западной имперіи къ сравнительно благоустроенному обществу и порядку второй половины средневѣковья. Хотя по своему происхожденію,

[1]) Благодаря послѣднему утвержденію имперіализмъ былъ универсалистичнѣе папизма.

онъ и являлся послѣдствіемъ торжества анархическаго начала, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, особенно въ теоріи, онъ выработался въ стройную юридическую систему общества и, какъ это ни странно, примирился даже съ имперіализмомъ. «Феодализмъ, говоритъ Брайсъ, для полноты своей теоріи нуждался въ верховномъ властителѣ міра, отъ котораго въ силу пожалованія предполагалась исходящей всякая собственность на землѣ, и находя такого сюзерена въ императорѣ, сдѣлалъ его верховнымъ государемъ всѣхъ королей и потентатовъ, ключомъ въ сводѣ феодальной арки, въ свою очередь «держащимъ», какъ тогда выражались, міръ отъ Бога... Имперія феодализовалась и стала наконецъ разсматриваться не какъ противоположный, но какъ совершеннѣйшій образецъ аристократической системы» [1]). Даже наиболѣе честолюбивые германскіе императоры не претендовали на dominium mundi, quoad *proprietatem*, а ограничивались лишь требованіемъ *beneficiarium* patronatum in omnia regna Christianorum. Средневѣковый императоръ являлся съ одной стороны лишь логическимъ завершеніемъ феодальнаго принципа господства, основаннаго на частной собственности, а съ другой стороны, продолженіемъ римской идеи единаго господства на землѣ. Какъ верховный сюзеренъ, онъ являлся, по справедливому выраженію Чичерина, какъ бы вотчинникомъ всей земли Какъ продолжатель римской традиціи, онъ былъ верховнымъ властителемъ, представителемъ всемірной суверенной власти.

Имперія, какъ международная власть.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда образовались отдѣльныя національныя государства, имперская теорія пріобрѣла новый характеръ, имперія стала пониматься, какъ международная власть. Европа разбилась на рядъ независимыхъ политическихъ тѣлъ, враждовавшихъ и воевавшихъ другъ съ другомъ. Чувствовалась необходимость въ смягченіи этого антагонизма. Это ожидалось отъ установленія «единой для всей Европы высшей власти, которая наблюдала бы за внутренними дѣлами каждой отдѣльной страны, не устраняя ея короля, но разсматривая его, какъ своего наслѣдственнаго намѣстника, преимущественно же заботилась бы о томъ, чтобы не допускать столкновеній между королевствами и охранять общественный порядокъ въ Европѣ, являясь не только источникомъ международнаго права, но

---

[1]) Брайсъ, *op. cit.*, стр. 102, 103.

также судьею въ случаяхъ его нарушенія и исполнительницей его приговоровъ» [1]). Цѣлью имперіи постоянно объявлялся всеобщій миръ; императоръ посилъ титулъ imperator pacificus.

Среди имперіалистовъ надо, какъ мы уже упоминали выше, различать два направленія. Сравнительно менѣе значительная часть, стояла на чисто-имперіалистической точки зрѣнія, т. е. на унитарной идеѣ, и изъ нея выводила требованіе суверенитета имперіи надъ церковью. Большинство же публицистовъ-имперіалистовъ придерживалось дуалистической точки зрѣнія, т. е. признавало одновременное существованіе двухъ раздѣльныхъ суверенитетовъ, духовнаго и свѣтскаго. Какъ паписты, утверждая верховенство папы, обыкновенно допускали, что императоръ стоитъ по достоинству выше остальныхъ королей, такъ и имперіалисты, утверждая независимое достоинство императора, въ то же время почти единогласно признавали въ духовной сферѣ приматъ папы (за исключеніемъ Марсилія Падуанскаго) [2]).

Дуалистическое направленіе есть полное основаніе излагать вмѣстѣ съ унитарно-имперіалистическимъ, такъ какъ основные ихъ выводы близко сходятся, если ихъ разсматривать лишь съ юридической точки зрѣнія. Дуализмъ признаетъ суверена - императора въ юридической сферѣ, суверена - папу въ религіозно-нравственной. Такъ какъ нравственно-религіозная организація человѣчества выходитъ изъ рамокъ юридическаго разсмотрѣнія, то въ области чисто-юридической и дуалистическое и унитарно-имперіалистическое направленія приходятъ къ одному и тому же построенію юридической организаціи человѣчества въ видѣ единой имперіи.

Главнымъ, для насъ наиболѣе важнымъ и интереснымъ, принципомъ, лежавшимъ въ основѣ имперіи, была *всемірность* господства. То, что имперія мыслилась въ связи съ универсальною хри-

---

[1]) Брайсъ, *op. cit.*, стр. 194—195.

[2]) Папскій престолъ назывался „mater omnium ecclesiarum“, „caput omnium ecclesiarum“, „fundamentum ecclesiae“, „domina“ и т. д. Эту раздвоенность единаго человѣческаго союза дуалисты пытались свести къ высшему единству, или признавая, что *внѣшнее* единство достаточно обезпечивается Богомъ, небеснымъ главою, источникомъ всякой, и свѣтской и духовной власти, или считая достаточнымъ *внутреннее* единства, обусловливаемаго тѣмъ, что и sacerdotium и imperium представляютъ изъ себя лишь отдѣльныя жизненныя функціи общественнаго тѣла и полноты общей жизни могутъ достигнуть лишь въ гармоническомъ согласованіи. Ср. Gierke, *op. cit.*, III, 537—538.

стіанской церковью и въ формѣ монархіи, для насъ имѣетъ значеніе второстепенное; также насъ не интересуетъ и полемика имперіализма противъ теократизма. Мы не пишемъ исторіи отношеній церкви и государства въ средніе вѣка, а лишь даемъ очеркъ развитія средневѣковаго универсализма въ его двухъ видахъ,—духовно-теократическаго и свѣтско-имперіалистическаго.

Универсализмъ германскихъ императоровъ.

Уже съ самаго возникновенія Священной Римской Имперіи германскіе императоры стали выражать притязаніе на всемірное господство, на то, что императоръ есть владыка всего земного шара, земли и моря. Сохранилось не мало свидѣтельствъ о такихъ стремленіяхъ Карла Великаго [1]), но въ выработанномъ видѣ теорія всемірной монархіи появилась у императоровъ лишь съ эпохи Генриха II; тогда именно былъ созданъ символъ золотого шара съ крестомъ наверху, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ одною изъ императорскихъ регалій. Императоры стали утверждать, что другіе короли лишь вассалы священной имперіи, а императоръ dominus urbis et orbis [2]).

Такіе императоры, какъ Конрадъ III, Фридрихъ Барбаросса, Фридрихъ II, Генрихъ VII, Людовикъ IV неоднократно и категорически провозглашали свою власть надъ всѣмъ міромъ [3]). Эти

---

[1]) См. особенно H. Lilienfein, *Die Anschauungen von Staat und Kirche im Reich der Karolinger*, Heidelberg, 1902.

[2]) Многочисленныя указанія на писателей этой эпохи приводятся у Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*. B. V, Berlin, 1893, стр. 86—127, особ. 106 и 120 (Объ императорѣ говорится: qui debet pene procurare totum mundum, terrarum marisque dominus, universalem gladium gerens, caput totius mundi и т. д.). См. рядъ цѣнныхъ указаній у Himly, *De juribus Sancti Imperii Romani*, 1849.

[3]) Конрадъ III писалъ Іоанну Комнену: „Ad hoc Francia et Hispania, Anglia, Dania, caeteraque regna imperio nostro adjacentia, quotidiana legatione sua, cum debita reverentia et obsequio nos frequentat, ad ea quae imperii nostri mandata sunt, se prompta esse tam obsidibus, quam sacramentis affirmantes". Otto Frisingensis, *Gesta Friderici I imperatoris*, L. 1, c. 23; Himly, *op. cit.*, стр. 36. Фридрихъ I-й писалъ своему дядѣ Оттону Фризингенскому: „Quia divinae providentiae clementia urbis et orbis gubernacula tenemus, juxta diversos eventus rerum et successiones temporum, sacro imperio et divae reipublicae consulere debemus." Otto Frisingensis, *op. cit.*, L. II, c. 31. Ср. также письмо Фридриха I къ Саладину, приведенное у Himly, *op. cit.*, стр. 36—37. Фридрихъ II писалъ изъ святой земли: „Recolentes etiam qualiter a diebus antiquis et generationibus seculorum Imperatores Romani universum mundum sue ditioni subdiderint auxilio suorum fidelium qui cum eis usque ad effusionem

притязанія не оставались одной теоріей, но стремились осуществиться и въ жизни [1]).

Параллельно притязаніямъ германскихъ императоровъ стала вырабатываться и политическая теорія всемірной имперіи. Уже защитники имперіи временъ Генриха IV, говоря главнымъ образомъ о независимости императора отъ власти папы, высказываются также и за верховенство императора надъ всѣми князьями земли [2]). Въ XII вѣкѣ типичнымъ защитникомъ организаціи человѣчества въ видѣ всемірной имперіи былъ Гуго Флерійскій [3]). «Гуго Флерійскій

laborarunt... Postquam universorum Dominus et Creator, multiplici hostilitate devicta, nobis dignatus est facere nomen grande ultra nomen magnorum qui sunt in terra. См. Pertz, *Monumenta Germaniae historica*, *Leges*, II. стр. 245. Ту же идею выражаетъ и Глосса къ Саксонскому Зерцалу, L. III, art. 57 у Vitriar. I, стр. 377. „Zum dritten wird Er auf dem Stuhl zu Rom mit einer güldenen Kron gekrönet, dieselbe empfähet Er von dem Papst, und dadurch wird Er zum Kaiser über die gantze Welt und Christenheit". Генрихъ II во время похода въ Италію издалъ конституцію, начинающуюся словами: „Ad reprimendum multorum facinora, qui ruptis totius debitae fidelitatis habenis, adversus Romanum imperium, in cuius tranquillitate totius orbis regularitas requiescit, hostili animo armati conantur nedum humana, verum etiam divina praecepta, quibus jubetur, *quod omnis anima Romanorum Principi sit subjecta*, sceleratissimis facinoribus et assiduis rebellionibus demoliri" и т. д. Цит. у Грабаря, *op. cit.*, стр. 179. Людовикъ IV Баварскій называетъ себя: „Gentis humanae, orbis christiani custos, urbi et orbi a Deo electus praeesse". На печати Золотой Буллы была надпись: „Roma caput mundi regit orbis frena rotundi".

[1]) См. у Брайса, *op. cit.*, стр. 144—163 многочисленные примѣры такихъ притязаній императоровъ на верховенство въ Венгріи, Польшѣ, Даніи, Франціи, Швеціи, Испаніи, Англіи и на Востокѣ. Впрочемъ насколько теоретическія притязанія Имперіи на всемірное господство были далеки отъ дѣйствительности, ср. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, B. V (1893), стр. 121—122.

[2]) Petrus Damianus, († 1072 г.), *Opusc.*, 56, cap. 4 (*Opera*, ed. 1742, t III, p. 374) видѣлъ въ императорскомъ достоинствѣ высочайшую земную власть; Benzo de Alba, *Libri VII ad Henricum*, lib. 1, c. 9 (Pertz, *M. G. SS*, XI, 602,— Sic imperator incedit ad processionem, nulla lingua potest expricare talem gloriam, tantum honorem, и Cap. 8, рядомъ съ императоромъ короли, какъ regali unius provinciae); *Gesta romanae ecclesiae* (Nr. III, cap. 8, 9, M. M. G. *Libelli de lite*, II, 390); *Tractatus de investitura* (M. M. G. *Lib. de lite*, II, 498); Humberti, *Libri III adversus simoniacos*, lib. II, c. 36, lib. III. c. 5. (M. M. G. *Lib. de lite*, I); Wido Ferrara, *De scismate Hildebrandi*, lib. 11, c. 1 (M. M. G. *Lib. de lite*); *De unitate ecclesiae conservanda*, l. I, c. 3, l. II, c. 7. (*Libelli de lite*, II, 188, 216). См. также I. Haashagen, *Otto von Freising, als Geschichtsphilosoph und Kirchenpolitiker*, Leipzig, 1900.

[3]) Hugo Floriacensis, *Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate* (*Libelli de lite*, II, 466—494). Въ XIII вѣкѣ слѣдуетъ отмѣтить Jordanus

разсматривалъ единство, какъ универсальный законъ, лежащій въ основѣ существующаго,—космическую форму теократіи. Богъ отъ созданія міра учредилъ единоначаліе на землѣ, подчинивъ первому человѣку всю тварь поднебесную. Все въ мірѣ расчленено какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, все въ немъ расположено въ правильномъ порядкѣ іерархической лѣствицы, въ коей низшія ступени по справедливости подчиняются высшимъ. Порядокъ природы построенъ по образцу небесной куріи, «гдѣ одинъ Богъ обладаетъ царскимъ достоинствомъ», гдѣ силы небесныя расположены подъ предстоломъ Вышняго въ нисходящемъ порядкѣ многоразличныхъ чиновъ ангельскихъ. И земное человѣческое царство должно быть построено по образу и по подобію небеснаго Царя, который въ своемъ государствѣ являетъ собою образъ Всемогущаго Отца, которому должны подчиняться всѣ, не исключая и епископовъ, «дабы все царство было приведено къ единому началу» [1]).

Глоссаторы. Наиболѣе смѣлыхъ и послѣдовательныхъ защитниковъ имперская теорія, въ своей чисто юридической сферѣ, т. е. какъ ученіе о неограниченномъ суверенитетѣ императора надъ міромъ, нашла среди средневѣковыхъ легистовъ и особенно въ первой ихъ школѣ, у глоссаторовъ [2]). Понятно, что особенно юристы были защитниками имперіи, такъ какъ она сохраняла единство среди всеобщей дезорганизаціи, противопоставляла грубому насилію, отрицанію всякаго права, кромѣ кулачнаго, высшее право, санкцію верховной власти.

Уваженіе къ римскому праву развивалось у средневѣковыхъ юристовъ параллельно презрительному отношенію къ праву національному; къ этому послѣднему начинаютъ относиться даже прямо враждебно, называя его jus barbarum, asininum, lex sine ratione, jus per nomines barbaros et ratione carentens conditum [3]). Особен-

---

v. Osnabrück, *De prerogativa Romani imperii* (напеч. Waitz въ *Abhandlungen der Göttinger-Gesellschaft der Wissenschaften*, 1868, т. 14) и Petrus de Vineis, *Epistolae* I, c. 1. 2; VII, c. 31.

[1]) Кн. Ев. Трубецкой, *Религ.-общ. идеалъ западнаго христ. въ XI вѣкѣ*, стр. 3.

[2]) См. В. Грабарь, *Элементы междунар. права въ трудахъ легистовъ XII—XIV вв.*, Юрьевъ, 1901, особ. стр. 22—93.

[3]) Schmidt, *Die Reception des römischen Rechts in Deutschland*, 1868, стр. 39.

но болонская школа и ея четыре доктора потрудились надъ доказательствомъ доктрины всемірной монархіи. Отто Морена разсказываетъ о бесѣдѣ императора Фридриха Барбароссы съ болонскими докторами гражданскаго права. Между прочимъ Фридрихъ спросилъ: «Utrum de jure esset Dominus mundi? et D-us Bulgarus respondit, quod non erat Dominus, quantum ad proprietatem. D-us vero Martinus dixit: «Quod erat Dominus» [1]).

Глоссаторы строго стояли на томъ, что государствомъ съ точки зрѣнія писаннаго права является лишь Римская имперія. Только для императора они требовали полноты настоящей государственной власти, какъ это слѣдуетъ изъ исключительнаго обладанія imperium, переданномъ ему populus romanus. Рядомъ съ императоромъ не существуетъ другихъ свѣтскихъ сувереновъ; рядомъ съ respublica romana не существуетъ другой настоящей respublica [2]).

Точно также и декретисты, хотя и отстаивали идею теократическаго верховенства папы, въ области свѣтской власти стояли вполнѣ на точкѣ зрѣнія римскаго права о всемірномъ суверенитетѣ императора надъ остальными свѣтскими князьями [3]). Декретисты.

---

[1]) Otto Morena, *Historia rerum Landensium* подъ 1158 годомъ. Ср. Savigny, *Gesch. R. R.*, IV, 180 и сл. Landsberg, *Die Glosse des Accursius*, стр. 16. Знаменитый тулузскій юрисконсультъ Плацентинъ обвинялъ болонскихъ юристовъ въ томъ, что они измѣнили Италіи для императора: „contra proprias conscientias a miseris Bononiensibus Frederico imp. suasum est Italiam factam esse tributoriam". Placentin, *Summa in tres libros de annonis*, cod. X, 16

[2]) Gierke, *op. cit.*, III, 199. Поводъ имперіалистическимъ теоріямъ глоссаторовъ давали: 1 const. Cod. Iust. tit. I, *De Summa Trinitate*, регулировавшая религіозныя отношенія христіанъ и начинавшаяся словами: „ Cunctos populos, quos clementiae nostrae regit temperamentum"; L. 9, Dig. de lege Rhodia jactu (XIV, 2): Ergo orbis terrarum dominus sum, lex autem maris; L. 2, § 23. Cod. (I, 17): Post Europam enim et Asiam et tota Libya nostro imperio adjuncta est (Императоръ, говоритъ Глосса къ этому мѣсту, носитъ три короны, чтобы показать, что онъ владыка трехъ міровъ); L. 3. Cod. (VII, 37): Quum omnia principis esse intelligantur. О томъ, какимъ измѣненіямъ невольно подвергались строгія имперіалистическія идеи единодержавія у глосаторовъ, благодаря совершенно не укладывавшейся въ рамки римскаго права средневѣковой дѣйствительности, см. у Gierke, *op. cit.*, III, 199—202 и Грабарь, *op. cit.*, 46 и сл.

[3]) Рядъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ канонической глоссы собраны у Вильгельма Оккама въ его ученомъ трактатѣ *Dialogus*. Глосса на *distinctione*

XIV вѣкъ. Публицисты: Данте.

Средневѣковая теорія всемірной имперіи оставила послѣ себя произведеніе, изящное по формѣ, стройное и ясное по мысли, не превзойденное по послѣдовательности и смѣлости построенія. Мы разумѣемъ *De Monarchia* Данте [1]).

---

63. cap. Adrianus, надъ словомъ *per singulas provincias*, говоритъ: Ergo in Francia et in Hispania unus est imperator. 72. quaest. 1. cap. amplius. Quod concedo: nisi probent se exemptos esse ab imperatore. Ut 23. quaest. 8. eccc. Unde et hic a capite suo dabunt tributum imperatori, cum probent se exemptos. Et ff. de censibus L. ultima. Si enim dicunt se non subesse Romano imperio: igitur per consequens dicunt se non habere aliquid proprii, ut supr. d. st. 1. jus Quiritum. Fatemur igitur imperatorem esse Dominum mundi, ut ff. ad. L. Rhod. qui levanda. Точно также Глосса на *extr. de elect. venerabilem*, надъ словомъ *in Germanos*, говоритъ: Sicut imperium mundi translatum est in Theutonicos. Nam ipsi habent regimen Romanae ecclesiae 9. distinct. 5. in diem. Et sic patet, quod imperium non est apud graecos: licet largo modo appelletur imperium, extra de majoritate et obedientia, cap. solitae. Sicut et rex Francorum et Scotorum dicitur rex: quoniam extra ecclesiam non est imperium. et 4. q. 1 §. Sed illud. Sed est imperator ille super Reges, 7 q. 1. c. in apibus. Et omnes nationes sub eo sunt 11 q. 1. haec si quis. ibi, volumus. Ipse enim est princeps mundi et Dominus ff. ad L. Rhodiam, qui le. Et hac deprecarie. Et etiam Judaei sub ipso sunt. Supra de Judaeis, Judaei: et omnes provinciae. Et 43. dist. Adrianus. Et omnia sunt in potestate imperatoris, 8 dist. quo iure descendis et 23. q. 8. convenior. Точно также Глосса на *dist. 1. jus Quiritum*, говоритъ, что Judaei utuntur jure Romano. et vocantur Romani: quia omnes vocantur Romani subjecti Romano imperio, prout dicitur populus Romanorum habere filios in potestate, prout etiam sunt gentiles sub Romano imperio. Nam imperator est princeps totius mundi ff. ad. L. Rhod. Qui non vult esse sub Romano imperio sec haereditatem habere potest, nec alia quae hic de jure humano enumerantur. Точно также Глосса 23. *q. 8. cap. convenior* надъ словами *omnia infert*, говоритъ *igitur omnia sunt imperatoris, ut Supra distinct 8. quo jure*. См. Ockam, *Dialogus*, Tract. II, lib. II, c. 5 (Quaeritur, utrum imperator per universum mundum habeat jurisdictionem super temporalia) у Goldast, *Monarchia Sancti Romani imperii*, II, 904—905. Точно также и извѣстный канонистъ Hugueccio писалъ: Hoc jure soli Romani et qui subsunt Romano imperio astringuntur. Sed quid de Francis et Anglicis et aliis ultramontanis, numquid ligantur legibus Romanis et tenentur vivere secundum eas? Respondeo: utique, quia subsunt vel subesse debent Romano imperio, nam *unus imperator in orbe*... sed in diversis provinciis diversi reges sub eo... Item saltem ratione pontificis subsunt Romano imperio, omnes enim christiani subsunt imperio apostolico et ideo omnes tenentur vivere secundum leges Romanas, saltem quas approbat ecclesia. См. Stobbe. *Geschichte der deutschen Rechtsquellen*, 2 т. Braunschweig, 1860—1864, т. I, стр. 616, пр. 10. Ср. Грабарь, *op. cit.*, стр. 107—108.

[1]) Dantis Alighieri (1265—1321), *De Monarchia libri III* (написано, вѣроятно, послѣ 1310 г.); лучшее изд. Car. Witte. Wien, 1874. Наиболѣе

Политическимъ идеаломъ Данте была всемірная имперія, опирающаяся на единство католической церкви, но независимая отъ папской власти. Весь трактатъ Данте предназначенъ былъ для обоснованія этого идеала. Во главѣ этихъ, съ большимъ искусствомъ собранныхъ доказательствъ стоятъ обще-философскія соображенія и особенно телеологическаго характера. Всемірная монархія вытекаетъ изъ универсализма человѣческихъ цѣлей. Все человѣчество имѣетъ одну общую цѣль, преходящаго и непреходящаго характера: а) блаженство въ этой жизни, b) блаженство въ вѣчной жизни. Пока натура человѣческая была чистой, человѣкъ могъ одинъ, самостоятельно, достигать этой цѣли, но съ тѣхъ поръ какъ грѣхопаденіе сдѣлало натуру человѣческую слабой, силъ отдѣльнаго индивида недостаточно для ея достиженія: ему необходимо двойное руководство, папы—для достиженія небеснаго блаженства, и императора—для достиженія земного счастья [1]). Земного счастья человѣкъ можетъ достигнуть лишь въ государствѣ; внѣ послѣдняго человѣкъ не можетъ выполнить своего высокаго назначенія. Quid sit finis totius humanae civitatis, спрашиваетъ Данте [2]), и отвѣчаетъ: своеобразное дѣло всего человѣческаго рода, взятаго въ цѣломъ, должно состоять въ постоянномъ поддержаніи дѣятельности всѣхъ интеллектуальныхъ способностей, какъ въ спекулятивной, такъ и въ практической сферѣ [3]). Для достиженія этой цѣли, т. е. умственнаго и нравственнаго прогресса, человѣчество нуждается въ мирѣ и гармоніи [4]). Это же послѣднее лучше всего будетъ достигнуто, когда все человѣчество будетъ имѣть юридическую организацію. Какую же форму должна принять эта организація человѣче-

дѣльной работой о политико-юридическихъ идеяхъ Данте является Hans Kelsen, *Die Staatslehre des Dante Alighieri*, Wien, 1905; въ концѣ подробная библіографія. Ср. F. Wegele, *Dante Alighieris Leben und Werke*, 3 Aufg., Iena, 1879 (311—386); Boehmer, *Ueber Dantes Monarchie*, Halle, 1866.

[1]) *De Monarchia*, lib. III in fine.

[2]) *De Monarchia*, lib. I, § 4, см. *Opere minore*, II, Firenze, 1861, стр. 282.

[3]) Proprium opus humani generis totaliter accepti est actuare semper totam potentiam intellectus possibilis... (l. I, § 5).

[4]) Genus humanum in quiete sive tranquillitate pacis ad proprium suum opus, quod fere divinum est, liberrime atque facillime se habet. Unde manifestum est, quod pax universalis est optimum eorum, quae ad nostram beatitudinem ordinatur. *Ibid.*

ства, чтобы всеобщій миръ былъ гарантированъ, и цѣль человѣчества была достигнута? Такою формою, по мнѣнію Данте, должно явиться единодержавіе, «monarchia temporalis». Ссылаясь на авторитетъ Аристотеля, Данте заявляетъ: «Quando plura ordinantur ad unum, oportere unum eorum regere, alia vero regi». Это начало единодержавія Данте находитъ въ семьѣ (domus), въ сельской общинѣ (vicus), въ городской общинѣ (civitas), въ отдѣльномъ государствѣ (regnum); oportet esse regem unum... omne regnum in se divisum desolabitur.

Свой тезисъ Данте обосновываетъ разнообразными доказательствами, въ большинствѣ случаевъ схоластическаго характера, и выдвигаетъ цѣлый арсеналъ всевозможныхъ argumenta unitatis. Во-первыхъ, sicut se habet pars ad totum, sic ordo partialis ad totalem т. е. болѣе узкіе союзы относятся къ болѣе широкимъ, какъ къ своей цѣли. Отдѣльныя части человѣчества должны свой строй и свою цѣль искать въ строѣ и цѣли всего человѣческаго рода [1]). Во всѣхъ вещахъ наилучшее то, что болѣе всего едино; единство есть корень блага, множественность—корень зла. Всякое благо потому благо, что оно состоитъ изъ единаго. Согласіе возникаетъ изъ единства, какъ изъ единаго корня; оно зависитъ отъ единства воли; человѣческій родъ, пока онъ преслѣдуетъ высшую общую цѣль, есть также согласіе, слѣдовательно его высшее благо зависитъ отъ единства воли. Это же возможно только тогда, когда есть одна воля у всѣхъ соединенныхъ волъ; слѣдовательно, соединеннымъ волямъ надо дать одну высшую волю, а таковой можетъ быть лишь воля всемірнаго императора [2]). Единодержавіе есть образъ Божій. Политическое единство человѣчества уже предопредѣлено самымъ существомъ Бога и природы. Правитель всего творенія есть единодержавный Богъ, точно также и человѣчество должно

---

[1]) *De Monarchia*, lib. I, cap. 8 (Et sic omnes partes praenotatae infra regna et ipsa regna ordinari debent ad unum Principem, sive Principatum, hoc est, ad Monarcham, sive Monarchiam).

[2]) *Op. cit.*, lib. I, c. 17 (Dico, quod ens, et unum, et bonum gradatim se habent... Omnis concordia dependet ab unitate quae est in voluntatibus; genus humanum optime se habens est quaedam concordia... Sed hoc esse non potest, nisi sit voluntas una, domina et regulatrix omnium aliarum in unum... Nec ista una potest esse, nisi sit Princeps unus omnium, cuius voluntas domina et regulatrix aliarum omnium esse possit).

имѣть единаго монарха. Все созданное должно быть подобно Богу; Богъ единъ, такимъ должно быть и человѣчество, а это можетъ быть только при монархіи (единодержавіи) [1]). Единодержавіе находитъ свой образъ также и въ единствѣ вселенной [2]).

Переходя къ соображеніямъ нравственно-политическаго характера, Данте доказываетъ необходимость единаго владыки міра необходимостью установленія суда на землѣ: когда весь міръ будетъ подъ властію единаго монарха, золотой вѣкъ возвратится снова. На землѣ снова воцарится справедливость. Главная причина несправедливости—злыя страсти. Единый монархъ, обладающій всѣмъ, всемогущій, не можетъ имѣть страстей; не имѣя враговъ, онъ не будетъ имѣть основаній ненавидѣть, и будетъ самой любовью [3]). Всемірная монархія будетъ способствовать установленію справедливости [4]). Она же, по мысли Данте, сдѣлается наисильнѣйшимъ

---

[1]) *De Monarchia*, lib. I, c. 10 (Totum universum nihil aliud sit, quam vestigium quoddam divinae bonitatis. Ergo humanum genus bene se habet, et optime, quando secundum quod potest, Deo adsimilatur. Sed genus humanum maxime Deo adsimilatur quando maxime est unum; vera enim ratio unius in solo illo est... Sed tunc genus humanum maxime est unum, quando totum unitur in uno, quod esse non potest, nisi quando uni Principi totaliter subjacet, ut de se patet).

[2]) *Op. cit.*, l. I, c. 9 (Humanum genus filius est coeli... Et quum coelum totum unico motu scilicet primi mobilis, et unico motore, qui Deus est, reguletur in omnibus suis partibus, motibus, et motoribus, ut philosophando evidentissime humana ratio deprehendit; si vere syllogizatum est, humanum genus tunc optime se habet, quando ab unico Principe tanquam ab unico motore, et unica lege, tanquam ab unico motu, in suis motoribus et motibus reguletur).

[3]) *Op. cit.*, l. I, c. 10 (Ubicumque potest esse litigium, ibi debet esse judicium... Inter omnes duos principes, quorum alter alteri minime subjectus est, potest esse litigium, vel culpa ipsorum, vel etiam subditorum, quod de se patet. Ergo inter tales oportet esse judicium... Et hic aut erit Monarcha, aut non. Si sic, habetur propositam; si non, iterum habebet sibi coaeqalem extra ambitum suae jurisdictionis; tunc iterum necessarius erit tertius alius. Et sic aut erit processus in infinitum, quod esse non potest; aut oportebit devenire ad judicem primum et summum, de cujus judicio cuncta litigia dirimantur, sive mediate, sive immediate; et hic erit Monarcha, sive Imperator. Et igitur Monarchia necessaria mundo).

[4]) *Op. cit.*, l. I, c. 11 и 13 (Justitia potissima est in mundo, quando volentissimo et potentissimo subjecto inest: hujusmodi solus Monarcha est; ergo soli Monarchae insistens justitia, in mundo potissima est... Justitiae maxime contrariatur cupiditas... Remota cupiditate omnino, nihil justitiae restat adversum... Ubi ergo non est quod possit optari, impossibile est ibi cupiditatem esse: destructis enim objectis, passiones esse non possunt. Sed Monarcha non habet quod possit optare; sua namque jurisdictio terminatur Oceano solum; quod non continguit

оплотомъ свободы народовъ. Въ отдѣльныхъ государствахъ, народъ лишь орудіе въ рукахъ князей, дѣйствующихъ въ эгоистическомъ интересѣ. Во всемірной монархіи, мирной и гармоничной, правленіе будетъ совершаться лишь въ интересѣ народовъ, а не въ интересѣ князей: всемірный монархъ, будучи самой милостью, будетъ слугою всѣхъ.

Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги [1]) Данте говоритъ о разнообразіи законовъ, соотвѣтствующихъ каждой странѣ, и считаетъ, что мѣстныя дѣла должны быть поручены мѣстнымъ правителямъ, неправильно однако было бы предполагать, какъ иногда это дѣлаютъ, будто Данте склонялся къ идеямъ международнаго федерализма. Данте предполагалъ, что весь суверенитетъ принадлежитъ только центральной власти, которая сама суживаетъ или расширяетъ свою компетенцію: «est ergo temporalis monarchia quam dicunt imperium, unicus principatus et super omnes in tempore vel in iis et super iis, quae tempore mensurantur» [2]).

Энгельбертъ.

Другимъ знаменитымъ имперіалистомъ среднихъ вѣковъ былъ современникъ Данте, Энгельбертъ Адмонтейскій [3]). Главное основаніе для имперіализма Энгельбертъ находитъ въ пацифизмѣ. Миръ есть конечная цѣль, ради которой устанавливаются всякаго рода политическіе союзы и общества. Политическій миръ есть сохраненіе справедливаго строя. Этотъ миръ легче всего можетъ быть сохраненъ всемірной имперіей [4]). Если бы верховныя власти не поддерживали согласія, болѣе сильные напали бы

---

principibus aliis, quorum principatus ad alios terminantur... Ex quo sequitur, quod Monarcha sincerissimum inter mortales justitiae possit esse subiectum». Доводы эти напоминаютъ собою тѣ, которыми впослѣдствіи хотѣлъ обосновать монархію вообще Лоренцъ Штейнъ въ своей книгѣ: *Das Königthum, die Republik und die Souveränität der französischen Gesellschaft*, 1848.

[1]) Напр. cap. XIV.

[2]) См. Hans Kelsen, *Die Staatslehre des Dante Alighieri*. 1905, стр. 129—132.

[3]) Engelberti abbatis Admontensis около 1250—1327). *De ortu et fine Romani imperii liber*. Basil., 1553 (См. Goldast. *Politica imperialia* и Engelberti, *Opuscula philosophica*. Ratisbonae, 1725).

[4]) *De ortu et fine Romani imperii*. cap. XIV «Pax enim est finis propter quem omnis hominum communitas et societas est constituta... Pax est ordinis justitiae tranquillitas inconcussa... Pax est omnis discordiae et disconvenientiae finis, cum tranquillo et securo statu in propriis».

на болѣе слабыхъ и истребили бы ихъ [1]). Гдѣ нѣтъ твердыхъ границъ, тамъ неизбѣжны конфликты между народами. Поэтому должна существовать высшая власть, которая имѣла бы авторитетъ и силу поддерживать согласіе. [2]) Поэтому на землѣ всегда существовали всемірныя монархіи (monarchiae mundanae), сначала Ассирійская, потомъ Вавилонская, Персидская, Македонская и, наконецъ, Римская. Изъ двухъ положеній, когда всѣ государства подчинены одному королю или императору, какъ всемірному монарху, или когда они существуютъ каждое само по себѣ, наиболѣе справедливымъ Энгельберту кажется первое, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ естественному порядку [3]). Обращаясь къ разсмотрѣнію человѣческихъ обществъ, мы видимъ, что во всякомъ организованномъ собраніи людей должна быть проведена система подчиненія и властвованія [4]). Общее благо лучше и болѣе достойно достиженія, чѣмъ благо индивидуальное; благо частное должно сообразоваться съ общимъ благомъ, благо дома съ благомъ города, благо города съ благомъ царства; поэтому и государства міра должны подчиниться единому естественному царству [5]). Необходимость единой имперіи доказывается единствомъ естественнаго права. Гдѣ правитъ одно божественное или свѣтское право, тамъ можетъ быть лишь одинъ народъ и одинъ повелитель; существуетъ же

---

[1]) *Op. cit.*, cap. XV, 5 arg. (In constitutione mundanae machinae superiora suo motu et impetu destruerent inferiora, et in ipsa elementari regione activa sua virtute vincerent et corrumperent passiva, et majora consumerent minora, si non esset aliqua virtus omnipotens, separata ab omnibus, quae omnia ad invicem concordaret, et eorum concordiano conservaret).

[2]) *Op. cit.*, cap. XV, 6 arg. (Diversitas gentium et regnorum... est causa et occasio adversitatis et discordiae, gentis contra gentem, et regni adversus regnum. Ergo de necessitate erit aliqua potestas major ac superior, quae habeat authoritatem et virtutem concordandi et conservandi inter regna et gentes ad invicem et adversas... Ergo ex divinae providentiae ordinatione erit de necessitate aliqua una potestas, et dignitas suprema et universalis in mundo, cui de jure subesse debent omnia regna, et omnes gentes mundi, ad faciendam et conservandam concordiam gentium et regnorum per totum mundum).

[3]) *Op. cit.*, cap. XV, 1 arg. (Videtur, quod justius et melius sit, omnia regna et omnes reges subesse uni monarchae, quia prima inventio et constitutio regnorum et regum emanavit a natura, sicut patet in feris... и т. д.).

[4]) *Op. cit.*, cap. XV, 2 arg.

[5]) *Op. cit.*, cap. XV, 3 arg. (Sic etiam multa regna mundi, et bonum ipsorum, ordinantur ad unum naturale regnum et imperium, tanquam bonum particulare ad bonum commune omnium gentium et regnorum...).

только одно истинное божественное и человѣческое право. Человѣчество есть единый народъ съ единымъ правомъ и единымъ consensus, и слѣдовательно оно является единой respublica [1]).

Вильгельмъ Оккамъ.

Съ большою тщательностью, хотя и чисто схоластической сухостью, всѣ аргументы защитниковъ имперіалистической теоріи были собраны знаменитымъ публицистомъ XIV вѣка Вильгельмомъ Оккамомъ, сторонникомъ Людовика Баварскаго въ его спорѣ съ папою Іоанномъ XXII [2]). Самъ Оккамъ остановился на среднемъ мнѣніи. Симпатіи его были на сторонѣ всемірной имперіи, но онъ считалъ необходимымъ принимать во вниманіе условія мѣста и времени. Главное—достиженіе мира и порядка. Когда люди охотно подчиняются одному повелителю, нѣтъ никакого сомнѣнія, наилучшей

---

[1]) *Op. cit.*, cap. XV, 4 arg. (Ubi est unum jus divinum et humanum, et unus et concors consensus populi in illud unum jus divinum et humanum: ibi erit unus populus, et una respublica. Ubi autem est unus populus et una respublica, ibi de necessitate erit et unus rex et unum regnum. Sed est unum solum in toto mundo verum jus divinum, videlicet unus cultus verus veri Dei: et solum unum verum jus humanum, scilicet canones et leges consonae juri divino: quia jus humaum sumit autoritatem et principium a jure divino et non è contratio. Et est unus solus consensus populi in illud jus divinum et humanum, scilicet fides Christiana: et unus solus populus, scilicet Christianus populus, fide consentiens in illud jus divinum et humanum: et per consequents, una sola respublica totius populi Christiani). Идеи, высказывавшіяся Данте и Энгельбертомъ, находили себѣ сторонниковъ среди многихъ другихъ публицистовъ, жившихъ въ ту же эпоху, изъ которыхъ укажемъ, напр., на Ландульфа изъ Колонны. Imperator siquidem iste Romanus, super omnes reges est ut VII. q. 1. In apibus. His regibus exceptis duntaxat qui per privilegia et consuetudinem sunt exempti. Omnes siquidem nationes subjectae sunt ut XI. q. 1. Si quis et VIII dist. c. Quo jure ipse dominus mundi est. ff. ad. Ro. De jact. L. Deprecatis. См. Landulfus de Colonna, *De translatione imperii* у Goldast, *op. cit.*, II, p. 88. Schardius, *op. cit.*, p. 297.

[2]) Guillelmus Occam († 1347), основное сочиненіе *Dialogus inter magistrum et discipulum* (Goldast, *op. cit.*, II, 397—957); особенно см. III pars, tractatus II (*De juribus Romani imperii*), lib. 1, cap. 1, in quo principaliter quaeritur, utrum expediat toti generi humano pro communi hominum salute et utilitate uni Imperatori seu principi seculari subesse, et arguitur undecim rationibus quod sic, ad quas respondetur infra capitulo sexto et tribus sequentibus (Goldast, *op. cit.*, II, 871 и сл.). См. также *Dialogus*, tr. II, l. II, c. 5, in quo quaeritur, utrum Imperator per universum mundum habeat jurisdictionem super temporalia. Ср. *Octo quaestionum decisiones super potestate papali* (Goldast, *op. cit.*, II, 313—391), особенно qu. III, c. 1 (Totum genus humanus unus populus est... universitas mortalium est communitas quaedam volentium communionem habere ad invicem), qu. IV, c. 5 и qu. VIII, c. 3.

формой устройства человѣческаго общежитія является всемірная имперія; но когда установленіе такого государства, обнимающаго все человѣчество, встрѣчаетъ сильное сопротивленіе со стороны отдѣльныхъ лицъ и народовъ и надо опасаться междоусобицъ, лучше раздѣленіе человѣчества на рядъ самостоятельныхъ государствъ. Раздѣленіе лучше также и тогда, когда всемірный императоръ становится тираномъ [1]).

Люпольдъ Бебенбургъ и Петрарка.

Изъ другихъ публицистовъ XIV в. укажемъ лишь на Люпольда Бебенбурга и Петрарку. Люпольдъ Бебенбургъ въ своемъ сочиненіи *De juribus regni et imperii* занятъ былъ главнымъ образомъ юридическимъ анализомъ соотвѣтственныхъ правъ избирательной куріи и папы на выборъ императора, выясненіемъ значенія коронаціи и передачи папою императорской короны германскимъ королямъ. Люпольда занималъ не столько политическій вопросъ объ основаніи имперіи и о компетенціи имперской власти, сколько формально-юридическое разграниченіе правъ нѣмецкаго короля, императора, курфюрстовъ и папы. Вопроса о границахъ компетенціи имперской власти онъ касался лишь мимоходомъ. Онъ полагалъ, что императоръ, самымъ избраніемъ своимъ, получаетъ верховныя права надъ тѣми странами, которыя уже были завоеваны Карломъ Вели-

---

[1]) Выводъ Оккама (opinio media) изъ различныхъ мнѣній о томъ, долженъ ли быть одинъ владыка міра или нѣсколько, слѣдующій: Igitur secundum diversitatem et necessitatem temporum est expediens, ut universitas mortalium uni vel pluribus principibus sive rectoribus sit subjecta, Rursus, ille modus regendi universitatem mortalium, qui aliquando fuit licitus et justus, est expediens reputandus, quia omne justum et licitum est judicandum expediens. Sed aliquando mundus licite et juste regimini unius principis, interdum regimini plurium subdebatur. Igitur adhuc talis modus varius regendi universitatem mortalium, secundum diversitatem ac qualitatem et necessitatem temporum, est expediens aestimandus. Guilhelmi de Ockam, *Dialogus*, III pars, tract. II, l. 1, c. V, Goldast, *op. cit.*, II, 876. An nonam dicitur, quod quamvis regnum sit optima politia in una civitate secundum Aristotelem..., tamen regnum non est optima politia in toto orbe, nec in omni parte orbis. Quia totus orbis et diversa regna melius reguntur a pluribus, quorum nullus sit superior alio, quam ab uno solo, propter rationes tactas superius. Per hoc ad allegationem ultimam respondetur, quod non expedit universitati mortalium, ut regatur ad uno monarcha totus orbis, sed regulariter expedit, ut regatur a pluribus, quorum nullus sit superior alio, quamvis in aliquo casu, qui possit accidere, magis expediret quod totus orbis regeretur ab uno, quam a pluribus. *Dialogus*, III pars, tract. I (*De potestate papae et cleri*), lib. II, c. 30.

кимъ въ то время, какъ произошла передача ему со стороны папы Льва императорскаго достоинства: коронація добавляетъ къ этому право на верховную власть надъ тѣми странами, которыя уже входили въ государство Карла Великаго при его короновапіи, т.-е., другими словами, избранный курфюрстами и коронованный папою императоръ является верховнымъ главою всего извѣстнаго тогда міра [1]). Люпольдъ различалъ непосредственно имперскія и косвенно имперскія земли. Въ земляхъ второго разряда, по его мнѣнію, императору принадлежитъ непосредственная юрисдикція лишь надъ князьями и косвенная, въ извѣстныхъ случаяхъ (небрежности, отказа въ правосудіи), и надъ подданными ихъ [2]).

XIV вѣкъ. Цивилисты.

Имперіалистическія идеи были достояніемъ не одной публицистической средневѣковой литературы, но ими въ значительной степени были проникнуты и ученія средневѣковыхъ цивилистовъ. Однако здѣсь съ XIV вѣка начали намѣчаться уже новыя теченія. Еще глоссаторы XII и XIII вв., какъ мы видѣли, строго держась буквы римскаго закона, признавали лишь одну Римскую имперію

---

[1]) Lupold Bebenburg († 1363), *De jure regni et imperii*, особ. cap. XI, см. Schardius, *op. cit.*, p. 377—378.

[2]) Reges immediate in suis regnis, ex consuetudine vel praescriptione observata a tempore, cujus contrarii memoria non existit, possunt merum et mistum imperium exercere: sed Imperator nihilominus habeat et jurisdictionem mediatam in causis meri et misti imperii, quo ad subditos illorum regum, sicut in causa appellationis, vel negligentiae, vel denegationis justiciae..., et etiam immediatam jurisdictionem in causis hujusmodi in personas ipsorum regum... *Op. cit.*, cap. XV. Schardius, *op. cit.*, 399—400.

Любопытны доводы и Петрарки. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ пишетъ: „Id si mihi non creditur experientiae credatur, quando unquam tanta pax, tanta tranquillitas, tanta justitia, tanta virtutis honor, tanta bonis praemia, tanta malis supplicia, tam bene consultum rebus, quam postquam unum caput orbis habuit, caputque ipsum Roma fuit? Quo potissimum tempore, amator pacis atque justitiae nasci Deus ex virgine, terrasque visitare dignatus est. Singula quidem singulis corporibus data sunt capita et orbis universus, cui a poeta magni corporis nomen asscribitur, uno temporali capite debet esse contentus. Monstruosum est enim omne animal biceps: quanto magis horrendum, et immane prodigium est, animal mille capitum diversorum, seseque mordentium, invicemque pugnantium? Quod si capita plura sint, unum tamen, quod cuncta compescat, atque omnibus praesit, esse debere non ambiquitur, ut totius corporis pax in concussa permaneat. Certe experimentis innumeris, et doctissimorum hominum auctoritate deprehensum est, et in coelo et in terra, optima semper fuit unitas principatus". Petrarca (1304—1374), *Epistolae de juribus Imperii Romani et injuriis papae romani ejusque assedarum*, Epist. VIII (Goldast, *op. cit.*, II. p. 1359.

суверенным государствомъ, а императора владыкою міра, всѣ же остальные народы ему подвластными; но уже среди постглоссаторовъ можно наблюдать три направленія: 1) строго консервативное, придерживавшееся имперіалистическихъ взглядовъ глоссаторовъ (Раніеро Форлійскій); 2) среднее, признававшее de jure всемірное владычество императора, de facto существованіе многихъ суверенныхъ государствъ (Бельпершъ, Чино Пистойскій, Бартолъ); 3) новаторское, отказывавшееся отъ римскаго воззрѣнія и признававшее юридическую силу фактической множественности суверенныхъ государствъ (Жанъ Форъ, Ольдрадо, Іоаннъ Парижскій) [1]). Въ эпоху постглоссаторовъ отказывать вполнѣ въ суверенной власти независимымъ государствамъ уже не представлялось возможности; споръ шелъ только о томъ, должна ли такая независимость государствъ отъ имперіи быть признана de jure или только de facto; впрочемъ практическій результатъ былъ, конечно, одинаковъ [2]). Представитель консервативнаго направленія Раніеро Форлійскій съ точки зрѣнія stricti juris отрицалъ право отдѣльныхъ частей имперіи на самостоятельность, хотя бы она фактически и существовала; римскимъ народомъ, единственнымъ законодателемъ, является, по его мнѣнію, народъ не той или иной страны, а народъ всей имперіи, взятый въ недѣлимомъ цѣломъ [3]).

Господствующимъ среди постглоссаторовъ было среднее направленіе, стремившееся различить формально-юридическое всемір-

---

[1]) Объ имперіалистическомъ и національномъ направленіи среди постглоссаторовъ см. Gierke, *op. cit.*, III, стр. 357 и сл., 381 и сл. О томъ же болѣе подробно у В. Грабаря, *op. cit.* Грабарь, намъ кажется, нѣсколько преувеличиваетъ анти-имперіалистическія идеи постглоссаторовъ; собранные имъ же въ концѣ книги очень цѣнные отрывки изъ сочиненій комментаторовъ доказываютъ, что идеи постглоссаторовъ были пропитаны имперіализмомъ.

[2]) Bartolus, l. 1 C. 10, 10 nr. 11: in civitatibus, quae *de jure vel de facto* hodie non recognoscunt superiorem, et *sic est populus liber;* l. 26 D. 36, 1. Но даже и тогда, когда легисты говорили о власти императора надъ міромъ, подъ міромъ они разумѣли лишь страны, нѣкогда составлявшія Римскую имперію, и не думали утверждать этой власти надъ populi extranei, въ родѣ татаръ, сарацинъ, евреевъ и т. д.

[3]) См. Raynerii de Forlivio († 1358), *Repetitio super l. omnes populi* помѣщено у Грабаря, *op. cit.*, стр. 267—269. Того же мнѣнія держались и первые постглоссаторы, въ родѣ Одофреда и Якова Арена. См. Грабарь, *op. cit.*, стр. 168.

ное верховенство императора и фактическую независимость отдѣльныхъ государствъ. Здѣсь, кромѣ Бельперша [1]) и Чино Пистойскаго [2]), особаго вниманія заслуживаетъ Бартолъ [3]). Бартолъ занималъ среднюю позицію среди разнообразныхъ теченій въ современныхъ ему юридическихъ доктринахъ. Онъ хотѣлъ сохранить старыя построенія и защищалъ ихъ всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи аргументами, но онъ сознавалъ, что новое время принесло новыя потребности и старался примириться съ ними. Всѣ страны, входившія нѣкогда въ составъ Имперіи, за исключеніемъ, быть можетъ, лишь владѣній Церкви, Бартолъ считалъ по праву подвластными императору, хотя фактически часто не повинующимися ему [4]).

XV вѣкъ. Упадокъ имперіалистической идеи.

Несмотря на этотъ замѣтный упадокъ имперіалистическаго идеала, и въ XV вѣкѣ не было недостатка въ сторонникахъ

---

[1]) Petrus a Bella Pertica въ комментаріи къ *l. cunctos populos* говоритъ: Imperator de jure cunctorum est dominus, et hoc dicit l. deprecatio: tamen de facto multi sunt populi, qui Imperatorem non recognoscunt dominum, et ideo propter illos dixit, quos nostrae clementiae regit imperium, de facto (Грабарь, *op. cit.*, 264).

[2]) Imperator totius mundi, de jure, dominus est; sed de facto sunt aliqui qui resistunt (Грабарь, *op. cit.*, 265).

[3]) Bartolus a Saxoferrato (1314—1358). См. особенно В. Грабарь, *Римское право въ исторіи межд.-прав. ученій*, Юрьевъ, 1901. Изложеніе взглядовъ Бартола составляетъ главное содержаніе книги, стр. 123—233. Въ концѣ книги приложены отрывки изъ сочиненій Бартола, имѣющіе отношеніе къ вопросу объ организаціи человѣчества, стр. 266, 273—284.

[4]) Въ комментаріи къ конституціи Генриха VII „Ad reprimendum“ онъ пишетъ: Totius orbis. Contra: quia major pars mundi non obedit Principi. Solutio: Illud de facto, sed de jure secus (Далѣе слѣдуютъ доказательства изъ Свящ. Писанія и Corpus juri civilis... Et per hoc patet, quod Imperator recte dicitur dominus s. universalis. Summarium къ комментаріямъ Бартола на l. 24 Hostes (D. XLIX, 15) такъ опредѣляетъ общую мысль Бартола: 2. Gentium duo sunt genera, s. populus Romanus et populi extranei. 3. Pop. Rom. accipitur pro toto imperio, sic omnes qui obediunt imperio in totum vel in parte et quasi omnes qui obediunt ecclesiae. 4. Jurisdictionem exercentes in uno articulo, totam exercere videntur. 5. Clerici non desinunt esse cives Romani, licet jurisdictio in ipsos sic totaliter concessa Papae. 6. Rex Franciae et Angliae, licet negent se subditos Regi Romanorum, non tamen desinunt esse cives Romani. 7. Imperatorem, qui diceret non esse dominum et monarcham totius orbis, esset forte haereticus. 8. Populi extranei dicuntur omnes, qui non fatentur Imperatorem dominum totius orbis, ut Graeci, Tartari, Saraceni et Iudaei. Общеизвѣстно особенно слѣдующее мѣсто изъ этого комментарія Бартола на l. 24 Hostes: Si quis diceret dominum Imperatorem non esse dominum et monarcham totius orbis, esset haereticus, quia diceret contra determinationem ecclesiae, contra

всемірно-монархической организаціи человѣчества. Но, подъ напоромъ стремленій государствъ къ обособленію, къ утвержденію своего суверенитета, имперіалистическая идея тускнѣетъ, какъ въ теоретической силѣ, такъ и въ практическомъ значеніи. Всемірная монархія становится болѣе призракомъ уходящаго прошлаго, чѣмъ маякомъ приближающагося будущаго. Къ защитникамъ имперіализма въ эту эпоху надо особенно отнести талантливаго писателя Энея Сильвія Пикколомини. Эней Сильвій придавалъ императорской власти феодальный характеръ; по его теоріи, князья и народы обязаны императору въ temporaliаленнымъ послушаніемъ, а императору принадлежитъ лишь право производить исправленія, въ случаяхъ правонарушеній, дѣлать распоряженія pro salute communi, требовать себѣ вспомогательныхъ войскъ и денежныхъ субсидій, а также выступать въ роли третейскаго судьи въ международныхъ спорахъ [1]). Сюда же надо причислить Петра изъ Андлау [2]), Теодора Нимскаго [3]), Антонія Розелли [4]) и Николая Кузанскаго [5]).

---

textum S. Evangelii, dum dicit: „Exiit edictum a Caesare Augusto, ut describeretur universus orbis“, ut habes Luc. 2 c. Ita etiam recognovit Christus Imperatorem ut dominum. См. Грабарь. *op. cit.*, 275 и сл.

[1]) Aeneas Sylvius Piccolomini (1405—1464), *De ortu et auctoritate imperii Romani* (Schardius, *op. cit.*, 314—328) cap. IV: Quare Monarchia Regiaque Romana potestas instituta fuerit. Cap. X: Omnes et populos et potentatus jure sub Romano Imperatore esse in temporalibus et secularibus, uti Pont. Max. in spiritualibus. Cap. XII: Monarchiam vel solam pacis universalis esse causam, quam et illa conservet.

[2]) Петръ изъ Андлау стоялъ какъ за папское, такъ и за императорское всемірное могущество. См. Petri de Andlo, *De Imperio Romano, regis et augusti creatione, inauguratione*, lib. 1, cap. 1, и особ. l. 11, cap. 9. „An majestatis imperialis auctoritas derivetur in Caesarem immediate a Deo, vel illam accipiat ab ejus vicario summo“. Однако и онъ принужденъ былъ сознаться, что hodie plurimi reges plus de facto quam de jure imperatorem superiorem non recognoscunt et suprema jura imperii usurpant.

[3]) Theodoricus de Niem, ***Privilegia et jura imperii circa investituras episcopatuum et abbatiarum*** (Schardius, *op. cit*, 785—859, см. особ. 785 и слѣд).

[4]) Antonius de Rosellis, ***Monarchia sive de potestate imperatoris et papae*** (Goldast, *op. cit.*, I, 252—556), I, c. 5—7 и c. 56 „Summarium. Conclusio. Pontificum Maximum habere divinorum et spiritualium; Caesarem vero terrenorum et temporalium omnium“.

[5]) Nicolaus Cusanus (1401—1464), *De catholica concordantia* (одно изъ наиболѣе полныхъ выраженій средневѣковаго публично-правового ученія), особенно, III, c. 1 и 14 и III, c. 6—7 (Schardius, *op. cit.*, 465—676).

Средневѣковая идея всемірнаго государства соединялась почти исключительно съ идеей всемірнаго верховенства германскаго императора, такъ какъ она исходила изъ историческихъ соображеній и основывалась на фактѣ передачи римскаго императорскаго достоинства германскимъ императорамъ. Однако, когда французскіе короли возвысились въ своемъ могуществѣ, и Франція стала великой державой, не было недостатка и въ французскихъ публицистахъ, утверждавшихъ право французскаго короля на всемірное господство. Нижемы коснемся своеобразнаго ученія Пьера Дюбуа, здѣсь укажемъ, какъ на примѣръ, на Гильома Постеля, одного изъ наиболѣе смѣлыхъ умовъ XVI вѣка [1]). Постель создалъ проектъ соединенія людей всего земного шара въ единую всемірную монархію, которая должна была принадлежать французскому королю. Онъ мечталъ о возрожденіи всего человѣчества; изъ его всемірнаго союза не были исключены и язычники. Шагомъ, ведущимъ къ такому союзу, по его мнѣнію, должно явиться обращеніе всѣхъ народовъ земного шара въ христіанскую религію.

Общій взглядъ на средневѣковый имперіализмъ.

Всѣ средніе вѣка жили вѣрою въ божественное установленіе всемірной имперіи [2]). Юридическій универсализмъ, т.-е. требованіе единой юридической организаціи человѣчества, обосновывался съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, изъ многочисленныхъ философскихъ, политическихъ, нравственныхъ соображеній, съ точки зрѣнія божественнаго, естественнаго и положительнаго (цивильнаго и каноническаго) права. Въ этой теоріи было много величественнаго и вдохновеннаго, непревзойденнаго и въ послѣдующіе

---

[1]) Postellus Guilelmus (1510—1581), *De orbis terrae concordia*, 1544; см. G. Weil, *De Guilelmi Postelli vita et indole*, Paris, 1892.

[2]) Съ нѣсколько скучной настойчивостью и однообразіемъ аргументовъ средневѣковые мыслители возвращались къ своей излюбленной темѣ необходимости единодержавія на землѣ. Мы собрали ихъ аргументы и повторили ихъ. Быть можетъ, намъ сдѣлаютъ упрекъ, что было напраснымъ трудомъ собирать свидѣтельства изъ столь разнообразныхъ источниковъ, если они почти дословно повторяли одну и ту же мысль: міръ логическій, міръ божественный, человѣческое общество, видимая вселенная построены на единоначаліи, его же требуютъ соображенія метафизики, морали, политики. Но мы считали необходимымъ произвести эту работу, такъ какъ изъ нея ясно и отчетливо выступаетъ, что вся средневѣковая политическая мысль жила идеей единства человѣчества и необходимости единой юридической организаціи на землѣ.

вѣка. И до сихъ поръ передъ цивилизованнымъ человѣчествомъ стоитъ проблема созданія единаго права и единой политической организаціи. Зло, противъ котораго хотѣла бороться доктрина средневѣковаго имперіализма, сохранилось въ значительной степени и нынѣ: войны и безумныя траты моральныхъ и матеріальныхъ средствъ, какъ слѣдствіе международной анархіи.

Идея міровой имперіи сыграла великую роль въ исторіи Европы. Она спасла европейскіе народы отъ раздробленности, отъ изолированности, отъ той замкнутости, которая погубила многія древнія цивилизаціи и наложила печать дряблости и старости на восточныя государства. Она раздвинула чрезвычайно широко кругозоръ европейскаго человѣка, научила его идеямъ гуманности, воспитала въ немъ сознаніе общечеловѣческой солидарности. Она привела народы къ взаимному ознакомленію и мирному сотрудничеству. «Она,—говоря словами Брайса,—укротила племена сѣвера и пріобщила ихъ къ цивилизаціи. Она сохранила искусства и литературу древности. Во времена насилія и притѣсненія она поставила передъ подданными долгъ разумнаго повиновенія власти, лозунгами которой были миръ и религія. Въ то время, когда взаимная ненависть народовъ была въ самомъ разгарѣ, она сохранила живою идею великой Европейской республики». Благодаря ей не умерло сознаніе братства народовъ и ихъ близости другъ другу, сознаніе высшаго единства человѣческаго рода, стоящаго надъ всякими мелкими племенными и мѣстными различіями.

Самый вопросъ объ отношеніи между духовною и свѣтскою властями былъ поставленъ удивительно глубоко и разрѣшенъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Война, промышленность, матеріальное правительство должны быть предоставлены людямъ дѣйствія; власть надъ сердцами и умами—людямъ мысли; эти послѣдніе, возвышаясь надъ частными, мѣстными и національными интересами, имѣя въ виду лишь вѣчное, всемірное и общечеловѣческое, должны заботиться о воспитаніи, давать совѣты правительствамъ и народамъ [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи такая организація человѣчества будетъ казаться идеальной Сенъ-Симону (Saint-Simon, *Réorganisation de la société européenne*, 1814) и Огюсту Конту (Auguste Comte, *Cours de philosophie positive*, 5 éd., vol. V, 159—262).

Какъ мы уже указывали, имперіализмъ пріобрѣталъ двоякій характеръ: или національстическій (если надъ всѣми народами должно было утвердиться господство одного государства), или космополитическій (если всѣ народы сливались безразлично въ одномъ государствѣ). Новое время, поскольку оно имѣетъ дѣло съ имперіализмомъ, знаетъ, главнымъ образомъ, имперіализмъ первой категоріи. Завоевательная политика Наполеона, повидимому, направлена была на установленіе всемірнаго господства Франціи надъ остальными странами. Впрочемъ и планы Наполеона были не чужды федеративныхъ идей [1]). Въ послѣднее время много говорятъ объ англосаксонскомъ, американскомъ, германскомъ имперіализмахъ; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло болѣе со стремленіемъ занять преобладающее мѣсто на всемірномъ рынкѣ и захватить какъ можно болѣе колоній, чѣмъ съ желаніемъ создать всемірное государство съ преобладаніемъ одного какого-нибудь народа.

Въ политическихъ доктринахъ новаго времени мы встрѣчаемся изрѣдка и съ имперіализмомъ, но уже не средневѣковаго характера; лишь у Лейбница, въ общемъ стоящаго на федеративной точкѣ зрѣнія, можно найти элементы средневѣковаго имперіализма [2]). Если общая организація человѣчества мыслится и теперь иногда въ видѣ единаго, унитарнаго государства, то ему придается форма или всемірной республики или всемірнаго парламентарнаго государства. Вообще же, идея организаціи человѣчества въ видѣ всемірной монархіи умерла со средними вѣками.

Великолѣпная мечта всемірнаго единодержавія рухнула подъ вліяніемъ національной кристаллизаціи и отвердѣнія государственныхъ тѣлъ, выдвинувшихъ доктрину государственнаго суверенитета въ противовѣсъ суверенитету императора. Но паденіе это было неокончательнымъ; идея возродилась въ новыхъ формахъ. Исторія Римской имперіи показала лишь, что организація человѣчества въ видѣ единой монархической имперіи осуждена на гибель. Суровый приговоръ исторіи доказалъ, что эту организацію должно искать въ другихъ политическихъ формахъ, болѣе устойчивыхъ и болѣе жизненныхъ, гдѣ свобода соединялась бы съ властью, самоуправленіе и автономія съ существованіемъ суверенаго центра.

---

[1]) См. Le Fur, *L'Etat fédéral et confédération d'Etats*, стр. 301—302.
[2]) См. ниже.

Средневѣковой мечтѣ о всемірномъ единодержавіи суждено было возродиться въ видѣ доктрины международнаго федерализма; новое время началось подъ знаками международнаго права и федераціи.

Мы разсмотрѣли первый періодъ въ развитіи политической мысли, обнимавшій античные и средніе вѣка: періодъ имперіалистическаго универсализма. Идеалъ организаціи человѣчества строился по образцу всемірной монархіи. Политическая мысль и въ этомъ случаѣ, какъ всегда слѣдовала лишь за дѣйствительностью. Всеобщая война является состояніемъ, предшествующимъ цивилизаціи; гипотеза Гоббеса не была лишена извѣстнаго основанія. Цивилизація состоитъ въ постоянномъ уменьшеніи войнъ; это уменьшеніе происходитъ благодаря образованію крупныхъ политическихъ соединеній. На раннихъ стадіяхъ цивилизаціи возможность мира достигается лишь войною съ болѣе варварскими народами. Преобладающая военная сила постепенно сосредоточивается въ рукахъ болѣе мирнаго союза, и такимъ образомъ этотъ процессъ чрезъ постепенное объединеніе человѣчества долженъ привести его къ окончательному миру. Историческій процессъ вообще состоитъ въ образованіи болѣе значительныхъ и болѣе сложныхъ аггрегатовъ. Это образованіе возможно двумя путями: или завоеваніемъ другихъ аггрегатовъ съ инкорпораціей ихъ, или федераціей.

И древній и новый міръ знаютъ оба эти способа, но древнему міру свойственно было, по преимуществу, завоеваніе, новому—федерація.

И въ античный періодъ исторіи были примѣры федерацій: делосскій союзъ, ахейская и этолійская федераціи. Но эти союзы не могли утвердиться, такъ какъ они не покоились на началѣ представительства. Восторжествовала завоевательная политика Рима: она несла человѣчеству миръ, объединяла всѣ народы и племена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всемірное владычество Рима, покоившееся на завоеваніи, неизбѣжно должно было повлечь за собою уничтоженіе мѣстнаго самоуправленія и утвержденіе абсолютизма, какъ неизбѣжное послѣдствіе отсутствія представительнаго начала. Это и послужило одной изъ главныхъ причинъ паденія античнаго міра.

Политическая мысль лишь возводила эту практику жизни въ систему, въ идеалъ. Стоики, римскіе юристы, учители христіанской

церкви, средневѣковые паписты и сторонники Священной Римской Имперіи знали лишь всемірное государство. Только у не многихъ, какъ у Полибія, прорывались федеративныя идеи, да у нѣкоторыхъ сказывался анархическій космополитизмъ, отрицавшій всѣ отдѣльныя государства и признававшій единое человѣчество, какъ сѣрую однородную массу неорганизованныхъ индивидовъ.

За первымъ періодомъ имперіалистическаго универсализма послѣдовалъ періодъ универсализма федералистическаго. Предварительно только, политическая мысль, потерявши вѣру въ имперіалистическій идеалъ, неувѣренно ищетъ новыхъ путей. Между этими двумя эпохами существуетъ переходный моментъ, когда или отрицается между государствами всякое право или признается лишь анархическое право. Въ ближайшихъ главахъ мы остановимся на этомъ второмъ, переходномъ теченіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Идея всемірнаго права.

ГЛАВА IV.

Международный аномизмъ.

Характеръ новѣйшаго интернаціонализма.

Античные и средніе вѣка были проникнуты идеей унитарнаго универсализма: человѣчество понималось, какъ единая монархія. Такое теоретическое построеніе вполнѣ соотвѣтствовало исторической дѣйствительности: внѣ-государственная, международная жизнь представляла или безформенный хаосъ или стремленіе къ міровому владычеству и къ организаціи всемірнаго государства. Понятно, что и политическая мысль слагалась по унитарно-монархическому образцу. Всемірная монархія была политическимъ идеаломъ, сначала, до образованіи Римской имперіи, находившимся впереди, потомъ осуществившимся, подъ эгидою державнаго Рима, наконецъ, оставшимся позади и, подобно зашедшему солнцу, нѣкоторое время дававшимъ отблески былого свѣта.

Мало-по-малу средневѣковая анархія положила начало новому политическому принципу: существованію отдѣльныхъ, независимыхъ политическихъ союзовъ (государствъ) и ихъ общественно-юридическому общенію. Параллельно этому, возникла и окрѣпла новая форма универсалистической мысли,—федерализмъ.

Когда (въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху реформаціи) окончательно, не только практически, но и теоретически была погребена идея всемірной теократической или имперіалистической монархіи, политической мысли поставлено было двѣ проблемы: 1) выяснить природу независимыхъ государствъ, возникшихъ на развалинахъ бывшей Имперіи, и 2) юридически обосновать возможность между ними правовой жизни, при условіи отсутствія стоящей надъ ними верховной власти. Для разрѣшенія этихъ проблемъ выдвинуты были новыя теоріи государственнаго, а не всемірно-имперскаго суверенитета и международнаго, а не общенароднаго права.

Въ новѣйшей политической мысли можно отмѣтить, въ порядкѣ ихъ возникновенія, три основныхъ направленія по отношенію къ вопросу объ юридической организаціи человѣчества: во-первыхъ, крайнее утвержденіе государственнаго суверенитета, какъ единаго источника всякаго права, и отрицаніе во внѣ-государственной жизни какой бы то ни было (кромѣ государственной) власти и какого бы то ни было права,—это направленіе можно назвать международнымъ аномизмомъ; во-вторыхъ, признаніе существованія нормъ права, обязательныхъ для государства независимо отъ его воли, но отрицаніе какой бы то ни было организованной надъ-государственной власти,—это международный анархизмъ; въ-третьихъ, признаніе какъ существованія надъ-государственнаго права, такъ и необходимости общечеловѣческой власти, организованной однако такимъ образомъ, чтобы государствамъ была гарантирована ихъ автономія, и въ основѣ общей верховной власти лежало не іерархическое, а договорное начало,—это международный федерализмъ.

Каждое изъ этихъ главныхъ направленій возникло и развилось одно позже другого, но всѣ они продолжаютъ существовать вмѣстѣ до сихъ поръ, при чемъ, однако, каждое послѣдующее развивается, повидимому, въ ущербъ предыдущему. Нерѣдки также возрожденія и старыхъ имперіалистическихъ идей, но онѣ совершенно не соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности новаго времени и могутъ имѣть поэтому лишь ограниченный теоретическій интересъ.

Мы остановимся прежде всего на разсмотрѣніи, въ самыхъ общихъ чертахъ, различныхъ теченій международнаго аномизма. Подъ этимъ послѣднимъ мы разумѣемъ то направленіе политической мысли, которое отрицаетъ не только международную власть, но и международное право, которое не признаетъ даже той юридической нормы, что международные договоры должны быть выполняемы [1]). Прежде всего, разумѣется, сюда должны быть отнесены тѣ изъ анархическихъ теорій, которыя стоятъ на крайней индивидуалистической точкѣ зрѣнія и отрицаютъ право, какъ таковое; но, какъ это ни странно,

[1]) Мы различаемъ аномизмъ отъ анархизма, такъ какъ полагаемъ, что право можетъ существовать независимо отъ принудительной политической организаціи, и потому возможно отрицаніе государства и признаніе права. Разумѣется, для тѣхъ, кто выводитъ все право изъ государства, анархизмъ совпадаетъ съ аномизмомъ.

къ такому же результату, къ отрицанію права между государствами, къ международному аномизму приходятъ и тѣ теоріи, которыя слишкомъ преувеличиваютъ значеніе государственнаго закона и внутренне-государственнаго права. Крайнія теоріи государственнаго суверенитета въ своемъ воззрѣніи на совокупную жизнь человѣчества подаютъ руки своему антиподу, индивидуалистическому анархизму. Въ данномъ случаѣ, крайности, поистинѣ, сходятся. Разсматриваемыя съ международной точки зрѣнія, изъ всѣхъ юридическихъ теорій наиболѣе анархистичными являются тѣ, которыя наиболѣе преувеличиваютъ значеніе и роль государственной власти.

Индивидуалистическій аномизмъ.

Умѣренный индивидуализмъ, какимъ мы находимъ его у Канта, у Фихте, у Гумбольдта, довольствуется лишь ограниченіемъ государственной дѣятельности, умаленіемъ государственной роли, признаніемъ неприкосновенныхъ личныхъ правъ, однимъ словомъ, политическимъ либерализмомъ; но, проведенный послѣдовательно, индивидуализмъ склоняется неизбѣжно къ полному аномизму и къ анархизму. Послѣдовательный индивидуализмъ приходитъ къ своего рода монадизму, къ признанію существованія множества замкнутыхъ въ себѣ, независимыхъ другъ отъ друга монадъ-индивидовъ, къ признанію «единственности» индивида: каждая личность есть unicum, неповторяемое цѣлое, равноцѣнное. Отсюда утвержденіе крайняго эгоизма; крайній же эгоизмъ долженъ привести къ отрицанію какихъ бы то ни было нормъ надъ индивидомъ. Отъ имени индивида объявляется война всякому государству, всякому принудительному союзу. Власть, какъ таковая, провозглашается основнымъ зломъ современнаго человѣчества. На мѣсто правильной, постоянной организаціи, на мѣсто политическихъ союзовъ, выдвигается аморфное состояніе общества, гдѣ свобода и произволъ отдѣльной личности будутъ находить себѣ полный просторъ.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на долгой исторіи идей индивидуалистическаго анархизма. Въ этомъ случаѣ мы должны были бы спуститься до самой античной древности, когда было уже извѣстно провозглашеніе крайняго индивидуализма и отрицаніе всякихъ постоянныхъ и принудительныхъ, политическихъ и соціальныхъ нормъ, когда вполнѣ опредѣленно, и нѣсколько грубо, фор-

малировали эту точку зрѣнія нѣкоторые софисты [1]. Когда циники и киренаики проповѣдывали полное освобожденіе индивида отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ и политическихъ узъ, соединяющихъ людей,—ибо семья, отечество, государство, народъ, все это пустыя слова, цѣпи, выдуманныя людьми, дабы сковать свободную человѣческую личность [2].

Несомнѣнно, самыми послѣдовательными отрицателями всякихъ общеобязательныхъ нормъ являются въ новѣйшее время сторонники такъ называемаго индивидуалистическаго анархизма [3]. Наиболѣе полное и послѣдовательное выраженіе этого индивидуалистическаго аморфизма и аномизма представляетъ доктрина Макса Штирнера, на которой поэтому стоитъ нѣсколько остановиться [4].

Человѣкъ, по воззрѣнію Штирнера, до сихъ поръ находился въ рабствѣ. Надъ нимъ тяготѣли политическія формы; хуже того, онъ жилъ подъ тиранніей религіи и духа. Были созданы религіозныя, философскія, этическія фикціи, обобщенія, идеи, которыя извращали человѣческую личность, нарушали первоначальное, гармоническое, самобытное единство его природы, провозглашали одно его свойство выше другихъ. Этой тиранніи міра призрачнаго (духовнаго, идеальнаго)

---

[1]) Такъ, напр., Калликлъ, который соединялъ съ этимъ ярко выраженную теорію силы (Plato, *Gorgias*, 482—4), и Полосъ (*Ibid.*, 409 и сл.). Ср. Pohlmann, *Geschichte d. antik. Kommunismus*, I, 150 и сл.

[2]) Разница въ этомъ отношеніи между циниками и киренаиками, если она вообще была, заключается въ томъ, что у первыхъ менѣе, у вторыхъ болѣе этотъ индивидуализмъ пріобрѣталъ оттѣнокъ грубаго эгоизма. Въ этомъ смыслѣ особенно киренаикъ Феодоръ дошелъ до крайнихъ предѣловъ эгоцентризма; Максъ Штирнеръ не пошелъ дальше его. Понятно, что и космополитизмъ этихъ школъ, на который мы указывали выше, былъ лишь космополитизмомъ безразличнаго презрѣнія къ своему отечеству, какъ и къ другимъ государствамъ, какъ и вообще ко всему человѣчеству.

[3]) Рядъ библіографическихъ указаній на сочиненія представителей этой доктрины даетъ Nettlau, *Bibliographie de l'anarchie*, Paris, 1897, стр. 1—16 и др.

[4]) Max Stirner (Kaspar Schmidt) [1806—1856], *Der Einzige und sein Eigentum*, Leipzig, 1845, 2 изд. 1882, въ Universal-Bibliothek Reclam'a, 1892; многочисленные русскіе переводы (Статьи противъ Штирнеровскаго ученія Фейербаха, Гесса, Куно Фишера, Руге и др. и отвѣтъ на нихъ Штирнера см. Nettlau, *Bibliographie de l'anarchie*, Paris, 1897, стр. 35—36). О Штирнерѣ и объ анархическомъ индивидуализмѣ см. Р. Штаммлеръ, *Теоретическія основы анархизма*, М. 1906, стр. 23 и сл., и особенно V. Basch, *L'individualisme anarchiste. Max Stirner*, Paris, 1904. Вмѣстѣ съ Штирнеромъ можно упомянуть также Edgar Bauer, *Der Streit der Kritik mit Kirche und Staat*, Berne, 1844.

Штирнеръ противопоставляетъ человѣческую личность, *я* въ его единственности и конкретности. Это утвержденіе *я* не отожествляется имъ со стремленіемъ къ свободѣ. Не свобода нужна индивиду. Всякая свобода химерична, это отрицательное, пустое понятіе; для индивида нужно нѣчто положительное. Добиваясь однѣхъ свободъ, люди создавали себѣ новыя господства. Абсолютная свобода не мыслима, ибо существуютъ другія личности, и фактъ ихъ существованія уже ограничиваетъ свободу индивида. Самоутвержденіе индивида есть утвержденіе не его свободы, которой не можетъ быть, а его самобытности, его индивидуальной реальности, его своеобразности. Это же, другими словами, есть абсолютный эгоизмъ, эгоцентризмъ. Если въ центрѣ всего ставится *я*, то всякое требованіе общаго блага, самоотреченіе, всякій принудительный союзъ становятся въ разрѣзъ съ этими принципами. Государство и индивидъ—враги. Государство отрицается, какъ нѣчто, стоящее надъ индивидомъ, имѣющее свою особую волю. Право, какъ воля государства, народа, общества, есть начало чуждое индивиду. Существуетъ только одно право—право силы; мощь и право совпадаютъ; индивидъ, его сила—мѣрило права. Всякое государство, какую бы оно форму ни приняло, есть насиліе, деспотизмъ.

Осуществленіе Штирнеровской программы, по его предположенію, не должно создать хаоса и войны всѣхъ противъ всѣхъ. Человѣкъ по природѣ—существо общежительное. Но государства должны быть разрушены, и на мѣсто ихъ, созданы свободные союзы эгоистовъ, которые могутъ обнять даже все человѣчество; въ этомъ союзѣ личность не будетъ абсолютно свободной; но она и не будетъ смотрѣть на этотъ союзъ, какъ на нѣчто священное. Она будетъ относиться къ нему, какъ къ средству использовать свой личный интересъ.

Рядомъ съ индивидуалистическимъ анархизмомъ слѣдуетъ упомянуть другую форму политическаго аморфизма, которую можно было бы назвать теократическимъ анархизмомъ; contradictio in adjecto, представляемое названіемъ, свойственно самому ученію: имъ власть и признается и отрицается,—признается мистическая власть Бога, невидимо правящаго міромъ и человѣчествомъ и ведущаго свою церковь къ порядку, отрицается видимая, человѣческая, политическая власть. Этотъ духъ анархизма составляетъ древнюю традицію

христіанства; можно, пожалуй, даже спросить, не было ли вообще первоначальное христіанство анархизмомъ [1]; отрицаніе патріотизма, космополитизмъ, устраненіе отъ государственной дѣятельности, свойственныя христіанской доктринѣ, слишкомъ проникнуты анархическимъ духомъ, чтобъ оставить на этотъ счетъ сомнѣнія; анархическая струя была сильна въ первоначальномъ христіанствѣ. Потомъ эта анархическая традиція не умирала въ исторіи христіанской доктрины; стоитъ указать лишь на ученія каѳаровъ, крайнихъ гусситовъ, Петра Хельчицкаго, анабаптистовъ, квакеровъ и др. [2]. Послѣднее время эти воззрѣнія были усвоены и съ новой силой развиты Львомъ Толстымъ [3]. Исходя изъ вѣры въ спасительную силу любви и въ природную чистоту человѣческой натуры, Толстой считаетъ, что всякое право и всякая принудительная организація должны быть уничтожены, и на ихъ мѣсто поставлена свободная общественная жизнь, гдѣ гармонія въ человѣческихъ отношеніяхъ явится, какъ необходимое послѣдствіе естественныхъ силъ любви, заложенныхъ въ людяхъ и въ мірѣ; юридическіе договоры и обязательства не нужны и даже противны божественному закону; разумѣется, всякія границы между государствами и народами должны быть уничтожены. Всѣ эти мистическіе, теократическіе или религіозные анархисты, отрицая всякую политическую организацію власти, естественно, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаютъ и всякую опредѣленную юридическую организацію человѣчества; отрицая государство, они, разумѣется, отвергаютъ и патріотизмъ, какъ любовь къ родному государству.

Теоріи государственнаго эгоизма.

Другимъ направленіемъ, приходившимъ къ международному аномизму, былъ до-бентамовскій утилитаризмъ [4]. Въ этомъ направленіи мы находимъ, въ общемъ, слѣдующій ходъ мыслей. Нѣтъ права естественнаго, обязательнаго, какъ таковое, для людей и на-

---

[1]) См. Гарнакъ, *Сущность христіанства*, М. 1907.

[2]) См. Ященко, *Соціализмъ и интернаціонализмъ*, стр. 23 и сл.

[3]) См., напр., его *Царство Божіе внутри васъ*, М. 1907.

[4]) Исторію утилитаризма можно раздѣлить на два основныхъ періода: въ первый польза понималась, какъ личный, эгоистическій интересъ, во второй— въ основу полагалось общее счастье; первый утилитаризмъ можно было бы назвать эгоистическимъ, второй альтруистическимъ; первый ведетъ свое начало отъ софистовъ и Эпикура, второй—отъ Бентама.

родовъ; всякое право есть человѣческое установленіе, есть положительное право; люди, устанавливая это право, руководятся лишь эгоизмомъ, личнымъ интересомъ; этотъ интересъ приводитъ людей къ созданію государствъ, которыя вносятъ гармонію въ столкновеніе эгоистическихъ интересовъ; право существуетъ, насколько существуетъ поддерживающая его установленная людьми организація: гдѣ нѣтъ такого положительнаго права, тамъ возможна лишь борьба интересовъ; въ такомъ именно положеніи находятся между собою государства: положительнаго права между ними не установлено, естественнаго же права вообще нѣтъ; каждое государство должно руководиться лишь своимъ интересомъ, вести войну, когда это ему полезно, отказываться отъ исполненія заключенныхъ имъ договоровъ, когда это покажется ему подходящимъ.

Родоначальникомъ этого направленія, по справедливости, можетъ считаться Эпикуръ [1]).

---

[1]) Epikuros (341—270), см. Usener, *Epicurea*. Leipzig, 1887; Guyau, *La morale d'Epicure*, 2 éd., Paris, 1881, особ. стр. 146 и сл.; Gizycki, *Ueber das Leben und die Moralphilosophie des Epikur*. Berlin, 1889; Wallace, *Epicureanism*. London, 1888. Впрочемъ и раньше Эпикура была извѣстна идея исключительно положительнаго права. Уже Архелай, представитель іонической школы, ученикъ Анаксагора и учитель Сократа, утверждалъ, что τὸ δίκαιον εἶναι καὶ τὸ αἰσχρὸν οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ. Diog. Laert., II, 16. Среди софистовъ тоже слѣдуетъ различать два теченія: одни признавали естественное право и противопоставляли его положительному (о нихъ ниже); другіе же признавали лишь право положительное. Изъ числа этихъ послѣднихъ, Протагоръ стоялъ на позитивистической точкѣ зрѣнія; основанія нравственности и права онъ видѣлъ лишь въ государственныхъ законахъ; естественное состояніе для него было всеобщей борьбой и анархіей. Разумѣется, это послѣднее должно сказать и о международныхъ отношеніяхъ (Быть можетъ, его имѣлъ въ виду Платонъ въ знаменитомъ мѣстѣ своей *Политіи*, VI. 493, b). Точно также и софистъ Критій утверждалъ, что вначалѣ люди жили безъ законовъ и права, подобно дикимъ звѣрямъ, и лишь впослѣдствіи, дабы помѣшать насильственнымъ актамъ, создали законы (Sextus Empiricus, *Adversus mathematicos*, IX. 54). Предшественникомъ Эпикура въ позитивистическомъ взглядѣ на право былъ особенно Демокритъ. Выше мы привели мнѣніе, приписывающее Демокриту анархическіе идеалы; сдвали. такъ формулированное, это мнѣніе вѣрно; хотя и исходя изъ индивидуалистическихъ предпосылокъ. онъ видѣлъ однако въ государствѣ наиболѣе вѣрную охрану индивидуальнаго интереса,—политическіе обязанности выше всѣхъ другихъ, и положительные законы должны быть всегда соблюдаемы (см. Diels, *Fragmente der Vorsokratiker*, fr. 157, 248, 252). Впрочемъ космополитизмъ, о которомъ говоритъ (fr. 247) Стобей (кн. XL, 47) едвали носилъ положительно-политическій характеръ. Въ одномъ отрывкѣ, имѣющемъ отно-

Высшій критерій права, по воззрѣнію Эпикура, есть τὸ τῆς φύσεως δίκαιον; эта естественная справедливость является однако лишь договоромъ о взаимной пользы, συμβόλαιον τοῦ συμφέροντος, соглашеніемъ о томъ, чтобъ не вредить другъ другу. Справедливость не есть нѣчто, имѣющее цѣну само по себѣ; она существуетъ лишь во взаимныхъ договорахъ, повсюду, гдѣ имѣется взаимное обязательство не вредить другъ другу. Лишь польза и интересъ должны влечь людей къ заключенію общественнаго договора; лишь договоръ устанавливаетъ справедливое, и лишь это справедливое опредѣляетъ, хорошъ или плохъ тотъ или другой положительный законъ. Высшей нормой права является интересъ. Συμφέρον выше νόμος. Это имѣетъ значеніе не только для индивидовъ, но и для націй. Если націи не хотятъ заключать другъ съ другомъ договоровъ, то въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ни справедливаго, ни несправедливаго [1]).

Разумѣется, во всемъ этомъ еще нѣтъ принципіальнаго отрицанія ни международнаго права, ни международной организаціи; скорѣе наоборотъ: если соціальная жизнь устанавливается чрезъ посредство договоровъ потому, что она служитъ не только общему, но и частному интересу, то именно соображенія интереса должны была бы побудить и народы заключать взаимные договоры; справедливое для всѣхъ одно и то же, ибо для всѣхъ есть нѣчто полезное во взаимномъ общеніи [2]).

Эпикуреизмъ былъ ученіемъ враждебнымъ стоицизму и всякой морали, построенной на религіозномъ принципѣ; понятно, что, съ окончательнымъ торжествомъ христіанства, было забыто или, во всякомъ случаѣ, отвергнуто эпикурейское ученіе. Среднимъ вѣкамъ, жившимъ подъ идеями вѣчнаго, всемірнаго божественнаго и естественнаго права, чужды были воззрѣнія утилитарнаго положитель-

---

шеніе къ праву войны (гл. 259), говорится, что непріятель, подобно враждебному животному, можетъ быть убитъ во всякомъ мѣстѣ, за исключеніемъ священныхъ убѣжищъ и тѣхъ мѣстъ, относительно которыхъ заключены специальные договоры. Космополитизмъ Демокрита, повидимому, былъ скорѣе философскимъ настроеніемъ ευθυμίης ἀγαθίης, чѣмъ политическимъ идеаломъ.

[1]) Ὅσα τῶν ζώων μὴ ἠδύνατο συνθήκας ποιεῖσθαι τὰς ὑπὲρ τοῦ μὴ βλάπτειν ἀλλήλα μηδὲ βλάπτεσθαι, πρὸς ταῦτα οὐδὲν ἔστιν οὐδὲ δίκαιον οὔτ' ἄδικον. Ὡσαύτως δὲ καὶ τῶν ἐθνῶν ὅσα μὴ ἠδύνατο ἢ μὴ ἐβούλετο τὰς συνθήκας ποιεῖσθαι. Diog. Laert. X, 150.

[2]) Diog. Laert. X, 151.

наго права. Лишь новое время, принесшее освобожденіе отъ религіозности, отъ церковнаго духа, снова выдвинувшее свободную и эгоистическую человѣческую личность, должно было возродить старую софистическую и эпикурейскую идею о человѣческомъ установленіи права, ради интересовъ личности. Эпоха Возрожденія соотвѣтствовала въ этомъ отношеніи эпохѣ софистовъ; тотъ же научный, позитивный духъ критики и сомнѣнія, тотъ же индивидуализмъ, то же, по временамъ, провозглашеніе неограниченнаго права сильной личности.

Яркой фигурой, стоящей у порога новаго времени, съ особенной силой воплотившей въ себѣ это возрожденіе античнаго позитивизма и утилитаризма, является Макіавелли [1]). Отличительная черта человѣческой природы—узкій эгоизмъ; потребность общими силами защищать общіе интересы вызвала созданіе государствъ; цѣль государства—общее благо [2]). Повсюду идетъ война между государствами и внутри государствъ; какъ въ этой войнѣ добиться успѣха и возстановить миръ, и стремится научить Макіавелли; всѣ его сочиненія вращаются вокругъ этой центральной идеи; свою книгу «Князь» онъ съ полнымъ правомъ могъ бы назвать «Искусствомъ вести международныя и гражданскія войны». Твердо придерживаясь того принципа, что основой всего является личный интересъ, а мѣриломъ блага—успѣхъ, Макіавелли, разумѣется, не могъ признать международнаго права [3]). Въ сущности, вся его книга «Князь»

[1]) Niccolo Machiavelli (1469—1528), *Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio* (1516), *Il principe* (1519). Указанія на обширную литературу о Макіавелли см. Robert von Mohl, *Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften*, B. III (1858), стр. 551 и сл., Villari, *Niccolo Machiavelli e i suoi tempi*, 1877, нѣм. пер. *Niccolo Machiavelli und seine Zeit*, II (1882), кн. 2, гл. 5 (стр. 364 и сл.). Tommasini *La vita e gli scritti di Nicc. Machiavelli nella loro relazione col Machiavellismo*, 1883, гл. 1; Fester, *Machiavelli*, 1900, стр. 240. Роль Макіавелли въ исторіи утилитарныхъ системъ лучше всего отмѣчена въ книгѣ А. Алексѣева, *Макіавелли, какъ политическій мыслитель*, М. 1880; авторъ этой интересной книги одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на Макіавелли, какъ на моралиста утилитарной школы. См. изъ новѣйшихъ Charles Benoist, *Le machiavellisme*, I. *Avant Machiavel*, Paris, 1907, стр. 299 и сл.; A. Schmidt, *Niccolo Machiavelli und die allgemeine Staatslehre der Gegenwart*, Karlsruhe, 1907, особ. 39 и сл., 74 и сл.

[2]) Алексѣевъ, *Макіавелли*, стр. 36—63.

[3]) Нельзя однако въ то же время сказать, что онъ отрицалъ пользу международной организаціи; скорѣе наоборотъ, онъ видѣлъ ея необходи-

направлена противъ того, что существуютъ какія-нибудь обязательныя нормы въ междугосударственныхъ отношеніяхъ. Онъ не признавалъ, что заключенные договоры и данныя обѣщанія священны и должны быть выполняемы [1]). Естественнаго права нѣтъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ государства должны руководиться лишь ratio status, т.-е., другими словами, эгоистическимъ своимъ интересомъ.

Макіавелли не задавался вопросомъ, какъ должна быть устроена международная жизнь, и какія нормы должны руководить ею. Всѣ его и «Discorsi» и «Principe» проникнуты послѣдовательнымъ государственнымъ эгоизмомъ. Онъ имѣетъ въ виду только существующія мелкія итальянскія государства, о нихъ только размышляетъ, и чуждъ какихъ бы то ни было идей о высшемъ естественномъ правѣ или о необходимости или возможности общечеловѣческой организаціи. Именно своимъ государственнымъ позитивизмомъ Макіавелли вполнѣ сходится съ послѣдующими такъ называемыми позитивистами, отрицающими международное право.

Въ XVII вѣкѣ изъ теорій эгоистическаго утилитаризма особенно привлекли къ себѣ вниманіе ученія Гоббеса и Спинозы.

Гоббесъ [2]) считалъ, что въ естественномъ состояніи каждый

мость, для установленія ея (по крайней мѣрѣ въ Италіи) онъ отчасти и писалъ свои произведенія. Какая форма организаціи казалась ему наиболѣе подходящей, см. ниже.

[1]) *Князь*, гл. 18: „Благоразумный князь не долженъ держать своего слова, когда это ему приноситъ ущербъ и когда обстоятельства, заставившія его дать обѣщаніе, больше не существуютъ... Я могъ бы привести тысячи современныхъ примѣровъ и показать, сколько мирныхъ договоровъ, сколько обѣщаній сдѣлано было ничтожными и безполезными, вслѣдствіе невѣрности князей, изъ которыхъ тотъ, кто болѣе сумѣлъ подражать лисицѣ, имѣлъ болѣе успѣха". Всѣ эти совѣты характерны для той эпохи. Многочисленные примѣры, о которыхъ говоритъ Макіавелли, приведены въ прекрасной книгѣ Maulde-la-Clavière, *La diplomatie au temps de Machiavel*, Paris, 1892, 3 vol.

[2]) Hobbes (1588—1679), *Elements of law natural and political*, 1639, *Elementa philosophiae de cive*, 1642 и 1647; *Leviathan or the matter, form and autority of government*, 1651 (*Opera* изд. Molesworth, London, 1839). См. A. Haass, *Ueber den Einfluss der epikureischen Staats—und Rechtsphilosophie auf die Philosophie des XVI und XVII Jahrhunderts*, Berlin, 1895; Sigwart, *Vergleichung der Rechts-und Staatstheorien des B. Spinoza und des Th. Hobbes*, Tübingen, 1842; Jeauvrot, *De l'origine et des principes des lois d'après Th. Hobbes*, 1881; Kollberg, *Hobbes Staatslehre*, 1883; P. Tönnies, *Hobbes Leben und Lehre*, Stuttgart, 1896; Вальденбергъ, *Законъ и право въ философіи Гоббса*, Спб., 1900.

самъ является судьею собственныхъ дѣйствій и рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи, справедливы ли они или нѣтъ[1]). Исходя изъ такого представленія о естественномъ состояніи и изъ положенія, что государства живутъ между собою именно въ естественномъ состояніи, Гоббесъ долженъ былъ отвергнуть какое бы то ни было право и связь между народами.

Государства живутъ по отношенію другъ къ другу въ естественномъ и, слѣдовательно, враждебномъ состояніи. Если они прекращаютъ враждебныя дѣйствія, то наступаетъ не миръ, а лишь краткая передышка, во время которой каждый слѣдитъ за движеніями другого, считая свою безопасность зависящей не отъ договоровъ, а отъ силъ и намѣреній противника[2]). Что представляютъ изъ себя, спрашиваетъ Гоббесъ, государства, какъ не военные лагери, гдѣ каждый окопался и направилъ оружіе противъ другого? Такъ какъ государства не подчинены никакой общей власти, то, хотя бы между ними и былъ невѣрный миръ, или скорѣе родъ временнаго перемирія, они живутъ въ естественномъ состояніи, т. е. въ состояніи войны[3]). Договоры между государствами не имѣютъ обязательной силы, такъ какъ всякій договоръ, заключенный между лицами, живущими въ естественномъ состояніи, не дѣйствителенъ, разъ одна изъ договорившихся сторонъ опасается, что договоръ можетъ быть нарушенъ другой стороной[4]).

---

[1]) Unicuique jus est se conservandi. Eidem ergo jus est, omnibus uti mediis ad eum finem necessariis. Media autem necessaria sunt, quae ipse talia esse judicabit. Eidem ergo jus est omnia facere et possidere, quae ipse ad sui conservationem necessaria esse judicabit. Ipsius ergo facientis judicio id quod fit, juri fit vel injuria, itaque jure fit. Verum ergo est in statu meré naturali unicuique licuisse facere quaecumque et in quocumque libebat (*De Cive*, cap. 1. § 10)

[2]) Hobbes, *De cive*, c. XIII. § 7 (Status civitatum inter se naturalis, id est, hostilis est. Neque si pugnare cessent, ideirco Pax dicenda est, sed respiratio est, in qua hostis alter alterius motum vultumve observans, securitatem suam non ex pactis, sed ex viribus et consiliis adversarii aestimat).

[3]) *De cive*, cap. X, § 17 (Quid alius sunt plures respublicae, quam totidem castra, praesidiis et armis contra se invicem munita: quorum status (quia nulla communi potentia coercentur, utcunque incerta pax, tamquam induciae breves, intercedat) pro statu naturali, hoc est, pro statu belli, habendus est).

[4]) *De cive*, cap. II. § 11 (Pacta quae fiunt in contractu ubi fides mutua est, neutro quicquam statim praestante, in statu naturae, si justus ex utravis parte metus oriatur, sunt invalida).

Относительно теоріи Гоббеса можно сказать тоже, что и относительно всякой теоріи, исходящей изъ утилитарной идеи общественнаго договора: ея общіе принципы нисколько не имѣютъ необходимымъ послѣдствіемъ международнаго аморфизма; скорѣе, наоборотъ, логически продолженная, она должна была бы привести къ построенію международной принудительной организаціи, къ утвержденію всемірной государственной власти. Власть, устанавливающая государственный законъ, покоится, съ точки зрѣнія Гоббеса, на естественномъ законѣ. Естественный законъ, не имѣющій за собою никакой человѣческой власти, есть предписаніе самаго Бога. Предписаніе же Бога можетъ имѣть отношеніе не къ одному какому-нибудь государству, а ко всему человѣчеству. И дѣйствительно, Гоббесъ въ одномъ мѣстѣ мелькомъ говоритъ объ естественныхъ законахъ между государствами и называетъ ихъ международнымъ правомъ [1]). Такъ какъ естественные законы обязательны для выполненія только тогда, когда они, въ силу общественнаго договора, получаютъ значеніе общихъ нормъ, и когда существуетъ власть, могущая принудить къ ихъ выполненію, то изъ этого логически слѣдовала бы необходимость заключить общественный договоръ о созданіи общечеловѣческой организаціи. Государственная организація создается, по теоріи Гоббеса, ради установленія мирнаго сожитія, въ противоположность всеобщей войнѣ свойственной анархическому естественному состоянію. Но государства продолжаютъ жить между собою въ естественномъ состояніи, и потому мирное сожитіе не достигнуто. Остановиться на утвержденіи государства было непослѣдовательностью со стороны Гоббеса; всѣ его доводы за государственную власть должны бы быть продолжены и далѣе, до созданія всемірнаго Левіаѳана, всемірной имперіи. Естественный законъ (pax quaerenda est) не осуществляется еще созданіемъ всемогущаго государства [2]).

---

[1]) Hobbes, *De cive*, c. XIV, § 4. Однако Гоббесъ полагаетъ, что эти естественные законы тѣ же самые, что и для отдѣльныхъ лицъ, разница только въ томъ, что на мѣсто индивидовъ становятся государства. Непонятно, какимъ образомъ къ государствамъ могутъ быть примѣнены такіе естественные законы между отдѣльными лицами, какъ относящіеся къ неблагодарности (cap. III, § 8), къ состраданію (§ 10), къ гордости (§ 13), къ скромности (§ 14), къ опьяненію (§ 25)?

[2]) Такую же непослѣдовательность въ ограниченіи своего построенія однимъ государствомъ мы увидимъ и у Гегеля.

Воззрѣнія Спинозы на междугосударственныя отношенія очень близко подходили къ воззрѣніямъ на этотъ предметъ Гоббеса[1]).

Спиноза отрицалъ существованіе естественнаго права, понимаемаго въ смыслѣ обязывающей нормы. Его естественные законы являются законами природы, т. е. правилами, по которымъ дѣйствуютъ предметы природы. Сообразно съ этимъ и естественное право въ субъективномъ смыслѣ есть фактическая возможность, а не притязаніе, оно есть данная природой отдѣльному существу сила осуществить себя во внѣ; право вполнѣ совпадаетъ съ силой[2]).

Отношенія государствъ другъ къ другу вполнѣ аналогичны отношеніямъ индивидовъ въ естественномъ состояніи [3]). Государства, подобно людямъ въ естественномъ состояніи, другъ къ другу враги; слѣдовательно, и лица, принадлежащія къ различнымъ государствамъ и находящіяся въ естественно-правовыхъ отношеніяхъ, остаются врагами. Если одно государство хочетъ объявить войну другому и примѣнить крайнія средства, чтобы его подчинить, оно можетъ это сдѣлать по своей доброй волѣ, такъ какъ для войны нужно лишь желаніе [4]). Всякій союзный договоръ продолжается лишь столько времени, сколько длятся послужившіе ему основаніемъ страхъ ущерба или надежда на усиленіе. Какъ только какое-нибудь государство перестаетъ бояться или надѣяться, т.-е. всякій

---

[1]) Spinoza (1632—1677), *Tractatus theologico-politicus* (1670), особ. cap. XVI; *Tractatus politicus* (1678), особ. cap. III, §§ 11—18; *Ethica ordine geometrico demonstrata* (1677). См. *Opera* Benedicti de Spinoza, 2 vol., Hagae, 1882. Ср. Ad. Menzel, *Wandlungen in der Staatslehre Spinozas* (*Festschrift der R.-SW. Fakultät d. Univ. Wien für Unger*, Stuttgart. 1898).—*Der socialvertrag bei Spinoza* (*Grünhuts Zeitschrift*, Bd. 34),—*Spinoza und das Völkerrecht* (*Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht*, Bd. II, № 1, Breslau. 1907).

[2]) Спиноза говоритъ въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, о правѣ большихъ рыбъ пожирать малыхъ. Я не буду касаться вопроса о томъ, въ какомъ соотвѣтствіи съ этимъ находится воззрѣніе Спинозы на положительное право, отожествляемое имъ съ велѣніями государственной власти.

[3]) Sequitur, duo imperia ad invicem sese habere ut duo homines in statu naturali (*Tractatus politicus*, cap. III, § 11).

[4]) Duae civitates natura hostes sunt; homines enim in statu naturali hostes sunt; qui igitur Jus Naturae extra civitatem retinent, hostes manent. Si itaque altera civitas alteri bellum inferre, ex extrema adhibere media velit, quo eam sui juris faciat, id ei jure tentare licet, quandoquidem, ut bellum geratur, ei sufficit ejus rei habere voluntatem. *Op. cit.*, cap. III, § 13.

разъ когда ему угодно, оно имѣетъ полное право порвать союзъ. И нельзя его за это обвинять въ хитрости или коварствѣ, такъ какъ обѣ договаривающіяся стороны находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, и всякая сторона, которая первая перестаетъ бояться или надѣяться, дѣлается господиномъ своихъ дѣйствій и можетъ поступать, какъ ей заблагоразсудится. Кромѣ того, никто не заключаетъ договора иначе, какъ въ виду внѣшнихъ обстоятельствъ: разъ эти обстоятельства измѣнились, все положеніе мѣняется, и государство въ правѣ дѣйствовать, какъ если бы никакого договора не было [1]).

Теорія Спинозы, представляющая собою синтетическое сліяніе мистицизма, натурализма, эпикурейскаго принципа пользы, стоическаго принципа поведенія сообразно разумной природѣ и сводящая все къ идеѣ разума, постигающаго вѣчную необходимость, являющуюся природой или Богомъ, и находящаго въ этомъ совершенное счастье, страдаетъ въ отношеніи къ вопросу объ организаціи человѣчества тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, что и доктрина Гоббеса. Съ одной стороны, она уничтожаетъ обязательный характеръ всякаго права. Естественное право есть фактическая сила, а государство есть сила всей массы соединившихся индивидовъ надъ однимъ индивидомъ. Природа права не измѣнилась и послѣ созданія государства: естественное право осталось не нарушеннымъ,—государственное право есть велѣніе государственной власти. «право же властей опредѣляется въ отношеніи ихъ подданныхъ мѣрой ихъ могущества» [2]); «imperii jus nihil est praeter ipsum naturale jus». Если это такъ, то соблюденіе индивидомъ нормъ положительнаго права, т.-е велѣній государственной власти, такъ

---

[1]) Foedus tamdiu fixum manet, quamdiu causa foederis pangendi, nempe metus damni seu lucri spes, in medio est; hac autem aut illo civitatum alterutri adempto, manet ipsa sui juris, et vinculum, quo civitates invicem adstrictae erant, sponte solvitur; ac proinde unicuique civitati jus integrum et solvendi foedus, quandocunque vult. Nec dici potest, quod dolo vel perfidia agat, propterea quod fidem solvit simulatque metus vel spei causa sublata est; quia haec conditio unicuique contrahentium aequa lis fuit, ut scilicet quae prima extra metum esse posset, sui juris esset, eoque ex sui animi sententia uteretur; et praeterea quia nemo in futurum contrahit, nisi positis praecedentibus circumstantiis, his autem mutatis totius status etiam mutatur ratio. *Op. cit.*, cap. III, § 14. Ср. *Tractatus theologico-politicus*, cap. XVI, §§ 14—24 и особ. §§ 43—47.

[2]) Spinoza, *Epistola* L.

же опредѣляется его усмотрѣніемъ и соотношеніемъ его силы и силы государства, какъ и соблюденіе государствомъ договоровъ, заключенныхъ съ другими государствами: тамъ стоятъ другъ передъ другомъ государственная власть и индивидъ, здѣсь отдѣльное государство и международный союзъ: въ ихъ отношеніяхъ можетъ быть разница лишь въ количествѣ, качественно они тождественны. Съ другой стороны, теорія Спинозы, поскольку она строитъ государство и его право, должна построить международный союзъ и его право; для нея остается лишь два пути: или (что болѣе всего соотвѣтствуетъ духу всей системы Спинозы) есть то, что есть, и нельзя говорить о томъ, что должно быть; или, если говорится о правѣ государственномъ, какъ о чемъ-то такомъ, что должно быть въ силу разума, соотвѣтствія пользѣ индивида и т. д.[1]), то это же самое должно быть примѣнено и къ отношеніямъ между государствами.

Теоріи силы вообще уничтожаютъ право, такъ какъ онѣ растворяютъ его съ тѣмъ, что есть. Должно ли государство соблюдать заключаемые имъ договоры? Если оно соблюдаетъ ихъ, то этому есть причины, проистекающія изъ соотношенія силъ, и это будетъ право; если оно ихъ не соблюдаетъ, то этому то же есть причины, и это то же будетъ право. Съ этой точки зрѣнія, логически необходимо придти къ тому заключенію, что право есть то, что существуетъ, и, значитъ, нѣтъ не-права. Это—чистое отрицаніе всякаго права.

Какъ Спиноза не могъ остановиться на своемъ чистомъ натурализмѣ въ ученіи о государствѣ, отступая отъ послѣдовательной стройности своей системы при разборѣ лучшихъ и худшихъ политическихъ формъ, такъ и во взглядѣ на отношенія между государствами онъ не остался на точкѣ зрѣнія чистаго аморфизма. Въ «Политическомъ трактатѣ» онъ говоритъ: «Государства, заключившія другъ съ другомъ миръ (правильнѣе сказать, союзъ), въ правѣ обсуждать вопросы, возникающіе относительно условій и статей мира (т. е. союза), ибо они обязались другъ другу въ вѣрности, и

[1]) См. соображенія Спинозы (совпадающія въ основныхъ чертахъ съ ученіемъ Гоббеса) объ общественномъ договорѣ, лежащемъ въ основѣ государственной организаціи, въ *Tract. theol.-pol.*, c. XVI, §§ 12—14; *Ethica*, IV, prop. XXXV, § 5.

права, вытекающія изъ мира (союза), принадлежатъ не одному только государству, а всѣмъ заключившимъ его. Если они не могутъ согласиться, то возвращаются къ состоянію войны». И далѣе: «чѣмъ большее количество государствъ заключило другъ съ другомъ миръ (т.-е. союзъ), тѣмъ менѣе основаній имѣетъ каждое изъ нихъ бояться прочихъ, или, другими словами, тѣмъ незначительнѣе сравнительно сила каждаго, чтобы побѣдить остальныхъ на войнѣ; благодаря этому, каждое отдѣльное государство тѣмъ болѣе склонно соблюдать условія мира, т.-е. тѣмъ менѣе является своимъ собственнымъ господиномъ (homo sui juris), а должно тѣмъ болѣе слѣдовать общей волѣ государствъ, заключившихъ союзъ» [1]). Въ этихъ словахъ заключается уже обоснованіе юридической организаціи человѣчества, и это противорѣчитъ тому международному аномизму, который развилъ Спиноза въ предшествующимъ параграфахъ [2]).

Подъ вліяніемъ въ значительной степени Гоббеса и Спинозы, пришелъ къ международному аномизму и извѣстный представитель французскаго утилитаризма XVIII вѣка Гельвецій [3]).

Гельвецій исходилъ въ своемъ этическомъ и юридическомъ ученіи изъ основного утилитарнаго принципа, что интересъ является не только единственнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій [4]), но и правиломъ, нормой его поступковъ, оправдывающей или отвергающей ихъ; но, такъ какъ существуютъ конфликты интересовъ, въ зависимости отъ того, разсматривается ли отдѣльное лицо въ своей изолированности, или какъ членъ общества и государства, то возникаетъ необходимость внести порядокъ въ эту борьбу интересовъ. Эта обязанность внести гармонію въ интересы, составляющую условіе добродѣтели, падаетъ на законодателя, на государство, достигающее этой цѣли путемъ принудительной санкціи и воспитанія [5]).

---

[1]) Cap. III, § 15. 16.

[2]) Если продолжить далѣе разсужденія Спинозы и спросить, какова наилучшая форма такой организаціи человѣчества, то, согласно гл. IX его „Политическаго трактата“, получится отвѣтъ, что такой формой является федеративная.

[3]) Helvétius (1715—1771), *De l'esprit*, особ. disc. II, Paris. 1758; *De l'homme*, London. 1772, sect IV, ch. VIII—X.

[4]) *De l'esprit*, II, 5.

[5]) *De l'esprit*, II, 13. 17.

Приданіе такой роли государству приводитъ логично Гельвецій къ стожествленію морали и законодательства; естественнаго права не существуетъ, и внѣ законовъ и нормъ положительнаго права нѣтъ права. Законъ безъ морали, т.-е. безъ нормъ пользы, ничто; съ другой стороны, и мораль, въ смыслѣ абстрактнаго собранія утилитарныхъ нормъ, ничто. Вполнѣ понятно, что, отожествляя все право съ законодательствомъ, а мораль съ правомъ, Гельвецій пришелъ къ отрицанію и международнаго положительнаго права и международной морали. Справедливость и нравственныя нормы по отношенію ко всему человѣчеству будутъ существовать только тогда, когда между націями установлены будутъ законы, охраняемые санкціей. «Чтобы могла возникнуть такая мораль (probité), говоритъ Гельвецій, необходимо было бы, чтобы націи, въ силу взаимныхъ законовъ и соглашеній, соединились между собою, подобно семьямъ, составляющимъ государство, чтобы частный національный интересъ былъ подчиненъ болѣе общему интересу, и чтобы, наконецъ, любовь къ отечеству, потухнувши въ сердцахъ, зажгла въ нихъ огонь всемірной любви». Пока же этого нѣтъ, нѣтъ и не можетъ быть нравственныхъ нормъ въ отношеніи къ человѣчеству въ цѣломъ [1]).

Подводя итогъ сказанному нами о международномъ аномизмѣ эгоистически-утилитарныхъ ученій, мы должны отмѣтить, что естественное право, въ сущности, не только не отрицается этимъ направленіемъ, но даже признается стоящимъ надъ всякимъ правомъ, установленнымъ человѣческими соглашеніями, но этому самому естественному праву придается такое значеніе, которое равносильно защитѣ международнаго аномизма; естественный законъ понимается, какъ законъ изначальной борьбы, свойственный людямъ по природѣ; разумѣется, въ этомъ случаѣ нѣтъ нормъ права, связывающихъ индивидовъ, живущихъ въ обществѣ; если же тѣмъ не менѣе признается необходимость государственной организаціи, то защита международнаго аномизма есть лишь извѣстнаго рода непослѣдовательность.

Идея государственнаго суверенитета.

Международный аномизмъ часто является послѣдствіемъ, такъ сказать, гипертрофіи идеи суверенитета. Объявляется, что существенный признакъ государства есть суверенитетъ, суверенитетъ же

[1]) *De l'esprit*, II, 25.

есть власть безусловно высшая внутри государства и независимая во внѣ: стоитъ объявить эту независимость безусловной и абсолютной, и международныя отношенія дѣлаются аморфными.

Уже въ исторіи идеи суверенитета въ античной древности мы встрѣчаемся съ такимъ пониманіемъ. Въ Греціи понятіе суверенитета государства, поскольку, конечно, мы можемъ его открыть въ этическихъ ученіяхъ греческихъ философовъ, носило характеръ, отвѣчающій тому понятію умѣреннаго суверенитета, на которомъ зиждется современная государственная доктрина, признающая государство членомъ международнаго союза. Такъ Аристотель выставилъ самодостаточность (αὐτάρκεια), какъ существенный признакъ государства. Въ настоящее время, не безъ основанія, утверждается [1]), что понятіе автаркіи носило у Аристотеля этическій, а не юридическій характеръ, и не вело у самого Аристотеля къ отрицанію какой бы то ни было зависимости государствъ отъ другого высшаго общенія, хотя, несомнѣнно, это понятіе служило удобнымъ основаніемъ для развитія идеи замкнутаго государства, не нуждающагося въ другихъ государствахъ; у самого Аристотеля это понятіе автаркіи соотвѣтствовало въ существенныхъ чертахъ современному понятію суверенитета, какъ власти верховной внутри и независимой (но не отрицающей международнаго права) во внѣ.

Исключительный, отрицающій международное общеніе характеръ получило понятіе суверенитета у римскихъ политиковъ и юристовъ, которые, склоняясь къ стоическому воззрѣнію, объявили автаркію, самодостаточность лишь всего человѣчества, организованнаго во всемірное государство, и отожествили свое положительное jus gentium и съ естественнымъ и съ международнымъ правомъ. Но въ такомъ пониманіи суверенитетъ отвергаетъ международное право лишь для того, чтобы на его мѣсто поставить jus cosmopoliticum; такое воззрѣніе имѣетъ цѣлью юридическую организацію человѣчества, но средствомъ къ этому оно считаетъ періодъ международнаго аномизма.

---

[1]) Rehm, *Geschichte der Staatsrechtswissenschaft*, Leipzig. 1896, стр. 81—83, Еллинекъ, *Право современнаго государства*, стр. 285—6, и, придерживаясь этихъ авторовъ, Паліенко, *Суверенитетъ*, стр. 10—16.

Не всѣ также и средневѣковыя политическія теоріи стояли на универсалистической точкѣ зрѣнія; среди нихъ къ XIV вѣку уже намѣчалось направленіе, враждебно относившееся къ теоріи всемірной имперіи. Къ этому времени, особенно въ теченіе XIII вѣка, въ государственной и церковной жизни Европы произошли глубокіе перевороты, и народился новый политическій міръ; пошатнулись двѣ великія средневѣковыя универсальныя силы, папство и имперія; начали складываться національно-государственныя образованія; повсюду сказывались атомизація и децентрализація политическихъ силъ. Нѣкоторые изъ политическихъ писателей поняли и теоретическую неудовлетворительность имперіалистическаго идеала и его фактическую химеричность, но въ то же время они не рѣшались стать и на крайнюю государственную точку зрѣнія. Къ этой категоріи колеблющихся писателей, составляющихъ переходъ отъ теорій всемірной имперіи къ международному аномизму, принадлежали, среди другихъ, два наиболѣе видныхъ средневѣковыхъ писателя: Іоаннъ Парижскій и Марсилій Падуанскій.

У Іоанна Парижскаго [1]) предпосылки остаются попрежнему универсалистическими. Онъ исходитъ изъ понятія всемірнаго порядка, всеобщаго союза христіанства, ecclesia, какъ духовной communitas fidelium. Но это духовное общеніе нисколько не влечетъ у него за собою необходимости единства внѣшней организаціи. Ecclesia есть христіанскій народъ, corpus mysticum, глава котораго Христосъ; весь міръ подобенъ общинѣ, civitas, верховная власть въ которой принадлежитъ Богу. Духовная и свѣтская власть императора и папы установлены Христомъ, имѣютъ общее происхожденіе, но, несмотря на это, въ своей дѣятельности раздѣлены и вполнѣ независимы [2]); эта независимость необходима для лучшаго ихъ функціонированія, такъ какъ еще Аристотель сказалъ, что органъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе разнообразнымъ цѣлямъ онъ

---

[1]) Iohannes Parisiensis (ок. 1269—1306 г.), *Tractatus de potestate regia et papali* (Goldast, II, стр. 108 и сл.). См. Б. Чичеринъ, *Исторія политическихъ ученій*, т. I-й (1869), стр. 216—224; S. Riezler, *Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers*. Leipzig, 1874, стр. 148—154; R. Scholz, *Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz' VIII*, Stuttgart, 1903, стр. 275—333.

[2]) *Tract. de potestate*, c. 10, 17—19.

служитъ. Богъ не хотѣлъ соединять въ церкви духовной и свѣтской власти вмѣстѣ.

Что касается до устройства каждой въ отдѣльности власти, то здѣсь Іоаннъ Парижскій высказываетъ различные взгляды по отношенію къ той и къ другой. Для духовной области онъ стоитъ за единую всемірную церковную организацію, съ папою во главѣ; но въ свѣтской области, подобно большинству французскихъ публицистовъ, отрицаетъ необходимость подобной организаціи,—всемірной монархіи[1]).

Неопредѣленное положеніе по отношенію къ вопросу объ организаціи человѣчества заняль и другой извѣстный публицистъ XIV вѣка, Марсилій Падуанскій[2]). Знаменитый родоначальникъ демократической доктрины новаго времени въ своемъ *Defensor pacis* не

---

[1]) Iohannes Parisiensis, *Tractatus de potestate*, c. 3. Люди, разсматриваемые въ своихъ политическихъ отношеніяхъ, должны жить въ различныхъ государствахъ. Это различіе политической организаціи отъ церковной объясняется 1) различной природой души и тѣла,—души людей объединяютъ ихъ въ единое цѣлое, а тѣла ихъ раздѣляютъ. 2) различіемъ слова и матеріальнаго дѣйствія,—слово есть орудіе управленія духовнаго и оно можетъ дѣйствовать на неограниченное пространство, сфера же дѣятельности матеріальной власти ограничена пространствомъ, 3) единствомъ церковнаго имущества и дѣлимостью свѣтскихъ имуществъ, 4) единствомъ вѣры и многообразіемъ правовыхъ системъ, образующихся въ силу различія климатовъ, географическихъ условій и разнообразія человѣческихъ состояній. Чичеринъ замѣчаетъ по поводу теоріи Іоанна Парижскаго: „Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемъ самые сильные и убѣдительные доводы противъ средневѣковой теоріи всемірной монархіи. Защитники королей отвергаютъ императорскую власть во имя особенностей каждаго народа, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ несостоятельность самой идеи всемірной имперіи".

[2]) Marsilius Patavinus (ок. 1270—1342), *Defensor pacis* (ок. 1324), напечатано у Goldast, *op. cit.*, II, 154—312. См. Riezler, *op. cit.*, особ. 193—233; E. Friedberg, *Die mittelalterlichen Lehren* и т. д. (*Zeit. f. KR*, 1869, B. VIII); Bezold, *Die Lehre von der Volkssouveränität während des Mittelalters* (*Histor. Zeitschrift* Sybels, 1876); P. Meyer, *Etude sur Marsile de Padoue*, Strassbourg, 1870; Labanca, *Marsilio da Padova, riformatore politico e religioso del secolo XIV*, Padova, 1882; Huraut, *Marsile de Padoue*, thèse, Paris, 1892; Jourdan, *Marsile de Padoue*, thèse, Montauban, 1892; Nimis, *Marsilius von Padua republikanische Staatslehre*, Heidelberg, 1898; Guggenheim, *Marsilius von Padua und die Staatslehre des Aristoteles* (*Histr. Vierteljahrsschr.*, 1904, Bd. 7); Sullivan, *Marsiglio of Padua's and William of Ockam* (*American Histor. Rev. II*); N. Valois, *Jean de Jandun et Marsile de Padoue, auteurs du Defensor Pacis* (*Histoire litt. de la France*, XXXIII, Paris, 1906); R. Scholz, *Marsilius von Padua und die Idee der Demokratie* (*Zeitschrift für Politik*, B. I, 1907).

высказался опредѣленно за ту или иную организацію человѣчества и оставилъ вопросъ о ней открытымъ; правда, въ основѣ его воззрѣній на законодателя, какъ на народъ, universitas civium, legislator humanus, лежитъ представленіе о христіанствѣ, какъ объ единомъ союзѣ; но это представленіе осталось у него чисто идеальнымъ и не выразилось въ построеніи системы духовной и свѣтской всемірной имперіи; онъ не отвергалъ господствующихъ въ средніе вѣка argumenta unitatis, но по поводу ихъ замѣтилъ, что единство міра нисколько еще не доказываетъ необходимости единаго principatus, такъ какъ и множественность можетъ образовать единство[1]).

---

[1]) Во всей его аргументаціи въ данномъ случаѣ больше схоластическихъ изощреній, чѣмъ дѣйствительнаго, опредѣленнаго отвѣта на вопросъ. Поставивши вопросъ, utrum universitati civiliter viventium, et in orbe totali unico numero supremum omnium principatum habere conveniat: aut in diversis mundi plagis, locorum situ quasi necessario separatis, et praecipue in non communicantibus sermone aut moribus, et consuetudine distantibus plurimum, diversos tales principatus habere conveniat tempore quodam, ad hoc etiam forte monente causa caelesti; ne hominum superflua propagatio fiat, rationabilem habet perscrutationem, aliam tamen ab intentione praesenti, Марсилій, повидимому, уклоняется отъ опредѣленнаго отвѣта, хотя и въ этомъ уклоненіи подчеркиваетъ уже causa caelestis, вызывающую раздѣленіе человѣчества на царства, а далѣе опредѣленно высказывается за раздѣленіе: Videtur enim fortasse alicui naturam per pugnas et epidemias hominum et reliquorum animalium moderasse propagationem, ut ad ipsorum educationem arida sufficiat, in quo maxime sustentarentur, ducentes generationem aeternam (Соображеніе не совсѣмъ соотвѣтствующее defensio pacis!). Потомъ, послѣ ряда запутанныхъ соображеній, могущихъ служить образцомъ схоластическихъ разсужденій, Марсилій приходитъ къ слѣдующему заключенію: Et his autem quae dicta sunt in hoc capitulo, concludi potest evidenti demonstratione, nulli personae singulari cujuscunque dignitatis aut status existat, neque collegio cuipiam convenire principatum seu jurisdictionem aliquam cujusquam in hoc seculo coactivam, nisi per legislatorem divinum aut humanum immediate sibi tradita fuerit auctoritas ista. Qualis quidem igitur esse debeat unitas principatus, adhuc autem quae numeralis unitas civitatis aut regni, propter quid etiam dicatur, et sit numero unum horum unumquodque: amplius de numerali atque specifica unitate partium seu officiorum civitatis, ipsarumque ordine, distinctione, ac invicem separetione, dicta sunt tanta. См. Goldast. *op. cit.*, II. p. 184 или Marsilii Patavini, *Defensor pacis sive apologia pro Ludovico IV Bavaro*, 1599, cap. XVII, p. 91—93. Унитарная идея у Марсилія Падуанскаго, изъ которой также и онъ исходитъ при своихъ изысканіяхъ, принимаетъ уже не средневѣковой видъ: она переходитъ въ антично-новѣйшую идею все поглощающаго внутренняго государственнаго единства и приводитъ поэтому его къ провозглашенію государственно-абсолютистскихъ положеній.

Если такіе писатели, какъ Іоаннъ Парижскій или Марсилій Падуанскій, стояли еще на неопредѣленной и переходной точкѣ зрѣнія, то многіе другіе рѣшительно стали на сторону анти-универсалистическихъ ученій. Уже съ XIII вѣка, вмѣстѣ съ образованіемъ національныхъ государствъ и со стремленіемъ ихъ сдѣлаться безусловно верховною властью внутри и независимой во внѣ, возникла теорія государственнаго суверенитета, приводившая къ полному отрицанію международнаго права. У французскихъ публицистовъ очень рано получило успѣхъ ученіе, что изъ единства человѣчества нисколько не слѣдуетъ необходимость внѣшняго единства его юридической организазаціи, скорѣе, наоборотъ, природѣ людей и свѣтской власти соотвѣтствуетъ множественность государствъ. Рѣзкое отрицаніе универсализма, какъ теократическаго, такъ и имперскаго, впервые представляютъ уже сочиненія французскихъ публицистовъ начала XIV вѣка. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ анонимныя произведенія: 1) *Quaestio in utramque partem* [1]), 2) *Quaestio de potestate papae* [2]), 3) *Disputatio inter clericum et militem* [3]), 4) *Som-*

---

[1]) Написано, по мнѣнію Шольца, ок. 1302 г.; напечатано у Goldast, *op. cit.*, II. 95 и сл., тамъ же и французскій переводъ, I, 39 и сл. См. Scholz, *op. cit.*, стр. 224—251, Riezler, *op. cit.*, стр. 139 и сл., Чичеринъ, *op. cit.*, I, стр. 213 и сл. По мнѣнію автора этого произведенія, король Франціи занимаетъ такой же рангъ, какъ и императоръ: онъ такъ же, какъ и императоръ, не признаетъ надъ собою высшаго повелителя. Французскій король можетъ опираться въ этомъ случаѣ на обычное право, установившееся съ незапамятныхъ временъ. Если нѣкогда и существовала всемірная власть римской имперіи, то теперь она потеряла юридическій характеръ, въ силу давности, въ силу того, что въ теченіе вѣковъ она не обнаруживала своего дѣйствія (Goldast, *op. cit.*, II, стр. 98).

[2]) Написано ок. 1302 г. См. P. Dupuy, *Histoire du différend d'entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel*, Paris. 1655 (стр. 663 и сл.); Scholz, *op. cit.*, стр. 252 и сл. (возраженія противъ того, что авторомъ этого произведенія былъ Петръ Дюбуа); Riezler, *op. cit.* стр. 141 и сл. Власть имперіи существуетъ лишь на ряду съ властью другихъ суверенныхъ государствъ, а не надъ ними. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ власть императора даже ниже власти французскаго, испанскаго или англійскаго королей, именно, по отношенію къ папѣ. Въ силу различныхъ юридическихъ и историческихъ основаній, можетъ быть, папа и въ правѣ претендовать на супрематію надъ императоромъ (такъ онъ утверждаетъ и коронуетъ императора); положеніе же французскаго короля вполнѣ независимо.

[3]) Написано, по мнѣнію Рислера, ок. 1303 г., по мнѣнію Шольца, въ 1296 г.; изд. у Goldast, *op. cit.*, I, 13 и сл., особ. стр. 17. Авторъ *Disputatio* полагалъ, что охраной земного благополучія и внѣшняго мира среди populus christianus является не папа и не императоръ, а національное королевство,—

nium Viridarii [1]). Здѣсь же должно быть упомянуто и знаменитое сочиненіе XIV вѣка, *L'arbre de batailles*, авторъ котораго, Оноре Боне, былъ убѣжденнымъ противникомъ всемірной монархіи и отстаивалъ независимость французскихъ королей [2]). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ мы находимъ, въ первоначальной и неясной еще формулировкѣ, нѣкоторыя изъ политическихъ идей новаго времени: отрицаніе папскаго верховенства (причемъ это отрицаніе простирается или и на духовную власть папы, когда отстаиваются права галликанской церкви, или лишь на его свѣтскую власть), отрицаніе всемірной монархіи, наконецъ, первыя очертанія теоріи государственнаго суверенитета, развитой впослѣдствіи Боденомъ.

Въ Англіи идея всемірнаго государства, управляемаго императоромъ, очень рано получила нѣсколько измѣненную форму;

---

regnum. Авторъ считаетъ почти кощунствомъ утвержденіе, что императоръ имѣетъ какія-нибудь права на законодательство во Франціи. Уже 500 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, со временъ Карла Великаго, Франція представляетъ независимую часть бывшей имперіи и при раздѣлѣ получила всѣ права, которыя имѣетъ другая часть. Какъ знакъ своего неограниченнаго суверенитета, французскій король имѣетъ исключительное право на законодательство въ своемъ государствѣ.

[1]) Написано, вѣроятно, Филиппомъ Мезьеромъ въ 1376 г.; изд. у Goldast, *op. cit.*, I, 58—229. Всемірная власть императоровъ опровергается здѣсь самыми разнообразными доводами. Особенно опредѣленны юридическіе аргументы; прекрасно формулируетъ ихъ Чичеринъ: „Императорская власть установлена единственно правомъ государственнымъ, т.-е. римскимъ, ибо римскій народъ перенесъ свою власть на императоровъ. Но государственное право, въ истинномъ смыслѣ этого слова, есть право каждаго государства, и по этому праву нѣтъ сомнѣнія, что многіе народы и царства не подчинены императору. Римское же право не имѣетъ силы для другихъ государствъ. Притомъ, по самому римскому праву, Римляне, перенося власть свою на императора, не могли подчинить ему народы, которыми они не владѣли. Наконецъ, самое владычество Римлянъ основано на неправдѣ, слѣдовательно, не можетъ имѣть юридическаго значенія". Чичеринъ, *op. cit.*, I, 269—70.

[2]) Honoré Bonet (род. ок. 1340 г.), *L'arbre de batailles*, IV par., ch. 3 (изд. 1883, стр. 89 — 90). Ср. E. Nys, *Etudes du droit international*, I, 154. Будучи противникомъ всемірной организаціи, О. Боне былъ принужденъ защищать войну, естественную необходимость которой онъ пытался отстаивать даже астрономическими доводами: небесныя сферы движутся и не могутъ быть въ покоѣ; въ связи съ движеніемъ небесныхъ тѣлъ находится движеніе тѣлъ земныхъ, и какъ бываютъ столкновенія между звѣздами, должны быть конфликты и между земными тѣлами. *L'arbre de batailles*, 3 partie, ch. 2 (изд. 1883, стр. 72—75).

именно, англійскими писателями провозглашалось, что англійскій король или самъ является императоромъ или замѣщаетъ собою императора [1]).

На ряду съ политиками-публицистами, выставлявшими теорію національной независимости, исходя изъ богословскихъ, философскихъ и политическихъ соображеній, защитниками государственнаго суверенитета съ точки зрѣнія права выступили легисты, комментаторы постглоссаторской эпохи. Движеніе и здѣсь идетъ изъ Франціи. Доктрина всемірнаго единодержавія императора очень рано была отвергнута французскими юрисконсультами. Уже въ Etablissements de Saint Louis заявлялось: «Li rois n'a point de souverain es choses temporiens, ne il tient de nului que de Dieu et de lui [2])». Большинство постглоссаторовъ, правда, еще не рѣшалось объявить юридической независимости правителей отдѣльныхъ странъ отъ императора и довольствовалось ссылкой на ихъ фактическую независимость, однако и среди нихъ пробивалось національное направленіе. Къ представителямъ этого теченія можно причислить, напримѣръ, Ольдрадо и Жана Фора[3]); такъ, этотъ послѣдній, ссылаясь главнымъ образомъ на обычай, высказывался противъ всемірной власти императора. «Я не думаю, писалъ онъ, чтобы императоръ

---

[1]) См. предисловіе W. Maitland'a къ англійскому переводу Gierke, *Political theories of the Middle Ages*, Cambridge, 1900, стр. XLV. Ср. Nys, *Notes pour servir à l'histoire du droit international en Angleterre*, Bruxelles, 1888, стр. 16.

[2]) *Etablissements de Saint Louis*, ed. Violet. 4 v., Paris, 1881—6, I. 283, II, 135, 370, 405, III, 47. Папа Иннокентій III принималъ этотъ принципъ въ письмѣ къ виконту Монпелье. Бонифацій VIII, напротивъ, отвергалъ его съ негодованіемъ: „Nec insurget hic superbia Gallicana quod dicit quod non recognoscit superiorem. Mentiuntur: quia de jure sunt et esse debent sub rege Romano et imperatore". Исторію идеи государственнаго суверенитета во Франціи см. A. Leroux, *La royauté française et le saint empire romain (Revue historique, 1892)*; Glasson, *Histoire du droit et des institutions politiques et administratives de la France*, II, 1898; Viollet, *Histoire des institutions politiques et administratives de la France*, vol. II, 1898. Мы должны отмѣтить хорошую книгу André Lemaire, *Les lois fondamentales de la Monarchie Française d'après les théoriciens de l'ancien régime*, Paris, 1907, во многихъ мѣстахъ занимающуюся ученіемъ о суверенитетѣ французскихъ теоретиковъ, начиная съ Гинкмара и кончая Мабли; къ сожалѣнію, авторъ мало касается вопроса о внѣшне-государственной сторонѣ суверенитета.

[3]) Oldradus de Laude († 1335), см. Savigny, *Geschichte d. R. R. im M.-A.*, B. VI, § 17; Iohannes Faber († ok. 1340), см. Savigny, *op. cit.*, §§ 13—14. Ср. Грабарь, *op. cit.*, стр. 174—178, 269—272.

имѣлъ, на основаніи общаго права, власть внѣ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ ему повинуются» [1]).

Новое время еще болѣе способствовало развитію исключительнаго направленія въ ученіи о государственномъ суверенитетѣ. Имперія была окончательно разрушена. Въ ея предѣлахъ повсюду выросли сильныя, на національной почвѣ основанныя государства. Фактически, общая жизнь человѣчества, въ международныхъ отношеніяхъ, приняла аморфный характеръ, лишь со слабыми зачатками изъ обычая возникшихъ юридическихъ нормъ.

Разумѣется, и въ средніе вѣка имперія не имѣла фактически общеевропейскаго суверенитета, и тогда политическая жизнь Европы, разсматриваемая въ цѣломъ, носила анархическій характеръ, но это не мѣшало однако теоріи единогласно выставлять идеалъ всемірной имперіи, такъ какъ вся средневѣковая мысль исходила изъ принципа универсальнаго единства. Новое время разбило эту теорію; новая мысль выдвинула на первый планъ личность человѣка. Уже гуманизмъ превозносилъ природу человѣка; въ разумѣ и силахъ индивида предполагался источникъ просвѣщенія и счастливой жизни, центръ тяжести перенесенъ былъ на личность. Реформація особенно сильно способствовала развитію идей индивидуализма и свободы: не связанная болѣе обязанностью непремѣнно свести всю жизнь человѣчества къ единству, политическая мысль часто признавала фактъ государственнаго всемогущества и съ легкимъ сердцемъ склонялась къ международному анархизму.

Значительное вліяніе на развитіе международнаго аморфизма оказалъ, хотя и косвенно, Боденъ [2]). Боденъ, правда, признавалъ

---

[1]) „Nec crederem imperatorem fundatum esse de jure communi extra metas suas, infra quas ei oboeditur“. Iohannes Fabri, *Super Codice compendiosum ac enucleatissimum opus breviarium nuncupatum*; напечатано въ Boehm's *Zeitschrift f. Internat. Privat. und Strafrecht*, Bd. IX. 1899, стр. 31—36; перепечатано въ приложеніи къ цит. книгѣ Грабаря, стр. 269—272.

[2]) Теоріи Бодена и исторіи идеи суверенитета посвящена обширная литература; укажемъ на общеизвѣстные труды Baudrillart, *J. Bodin et son temps* (1853), Gierke, *J. Althusius* (1880), Hancke, *Bodin* (1894), Landmann, *Der Souveränetätsbegriff bei den französischen Theoretikern* (1896), Dock, *Der Souveränetätsbegriff von Bodin* (1890), Dunning, *J. Bodin on sovereignty* (1896), Паліенко, *Суверенитетъ* (1903), Imbart de la Tour, *Origines de la Réforme* (1905). Во всей этой литературѣ почти исключительное вни-

надъ государствами естественное право и юридическую обязанность государствъ соблюдать международные договоры; но онъ выставилъ, какъ существенный признакъ государства, суверенитетъ и основнымъ свойствомъ суверенитета объявилъ независимость его отъ всякой внѣшней власти. Этимъ онъ далъ сторонникамъ международной аморфіи юридическое основаніе для ихъ отрицанія международной организаціи. Само собой разумѣется, онъ отрицательно относился къ идеѣ всемірной имперіи [1]). Но уже Сальмазій, стоя на точкѣ зрѣнія монархическаго абсолютизма, пришелъ къ крайнему утвержденію государственной независимости. Онъ не призналъ юридическаго значенія за ограниченіями божескаго или естественнаго права. Суверенъ, по его теоріи, выше всякаго права; поэтому онъ не связанъ и своими собственными договорами [2]).

Высшее свое выраженіе теорія государственнаго суверенитета нашла въ политической философіи Гегеля [3]). Преувеличеніе

маніе обращается на внутренне-государственную сторону ученія о суверенитетѣ, а не на его отраженія въ международныхъ отношеніяхъ. Къ ученію Бодена мы вернемся ниже.

[1]) Въ гл. 9 кн. I-й Боденъ пишетъ: „Bartol a laissé par escrit que tous ceux-la sont heretiques, qui ne croyent pas que l'Empereur soit seigneur de tout le monde: ce qui ne merite point de responce: veu que les Empereur de Romme ne furent jamais seigneurs de la trentiéme partie de la terre; et que l'Empire d'Allemagne n'est pas la dixiéme partie de l'Empire des Rommains". Въ такомъ же духѣ выражался онъ и объ универсалистическихъ стремленіяхъ папскаго престола.

[2]) Salmasius, *Defensio regia pro Carolo I, rege Angliae*, Paris, 1649, c. 7. Ср. Landmann, *op. cit.*, стр. 60.

[3]) Hegel. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*, изд. E. Gans, Berlin, 1833. особ. §§ 257—258, 321—360; *Философія духа*, М. 1864, §§ 547—552, стр. 349 и сл. О международныхъ воззрѣніяхъ Гегеля см. Haym, *Hegel und seine Zeit*, Berlin, 1857, особ. стр. 357—391; А. Градовскій. *Политическая философія Гегеля* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1870, іюль. 39—81, и *Полное собр. сочиненій*, т. III, 1899, стр. 271—310. особ. 304—306); Б. Чичеринъ. *Исторія политическихъ ученій*, IV (1877), стр. 573 — 609. особ. 578, 588, 593—596; Кэрдъ, *Гегель*, М. 1898: Kuno Fischer, *Hegels Leben, Werke und Lehre*, 2 Th., Heidelberg, 1901, особ. стр. 736 — 738; П. Новгородцевъ, *Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ*, М. 1901; Lévy-Bruhl, *La theorie de l'état dans Hegel* (*Séances et travaux de l'Academie des sciences morales*, Nouvelle série, XXXV, 1889, стр. 16 и сл.). Изъ болѣе раннихъ см. также Kahle, *Darstellung und Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie*, 1845, особ. стр. 104 и сл.: Kaltenborn, *Kritik des Völ-*

государственной идеи вполнѣ послѣдовательно привело Гегеля къ международному аномизму, къ отрицанію права, связывающаго государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Сдѣлавъ изъ государства высшее осуществленіе нравственной идеи, разумное по преимуществу, земного Бога, единственный источникъ всякаго права (Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee, der sittliche Geist и т. д.), Гегель открылъ путь не только къ внутренне-государственному абсолютизму, къ подавленію и отрицанію всякой индивидуальной свободы, но и къ освобожденію государствъ отъ всякаго надъ-государственнаго права, къ провозглашенію международной жизни аморфнымъ общеніемъ, свободнымъ ристалищемъ, на которомъ идетъ война всѣхъ противъ всѣхъ [1]).

Международнаго права нѣтъ, существуетъ лишь внѣшнее государственное право. Государства не приравниваются къ частнымъ лицамъ, а представляютъ собою вполнѣ самостоятельныя коллективности. Надъ ними нѣтъ суда и власти, которыя осуществляли бы право; слѣдовательно, нѣтъ и права. Отношенія государствъ другъ къ другу опредѣляются лишь нормами простого долженствованія, а не права [2]). Однако каждое государство не одиноко на землѣ; существуютъ другія государства, съ которыми оно вступаетъ въ отношенія. Это возможно лишь благодаря взаимному признанію государствъ. Государства объединяются договорами, которые (съ точки зрѣнія международнаго права, отвергаемаго Гегелемъ) должны быть соблюдаемы;

---

kerrecht, 1847, стр. 149 и сл.; Fricker, *Das Problem des Völkerrechts* и *Noch einmal das Problem des Völkerrechts* (*Zeitschrift für d. ges. SW.* B. 28 и 34).

[1]) Еще вопросъ, конечно, отвѣчало ли такое воззрѣніе Гегеля на государство общему духу его системы; и если умаленіе индивида, отрицаніе личной свободы и индивидуальныхъ правъ, какъ конечный результатъ предполагаемаго историческаго процесса, повидимому, неразрывно связаны съ основными предпосылками Гегелевской діалектики (хотя, съ точки зрѣнія политической тактики, діалектическій методъ борьбы и рожденія новаго строя изъ конфликтовъ открываетъ свободный путь провозглашенію анархическаго права сопротивленія и тѣмъ утверждаетъ индивидуальную свободу,—не даромъ Бакунинъ былъ гегельянцемъ), то превознесеніе государства было вполнѣ произвольно; и совершенно въ соотвѣтствіи съ системой Гегеля было бы провозгласить осуществленіе нравственнаго духа въ революціонной партіи (что и сдѣлалъ Бакунинъ), въ прогрессивномъ классѣ (Марксъ) и, особенно, во всемъ человѣчествѣ (Мишле).

[2]) *Phil. d. Rechts*, § 330.

но принципъ государственнаго суверенитета приводитъ Гегеля къ тому, что онъ признаетъ выполненіе этихъ договоровъ зависящимъ отъ доброй воли государствъ [1]). Всякій споръ между государствами можетъ быть разрѣшенъ лишь войною. При этомъ лишь само государство можетъ рѣшить, имѣется ли на лицо достаточный поводъ для войны. Въ своихъ дѣйствіяхъ отдѣльное государство, какъ вполнѣ самостоятельное цѣлое, должно руководиться, по мнѣнію Гегеля. не общими мотивами (nicht ein allgemeiner, philanthropischer Gedanke), а своимъ особымъ, частнымъ благомъ [2]).

Такимъ образомъ Гегель центръ тяжести въ развитіи права исключительно переноситъ на государство. Онъ дѣлаетъ изъ суверенитета государства абсолютный принципъ и чрезвычайно преувеличиваетъ выводы изъ него. Онъ отрицаетъ не только кантовскую конфедерацію государствъ, но и самое понятіе международнаго общенія. Международное право онъ замѣняетъ внѣшнимъ государственнымъ правомъ. Принципы международнаго права суть не юридическія нормы, а простыя правила долженствованія (Sollgesetze) которымъ государства могутъ слѣдовать, лишь пока это въ ихъ интересѣ. Высшій законъ для каждаго государства въ его внѣшнихъ сношеніяхъ его собственное благо. Такъ какъ государства имѣютъ неограниченную независимость дѣйствій, то они всегда могутъ отказаться отъ соблюденія заключенныхъ ими съ другими государствами договоровъ [3]).

Отрицая юридическія нормы для международныхъ отношеній, Гегель не рѣшается однако отвергнуть всякое регулированіе этихъ отношеній, поэтому онъ говоритъ о связи (Band), существующей между государствами даже во время войны и заставляющей ихъ уважать неприкосновенность пословъ, частную собственность, жизнь мирныхъ жителей и т. д. Но все это область международныхъ нравовъ, и только [4]).

---

[1]) Weil aber deren Verhältniss ihre Souverainetät zum Princip hat. so sind sie insofern im Naturzustande gegen einander, und ihre Rechte haben nicht in einem allgemeinen zur Macht über sie konstituirten, sondern in ihrem besondern Willen ihre Wirklichkeit (*Ibid.*, § 333).

[2]) *Ibid.*, § 337.

[3]) *Ibid.*, §§ 257—258. 330—340.

[4]) Sonst beruht das gegenseitige Verhalten im Kriege (z. B. dass Gefangene gemacht werden) und was im Frieden ein Staat den Angehörigen eines

Исторія народовъ есть развитіе абсолютнаго духа; борьба, война суть средства этого процесса. Торжествующее саморазвитіе абсолютнаго духа проявляется лишь во всемірной исторіи, въ которой всѣ частныя особенности народовъ сливаются въ одной общей идеѣ безконечнаго развитія. Однако эта всемірно-историческая идея во всякій данный моментъ осуществляется въ одномъ избранномъ народѣ (въ частности, въ новое время, въ германской націи).

Было бы страннымъ анахронизмомъ подвергать въ настоящее время критикѣ такія произвольныя, чуждыя положительной наукѣ утвержденія, какъ саморазвитіе всемірнаго духа или мистическое воплощеніе этого духа въ избранномъ народѣ. Теорія призваннаго народа, національнаго мессіанства, которая русскими славянофилами была примѣнена къ Россіи, Мицкевичемъ къ Польшѣ и т. д., слишкомъ фантастична и ни на чемъ не основана, чтобы сохранить свое вліяніе. Укажемъ лишь, что она противорѣчитъ самой идеѣ развитія всемірнаго духа и воплощенія нравственной идеи въ политической жизни. Абсолютный духъ долженъ найти свое воплощеніе во всемъ человѣчествѣ, а не въ одномъ народѣ. Нравственная идея, казалось бы, должна осуществиться не въ государствѣ, а во всемірной политической организаціи. Эта непослѣдовательность гегеліанскаго ученія была исправлена и устранена большинствомъ его послѣдователей [1]).

Andern an Rechten fur den Privat-Verkehr einräumt u. s. f., vornehmlich auf den *Sitten* der Nationen, als der innern unter allen Verhältnissen sich erhaltenden Allgemeinheit des Vertragens (*Ibid.*, § 339).

[1]) Правда, Чичеринъ стоялъ въ этомъ отношеніи на правовѣрной гегеліанской точкѣ зрѣнія и не желалъ признать необходимости международной организаціи, см., напр., его *Исторію политическихъ ученій*, II, 289 (противъ civitas maxima Вольфа), III, 368. IV, 45—46 (опроверженіе космополитическихъ взглядовъ Ниблера), 108—109 (опроверженіе взглядовъ Краузе), 250 (противъ Адама Мюллера). Онъ не допускалъ международной организаціи не только въ формѣ всемірнаго государства, но и въ видѣ всемірной федераціи, см. его *Философію права* (1900), стр. 326—336. Защищая войну и протестуя противъ пацифизма, Чичеринъ однако не рѣшался стать на сторону послѣдовательнаго международнаго аномизма. Онъ говорилъ о нравственныхъ сдержкахъ противъ злоупотребленія государствами своею силою, и даже соглашался признать за международными договорами юридическій характеръ, хотя и не обладающій санкціей, *op. cit.*, стр. 329—330. Ср. объ анти-пацифистскихъ взглядахъ Чичерина статью гр. Л. Камаровскаго, *Къ вопросу о философіи войны* (*Вопросы философіи и психологіи*, кн. 53, стр. 348—356). Другіе гегеліанцы отвергли международный аномизмъ Гегеля; такъ, Фаллати примѣнилъ гегеліанскую философію къ международному праву и пришелъ къ понятію всемірнаго общества народовъ и къ

Легизмъ. Теорія государственнаго суверенитета ведетъ къ провозглашенію въ международныхъ отношеніяхъ борьбы силъ (Гоббесъ, Спиноза, Гегель), къ чрезмѣрному превознесенію государственной власти, къ сведенію всего права къ государственной волѣ, къ пониманію права, какъ велѣнія государства, и къ отрицанію международнаго права.

Къ международному аномизму приходятъ и тѣ изъ теорій такъ называемаго положительнаго права, которыя, сводя все право къ государственной волѣ, хотятъ остаться вѣрными своему воззрѣнію на право. Такъ какъ это направленіе стремится ограничить все право государственнымъ закономъ, то его можно было бы назвать легизмомъ [1]).

Международное право отрицается этимъ направленіемъ юриспруденціи на томъ основаніи, что источникомъ права является будто бы только государство, а такъ какъ не существуетъ государства, объединяющаго всѣ народы, то нѣтъ и международнаго права. Нормы же международныхъ отношеній суть лишь внѣшне-государственное право [2]).

необходимости преобразовать международное право во всемірное публичное право. См. Fallati, *Die Genesis der Völkergesellschaft* въ *Zeitschrift für Staatswissenschaften*, Tubingen, 1884; ср. Mohl, *Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften*, I, 379—380. На космополитической же точкѣ зрѣнія стояли Гансъ и Мишле, см. Michelet, *Naturrecht oder Rechtsphilosophie*, 1866, стр. 224—9, 244, 438—444. Вышедшій изъ лѣваго гегеліанства Карлъ Марксъ также стоялъ на космополитической точкѣ зрѣнія, см. Ященко, *Соціализмъ и интернаціонализмъ*, 1907, стр. 69—73.

[1]) Названіе „офиціальнаго права“, данное ему Петражицкимъ, въ основѣ своей вѣрно, но нѣсколько, быть можетъ, одіозно.

[2]) См. Ph. Zorn. *Das Staatsrecht d. D. R.* (1883), т. II, 419 сл. и въ *Hirth's Annalen*, 1882, 82 стр.; A. Zorn, *Grundzüge des Völkerrechts*, Leipzig, 1903, 5—9 (нормы международнаго права суть тѣ нормы, которыя каждое государство признаетъ для себя обязательными; но это признаніе покоится на свободной волѣ государства и есть его право; международное право есть государственное право); Lasson, *Prinzip und Zukunft des Völkerrechts*, 1871, стр. 42—54 (международное право есть умный государственный эгоизмъ, государственное право), *System des Rechtsphilosophie* (1882), 381, 394—407: Pütter, *Beiträge zur Völkerrecht*, 8 и сл., 15 и сл.; Austin, *Lecture on Jurisprudence*, I, 87, 182—184; Seydel, *Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre*, 1872, стр. 32; Шершеневичъ, *Курсъ гражданскаго права*, т. I, Казань, 1901, стр. 40—41, 44—45 (указана обширная литература по данному вопросу: наиболѣе послѣдовательно проведенная точка зрѣнія международнаго аномизма).

ГЛАВА V.

Критика международнаго аномизма.

Таковы разнообразныя направленія, отрицающія, съ той или другой точки зрѣнія, право, регулирующее совокупную жизнь человѣчества: крайній индивидуалистическій анархизмъ, государственный эгоизмъ, государственный абсолютизмъ. Какъ не могли мы обойти ихъ молчаніемъ, такъ не можемъ мы удовольствоваться простымъ указаніемъ на нихъ, а должны нѣсколько остановиться на разборѣ и оцѣнкѣ ихъ основныхъ положеній.

Критика индивидуалистическаго аномизма.

Прежде всего наше вниманіе привлекаетъ индивидуалистическій анархизмъ. У Штирнера мы нашли послѣдовательное отрицаніе государства, всякой принудительной политической организаціи, права, морали и какихъ бы то ни было нормъ, обязательныхъ для личности. Однако, при всей своей видимой послѣдовательности и доведенности до логическаго конца, имморализмъ и аномизмъ Штирнера не выдерживаютъ и самой слабой критики. Они цѣнны лишь, какъ чистые типы теоретическаго построенія.

Изъ двухъ одно, или эта теорія должна стать на точку зрѣнія послѣдовательнаго солипсизма и объявить реальное существованіе лишь одного индивида, а весь остальной міръ призракомъ (чего Штирнеръ не дѣлаетъ, да и не можетъ дѣлать) или признать реальность существующаго внѣшняго міра и запутаться въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ. Почему личность не можетъ признать никакихъ обязательныхъ для себя нормъ, почему она должна руководиться лишь голымъ эгоизмомъ? Можно ли, вообще, обосновать, даже исходя изъ индивидуалистическихъ предпосылокъ, эгоистическую мораль? Теорія Штирнера, вѣдь, обращена не къ одному опредѣленному человѣку, а къ индивиду, какъ таковому, ко всякому человѣку, къ нѣкоторой, въ концѣ концовъ, логически отвлекаемой личности. Если

же мы станемъ на эту точку зрѣнія и обратимся къ разсмотрѣнію, что такое индивидъ, какъ таковый, то прежде всего увидимъ, что однимъ изъ элементовъ человѣческой психики, отвлекаясь отъ частностей и исключеній, является непреодолимое чувство симпатіи, альтруистическій инстинктъ. Именно, стоя на эмпирической почвѣ, имѣя дѣло съ реальнымъ индивидомъ, нельзя построить эгоистической этики. Далѣе, самое выдѣленіе индивида и самостоятельное разсмотрѣніе одной индивидуальной психики искусственны, являются лишь логическимъ допущеніемъ; въ дѣйствительности, въ индивидѣ лишь часть, и притомъ незначительная, является его личнымъ достояніемъ, громадная же доля того, что наполняетъ содержаніемъ личность, есть лишь отраженіе общественной жизни, и потому для того, чтобы рѣшить, на чемъ станетъ строить свою жизнь пѣкая средняя личность, индивидъ, какъ таковой, надо найти законъ, основной мотивъ соціальной жизни. Найдя этотъ законъ, мы сможемъ сказать, что положитъ и что должна положить въ основу своего поведенія отдѣльная, эмпирически средняя личность. Мы прійдемъ такимъ образомъ къ утвержденію необходимости, во-первыхъ, альтруистической этики и, во-вторыхъ, этики не индивидуальной, а соціальной. Утвержденіе объективной, соціальной этики требуетъ созданія и такой организаціи, которою осуществлялись бы нормы и предписанія этой общественной этики.

Кромѣ того, продумывая до конца эгоцентризмъ Штирнера, мы убѣждаемся, что въ нѣдрахъ того аномизма и индивидуалистическаго анархизма, который утверждается Штирнеромъ, кроется его отрицаніе,—аристократическій идеалъ. Ницше, со своимъ культомъ героевъ, народовъ-побѣдителей, со своимъ аристократизмомъ, лишь продолжилъ дальше первоначальный аномистическій союзъ эгоистовъ Штирнера. Въ самомъ же аристократизмѣ заключается, въ свою очередь, его отрицаніе, — вырожденіе сильныхъ, вырожденіе самой самобытной личности. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему приводитъ торжество индивидуализма? Было время, эпоха торжества знаменитаго принципа «laisser passer, laisser faire», періодъ оптимистическаго либерализма, когда считалось, что лучшимъ путемъ къ счастью, къ общественному прогрессу является свободная борьба индивидуальныхъ силъ. Однако историческій опытъ заставляетъ насъ отказаться отъ этой иллюзіи. Полное развитіе индивидуа-

лизма, когда каждая личность вполнѣ предоставлена свободной конкуренціи, вначалѣ, правда, способствуетъ развитію личныхъ силъ. Сильная индивидуальность, не встрѣчая себѣ препятствій, кромѣ сопротивленія другихъ одинокихъ личностей, развиваетъ и укрѣпляетъ свою мощь. Поэтому, дѣйствительно, вначалѣ индивидуалистическій режимъ чрезвычайно способствуетъ пробужденію и развитію индивидуальныхъ силъ въ обществѣ; но это лишь первая стадія исторической эволюціи. Сильные стремятся укрѣпить достигнутое ими положеніе и сдѣлать ненужной дальнѣйшую борьбу. Отсюда слѣдуютъ угнетеніе и рабство слабыхъ. На мѣсто прежней игры и борьбы личныхъ силъ, выступаетъ организованное и наслѣдственно обезпеченное господство класса, дѣлающее невозможной и излишней дальнѣйшую борьбу. Это въ свою очередь влечетъ за собою вырожденіе сильныхъ; режимъ перестаетъ вызывать спящія въ обществѣ силы и начинаетъ разлагаться. Этимъ стремленіемъ индивидуалистическаго аномизма перейти въ свою противоположность ясно обнаруживается, что индивидуализмъ есть антиномичное понятіе [1]).

Индивидуализмъ—это магнитный полюсъ политической мысли. Въ немъ есть особая притягательная сила: онъ, повидимому, такъ отвѣчаетъ сокровеннымъ стремленіямъ человѣческаго духа! Подъ очарованіемъ индивидуалистическаго идеала жилъ въ значительной степени XVIII и отчасти XIX в. Однако болѣе правильнымъ надо считать то воззрѣніе, которое полагаетъ, что нельзя вполнѣ выдѣлить личность изъ общества. Личность внѣ общества, человѣкъ, какъ таковой, не существуетъ. Если отнять отъ личности все, пріобрѣтенное ею отъ ея связи съ обществомъ, то получится не живой человѣкъ, а пустая абстракція, лишенная вся-

---

[1]) Эта антиномичность сказывается впрочемъ и въ юридическомъ индивидуализмѣ, или въ такъ называемомъ индивидуализмѣ права. Съ одной стороны, индивидуализмъ приводитъ невольно къ абсолютизму, какъ у Гоббеса и Руссо, и даже къ соціализму, какъ у Фихте, съ другой стороны, онъ стремится перейти въ анархизмъ, благодаря признанію за личностью права на возстаніе въ случаѣ, если политическій союзъ покушается на естественныя и прирожденныя права личности. Нѣкоторые анархисты, вродѣ Толстого, Кропоткина, Реклю и др., желаютъ избѣжать этой антиноміи, но это достигается ими лишь благодаря произвольному допущенію нѣкоторой предустановленной гармоніи, т. е. благодаря мистической вѣрѣ въ постоянное и всеобщее чудо.

каго содержанія. Человѣкъ носитъ въ себѣ двойное свойство: индивида, какъ такового, и члена человѣческаго рода. Ни одного изъ этихъ свойствъ нельзя отнять у человѣка; ни индивидуальной особности, ни принадлежности къ человѣчеству нельзя исключить изъ понятія человѣка; само сознаніе человѣка говоритъ о такомъ одновременномъ двойномъ свойствѣ его натуры. Исходя изъ этой основной точки зрѣнія, можно приписать полную реальность и человѣку, какъ индивиду, и обществу.

Сама по себѣ и для себя существующая индивидуальность есть естественное и реальное жизненное единство; но такимъ же естественнымъ и реальнымъ жизненнымъ единствомъ является и всякій человѣческій союзъ, который соединяетъ рядъ индивидовъ въ новое и самостоятельное цѣлое. Наряду съ индивидуальнымъ духомъ, индивидуальной волей и индивидуальнымъ сознаніемъ надо признавать реальное существованіе общаго духа, воли и сознанія. Общество,—какъ справедливо говоритъ Соловьевъ,—есть дополненная или расширенная личность, а личность—сжатое или сосредоточенное общество. Нравственно-историческая задача состоитъ не въ созданіи, а въ сознаніи лично-общественной солидарности, въ превращеніи ея изъ невольной въ вольную,—такъ чтобы каждый понималъ, принималъ и исполнялъ общее дѣло, какъ свое собственное [1]). «Человѣкъ, повторяетъ ту же мысль кн. С. Трубецкой, не можетъ мыслить свою судьбу независимо отъ судьбы человѣчества, того высшаго собирательнаго цѣлаго, въ которомъ онъ живетъ и въ которомъ ему раскрывается полный смыслъ жизни. Индивидуальный человѣческій разумъ развивается и овладѣваетъ собою лишь въ общеніи съ другими существами; лишь въ такомъ общеніи онъ научается слову, которое есть для него не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, самообъектированія мысли; только въ общеніи съ ближними человѣкъ становится разумнымъ существомъ, актуально отличнымъ отъ безсловесныхъ, и убѣждается во всеобщемъ логическомъ значеніи своего разума... Общество не можетъ разсматриваться, какъ случайная сумма или внѣшній аггрегатъ человѣческихъ личностей. Его члены взаимно предполагаютъ другъ друга, и если бы не существовало общественнаго цѣлаго,

---

[1]) Вл. Соловьевъ. *Оправданіе добра*, гл. X (*Личность и общество*).

то не могло бы существовать и этихъ членовъ, какъ разумныхъ личностей,—могли бы быть лишь животныя особи человѣческаго вида» [1]).

Основнымъ вопросомъ критики анархическаго индивидуализма является оправданіе права; только оправдавши право между индивидами, можно прійти къ окончательному опроверженію и международнаго аномизма въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оправданіе права.

Я не буду касаться здѣсь чисто этическаго оправданія права, въ родѣ приведеннаго Штаммлеромъ [2]), видѣвшимъ утверждающій право моментъ въ томъ, что только юридическія нормы имѣютъ силу для всѣхъ людей, независимо отъ ихъ способности вступать въ соглашеніе, тогда какъ аномистическіе союзы заключали бы въ себѣ лишь людей, могущихъ заключать договоры. Аномизмъ отрицаетъ не только юридическія нормы, но и моральныя; слѣдовательно, право должно быть обосновано на другихъ началахъ.

Право можетъ, до извѣстной степени, быть обосновываемо, прежде всего, указаніемъ на ненужность самого этого оправданія. Оно есть необходимый, постоянный историческій фактъ; оно есть неотдѣлимая часть общественной жизни человѣка: человѣкъ рождается общежительнымъ существомъ, всегда живетъ лишь въ обществѣ, и право есть неизбѣжный фактъ природы. Вся коллективная жизнь людей есть органическое единство; всѣ ея стороны, въ родѣ языка, религіи, права, хозяйства и т. п., соединены въ неразрывное цѣлое; поэтому образованіе и развитіе права обусловлены всѣмъ органическимъ цѣлымъ общественной жизни.

Но указанія на фактъ и на его неизбѣжность еще недостаточно для его оправданія. Человѣкъ чувствуетъ себя существомъ, способнымъ произвольно дѣлать выборъ и создавать свою жизнь по собственному усмотрѣнію; поэтому мало сказать, что право существуетъ въ силу исторической необходимости, нужно доказать, что оно и должно существовать, какъ отвѣчающее тѣмъ или инымъ желательнымъ цѣлямъ.

Обращаясь къ этой сторонѣ вопроса объ оправданіи права, мы убѣждаемся, что право покоится на великомъ законѣ обще-

---

[1]) Кн. Сергѣй Трубецкой, *Ученіе о Логосѣ (Собраніе сочиненій*, IV, стр. 4—5). Вопросъ объ индивидуализмѣ въ XIX вѣкѣ подробно разработанъ въ книгѣ A. Schatz, *L'individualisme économique et social*, P. 1907.

[2]) Stammler, *Theorie des Anarchismus*, 1892 и *Wirtschaft und Recht*, 2 изд. 1906, §§ 92—96.

ственной солидарности [1]). Изучая жизнь людей, мы повсюду констатируемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что человѣкъ всегда жилъ въ обществѣ людей и можетъ жить лишь въ обществѣ себѣ подобныхъ. Всегда существовали и существуютъ общественныя группы, и люди, составляющіе ихъ, одновременно имѣютъ и сознаніе своей индивидуальности и узъ, соединяющихъ ихъ съ другими людьми. Этими узами являются узы общественной солидарности.

Общественная солидарность составляетъ основаніе права. Такъ какъ человѣкъ можетъ жить лишь въ обществѣ, такъ какъ общество существуетъ лишь благодаря солидарности между составляющими его индивидами, то вытекаетъ слѣдующее правило поведенія: не дѣлать ничего, что наноситъ ущербъ общественной солидарности въ одномъ изъ ея видовъ, и дѣлать все, что способствуетъ развитію этой солидарности.

Законъ общественной солидарности есть основаніе объективной, соціальной этики. Этотъ законъ не метафизическое утвержденіе, а положительный, научный законъ, выводимый изъ изученія фактовъ исторіи. Но является ли, вслѣдствіе этого, построенная на немъ этика исключительно основывающеюся на научныхъ данныхъ? Едва ли такъ. Если бы даже солидарность представляла собою всеобщій фактъ дѣйствительности, можно было бы еще усомниться, почему законъ соціальной жизни, носящій характеръ причинной необходимости, долженъ стать закономъ этическимъ, т.-е. нормой долженствованія. Но дѣло въ томъ, что жизнь представляетъ не только факты солидарности, но и борьбы, вражды, взаимнаго уничтоженія [2]). Если основа поведенія ищется въ фактахъ солидарности, а не вражды, то это должно опредѣляться преимуществомъ, отдаваемымъ первымъ. Что же даетъ преимущество, что опредѣляетъ выборъ?—Прежде всего, внутреннее чувство, совѣсть

---

[1]) Ср. H. Marion, *De la solidarité morale*, Paris, 1883; Durkheim, *De la division du travail social*, Paris, 1893; особенно Duguit, *L'état, le droit objectif et la loi positive*, Paris, 1901 (не соглашаясь со всѣми взглядами этого интереснаго писателя, мы принимаемъ, въ главныхъ чертахъ, его воззрѣніе на законъ общественной солидарности; см. вѣрныя критическія замѣчанія П. Новгородцева въ его предисловіи къ русскому переводу книги Дюги, *Конституціонное право*, 1908); Bouglé, *Le solidarisme*, Paris, 1907.

[2]) Ср. Bouglé, *La démocratie devant la science. Etudes critiques sur l'hérédité, la concurrence et la différenciation*, Paris, 1904.

человѣка, требующая справедливости. Правда, и чисто эмпирическое изученіе человѣка и его психологіи можетъ подтвердить всеобщую наличность альтруистическаго инстинкта, но заключать отъ наличности факта къ его обязательности еще нѣтъ логическихъ основаній. Если мы такое заключеніе дѣлаемъ, то этимъ совершаемъ до извѣстной степени произвольный актъ. Это неизбѣжно: это допущеніе есть то, что можно назвать гипотетическимъ императивомъ. Изслѣдованіе соціальной жизни показываетъ, что человѣкъ менѣе подвергается опасности погибнуть, менѣе страдаетъ при соединеніи съ себѣ подобными, при жизни въ обществѣ, чѣмъ въ одинокомъ, изолированномъ состояніи; общество же подчинено закону солидарности, оно можетъ существовать лишь потому, что интересы цѣлаго и частей совпадаютъ. Отсюда слѣдуетъ, что если человѣкъ хочетъ менѣе подвергаться страданіямъ и опасности погибнуть, онъ долженъ стремиться къ сохраненію общества, слѣдовательно, долженъ осуществлять законъ общественной солидарности. Разумѣется, если бы кто-нибудь желалъ гибели, отвергнулъ бы цѣнность жизни, то нѣтъ возможности, иначе, какъ дѣлая совершенно произвольныя мистическія допущенія, доказать ему обязательность закона общественной солидарности. Для того, кто выбираетъ смерть, необязательны законы жизни.

Сказаннымъ выясняется, въ какомъ отношеніи должны находиться между собою двѣ различныя тенденціи въ критической школѣ права: раціоналистическая, дающая основныя идеалистическія предпосылки естественнаго права, и историко-соціологическая, которая стремится познать запросы дѣйствительности, изучая реальныя жизнеотношенія, интересы общества и его отдѣльныхъ членовъ. Первое пониманіе права можетъ дать лишь общій идеалъ соціальной справедливости, указать ту общую цѣль, къ которой должно тяготѣть развитіе права и къ которой должны стремиться интересы общества (напр., общественную солидарность). Установленіе конечнаго идеала общественной жизни выходитъ, правда, изъ предѣловъ положительнаго знанія и подлежитъ вѣдѣнію метафизики, но, несмотря на это, оно не теряетъ своего права на существованіе, такъ какъ ни человѣческая дѣятельность, ни научныя системы не могутъ существовать безъ того или иного соціальнаго идеала, безъ той или иной основной гипотезы. Если эта послѣдняя выходитъ изъ предѣловъ научнаго знанія, это

доказываетъ не ненужность этой гипотезы, а недостаточность научнаго знанія.

Однако одинъ апріорный методъ раціональнаго права не можетъ дать въ области соціальныхъ наукъ полной истины. Необходимо историко-соціологическое разсмотрѣніе юридическихъ формъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и измѣненіяхъ, нужно имѣть дѣло съ соціальными явленіями во всей ихъ жизненной полнотѣ. Только историко-соціологическое изслѣдованіе можетъ дать наукѣ о правѣ знаніе того, насколько измѣненіе и развитіе политическихъ учрежденій находится въ зависимости отъ измѣненій въ нѣдрахъ общественныхъ силъ, въ чемъ политическія формы должны отвѣчать историческому характеру народа, общественному состоянію, духу эпохи и положенію человѣчества. Только исторія можетъ точно указать живыя силы общества; а такъ какъ политическія и юридическія формы преслѣдуютъ установленіе отношеній между общественными силами, то лишь въ исторіи наука о правѣ можетъ найти матеріалъ для своихъ построеній. Историко-соціологическій методъ обезпечиваетъ наукѣ о правѣ возможность эволюціонировать вмѣстѣ съ ростомъ и видоизмѣненіемъ общественныхъ силъ.

Впрочемъ, было бы большой ошибкой считать достаточнымъ для полученія искомой истины и одно чистое историко-соціологическое изслѣдованіе. Историко-соціологическій методъ можетъ указать лишь, какія политико-юридическія формы соотвѣтствуютъ состоянію даннаго народа и могутъ быть сильными и жизнеспособными. Для того, чтобы по достоинству оцѣнить ту или другую политическую форму, надо знать ту цѣль, ради которой эта форма существуетъ. Но то или другое пониманіе цѣли политической формы зависитъ отъ представленія, которое мы создаемъ себѣ о человѣкѣ и обществѣ; эта же идеальная концепція не можетъ быть выведена изъ историческаго наблюденія. Понятіе человѣка, какъ моральнаго существа, стремящагося къ осуществленію идеальныхъ цѣлей, понятіе о политическомъ союзѣ, какъ организаціи, которая должна уважать и содѣйствовать развитію этой моральной личности индивида, представляютъ собою такіе принципы, которые могутъ быть даны лишь философіей, а не исторіей. Правда, изъ этихъ основныхъ понятій нельзя дедуктивнымъ путемъ выводить всю конструкцію госу-

дарства, какъ это дѣлали прежняя доктрина естественнаго права и догматическая школа, но они должны быть тѣмъ критеріемъ, съ которымъ должны сообразоваться всякія политическія построенія.

Итакъ, для науки о правѣ надо высказаться за историко-раціоналистическій методъ. Какъ историческій, этотъ методъ долженъ критически изслѣдовать ростъ юридическихъ учрежденій и сопоставлять ихъ, какъ съ исторической обстановкой, въ которой они выросли, такъ и съ эволюціей и судьбою аналогичныхъ учрежденій, руководствуясь той идеей, что право, какъ тѣсно связанное съ матеріальнымъ и моральнымъ ходомъ цивилизаціи, не можетъ быть подчинено вполнѣ какому-нибудь абсолютному принципу. Какъ раціоналистическій, этотъ методъ долженъ установить взглядъ на человѣка, на общество и на цѣль государства и отвергнуть взглядъ прежней исторической школы на право, какъ на продуктъ силы, чуждой человѣческой волѣ.

Законъ общественной жизни (законъ общественной солидарности), вѣчный и неизмѣнный самъ по себѣ, какъ законъ природы, измѣняющійся лишь въ познающемъ его человѣческомъ разумѣ, является основою объективнаго права. Это право, отвѣчающее закону общественной жизни, разумно и естественно, т.-е. отвѣчаетъ естественнымъ законамъ. Это разумное право не есть право, живущее въ сознаніи людей; оно есть то право, которое разумомъ выводится изъ закона общественой жизни, при пользованіи данными современной науки и знанія. Это право не соединено непремѣнно съ признаніемъ людей; люди могутъ заблуждаться, но требованія разума остаются неизмѣнными. Отъ этого разумнаго права надо отличать справедливое право (которое можно было бы назвать идеальнымъ), живущее, какъ идеалъ, въ сознаніи современнаго общества или его отдѣльныхъ частей. Имѣющимъ второстепенное значеніе является вопросъ о томъ, различается ли мораль какъ отъ этого права, живущаго въ нравственномъ сознаніи людей, такъ и отъ права разумнаго. Можно указать лишь, что мораль имѣетъ въ виду чисто внутреннее опредѣленіе воли и, обращаясь къ совѣсти каждаго, стремится путемъ сознанія должнаго вызвать гармонію воли человѣка съ его внутренней духовной природой; право стремится къ внѣшнему регулированію совмѣстной жизни людей и, создавая обязательныя для выполненія нормы,

имѣетъ въ виду достигнуть не внутренней гармоніи воли съ самой собою, а гармоніи всѣхъ воль, дѣйствующихъ въ обществѣ, между собою[1]).

Отъ права разумнаго, выводимаго разумомъ изъ законовъ общественной жизни, и отъ права нравственнаго, живущаго въ сознаніи общества, какъ соціальный идеалъ, слѣдуетъ отличать такъ называемое позитивное право, т.-е. право фактически осуществляемое въ общественныхъ отношеніяхъ людей; при чемъ въ этомъ послѣднемъ слѣдуетъ различать положительное право въ широкомъ смыслѣ слова и часть послѣдняго, легальное право, являющееся велѣніемъ организованной власти. Положительнымъ правомъ въ широкомъ смыслѣ слова являются правовыя нормы, обязанность которыхъ обусловливается санкціей того или другого внѣшняго авторитета (международнаго союза, государства, церкви и вообще всякаго организованнаго общества); внѣшній общественный авторитетъ, т. е. авторитетъ того общества людей, въ которомъ дѣйствуютъ данныя нормы позитивнаго права, есть основной источникъ всякаго позитивнаго права; этотъ авторитетъ общества вытекаетъ изъ признанія права обществомъ. Положительное право—это нормы дѣйствительно признаваемыя даннымъ обществомъ. Признаются нормы позитивнаго права обществомъ потому, что въ нихъ видятъ гарантію общаго интереса. Отсюда естественно, что нарушеніе нормъ права вызываетъ коллективную реакцію общества противъ нарушителя.

Это позитивное право можетъ соотвѣтствовать, быть въ гармоніи съ идеальнымъ правомъ и съ правомъ разумнымъ и можетъ имъ противорѣчить. Разумное право выше права позитивнаго. Для жизни и счастья людей и право живущее въ сознаніи людей, какъ

---

[1]) Вообще не имѣетъ большого значенія возраженіе противъ естественнаго права, ссылающееся на то, что это не право, а нравственность. Дѣло, конечно, не въ словахъ. Пусть естественное право будетъ нравственностью. Нравственныя нормы обязательны столь же, если не болѣе, какъ и нормы закона, а такъ какъ и легальное право и нравственность покоятся на признаніи, то нельзя утверждать, что такъ называемое положительное право имѣетъ высшую санкцію; если за положительными законами стоитъ часто больше физической силы, то это еще не ставитъ ихъ выше права естественнаго; и при томъ, надо сказать, и эта сила не всегда стоитъ за положительнымъ закономъ, что мы видимъ часто въ эпохи революціонныхъ переворотовъ.

идеалъ, и право положительное должны быть согласны съ разумнымъ правомъ. Вопросъ объ оправданіи позитивнаго права сводится къ вопросу о томъ, въ какомъ оно отношеніи находится къ праву разумному. Право положительное оправдывается правомъ идеальнымъ, живущимъ въ сознаніи людей; это послѣднее право оправдывается правомъ разумнымъ, выводимымъ изъ изученія природы человѣческихъ обществъ; право разумное покоится на нѣкоторыхъ метафизическихъ постулатахъ (напримѣръ, превосходства жизни надъ смертью [1]).

Позитивное право въ широкомъ смыслѣ слова есть совокупность нормъ, регулирующихъ внѣшнія отношенія людей и получающихъ свою обязательность въ силу признанія ихъ даннымъ общественнымъ союзомъ, т. е. на практикѣ наиболѣе сильною (въ силу сознательности, энергіи, численности, нахожденія у центра политическихъ силъ и т. д.) частью даннаго союза. Только часть позитивнаго права, именно право, которое мы называемъ легальнымъ, является выраженіемъ воли правотворящихъ органовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ юридическая норма есть выраженіе воли, но выраженіе воли такого содержанія, что извѣстная норма, устанавливая границы внѣшней свободы, должна быть принята и повсюду соблюдаема, какъ отвѣчающая народному сознанію или требованію разума. За положеніемъ, что нѣчто должно быть правомъ, всегда скрывается убѣжденіе, что желаемое согласно съ правовымъ сознаніемъ является правомъ. Въ этомъ требованіи соотвѣтствія положеній легальнаго права народному сознанію заключаются ограниченіе и связанность положительно-юридическаго характера для правотворящей воли, въ частности воли государственныхъ органовъ.

Право имѣетъ корни въ общественномъ убѣжденіи. Его нормы, въ своемъ существенномъ содержаніи, являются положеніями разума объ ограниченіяхъ воли, требуемыхъ для справедливаго порядка жизни; такимъ образомъ по своему внутреннему

---

[1]) Все построеніе можетъ быть отвергнуто, если, напр., отрицается превосходство жизни надъ смертью, или признается, что есть, кромѣ земной, болѣе важная жизнь небесная, для которой не нужно права. Ни то, ни другое утвержденіе ни доказуемы, ни отвергаемы; каждому остается дѣлать выборъ.

существу право не есть воля. Въ философско-юридическихъ теоріяхъ давно уже идетъ непрерывный споръ по вопросу, является ли право и насколько является выраженіемъ разума или воли. Въ настоящее время представленіе, что право покрывается волей политическаго союза, особенно государства, получило угрожающее распространеніе. Если только это мнѣніе восторжествуетъ, то отъ права останется одно имя, которое будетъ прикрывать лишь тотъ грубый фактъ, что между людьми нѣтъ другого порядка, кромѣ силы болѣе сильныхъ, господствующей надъ болѣе слабыми, ибо, какъ справедливо сказалъ Гирке въ одномъ мѣстѣ, воля можетъ сломить волю, но границы для воли не могутъ возникнуть изъ самой воли.

Итакъ, источникъ положительнаго права надо искать въ особомъ коллективномъ сознаніи (историческая школа называла это сознаніе развивающимся изъ поколѣнія въ поколѣніе національнымъ духомъ, въ которомъ духъ отдѣльныхъ лицъ составляетъ лишь преходящій моментъ). Право развивается путемъ развитія народнаго сознанія; законодатель лишь обнаруживаетъ это сознаніе въ нормахъ «легальнаго» права. Отсюда возникаютъ конфликты между нормами этого послѣдняго права и правовой идеей: правовое сознаніе относится къ положительному праву не только творчески, но и критически; оно порицаетъ нецѣлесообразныя нормы, отвергаетъ право отжившее, требуетъ его измѣненія. Безъ автономности такой правовой критики, не было бы прогресса въ исторіи положительнаго права. Когда существующій строй не имѣетъ тѣхъ органовъ, черезъ посредство которыхъ это измѣненіе народныхъ взглядовъ на право могло бы сказаться, а наличные органы остаются глухи къ требованіямъ народнаго сознанія, тогда открывается путь непослушанію, возстанію и революціи, которыя и возстановляютъ нарушенное равновѣсіе между формальнымъ и матеріальнымъ правомъ. Только перенесеніе центра тяжести въ понятіи права съ воли на разумъ даетъ возможность связать идеальное право съ положительнымъ, какъ идеалъ съ дѣйствительностью; съ этой точки зрѣнія положительное право можетъ пониматься, какъ минимумъ нравственности.

Пониманіе права, какъ нормъ, зиждущихся на признаніи и не обязательно нуждающихся въ государственной защитѣ, должно привести къ допущенію юридическаго характера за различными частями

государственнаго права; этимъ утверждается возможность самостоятельнаго и независимаго отъ государства существованія корпоративнаго и церковнаго права; обычное право пріобрѣтаетъ подобающее ему значеніе; матеріальное право существуетъ рядомъ съ формальнымъ; при конфликтѣ послѣдняго съ первымъ, можно говорить о безправіи законодателя; индивидуальныя права получаютъ прочное обоснованіе, и создается возможность оправдать въ извѣстныхъ случаяхъ право индивида на сопротивленіе. Такое пониманіе права влечетъ за собою также признаніе международнаго права, какъ разумнаго, справедливаго и позитивнаго права. Законъ общественной солидарности простирается и на международныя отношенія. Разумное право должно было бы нормировать. на основахъ разума жизнь всего общества, т. е. всего человѣчества. Въ сознаніи человѣчества живетъ идея международнаго права, идеальнаго, обязательнаго для всѣхъ народовъ. Наконецъ, существуетъ совокупность нормъ положительнаго международнаго права, фактически соблюдаемыхъ, признанныхъ въ договорахъ, декларацiяхъ и обычаяхъ.

Источникомъ положительнаго международнаго права является правовое убѣжденіе человѣчества. Для возникновенія всякаго права необходимо убѣжденіе, признаніе необходимости юридическихъ нормъ; необходимо существованіе власти въ широкомъ смыслѣ слова, проявляющейся или въ волеизъявленіяхъ опредѣленныхъ соціальныхъ органовъ или только въ признаніи подчиняющихся ей лицъ. Положительное международное право основывается на признаніи его государствами и на сознаніи ими общей власти, стоящей надъ ними.

Между государствами образуется всемірное экономическое общеніе. Общіе соціально-экономическіе интересы человѣчества способствуютъ созданію международно-правовыхъ нормъ, имѣющихъ обязательную силу и для внутренне-государственныхъ отношеній. Власть и обязательность этого международнаго права охраняются: 1) силою другихъ государствъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи нормъ; если нормы существуютъ, значитъ, онѣ признаны наиболѣе сильною частью союза, въ данномъ случаѣ человѣчества; если онѣ признаны, значитъ, онѣ отвѣчаютъ сознанію и интересамъ этой части; эта принуждающая сила междуна-

роднаго союза проявляется, впрочемъ, внѣ опредѣленной организаціи; 2) дѣятельностью и властью отдѣльныхъ международныхъ организацій, созданныхъ для опредѣленнаго круга интересовъ; 3) непосредственною связанностью этими нормами отдѣльныхъ государственныхъ органовъ; 4) интересами общества или его отдѣльныхъ классовъ въ томъ самомъ государствѣ, которое захотѣло бы имъ не повиноваться.

Критика государственной теоріи права.

Престижъ разобранныхъ нами выше ученій, стоящихъ на точкѣ зрѣнія международнаго аномизма и отрицающихъ международное право, чрезвычайно палъ въ послѣднее время, и вполнѣ основательно. Теорія международнаго аномизма въ тѣсномъ смыслѣ слова покоится на особомъ пониманіи природы права. Право, по воззрѣнію этой теоріи, есть лишь то, что существуетъ въ видѣ положительныхъ нормъ, изданныхъ или признанныхъ государственной властью; юридическія нормы суть нормы принудительно осуществляемыя. Задача юриста сводится къ установленію *юридической* природы различныхъ институтовъ, къ открытію абстрактнаго и логическаго принципа, на которомъ зиждется данный институтъ и къ ряду чисто логическихъ выводовъ изъ установленныхъ такимъ образомъ общихъ положеній. Такъ какъ при этомъ, при изслѣдованіи юридической природы институтовъ, подъ правомъ разумѣется лишь формальная воля государства, выраженная въ опредѣленныхъ актахъ, особенно въ писанномъ законѣ, то вся сфера науки о правѣ, съ этой точки зрѣнія, является лишь толкованіемъ и систематизаціей законовъ. Вопросы о соціальныхъ источникахъ учрежденій, объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ, объ ихъ преобразованіяхъ, требуемыхъ практикою жизни, о силахъ, ими движущихъ, выходятъ изъ сферы науки о правѣ. Понятно, что не только проблема юридической организаціи государствъ и созданія надъ-государственной власти исключается изъ своего изслѣдованія формально-юридической школой, но и самое существованіе международнаго права подвергается сомнѣнію; такъ какъ нѣтъ принудительнаго осуществленія нормъ въ международной жизни, то нѣтъ въ ней и права.

Такимъ образомъ, международный аномизмъ тѣсно связанъ съ указаннымъ пониманіемъ права; стоитъ отвергнуть это пониманіе права, и всѣ доводы ученій, отрицающихъ право надъ государствомъ, теряютъ свое значеніе. Между тѣмъ именно теоріи офиці-

альнаго права, теоріи принужденія меньше всего могутъ выдержать направленную противъ нихъ критику [1]).

Противъ офиціально-государственныхъ теорій права выдвигается, прежде всего, то возраженіе, что если государство признается единственнымъ источникомъ права, то этимъ опредѣляются одни государственные законы, а не все право вообще; далѣе, внесеніе въ понятіе права того момента, что правовыя нормы, суть нормы признаваемыя государствомъ, еще не опредѣляетъ права: опредѣленіе этимъ лишь отодвигается; нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, государствомъ ли является данный союзъ, является ли данное лицо или учрежденіе юридическимъ органомъ государства, дѣйствуетъ ли оно въ предѣлахъ своей компетенціи и въ предписанной правомъ формѣ.

Точно также подлежатъ возраженіямъ и болѣе смягченныя теоріи, вносящія въ опредѣленіе права лишь моментъ принужденія; эти теоріи, основываясь на томъ, что въ международной жизни нѣтъ

---

[1]) Bierling, *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe*, I, 1877, стр. 140 и сл.; Bierling, *Juristische Prinzipienlehre*, I, 1894, стр. 49 и сл.; Thon, *Rechtsnorm und subjektives Recht*. 1878, стр. 7; Dahn. *Die Vernunft im Recht*, 1879, стр. 33 и сл.; Binding, *Normen und ihre Übertretung*, I, 1890, стр. 483 и сл.; Gierke, *Deutsches Privatrecht*, I, 1895, стр. 114. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ Гарейсъ, Регельсбергеръ, Пфеннигеръ, Трипель и др. Несокрушимой, имманентной критикѣ подверглись государственныя теоріи особенно со стороны І. Петражицкаго, *Очерки философіи права*, Спб. 1900, стр. 83 и сл., *Теорія права и государства*, Спб., 1907, I, стр. 252 и сл.; то же у кн. Ев. Трубецкого, *Лекціи по энциклопедіи права*, М. 1907, стр. 11 и сл. Теорія офиціальнаго права защищается обыкновенно сторонниками такъ называемаго формально-юридическаго направленія. Изъ противниковъ формально-юридическаго метода особенно слѣдуетъ отмѣтить: O. Gierke, *Ueber Laband's Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft* (*Jahrbuch fur Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft*, VII, № 4, 1883, стр. 1—99), особ. гл. 3-я; O. Gierke. *Naturrecht und Deutsches Recht*, Freiburg. 1883; A. Menger, *Ueber die sozialen Aufgaben der Rechtswissenschaft*, 1895; Geny, *Méthode d'interpretation et sources en droit privé positif*, Paris, 1899, особ. §§ 160—163; M. Deslandres, *La crise de la science politique et le problème de la méthode*, (*Revue du droit public*, 1901 и 1902); R. Saleilles, *Ecole historique et droit naturel d' après quelques ouvrages récentes* (*Revue trimestrielle de droit civile*, 1902); П. Новгородцевъ, *Государство и право* (*Вопросы философіи и психологіи*, 1904); Gumplovicz, *Geschichte der Staatstheorien*, Innsbruck, 1905, въ приложеніи: *Zur Kritik der juristischen Methode im Staatsrecht;* S. Makarewicz, *Moderne Aufgabe der Rechtsphilosophie* (*Grünhut's Zeitschrift*, Bd. 33, 1905).

организованной исполнительной власти и правового принужденія, часто отрицаютъ юридическій характеръ международнаго права. Однако не всякое принужденіе даетъ повелѣніямъ и нормамъ юридическій характеръ, а лишь принужденіе, исходящее отъ управомоченныхъ органовъ въ предѣлахъ данной имъ правомъ компетенціи и въ предписанной правомъ формѣ. Такимъ образомъ здѣсь получается definitio per idem. Съ точки зрѣнія этихъ теорій, всякая норма права должна быть обезпечена другой нормой права, предписывающей принудительное исполненіе первой, въ случаѣ ея нарушенія. Эта вторая, чтобы получить юридическій характеръ, должна быть обезпечена третьей юридической нормой, и т. д. до безконечности. Но мы всегда дойдемъ до такой юридической нормы, примѣненіе которой не обезпечено принужденіемъ; таковы, напр., нормы, опредѣляющія права и обязанности верховныхъ государственныхъ органовъ, т. е. большая часть конституціоннаго права; стоя на точкѣ зрѣнія теоріи принужденія, мы должны отвергнуть юридическій характеръ такихъ необезпеченныхъ принужденіемъ нормъ, и, возвращаясь назадъ, отвергнуть юридическій характеръ всѣхъ предшествующихъ нормъ.

Далѣе, нужно сказать, что самое понятіе принужденія двусмысленно. О принужденіи можно говорить всегда тамъ, гдѣ существуетъ какое-нибудь давленіе на наше рѣшеніе; но такое неопредѣленное понятіе принужденія можетъ быть примѣнено и къ нормамъ морали и къ нравамъ. Строго говоря, нѣтъ вообще ни одной человѣческой силы, способной вынудить признаніе и исполненіе приказа. Совершенно правильно говоритъ въ одномъ мѣстѣ Бирлингъ, что очевидное противорѣчіе, съ одной стороны, утверждать существованіе нормъ, принциповъ и правилъ для человѣческихъ дѣйствій и тѣмъ предполагать свободу людей, ихъ способность слѣдовать или не слѣдовать этимъ нормамъ, а, съ другой стороны, для главной части этихъ нормъ утверждать общую возможность вынудить ихъ исполненіе.

Если признать правильной доктрину юридической школы положительнаго права, то въ этомъ случаѣ послѣдовательно должно быть изгнано изъ области права не только международное право, но и громадныя области государственнаго права: обязанности, напримѣръ, монарха даже въ конституціонныхъ государствахъ должны быть отнесены, благодаря отсутствію внѣшней связан-

ности, въ чисто моральную сферу; вмѣстѣ съ этимъ должна быть отвергнута возможность какого-нибудь независимаго отъ государства корпоративнаго права, и самое существованіе обычнаго права должно подвергнуться большой опасности, такъ какъ оно сохраняется, по этой теоріи, лишь благодаря фикціи молчаливаго согласія государствъ; наконецъ, все право должно стать только формальнымъ правомъ и непослѣдовательно говорить о матеріальномъ правѣ на ряду съ формальнымъ [1]).

Такое пониманіе права, по которому право представляетъ собою лишь изъявленіе воли государства, неизбѣжно приводитъ къ государственному абсолютизму. Эта точка зрѣнія отрицаетъ всякое философско-критическое пониманіе права, всякое сознательное отношеніе къ будущему и какую бы то ни было критику настоящаго; въ то же время она, въ сущности, ничего и не утверждаетъ; она идетъ вслѣдъ за совершившимся фактомъ; видя въ правѣ одну волю государственныхъ органовъ, а не сознаніе народа, она ведетъ къ чистому возрожденію легизма. При своей видимой формальной объективности и безразличномъ отношеніи къ матеріальнымъ интересамъ, на самомъ дѣлѣ, формально-юридическая школа, подобно прежнимъ легистамъ, опредѣленно служитъ абсолютизму (демократическому или монархическому), въ ущербъ началу свободы. Право, вѣдь, есть, по ея воззрѣнію, только то, что исходитъ отъ государственной власти; слѣдовательно, эта послѣдняя, единственный источникъ права, стоитъ надъ правомъ, внѣ его. Этимъ открывается путь легальному деспотизму «Право и безправіе, есть только то, что государство дозволило и запретило, и ничего болѣе. Законамъ слѣдуетъ повиноваться не потому, что они разумны, а потому, что такъ предписываетъ государство» [2]).

---

[1]) Петражицкій вполнѣ правильно замѣчаетъ: „Связывая понятіе права съ государствомъ, наука лишается богатаго и поучительнаго матеріала — тѣхъ правовыхъ явленій, которыя возникали и возникаютъ внѣ государства, независимо отъ него и до появленія государства, и сужаетъ свой горизонтъ зрѣнія до узкаго, можно сказать, официально-канцелярскаго кругозора“. *Теорія права и государства*, Спб. 1907, I, 257.

[2]) П. Новгородцевъ, *Государство и право* (*Вопросы философіи и психологіи*, 1904, стр. 408). Морисъ Деландръ, обсуждающій этотъ вопросъ въ своей прекрасной книгѣ *La crise de la science politique*, усматриваетъ причину распространенія этого направленія въ Германіи въ томъ полу-абсолютномъ правительственномъ строѣ, какой представляетъ имперія, и который стремятся оправдать

Имѣя дѣло лишь съ формальнымъ закономъ, формальная юриспруденція не признаетъ никакой, за исключеніемъ формальной, критики дѣйствующихъ законодательныхъ нормъ, ни критики съ точки зрѣнія соотвѣтствія этихъ нормъ цѣлямъ и интересамъ общества, такъ какъ это считается дѣломъ соціальныхъ наукъ, ни критики съ точки зрѣнія этическихъ идеаловъ и соотвѣтствія этихъ нормъ нравственнымъ требованіямъ, такъ какъ это дѣло политики или морали. Формальная юриспруденція имѣетъ въ виду не запросы всей общественной жизни, а лишь запросы судебной и административной практики, призванной исполнять формальный законъ. Пусть этотъ законъ будетъ представлять самое вопіющее нарушеніе элементарной человѣческой справедливости, пусть онъ будетъ задерживать ростъ общества и даже вести его къ гибели, легисту до этого нѣтъ дѣла; вѣрный своему методу, онъ объявитъ все, что можетъ въ данномъ случаѣ служить въ пользу или даже во спасеніе общества, противнымъ праву. Формально-юридическая школа, отрицая всякій идеализмъ въ правѣ, является открытымъ и притомъ глубоко реакціоннымъ оправданіемъ дѣйствительности. Она есть, въ окончательномъ результатѣ, полное отрицаніе всякой идеи права.

Въ свое время, на мѣсто раздвоенія права на двѣ одинаково значащія области, идеальное, вѣчное естественное право и временное положительное, историческая школа поставила единство правового сознанія, создающаго и отмѣняющаго дѣйствующее право. Прежній непримиримый, вѣчно революціонный дуализмъ естественно-правовой доктрины былъ примиренъ въ представленіи о правѣ, непосредственно измѣняющемся вслѣдъ за измѣненіями правового сознанія народа. Однако этотъ дуализмъ остался для тѣхъ поло-

---

нѣмецкіе юристы.„ Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ эта теорія государственнаго суверенитета, поставленная на мѣсто народнаго суверенитета? это — или теорія государственныхъ властей, какъ органовъ государства, обязанныхъ лишь выражать или даже вырабатывать волю государства, при чемъ не говорится ни слова объ ихъ народномъ основаніи, или это—доктрина, по которой императоръ, а не народныя собранія, представляетъ единство страны, и по которой рейхстагъ не имѣетъ представительнаго характера. Чѣмъ все это является, какъ не оправданіемъ, посредствомъ юридическихъ концепцій, полу-абсолютной системы нынѣшней Германіи?“ „Абсолютизмъ, продолжаетъ Деландръ, благопріятствуетъ юридическому духу и замѣняетъ имъ духъ политическій. Абсолютизмъ на мѣсто царства свободы ставитъ царство закона, при немъ свобода замѣняется закономъ, и въ юридической систематизаціи ищетъ онъ себѣ оправданій“.

женій, гдѣ формальный законъ не отвѣчаетъ требованіямъ правового сознанія. Формальная школа покончила совершенно съ дуализмомъ въ правѣ, признавши правомъ лишь формальный законъ. Однако такой результатъ получился лишь путемъ отказа отъ всякаго идеала въ области права; закрылся юридическій путь всякому протесту противъ наиболѣе противорѣчащихъ требованіямъ разума, противъ самыхъ безнравственныхъ, противъ наименѣе отвѣчающихъ народному сознанію законовъ, и открылась дорога къ абсолютизму. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта школа сдѣлала необходимымъ возрожденіе критическаго направленія въ наукѣ о правѣ. Людямъ важно знать, имѣетъ ли отдѣльный человѣкъ, союзъ или цѣлый народъ нравственное или естественное право воспротивиться тираніи, формально-правильному закону, но по содержанію представляющему чистый произволъ, вредный для счастья общества. Человѣчество никогда не удовлетворится той теоріей, которая отвѣтитъ на этотъ вопросъ категорическимъ отрицаніемъ, основываясь при этомъ не на какихъ-нибудь дѣйствительныхъ и важныхъ соображеніяхъ, а на одной формальной, логической игрѣ понятіями.

Основой всѣхъ указанныхъ выше теорій является ученіе о государственномъ суверенитетѣ. Неудачныя попытки примирить это ученіе съ современнымъ правосознаніемъ, требующимъ признанія права надъ государствомъ и внутри государства противъ самого государства, и практикой политической жизни, знающей власть международнаго союза, федеративныя образованія, вассальныя государства и т. д. и не укладывающейся въ рамки традиціоннаго ученія о суверенитетѣ, заставили многихъ писателей подвергнуть критикѣ самое это ученіе и даже усомниться въ цѣлесообразности этого понятія въ наукѣ государственнаго права. Этого вопроса мы коснемся ниже, въ слѣдующихъ главахъ.

Аномизмъ и вопросъ о войнѣ.

Если отношенія государствъ регулируются не правомъ, то что же они собою представляютъ, съ точки зрѣнія аномистическаго воззрѣнія? Разумѣется, нѣчто аморфное; здѣсь царитъ право сильнаго; все рѣшаетъ, въ конечномъ счетѣ, война. Аномизмъ естественно ведетъ за собою оправданіе войны.

Хотя вопросъ о войнѣ выходитъ изъ предѣловъ международнаго аномизма, и можно защищать войну, даже и не стоя на аномистической точкѣ зрѣнія (напр., видя въ войнѣ лишь юридическое

средство принужденія, санкцію международно-правовыхъ нормъ), однако обычно защита войны соединяется съ отрицаніемъ международнаго права и съ теоріями силы. Война защищается, во-первыхъ, съ мистико-религіозной точки зрѣнія: она есть провиденціальное зло, нѣчто, посылаемое самимъ Богомъ. Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ этого направленія былъ Жозефъ де-Местръ [1]). Война защищается, далѣе, какъ средство прогресса, какъ пріемъ естественнаго отбора, препятствующаго застою человѣчества, какъ средство нравственнаго усовершенствованія народовъ; такъ, Гегеля война нисколько не устрашала: по его воззрѣнію, она даже не нуждается въ оправданіи и не является зломъ; наоборотъ, въ ней Гегель

---

[1]) Есть грозное и апокалипсическое краснорѣчіе въ этихъ поразительныхъ и непередаваемыхъ словахъ: Observez de plus que cette loi déja si terrible de la guerre n'est cependant qu'un chapitre de la loi générale qui pèse sur l'univers. Dans le vaste domaine de la nature vivante il régne une violence manifeste, une espèce de rage prescrite qui arme tous les êtres, *in mutua funera*: dès que vous sortez du règne insensible, vous trouvez le décret de la mort violente écrit sur les frontières mêmes de la vie. Déjà, dans le régne végétal, on commence à sentir la loi... Dans chaque grande division de l'espèce animale, elle a choisi un certain nombre d'animaux qu'elle a chargés de dévorer les autres... Au-dessus de ces nombreuses races d'animaux est placé l'homme, dont la main destructive n'épargne rien de ce qui vit Il tue pour se nourrir. il tue pour se vêtir, il tue pour se parer, il tue pour attaquer, il tue pour se défendre, il tue pour s'instruire, il tue pour s'amuser, il tue pour tuer. Roi superbe et terrible, il a besoin de tout et rien ne lui résiste... Le philosophe peut même découvrir comment le carnage permanent est prévu et ordonné dans le grand tout... Mais cette loi s'arrêtera-t-elle à l'homme? non, sans doute. Cependant quel être exterminera celui qui les exterminera tous? Lui. C'est l'homme qui est chargé d'égorger l'homme. Mais comment pourra-t-il accomplir la loi, lui qui est un être moral et miséricordieux... C'est la guerre qui accomplira le décret. N'entendez-vous pas la terre qui crie et demande du sang?.... La terre n'a pas crié en vain: la guerre s'allume. L'homme, saisi tout à coup d'une fureur divine, étrangère à la haine et à la colère, s'avance sur le champ de bataille sans savoir ce qu'il veut, ni même ce qu'il fait... Ainsi s'accomplit sans cesse, depuis le ciron jusqu'à l'homme, la grande loi de la destruction violente des êtres vivants... La guerre est donc divine en elle-même, puisque c'est une loi du monde. La guerre est divine par ses conséquences d'un ordre surnaturel tant générales que particulières... La guerre est divine dans la gloire mystérieuse qui l'environne, et dans l'attrait non moins inexplicable qui nous y porte... La guerre est divine dans ses résultats qui échappent absolument aux spéculations de la raison humaine: car ils peuvent être tout différents entre deux nations, quoique l'action de la guerre se soit montrée égale de part et d'autre (J. de Maistre, *Les soirées de Saint-Petersbourg*, 7 entretien).

видѣлъ моментъ моральнаго оздоровленія народной жизни, условіе прогресса и развитія. Der Krieg ist das Moment, worin die Idealität des Besonderen ihr Recht erhält und Wirklichkeit wird. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ обыкновенно представители эволюціонной теоріи [1]). Война защищается, наконецъ, съ точки зрѣнія юридической теоріи силы, какъ создательница и осуществительница права; гдѣ право сливается съ силой, въ концѣ концовъ всегда приходятъ къ превознесенію войны. Со всѣхъ этихъ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія война находитъ себѣ ярыхъ защитниковъ до самаго послѣдняго времени [2]). Въ этой защитѣ ея сходятся и гегельянцы, и крайніе сторонники дарвиновской теоріи борьбы за существованіе и партизаны «позитивной, реальной политики», и доходящіе до мистицизма поклонники идеи классовой борьбы, и крайніе индивидуалисты въ духѣ Ницше.

---

[1]) Гераклитъ еще считалъ, что πολεμος μητὴρ πάντων, что полезное рождается изъ конфликтовъ, что наиболѣе прекрасныя гармоніи слагаются изъ диссонансовъ и все происходитъ изъ борьбы (τὸ ἀντιξουν συμφέρον καὶ ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίαν καὶ πάντα κατ' ἔριν γίνεσθαι); см. Aristotelis, *Ethica Nicomachea*, VIII, 1. Ср. Hegel, *Ph. d. Rechts*, § 324—329. Гегель отрицательно отнесся къ кантовскому проекту вѣчнаго мира (*Ibid*, § 324). На этой точкѣ зрѣнія защиты войны стояло большинство гегельянцевъ; см., Proudhon, *La guerre et la paix*, Paris, 1861, I, 122, 127, 300 и сл.; A. Lasson, *Das Culturideal und der Krieg*, Berlin, 1868; *Prinzip und Zukunft des Völkerrechts*, Berlin. 1871, особ. стр. 144—151; Б. Чичеринъ, *Философія права*, 1900, стр. 326—336. Такихъ же взглядовъ придерживались Lueder, *Krieg und Kriegsrecht im allgemeinen*; Stendel, *Der ewige Friede*, München, 1899; Градовскій. *Собраніе сочиненій*. VII, 200—214. Существуетъ мнѣніе, что и самъ Кантъ склоненъ былъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія на войну, см. Conrad Dietrich, *Kant und Rousseau*. 1878, стр. 138 и сл. и Vaihinger, *Eine franzosische Kontroverse über Kants Ansicht vom Kriege*, 1899. Здѣсь же могутъ быть упомянуты: Трейчке, Бональдъ и Кузенъ (*Cours de l'histoire de la philosophie*, 1828, I, 28 и сл.). Классически формулировалъ эту точку зрѣнія тотъ же Ж. де-Местръ: Le genre humain peut être considéré comme un arbre qu'une main invisible taille sans relâche et qui gagne souvent à cette opération... Les véritables fruits de la nature humaine, les arts, les sciences, les grandes entreprises, les hautes conceptions, les vertus mâles, tiennent surtout à l'état de guerre. On sait que les nations ne parviennent jamais au plus haut point de grandeur dont elles sont susceptibles qu'après de longues et sanglantes guerres... On dirait que le sang est l'engrais de cette plante qu'on appelle le génie (J. de Maistre, *Considérations sur la France*, Londres, 1797, стр. 49 и сл.).

[2]) Въ особенности въ Германіи; см., напр., изъ наиболѣе недавнихъ: Klaus Wagner, *Krieg*, Jena, 1906; R. Steinmetz, *Die Philosophie des Krieges*, Leipzig, 1907; J. Schlaf, *Der Krieg*, Berlin, 1907.

Однако доводы сторонниковъ войны находятъ себѣ самое разнообразное опроверженіе въ необозримой пацифистской литературѣ, стремящейся къ уничтоженію войны между народами и къ утвержденію всеобщаго мира [1]).

Идея мира, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, существуетъ съ самыхъ древнихъ эпохъ политической мысли, и было бы затруднительно дать исчерпывающее описаніе ея исторіи [2]). Въ древности идею мира мы находимъ выраженной въ ученіи стоиковъ, въ христіанствѣ, у Бл. Августина [3]). Въ средніе вѣка защитниками вѣчнаго мира являлись и сторонники императорской партіи и паписты [4]). Въ эпоху реформаціи созданы были различные проекты

---

[1]) О пацифизмѣ особенно см. гр. Л. Камаровскій, *О международномъ судѣ*, М. 1881, *Успѣхи идеи мира*, М. 1898, *Вопросъ о международной организаціи*, М. 1905 (лучшія работы въ этой области по широтѣ развиваемыхъ взглядовъ и по точности сообщаемыхъ свѣдѣній); M. Revon, *La philosophie de la guerre*, 1896; F. Holtzendorff, *Die Idee des ewigen Völkerfriedens*, Berlin, 1882; L. Stein, *Die philosophie des Friedens*, въ сборникѣ *An der Wende des Jahrhunderts*, Freiburg, 1899; Бліохъ, *Будущая война*, т. VI, 1898; Novikow, *Les luttes entre les sociétés humaines et leurs phases successives*, Paris, 1893; *La fédération d'Europe*, Paris, 1900; кромѣ того, см. F. Fried, *Handbuch der Friedensbewegung*, Wien, 1905 (скорѣе справочная книга; особенно подробны свѣдѣнія по новѣйшему пацифистскому движенію); Jean Lagorgette, *Le rôle de la guerre*, Paris, 1906 (главнымъ образомъ изслѣдованъ вопросъ о войнѣ съ соціологической точки зрѣнія; нѣсколько громоздкое изложеніе); подробныя библіографическія указанія, хотя и не всегда полныя, а съ другой стороны удѣляющія излишне большое вниманіе періодической пацифистской печати даны La Fontaine, *Bibliographie de la paix et de l'arbitrage international*, Monaco, 1904.

[2]) Цѣнныя указанія изъ этой исторіи даны въ цитированной выше книгѣ гр. Камаровскаго, *О международномъ судѣ* (въ значительной зависимости отъ изложенія гр. Камаровскаго находится большинство французскихъ авторовъ. см., напр., Mérignhac, *Traité théoritique et pratique de l'arbitrage international*, 1895); Holtzendorff, *Die Idee des ewigen Völkerfriedens*, Berlin, 1882; Лодыженскій, *Проекты вѣчнаго мира и ихъ значеніе*, Москва, 1880; Prato, *La teoria della pace perpetua*, Torino, 1897; A. Faget, *De la paix perpétuelle. Etude historique et critique de cette idée*, Moulins, 1869; Бліохъ, *Будущая война*, 1898; Potvin, *La genie de la paix en Belgique*, P., 1871.

[3]) Augustinus, *De civitate Dei*, l. XIX, c. 12 и 13, *Confes.*, l. XIII, c. 10; ср. кн. Е. Трубецкой, *Міросозерцаніе Бл. Августина*, 230 и сл. Объ идеѣ мира въ древности и въ средніе вѣка см. М. Таубе, *Христіанство и организація международнаго мира*, Спб. 1902.

[4]) М. Таубе, *Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ*, Харьковъ, 1899; Huberti, *Studien zur Rechtsge-*

вѣчнаго мира, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ проектъ Эразма Ротердамскаго [1]). Вѣкъ тридцатилѣтней войны и англійской революціи также породилъ не малое количество проектовъ мира, изъ которыхъ наиболѣе знамениты проекты Сюлли-Генриха IV и Эмерика Крюсе [2]). Эпоха войнъ Людовика и заключеніе Утрехтскаго мира дали начало одному изъ наиболѣе популярныхъ проектовъ мира, именно плану аббата Сенъ-Пьера [3]). Стремленіе къ миру вызвала и семилѣтняя война; между прочимъ во это время сдѣланы были Руссо извлеченія изъ проекта Сенъ-Пьера [4]). Въ самомъ началѣ французской революціи былъ выработанъ планъ вѣчнаго мира Іереміей Бентамомъ. Въ годы гражданскихъ и международныхъ войнъ эпохи революціи проекты предлагались въ необычайномъ количествѣ [5]).

---

schichte der Gottesfrieden und Landfrieden, Ausbach, 1892; Nys, *Origines du droit international*, 1894 (о пацифизмѣ въ средніе вѣка см. стр. 264—277. 389—397). Изъ средневѣковыхъ проектовъ мира см., напр., Pierre Dubois, *Summaria brevis et compendiosa doctrina felicis expeditionis et abreviationis guerrarum ac litium regni Francorum*, 1300.

[1]) Erasmus Roterdamus, *Querela pacis undique gentium ejectae profligataeque*. Basiliae, 1522. Ср. также Josse Van Clichthove, *De bello ac pace opusculum, christianos principes ad sedandos bellorum tumultus et pace componendam exhortans*, 1523. Пацифистами были и такъ называемые оксфордскіе реформаторы Джонъ Колетъ и Томасъ Моръ, см. F. Seebohm, *The Oxford Reformers*. Еще раньше, Виклифъ признавалъ всякую войну недозволенной христіанамъ и на той же точкѣ зрѣнія стояли и лолларды, см. E. Nys, *Quatre utopistes au XVI siècle* (*Revue d. dr. inter.*, 1889, стр. 72—76; сдѣланы указанія на сочиненія Виклифа).

[2]) Brederodii, *Representatio pacis generalis inter orbis Christiani Reges Principes et status, pontificum et sedis Romanae sollicitudine procuratae*, 1608; Sully, *Memoires des sages et royales oeconomies d'estat*, 1642; Emeric Crucé, *Nouveau Cynée*, 1623; Ernest von Hesse-Rheinfels, *Der so wahrhafte als ganz aufrichtliche und discret gesinnte Katolischer*, 1660 (см. Nys, *Etudes*, I, 301—317); William Penn, *Essay on the present and future peace of Europe*, 1693.

[3]) Saint-Pierre, *Projet de traité pour rendre la paix perpétuelle*, 1714; [Анонимъ], *Projet d'un nouveau système de l'Europe*, 1745.

[4]) [Ange Goudar], *La paix de l'Europe ou projet de pacification générale*, Amsterdam, 1757; [Ange Goudar], *La paix de l'Europe*, Amsterdam, 1761; J. J. Rousseau, *Extrait du projet de paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre*, 1761.

[5]) Jeremy Bentham, *A plan for an universal and perpetual peace*, 1789 (напечатанъ впервые въ II т. Works of Bentham, 1839, стр. 546—560); нѣсколько ранѣе A. Polier de Saint-Germain. *Nouvel essai sur le projet de la paix perpétuelle*, En Suisse, 1789. Вѣроятно, около этого времени былъ составленъ русскимъ писателемъ М. Д. Чулковымъ (1737—1793) *„Проектъ трактата*

Наполеоновскія войны и послѣдовавшіе за ними Вѣнскій конгрессъ и Священный союзъ также вызвали могучее стремленіе къ упорядоченію международныхъ отношеній, послѣдствіемъ чего явились многочисленные проекты мира, изъ авторовъ которыхъ особенно слѣдуетъ упомянуть Батена, Сенъ-Симона, Гондона [1]). Долгій, почти сороколѣтній миръ, наступившій въ Европѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, сопровождался усиленіемъ идеи мира. Возникло пацифистское движеніе. Изъ проектовъ мира этой эпохи особеннаго вниманія заслуживаютъ проекты Сарторія, Маршана и Пеккера [2]). Особенна обширна и, можно сказать, даже необозрима сдѣлалась пацифистская литература со второй половины XIX вѣка, чему способствовало сильно развившееся почти во всѣхъ странахъ движеніе въ пользу разоруженія и установленія международной организаціи, вызываемое самыми разнообразными факторами [3]).

между европейскими государями для вѣчнаго истребленія въ Европѣ войнъ»: (см. Георгъ фонъ Гельбигъ, *Русскіе Избранники*, пер. Бильбасова, Берлинъ 1900, стр. 265); [Comte de Caraman], *Projet d'instruction pour assurer la paix parmi les hommes*, Mettz et Paris, 1792; Kant, *Zum ewigen Frieden*, 1795; Friedr. Gutehr, *Was ist das wichtigste für die Menschheit*, Kosmopolis, 1796; La Motte, *Utrum pax perpetua pangi possit*, Stuttg. 1796; [Bar. S. F. Bourgoing], *La paix! la paix! la paix! par un ami de son pays et de la paix*, 1796; [Ch. Liop. de Belderbuch], *La paix du continent comme acheminement à la paix générale*, En Suisse, 1797.

[1]) [*Batain*], *La paix, système cosmopolite ou projet d'une confédération universelle et perpétuelle entre tous les nations*, Cosmopolis, 1802; Gondon, *Du droit public ou du droit des gens ou principes d'association civile et politique suivis d'un projet de paix générale et perpétuelle*, 3 vol., Paris, 1807; Gabinus de Wal, *Disp. philo-jur. de conjunct. popul. ad pacem*; 1808; Bogue, *Universal peace*, 1813; Saint-Simon, *Réorganisation de la société européenne*, 1814; Lipps, *Allgemeine Friede*, 1814; Sarrazin, *Perfectionnement du projet de l'abbé de Saint-Pierre, dans le retour du siècle d'or*, Metz, 1816; Paoli-Chagni, *Projet d'une organisation politique pour l'Europe, ayant pour objet de procurer aux souverains et aux peuples une paix générale et perpétuelle*, Paris, 1818; *Nouveau projet de paix perpetuelle entre tous les peuples de la chrétienté*, 2 vol., Paris, 1826.

[2]) Sartorius, *Organon des vollkomenen Friedens*. Zürich, 1837; Marchand, *Nouveau projet de paix perpétuelle*, Paris, 1842; F. Durand, *Des tendances pacifiques de la société européenne et du rôle des armées dans l'avenir*. 1841; C. Pecqueur, *De la paix, de son principe et de sa réalisation*, Paris, 1842; Wellian Jay, *War and peace; the evils of the first and a plan for preserving the last*, N. Y., 1842.

[3]) Къ сожалѣнію научныя достоинства этой литературы чрезвычайно невысоки. Въ большинствѣ случаевъ, это компилятивныя, популярныя брошюры

Здѣсь не мѣсто останавливаться на разсмотрѣніи доктрины пацифизма. Вопросъ объ установленіи всеобщаго мира тѣсно связанъ съ вопросомъ о политической организаціи человѣчества и потому можетъ быть изслѣдованъ лишь по разсмотрѣніи этого послѣдняго. Ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Въ широкомъ смыслѣ слова подъ пацифизмомъ должна пониматься всякая система, стремящаяся къ порядку. Пацифическими въ этомъ значеніи должны быть названы почти всѣ религіи, большинство философскихъ и политическихъ системъ, такъ какъ миръ, въ смыслѣ порядка, мыслится почти всегда, какъ конечная цѣль или идеалъ человѣческой жизни. Но миръ и движеніе къ нему могутъ быть понимаемы различнымъ образомъ, и это служитъ основаніемъ для различныхъ направленій въ пацифизмѣ. Въ международной сферѣ пацифизмъ есть стремленіе устранить войну, какъ вооруженное столкновеніе, изъ человѣческой жизни. Однако и здѣсь надо отличать стремленіе къ ближайшимъ цѣлямъ и къ цѣлямъ отдаленнымъ. Можно быть сторонни-

---

и книги чрезвычайно эклектическаго содержанія, приправленныя доброй дозой всякихъ пожеланій, которыя научнаго значенія почти никакого не имѣютъ. Укажемъ лишь на наиболѣе достойныя: F. Bouvet, *La guerre et la civilisation*, Paris, 1855; E. de Girardin, *La paix*, 1859; P. Larroque, *De la guerre et des armées permanentes*, Bruxelles, 1864; A. Audiganne, *L'économie de la paix et richesse des peuples*, Paris, 1866; C. de Boom, *Unité européenne. Paix, décentralisation, émigration*, Paris, 1867; M. Adler, *Der Krieg, die Kongressidee und die allgemeine Wehrpflicht*, 1868; L. Bara, *La scienee de la paix*, Paris, 1872; H. Dumesnil, *La guerre, étude philosophique*, Paris, 1872; H. Dupasquier, *Le crime de la guerre, dénoncé à l'humanité*, Paris, 1873; L. Henry, *Le crime des crimes*, Paris, 1873; Lemonier, *Les Etats-Unis d'Europe*, Paris, 1872; A. Bill, *Peace Papers*, New-York, 1873; M. Mézières, *De la polémomanie ou folie de la guerre dans l'Europe actuelle*, Paris, 1872; S. Amos, *Political and legal Remedies for War*, London, 1880; F. Holtzendorff, *Die Idee des ewigen Völkerfriedens*, Berlin, 1883; E. Schlief, *Der Friede in Europa*, Leipzig, 1892; J. Novicow, *Les luttes entre les sociétés humaines et leurs phases successives*, Paris, 1893; W. Becker, *Der Völkerfriede*, Zurich, 1893; R. de la Grasserie, *Des moyens pratiques pour parvenir à la suppression de la paix armée et de le guerre*, Paris, 1894; Arnoldson, *Pax Mundi*, Stuttgart, 1896; Molinari, *Grandeur et décadence de la guerre*, Paris, 1898; E. Arnaud, *L'organisation de la paix*, Berne, 1899; G. Moch, *L'ére sans violence*, Paris, 1899; Siotto-Pintor, *L'ideale della pace*, Roma, 1900; Novicow, *Possibilité de bonheur*, Paris, 1904; E. Ruyssen, *La philosophie de la paix*, 1904; Lagorgette, *Le rôle de la guerre*, 1906; Ch. Richet, *Le passé de la guerre et l'avenir de la paix*, 1907; E Fagnet, *Le pacifisme* Paris, 1908.

комъ войны для установленія окончательнаго мира; въ этомъ смыслѣ можно назвать пацифистскими всѣ стремленія къ созданію всемірной монархіи; такъ и всѣ войны римской имперіи направлены были къ осуществленію pax romana. На этомъ пониманіи основывается парадоксальное выраженіе: si vis pacem, para bellum.

Въ вопросѣ объ общечеловѣческой организаціи пацифистское движеніе обыкновенно принимаетъ эту организацію, какъ свою цѣль и свой идеалъ. Однако здѣсь надо констатировать частое уклоненіе въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, пацифизмъ иногда соединяется съ отрицаніемъ общечеловѣческой организаціи, что имѣетъ мѣсто особенно въ мирно-анархическихъ теоріяхъ (Левъ Толстой), во-вторыхъ, обратно, сторонники международной организаціи часто стоятъ не на пацифистской точкѣ зрѣнія, такъ какъ таковая организація можетъ пониматься, какъ цѣль не только для осуществленія мира, но и для осуществленія культуры, нравственности, или какъ, наконецъ, естественная необходимость.

Относительно спора защитниковъ и противниковъ войны, не входя въ детальный разборъ ихъ доводовъ, слѣдуетъ вообще замѣтить слѣдующее: съ одной стороны, защита войны, какъ таковой, почти никогда не идетъ вплоть до индивида; всѣми отрицается война отдѣльныхъ лицъ между собою, и или защищается политическая организація, или утверждается, что и безъ такой организаціи между людьми будетъ царить миръ. Безъ достаточныхъ логическихъ основаній защитники войны примѣняютъ совершенно иную точку зрѣнія къ отдѣльному лицу, нежели къ лицу коллективному. Съ философской стороны, миръ понимается, или какъ конечная гармонія, порядокъ, или какъ отсутствіе всякой борьбы. Въ первомъ случаѣ, понятіе мира не исключаетъ борьбы, во второмъ случаѣ, оно становится въ противорѣчіе съ самою жизнью. Съ другой стороны, и противники войны обыкновенно являются противниками не борьбы, какъ таковой, а войны, какъ взаимнаго истребленія вооруженныхъ массъ. Недостаточное вниманіе къ этому факту въ значительной степени объясняетъ недоразумѣнія въ пацифистской и антипацифистской полемикѣ. Наконецъ, надо исключить изъ обсужденія вопроса тѣхъ, кто считаетъ войну роковой необходимостью, такъ какъ въ признаніи факта не содержится никакого ни моральнаго, ни политическаго его оправданія. Защита войны есть

не констатированіе ея существованія, а защита ея правомѣрности, какъ нормальнаго средства разрѣшенія междугосударственныхъ конфликтовъ.

Понятая въ указанныхъ предѣлахъ, пацифистская теорія должна явиться требованіемъ мира, какъ гармоніи внѣшнихъ отношеній между людьми, обезпечиваемой тѣмъ, что возникающіе конфликты разрѣшаются юридическими средствами.

ГЛАВА VI.

Идея всемірнаго права до Гуго Гроція.

Политическія теоріи, которыхъ мы коснулись въ предшествующей главѣ, отрицающія существованіе права между народами, составляютъ, въ общемъ, исключеніе и никогда не пользовались широкимъ признаніемъ. Гораздо болѣе распространено и даже является господствующимъ другое направленіе, которое можно было бы назвать международнымъ анархизмомъ, такъ какъ оно признаетъ существованіе междугосударственнаго права, но отрицаетъ всякую надъ-государственную власть и необходимость или возможность какой бы то ни было надъ-государственной организаціи.

Политическая мысль не могла долго оставаться на полномъ отрицаніи всякой общечеловѣческой власти и права. Не говоря о томъ, что подобныя теоріи противорѣчатъ всему ходу исторіи и наглядным фактамъ дѣйствительности, онѣ страдаютъ внутреннимъ логическимъ недостаткомъ. Невозможно защищать разумными доводами право и власть для нѣкоторой части человѣческаго рода, чтобы вслѣдъ за тѣмъ отвергнуть ихъ для остального человѣчества и для взаимныхъ отношеній между отдѣльными частями человѣчества. Тѣ, кто послѣдовательно отвергаютъ всякое право во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, обыкновенно сливаютъ право съ силой, должное съ фактомъ; но и они, какъ мы уже указывали, должны, исходя изъ идеи необходимости положительной власти для установленія всеобщаго мира, естественно прійти къ требованію всемірнаго государства.

Большинство ученыхъ не приняло идей международнаго аномизма; отвергнувши надъ-государственную власть, они признали надъ-государственное право; при этомъ, вмѣсто идеи всемірной церкви и всемірной имперіи, введено было новое, полное жизни понятіе общества народовъ, естественно-правовой societas gentium.

Вслѣдствіе созданія этого понятія, первоначальное единство человѣческаго рода получило юридическое выраженіе: между народами существуетъ правовое общеніе, которое, не уничтожая государственной автономіи, приводитъ народы къ постоянному нерасторгаемому союзу.

При этомъ образовалось два направленія. Одно (господствующее) признало лишь международное право, но не власть societas gentium надъ отдѣльнымъ государствомъ: между государствами, подобно индивидамъ до основанія государствъ, существуютъ лишь естественно-правовыя нормы и нормы права, свободно принимаемаго; при чемъ одни писатели выдвигали, главнымъ образомъ, естественно-правовой элементъ международнаго права, часто сливая его съ моралью, другіе выдвигали договорный, положительно-правовой элементъ, и тѣмъ, съ одной стороны, суживали (по незначительности положительныхъ договорныхъ и общепризнанныхъ обычныхъ нормъ въ международныхъ отношеніяхъ) его сферу, съ другой, при отрицаніи международной власти, лишали его какой бы то ни было устойчивости, ибо, если отвергнуты и естественно-правовая обязанность выполнять заключенные договоры и положительная международная власть, то отъ произвола государства въ любой моментъ зависитъ признать или не признать ту или другую норму. Другое направленіе поняло societas gentium не только, какъ среду образованія естественно-правовыхъ или положительно-правовыхъ нормъ, но и какъ нѣкоторую власть; человѣчество мыслилось, какъ нѣкоторая совокупность, юридическое цѣлое, по отношенію къ которому отдѣльное государство есть лишь часть; при этомъ это цѣлое понималось обыкновенно съ федеративной точки зрѣнія, т. е. въ основу его полагались договоръ и особое распредѣленіе суверенитета между цѣлымъ союзомъ и его частями.

Господствующимъ направленіемъ въ области теорій относительно общей юридической жизни всего человѣчества до самаго послѣдняго времени является, повторяемъ, международный анархизмъ, т. е. направленіе, не признающее международной власти, но признающее международное право и ту норму, что договоры должны быть выполняемы. Направленіе это не занимается вопросомъ о международной организаціи, а сосредоточиваетъ свое вниманіе на правѣ, возвышающемся надъ государствомъ. Такъ какъ этому праву припи-

сываются различные содержаніе, объемъ и основаніе, и такъ какъ нѣтъ названія, которое обнимало бы всѣ пониманія этого права, то мы условно будемъ называть его *правомъ народовъ (jus gentium)*, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ всемірное право, т. е. право, нормы котораго регулируютъ общую жизнь человѣчества.

Предупреждая, быть-можетъ, наши выводы изъ разсмотрѣнія исторіи идеи права, регулирующаго совокупную жизнь человѣчества, мы можемъ теперь же сказать, что въ пониманіи права народовъ (jus gentium) можно наблюдать слѣдующую эволюцію: 1) первоначально jus gentium понималось, какъ jus commune omnium gentium, какъ *общенародное право*; это пониманіе его преобладало въ древности и отчасти въ средніе вѣка; 2) далѣе jus gentium стало пониматься, какъ *международное право*, — jus inter gentes; хотя зачатки этого пониманія можно найти уже въ древности, въ болѣе значительной степени въ средніе вѣка, однако вполнѣ развито было оно лишь въ новое время; 3) наконецъ, неоднократно возникаетъ и утверждается пониманіе права народовъ, какъ права надъ народами, *права человѣчества*, jus super gentes, jus cosmopoliticum, jus humanitatis; созданіе самаго послѣдняго времени, идея эта можетъ быть констатирована, въ иномъ, правда, пониманіи, уже у грековъ, у римлянъ и въ средніе вѣка. Jus gentium, какъ jus commune gentium, jus inter gentes и jus super gentes, таковы три стадіи въ пониманіи права народовъ.

До самаго XIX столѣтія право, регулирующее общую жизнь человѣчества, jus gentium, понималось въ соединеніи съ естественнымъ правомъ. Такъ какъ договорный, произвольно установленный людьми элементъ въ отношеніяхъ между народами былъ ничтоженъ, то, естественно, искали для нихъ общеобязательныхъ нормъ въ другихъ сферахъ. Вначалѣ предполагалось, что существуетъ между всѣми членами человѣческаго рода нѣчто общее, зиждущееся на самой человѣческой природѣ и вызывающее наличность общаго, естественнаго (по своему соотвѣтствію естеству человѣка) права всѣхъ народовъ. Потомъ стали признавать, что должно существовать право и для людей, не живущихъ въ обществѣ съ организованной политической властью, а находящихся въ такъ называемомъ естественномъ состояніи; это право тоже называлось естественнымъ, какъ соотвѣтствующее людямъ, живущимъ внѣ об-

щества, подъ одними законами природы; предполагалось, что государства находятся между собою именно въ такомъ естественномъ состояніи и потому ихъ отношенія регулируются правомъ, соотвѣтствующимъ естественному состоянію. Второе пониманіе естественнаго права значительно разнится отъ перваго и должно было, въ концѣ концовъ, привести къ совершенно другимъ результатамъ и къ крушенію самой идеи естественнаго права. Естественное право въ первомъ значеніи вытекаетъ изъ самой природы человѣка, какъ такового; оно всеобще именно потому, что всеобща человѣческая природа; оно неизмѣнно, какъ эта послѣдняя; оно такъ же положительно, какъ и право установленное человѣческою волею и соглашеніями; это есть лишь одинъ изъ видовъ положительнаго права [1]). Совсѣмъ иное дѣло съ естественнымъ правомъ во второмъ смыслѣ; это лишь право существующее до права политическаго, установляемаго волею людей, соединившихся въ политическія общества. Оно не есть вѣчное и неизмѣнное право, а выступаетъ на сцену лишь тамъ, гдѣ между людьми нѣтъ политическаго общества. Однако естественное состояніе, служащее основаніемъ для такого естественнаго права, есть лишь гипотетическое предположеніе. Оно строилось и понималось самымъ различнымъ образомъ, и какъ всеобщая война, и какъ всеобщая свобода и равенство. Естественное состояніе сдѣлалось тою общею формою, въ которую облекались тѣ или другія предпосылки о томъ принципѣ, который можно положить въ основаніе системы разумнаго права. Въ концѣ концовъ, гипотезы естественнаго состоянія и покоющагося на немъ естественнаго права были, за ненадобностью, отброшены, а на мѣсто естественнаго права были созданы теоріи чистаго раціональнаго права. Раціональное право уже окончательно потеряло положительный характеръ. Естественное право во второмъ указанномъ нами смыслѣ (право естественнаго состоянія) сохраняло положительный характеръ хотя бы по отношенію къ лицамъ не объединеннымъ въ одной политической организаціи, напримѣръ, въ между-

---

[1]) Право положительное, въ смыслѣ права дѣйствующаго, распадается на право необходимое, естественное, дѣйствующее по природѣ, и право произвольное, установленное, дѣйствующее по человѣческому установленію.

народныхъ отношеніяхъ. Раціональное право никакого положительнаго характера не имѣетъ; это право, существующее въ головѣ мыслителя, какимъ оно должно быть, чтобы стать правильнымъ, разумнымъ. Конечно, это право одинаково относится къ гражданскимъ, къ государственнымъ и къ международнымъ отношеніямъ; нѣтъ никакого основанія связывать его по преимуществу съ международнымъ правомъ. Тысячелѣтній союзъ jus naturale и jus gentium былъ расторгнутъ. Международному праву предоставлено было жить самостоятельною жизнью и самому искать себѣ основъ; къ погребенному естественному праву возврата не было; оставалось утвердить свой произвольный, созданный человѣческою волею (въ договорахъ и обычаяхъ) характеръ. Здѣсь ему пришлось встрѣтить грознаго соперника въ государственномъ законѣ, который, единолично царя въ теченіе столѣтій въ сферѣ произвольнаго, установленнаго права, отожествилъ себя со всѣмъ позитивнымъ правомъ и не желалъ признать положительнаго характера за правомъ международнымъ. Послѣднему ничего не оставалось сдѣлать, какъ подорвать самый основной принципъ враждебнаго ему направленія,—отожествленіе положительнаго права съ волею государственныхъ органовъ. Однако сдѣлано это было до сихъ поръ не съ достаточною силою.

Исторія взаимоотношеній между jus naturale и jus gentium, какъ они понимались въ античныхъ, средневѣковыхъ и современныхъ теоріяхъ, является одной изъ самыхъ запутанныхъ. Различныя школы понимали это отношеніе разно, и иногда трудно бываетъ установить здѣсь логическія разграниченія и дѣйствительную эволюцію. Объясняется это самою природою понятій jus naturale и jus gentium и тою трансформаціей, которая незамѣтно происходила въ этихъ понятіяхъ въ теченіе вѣковъ. Яснѣе всего это станетъ, если мы разсмотримъ то и другое, поставивши ихъ рядомъ съ тѣмъ, чему они противополагаются. Подъ естественнымъ правомъ въ различныя эпохи понимали различное, но во всякомъ случаѣ естественное право всегда противополагалось праву установленному: съ одной стороны, право, вытекающее изъ требованій природы или разума (независимо отъ объема и содержанія этихъ требованій и пониманія разума), съ другой, право, вытекающее изъ договоровъ, соглашеній или изъ установленій власти (не говоря о пониманіи предѣловъ этой власти); jus gentium, какъ право народовъ, право всемір-

ное, простирающееся на совокупность народовъ (независимо отъ того, есть ли это право лишь одинаковое у всѣхъ народовъ, или право дѣйствующее между ними, или дѣйствующее надъ ними), всегда противополагалось праву одного народа,—jus civile proprium въ смыслѣ національнаго права.

Отсюда понятно, что сферы jus naturale и jus gentium неизбѣжно скрещиваются другъ съ другомъ, но въ комбинаціяхъ, находящихся въ зависимости отъ воззрѣній на природу того и другого права. Jus naturale можетъ войти въ качествѣ элемента и въ jus gentium и въ jus civile proprium, оно имѣетъ силу и для всѣхъ народовъ и для одного народа; съ другой стороны, jus gentium можетъ имѣть и естественные и произвольно установленные элементы. Естественное право имѣетъ силу *не только* для всѣхъ народовъ, и право народовъ имѣетъ основаніе *не только* въ естественномъ правѣ; поэтому нельзя ихъ вполнѣ соединять; но, съ другой стороны, естественное право имѣетъ силу *и для* народовъ, а право народовъ имѣетъ основаніе *и въ* естественномъ правѣ; поэтому нельзя ихъ вполнѣ разъединять.

Jus naturale и jus gentium въ древности.

Обращаясь къ исторіи идеи всемірнаго права, т.-е. права, обнимающаго все человѣчество, возвышающагося надъ всѣми народами, мы должны, для полноты своего обзора, остановиться сначала, хотя и въ общихъ чертахъ, на античномъ и средневѣковомъ періодѣ. Въ теченіе этого періода теорія всемірнаго права сливалась, обыкновенно, съ ученіемъ объ естественномъ правѣ. Право понималось, какъ состоящее изъ двухъ великихъ частей: установленной человѣческой волей и произволомъ и установленной самой природой, независимо отъ человѣческаго усмотрѣнія. Обѣ эти части права дѣйствуютъ во внутренне-государственной жизни, но внѣ-государственная жизнь подчиняется, по правилу, лишь дѣйствію однихъ естественныхъ законовъ.

Возникаетъ рядъ сложныхъ вопросовъ: каковъ характеръ естественнаго права, божественный ли (выраженный въ божественномъ откровеніи), нравственный ли (требуемый нравственнымъ сознаніемъ людей), разумный ли (указываемый природнымъ разумомъ всякой мыслящей твари или однимъ людямъ), отвѣчающій ли природѣ человѣка, соотвѣтствующій ли жизни людей внѣ политическаго состоянія или согласный съ идеей права, и каково отношеніе

этого естественнаго права къ установленному людьми, дополняетъ ли оно послѣднее или отмѣняетъ, обязательно ли оно или необязательно? На всѣ эти вопросы различныя доктрины давали различный отвѣтъ, и историческій обзоръ и долженъ показать основные типы этихъ отвѣтовъ.

Въ античной древности мы находимъ соединеніе различныхъ точекъ зрѣнія, которыя были развиты подробно въ послѣдующее время [1]).

Не многое, конечно, можно сказать о до-сократовской эпохѣ. Изъ того, что намъ извѣстно объ этомъ періодѣ, мы можемъ заключить, что еще до начала всякой философіи грекамъ свойственна была идея естественнаго закона, вѣчной правды, лежащей въ основѣ міра. Уже Гомеръ говоритъ о правѣ (θέμις), о нѣкоторомъ правосудіи, проявляющемся въ дѣлахъ людей и не зависящемъ отъ человѣческихъ установленій. Въ «Дѣлахъ и дняхъ» Гезіода эта высшая правда, этотъ изначальный законъ (νόμος) пріобрѣтаетъ опредѣленный властный характеръ, дѣлается всеобщей нравственной истиной.

---

[1]) Исторіи идеи естественнаго права удѣлено значительное мѣсто въ указанныхъ уже выше трудахъ Zeller, Gomperz, Grote, Schmidt, Hildenbrand, Voigt, Kaerst. Изученію международнаго и всемірнаго права въ древности посвящены многочисленныя монографіи: Ward, *An enquiry into the foundation and history of the law of nations in Europe*, London, 1799; Wachsmuth, *Jus gentium quale obtinuerit apud Graecos ante bellorum cum Persis gestorum initium*, Berlin, *1822*; Hefftter, *De antiquo jure gentium*, Bonn, *1823*; Osenbrüggen, *De jure belli ac pacis romanorum*, Lps., 1836; Müller-Iochmus, *Geschichte des Völkerrechts im Alterthum*, Leipzig, 1848; Laurent, *Histoire du droit des gens*, II, III, 1850; Качеповскій, *Курсъ международнаго права*, Харьковъ, 1863, отд. II; Fustel de Coulanges, *La cité antique*, Paris, 1864, 261 и сл.; Egger, *Essais historiques sur les traités publics dans l'antiquité*, Paris, 1866; Стояновъ, *Очерки исторіи и догматики международнаго права*, Харьковъ, 1875; Brougham Leech, *An essay on ancient international law*, Dublin, 1877; Bürgel, *Die pyl.-delph. Amphiktyonie*, München, 1877, стр. 197 и сл.; Holtzendorff, *Handbuch des Völkerrechts*, 1885, I, 198—286; Fusinato, *Le droit international de la république Romaine* (*Revue de droit international*, 1885); Scala, *Die Studien des Polybios*, Stuttgart, 1840, стр. 299 и сл.; Chauveau, *Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité*, 1891; Walker, *A history of the law of nations*, Cambridge, 1899; Bender, *Antikes Völkerrecht* (*vornehmlich im Zeitalter des Polybios*), Bonn, 1901; Таубе, *Христіанство и организація международнаго мира*, СПБ., 1902; Cybichowski, *Das antike Völkerrecht*, Breslau, 1907.

обязательной для людей въ ихъ отношеніяхъ. Этой нравственной идеей проникнута была и лирическая поэзія VII и VI вв. [1]). Ученіе Пиѳагора исходило изъ вѣры въ объективный законъ, лежащій въ основѣ вселенной, въ существованіе всемірной гармоніи, космоса; разумное начало, царящее въ мірѣ, должно находить свое отраженіе и въ нравственной области, гдѣ естественная правда должна служить мѣриломъ поступковъ. Несомнѣнно, это первоначальное δίκαιον имѣетъ силу не только по отношенію къ гражданамъ одного города, но и ко всему человѣчеству [2]).

Разумѣется, признаніе естественнаго закона еще не всегда равносильно признанію высшей нравственной нормы добра и справедливости: у Гераклита этотъ естественный законъ былъ утвержденіемъ вѣчной борьбы, лежащей въ основѣ міра [3]).

Впервые глубоко и на почву соціальной философіи вопросъ объ естественномъ правѣ поставленъ былъ софистами. Софисты критиковали, разрушали, являлись новаторами мысли; въ этомъ ихъ великое значеніе. Среди нихъ однако слѣдуетъ различать нѣсколько теченій, сильно разнящихся между собою. Одни изъ нихъ (Протагоръ) отрицали всякое естественное право и допускали только право положительное, при чемъ и это послѣднее объявлялось произвольнымъ человѣческимъ установленіемъ, созданіемъ силы, борьбы эгоистическихъ интересовъ; этому положительному праву многіе софисты противопоставили свободный индивидуальный расчетъ; это приводило ихъ къ индивидуалистическому анархизму (Калликлъ). Другіе софисты, наоборотъ, признавали естественное право и съ точки зрѣнія его критиковали и отрицали различные

---

[1]) Объ этомъ прекрасныя замѣчанія у кн. С. Трубецкого, *Исторія древней философіи*, ч. 1-я, М. 1906, стр. 40 и сл., особ. 45—47.

[2]) Такъ по крайней мѣрѣ требуетъ духъ самаго ученія. Выше, на стр. 2, мы уже указывали на черты космополитизма, свойственныя ученію пиѳагорейцевъ.

[3]) См. объ этомъ выше. Нужно помнить, что существуютъ теоріи естественнаго права, гдѣ это право носитъ характеръ не нравственнаго закона, а закона природы, и притомъ понятаго, какъ законъ всеобщей борьбы; это мы видимъ у Гераклита, у нѣкоторыхъ софистовъ (Калликлъ), въ значительной степени у эпикурейцевъ, у Макіавелли, Гоббеса, Спинозы, Гельвеція, отчасти у Гегеля и у Дарвина. Въ этомъ случаѣ, обыкновенно, политическій законъ, установленное право понимается, какъ возвышающееся надъ естественнымъ, и какъ вносящее порядокъ и гармонію въ царство естественнаго права.

институты положительнаго права. Многіе софисты (Гиппій, Антифонъ, Алкидамъ, Локофронъ) искусственному положительному праву раздѣляющему людей, противопоставляли естественное право, не знающее рабства и всѣхъ людей соединяющее воедино. Софисты были чужды узкаго національнизма. Намъ приходилось уже касаться общеэллинскихъ идей позднѣйшихъ софистовъ, если только впрочемъ можно примѣнять къ нимъ это названіе. Вѣроятно, и ранніе софисты умѣли возвышаться надъ мѣстными, патріотическими предразсудками.

Поворотнымъ пунктомъ въ ученіи объ естественномъ правѣ была нравственная философія Сократа. Она являлась первоначальнымъ сліяніемъ разнообразныхъ этическихъ точекъ зрѣнія, выдѣлившихся лишь впослѣдствіи. Она есть тотъ клубокъ, отъ котораго, дифференцируясь, потянутся въ различныя стороны нити философскихъ направленій. Въ ней чувствуется еще первоначальная гармонія послѣдующихъ диссонансовъ. Такъ въ ней вѣра въ основную причину, во всеобщій разумъ, какъ основаніе всѣхъ нравственныхъ дѣйствій, соединяется съ признаніемъ конечной цѣли, какъ принципа всякаго дѣйствія. Эта конечная цѣль—наибольшее благо и добродѣтель. Высшее счастье и добродѣтель совпадаютъ; утилитаризмъ и идеализмъ сливаются. Высшее благо—благо разумнаго духа, слѣдовательно, универсально, всеобще. Высшая добродѣтель и высшая польза одно и то же. Нравственныя нормы разумны и вытекаютъ изъ высшаго неписаннаго закона, но онѣ находятъ свое осуществленіе въ положительныхъ законахъ. Нельзя противополагать положительный законъ естественной справедливости.

Въ вопросѣ объ отношеніи между естественнымъ и положительнымъ правомъ у Сократа какъ бы замѣчается колебаніе. Съ одной стороны, онъ, повидимому, отожествляетъ δίκαιον и νόμιμον[1]), съ другой стороны, онъ говоритъ о νόμοι ἄγραπτοι, о разумныхъ, всеобще обязательныхъ нравственныхъ нормахъ. Примиряется это у него, повидимому, тѣмъ, что всѣ вещи нормируются вѣчными и всеобщими законами, существуютъ высшіе «неписанные» законы, которые и составляютъ основу справедливости. Эта же естественная справедливость получаетъ осуществленіе чрезъ посредство по-

[1]) Xenophon. *Memorabilia*, IV, 4, 13 и сл., *Cyrop.* I, 3, 17.

ложительныхъ законовъ, которымъ и слѣдуетъ повиноваться потому, что они необходимы для осуществленія справедливости, потому, что они суть образъ неписанныхъ законовъ [1]). Эти послѣдніе законы носятъ общечеловѣческій характеръ, обязательный для всѣхъ народовъ. Поскольку Сократъ высшей нормой считалъ всеобщій разумный законъ справедливости, онъ былъ космополитомъ; поскольку же для реализаціи этого высшаго закона онъ считалъ необходимымъ писанные законы отдѣльныхъ политическихъ обществъ, онъ былъ патріотомъ [2]). Здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, воззрѣніе Сократа было синтетическимъ, примиряющимъ [3]).

Наиболѣе примѣчательную сторону въ этико-политическомъ ученіи Сократа составляло именно это двойственное отношеніе къ государству и къ его праву. Съ одной стороны, разумъ, живущій въ отдѣльномъ индивидѣ, высшее свое осуществленіе находитъ въ государствѣ; нравственная справедливость реализуется государствомъ; съ другой стороны, если это δίκαιον не находитъ своего осуществленія въ эмпирическомъ государствѣ, индивиду ничего не остается, какъ отстраниться отъ государства.

Этотъ дуализмъ Сократа, непримиренный, и скорѣе даже обостренный, сохраняется и у Платона. Съ одной стороны, превознесеніе всемогущества государства, съ другой, свободная жизнь философа, въ самомъ себѣ находящаго нормы и познаніе идеи добра. Исходя изъ своего ученія о мірѣ идей, Платонъ высшей идеей объявилъ идею добра, являющуюся въ то же время абсолютной красотой, гармоніей и истиной. Она есть основная «сущность» и первая причина всего существующаго; пріобщеніе къ ней составляетъ конечную цѣль всякаго человѣческаго дѣйствія; путь къ ней представляютъ добродѣтели, высочайшей изъ которыхъ является справедливость (δικαιοσύνη). Нормой, регулирующей справедливость, является законъ (νόμος); этотъ законъ, какъ идея,

---

[1]) Xenophon, *Memorabilia*, IV, 4, § 12 и сл., 6, § 6; Platon, *Criton*, 11—13.

[2]) Plat., *Crit.*, 50, 51.

[3]) Обращеніе вниманія на одну лишь сторону заставляло различныхъ изслѣдователей отвергать то космополитизмъ Сократа, то его патріотизмъ; на этомъ я уже останавливался выше, на стр. 5 и 6.

какъ νόμος κατ' αὐτό, представляетъ собою абсолютный, вѣчный и и совершенный законъ, имѣющій истинное и дѣйствительное существованіе въ мірѣ идей, но лишь слабо отражаемый въ земной дѣйствительности; рядомъ съ нимъ законъ чувственнаго міра является лишь несовершенной копіей.

Этика Платона проникнута глубокимъ дуализмомъ: съ одной стороны, она то рвется изъ несовершенной земной дѣйствительности въ міръ идеальный и при этомъ подчасъ принимаетъ аскетическій оттѣнокъ, то стремится гармонически осуществить такой идеалъ въ этой жизни; съ другой стороны, δίκαιον Платона лишено всякаго реальнаго существованія, законы положительные лишь въ незначительной степени проникнуты этическимъ характеромъ[1]). Отсюда непроходимая пропасть между двумя областями; между ними нѣтъ тѣсной связи: этически справедливое необязательно для закона положительнаго, не лишаетъ его принудительной силы, оно не имѣетъ реальнаго существованія въ политической жизни наряду съ положительнымъ правомъ.

Идеальное государство, нарисованное Платономъ въ «Политіи» и, ближе къ дѣйствительности, въ «Законахъ», не есть этическое требованіе, не есть нѣчто естественно-долженствующее, это лишь идеалъ разума, это, подобно «Общественному договору» Руссо, лишь планъ того, какимъ государство должно было бы быть, если бы оно отвѣчало своей внутренней разумности и высшей справедливости; положительно значимаго, дѣйствительно обязательнаго, нравственно должнаго въ этомъ построеніи нѣтъ.

Не внеся въ дѣйствительную жизнь права вѣчно дѣятельнаго элемента этической критики и совершенствованія, обнаруживши даже колебаніе по отношенію къ вопросу о цѣнности политической жизни, Платонъ не сумѣлъ возвыситься и до идеи международнаго общенія, обнаруживши узкій партикуляризмъ и непониманіе этической высоты универсалистическаго идеала [2]).

---

[1]) Вл. Соловьевъ, *Жизненная драма Платона (Собраніе сочиненій, VIII).*

[2]) Виндельбандъ, *Платонъ*, СПБ. 1900. стр. 158 и сл.; Новгородцевъ, *Два правовыхъ идеала (Научное слово,* 1904, № 10); кн. Ев. Трубецкой, *Соціальная утопія Платона.* М. 1908, стр. 51—54. См. указанныя выше на стр. 7 мѣста изъ *Законовъ.*

Впрочемъ, это надо принимать съ ограниченіями; ибо, до извѣстной степени, идея эллинскаго единства не была чужда и Платону. Онъ полагалъ, что греки являются естественными друзьями и союзниками, войны, возникающія между греками — внутреннія междоусобицы, частныя ссоры; въ этихъ войнахъ они должны беречь греческую расу, не обращать грековъ въ рабовъ, не опустошать страны, не сжигать домовъ, щадить женщинъ, дѣтей и мирныхъ жителей. Но что касается внѣ-греческихъ народовъ, варваровъ, то эти послѣдніе—враги по природѣ; враждебныя дѣйствія по отношенію къ нимъ являются дѣйствительною войною; впрочемъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ варваровъ необходимо соблюдать извѣстныя правила: не грабить убитыхъ на полѣ брани, дозволять убирать ихъ непріятелямъ, не приносить непріятельскаго оружія въ свои храмы и т. д. *)

Этика трансцендентная неизбѣжно должна привести къ непримиримому дуализму. Если истинно должное есть то, что соотвѣтствуетъ абсолютной идеѣ добра, то несовершенная дѣйствительность стоитъ къ нему въ неустранимомъ противорѣчіи; ни существующія государства, ни дѣйствующіе законы, несовершенные и не отвѣчающіе абсолютной идеѣ добра, оправданы быть не могутъ и нисколько не обязательны. Отсюда лишь два исхода: или признаніе обязательности только разумнаго права и, слѣдовательно, политическій революціонизмъ, или признаніе той общей нормы, что всякимъ существующимъ законамъ надо подчиняться, независимо отъ ихъ разумности, потому что они—законы, и, слѣдовательно, политическій сервилизмъ; всякій иной характеръ трансцендентнаго этическаго построенія—противорѣчіе.

Только этика, исходящая изъ эмпирическихъ данныхъ, можетъ найти оправданіе положительнымъ законамъ и исторически существовавшимъ политическимъ союзамъ. Общество есть расширенная личность, утилитарный интересъ влечетъ къ установленію нормъ; эти нормы суть средство къ наибольшому счастью, и, какъ средство, не носятъ въ себѣ ничего священнаго и неприкосновеннаго; если будутъ найдены другія нормы, лучше ведущія къ цѣли, они долж-

---

*) *Государство*, кн. V, 16,470 a, 470 c, 471 a; на 473 онъ говоритъ объ ἀνθρωπίνῳ γένει.

ны замѣнить нынѣ дѣйствующія. Этимъ обосновывается критическое, но не отрицательное отношеніе къ положительному праву; обосновывается, такъ сказать, политическій реформизмъ.

Именно на эту точку зрѣнія золотой середины сталъ Аристотель. Онъ построилъ свою этику не на метафизическомъ принципѣ трансцендентальнаго обоснованія нравственности, какъ это сдѣлалъ Платонъ, а на эмпирическомъ основаніи; онъ вывелъ нравственность не изъ Божественнаго разума и даже, главнымъ образомъ, не изъ природы вещей, а изъ собственной, эмпирической природы человѣка. Такъ какъ природѣ человѣка, по мнѣнію Аристотеля, свойственно дѣятельное стремленіе къ счастью, въ общеніи съ себѣ подобными, то этика Аристотеля получаетъ относительный, утилитарный и соціальный характеръ [1]).

Этическое ученіе Аристотеля покоится на ученіи о добродѣтели, какъ о высшемъ благѣ. Особый интересъ съ точки зрѣнія ученія о правѣ представляютъ замѣчанія Аристотеля о справедливости. Прежде всего Аристотель отличаетъ справедливость вообще (ἁπλῶς δίκαιον) отъ политической справедливости, т. е. права (πολιτικὸν δίκαιον); въ политической же справедливости онъ различаетъ естественную (φυσικόν) и законную (νομικόν), называя иногда эту послѣднюю человѣческой (ἀνθρώπινον [2]).

Въ какомъ соотношеніи между собой находятся эти различные виды справедливости и какой изъ нихъ простирается на международныя отношенія? Существуетъ ли для этихъ послѣднихъ отношеній политическая справедливость или, другими словами, право? Повидимому, Аристотель отрицалъ право надъ государствами: по крайней мѣрѣ, онъ заявлялъ, что политическая справедливость имѣетъ мѣсто только между свободными и равными людьми, принадлежащими къ одному обществу, и имѣетъ цѣлью самоудовлетворенность ихъ. Люди, въ подобныхъ отношеніяхъ не находящіеся, не могутъ быть и связаны политической справедливостью, а подлежатъ лишь нѣкоторой аналогичной справедливости; политическая справедливость существуетъ только тамъ, гдѣ имѣются законъ, регу-

---

[1]) См. Іодль, *Исторія этики въ новой философіи*, М. 1896. стр. 7 и сл.: Зибекъ. *Аристотель*, СПБ. 1903, стр. 128—9, 136.

[2]) *Ethica Nicom.*, *V.*

лирующій отношенія, и судъ для опредѣленія права[1]). Такъ какъ между государствами нѣтъ единаго общенія, обладающаго автаркіей, нѣтъ закона и суда, опредѣляющаго право и не-право, то между ними, надо полагать, нѣтъ и политической справедливости, а лишь аналогичная ей справедливость (δίκαιον καθ' ὁμοιότητα). Природа послѣдней выясняется мало; очевидно, она сводится къ нѣкоторымъ неопредѣленнымъ нравственнымъ совѣтамъ. Такого рода справедливость Аристотель находилъ въ отношеніяхъ господина къ рабамъ, родителей къ дѣтямъ.

Что касается естественной политической справедливости, то, повидимому, по воззрѣнію Аристотеля, въ ней вовсе не было элементовъ международнаго права, а лишь элементы общенароднаго права. «Естественное право, говоритъ Аристотель, это то, которое вездѣ имѣетъ одинаковое значеніе и не зависитъ отъ признанія или непризнанія его... Нѣкоторые полагаютъ, что всякая справедливость установлена закономъ (νομικά), ибо понятія о справедливости измѣнчивы, въ то время какъ то, что существуетъ по природѣ, неизмѣнно и имѣетъ повсюду одинаковое значеніе, напримѣръ, огонь здѣсь жжетъ такъ же, какъ и въ Персіи. Однако это не такъ, и понятіе о справедливости измѣнчиво только до извѣстной степени. Что касается боговъ, то относительно ихъ вовсе, можетъ быть, нельзя говорить объ измѣнчивости; что же касается насъ, то есть у насъ и извѣстнаго рода естественное право, хотя вся область права измѣнчива; все же, однако, есть право по природѣ и не по природѣ. Ясно, что отъ явленій, могущихъ быть и иными, должно отнести къ области естественнаго права, а что къ области установленнаго закономъ и всеобщимъ соглашеніемъ» [2]).

Надъ справедливостью Аристотель ставилъ правду (ἐπιεικεία), которая касается лишь извѣстныхъ случаевъ примѣненія справедливости и является высшей справедливостью. Законъ есть общее

---

[1]) Τοῦτο (т. е. πολιτικὸν δίκαιον) ἔστιν ἐπὶ κοινωνῶν βίου πρὸς το εἶναι αὐτάρκειαν, ἐλευθέρων καὶ ἴσων... ὥστε ὅσοις μή ἐστι τοῦτο, οὐκ ἔστι τούτοις πρὸς ἀλλήλους το πολιτικὸν δίκαιον ἀλλά τι δίκαιον. καὶ καθ' ὁμοιότητα. Ἔστι γὰρ δίκαιον, οἷς καὶ νόμος πρὸς αὐτούς· νόμος δ', ἐν οἷς ἀδικία ἡ γὰρ δίκη κρίσις τοῦ δικαίου καὶ τοῦ ἀδίκου. *Ethica Nic.*, *V*, 10, 1134 a (25—32) ср. 1134 в (10—13).

[2]) *Ethica Nic.*. V, 10, 1134 b.

положеніе, и частный случай можетъ не подходить подъ общее положеніе; исправленіе недостатковъ и пробѣловъ законодательства совершается правдой; природа правды заключается въ исправленіи закона въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, вслѣдствіе своей общности, неудовлетворителенъ [1]). Наконецъ, существуетъ дружба, солидарность (φιλία), являющаяся всеобщей связью и главнымъ основаніемъ обществъ [2]); это есть и прекрасное и необходимое чувство, рождающееся или отъ естественной доброты, или отъ чувства удовольствія, или отъ сознанія пользы [3]). Оно основывается на общности чувствъ и интересовъ [4]); можно различать моральную солидарность и легальную, т. е. основанную на соглашеніяхъ, подобно тому, какъ можно различать естественное право и право установленное закономъ [5]). Солидарность, дружба, существующая между государствами, заключившими союзъ, покоится на пользѣ [6]).

Оцѣнкѣ съ точки зрѣнія добродѣтели подлежатъ дѣйствія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ государствъ. «Мужество государства, говоритъ Аристотель, его справедливость и благоразуміе, по значенію и по формѣ своей, таковы же, каковы эти качества въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ» [7]). Международныя отношенія не могутъ быть построены на стремленіи къ завоеванію и къ господству надъ сосѣдями; задачею государства не можетъ быть то, что незаконно само по себѣ; а властвовать надъ другими, безъ различенія справедливости и несправедливости, конечно, незаконно. Одолѣть же другихъ можно и незаконно. Такъ какъ государства не существуютъ изолировано, а вблизи государствъ есть другія, сосѣднія, то задача законодателя должна состоять въ томъ, чтобы опредѣлить какъ общія отношенія государства къ другимъ государствамъ, такъ и его обязанности передъ каждымъ изъ нихъ [8]). Разъ

---

[1]) *Ethic. Nic.*, V, 14, 1137 b. Ср. Зибекъ, *Аристотель*, стр. 100.
[2]) *Ethic. Nic.*, IX, 1, 1155 a и b.
[3]) *Ethic. Nic.*, IX, 2.
[4]) *Ethic. Nic.*, IX, 14, 1161 b.
[5]) *Ethic. Nic.*, VIII, 15, 1162 b.
[6]) *Ethic. Nic.*, VIII, 5, 1157 a.
[7]) *Polit.*, IV, 1.
[8]) *Polit.*, IV, 2. Глава содержитъ рядъ очень гуманныхъ взглядовъ на значеніе и цѣль войны.

въ междугосударственныхъ отношеніяхъ есть добродѣтель, справедливость и обязанности, то существуютъ, неизбѣжно, и нарушенія ихъ нормъ, каковыя нарушенія и должны вызывать справедливыя наказанія и взысканія. Аристотель говорилъ о желательности, чтобы «ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлое государство не были принуждены терпѣть какой бы то ни было кары» [1]). Война вводилась имъ въ опредѣленныя рамки. «На войну нельзя смотрѣть, какъ на послѣднюю цѣль государства; напротивъ, забота о войнѣ имѣетъ значеніе только средства для иной цѣли» [2]). «Хотя граждане должны быть способны и на трудъ и на войну, но болѣе они должны быть способны къ мирной и схолической жизни». «Нельзя считать государство счастливымъ на основаніи только его воинственныхъ притязаній, и законодателя не рекомендуетъ еще то, что въ интересахъ господства надъ сосѣдями онъ пріучилъ своихъ гражданъ къ побѣдамъ». «Цѣль войны есть миръ» [3]).

Перипатетическая школа нѣсколько усилила космополитическія тенденціи, которыя, вообще говоря, у Аристотеля мы находимъ лишь случайно [4]). Грекамъ и греческимъ писателямъ эпохи македонскаго владычества и послѣдующаго времени свойственна была идея, что существуетъ два вида международнаго права, право общегреческое (τὰ νόμιμα τῶν Ἑλλήνων) и общечеловѣческое (τὰ πάντων ἀνθρώπων νόμιμα [5]). На почвѣ перипатетическихъ ученій создана была цѣлая система всемірнаго международнаго права греческимъ историкомъ Полибіемъ. Полибій говорилъ о κοινὰ τῶν ἀνθρώπων νόμιμα [6]); онъ считалъ миръ величайшимъ благомъ, а

---

[1]) *Polit.*, IV, 12.
[2]) *Polit.*, IV, 2.
[3]) *Polit.*, IV, 13.
[4]) Выше мы уже указывали на космополитизмъ у перипатетиковъ; такъ у Оеофраста (Porphyr., 3 c.), особенно ярко у Антіоха Аскалонскаго (Cicero, *De finibus*, V, 25, 65), у Арея Дидим. (Stob, *Ekl. eth.* II, 6, 7). См. Schmidt, *Die Ethik der Griechen*, II, 276 сл.. 471.
[5]) Thuc. I, 3; I, 118; III, 58; IV, 97; Plut., *Pericles*, 17; Diod. XIX, 63; Dion. Hal. I, 31; IV, 25.
[6]) Polib., II, 8 (12), II, 58 (6 — 7), IV, 6 (11), IV, 27 (2), IV, 67 (4).

войну нарушеніемъ общаго правового порядка [1]); онъ устанавливалъ, наконецъ, различныя нормы права войны [2]).

Конецъ античной философіи ознаменовался господствомъ стоической школы. Именно въ доктринѣ этой школы получила свое особое развитіе идея естественнаго права и права всемірнаго. Выше, въ главѣ объ античномъ космополитизмѣ мы имѣли уже случай коснуться довольно подробно идей стоиковъ о всемірномъ правѣ. Въ основѣ стоическаго этическаго ученія лежало воззрѣніе на законъ природы, какъ на продуктъ божественнаго разума, проникающаго всю вселенную; этотъ естественный законъ является физическимъ, логическимъ и этическимъ; этическій естественный законъ заключается въ жизни согласной съ природой. Будучи предписаніемъ божественнаго разума, естественный законъ постигается человѣческимъ разумомъ; эта способность свойственна всѣмъ людямъ, всему человѣческому роду, который и понимался стоиками, какъ единое societas hominum. Естественное право — всеобще, неизмѣнно и обязательно [3]).

Ученіе стоиковъ объ естественномъ правѣ оказало громадное вліяніе на римскихъ юристовъ, слѣдовавшихъ обыкновенно въ сво-

---

[1]) Polib., IV, 31, 3; 31, 8; 74, 3. Diod. XXX, 18, 2.

[2]) Polib., IV, 27 (2), V, 11 (3—6), XXIII, 15. См. Scala, *Das Völkerrecht bei Polybios* въ его книгѣ *Die Studien des Polybios*, 1890, стр. 305 и сл. Подробнѣе о Полибіи см. ниже.

[3]) Стоикъ Хризиппъ писалъ: Lex communis est divinarum et humanarum rerum regina. Oportet autem eam esse praesidem et bonorum et malorum, et principem et ducem esse, et secundum hoc regulam esse juris et injuriae ipsorum naturali societate conjunctorum animantium, praecipientem quid faciendum, vetantem quid omittendum sit. Chrysipp. *de lege* у Marcian. lib. I. *Inst.* (2, D. de leg. 1, 3). Наиболѣе ярко опредѣлилъ естественное право Цицеронъ въ *De republiqua*, III, 22: Est quidem vera lex recta ratio, naturae congruens, diffusa in omnes, constans, sempiterna, quae vocet ad officium jubendo, vetando a fraude deterreat... Huic legi nec obrogari fas est neque derogari ex hac aliquid licet neque tota abrogari potest, nec vero aut per senatum aut per populum solvi hac lege possumus, neque est quaerendus explanator aut interpres ejus alius, nec erit alia lex Romae, alia Athenis, alia nunc, alia posthac, sed et omnis gentis et omni tempore una lex et sempiterna et immutabilis continebit unusque erit communis quasi magister et imperator omnium deus: ille legis hujus inventor, disceptator, lator, cui qui non parebit, ipse se fugiet ac naturam hominis aspernatus hoc ipso luet maximas poenas, etiam si cetera supplicia quae putantur effugerit.

емъ воззрѣніи на jus naturale стоическимъ идеямъ [1]). Для исторіи идеи всемірнаго права важно установить, какъ смотрѣли римскіе юристы на основныя свойства естественнаго права, на отношеніе естественнаго права къ общенародному и на отношеніе естественнаго права къ положительному. Что касается основныхъ свойствъ естественнаго права, то здѣсь постоянно юристами отмѣчалась всеобщность его, распространенность на всѣхъ людей и на всѣ народы [2]) (у Ульпіана [3]) оно даже получало значеніе инстинкта, свойственнаго всему живому), неизмѣнность [4]) и, наконецъ, справедливость этого права, происходящаго отъ естественнаго разума [5]). Такъ какъ jus

---

[1]) Ortloff, *Ueber den Einfluss der stoischen Philosophie auf die römische Jurisprudenz*, Erlangen. 1797; Laferrière, *De l'influence du stoicisme sur la doctrine des jurisconsultes romains*, Paris. 1860. Ученіе римскихъ юристовъ объ естественномъ правѣ и *jus gentium* см. у Dirksen, *Ueber die Eigenthümlichkeit des jus gentium nach den Vorstellungen der Römer (Vermischte Schriften*, I. 1841); Voigt, *Das jus naturale, aequum et bonum et jus gentium der Römer*, I, 1858; Боголѣповъ, *Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ римской классической юриспруденціи*, М. 1876.

[2]) 2, D. I. 3 (Марціанъ изъ стоика Хризиппа) и особ. Гай, Inst. I, 1. Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utuntur... Quod naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur. Ср. 3, D. 1, 1 (Флорентинъ), 32, D. 50, 17 (Ульпіанъ).

[3]) Знаменитый текстъ 1, D. I, 1: Jus naturale est, quod natura omnia animalia docuit. Nam jus istud non humani generis proprium est, sed omnium animalium, quae in terra, quae in mari nascuntur, avium quoque commune est. Этотъ естественный законъ, противопоставляемый jus gentium, какъ чисто человѣческому установленію, повидимому, долженъ былъ бы обозначать не разумную и этическую норму, а общій инстинктъ всѣхъ животныхъ. Нѣсколько противорѣчитъ этому воззрѣніе Ульпіана на рабство; это послѣднее, по Ульпіану, принадлежитъ къ jus gentium, въ силу же jus naturale люди свободны; выходитъ, что люди вносятъ въ данномъ случаѣ ухудшенія въ отношенія, свойственныя всему животному міру. На такомъ же широкомъ пониманіи jus naturale, какъ общеживотнаго закона, стояли, придавая ему однако совсѣмъ противоположное значеніе всеобщей войны, Гераклитъ, Гоббесъ, Дарвинъ.

[4]) Inst. I, 2, § 11; 1, D. 41, 1.

[5]) 11, D. 1, 1. Несомнѣнно, въ пониманіи естественнаго права, какъ необходимаго и въ то же время какъ справедливаго, есть непримиримое противорѣчіе; одно есть право положительное, другое лишь желательное; отожествлять эти два свойства, очевидно, было возможно, только допустивши, что непосредственно данное природой есть уже и справедливое само по себѣ.

naturale понималось, какъ право, имѣющее силу во всѣ времена и у всѣхъ народовъ и отвѣчающее нравственному убѣжденію, то оно считалось имѣющимъ обязательную силу для установленнаго государствомъ, т.-е. для цивильнаго права [1]).

Труднѣе выяснить взглядъ римскихъ юристовъ на отношеніе естественнаго права къ jus gentium и на точный смыслъ jus gentium, такъ какъ въ этомъ вопросѣ у нихъ замѣчаются разнообразіе и несогласованность точекъ зрѣнія. Въ началѣ, повидимому, они отождествляли jus naturale и jus gentium. Такъ Гай, жившій въ срединѣ II вѣка, не признавалъ между ними разницы: для него jus gentium есть первоначальное, всемірное, разумное и справедливое право, прирожденное человѣческому роду и устанавливаемое naturali ratione [2]). Къ началу III вѣка юристы начинаютъ уже различать jus gentium отъ jus naturale. Такъ Трифонинъ, Флорентинъ и Ульпіанъ противополагаютъ институтъ рабства, принадлежащій къ jus gentium, природной свободѣ всѣхъ людей, принадлежащей къ сферѣ jus naturale [3]). Ульпіанъ строго различалъ jus civile, jus naturale и jus gentium [4]).

---

[1]) Ср. Voigt, *op. cit.*, I. стр. 303 и сл.

[2]) См. указанный уже выше текстъ Inst. I, 1. Ср. 1, D. 41, 1; 3, D. 41, 1. Это—вполнѣ стоическое воззрѣніе на естественный законъ, какъ на разумный и справедливый принципъ жизни, не создаваемый человѣкомъ, а лишь являющійся выраженіемъ всемірнаго и естественнаго разума и чувства справедливости; законъ не создается людьми для своей пользы (какъ учили эпикурейцы), а лишь познается людьми.

[3]) Трифонинъ: Ut enim libertas naturali jure continetur et dominatio ex gentium jure introducta est (64, D. 12, 6). Флорентинъ: Servitus est constitutio juris gentium, qua quis dominio alieno contra naturam subicitur (4, D. 1, 5). Ульпіанъ: Manumissiones quoque juris gentium sunt... quae res a jure gentium originem sumpsit, utpote cum jure naturali omnes liberi nascerentur nec esset nota manumissio, cum servitus esset incognita: sed posteaquam jure gentium servitus invasit, secutum est beneficium manumissionis (4. D. I, 1).

[4]) Ульпіанъ въ приведенномъ уже отрывкѣ (1, D. 1, 1) говоритъ: Privatum jus tripertitum est; collectum etenim est ex naturalibus praeceptis, aut gentium aut civibus. Jus naturale est, quod natura omnia animalia docuit... Jus gentium est, quo gentes humanae utuntur; quod a naturali recedere facile intelligere licet, quia illud omnibus animalibus, hoc solis hominibus inter se commune sit. Ср. J. 1, 2, § 2; 5, D. 1. 1 (Гермогеніанъ).

Но если фактъ различенія jus naturale и jus gentium не сомнѣненъ у юристовъ конца II и III вѣка, то остается неяснымъ самое основаніе дѣлаемаго ими разграниченія [1]). Нѣкоторое разъясненіе мы находимъ лишь у юриста IV в., у Гермогеніана, который подъ jus gentium разумѣлъ ту систему права, которая является общею для всего человѣчества и представляетъ произвольное созданіе человѣческаго рода въ сферѣ нормъ войны, плѣна, рабства, а потому и противополагается естественному праву [2]). Въ гермогеніановскомъ опредѣленіи jus gentium значителенъ еще частно-правовой элементъ. Исключительное значеніе междугосударственнаго права понятію jus gentium придалъ писатель начала VII вѣка, Исидоръ Севильскій [3]).

Въ античную древность идея права, обнимающаго все человѣчество, выразилась, какъ мы видѣли, въ философскомъ ученіи о нѣкоторой изначальной справедливости, обязательной для всѣхъ народовъ, въ философско-юридическомъ ученіи объ естественномъ законѣ и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ зачаткахъ теоріи добровольно установленнаго или такъ называемаго положительнаго междугосударственнаго права. Въ средніе вѣка всѣ эти моменты были усилены и развиты и, кромѣ того, особенно было выдвинуто ученіе о всемірномъ значеніи jus civile и jus divinum. Большинство писателей

---

[1]) Относительно природы jus gentium распространенное мнѣніе склоняется къ признанію за нимъ исключительно частно-правового значенія, какъ частнаго права, общаго у многихъ народовъ; другіе же находятъ въ немъ значительный и междугосударственный элементъ. Это послѣднее мнѣніе кажется намъ болѣе обоснованнымъ.

[2]) 5, D. I, 1 (Гермогеніанъ): Ex hoc jure gentium introducta bella, discretae gentes, regna condita, dominia distincta, agris termini positi, aedificia collocata. commercium, emptiones venditiones. locationes conductiones, obligationes institutae: exceptis quibusdam quae jure civili introductae sunt. Inst. 1, 2, 2 (Гермогеніанъ): Jus autem gentium omni humano generi commune est. Nam usu exigente et humanis necessitatibus gentes humanae quaedam sibi constituerunt: bella etenim orta sunt et captivitates secutae et servitutes, quae sunt juri naturali contrariae: jure enim naturali ab initio omnes homines liberi nascebantur. Ex hoc jure gentium et omnes paene contractus introducti sunt, ut emptio venditio, locatio conductio, societas, depositum, mutuum et alii innumerabiles. Очевидно, къ jus gentium стали относить тѣ нормы и учрежденія, которыя были свойственны всѣмъ народамъ, но не могли быть признаны первоначальными и естественными. Это соединялось съ идеей первобытнаго совершеннаго естественнаго состоянія людей.

[3]) См. ниже.

среднихъ вѣковъ, публицистовъ, легистовъ и канонистовъ, сходилось на признаніи верховной значимости въ сферѣ естественнаго права нормъ jus divinum, а въ сферѣ установленнаго—jus civile romanum. Но, принужденные считаться съ фактомъ существованія многихъ независимыхъ государствъ, средневѣковые юристы должны были искать другихъ нормъ, которыя, независимо отъ jus divinum и jus civile, регулировали бы международныя отношенія. Таковыя найдены были въ естественномъ правѣ и въ положительномъ, установленномъ международномъ правѣ.

Jus naturale и jus gentium въ средніе вѣка.

Выше, во II и III главахъ, мы съ достаточной подробностью коснулись средневѣковыхъ ученій о всемірномъ jus divinum въ доктринахъ папистовъ и о всемірномъ jus civile въ теоріяхъ имперіалистовъ. Здѣсь намъ остается остановиться, въ общихъ чертахъ, на естественномъ и положительномъ международномъ правѣ въ ученіяхъ средневѣковыхъ писателей.

Средневѣковые писатели единогласно признавали, кромѣ установленнаго человѣческою волею права, стоящее надъ нимъ право естественное и jus gentium. Вопросъ заключался въ томъ, что́ такое jus naturale и въ какомъ отношеніи находится оно къ jus gentium. Здѣсь существовала нѣкоторая разница между воззрѣніями церковныхъ и свѣтскихъ писателей, между канонистами и легистами. Что касается канонистовъ, то они очень скоро отказались отъ воззрѣнія на jus naturale, какъ на инстинктъ, свойственный всѣмъ животнымъ, и остановились на понятіи права, вложеннаго природою въ человѣка и предписывающаго ему дѣлать доброе и избѣгать злого; оно nullo variatur tempore, sed immutabile permanet[1]).

Такое пониманіе естественнаго права свойственно было христіанскимъ духовнымъ писателемъ уже со временъ апостола Павла. Еще апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ вполнѣ въ стоическомъ духѣ писалъ: «Когда язычники, не имѣющіе закона (т. е. закона положительнаго божественнаго), по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ: они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна

---

[1]) Такъ понимали естественное право старѣйшіе толкователи Декрета Граціана, Покапалья, Руфинъ и др. См. Грабарь, *op. cit.*, 102-103.

другую[1])». Въ этомъ случаѣ естественное право отожествлялось съ божьимъ закономъ, написаннымъ въ сердцахъ человѣческихъ. На этомъ сходились Оригенъ, Тертуліанъ, Лактанцій, Амвросій, Іеронимъ и др.[2])

У Августина, находившагося въ данномъ случаѣ подъ сильнымъ вліяніемъ греческой и римской философской мысли, идея естественнаго права получила двоякій смыслъ. Съ одной стороны, Августинъ признавалъ естественный законъ, какъ нѣкоторый космическій законъ, лежащій въ основаніи животной жизни[3]), съ другой стороны, онъ смотрѣлъ на него, какъ на вѣчный законъ (lex aeterna) справедливости, какъ на предписаніе божественнаго разума, причемъ различалъ Моисеевъ законъ, законъ христіанскій и законъ нравственный, свойственный всѣмъ людямъ[4]).

---

[1]) *Посл. къ римл.*, II, 14-15.

[2]) Orig., *Contra Celsum*, 40; Tertullian., *De corona militis*, 5, 6; *De test*, 5; Lactantius, *Divinae instit.*, III. 8; Ambros., *Ep*, LXXIII, 2, 10; *De fuga saeculi*, III; Hieron.. *Com. Gal.*, III, 2. Haec utique lex naturae est, quae nos ad omnem astringit humanitatem, ut alter alteri tanquam unius partes corporis invicem deferamus. Nec detrahendum quidquam putemus, cum contra naturae legem sit non juvare. Ambros.. *De off.*, III, 3. Nihilque judicandum utile, nisi quod in commune prosit.... Etenim si una lex naturae omnibus, una utique utilitas universorum, ad consulendum utique omnibus naturae lege constringimur. Ambros., *De offic.*, III, 24. Lex enim veluti naturalis est, injuriam nemini inferre, nil alienum praeripere, fraude ac perjurio abstinere, alieno conjugio non insidiari. Novit et hanc Apostolus legem, dicens. „Cum enim nationes, quae legem non habent, naturaliter secundum legem faciunt". Hilar., *Tractat. super Ps.*, *in CXVIII ps.*, 119.

[3]) *De civitate Dei*, XIX, 12. Вся вселенная стремится къ миру; въ этомъ основной законъ: это простирается и на жизнь людей, ибо homo fertur naturae suae legibus ad ineundam pacem cum hominibus.

[4]) *De lib. arbitr.*, I, 6. Ср. *De civitate Dei*, XIX, 4 (Въ человѣкѣ проявляется нѣкоторый естественный порядокъ справедливости, по которому душа подчиняется Богу, плоть душѣ, а чрезъ то и душа и плоть Богу). Natura jus est quod non opinio genuit, sed quaedam innata vis inseruit, ut religionem, pietatem, gratiam, vindicationem, observantiam, veritatem. Augustinus, *De diversis quaestionibus*, XXXI. Sunt autem legum genera tria: unum quidem Hebraeorum, quod peccati et mortis Paulus appellat (Rom. VIII. 2). Aliud vero gentium, quod naturale vocat: „gentes enim", inquit, „naturaliter quae legis sunt faciunt; et ejusmodi legem non habentes, ipsi sibi sunt lex; qui ostendunt opus legis scriptum in cordibus suis" (Rom. II, 14. 15). Tertium vero genus legis est veritas, quod perinde significans, apostolus dicit: „Lex enim spiritus vitae in Christo Jesu liberavit me a lege peccati et mortis (Rom. VIII, 2). Augustinus, *Contra Faustum Manichaeum*, XIX, 2.

Глоссаторы дифференцировали двоякій смыслъ, придаваемый естественному праву, и назвали естественное право, основанное на животномъ инстинктѣ, первичнымъ естественнымъ правомъ,—jus naturale primaevum, а естественное право въ смыслѣ общихъ началъ, вытекающихъ изъ побужденій человѣческой природы,—jus naturale secundarium[1]).

Ученіе объ естественномъ правѣ въ средніе вѣка особенно было развито Ѳомою Аквинскимъ, примыкавшимъ отчасти къ идеямъ Аристотеля, отчасти къ доктринѣ стоиковъ [2]). Право, по ученію великаго схоластика, относится къ сферѣ справедливости. Свойство же справедливости регулировать поведеніе человѣка въ его отношеніяхъ къ другимъ людямъ[3]). Справедливость, въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ родъ равенства; всякое же равенство обозначаетъ отношеніе одного существа къ другому, въ то время какъ другія добродѣтели совершенствуютъ человѣка въ томъ, что относится къ нему самому. Справедливымъ называютъ въ нашихъ дѣйствіяхъ то, что они отвѣчаютъ нѣкотораго рода равенствомъ праву другого, какъ, напр., когда даютъ вознагражденіе, должное за совершенный трудъ. Справедливость поэтому должна имѣть объектомъ справедливое, т. е. право. Unde manifestum est quod jus est objectum justitiae.

Первый вопросъ, который ставитъ себѣ Ѳома Аквинскій, говоря о правѣ, заключается въ томъ, слѣдуетъ ли дѣлить право на естественное и положительное[4]). Противники этого дѣленія выдвигаютъ различные аргументы. Во-первыхъ, то, что естественное не-

---

[1]) Такъ уже у Аккурсія и у Бартола. См. Грабарь, *op. cit.*, 66, 196.

[2]) Наиболѣе ученое и полное изображеніе системы права согласно принципамъ ученія Ѳомы Аквинскаго далъ Теодоръ Мейеръ въ своемъ двухтомномъ громадномъ трудѣ: Th. Meyer, *Institutiones juris naturalis seu philosophiae moralis universae secundum principia S. Thomae Aquinatis*, I, *Jus naturale generale*, Friburgi Brisgoviae, 1885, II. *Jus naturale speciale*. 1900. Подробную библіографію статей и книгъ, посвященныхъ доктринѣ Ѳомы Аквинскаго, можно найти у Chevalier, *Répertoire des sources historiques du Moyen-Age*, Nouv. éd., Paris, 1907, стр. 4471—4493; главныя сочиненія были указаны нами выше, на стр. 38.

[3]) Ius, sivi quod justum est, ut speciale objectum, virtuti justitiae attribuitur... Justitiae proprium est inter alias virtutes, ut ordinet hominem in his quae sunt ad alterum. *Summa theologiae*. II, 2, qu. 57, 1.

[4]) *Op. cit.*, II, 2, qu. 57, 2.

измѣнно (immutabile) и одно и то же у всѣхъ людей; между тѣмъ въ человѣческихъ дѣлахъ мы не находимъ ничего подобнаго: всѣ нормы человѣческаго права подлежатъ какому-нибудь исключенію, онѣ не царствуютъ повсюду одинаково; слѣдовательно, повидимому, нѣтъ естественнаго права. Во-вторыхъ, позитивное право есть то, которое проистекаетъ изъ человѣческой воли (jus positivum, quod ex voluntate humana procedit); норма же не можетъ быть справедливой только потому, что она проистекаетъ изъ человѣческой воли, иначе человѣческая воля не могла бы быть несправедливой; а такъ какъ справедливое есть не что иное, какъ право, то нельзя признать позитивнаго права. Наконецъ, въ-третьихъ, существуетъ божественное право, которое не является ни естественнымъ правомъ, такъ какъ оно выходитъ за предѣлы человѣческой природы, ни позитивнымъ правомъ, такъ какъ оно покоится на божественной, а не на человѣческой волѣ. Однако, опираясь на авторитетъ Аристотеля[1]), Ѳома Аквинскій высказывается за раздѣленіе права на естественное и положительное и приводитъ тому слѣдующія соображенія: право или справедливое есть нѣчто адэкватное или равное другому въ какомъ-нибудь отношеніи[2]), вещь же можетъ быть адэкватна двумя способами: сначала, въ силу самой природы вещи (ex ipsa natura rei), когда, напр., одинъ человѣкъ даетъ вещь, чтобы получить ровно ту же самую цѣну, и это, именно, и называется естественнымъ правомъ; во-вторыхъ, вещь адэкватна другой вслѣдствіе установленной мѣры или заключеннаго соглашенія, когда, напр., человѣкъ считаетъ себя удовлетвореннымъ, получивши данную вещь; это, въ свою очередь, можетъ произойти двумя способами: или въ силу частнаго соглашенія, какъ это имѣетъ мѣсто во всякомъ договорѣ между частными лицами, или въ силу публичнаго соглашенія, когда весь народъ соглашается на то, чтобы вещь считалась адэкватной или равной другой, что также можетъ быть санкціонировано княземъ, являющимся правителемъ народа и его представителемъ Это есть то, что называютъ положительнымъ правомъ.

На приведенные выше аргументы противъ дѣленія права на естественное и положительное Ѳома Аквинскій возражаетъ очень

---

[1]) Aristotel., *Ethic.*, V, 7.

[2]) Jus sive justum est aliquod opus adaequatum alteri secundum aliquem aequalitatis modum.

тонко и проницательно. Во-первыхъ, дѣйствительно, то, что́ естественно для существа, имѣющаго неизмѣнную природу, должно быть повсюду и всегда тѣмъ же; но природа человѣка измѣнчива, поэтому то, что́ естественно человѣку, должно было подвержено уклоненіямъ и исключеніямъ. Во-вторыхъ, человѣческая воля, въ силу общаго согласія, можетъ опредѣлять справедливое или право въ томъ, что не противорѣчитъ естественной справедливости: и именно въ этомъ и заключается позитивное право. Аристотель сказалъ по этому поводу: «Называютъ законно-справедливымъ то, что въ началѣ можетъ быть безразлично такимъ или инымъ, но разъ установленное должно остаться таковымъ». Когда вещь, говоритъ Ѳома Аквинскій, сама по себѣ противорѣчитъ естественному праву, то не подлежитъ человѣческой волѣ дѣлать ее справедливой, поэтому и Исайя (X, 1) говоритъ о «несправедливыхъ законахъ». Что касается божественнаго права, то оно относится или къ вещамъ естественно-справедливымъ и въ этомъ случаѣ составляетъ часть естественнаго права, или къ вещамъ, которыя становятся справедливыми въ силу божественнаго установленія, и относится къ положительному праву.

Ѳома Аквинскій отличалъ законъ, какъ правило, которымъ кто-нибудь побуждается къ дѣйствію, отъ права, какъ правды, заключающейся въ воздаяніи каждому своего. Отношеніе между правомъ и закономъ то же, что въ искусствѣ между типомъ, заключеннымъ въ умѣ художника и называемымъ художественнымъ правиломъ (regula artis), и самимъ произведеніемъ искусства. Въ дѣлахъ справедливости, опредѣляемыхъ разумомъ, существуетъ въ насъ нѣкій интелектуальный прототипъ, являющійся какъ бы правиломъ благоразумія. Законъ не есть, собственно говоря, право, но родъ нормы, фиксирующей право [1]).

Природа закона раціональная. Законъ есть правило и мѣра человѣческихъ дѣйствій, регулировать же, приказывать, ставить въ отношеніе съ цѣлью есть дѣло разума, поэтому и законъ есть дѣло разума. Разумъ получаетъ отъ воли силу, которая подвигаетъ на поступокъ (ratio habet vim movendi a voluntate); такъ какъ, когда

---

[1]) Lex non est ipsum jus proprie loquendo, sed aliqualis ratio juris. *Op. cit.*, II, 2, quest. 57, 1.

воля желаетъ цѣли, тогда только разумъ предписываетъ средства для ея достиженія. Но для того, чтобы воля въ силу приказа сдѣлалась закономъ, необходимо, чтобы она была основана на разумѣ; и въ этомъ смыслѣ говорится: «voluntas principis habet vigorem legis». Когда воля князя противна разуму, она скорѣе является преступленіемъ, чѣмъ закономъ. [1]).

Ѳома Аквинскій различалъ законъ четырехъ видовъ: вѣчный (lex aeterna или voluntas Dei), которому подчиняется управляемый имъ міръ, какъ матеріальный, такъ и разумный [2]), отраженіе этого вѣчнаго закона въ разумныхъ существахъ или естественный законъ (lex naturalis [3]), кромѣ того, божественный или откровенный законъ [4]) и, наконецъ, положительный человѣческій, который относится къ естественному, какъ его исполненіе [5]).

Не совсѣмъ ясны воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго на всемірное право (jus gentium). На первый взглядъ можно склониться къ мнѣнію, что Ѳома Аквинскій смотрѣлъ на jus gentium, какъ на исключительно установленное человѣческой волей, и, дѣйствительно, онъ самъ говоритъ,—jus positivum dividitur in jus gentium et jus civile [6]), съ другой стороны, соглашаясь съ Исидоромъ Севильскимъ, отличаетъ jus gentium отъ jus naturale и jus civile [7]). Однако, мыслью Ѳомы Аквинскаго было, что въ jus gentium есть элементъ и естественный и положительный; отличается право народовъ отъ естественнаго права тѣмъ, что право народовъ имѣетъ въ виду только людей, естественное же право обще всѣмъ живымъ существамъ [8]). «Такъ какъ право народовъ согласно разуму, поскольку оно проистекаетъ отъ закона, начертаннаго въ душахъ, какъ непосредственное послѣдствіе его принциповъ, оно естественно человѣку въ извѣстномъ отношеніи, и поэтому всѣ народы его признаютъ; но тѣмъ не менѣе оно отличается отъ естественнаго права въ собствен-

---

[1]) *Op. cit.*, I, 2, qu. 90, 1; то же I, 2, qu. 95, 2.
[2]) *Op. cit.*, I, 2, qu. 91, 1, qu. 93.
[3]) *Op. cit.*, I, 2, qu. 91, 2, qu. 94.
[4]) *Op. cit.*, I, 2, qu. 91, 4-5.
[5]) *Op. cit.*, I, 2, qu. 91, 3, qu. 95 и сл.
[6]) *Op. cit.*, I, 2, qu. 95, 4.
[7]) *Op. cit.*, и II, 2, qu. 57, 3.
[8]) *Op. cit.*, II, 2, qu. 57, 3.

номъ смыслѣ, особенно въ вещахъ, общихъ человѣку и животнымъ» [1]).

Естественное право, по единодушному воззрѣнію средневѣковыхъ писателей, стоитъ надъ jus civile; оно есть право всего человѣчества; оно болѣе универсально, чѣмъ jus civile. Въ тѣхъ случаяхъ, когда jus civile (тоже обладающее всемірной значимостью, какъ установленное волею всемірной римской имперіи) не примѣняется, остается въ силѣ jus naturale. Такимъ образомъ никакія отношенія, даже между государствами, не могутъ не подлежать нормамъ права. Первоначально международныя отношенія считались регулируемыми jus naturale, но постепенно выдѣлилось понятіе jus gentium, какъ права отличнаго отъ jus naturale.

Мы уже упоминали о томъ опредѣленіи, которое давалъ jus gentium римскій юристъ Гермогеніанъ и въ которомъ былъ уже значительный элементъ междугосударственнаго права. Характеръ вполнѣ международнаго права придалъ понятію jus gentium писатель начала VII в., Исидоръ Севильскій [2]). Опредѣленіе Исидора внесено было въ Декретъ Граціана и вліяло на всю средневѣковую каноническую литературу; опредѣленіе Гермогеніана вошло въ Дигесты и воспринято было легистами. Лишь мало-по-малу восторжествовало пониманіе Исидора, и только къ эпохѣ Гроція окончательно стали понимать jus gentium, какъ международное право [3]).

Выясненію истиннаго объема jus gentium послужила дифференціація понятій естественнаго права и права народовъ. Указанное

---

[1]) *Op. cit.* I, 2, qu 95, 4, то же II, 2, qu. 57, 3 in fine.

[2]) Isidori Hispalensis (ок. 570-636), *Etymologia*, V. 4-6. Ius naturale est aut civile aut gentium. Jus naturale est commune omnium nationum, eo quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habeatur: ut viri et foeminae coujunctio; liberorum successio et educatio; communis omnium possessio; et omnium una libertas, acquisitio eorum, quae coelo, terra, mariqne capiuntur. Item depositae rei vel commandatae pecuniae restitutio: violentiae per vim repulsio. Nam hoc aut si quid simile est, nunquam injustum, sed naturale aequumque habetur. Jus civile est quod quisque populus vel civitas sibi proprium, humana divinaque causa constituit. Jus gentium est sedium occupatio, aedificatio, munitio, bella, captivitates, servitutes, postliminia, foedera pacis, induciae, legatorum non violandorum religio, connubia inter alienigenos prohibita, et inde jus gentium, quod eo jure omnes fere gentes utuntur.

[3]) Ср. Horoy, *Droit international et droit des gens public d'après le Decretum de Gratien*, Paris, 1887; Nys, *Les origines du droit international*, 9 и сл.

выше различеніе jus naturale на primaevum и secundarium привело къ тому, что отожествляться съ jus gentium стало только jus naturale secundarium[1]). Но мало-по-малу въ самомъ понятіи jus gentium произошла новая дифференціація: въ немъ, въ свою очередь, начали различать первичное и вторичное право народовъ; первичное право народовъ вполнѣ сливалось со вторичнымъ естественнымъ правомъ, а вторичное право народовъ стало пріобрѣтать новый характеръ произвольнаго и междугосударственнаго права. Уже Глосса, повидимому, отличала вытекающее изъ природнаго инстинкта jus gentium отъ возникающаго изъ потребностей общежитія[2]); но преимущественно канонисты способствовали распространенію взгляда на jus gentium, какъ на произвольное и междугосударственное право[3]).

Это воззрѣніе было воспринято постглоссаторами. Такъ представитель ихъ, Бартолъ, сливая jus gentium съ jus naturale secundarium, различалъ въ jus gentium право, введенное naturali ratione и возникающее ex usu gentium; междугосударственный характеръ jus gentium значительно усиливается у Бартола; мы уже встрѣчаемъ у него выраженіе jus inter gentes [4]).

Постепенно это jus gentium secundarium, произвольно установленное международное право, стало наполняться положительнымъ содержаніемъ. Возникло понятіе юридическаго международнаго общенія, простирающагося на все человѣчество. Уже въ XIV в. мы встрѣчаемъ заявленія о свободѣ морей въ силу естественнаго права

---

[1]) Такъ и Ѳома Аквинскій, какъ мы видѣли, считалъ jus gentium только частью естественнаго, поскольку это послѣднее простирается на однихъ людей, а не на всю живую тварь, какъ у Ульпіана.

[2]) Грабарь, *op. cit.*, 67.

[3]) Jus gentium принадлежитъ, по Декрету Граціана, не къ jus naturale, а къ mores, подобно jus civile. Такъ, по крайней мѣрѣ, толковали dist. 1, cap. 6 декретисты. Говоря о содержаніи jus gentium, канонисты принимали опредѣленіе Исидора Севильскаго, подчеркивая его междугосударственный характеръ. См. интересныя мѣста изъ изданныхъ Schulte *Die Summa des Paucapalea über das Decretum Gratiani* (1890), *Die Summa des Stephanus Tornacensis über das Decretum Gratiani* (1891) и *Die Summa magistri Rufini zum Decretum Gratiani* (1892) у Грабаря, *op. cit.*, 101 и сл.

[4]) Ему же мы обязаны изслѣдованіемъ о столкновеніи разномѣстныхъ законодательствъ и о репрессаліяхъ. См. Грабарь, *op. cit.*, 194 и сл.

и права народовъ[1]), развивается взглядъ о свободѣ международнаго оборота и сношеній[2]), создаются ученія о посольскомъ правѣ[3]). Положительное содержаніе jus gentium разрабатывается особенно, въ связи съ нормами права, относящагося до международныхъ войнъ. Средневѣковымъ писателямъ далеко не было чуждо воззрѣніе, что война, собственно, противорѣчитъ праву, и истинно правомѣренъ лишь миръ[4]). Надъ государственный характеръ jus gentium и jus naturale сказывался особенно въ вопросѣ о справедливыхъ причинахъ войнъ. Государственная власть, по средневѣковому воззрѣнію, не дѣлаетъ

---

[1]) См. слова Ange de Ubaldis у Nys, *Origines*, 381.

[2]) См. Nys, *op. cit.*, 278.

[3]) Исторія посольскаго права до Гроція посвящена статья Nys, *La diplomatie et les ambassades permanentes*, въ его *Origines*, стр. 295 и сл. и книга Vladimir Hrabar, *De legatis et legationibus tractatus varii*, Dorpat, 1905. Эта послѣдняя представляетъ собой драгоцѣнное собраніе статей, отрывковъ или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подробнаго оглавленія наиболѣе раннихъ сочиненій по посольскому праву. Можно лишь пожалѣть, что авторъ не выполнилъ своего намѣренія, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ, и не предпослалъ своему сборнику краткихъ свѣдѣній объ авторахъ статей. Г. Грабарь использовалъ сочиненія 49 писателей, изучавшихъ вопросъ о посольскомъ правѣ до 1625 года, момента появленія *De jure belli ac pacis* Гроція.

[4]) Уже у Августина была ярко выражена идея мира. Естественный и вѣчный законъ влечетъ всѣхъ людей и всѣ народы въ окончательному миру; законы положительные, законы государственные создали раздѣленія человѣческаго рода на народы, вызвали войны, привели къ установленію рабства. См. кн. Ев. Трубецкой, *op. cit.*, 250. Однако идея мира у Августина ни въ коемъ случаѣ не пріобрѣтала утопическаго характера, съ горечью и силою подчеркиваетъ онъ желѣзную необходимость нѣкоторыхъ войнъ. Pacem habere debet voluntas, bellum necessitas, ut liberet Deus a necessitate et conservet in pace. Nan enim pax quaeritur ut bellum excitetur, sed bellum geritur ut pax acquiratur. Esto ergo etiam bellando pacificus, ut eos quos expugnas, ad pacis utilitatem vincendo perducas. Beati enim pacifici, ait Dominus, quoniam ipsi filii Dei vocabuntur. Si autem pax humana tam dulcis est pro temporali salute mortalium, quanto est dulcior pax divina pro aeterna salute angelorum? Itaque hostem pugnantem necessitas perimat, non voluntas. Sicut rebellanti et resistenti violentia redditur, ita victo vel capto misericordia jam debetur, maxime in quo pacis perturbatio non timetur. Augustinus, *Ad Bonifacium*, *Epist. 205*. Ср. Petri Chrysologi, *Sermones de pace* (*Patrologia* Migne, LII, 347. 572), Valeriani, *Homilia de bono conservandae pacis* (LII, 728); Eligii, *Homilia de pace servanda* (LXXXVII, 593), Rufini episcopi, *De bono pacis libri duo* (CI., 1391), Anselmi Cantuariensis, *De pace et concordia* (CLVIII, 1015). Ср. Thomae Aquinatis, *Summa theologiae*, Secunda secundae, quest. XXIX (*De pace*), quest. XL (*De bello*).

правомѣрной всякую войну, предпринятую ею; бываютъ и несправедливыя войны, причемъ вассалы имѣютъ право отказаться отъ участія въ несправедливой войнѣ. Право естественное и право народовъ, признавая войны справедливыми или несправедливыми, ограничиваютъ право государственной власти предпринимать войну. Наконецъ, самому праву войны въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. юридически дозволеннымъ дѣйствіямъ во время войны, въ теченіе всего позднѣйшаго средневѣковья посвѣщались многочисленныя изслѣдованія.

Jus naturale и jus gentium у предшественниковъ Гроція.

Такимъ образомъ уже въ средніе вѣка въ международномъ правѣ стали различать элементы естественный и установленный людьми; основныя начала, вошедшія въ доктрину Гуго Гроція, были выработаны уже до него. Такъ называемые ближайшіе предшественники Гроція,—политическіе писатели XV вѣка и начала XVI,—создали цѣлую систему международнаго права, по отношенію къ которой ученіе Гроція во многихъ случаяхъ явилось лишь дальнѣйшимъ развитіемъ. Мы видимъ среди нихъ рядъ писателей, настаивавшихъ какъ на естественномъ, такъ и на свободно установленномъ характерѣ международнаго права, а также на подчиненности государствъ этому праву, возвышающемуся надъ ними [1]). Особую группу въ вѣкъ реформаціи составляли испанскіе теологи-моралисты; почти всѣ они отрицали всемірный суверенитетъ папы и императора и представляли себѣ человѣчество или христіанство въ видѣ общества свободныхъ и независимыхъ государствъ, взаимныя отношенія которыхъ регулируются jus naturale et gentium [2]).

---

[1]) О международно-правовыхъ ученіяхъ ближайшихъ предшественниковъ Гроція см. Ompteda, *Litteratur des gesammten sowohl natürlichen als positiven Völkerrechts*, 1785, особ. I, стр. 162—170; Hinrichs, *Geschichte Rechts-und Staatsprincipien*, 1848, I, стр. 1—60; Kaltenborn, *Die Vorläufer des Hugo Grotius*, 1848; Чичеринъ, *Исторія политическихъ ученій*, 1869, I, 315—358, 377—404; Nys, *Le droit de la guerre et les precurseurs de Grotius*, 1882, *Les origines du droit international*, 1894, и др. сочиненія этого же автора; Walker, *A history of the law of nations*, 1899; Грабарь, *Элементы международнаго права въ трудахъ легистовъ XII—XIV вв.*, 1901; *Les fondateurs du droit international*, Paris, 1904 (о Викторіи, Джентили, Суарезѣ и др.); Gierke, *Johannes Althusius*, 2 изд. 1902, особ. стр. 264—320.

[2]) Однимъ изъ обычныхъ распредѣленій писателей эпохи реформаціи является дѣленіе ихъ по вѣроисповѣдному принципу; однако, хотя въ другихъ во-

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ представителей этой группы и наиболѣе достойныхъ памяти, по справедливости, долженъ быть признанъ Францискъ Викторія [1]). Отвергнувши всемірную власть императора и папы [2]), Викторія однако не представлялъ себѣ человѣчества въ видѣ аморфной массы независимыхъ и чуждыхъ другъ другу государствъ. Государства связаны между собой всеобщей солидарностью, взаимной зависимостью и международнымъ правомъ, которое Викторія опредѣлялъ, слѣдуя римскимъ юристамъ: quod naturalis ratio inter omnes gentes constituit, vocatur jus gentium [3]). Викторія отказывался видѣть въ человѣчествѣ неорганическое цѣлое изолированныхъ народовъ, безъ связи между собою, не имѣющихъ по отношенію другъ къ другу ни правъ, ни обязанностей, за исключеніемъ абсолютнаго права каждаго замыкаться въ себѣ и обязанности всѣхъ остальныхъ уважать эту волю. Викторія настаивалъ на

просахъ политики это, быть-можетъ, и имѣетъ основанія, въ сферѣ воззрѣній на международную жизнь религіозныя вѣрованія имѣли небольшое значеніе. Взгляды, напр., доминиканца Викторіи немногимъ отличались отъ воззрѣній протестанта Винклера и т. п. Исключеніе составляютъ лишь послѣдовательные кальвинисты, выдѣлявшіеся среди своихъ современниковъ федералистическимъ идеаломъ.

[1]) Franciscus Victoria (1480—1546), *Relectiones theologicae* (особ. *De Indis* и *De jure belli*), I ed. Lugd. 1557; мы цитируемъ Кельнское изд. 1586. О Викторіи см. Barthélemy, *Francois de Vitoria* въ сборникѣ *Fondateurs du droit international*, стр. 1—36; Albertini, *L'oeuvre de Fr. de Victoria et la doctrine canonique du droit de la guerre*, Paris 1903; Walker, *op. cit.*, 214—231.

[2]) *Relectiones theologicae*, V (*De Indis*), sect. 2. Императоръ не есть повелитель міра, ни въ силу естественнаго права, по которому всѣ люди свободны, ни по божественному праву, такъ какъ императоры ни до Христа не были повелителями міра, ни не были сдѣланы таковыми Христомъ, ни по человѣческому праву, такъ какъ императоръ не имѣетъ на это положительныхъ юридическихъ титуловъ (§ 1. Imperator non est totius mundi dominus). За папою Викторія признаетъ только духовную власть, а не свѣтскую. Свѣтской власти не имѣлъ самъ Христосъ, тѣмъ болѣе не можетъ ея имѣть намѣстникъ Христа; но и самая духовная власть принадлежитъ папѣ только надъ христіанами, а не надъ язычниками, не признающими его (§ 3. Papa non est dominus civilis, aut temporalis totius orbis, хотя ему и принадлежитъ власть in ordine ad finem spiritualem).

[3]) *Op. cit.*, стр. 386. Характерно въ этомъ опредѣленіи обозначеніе международнаго права, какъ jus inter gentes. Однако не лишены основанія замѣчанія В. Грабаря противъ пониманія этого выраженія въ томъ же смыслѣ, въ какомъ его употребилъ впослѣдствіи Зёчъ; по мнѣнію г. Грабаря, gentes здѣсь равнозначуще homines. Грабарь, *op. cit.*, стр. 200.

взаимной зависимости націй; онъ держался мнѣнія, что существуетъ societas naturalis gentium, въ основѣ котораго лежитъ естественное состояніе и общественный договоръ; но этотъ договоръ оставилъ неприкосновеннымъ первоначальное jus communicationis [1]).

Исходя изъ такого воззрѣнія на естественно-правовую общность человѣчества и признавая ограниченіе государственнаго суверенитета положеніями этого права, Викторія пришелъ къ ряду положеній о правѣ войны, которыя во многихъ отношеніяхъ стоятъ не ниже высказанныхъ впослѣдствіи Гроціемъ и его послѣдователями. Право вести войну принадлежитъ лишь совершенному (т. е. суверенному [2]) государству. Однако не всякую войну имѣетъ право вести даже и суверенное государство; необходимо, чтобы эта война была справедливой. Справедливой же войной можетъ быть признана лишь такая, которая ведется для государственной охраны; она должна имѣть въ виду лишь общее благо, и поэтому всякая война, ведущаяся во вредъ общему благу, несправедлива; само же общее благо Викторія понималъ, не какъ исключительное благо одного государства, не какъ національный эгоизмъ, а какъ благо всего культурнаго человѣчества [3]). Въ силу этой же солидарности человѣчества Викторія допускалъ вмѣшательство иностраннаго государства для защиты гражданъ противъ тиранніи правителей [4]).

---

[1]) Въ силу этой общности всего человѣчества ни одинъ народъ не можетъ запретить подданнымъ другого государства ни доступа въ свои предѣлы, ни торговли внутри своей страны, и не можетъ ограничить гражданскихъ правъ иностранцевъ и свободы христіанской проповѣди. *Relect.*, V, sec. 3.

[2]) *Relect.* VI, стр. 230 (Est perfecta respublica, aut communitas quae est per se totum, id est, quae non est alterius reip. pars, sed quae habet proprias leges, proprium consilium, et proprios magistratus, quale est regnum Castellae et Aragoniae, principatus Venetorum, et alii similes).

[3]) Вотъ эти прекрасныя слова: „Respublica non habet potestatem inferendi bellum, nisi ad tuendum se, resque suas atque se protegendum: ergo ubi ipso bello attenuatur potius atque atteritur quam augetur, bellum erit injustum. sive a rege inferatur, sive a republica. Imo cum una respublica sit pars totius orbis, et maxime christina provincia pars totius reipub. si bellum utile sit uni provinciae aut reipublicae cum damno orbis aut Christianitatis, puto eo ipso bellum esse injustum. Ut si bellum Hispaniarum esset adversus Gallos, alias ex causis justis susceptum, et alioquin regno Hispaniarum utile: tamen cum majori malo et jactura geritur Christianitatis (puta Turcae occupant interim provincias Christianorum) cessandum esset a tali bello“ (*Relect.*, III, стр. 112).

[4]) *Relect.*, V, sec. 2, tit. 5.

Ученикъ Викторіи, въ основныхъ чертахъ принимавшій идеи Ѳомы Аквинскаго, Доминикъ Сото [1]) дѣлилъ право на aeterna, naturalis, humana и divina. Lex naturalis est participatio legis aeternae и написанъ Богомъ въ сердцахъ людей; этотъ естественный законъ данъ всѣмъ людямъ. Jus gentium есть право установленное,—jus positivum; въ этомъ оно сходится съ jus civile, ибо и то и другое установлено humana ratione [2]). Вполнѣ въ духѣ идей своего учителя, Сото заявлялъ, что между христіанскими народами почти не можетъ быть справедливой войны, такъ какъ конфликты между ними всегда могутъ разрѣшаться мирными способами [3]).

Современникъ Сото, Фердинандъ Васкезъ держался такихъ же воззрѣній [4]). Онъ признавалъ естественное право правымъ разумомъ, врожденнымъ человѣческому роду [5]): jus naturale есть въ тоже время и jus divinum, такъ какъ проистекаетъ изъ природы, т. е. отъ Бога; оно есть jus gentium primaevum. Jus gentium secundarium есть положительное право [6]). Такимъ образомъ отношенія между государями и между свободными народами регулируются jus gentium въ его двухъ видахъ,—естественнаго, вытекающаго изъ врожденнаго людямъ праваго разума (jus gentium primaevum или naturale), и свободно установленнаго общенароднаго права (jus gentium secundarium). Это право, по воззрѣнію Васкеза, является настоящимъ междугосударственнымъ

---

[1]) Dominicus Soto (1494—1560), *Libri decem de justitia et jure*, Lugduni, 1559. См. Kaltenborn, *Vorläufer...*, стр. 157—168.

[2]) Разница между ними: 1) jus gentium ex principiibus naturalibus rerum consideratarum in ordine ad aliquem finem et circumstantias per viam conclusionis elicitur—jus autem civile colligitur ex uno principio naturali... 2) для jus gentium не требуется hominum conventus in unum locum. для jus civile требуется reipublicae concilium aut principis autoritas... 3) jus gentium est gentibus omnibus commune, jus civile quod quisque populus vel civitas sibi proprium constituit. Правомъ народовъ, добавляетъ Сото, введены договоры (въ родѣ купли-продажи, найма и т. д.), безъ которыхъ не могла бы существовать humana societas. Ср. Kaltenborn, *op. cit.*, 164—166.

[3]) *Fondateurs du droit international*, стр. 121.

[4]) Ferd. Vasquez Menchaca (1509—1566), *Controversiarum illustrium aliarumque usu frequentium libri tres*. 1 ed. Venisi, 1564; см. Ompteda. *op. cit.*, 165 и сл., Kaltenborn, *op. cit.*. 124 и сл., Walker, *op. cit.*, 240 и сл.

[5]) Vasquez, *Controversiarum*, l. I, c. 27.

[6]) *Ibid.*, c. 10, 54.

правомъ. Васкезъ былъ свободенъ отъ средневѣковаго универсализма и отрицалъ какой бы то ни было всемірный суверенитетъ, dominium mundi, при чемъ ссылался на требованія самаго разума: Богъ не могъ бы допустить столь обширнаго государства, которое уже въ силу своихъ размѣровъ было бы очень плохимъ: ни Христосъ, ни папа, ни императоръ не имѣли такой власти [1]). Подобно Викторіи, Васкезъ отрицалъ право отнимать у языческихъ народовъ ихъ имущества, хотя бы эти народы и не признавали ни папы, ни императора [2]).

На болѣе положительной точкѣ зрѣнія стоялъ Діего Коварубіасъ, который подъ естественнымъ правомъ признавалъ лишь космическій законъ, проникающій все живое; jus gentium являлось у него уже вполнѣ jus humanum, освобожденнымъ отъ элементовъ jus naturale [3]). Подобно Викторіи, Сото и Васкезу, Коварубіасъ отрицалъ imperium mundi римскаго императора. Если имѣются извѣстныя основанія къ существованію такой власти для той части земли, которая находилась подъ властью Рима (исключая однако Испанію и Францію), то для нея нѣтъ никакого основанія въ земляхъ язычниковъ. Послѣдніе независимы отъ императора, и императоръ не имѣетъ права вести противъ нихъ войны съ единственною цѣлью подчинить ихъ своему владычеству [4]).

Наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ этихъ испанскихъ теологовъ-моралистовъ былъ, безъ сомнѣнія, rex metaphysicorum, anchora papistarum, Суарезъ [5]). Суарезъ жилъ вполнѣ въ мірѣ идей и симпатій Ѳомы Аквинскаго, и его *Tractatus de legibus* въ существенныхъ чертахъ есть развитіе и изложеніе тѣхъ частей *Богословской суммы*, которыя были посвящены закону и праву [6]). Слѣдуя Ѳомѣ, Суарезъ

---

[1]) *Op. cit.*, I, c. 20—22.

[2]) *Op. cit.*, I, c. 23.

[3]) Didacus Covarrubias y Leyva (1512 — 1577), *Opera omnia*, Franc., 1583, особен. *Regulae: Peccatum de regulis juris in VI* (tom. I, 221—249).

[4]) *Op. cit.*, § 10.

[5]) Suarez (1548—1617), *De legibus ac Deo legislatore*, Coimbre, 1612 (*Opera*, 26 vol., Paris, 1856—66), См. Чичеринъ *Исторія*, I, 389 и сл.; Werner, *Suarez und die Scholastik der letzten Jahrhunderte*, Regensburg, 1861; Rolland, *Suarez* въ *Fondateurs du droit international*, стр. 95 и сл.

[6]) Dunning, *A history of political theories from Luther to Montesquieu*, N. Y. 1905, стр. 135 и сл.

опредѣлялъ законъ, какъ справедливое и постоянное правило, относящееся къ общинѣ и должнымъ образомъ обнародованное [1]). Подобно Аквинату, Суарезъ различалъ въ законѣ вѣчный, естественный, человѣческій и божественный элементы, и слѣдовалъ ему въ воззрѣніяхъ на естественное право, какъ на запечатлѣнное въ человѣческой душѣ, вѣчное и неизмѣнное. Отъ естественнаго права онъ отличалъ человѣческое, jus civile и jus gentium. Это послѣднее есть приспособленіе строгаго закона къ практической жизни; различіе между jus naturale и jus gentium подобно различію между морально необходимымъ и соціально цѣлесообразнымъ. Предписанія естественнаго закона суть неизбѣжная дедукція изъ природы; предписанія права народовъ только совпаденіе сужденій всѣхъ или почти всѣхъ народовъ. Jus gentium communi consuetudine introductum est. Источниками естественнаго закона являются разумъ и Божья воля. Естественное право пополняется христіанскимъ закономъ. Въ *Tractatus de caritate* [2]) Суарезъ полемизируетъ противъ идеи, что одному императору, какъ supremus princeps, принадлежитъ право вести войну [3]). Однако человѣческій родъ, хотя и раздѣленный на различные народы и

---

[1]) *Tractatus de legibus*, I, 12, § 2.

[2]) Disp. XIII, *de bello* (*Opus de triplici theologica, fide, spe et caritate*).

[3]) Это обстоятельство дало Чичерину поводъ видѣть въ Суарезѣ представителя новаго духа. Онъ говоритъ: „Въ отличіе отъ схоластиковъ, Суарезъ отвергаетъ соединеніе всего человѣчества въ одно политическое тѣло. Всемірное государство, говоритъ онъ, не требуется общественнымъ благомъ. Поэтому императорская власть не распространяется не только на цѣлый міръ, но и на все христіанство. Право издавать законъ принадлежитъ верховной власти въ каждомъ государствѣ, въ тѣхъ предѣлахъ и подъ тѣми условіями, подъ которыми она передана ей народомъ. Отправляясь отъ единства нравственнаго закона, средневѣковые учители также какъ и стоики, хотѣли установить одно государство для всего человѣчества. Суарезъ является здѣсь сыномъ новаго времени: онъ исходитъ отъ потребностей современныхъ ему обществъ; демократическое начало беретъ у него верхъ надъ нравственнымъ“. Чичеринъ, *Исторія...*, I, 399. Однако едва ли это мнѣніе Чичерина правильно. Суарезъ былъ истиннымъ anchora papistarum и, именно, исходя изъ этихъ папистскихъ взглядовъ, онъ и отрицалъ всемірный суверенитетъ императора. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „*Defensio fidei catholicae et apostolicae adversus Anglicanae sectae errores*“ (Coimbre, 1613), написанномъ по порученію папы Павла V противъ англійскаго короля Якова I, Суарезъ утверждалъ, что папа долженъ имѣть надъ христіанскими правителями власть, которая позволяла бы ему кассировать рѣшенія всякаго три-

царства, имѣетъ, по воззрѣнію Суареза, нѣкоторое моральное и политическое единство. Въ этомъ единствѣ находитъ свое основаніе jus gentium; даже наиболѣе совершенное и независимое государство является членомъ единаго человѣчества [1]). Однако отдѣльные народы связаны другъ съ другомъ естественнымъ порядкомъ человѣческихъ дѣлъ, а не какими-нибудь всемірными гражданскими законами [2]).

Нѣсколько менѣе схоластическій характеръ носили воззрѣнія французскихъ юристовъ XVI вѣка. Изъ нихъ остановимся лишь на Коннанѣ и Боденѣ. Коннанъ [3]) раздѣлялъ право на естественное и гражданское; естественное право у него распадалось на двѣ категоріи: наиболѣе справедливое, установленное самой природой, и jus gentium, устанавливаемое judicio hominum [4]). Право возникаетъ уже при соединеніи людей въ семьи; сфера его

бунала, отмѣнять нечестивые законы и запрещать несправедливыя войны. Когда правитель обнаруживаетъ явную ересь, народъ освобождается отъ долга вѣрноподданничества. Въ случаѣ тиранніи онъ можетъ быть убитъ (Книга эта была сожжена въ Лондонѣ и Парижѣ). Ту же мысль повторяетъ Суарезъ и въ трактатѣ *De caritate* (disp. XIII). Папа хотя и не имѣетъ *прямой* власти надъ свѣтскими дѣлами, однако ему принадлежитъ jus avocandi sibi causam belli et potestatem ferendi sententiam, cui partes tenentur obedire nisi manifestam faciat injustitiam.

[1]) Общеизвѣстно мѣсто изъ его *De legibus:* Ratio juris gentium est, quia *humanum genus, quamvis in varios populos et regna divisum, semper habeat aliquam unitatem, non solum specificam, sed etiam quasi politicam et moralem*, quam indicat naturale praeceptum mutui amoris et misericordiae, quod ad omnes extenditur, etiam extraneos et cujuscumque nationis. Qua propter licet unaquaeque civitas perfecta, respublica aut regnum, sit in se communitas perfecta et suis membris constans, nihilominus quaelibet illarum *est etiam membrum aliquo modo hujus universi*, prout genus humanum spectat. Nunquam enim illae communitates adeo sunt sibi sufficientes sigillatim, quin indigeant aliquo mutuo juvamine et societate ac communicatione, interdum ad melius esse majoremque utilitatem, interdum vero et ob moralem necessitatem. Hac ergo ratione indigent aliquo jure, quo dirigantur et recte ordinentur in hoc genere communicationis et societatis. Et quamvis magna ex parte hoc fiat per rationem naturalem, non tamen sufficienter et immediate quoad omnia: idcoque specialia jura potuerunt usu earundem gentium introduci. *De legibus*, II. c. 19 nr. 9.

[2]) *Op. cit.*, III, c. 4, nr. 7.

[3]) Fr. Connanus Parisiensis (1508—1551), *Commentariorum juris civilis libri X*, Lutetiae Par., 1553.

[4]) Послѣднее относится имъ къ естественному праву потому, что нормы его возникаютъ не изъ закона, а изъ нравовъ и молчаливаго согласія. Его

дѣйствія распространяется съ расширеніемъ, въ силу общежительной природы человѣка, объема человѣческаго общенія; наконецъ, весь человѣческій родъ образуетъ родъ политическаго общенія. какъ бы единое государство, единую общину; лишь вслѣдствіе того, что онъ распался на рядъ государствъ, возникло частное jus civile [1]). Въ основѣ воззрѣній Коннана на междугосударственныя отношенія лежала идея единаго общества народовъ, обнимающаго все человѣчество и хотя не выраженнаго въ единой организаціи, однако имѣющаго своею нормою jus naturae et gentium, стоящее надъ отдѣльными государствами и обязательное для нихъ. Источникомъ jus gentium является humana societas. Societas totius generis humani сохраняетъ первоначальное единство и остатки былой общности (mundus hic quasi omnium urbs et civitas). Эта общность имѣетъ непоколебимое основаніе въ натурѣ человѣка, существа, по словамъ Аристотеля, πολιτικον [2]).

Боденъ былъ однимъ изъ творцовъ ученія о суверенитетѣ, какъ основномъ признакѣ государства [3]), но въ то же время онъ

можно было бы назвать jus civile omnium hominum, si mundus hic universus instar unius civitatis habeatur.

[1]) Jus naturale proprium est hominis solitarii, vitam agentis in agro cum uxore et liberis. Sed cum ad hominum societates et coetus suapte natura ferretur, paulatim exiit foras, cognationibus primum, tum affinitatibus, deinde amicitiis, postea vicinitatibus, et tandem commerciorum usu *totum genus humanum societate complexus est*. Nominatur autem jus gentium, quod eo utantur omnes homines qui in gentê aliquâ sunt, *societatemque congregati* (*Commentariorum juris civilis*, lib. I, c. V; изд. 1553, стр. 14). Est jus gentium quo homines utantur non tanquam homines, id est rationis participes animantes, sed tanquam gentes, et in populi forma aliquâ sociati (*Ibidem*).

[2]) Porro quibus est legis communio, juris quoque communio est: at qui eodem jure participant, ejusdem habentur civitatis. Ex quo fit ut *hic universus mundus una civitas existimetur esse*. Et haec nostra urbs (т. е. Парижъ), omniaque quae in ea sunt, non magis parisiensium esse putanda sunt, quam quae *in omni mundo omnium sunt hominum*. Cum enim unius et ejusdem imperiis cuncti mortales obtemperent, hoc est rectae rationi: *mundus hic quasi communis omnium urbs et civitas sit oportet*. Unde Socrates interrogatus cujas esset, respondit *se mundanum esse*, hoc est, inquit Tull. non unius circundatum aut septum moenibus popularem alicujus certi loci definitique, sed *civem totius orbis tanquam unius civitatis. Est enim terra communis omnium parens*, et ut Africanus in Somnio Scipionis loquitur, *sedes aut domus hominum* (*Op. cit.*, l. I, cap. VI, стр. 18).

[3]) Jean Bodin, *Les six livres de la république*. Paris, 1576, *De republica*

не стоялъ на почвѣ чистаго международнаго аномизма и полагалъ, что для суверенной власти существуютъ извѣстныя границы этическаго и юридическаго характера; онъ отличалъ политическое право отъ естественнаго, jus отъ lex [1]), и независимость суверенитета полагалъ только отъ lex, отъ права положительнаго [2]). Точно также Боденъ признавалъ связывающую силу международныхъ договоровъ; эти договоры безусловно обязательны для монарха ихъ заключившаго; этого требуютъ право божественное, право естественное и jus gentium. Нѣсколько сложнѣе вопросъ о связывающей силѣ договоровъ, заключенныхъ предшествующимъ монархомъ. По этому вопросу Боденъ пришелъ къ слѣдующему выводу. Если государь заключилъ, въ качествѣ суверена, договоръ, имѣющій отношеніе къ государству и въ пользу государства, его преемникъ связанъ этимъ договоромъ; кромѣ того, если договоръ заключенъ съ согласія сословій, городовъ, главныхъ общинъ, парламента или князей и господъ, то хотя бы договоръ былъ и не въ пользу народа, онъ долженъ быть выполненъ. Но если государь заключилъ договоръ съ иностраннымъ государствомъ или частнымъ лицомъ относительно предметовъ, касающихся государства, и при томъ во вредъ государству, безъ согласія указанныхъ учрежденій, то преемники этого государя не связаны подобнымъ договоромъ. Такимъ образомъ всѣ договоры обязательны для государя ихъ заключившаго; для его же преемниковъ обязательны только тѣ договоры, которые касаются государства и заключены съ согласія государственныхъ органовъ [3]).

---

libri VI (здѣсь по изд. Francofurti, 1622). См. H. Baudrillart, *Jean Bodin et son temps*, Paris, 1853; Hancke, *Bodin. Eine Studie über den Begriff der Souveränetät*, Breslau, 1894; Landmann, *Der Souveränetätsbegriff bei den französischen Theoretikern*, Leipzig, 1896.

[1]) Sed plurimum distat lex a jure: jus enim sine jussu. ad id quod aequum, bonum est: lex autem ad imperantis majestatem pertinet. Est enim lex nihil aliud, quam summae potestatis jussum *Op. cit.*, l. I, c. 8.

[2]) Mais quant aux lois divines et naturelles, tous les princes de la terre y sont sujets, et n'est en leur puissance d'y contrevenir s'ils ne veulent être coupables de lese-majesté divine, faisant la guerre à Dieu sous la grandeur duquel tous les monarques du monde doivent faire joug et baisser la tête en toute crainte et révérance. Et par ainsi la puissance absolue des princes et seigneuries souveraines ne s'etend aucunement aux lois de Dieu et de nature. Ср. Baudrillart, *J. Bodin et son temps*, стр. 271.

[3]) Ландманъ совершенно неправильно понялъ мысль Бодена, упрекнувши при этомъ Бодріяра въ ошибкѣ; вслѣдъ за Ландманомъ его ошибка была по-

Еще опредѣленнѣе, чѣмъ Боденъ, Грегуаръ Тулузскій [1]) утверждалъ, что всѣ договоры между государствами обязательны, какъ для лицъ заключающихъ эти договоры, такъ и для ихъ преемниковъ, если только эти договоры заключены nomine publico» [2]).

Утвердившееся въ XVI вѣкѣ ученіе о societas civitatum съ особенною силою было поддержано Джентили, безъ сомнѣнія, самымъ знаменитымъ предшественникомъ Гроція [3]). Человѣчество, по воз-

---

вторена г. Паліенко и г. М. Ковалевскимъ. См. Baudrillart, *op. cit.*, 270—273, Landmann, *op. cit.*, стр. 52. Паліенко, *Суверенитетъ*, стр. 90, М. Ковалевскій, *Отъ прямою народоправства къ представительному*, I, стр. 322. Между тѣмъ правъ былъ, очевидно, Бодріяръ; Боденъ ясно говоритъ: Hoc igitur teneamus: *Regem qui legitimo jure ad imperium vocatur, pactis et promissis antecedentium Regum eatenus teneri, quatenus Reipubl. commodo contractum est, idque multo magis si populi totius, vel certe curiarum majorum decreto et consensu:* tunc enim fides agitur, quam Regi non modo decorum, sed etiam necessarium est servare; quamvis pacta civitatibus detrimentum sint allatura. Sed si princeps sive cum exteris sive cum civib. contraxerit, de iis quae ad Rempublicam pertinent, sine eorum, quos dixi, consensione; si grave detrimentum ex pactis conventis Reipublicae infertur, successorem legitimum teneri aequum non est; multo minus, etiamsi populi aut senatus suffragiis, imperium acceperit: quia nihil omnino juris habet ab antecessore. aliud igitur judicandum, si imperium alterius consessu adeptus esset: tunc enim promissis illius obligaretur, nisi diserte id exceptum esset (Bodin, l. I. c. 8, p. 166—167).

[1]) Gregorius Petrus de Toulouse (1540—1591), *De republica libri XXVI.* Lugduni, 1596.

[2]) Gregorius Thol., *op. cit.*, VII, c. 20, § 52. Грегуаръ исходилъ изъ идей Аристотеля, Цицерона и Августина. См. особенно l. 1. cap. 3. въ которой говорится. quid civitas; atque de diversa civitatum majorum et minorum, coelestium et mundanarum, et civium earundem in genere distinctione. Въ § 11 этой главы Грегуаръ говоритъ, что общенародное право есть остатокъ всемірнаго государства. Ex generali (hac) mundana civitate, et populo seu multitudine ejus, prodierunt seorsum a se particulares divisae aliae civitates, quae inter se quidem retinent commune quoddam vinculum, nempe generationis et proximatis naturae, et participant in eodum jure, quo in genere insigniti a Deo sunt, rationis, quod dixerunt *jus gentium*, quasi quo jure omnes gentes utantur. Ex jus illud naturale proprium hominibus rationis lumine insignitis.

[3]) Albericus Gentilis (1552—1608), *Libri tres de jure belli*, посл. изд London, 1877; см. Holland, *An Inaugural Lecture on Albericus Gentilis*, London, 1874 (въ его *Studies in international Law*, Oxford, 1898, стр. 1—39); Rolin Jaequemyns, въ *Revue de droit international*, t. VIII, 690 и сл.; Nézard въ *Fondateurs du dr. intern.*, 37—94; Thamm, *Albericus Gentilis und seine Bedeutung für das Völkerrecht*, Dissesrtation, Strassburg, 1896; кромѣ того, нѣсколько итальянскихъ монографій, указанныхъ Голландомъ въ *Studies*. 38—39.

зрѣнію Джентили, состоитъ изъ общества независимыхъ [1]) государствъ; это общество независимыхъ государствъ находится подъ властью jus gentium [2]), которое, въ пониманіи Джентили, приближалось къ jus naturale [3]). Societas civitatum у Джентили не ограничивается однимъ христіанствомъ, а простирается на все человѣчество [4]).

Много очень интересныхъ мыслей о правѣ войны, о международномъ правѣ, о всемірной солидарности, соединяющей всѣхъ людей, о нѣкотораго рода конфедераціи всѣхъ народовъ высказалъ Францискъ Бэконъ [5]).

---

[1]) Противъ всемірной имперіи и теократіи см. *De jure belli*, I, 1, I, 23; *De legationibus*, I, 4 и *De potestate regia absoluta*.

[2]) *De jure belli*, I, 1.

[3]) Ср. Kaltenborn, *Vorläufer...*, 230—231.

[4]) Въ компетенцію юристовъ а не политиковъ, говоритъ Джентили, входитъ изложеніе права войны: quoniam non unius haec est cura reipublicae, sed omnium... Haec de bello Philosophia reipublicae est magnae, universi terrarum orbis, et generis hominem universi. *De jure belli*, I, 1 (изд. 1877, стр. 1—2). И въ другомъ мѣстѣ: Ut rectio civitatis, et legis latio est penes civitatis partem majorem: ita orbis rectio est penes congregationem majoris partis orbis (*Op. cit.*, стр. 8). Изъ другихъ авторовъ укажемъ здѣсь на нѣмецкаго писателя Винклера. Winkler (1579—1648), *Principiorum juris libri quinque*, Leipzig, 1615. См. Kaltenborn, *Vorläufer...*, 239 и сл.; въ концѣ книги перепечатаны существенныя мѣста изъ сочиненія Винклера; Чичеринъ, *op. cit.*, I. 350 и сл. Въ главѣ IX своего сочиненія Винклеръ изслѣдуетъ вопросъ, на всѣхъ ли людей простирается дѣйствіе естественнаго закона, и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что люди по природѣ образуютъ единое общество и естественный разумъ даетъ имъ познаніе требованій божественной справедливости. Omnes homines una societate juris naturaliter devinctos esse, et justitiae dei cognitionem ad omnes naturaliter per rationem devenisse ostendamus (*Op. cit.*, lib. I, c. IX). Ср. Kaltenborn, *op. cit.*, II, 59—60.

[5]) Bacon (1561—1626). *Instauratio magna*, I, 8. *Oeuvres philosophiques, morales et politiques* de François Bacon, Paris, 1842, 234 и сл., и особ. его *Dialogue sur la guerre sacrée*, *Oeuvres*, стр. 665 и сл. Къ сожалѣнію, великій основатель эмпирическаго метода касался вопросовъ права лишь случайно и не создалъ въ немъ новаго направленія.

ГЛАВА VII.

Идея всемірнаго права послѣ Гуго Гроція.

Со времени Гуго Гроція мы вступаемъ въ новую стадію въ воззрѣніяхъ на всемірное и естественное право: выясняется и обрисовывается опредѣленно специфическое содержаніе международнаго права; естественное право, съ одной стороны, связывается съ понятіемъ естественнаго состоянія, съ другой, пріобрѣтаетъ характеръ раціональнаго права.

Гуго Гроцій.

У самого Гуго Гроція [1]), несмотря на всѣ его великія заслуги въ исторіи международнаго права и общей философіи права, мы еще находимъ въ значительной степени воззрѣнія на естественное право, свойственныя прежнимъ писателямъ [2]), и раціонализмъ его ученія, по нашему мнѣнію, сильно преувеличенъ. Гроцій стоялъ еще на стоической точкѣ зрѣнія. Существуетъ естественное право, вытекающее изъ природы человѣка; общественные инстинкты людей влекутъ ихъ къ созданію общества и къ принятію извѣстныхъ правилъ общественной солидарности; то, что соотвѣтствуетъ соціальной жизни разумныхъ существъ, есть справедливость,—основной принципъ естественнаго права; этого послѣдняго нельзя строить ни на пользѣ, какъ это дѣлали эпикурейцы, ни на силѣ, какъ поступали нѣкоторые софисты. Въ этомъ смыслѣ естественное право есть всеобще соблюдаемое и положительное право. «Исторія, говоритъ

---

[1]) Hugo Grotius, *De jure belli ac pacis*. 1625.

[2]) Нисколько не отрицая заслугъ Гуго Гроція въ исторіи политической мысли, мы не думаемъ, однако, что ему должно быть отведено исключительное мѣсто. Если Гроцій превосходитъ своихъ предшественниковъ общимъ пониманіемъ естественнаго права, если онъ обнаруживаетъ болѣе остроты ума въ обсужденіи отдѣльныхъ нормъ права войны, то его воззрѣнія на организацію человѣчества и на природу права немногимъ отличаются отъ тѣхъ, какія представлены были ранѣе Викторіей, Суарезомъ и Джентили.

Гроцій, имѣетъ для насъ двойную пользу: она даетъ намъ примѣры и оцѣнки (judicia)... Не слѣдуетъ пренебрегать оцѣнками, въ особенности когда онѣ совпадаютъ между собою; ибо естественное право... нѣкоторымъ образомъ доказывается этимъ; и для того, чтобы установить международное право, также нѣтъ другого способа» [1]). Для опредѣленія содержанія нормъ естественнаго права, кромѣ апріорнаго способа, существуетъ и апостеріорный. Можно съ безошибочностью заключать, что данная норма является естественно-правовой, разъ она считается таковой у всѣхъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, у наиболѣе цивилизованныхъ [2]). Изъ этого необходимаго соотвѣтствія постоянной природѣ человѣка вытекаетъ неизмѣнность и вѣчность нормъ естественнаго права [3]).

На ряду съ такимъ пониманіемъ естественнаго права, какъ необходимо дѣйствующаго, въ силу своего соотвѣтствія природѣ, у Гроція замѣчается и раціоналистическая тенденція. Онъ смотритъ на естественное право, какъ на humano intellectui conveniens [5]); принципы этого права ясны и очевидны для разума [6]), они выводятся изъ несомнѣнныхъ положеній путемъ правильнаго разсужденія [7]). Правый разумъ намъ предписываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ соблюдать извѣстныя нормы. Это право познается апріорнымъ способомъ, путемъ сличенія необходимаго соотвѣтствія или несоотвѣтствія опредѣленной вещи съ разумной и соціальной природой [8]).

Соединяя оба элемента въ естественномъ правѣ въ одно цѣлое, Гроцій приходитъ къ опредѣленію естественнаго права, какъ

---

[1]) *De jure belli*, prol., § 46.

[2]) *De jure belli*, I, c. I, § XII, 1.

[3]) *Ibid.*, prol., § 26, 30, особ. l. I, c. 1. § X, 5—6. Est autem jus naturale adeo immutabile, ut ne à Deo quidem mutari queat. Quanquam enim immensa est Dei potentia, dici tamen quaedam possunt esse, ad quae se illa non extendit, quia quae ita dicuntur, dicuntur tantum, sensum autem qui rem exprimat nullum habent, sed sibi ipsis repugnant. Sicut ergo ut bis duo non sint quatuor ne a Deo quidem potest effici, ita ne hoc quidem, ut quod intrinseca ratione malum est, malum non sit... Fit tamen interdum ut in his actibus, de quibus jus naturae aliquid constituit, imago quaedam mutationis fallat incautos, cum revera non jus naturae mutetur, quod immutabile est, sed res, de qua jus naturae constituit, quaeque mutationem recipit.

[5]) *Ibid.*, prol., § 8.

[6]) *Ibid.*, prol., § 39.

[7]) *Ibid.*, prol., § 40 (ex certis principiis certa argumentatione deduci).

[8]) *Ibid.*, I, c. 1, § XII, 1.

нормы, которую намъ внушаетъ правый разумъ, указывающій намъ,—сообразно тому, соотвѣтствуетъ дѣйствіе или не соотвѣтствуетъ разумной природѣ, — является ли это дѣйствіе моральнымъ извращеніемъ или моральной необходимостью и, слѣдовательно, запрещается оно или предписывается Богомъ, творцомъ природы [1]). Чисто раціоналистическій элементъ въ такомъ воззрѣніи на естественное право еще слишкомъ ничтоженъ[2]). Это право положительно въ силу естественной необходимости. Санкціей его являются угрызенія совѣсти, общественное мнѣніе, награды и наказанія божіи[3]). Здѣсь еще нѣтъ пониманія права, какъ соотвѣтствующаго людямъ, живущимъ въ естественномъ состояніи (право, въ пониманіи Гроція, всегда дѣйствительно), и тамъ менѣе какъ системы нормъ, соотвѣтствующихъ идеѣ права.

Гроцій принимаетъ сдѣланное Аристотелемъ раздѣленіе права на естественное и на добровольное, или, какъ иногда называлъ Аристотель, на законное (давая слову законъ наиболѣе узкій смыслъ), или установленное право[4]). Обѣ эти отрасли права находятся въ тѣсномъ соотношеніи. Обязанность исполнять договоръ, дѣлающая возможнымъ существованіе положительнаго права, вытекаетъ изъ естественнаго закона; слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, естественное право есть источникъ положительнаго[5]).

---

[1]) *Ibid.*, l. I, c. 1, § X, 1. Jus naturale est dictatum rectae rationis, indicans actui alicui, ex ejus convenientia aut disconvenientia cum ipsa natura rationali ac sociali, inesse moralem turpitudinem, aut necessitatem moralem, ac consequenter ab auctore naturae Deo talem actum aut vetari, aut praecipi.

[2]) Это не есть право, соотвѣтствующее до-политическому, естественному состоянію людей, какъ понялъ его, напр., Локкъ. Гроцій говоритъ объ естественномъ состояніи (*De jure belli ac pacis*, l. II, c. 2, § 2), но его естественное право не есть право такого состоянія. Говоритъ онъ и объ общественномъ договорѣ, но его договоръ не есть договоръ объ основаніи права и общества, а договоръ о подчиненіи. Этотъ недостатокъ раціонализма въ раціоналистическомъ методѣ Гроція отмѣчалъ еще Руссо, классическій представитель раціоналистическаго пониманія права: „Sa (т. е. Гроція) plus constante manière de raisonner est d'établir toujours le droit par le fait“ (*Contrat social*, I, 2).

[3]) *Ibid.*, prol., § 20.

[4]) *Ibid.*, l. I, c. 1, § IX, 2 (Juris ita accepti optima partitio est, quae apud Aristotelem existat, ut fit aliud jus naturale, aliud voluntarium, quod ille legitimum vocat, legis vocabulo strictius posito: interdum et τὸ ἐν τάξει, constitutum).

[5]) *De jure belli*, prol. § 16. Naturalis juris mater est ipsa humana natura

Такое же раздѣленіе Гроцій примѣняетъ и къ международному праву [1]). Международное право, по опредѣленію Гроція, есть то, quod inter populos plures aut populorum rectores intercedit [2]). Никакое общество (даже союзы разбойниковъ) не можетъ существовать безъ права, поэтому и общество человѣческаго рода (communitas generis humani) нуждается въ правѣ [3]). Подобно тому, какъ законы каждаго государства имѣютъ въ виду его частный интересъ, точно также возникли нормы, подобныя нормамъ, дѣйствующимъ внутри государства, стремящіяся къ пользѣ не отдѣльныхъ обществъ людей, а всего обширнаго союза этихъ частныхъ обществъ (magnae universitatis). [4])

Гроцій признаетъ то положеніе естественнаго права, по которому между людьми существуетъ извѣстная, созданная природой родственность, и поэтому по природѣ преступно нападать на другого человѣка [5]). Существуютъ преступленія, затрагивающія интересы не того или другого государства, а всего человѣческаго общества [6]).

---

quae nos, etiamsi re nulla indigeremus, ad societatem mutuam appetendam ferret: civilis vero juris mater est ipsa ex consensu obligatio, quae cum ex naturali jure vim suam habeat. potest natura hujus quoque juris quasi proavia dici, sed naturali juri utilitas accedit.

[1]) О Гуго Гроціи, какъ о писателѣ по международному праву, см. Hely. *Etude sur le droit de la guerre de Grotius*, Paris, 1875, Basdevant, *Hugo Grotius* въ *Fondateurs du droit international*, стр. 125-267. Опредѣленію мѣста, занимаемаго Гроціемъ въ литературѣ международнаго права, посвящена статья Carmichael, *Grotius and the literary history of the law of nations* (*Transactions of the royal society of literature*, vol. XIV, стр. 159 и сл.).

[2]) *Ibid.*, prol., § 1.

[3]) *Ibid.*, prol., § 23. „Убѣжденый въ существованіи права общаго всѣмъ народамъ, говоритъ о себѣ Гроцій, и служащаго какъ для войны, такъ и во время войны, я имѣлъ много важныхъ основаній, чтобы писать по этому предмету. Я видѣлъ въ христіанскомъ мірѣ военный разгулъ, который составилъ бы позоръ даже для варварскихъ народовъ; по ничтожнымъ мотивамъ или вовсе безъ мотивовъ брались за оружіе. и, взявши его, не уважали ни божественнаго права, ни права человѣческаго“ (§ 28).

[4]) *Ibid.*, prol., § 17.

[5]) Regula illa juris naturalis, cognationem inter homines quandam esse a natura ac proinde nefas esse alterum ab altero laedi (l. II, c. 15, § 5.).

[6]) Institutis civitatibus id quidem convenit ut singolorum delicta quae ipsorum coetum propriè spectant ipsis ipsarumque rectoribus pro arbitrio puniенda aut dissimulanda relinquerentur. At non etiam jus tam plenum illis

Источниками международнаго права являются или природа (sive ab ipsa natura profectum), или божественныя заповѣди (aut divinis constitutum legibus), или обычаи и соглашенія (sive moribus et pacto tacito introductum) [1]). Въ международномъ правѣ Гроцій съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ естественно-правовой и добровольно-установленный элементы [2]). Онъ строго различаетъ добровольное международное право (jus gentium voluntarium) отъ естественнаго права, объединяющаго въ единое цѣлое все человѣческое общество [3]).

Гроцій стоялъ или, во всякомъ случаѣ, стремился стоять на положительной почвѣ. Онъ бралъ международное общество такимъ, какимъ оно есть, и лишь старался изъ существующихъ фактовъ выяснить, какія юридическія нормы дѣйствуютъ во время войны. Глава 2-я первой книги его *Права войны и мира* озаглавлена «Можетъ ли война быть иногда справедливой» и направлена на защиту войны, какъ таковой, ссылками на доводы естественнаго права, на исторію, на волю народовъ, на Св. Писаніе и т. д. Гроцій протестуетъ противъ мнѣнія тѣхъ, кто, подобно Тертуліану и Эразму, высказывались вообще противъ войны [4]). Правда, онъ высказываетъ симпатію миру по сравненію съ войной [5]) и даже совѣтуетъ создать постоянный конгрессъ, призванный рѣшать споры между народами [6]), однако эти симпатіи и предложенія имѣютъ второсте-

---

concessum est in *delictis quae ad societatem humanam aliquomodo pertinent*, quae persequi ita civitatibus aliis earumve rectoribus jus est, quomodo in civitatibus singulis de quibusdam delictis actio datur popularis (l. 11, c. 21, § 3).

[1]) *Ibid.*, prol., § 1.

[2]) Jura non scripta въ международномъ правѣ суть ea, quae natura dictat aut gentium consensus constituit. *Ibid.*, prol. § 26.

[3]) Diligenter distinguat naturalia praecepta ab his quae pro certo statu sunt naturalia, et jura multis populis seorsim communia, ab his quae societatis humanae vinculum continent. *Ibid.*, II, c. 8, § 26; ср. prol., § 40. Гроцій упрекаетъ римскихъ юристовъ за то, что они смѣшивали естественное право и право народовъ (*Ibid.*, prol., § 53). Ср. также его замѣчанія о добровольномъ международномъ правѣ l. 1, c. 1, § XIV, 1.

[4]) *Ibid.*, prol., § 29.

[5]) *Ibid.*, II, c. 23, § 6.

[6]) *Ibid.*, II, c. 23, § 8. Объ идеяхъ международнаго федерализма у Гроція см. ниже.

пенное значеніе и не опредѣляютъ характера книги. Цѣль книги Гроція указать справедливыя причины войны и средства, дозволенныя для ея веденія. И эту задачу онъ рѣшилъ гуманно, съ чувствомъ мѣры, но вполнѣ стоя на позитивной точкѣ зрѣнія.

Общая конструкція системы Гроція стройна и поражаетъ своей внутренней гармоніей; именно это здравое примиреніе различныхъ сторонъ политической жизни и объясняетъ необыкновенный успѣхъ его книги: произведеніями крайняго генія, въ родѣ Гоббеса или Спинозы, восхищаются холодно, какъ шедеврами логическаго искусства, но въ руководство жизнью берутся лишь ученія, носящія гармоническій характеръ гроціанской системы. Гуго Гроцій былъ родоначальникомъ послѣдующихъ теорій международнаго права. Такъ какъ это былъ примиряющій геній, то въ немъ нашли свое выраженіе самыя разнообразныя теченія. Послѣдующія направленія различаются между собою соотвѣтственно тому, какая сторона его ученія была развита ими. Въ его ученіи было признаніе и международнаго права, существующаго внѣ международной организаціи и не нуждающагося даже въ этой организаціи, и признаніе желательности международной организаціи. Тѣ направленія, которыя пытались построить международное право, не признавая власти международнаго союза надъ отдѣльнымъ государствомъ и высказываясь противъ организаціи международнаго права въ особые международные органы, составили то теченіе въ международно-правовыхъ ученіяхъ, которое мы называемъ анархическимъ международнымъ правомъ; другое направленіе, признавшее власть societatis gentium надъ отдѣльными государствами и необходимость правильной международной организаціи, явилось международнымъ федерализмомъ.

Соотвѣтственно тому, какое положеніе въ международномъ правѣ давали писатели послѣ Гроція естественному или добровольному праву, въ послѣ-гроціанской юридической литературѣ образовалось три теченія: одни отрицали существованіе нормъ положительнаго международнаго права и признавали лишь наличность нормъ естественно-правовыхъ; другіе, наоборотъ, отрицали существованіе естественнаго международнаго права и все право, регулирующее отношенія между государствами, стремились свести къ международнымъ обычаямъ и договорамъ; третьи, наконецъ, при-

знавали одновременное существованіе и естественнаго и положительнаго международнаго права. Эти три теченія могутъ быть сведены къ двумъ направленіямъ: одно признаетъ только естественно-правовой характеръ за международными нормами, другое приписываетъ имъ положительный характеръ, при чемъ естественное право существуетъ, или какъ область отдѣльная отъ международнаго права, но входящая въ послѣднее нѣкоторыми своими отдѣлами, или какъ совокупность нормъ, входящая цѣликомъ въ международное право, занимая въ этомъ послѣднемъ мѣсто рядомъ съ положительнымъ правомъ.

Естественно-правовое теченіе въ послѣгроціанской литературѣ.

Первое теченіе ближе къ отрицанію международнаго права, въ которое оно иногда и переходитъ; такъ у Гоббеса и у Спинозы международное право уничтожалось вслѣдствіе своеобразнаго пониманія естественнаго права, какъ господства вражды и силы, что̀ равносильно отрицанію какого бы то ни было юридическаго порядка. Но большинство сторонниковъ этого направленія, наоборотъ, понимало естественное право, какъ господство симпатіи и солидарности. Такъ, одинъ изъ представителей естественно-правового воззрѣнія на международныя отношенія, Кумберландъ видѣлъ первоначальный естественный законъ во всеобщемъ доброжелательствѣ. Человѣкъ, по его воззрѣнію, является частью всей системы мірозданія и образуетъ со всѣми другими людьми единую систему, во главѣ которой стоитъ Богъ. Общее благо, къ которому долженъ стремиться каждый человѣкъ, есть благо не только его семьи, и даже не только его народа, а всего человѣчества, какъ коллективнаго цѣлаго [1]). Въ основаніе морали Кумберландъ ставилъ всемірную справедливость. Истинная мораль, по его словамъ, заставляетъ людей образовывать единое общечеловѣческое общество [2]). Всѣ люди и государства связаны другъ съ другомъ взаимной зависимостью и, подобно органамъ единаго тѣла, являются членами человѣческаго рода [3]).

---

[1]) Cumberland, *De legibus naturae*, 1672, c. VI, § 1.

[2]) Patet veram Ethicam homines instituere ad societatem longe amplissimam cum Deo, hominibusque universis ineundam et conservandam. *Op. cit.*, c. VI § 2.

[3]) His enim velut vasis sanguiferis et nervis per totum corpus dispersis humani generis partes velut unius corporis membra uniuntur inter se et officia mutua sibi praestanti: sive fuerint ejusdem civitatis, sive non. *Op. cit.*, c. VI, § 3.

Кумберландъ протестовалъ противъ международнаго аномизма Гоббеса и Эпикура. Отрицаніе права въ междугосударственныхъ сношеніяхъ должно было бы вызвать чрезвычайныя неудобства для всего человѣческаго рода: не могли бы поддерживаться постоянныя посольскія сношенія, договоры между государствами сдѣлались бы, за ихъ непрочностью, безполезными, коммерческія сношенія потеряли бы всякую устойчивость, для малыхъ государствъ не оставалось бы никакого прибѣжища противъ угнетенія сильныхъ. Но все это противорѣчитъ историческому опыту. Польза и общее благо народовъ создали неприкосновенность договоровъ и международное право [1]).

Всѣ общества, менѣе значительныя, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по сферѣ своей дѣятельности, находятъ себѣ ограниченіе въ благѣ болѣе обширныхъ и возвышенныхъ обществъ. Поэтому отдѣльныя государства не могутъ предписывать ничего противнаго праву народовъ; подъ этимъ же послѣднимъ Кумберландъ разумѣлъ естественные законы, регулирующіе взаимныя отношенія какъ государствъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, независимо отъ того, къ какому государству они принадлежатъ [2]). Естественнымъ выводомъ изъ этихъ положеній, казалось бы, было признаніе всемірной организаціи человѣчества единственно разумной формой политической жизни. Однако Кумберландъ ограничился указаніемъ лишь на то, что, хотя люди и не образуютъ единаго государства, они тѣмъ не менѣе составляютъ единое общество (aggregatum), подчиненное единому повелителю—Богу [3])

Изъ аналогичныхъ положеній (теоріи общежитія и первоначальнаго естественнаго состоянія) выходилъ въ своихъ воззрѣніяхъ.

---

[1]) *Op. cit.*, V, §§ 54—55.

[2]) Notandum enim est minores omnes societates, earumque potestates et actiones limitari e respectu ad Bonum societetis majoris ac sublimioris. Sic civitates nihil praecipere tenentur contra jus gentium. Leges intelligo illas naturales quibus diriguntur omnium civitatum, et singulorum hominum actiones erga universos, e quacunque fuerint civitate. *Op. cit.*, c. VI, § 2.

[3]) Si quis id culpet quod aggregatum omnium rationalium habere in se diversas nationes, civitates et familias jamjam distinctas supponam, et earum genesis e Chao confuso non explicem. Respondeo .. naturalitar manifestum est necessarium, primumque medium ad Bonum commune hoc esse ut eorum (т.-е. hominum) aggregatum (si ad constutionem unius civitatis non consentirent omnes

на нормы, регулирующія жизнь всего человѣчества. и Боссюэтъ. Въ первоначальномъ естественномъ состояніи люди составляли единое общество (société humaine [1]), благодаря единству цѣли человѣчества, заключающейся въ единствѣ Божества, вслѣдствіе единства вѣры въ единаго Бога [2]), благодаря единству происхожденія, въ силу заповѣди Божіей [3]), и, наконецъ, вслѣдствіе единства и взаимности интересовъ [4]). Однако это первоначальное единство всемірнаго общества человѣческаго рода было разрушено грѣхопаденіемъ, которое вызвало враждебныя страсти и различіе языковъ и образовало отдѣльныя націи. Эти націи стали другъ другу чуждыми. Единство человѣчества сохранилось лишь въ предѣлахъ тѣснаго союза людей, живущихъ на общей землѣ и говорящихъ на одномъ языкѣ [5]). Однако народы въ своихъ отношеніяхъ подчинены нормамъ естественнаго права, которое у Боссюэта носило чисто этическій характеръ.

У Боссюэта единство человѣчества и вытекающее изъ него всемірное естественное право соотвѣтствовали первоначальному естественному состоянію людей. Это состояніе понималось имъ, какъ историческій фактъ. Однако въ теоріяхъ естественнаго права

---

quod videmus nunc non existere) in diversa corpora politica divideretur uni Deo subordinata. *Op. cit.*, c. VI. § 4.

[1]) См. *Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture Sainte*. 1709. l. I, art. 1: *L'homme est fait pour vivre en société*.

[2]) *Ibid.* Nous devons aimer tous ensemble le même Dieu, qui est notre pere commun, et son unité est nôtre bien (2 propos.).

[3]) *Ibid.* Notre Seigneur montre par la parabole du Samaritain qui assiste le voyageur méprisé par un prêtre et par un levite, que ce n'est pas sur la nation, mais sur l'humanité en general que l'union des hommes doit estre fondée (4 propos.).

[4]) *Ibid.* Nous voyons la société humaine appuyée sur ces fondements inébranlables, un même Dieu, un même objet, une même foi, une origine commune, un même sang, un même interêt, un besoin mutuel tout pour les affaires que pour la douceur de la vie.

[5]) *Op. cit.*, art. II. De la société générale du genre humain, mais la société civile, c'est-à-dire, celle des états, des peuples et des nations. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Боссюэтъ исходитъ изъ этого раздѣленія на націи и не возвращается къ идеѣ единства человѣческаго рода. Книгу IX онъ посвящаетъ доказательству на основаніи Свящ. Писанія законности войны, какъ таковой и старается лишь выяснить, какія причины войны несправедливы (честолюбіе, грабежъ, зависть, стремленіе къ славѣ и т. д.) и какіе принципы должны руководить военными дѣйствіями. *

восторжествовалъ очень скоро взглядъ на естественное состояніе, какъ на умозрительную гипотезу, дающую возможность построить систему разумнаго права. Такое именно пониманіе естественнаго права и естественнаго состоянія находимъ мы уже у Локка.

Локкъ призналъ за нормами, регулирующими междугосударственныя отношенія, естественно-правовой характеръ. Онъ различалъ вообще законъ божественный, или естественное право, и законъ гражданскій, или право позитивное [1]). Естественное право носило у него характеръ отчасти нѣкотораго нравственнаго повелѣнія, отчасти умозрительнаго положенія, открываемаго разумомъ изъ разсмотрѣнія необходимыхъ отношеній природы. Источникъ божественнаго закона — Богъ, творецъ міра и людей; какъ творецъ, Богъ даетъ созданнымъ имъ людямъ извѣстныя правила, приказы. Но въ то же время между Богомъ, какъ творческимъ и абсолютнымъ существомъ, и человѣкомъ, какъ созданнымъ и ограниченнымъ, существуютъ необходимыя отношенія, которыя постигаются разумомъ. Этимъ Локкъ дѣлалъ попытку примирить каузально-необходимый и нормативный элементы въ естественномъ правѣ. Естественные законы суть выраженіе необходимыхъ отношеній; но въ то же время они и обязательны для свободной человѣческой воли, какъ повелѣніе высшей власти [2]). Естественное право дѣйствуетъ одно въ естественномъ состояніи, въ состояніи же политическомъ рядомъ съ нимъ дѣйствуетъ и положительное право, но въ предѣлахъ лишь естественнаго права [3]).

---

[1]) *Essay on human understanding*, London, 1690, II, c. 28. Законъ общественнаго мнѣнія, о которомъ онъ говоритъ сверхъ этого, есть отчасти нравы, отчасти положительная мораль.

[2]) Такимъ примиреніемъ, сліяніемъ двухъ началъ въ понятіи естественнаго права это воззрѣніе отличается какъ отъ чисто нравственнаго воззрѣнія на естественное право, гдѣ это послѣднее является лишь выраженіемъ высшей воли, приказомъ, независимымъ отъ необходимыхъ законовъ причинности, господствующихъ въ мірѣ, такъ и отъ чисто научнаго воззрѣнія позитивной этики, открывающей основные законы соціальной жизни, но не могущей утвердить ихъ всеобщую нравственную обязательность.

[3]) Допущеніемъ понятія естественнаго состоянія теорія Локка отличается отъ античныхъ и средневѣковыхъ воззрѣній на jus naturale: по этимъ послѣднимъ, основой естественнаго права служитъ общій инстинктъ, вѣчное дѣйствіе природы въ людскихъ стремленіяхъ; здѣсь оно пріурочивается лишь къ состоянію, въ которомъ нѣтъ политической власти.

Нужно различать политическое общественное состояніе отъ естественнаго. Естественнымъ состояніемъ Локкъ называетъ то, при которомъ люди живутъ, не подчиняясь какой-нибудь опредѣленной установленной ими власти, не имѣя поставленныхъ надъ ними судей и положительныхъ законовъ. Это, сказали бы мы, есть состояніе свободной ассоціаціи, о которомъ мечтаютъ, къ которому стремятся анархисты, безгосударственное общество, не имѣющее принудительной организаціи и подчиняющееся исключительно естественнымъ законамъ [1]). Это состояніе, которое, надо помнить, понималось Локкомъ, не какъ чисто историческій фактъ, а въ значительной степени какъ регулятивная идея [2]), характеризовалось Локкомъ, какъ состояніе свободы и равенства всѣхъ людей, подчиняющихся естественному закону, предписывающему, во-первыхъ, чтобы никто не наносилъ вреда другому, во-вторыхъ, чтобы всякій охранялъ себя и весь человѣческій родъ, и, въ-третьихъ, чтобы нарушители естественнаго закона были наказываемы [3]).

---

[1]) См. *Two treatises of Government*, London, 1689. Men living together according to reason without a common superior on earth, with authority to judge between them, is properly the state of Nature (II, c. 3. § 19). Want of a common judge with authority puts all men in a state of Nature (c. 3, § 19). But when the actual force is over, the state of war ceases between those that are in society and are equaly on both sides subject to the judge (c. 3, § 20). I affirm that all men are naturally in the state, and remain so till, by their own consents, they make themselves members of some politic society (c. 2, § 15). It is not every compact that puts an end to the state of Nature between men, but only this one of agreeing together mutually to enter into one community, and make one body politic (c. 2, § 14).

[2]) Ср. Ch. Bastide, *John Locke, ses théories politiques et leur influence en Angleterre*, Paris, 1907, стр 230 и сл.; Henri Marion, *J. Locke, sa vie et son oeuvre*, 2 éd. Paris, 1893, стр. 114; E. Fechtner, *John Locke*, Stuttgart, 1898, стр. 148.

[3]) Естественное состояніе людей есть a state of perfect freedom to order their actions, and dispose of their possessions and persons as they think fit, within tho bounds of law of Nature, without asking leave or depending upon the will of any other man (*Two treatises*, II, c. II, § 4). The state of Nature has a law of Nature to govern it, which obliges every one, and reason, which is that law, teaches all mankind who will but consult it, that being all equal and independent, no one ought to harm another in his life, health, liberty or possessions; for men being all the workmanship of one omnipotent and infinitely wise Maker; all the servants of one sovereign Master, sent into

Государства находятся другъ къ другу въ отношеніи подобномъ тому, въ какомъ являются взаимно лица, живущія въ естественномъ состояніи. Хотя люди, живущіе въ одномъ государствѣ и управляемые законами этого государства, представляютъ изъ себя въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ лишь отдѣльныхъ лицъ, однако въ отношеніи къ остальному человѣческому роду они образуютъ отдѣльное политическое тѣло, находящееся съ остальными государствами въ естественномъ состояніи: the whole community is one body in the state of nature in respect of all other states or persons out of its community. Конфликты, возникающіе между членами даннаго общества и лицами, къ нему не принадлежащими, касаются всего общества, и, напримѣръ, обида, нанесенная члену политическаго организма, обязываетъ весь этотъ организмъ потребовать возмѣщенія. На этомъ принципѣ основывается власть, простирающаяся на войну и миръ, на союзы и договоры; Локкъ называетъ ее конфедеративной[1]). Именно, изъ естественнаго права наказывать преступниковъ, принадлежащаго людямъ въ естественномъ состояніи, выводитъ Локкъ право должностныхъ лицъ даннаго государства наказывать иностранцевъ[2]). Договоры, заключаемые между государствами, должны быть соблюдаемы, хотя государства и находятся въ естественномъ состояніи, ибо вѣрность своимъ обѣщаніямъ обязательна для людей, какъ таковыхъ, а не какъ для членовъ политическаго общества [3]).

Отъ естественнаго и отъ политическаго состоянія Локкъ отличалъ состояніе войны; оно характеризуется, какъ вражда и раз-

---

the world by His order and about His business; they are His property, whose workmanship they are made to last during His, not one another's pleasure (c. II, § 6). Every one as he is bound to preserve himself, and not to quit his station wilfully, so by the like reason, when his own preservation comes not in competition ought he as much as he can to preserve the rest of mankind (c II, § 6). And that all men may be restrained from invading other's rights, and from doing hurt to one another, and the law of Nature be observed, which willeth the peace and preservation of all mankind, the execution of the law of Nature is in that state put into every man's hands, whereby every one has a right to punish the transgressors of that law to such a degree as may hinder its violation (c. II, § 7).

[1]) *Two treatises*, II, c. 12, § 145-146.

[2]) *Op. cit.*, c. 2, § 9.

[3]) *Op. cit.*, c. 2, § 14.

рушеніе; въ это состояніе становится всякій, кто посягаетъ на жизнь или на свободу другого. Состояніе войны даетъ право на самозащиту. Насколько естественное состояніе является миромъ, благожелательствомъ, взаимопомощью и сохраненіемъ, настолько состояніе войны есть вражда, взаимная хитрость, насиліе и разрушеніе[1]). Неудобства состоянія войны ослабѣваются созданіемъ политическихъ обществъ и организаціей общей законодательной и судебной властей. Въ этомъ случаѣ каждый можетъ апеллировать къ установленному судьѣ на причиненную несправедливость. Въ естественномъ состояніи апелляція можетъ быть лишь къ небу, т. е. самозащита. Отсюда Локкъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ, имѣющій громадное значеніе для идеи политической организаціи человѣчества: чтобы избѣжать состоянія войны, въ которомъ можно имѣть прибѣжище лишь къ небу (т. е. къ собственной силѣ) и въ которомъ, за неимѣніемъ установленной власти, рѣшающей споры, всякій ничтожный конфликтъ можетъ привести къ грознымъ послѣдствіямъ, люди образуютъ политическія общества и покидаютъ состояніе природы; ибо, если есть на землѣ власть, къ которой можно апеллировать, то состояніе войны прекращается, и споры рѣшаются поставленными для того лицами. Если бы былъ международный трибуналъ, то не было бы и состоянія войны между государствами[2]). Однако и состояніе войны не дѣлаетъ всѣ средства дозволенными; оно простирается лишь на комбатантовъ (какъ это принято говорить теперь), а не на ихъ имущества и не на мирныхъ жителей [3]).

Какъ чисто естественное право, понялъ международное право и другой видный представитель философско-юридической мысли XVII вѣка, Пуфендорфъ [4]). По воззрѣнію Пуфендорфа, на ряду

---

[1]) *Two treatises*, II. c. 3, § 16—20.

[2]) См. франц. переводъ *Du gouvernement civil*, Londres, 1783, ch. II, § 6 (стр. 34—36).

[3]) Право войны сжато и глубоко изложено Локкомъ въ *Two treatises*, I. II, ch. 16 (*Of conquest*).

[4]) Samuel Pufendorf, *Elementorum jurisprudentiae universalis libri* II. 1660, *De jure naturae et gentium libri VIII*, 1672; *De officiis hominis et civis*, 1673; о Пуфендорфѣ см. Hinrichs, *Geschichte der Rechts— und Staatsprincipien*, II, 1850, стр. 1—100, 242—303; Avril, *Pufendorf* въ *Fondateurs du droit international*, стр. 331—383.

съ естественными субстанціями существуютъ и нравственныя, т.-е. извѣстныя связи вещей, приписываемыя имъ разумомъ, съ цѣлью установить въ жизни гармонію и порядокъ. Сюда относится и право. Источникъ этого послѣдняго не въ физической природѣ, а въ разумѣ, изслѣдующемъ правоту или неправоту свободныхъ человѣческихъ дѣйствій. Признаніе человѣческихъ дѣйствій нравственно хорошими или дурными совершается сообразно тому, отвѣчаютъ они закону или нѣтъ. Законъ же есть повелѣніе высшаго, возлагающее на зависящихъ отъ него обязанность регулировать свои дѣйствія извѣстнымъ предписаннымъ имъ образомъ [1]). Въ зависимости отъ своего источника, законъ раздѣляется на божественный и человѣческій; по содержанію же онъ распадается на естественный и положительный. Естественный законъ есть тотъ, который настолько отвѣчаетъ разумной и общежительной природѣ человѣка, что безъ соблюденія этого закона не могло бы среди человѣческаго рода существовать честнаго и мирнаго общежитія; онъ познается при разсмотрѣніи человѣческой природы вообще. Положительный же законъ основывается не на всеобщемъ свойствѣ человѣческой природы, а лишь на волѣ законодателя и имѣетъ въ виду временную выгоду отдѣльнаго общества. Это раздѣленіе законовъ на естественные и положительные относится только къ божественнымъ, такъ какъ всякій человѣческій законъ есть положительный [2]).

Государства живутъ между собою въ естественномъ состояніи и подлежатъ естественному закону. Естественное состояніе не является войною всѣхъ противъ всѣхъ, а состояніемъ мира; этотъ миръ устанавливается и поддерживается самою природою; основывается онъ на естественно-правовомъ обязательствѣ, которому всѣ люди подчинены, какъ разумныя существа. Такъ какъ этотъ всеобщій миръ не обязанъ своимъ происхожденіемъ какому-нибудь человѣческому соглашенію, то и безполезно, для его вящшаго утвержденія, прибѣгать къ какому-либо договору или союзу, такъ какъ это ничего не прибавило бы къ естественно-правовому обязательству [3]).

---

[1]) *Op. cit.*, I. c. 6, § 4.
[2]) *Op. cit.*, I, c. 6, § 18.
[3]) *Op. cit.*, II, c. 2.

Что касается естественнаго закона, то это есть наиболѣе общее правило человѣческихъ дѣйствій, которому каждый человѣкъ, какъ разумное существо, долженъ слѣдовать. Естественному праву долженъ подчиняться весь человѣческій родъ, а потому оно всеобще, вѣчно и неизмѣнно. Источникъ естественнаго права есть божественная воля, а не согласіе всѣхъ людей или народовъ. Нормы этого права открываются правымъ разумомъ [1]).

Основной законъ естественнаго права состоитъ въ томъ, что всякій долженъ заботиться о томъ, чтобы образовать и поддерживать, по мѣрѣ силъ своихъ, мирное общеніе со всѣми другими, сообразно съ устройствомъ и цѣлью всего безъ исключенія человѣческаго рода. Все, что содѣйствуетъ этой всемірной общественности, должно считаться предписаннымъ въ силу естественнаго права; а все, что мѣшаетъ ей, должно, наоборотъ, почитаться имъ запрещеннымъ [2]). Понимая такимъ образомъ законъ естественнаго права, Пуфендорфъ считаетъ, что естественное право требуетъ не только не причиненія зла другому, исправленія причиненнаго вреда и установленія равенства отношеній, но и оказыванія извѣстнаго содѣйствія общему благу [3]). Изъ этого принципа онъ выводитъ jus commercii, право на проходъ черезъ чужія страны, на общее пользованіе международными рѣками и т. п. [4]).

Въ важномъ вопросѣ о томъ, регулируются ли международныя отношенія только естественнымъ закономъ, или существуетъ

---

[1]) *Op. cit.*, II. c. 3. Именно это воззрѣніе Пуфендорфа на право, какъ на повелѣніе высшаго, вызвало тонкія замѣчанія Лейбница, имѣющія значеніе до сихъ поръ для всѣхъ теорій, выводящихъ право изъ воли государственныхъ органовъ. См. *Monita quaedam ad Samuelis Pufendorfii principia* въ Leibnitii *Opera omnia*, изд. Dutens, IV, 275—83; ср. Hinrichs, *Geschichte*... II, 89—93, III. 64 и сл.

[2]) *Op. cit.*, II, c. 3, § 15. Въ подтвержденіе Пуфендорфъ приводитъ мѣста изъ Сенеки о необходимости взаимопомощи и солидарности для единенія человѣческаго рода (*Benefic.*, IV, c. 18) и аналогичное мѣсто изъ Цицерона (*De offic.*, l. I, c. 44, l. III, c. 5.). „Нашъ основной законъ, говоритъ Пуфендорфъ, ничѣмъ въ основѣ не отличается отъ выраженнаго Кумберландомъ (*De legibus nat.*, c. 1, § 4), который главную обязанность естественнаго закона видѣлъ въ ненарушимой привязанности къ общему благу".

[3]) *Op. cit.*, l. III, c. 3.

[4]) Въ изложеніи права войны Пуфендорфъ примыкаетъ къ Гуго Гроціо; см. *op. cit.*, l. VIII, c. 6.

особое положительное международное право, Пуфендорфъ категорически становится на сторону перваго воззрѣнія. Нѣтъ jus gentium, отличнаго отъ jus naturae; въ этомъ Пуфендорфъ согласенъ съ Гоббесомъ, расходясь съ нимъ лишь въ пониманіи естественнаго права. Положительнымъ международнымъ правомъ не являются ни договоры, заключаемые между государствами, ни обычаи, ими исполняемые, ибо ни тѣ ни другіе не представляютъ собою проявленій воли высшаго [1]). Въ своихъ воззрѣніяхъ на соотношеніе между естественнымъ и положительнымъ правомъ, Пуфендорфъ, повидимому, склонялся къ признанію несовершенствъ естественнаго закона и къ необходимости государственной санкціи [2]). Естественнымъ выводомъ отсюда была, конечно, необходимость международной организаціи.

У Томазія точно такъ же, какъ и у Пуфендорфа, естественное право носило этическій характеръ. Международное право является правомъ естественнымъ; если мы и находимъ въ немъ якобы положительныя установленія, то они покоятся на естественно-правовой нормѣ, предписывающей соблюденіе договоровъ [3]). Государства въ совокупности образуютъ societas gentium, но эта societas не всемірное государство, а общеніе безъ какой бы то ни было общей власти [4]).

Эта пуфендорфовская традиція считать все международ-

---

[1]) *De jure naturae*, l. II, c. 3, § 23. Ср. *Elementa jurisprudentiae* §§ 24—26.

[2]) *De jure naturae et gentium*, l. II, c. 2, § 12; l. VII, c. 1, § 7—10; *Elem.*, I, def. 12, § 6; *De off.*, c. 9 и 12. Ср. интересныя замѣчанія П. Новгородцева, *Кантъ и Гегель*, стр. 54—55, 63—65.

[3]) *Fundamenta juris naturae*, c. V, § 53.

[4]) *Instit. jurisprudentiae divinae*, I, c. 2, § 104, III, c. 2, §§ 38 — 58, *Fundamenta juris naturae*, III, c. 6, § 5. Бурламаки, послѣдователь Пуфендорфа, такъ опредѣлялъ международное право: „Такъ какъ родъ человѣческій раздѣленъ на различныя отдѣльныя общества, называемыя государствами или націями, и его различныя политическія тѣла составляютъ совмѣстно родъ общества, то они (т.-е. государства) являются подчиненными тѣмъ первоначальнымъ и общимъ законамъ, которые самъ Богъ далъ всѣмъ людямъ, и вслѣдствіе которыхъ на нихъ лежатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ извѣстныя обязанности. Международное право есть не что иное, какъ общій законъ общественности, приложенный къ государствамъ". Burlamaqui, *Principes du droit politique*, Genève, 1751, IV partie.

ное право естественнымъ сохранилась до самаго послѣдняго времени [1].

Дуалистическое направленіе въ теоріяхъ международнаго права.

Пуфендорфъ, Локкъ, Томазій были представителями одного изъ теченій въ теоріяхъ всемірнаго права, возникшихъ въ послѣгроціанской литературѣ; преобладаніе однако получило не это теченіе, а дуалистическое направленіе, которое признало одновременное существованіе естественнаго и положительнаго элементовъ въ международномъ правѣ, при чемъ считало, что элементъ естественный является основой международнаго права, а положительный дѣйст-

[1] Типическимъ представителемъ этого направленія является Лоримеръ. Лоримеръ объявляетъ себя принадлежащимъ къ шотландской школѣ юриспруденціи (Вильяма Гамильтона). „Эта школа со своей моральной стороны есть лишь старая сократовская традиція, переданная намъ стоиками". Наука права есть лишь вѣтвь науки о природѣ. Право имѣетъ функціей реализацію свободы. Въ этомъ Лоримеръ слѣдуетъ за отрицательной, какъ онъ называетъ, школой Томазія и Канта; однако онъ не согласенъ съ ихъ отожествленіемъ свободы и независимости и, слѣдовательно, съ ограниченіемъ сферы права одними отрицательными или запретительными предписаніями. Международимость (interdépendance), а не независимость составляетъ понятіе свободы, которую стремится осуществить право. Въ этомъ Лоримеръ примыкаетъ къ политической школѣ Краузе и Тренделенбурга (*Principes de droit international*, 1885, стр. X—XI). Въ основу своей системы Лоримеръ полагаетъ идею божества, источника естественнаго права. Права и обязанности открываются людямъ, какъ естественные факты, неотдѣлимые отъ человѣческаго существованія. Право есть отрасль этики. Это общее естественное право реализуется въ пространствѣ и времени и, какъ таковое, называется Лоримеромъ „позитивнымъ правомъ". Въ согласіи съ этими взглядами, Лоримеръ опредѣляетъ международное право, какъ реализацію естественнаго права въ отношеніяхъ между націями, т.-е. реализацію свободы націй, вслѣдствіе утвержденія и признанія ихъ взаимной реальной мощи (*Ibid.*, 3—5). Международное право есть естественное право, реализованное въ отношеніяхъ между отдѣльными политическими коллективностями; это право (хотя и естественное) развивающееся. Цѣлью дѣйствующаго права должно явиться полное осуществленіе естественнаго права (*Ibid.*, 19—21). Въ концѣ концовъ, Лоримеръ пришелъ такимъ образомъ къ признанію существованія естественнаго и положительнаго международнаго права, допустивши, что дѣйствующія нормы стремятся возвыситься до принциповъ естественнаго права. Право, рожденное изъ факта сосуществованія разумныхъ существъ, развивается вмѣстѣ съ развитіемъ послѣднихъ. Естественна поэтому мысль о такомъ состояніи международнаго права, когда оно выйдетъ изъ настоящаго неорганическаго существованія и вступитъ въ періодъ организаціи. Вопросъ о томъ, на какихъ основахъ будетъ осуществлена эта организація, составляетъ „конечную задачу международнаго права". Этой проблемѣ Лоримеръ посвятилъ пятую книгу своихъ *Institutiones de droit international*, стр. 281—365. Ср. *Revue de dr. int.*, т. IX (1877), 161—206.

вуетъ лишь дополнительнымъ образомъ, для примѣненія нормъ естественнаго права. Само естественное право постепенно раціонализировалось и превратилось въ теоретическую критику дѣйствующаго права; постепенно вся область права приняла характеръ не-позитивнаго, измышленнаго права, не имѣющаго реальнаго существованія, однимъ словомъ, превратилась въ философію права. Это вызвало необходимую реакцію, потребовавшую отъ науки о правѣ не построенія права хотя и разумнаго (съ точки зрѣнія даннаго писателя) но не реальнаго, а изученія права дѣйствительно существующаго. Однако рабское изученіе существующаго, для цѣлей одной систематизаціи, безъ всякой критики, также не надолго могло удовлетворить научные запросы. Раціоналистическій моментъ выдержалъ напоръ отрицательнаго направленія и возродился, но уже какъ элементъ философской критики, существующей рядомъ съ изученіемъ дѣйствительности. Научное движеніе послѣдняго времени можетъ быть охарактеризовано, какъ попытка примирить въ одной системѣ моменты раціонализма и историзма или позитивизма, что, повидимому, болѣе всего удается въ нѣкоторыхъ теченіяхъ соціологіи или соціальной философіи и критическаго позитивизма.

Мы остановимся въ исторіи этихъ направленій на ученіяхъ Лейбница, Вольфа и его школы въ Германіи, на воззрѣніяхъ французскихъ политиковъ-раціоналистовъ, на ученіяхъ Руссо и Канта, на реакціи противъ раціонализма со стороны исторической школы и на неудачѣ этой попытки преодолѣть раціоналистическіе элементы въ ученіи о всемірномъ правѣ.

Лейбницъ видѣлъ въ международномъ правѣ и естественный и установленный элементы[1]). Естественное право у Лейбница носило раціональный, нравственно-нормативный, универсальный характеръ. Источникъ естественнаго права не воля Божія, какъ думалъ Пуфендорфъ, а разумъ[2]). Въ силу этого, нормы его вѣчны, безуслов-

---

[1]) О воззрѣніяхъ Лейбница на международное и естественное право см. небольшую, но содержательную и дѣльную брошюру G. Hartmann, *Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph*, Tübingen. 1892, особ. стр. 60 и сл.

[2]) Deum esse omnis naturalis juris auctorem verissimum est, at non voluntate, sed ipsa essentia sua qua ratione etiam auctor est veritatis. *Observationes de principio juris* (Dutens, IV. 3, стр. 273).

ны и неизмѣнны. Однако положенія его не есть положительное право, а лишь требованія нравственнаго разума [1]). Рядомъ съ естественнымъ правомъ существуетъ измѣнчивое, устанавливаемое человѣческою волею право (jus voluntarium или legitimum [2]). Надъ разработкою этого положительнаго международнаго права Лейбницъ самъ, одинъ изъ первыхъ, работалъ и издалъ, между прочимъ, сборникъ международныхъ трактатовъ [3]). Кромѣ вѣчныхъ законовъ разумной природы, вытекающихъ изъ божественнаго источника, имѣется также добровольное право (jus voluntarium), принятое въ обычаяхъ или установленное высшей властью. Въ государствѣ гражданское право получаетъ свою силу отъ того, кто обладаетъ высшей силой; внѣ же государства или между тѣми, кто являются участниками высшей власти (qui summae potestatis participes sunt), имѣетъ мѣсто добровольное право народовъ (jus gentium voluntarium), принятое молчаливымъ согласіемъ народовъ. Нѣтъ, конечно, необходимости, чтобы оно было у всѣхъ народовъ или во всѣ времена [4]).

Лейбницъ протестовалъ противъ утвержденія Пуфендорфа, что въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ положительнаго права, ибо это послѣднее является приказомъ высшаго, а такового для народовъ нѣтъ. Въ своемъ возраженіи Лейбницъ привелъ то соображеніе, которое до сихъ поръ является самымъ неотразимымъ аргументомъ противъ государственныхъ теорій права. Высшая власть, чтобы дать силу права извѣстнымъ положеніямъ, должна имѣть на это право, приказомъ же какого высшаго авторитета можетъ быть это право? [5])

---

[1]) См. замѣчанія П. Новгородцева, *Кантъ и Гегель*, стр. 55-6, 59 и особ. 65—67.

[2]) His jam sunt subjicienda elementa juris legitimi, humani ac divini, humani tum in republica nostra tum inter gentes, divini in ecclesia universali (*De tribus juris naturae gradibus* у Mollat, стр. 19).

[3]) Leibniz. *Codex juris gentium diplomaticus* (изд. Dutens, IV).

[4]) Quum in multis arbiter aliud Indis, aliud Europaeis placere, et apud nos ipsos seculorum decursu mutari, quod vel hoc ipsum opus indicare potest. *De suo codice juris gentium diplomatico monitum* (Dutens. IV, 3, 297).

[5]) Nec video, quomodo auctor quamvis acutus a contradictione facile excusari possit, quum omnem juris obligationem a superioris decreto derivat et tamen mox ad superiorem constituendum requiri ait—ut justas habeat causas vindicandi sibi in me potestatem. Ergo justitia causae ipso superiore anterior est, contra quam adseverabatur. Nempe si ad juris originem opus est superiore

Вольфъ, въ значительной степени, стоялъ на гроціанской точкѣ зрѣнія; но моментъ раціонализма у него былъ однако гораздо сильнѣе [1]). Подобно Гроцію, Вольфъ исходилъ изъ идеи, что только въ обществѣ индивидъ можетъ выполнить цѣли своего существованія. Эту идею онъ переносилъ и на отношенія между государствами. Государства образуютъ между собою общеніе (societas). Это общеніе Вольфъ представлялъ въ видѣ настоящаго государства (civitas), которое, какъ civitas gentium maxima, онъ противополагалъ частнымъ государствамъ (civitates particulares), его составляющимъ. Это civitas maxima обладаетъ настоящей властью (imperium universale) надъ каждымъ изъ своихъ членовъ. Изъ этой идеи верховной власти, которую имѣетъ civitas maxima надъ своими членами, Вольфъ выводилъ существованіе положительнаго добровольнаго права (jus voluntarium). Кромѣ естественнаго международнаго права, Вольфъ признавалъ существованіе положительнаго права, вытекающаго изъ договоровъ (jus gentium pactitium), изъ обычаевъ (consuetudinarium), или изъ предполагаемаго согласія (voluntarium). Это jus voluntarium, являющееся лишъ общимъ примѣненіемъ естественнаго права, имѣетъ обязательную силу, и ни одно государство не можетъ отказать ему въ повиновеніи. Вступивши въ civitas maxima, отдѣльныя государства признали вмѣстѣ съ тѣмъ

---

et rursus ad superiorem constituendum causis opus est jure subnixis; circulus orietur, quo nullus unquam manifestior fuit (*Monita quaedam ad Samuelis Puffendorfii principia*, изд. Dutens, IV, 3, 279).

[1]) Близко къ гроціанской точкѣ зрѣнія стоялъ Давидъ Мевій (Mevius, 1609—1670. *Prodromum jurisprudentiae gentium communis*, 1671; см. особ. Hinrichs, *op. cit.*, II, 118—145). раздѣлявшій jus gentium на primaevum, — познаваемое разумомъ естественное право, и на secundarium, — положительное международное право. Jus gentium commune vel ex natura est divinitus mentibus inditum, vel ex humano invento pro usibus vitae humanae constitutum. Ex quo illud primaevum, hoc secundarium est dictum (*Op. cit.*, inspect. I, № 24). Quaerimus, quid in mundo sit, ad et per quod ultra naturam gentes ad mutuam quandam observantiam constringuntur, non aliud reperietur, quam ea quae omnibus pro isto fine placuit, societas. Природа создаетъ общество, а разумъ создаетъ въ этомъ обществѣ взаимопомощь и право. Мало соединиться въ общество, надо обезпечить миръ и единеніе въ обществѣ. Ex quo enata communis inter omnes populos societatis, utut qua singulas separatae, reverentia, quam pro usu necessaria, tam omnium voluntate approbata, aut approbanda: ut inter gentium leges recte referatur, non tantum suam cuique societatem sancte colendam, sed nec aliorum populorum turbandam laedendamque, quin potius juvandam conservandamque esse (*Op. cit.*, insp. V, §§ 18—20).

власть этой civitas надъ отдѣльными членами. «Такъ какъ народы, говоритъ Вольфъ, вынуждены соединять свои силы для своего совершенствованія и для улучшенія своего положенія, сама природа образовала между ними родъ общества, на которое они въ силу неизбѣжной необходимости естественной обязанности, вынуждены согласиться, такъ что это общество кажется заключеннымъ въ силу quasi-контракта. Это общество, образованное между народами для общаго блага, называется величайшимъ государствомъ (civitas maxima), по отношенію къ которому всѣ народы являются какъ бы членами или гражданами. Отсюда рождается нѣкоторое право, которое всѣ въ совокупности имѣютъ надъ каждымъ изъ нихъ и которое можно было бы назвать всемірной властью (imperium universale sive gentium); это есть право опредѣлять дѣйствія каждаго, ради общаго блага, и принуждать каждаго выполнять свою обязанность. И подобно тому, какъ всякое общество должно имѣть свои законы, опредѣляющіе, что должно постоянно дѣлать для общаго блага, такъ и civitas maxima должно имѣть свои законы» [1]).

---

[1]) *Institutiones juris naturae et gentium* (1750), § 1090. Болѣе подробно на вопросъ о civitas maxima Вольфъ останавливается въ своемъ *Jus gentium methodo scientifica pertractatum*, Halle, 1749, IX, §§ 9—21. Gentes omnes in civitatem coivisse intelliguntur, cujus singula membra sunt singulae gentes, seu civitates particulares. Ipse enim natura instituit inter omnes gentes societatem et ad eam colendam eas obligat communis boni conjunctio viribus promovendi causa (§ 9). Civitas, in quam gentes coivisse intelliguntur, et cujus ipsae sunt membra seu cives, vocatur civitas maxima (§ 10). Civitas maxima suas habere debet leges et eidem competit jus ferendi leges de iis, quae ad eandem spectant. Leges civitatis maximae praescribere debent media, quibus bonum ejusdem obtinetur (§ 11). Quatenus gentes in civitatem maximam coivisse intelliguntur, singulae universis se obligasse intelliguntur, quod commune bonum promovere velint, universi autem singulis, quod ipsorum bono in particulari prospicere velint (§ 12). Universis gentibus in civitate maxima competit jus cogendi singulas, si obligationi suae satisfacere nolint, aut in eo negligentes se praebeant (§ 18). Jus universarum gentium in civitate maxima in singulas ex fine civitatis maxime metiendum (§ 14). Gentibus universis imperium aliquod competit in singulas (§ 15). Natura gentes omnes inter se aequales sunt (§ 16). Natura gentium omnium eadem sunt jura eademque obligationes (§ 17). Quod natura genti non licitum, id etiam alteri licitum et quod uni non licet, idem non licet alteri (§ 18). Civitas maxima status quidam popularis est (§ 19). In civitate maxima pro voluntate omnium gentium habendum erat, quod majori earum parti visum merit... Pro voluntate omnium gentium habendum, in quod consentire debent, quod pactum naturae secundae ratione recte utuntur, quatenus admittendum, id esse juris gentium, quod gentibus moratioribus placuit (§ 20). Fingi potest Rector civi-

Въ вольфовой теоріи civitatis maximae и imperii universalis идея всемірнаго права достигла своего наиболѣе полнаго и опредѣленнаго выраженія. Впослѣдствіи Кантъ со своимъ государствомъ народовъ слѣдовалъ вполнѣ вольфовой традиціи. Ранѣе его, у Лессинга видно сильное вліяніе идей Вольфа; но такъ какъ Лессингъ не былъ юристомъ, то онъ не предлагалъ никакой опредѣленной международной организаціи, а надѣялся лишь на нравственное объединеніе людей [1]).

---

tatis maximae qui ductum naturae secutus recto rationis usu definit, quaenam gentes inter se pro jure habere debeant, etsi gentium juri naturali non per omnia serviat, nec in totum ad eo recedat (§ 21). Изъ писателей школы Вольфа слѣдуетъ особенно упомянуть Нетельбладта, Реневаля и Ваттеля. Нетельбладтъ полагалъ, что общество государствъ, natura constituta для conservatio generis humani, скорѣе является systema gentium, чѣмъ civitas maxima: поэтому надо различать исходящіе отъ этого союза leges sociales seu systematicae gentium отъ leges gentium stricte naturales. См. Daniel Nettelbladt (1719—1791), *Systema elementare universae jurisprudentiae naturalis*, 1749, §§ 1420—1424. Ваттель отвергалъ идею Вольфа о civitas gentium maxima и признавалъ существованіе société des nations.

[1]) Вполнѣ въ духѣ вѣка просвѣщенія, Лессингъ отказывался отъ всякаго патріотизма и высказывался за общечеловѣческій идеалъ: Ich habe überhaupt von der Liebe des Vaterlandes keinen Begriff, und sie scheint mir aufs höchste eine heroische Schwachheit, die ich recht gern entbehrte. Lessing, *Sämmtliche Schriften*, XII (1840). *An Gleim* (стр. 127). Поэтому Лессингъ былъ сторонникомъ франкъ-масонскаго космополитизма. Франкъ-масонство, по его воззрѣнію, есть нѣчто неизбѣжное и необходимое, такъ какъ оно имѣетъ свое основаніе въ природѣ человѣка и гражданскаго общества (*Sam. Schr.*, X, 255). Люди соединяются въ государство для того, чтобы черезъ это соединеніе и въ немъ каждый человѣкъ могъ лучше и вѣрнѣе найти свою долю счастья: сумма счастья всѣхъ членовъ есть счастіе государства, внѣ этого не существуетъ другого (X, 263). Гражданская жизнь людей, всѣ государственныя учрежденія лишь средства къ достиженію человѣческаго счастья, и притомъ средства, изобрѣтенныя самимъ человѣкомъ. Природа имѣетъ въ виду счастье каждаго реальнаго существа, а не счастіе отвлеченнаго понятія,—государства, отечества и т. п. (X, 264—5). Лессингъ протестуетъ противъ того, чтобы въ людяхъ видѣли не просто людей, а французовъ, нѣмцевъ, русскихъ и т. д. (X, 267). Раздоры возникаютъ изъ раздѣленія человѣчества на множество государствъ (X, 268—269). Раздѣленіе людей должно быть устранено франкъ-масонствомъ, въ которомъ люди отказываются отъ предразсудковъ народности, религіи и отъ слабости патріотизма (X, 272—280). Въ концѣ концовъ, воззрѣнія Лессинга носили значительный оттѣнокъ анархическаго космополитизма. См. G. Adler, *Geschichte des Sozialismus und Kommunismus*, Leipzig, 1899, стр. 259—265. Ср. Wieland, *Das Geheimniss des kosmopoliten Ordens* (*Werke*, XXX, 406 и сл.).

Школа всемірнаго раціональнаго права.

Идея естественнаго права, въ теченіе своей исторіи, подвергалась многочисленнымъ и глубокимъ видоизмѣненіямъ, которыя намъ уже приходилось неоднократно отмѣчать. На смѣну пониманія естественнаго права, какъ естественно-необходимаго, въ силу неизбѣжнаго и неуклоннаго дѣйствія законовъ природы, выступило пониманіе его, какъ этической критики, какъ права соотвѣтствующаго настоящей, неиспорченной природѣ человѣка и отличающагося отъ права, устанавливаемаго человѣкомъ нерѣдко въ забвеніе своей разумной природы. Наконецъ, естественное право превратилось въ право отвѣчающее природѣ или сущности права или, другими словами, единой высшей идеѣ, полагаемой въ основу права; это—раціональное право, т. е. система философской критики права, исходящей изъ какого-нибудь основного философскаго принципа. Это новое пониманіе права простирается и на международныя отношенія, и строятся системы раціональнаго всемірнаго права, которое, въ силу требованій философствующаго разума, должно регулировать жизнь всего человѣчества.

Этотъ раціонализмъ въ правѣ особенно ярко сказался впервые во взглядахъ французскихъ писателей вѣка просвѣщенія. Независимо отъ того, принадлежали ли они, какъ Вольтеръ, къ деистическому міровоззрѣнію, или, какъ Дидро, Гольбахъ и другіе энциклопедисты, къ матеріалистическому, или, какъ Руссо, къ идеалистической философіи нравственнаго чувства, взгляды ихъ объединялись въ интересующемъ насъ вопросѣ, во-первыхъ, раціоналистическимъ воззрѣніемъ на право и, во-вторыхъ, космополитическимъ идеаломъ. Характеризуя общимъ терминомъ, можно было бы назвать это теченіе раціоналистическимъ (въ большинствѣ случаевъ утилитарнаго характера) гуманитаризмомъ [1]).

---

[1]) Мы не согласны съ мнѣніемъ Виппера, который въ своей тонкой и остроумной книгѣ *Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв.* (1900) пишетъ: „Въ первой половинѣ XVIII вѣка, напримѣръ, у Монтескье, человѣчество существуетъ лишь какъ собирательное имя, живыми единицами выступаютъ націи, государства, общества извѣстной эпохи, извѣстныхъ климатическихъ полосъ, извѣстнаго нравственно-политическаго склада. Начало XVIII вѣка сознавало живо лишь только одну „всемірную" организацію, именно общечеловѣческую, т.-е. въ сущности западно-европейскую, литературную республику. Позднѣе, во второй половинѣ вѣка стали говорить о всемірной мастерской и о всемірномъ рынкѣ" (стр. 172). Космополитизмъ

Это мы видимъ уже у Фенелона. Подобно большинству писателей вѣка просвѣщенія, Фенелонъ былъ убѣжденнымъ космополитомъ, придерживающимся того принципа, что «прежде меня—моя семья; прежде моей семьи—мое отечество; прежде отечества — человѣчество» [1]). Отдѣльный народъ такъ же является членомъ человѣческаго рода, представляющаго собою всемірное общество (société générale), какъ семья является членомъ отдѣльной націи. Каждый безконечно болѣе долженъ человѣческому роду—великому отечеству, чѣмъ частному отечеству, въ которомъ онъ рожденъ. Народы Европы должны составить одно общество, одну всемірную республику [2]).

Могучая струя космополитизма внесена была въ идеи XVIII вѣка различными экономическими теоріями, изъ которыхъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ физіократическая школа. Доктрина ея представляла чистый раціоналистическій характеръ [3]).

Основной работой, въ которой были провозглашены философско-политическіе принципы физіократической школы, считалась небольшая, но содержательная статья Кенэ объ естественномъ правѣ [4]). Подъ естественнымъ правомъ Кенэ разумѣлъ право людей на вещи, годныя для пользованія ими (progres à sa jouissance). Это право

XVIII вѣка, какъ мы увидимъ далѣе, былъ болѣе всеобъемлющимъ и постоянно переходилъ въ идею юридической организаціи человѣчества. Ср. о распространеніи идей литературнаго космополитизма въ XVIII вѣкѣ Texte, *J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire*. Paris, 1895, стр. 90 и сл.

[1]) Понятно, что Фенелонъ относился отрицательно къ войнѣ; онъ считалъ миръ естественнымъ состояніемъ человѣческаго рода и удивлялся, что люди могутъ воевать. „Война, — говоритъ онъ, — есть зло, позорящее человѣческій родъ; если бы онъ могъ предать всю прошлую исторію вѣчному забвенію, онъ долженъ былъ бы скрывать отъ потомства, что люди были способны убивать другихъ людей. Всѣ войны—гражданскія междоусобицы, потому что человѣкъ, убивая другого человѣка, всегда проливаетъ свою собственную кровь. Чѣмъ обширнѣе война, тѣмъ она позорнѣе: война народовъ, составляющихъ человѣческій родъ, еще хуже, чѣмъ война семействъ, волнующая націю". См. *Dialogues des morts*, XVII (*Oeuvres*, III (1843), стр. 64).

[2]) *Supplément à l'examen de conscience*. Ср. также *Examen de la conscience sur les devoirs de la royauté* (*Oeuvres* de Fénelon, III, 1835). См. Wheaton, *Histoire du droit des gens*, 4 изд. (1865), I, 111—115.

[3]) Раціонализмъ физіократовъ хорошо отмѣчаетъ A. Schatz въ своей интересной книгѣ *L'individualisme économique et social*, Paris, 1907, стр. 86 и сл.

[4]) Quesnay, *Le droit naturel* (*Collection des principaux économistes*, ed. Guillaumin, Paris, 1846, II, *Physiocrates*, стр. 41 и сл.).

есть не абсолютное, а относительное, мѣняющееся соотвѣтственно различнымъ состояніямъ людей [1]). Принципъ естественнаго права — справедливость, эта же послѣдняя есть естественная и верховная норма, познаваемая разумомъ и опредѣляющая съ очевидностью, что принадлежитъ самому себѣ и что принадлежитъ другому [2]). Естественное право людей отличается отъ законнаго права (droit légitime) или права, устанавливаемаго (décérnée) человѣческими законами, тѣмъ, что оно познается съ очевидностью разумомъ и вслѣдствіе этой самой очевидности (évidence) обязательно независимо отъ какого бы то ни было принужденія; между тѣмъ какъ законное право, ограниченное положительнымъ закономъ, обязательно въ силу наказанія, налагаемаго за нарушеніе санкціей закона [3]). Естественное право сводится къ праву на вещи, которыя можно пріобрѣсти своимъ трудомъ. Оно предполагаетъ, съ свободой пріобрѣтенія, уваженіе къ владѣнію другого и состояніе мира между людьми, дабы каждый могъ осуществлять свое естественное право. Люди должны уважать естественные законы природы, ибо нарушеніе ихъ можетъ причинить лишь ущербъ; чтобы расширить пользованіе своимъ естественнымъ правомъ, человѣкъ долженъ изучать законы природы. Законы природы влекутъ за собой неравенство въ естественномъ правѣ людей [4]). Независимый, изолированный человѣкъ имѣетъ естественное право, пользованіе которымъ очень ограничено; человѣкъ, соединенный въ общество съ себѣ подобными путемъ взаимныхъ соглашеній, пользуется въ гораздо большемъ объемѣ своимъ естественнымъ правомъ. Впрочемъ гипотеза, предполагающая людей изолированными и безъ

---

[1]) Le droit naturel est un attribut relatif... Il en a été des discussions sur le droit naturel comme des disputes philosophiques sur la liberté, sur le juste et l'injuste: on a voulu concevoir, comme des êtres absolus, ces attributs relatifs dont on ne peut avoir d'idée complète et exacte qu'en les réunissant aux corrélatifs dont ils dépendent nécessairement et sans lesquels ce ne sont que des abstractions idéales et nulles (*Le droit naturel*, стр. 41).

[2]) Justice c'est une règle naturelle et souveraine, reconnue par les lumières de la raison, qui détermine évidemment ce qui appartient à soi-même ou à un autre (*Op. cit.*, 43).

[3]) *Op. cit.*, стр. 43.

[4]) *Op. cit.*, стр. 45—48.

какого бы то ни было сношенія другъ съ другомъ, абсолютно химерична. Надо во всякомъ случаѣ предположить человѣка въ обществѣ своей семьи. При существованіи множества людей и семей, живущихъ отыскиваніемъ вещей, въ которыхъ они нуждаются, интересъ каждаго влечетъ людей къ заключенію точно высказываемыхъ или молчаливыхъ соглашеній, гарантирующихъ имъ ихъ личную и имущественную безопасность. Пользованіе естественнымъ правомъ людей въ такомъ состояніи болѣе обширно, чѣмъ людей, живущихъ изолированными семьями, такъ какъ въ силу конфедераціи и взаимопомощи, трудъ каждаго болѣе легокъ и владѣніе вещами, пріобрѣтаемыми трудомъ, болѣе обезпечено. Когда общества дѣлаются болѣе значительными и болѣе разбросанными, простыхъ молчаливыхъ или даже опредѣленно высказываемыхъ соглашеній недостаточно для обезпеченія собственности. Въ этомъ случаѣ нужны положительные законы и опредѣленная власть. Учрежденіе этой власти, расширяющей взаимопомощь и обезпечивающей собственность, расширяетъ пользованіе людьми своимъ естественнымъ правомъ [1]). Хорошее правительство подчиняетъ людей положительнымъ законамъ и законамъ естественнымъ; впрочемъ положительное законодательство должно быть только провозглашеніемъ естественныхъ законовъ, наиболѣе выгодныхъ для людей, соединившихся въ общество. Естественные же законы бываютъ или физическіе или моральные. Физическій естественный законъ есть регулируемое теченіе всякаго физическаго событія естественнаго порядка, очевидно наиболѣе выгоднаго человѣческому роду; моральный же естественный законъ есть норма всякаго человѣческаго дѣйствія моральнаго порядка, согласнаго съ физическимъ порядкомъ, очевидно наиболѣе выгоднаго человѣческому роду [2]).

Космополитизмъ физіократовъ, какъ и большинства экономистовъ XVIII вѣка, проистекалъ изъ идеи международной солидарности, соединяющей народы. Идея экономической солидарности народовъ или гармоніи индивидуальныхъ и международныхъ интересовъ

---

[1]) *Op. cit.*, 49 и сл.

[2]) Loi physique—le cours réglé de tout événement physique de l'ordre naturel évidemment le plus avantageux au genre humain... Loi morale—la règle de toute action humaine de l'ordre moral, conforme à l'ordre physique évidemment le plus avantageux au genre humain (*Op. cit.*, 53).

извѣстна была уже и XVII вѣку[1]). Изъ физіократовъ особенно отчетливо эта идея выражена была Шмидтомъ д'Авенштейнъ. Государства такъ же обязаны помогать другъ другу, какъ отдѣльные индивиды своимъ согражданамъ. Нація не можетъ увеличить своего производства безъ того, чтобы сосѣднія націи не извлекли изъ этого значительной выгоды; съ другой стороны, когда одна страна страдаетъ отъ войны или голода, другіе народы чувствуютъ печальныя послѣдствія этого. Когда часть общей массы жизненныхъ благъ уничтожена или воспроизведеніе ихъ пріостановлено, общее изобиліе исчезаетъ; когда уменьшеніе населенія или голодъ приводятъ націю въ такое положеніе, что оно начинаетъ производить меньше, чѣмъ раньше, то сосѣди теряютъ въ своемъ потребленіи. «Это необходимое соотношеніе между производствомъ и количествомъ жизненныхъ благъ и это взаимное вліяніе ихъ изобилія на счастье націи образуютъ такимъ образомъ естественную связь между обществами, изъ которыхъ одно можетъ пріобрѣсти благосостояніе только черезъ благосостояніе другихъ» [2]). Физіократы приходили къ идеѣ полной свободы какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли, ибо, согласно естественному праву, «въ намѣренія Провидѣнія никогда не входило сдѣлать націи чуждыми другъ другу въ отношеніи къ обмѣну благами» [3]).

Солидарность государствъ ведетъ къ существованію международнаго права или, какъ называетъ его одинъ изъ физіократовъ, «всемірнаго публичнаго права» [4]). Принципы этого права тѣ же, что и публичнаго права отдѣльнаго общества, и отличаются только

---

[1]) Эта идея была уже выражена у Pierre de la Cour, *Mémoires de Jean de Witt*, Ratisbonne, 1709 (первоначально въ 1662), у Dudley North, *Discourses upon trade*, London, 1691, и особенно у Boisguillebert, *Dissertation sur la nature des richesses* (*Collection des économistes*, 1843, I, 410—411, 261 и сл.).

[2]) *Principes de la législation universelle*, II, стр. 158 и сл.; тоже говорилъ и аббатъ Baudeau, *Introduction à la philosophie économique* (*Collection des économistes*, éd. Guillaumin, II, 808 и сл.).

[3]) (Letrosne), *Lettres à un ami sur les avantages de la liberté du commerce des grains et le danger des prohibitions*, Amsterdam, 1768; Quesnay, *Dialogue sur le commerce* (*Collection des principaux économistes*, ed. Guillaumin, II, стр. 176); (Schmidt d'Avenstein), *Principes de la législation universelle*, 1776, II, 184 и сл.

[4]) (Schmidt d'Avenstein), *Principes de la législation universelle*, II, 244.

своимъ примѣненіемъ къ обществу народовъ. Общій законъ, изъ котораго выводятся всѣ законы этого права, состоитъ въ томъ, чтобы не посягать на свободу или на собственность другихъ государствъ. Иностранцы должны пользоваться повсюду тѣми же правами, какія имѣетъ ихъ государство, какъ цѣлое; свобода мысли и свобода эмиграціи должны также быть признаны международнымъ правомъ [1]).

Подобные взгляды раздѣлялись большинствомъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Всѣмъ имъ были свойственны космополитическія симпатіи и убѣжденіе, что человѣчество представляетъ собою единое цѣлое, подчиняющееся нормамъ единаго права. Вольтеръ, несмотря на свои сарказмы по адресу теоретиковъ международнаго права и пацифистовъ [2]), признавалъ естественные законы, которые соединяютъ всѣхъ людей [3]). У Дидро мы находимъ воззрѣнія, приближающіяся къ взглядамъ Локка. Подъ естественнымъ правомъ онъ разумѣлъ то, что считается справедливымъ всѣмъ человѣческимъ родомъ (а не индивидомъ [4]), при чемъ понятіе человѣческаго рода простирается на всѣ народы и расы. «Духъ общительности (sociabilité) долженъ быть всемірнымъ; человѣческое общество (société humaine) обнимаетъ всѣхъ людей, съ которыми можно имѣть сношеніе, такъ какъ оно зиждется на отношеніяхъ, которыя они въ силу своей природы имѣютъ всѣ вмѣстѣ» [5]). Миръ есть естественное состояніе, а война—послѣдствіе человѣческой испорченности, болѣзнь политическаго тѣла и при-

---

[1]) *Op. cit.*, 245 и сл.

[2]) См., напр., о Пуфендорфѣ статью *Droit des gens* въ *Dictionnaire philosophique* и объ аббатѣ Сенъ-Пьерѣ въ статьѣ *De la paix perpétuelle.*

[3]) J'appelle lois naturelles celles que la nature indique dans tous les temps à tous les hommes pour le maintien de cette justice que la nature, quoi qu'on dise, a gravée dans tous les coeurs (статья *Loi naturelle* въ *Dict. phil.*; ср. *Remarques pour servir de supplém. à l'essai sur les moeurs*, § 17). Онъ возставалъ противъ войны, хотя, повидимому, видѣлъ въ ней зло, отъ котораго едва ли людямъ удастся избавиться; однако здравый смыслъ говоритъ, что конфликты между народами слѣдовало бы разрѣшать мирными способами (см. *L'A, B, C, II-e entretien* и статью *Guerre* въ *Dict. phil.*). Изъ новѣйшихъ писателей о Вольтерѣ къ взглядамъ аналогичнымъ нашимъ приходятъ Henri Sée, *Les idées politiques de Voltaire* (*Revue historique*, Juillet—Août 1908) и Georges Pellissier, *Voltaire philosophe*, Paris, 1908, стр. 235 и сл.

[4]) Diderot, статья *Droit naturel* въ *Oeuvres complètes*, XIV (1870).

[5]) Статья *Société* (*Encyclopédie*), см. *Oeuvres complètes*, XVII (1876), стр. 134.

чиняетъ безконечное зло людямъ, не принося никакого добра. Главная причина войнъ — династическая и личная политика монарховъ. Лучшее средство утвердить миръ — усилить въ правительствѣ вліяніе народнаго элемента, ибо миръ въ интересахъ народовъ [1]).

У Дидро мы уже видимъ отчетливо тотъ ярко радикальный политическій характеръ, который пріобрѣлъ космополитизмъ у французскихъ писателей вѣка просвѣщенія. Ихъ взгляды въ этомъ отношеніи сводились главнымъ образомъ къ двумъ идеямъ: для установленія международной солидарности необходимо измѣненіе въ демократическомъ направленіи политическаго строя отдѣльныхъ государствъ, и, обратно, для демократическихъ реформъ политическаго строя отдѣльныхъ государствъ необходимо установленіе международной солидарности. Въ особенности въ одномъ вопросѣ сказывалась тѣсная связь политическаго радикализма съ космополитическимъ идеаломъ, именно въ идеѣ зависимости войнъ отъ династическаго принципа. Мы видимъ эту идею уже у Дидро, ту же мысль повторяетъ и Гольбахъ [2]).

---

[1]) Статья *Paix* въ *Encyclopédie*, см. *Oeuvres complètes*, XVI (1866), стр. 187—199. Къ такимъ же взглядамъ на войну и на положительное международное право пришелъ и Морелли. По его мнѣнію, недостатокъ современнаго международнаго права въ томъ, что оно сначала допускаетъ взаимное самоистребленіе народовъ, а потомъ, когда послѣдніе, истомленные, принуждены умѣрить свою ярость, устанавливаетъ правила для переговоровъ, тогда какъ основною цѣлью международнаго права должно было бы быть устраненіе самыхъ причинъ всякихъ войнъ. Morelly, *Code de la nature ou véritable esprit de ses lois, de tout temps négligé ou méconnu*, 1755, стр. 86.

[2]) D'Holbach, *Le Système social*, I, ch. 16, II, ch. 11. Особенно рѣзко этотъ интернаціоналистическій радикализмъ выразилъ еще въ началѣ XVIII вѣка Жанъ Мелье, который заканчиваетъ свой *Testament* слѣдующимъ воззваніемъ къ международному возстанію противъ тирановъ: „Народы, соединяйтесь, если вы мудры! Соединяйтесь всѣ, если у васъ есть достаточно мужества, чтобы освободиться отъ вашей общей нищеты. Ободряйте другъ друга въ такомъ благородномъ, великодушномъ предпріятіи. Начните съ тайной пропаганды вашихъ мыслей и желаній. Повсюду распространяйте сочиненія, которыя всѣмъ откроютъ ошибки и суевѣрія религіи и сдѣлаютъ повсюду ненавистнымъ тирантическое управленіе князей и королей земли. Помогайте другъ другу въ такомъ справедливомъ и необходимомъ дѣлѣ, гдѣ вопросъ идетъ объ общемъ интересѣ всѣхъ народовъ. Въ вашихъ взаимныхъ столкновеніяхъ вы уничтожаете другъ друга и боретесь одинъ противъ другого, вмѣсто того, чтобы всѣмъ бороться за общее дѣло". Когда народы совмѣстно низвергнутъ правительства, они, по мысли Мелье, должны соединиться, чтобы установить свободную, мирную и справедливую жизнь. Какъ

Намъ уже приходилось указывать, что если утилитаристы иногда стояли на узко національной точкѣ зрѣнія, то это нисколько не вытекало изъ духа ихъ доктрины. Разительный примѣръ этого представляютъ собою писателя XVIII вѣка. XVIII вѣкъ во Франціи былъ, за исключеніемъ Руссо и Тюрго, вѣкомъ утилитаризма, и въ то же время, быть-можетъ, никогда не было такъ сильно развито чувство человѣчества. Изъ понятія интереса выводило космополитизмъ большинство энциклопедистовъ; его мы находимъ у Даламбера, Гольбаха, Сенъ-Ламбера, Вольнея [1]).

Монтескье, по своимъ симпатіямъ къ конкретнымъ изысканіямъ, по своему историческому методу, по релятивизму своихъ выводовъ, долженъ бы быть причисленъ скорѣе къ сторонникамъ позитивнаго направленія. Но и имъ допускалось существованіе естественныхъ законовъ, хотя, главнымъ образомъ, въ смыслѣ постоянныхъ отношеній, открываемыхъ и познаваемыхъ разумомъ. Монтескье исходилъ изъ признанія разумнаго источника міра: il y a une raison primitive; разумъ есть основная причина того, что во всемъ мірѣ, на всѣхъ его ступеняхъ существуютъ постоянныя отношенія,—законы; это—законы въ широкомъ смыслѣ слова, законы естественные. Подъ естественными законами Монтескье разумѣлъ законы причинности, тѣ постоянныя отношенія, которыя существуютъ между явленіями; такіе неизмѣнные законы существуютъ для неорганическаго міра, для растеній, для животныхъ и для людей: «L'homme,

---

руководящіе принципы для этого новаго общества Мелье предлагалъ слѣдующее: „И да не будетъ у васъ другой религіи, кромѣ религіи разума и чистоты нравовъ, религіи всеобщаго поддержанія справедливости и правосудія,—кромѣ того, чтобъ работать и жить, все регулируя сообща,—кромѣ того, чтобы сохранить общественную свободу, любить другъ друга и ненарушимо хранить миръ и добрый союзъ между собою". См. Jean Meslier, *Le Testament*, Amsterdam, 1864, III, 381—386. Кондорсе также признавалъ право вмѣшательства для охраны свободы иностранныхъ народовъ противъ тиранін монарховъ. См. его *Lettre de Junius à William Pitt* (*Oeuvres*, XII, 325); *La nation française à tous les peuples* (*Oeuvres*, XII, 505 и сл.).

[1]) D'Alembert, *Essai sur les éléments de philosophie* (*Oeuvres*, Paris, 1821, I, стр. 212—3, 226); см. Barni, *Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle*, P. 1865, II, 434 и сл., Guyau, *Morale d'Epicure*, 2 ed., P. 1881, стр. 270 и сл., и особ. L. Ducros, *Les encyclopédistes*, Paris, 1900, стр. 361 и сл.

comme être physique, est, ainsi que les autres corps, gouverné par des lois invariables». Положеніе дѣлъ мѣняется нѣсколько съ переходомъ къ людямъ и къ человѣческимъ обществамъ, и соотвѣтственно съ этимъ мѣняется у Монтескье и самое понятіе закона. Человѣкъ по природѣ своей есть существо дѣйствующее свободно, самочинно; поэтому онъ можетъ дѣйствовать вопреки естественнымъ неизмѣннымъ законамъ; причинная необходимость міра какъ бы нарушается человѣкомъ, возникаетъ такимъ образомъ столкновеніе между положительными дѣйствіями людей и тѣми, какими они должны были бы быть. Возникаетъ понятіе о разумномъ законѣ, пріобрѣтающемъ раціональный характеръ и становящемся нормой долженствованія [1]).

Естественными законами прежде всего Монтескье называетъ тѣ, которые dérivent uniquement de la constitution de notre être; такими онъ считаетъ четыре основныя человѣческія стремленія: къ миру, къ пропитанію, къ половому сношенію и къ жизни въ обществѣ,—все это, въ основѣ своей, есть стремленіе къ сохраненію своего существованія. Такіе естественные законы суть постоянныя отношенія, необходимыя въ человѣческомъ обществѣ; это —простые факты, но они усматриваются разумными существами, которыя, опознавши ихъ, кладутъ ихъ въ основаніе своей дѣятельности; такія нравственныя нормы вытекаютъ самой природы вещей. Здѣсь мы видимъ неясную формулировку тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи привели Конта и позитивистовъ-соціологовъ къ попыткѣ построить этику на научныхъ, позитивныхъ основаніяхъ.

Въ силу такихъ взглядовъ на природу законовъ, мы назвали бы раціонализмъ Монтескье соціологическимъ, такъ какъ во всей системѣ Монтескье есть множество характерныхъ чертъ, приближающихъ ее къ доктринѣ великаго творца позитивизма и соціологіи [2]). По самому предмету, его теорія являлась изученіемъ че-

---

[1]) Avant qu'il y eût des êtres intelligens, ils etaient possibles: ils avaient donc des rapports possibles, et par conséquent des lois possibles... Il faut donc avouer des rapports d'équité anterieurs à la loi positive qui les établit.

[2]) „Первая прямая попытка, писалъ самъ Контъ еще въ 1822, трактовать политику, какъ науку о фактахъ, а не о догматахъ, должна быть отнесена къ Монтескье. Такова, очевидно, истинная цѣль *Духа законовъ* для всякаго, кто понялъ это произведеніе. Одного дивнаго начала, въ которомъ общая идея *закона* впервые представлена дѣйствительно философски,

ловѣческаго общества въ цѣломъ; онъ стремился постигнуть происхожденіе, физическія и моральныя причины соціальныхъ учрежденій и законы, управляющіе ихъ развитіемъ. Цѣлью его была не критика и не указаніе идеала; онъ, по его собственнымъ словамъ, занимался не тѣмъ, что должно быть, а тѣмъ, что есть, и имѣлъ въ виду не оправданіе обычаевъ, а отысканіе ихъ причинъ [1]). Методомъ его было не разсужденіе a priori, а историческое наблюденіе. Задача, поставленная себѣ Монтескье, ея объемъ и методъ ея разрѣшенія вполнѣ отвѣчали тѣмъ, которыя имѣлъ предъ собою впослѣдствіи Контъ. Указанное выше раздѣленіе законовъ, данное Монтескье, еще болѣе усиливаютъ эту близость. Существуютъ позитивные законы, устанавливаемые законодателемъ, и законы естественные, т.-е. необходимые. Эти послѣдніе законы управляютъ, противъ воли человѣка, жизнью общества, развитіемъ учрежденій и самими позитивными законами; эти послѣдніе находятся въ зависимости отъ формы правленія данной страны, числа жителей, почвы, климата, расы и т. д.; такимъ образомъ устанавливается извѣстная постоянная закономѣрность въ соціальныхъ явленіяхъ. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, Монтескье не отрицалъ свободы человѣческой дѣятельности и не ограничивался рабскимъ коллекціонированіемъ фактовъ; поэтому его система можетъ съ полнымъ правомъ быть названа раціонализмомъ. Въ свѣтѣ историческаго изученія, положительные законы могутъ быть разумными и не разумными, въ зависимости отъ того, отвѣчаютъ они или не отвѣчаютъ природѣ вещей.

Жизнь въ обществѣ приводитъ людей къ войнѣ, къ борьбѣ внутри государства и между государствами; это состояніе войны является побудительной причиной установленія положительныхъ гражданскихъ, политическихъ и международныхъ законовъ [2]).

достаточно, чтобы констатировать такое намѣреніе автора. Ясно, что Монтескье поставилъ для себя существенной цѣлью собрать, насколько возможно, подъ нѣкоторымъ числомъ основныхъ рубрикъ, всѣ политическіе факты, извѣстные ему, и сдѣлать очевидными законы ихъ сцѣпленія". Auguste Comte, *Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société* (*Système de politique positive*, IV (1854), стр. 106).

[1]) *Esprit des lois*, IV, 2; XVI, 4.

[2]) Considérés comme habitans d'une si grande planette, qu'il est nécessaire qu'il y ait differents peuples, ils ont des lois dans le rapport que ces peuples ont entr'eux; et c'est le droit des gens.

За международнымъ правомъ [1]) Монтескье признаетъ положительный характеръ; всѣ націи, говоритъ онъ, имѣютъ международное право, даже — прокезы, когда съѣдаютъ своихъ плѣнниковъ. Однако международное право, какъ всякое положительное, должно быть построено на разумныхъ принципахъ. «On peut considerer le droit des gens comme le droit civil de l'univers, dans les sens que chaque peuple en est un citoyen» [2]). Для международной справедливости и правосудія имѣютъ значеніе тѣ же максимы, что и для правосудія въ гражданскомъ обществѣ [3]). Международные договоры священны [4]). Международное право должно основываться на томъ принципѣ, что различныя націи во время мира должны дѣлать другъ для друга какъ можно болѣе блага, а во время войны какъ можно менѣе зла, не вредя при этомъ своимъ настоящимъ интересамъ. Всѣ законы международнаго права должны проистекать изъ принципа сохраненія [5]).

Монтескье стоялъ не только на позитивной и исторической точкѣ зрѣнія, но и хотѣлъ все объяснить изъ человѣческаго разума; но, какъ соціологъ, онъ не нашелъ и не выставилъ какого-нибудь универсальнаго закона, руководящаго человѣческими обществами.

Въ системахъ раціональнаго права мы вообще должны различать два типа построеній. Одинъ, представителемъ котораго является Монтескье, мы назвали соціологическимъ; въ этомъ случаѣ, разумной объявляется та правовая система, которая отвѣчаетъ естественно-необходимымъ законамъ даннаго общества; матеріалъ здѣсь эмпирическій, но пользованіе имъ раціоналистическое. Соціологическая школа XIX вѣка была лишь продолженіемъ этого теченія.

---

[1]) Montesquieu, *Lettres persanes*, 1721. l. 95, *L'esprit des lois*, 1748, особ. liv. IX (о федераціяхъ), X (о войнѣ). XXVI, ch. 1, 20—22; см. Barckhausen, *Montesquieu, ses idées et ses oeuvres*, Paris, 1907, стр. 131—135: Сорель, *Монтескье*, СПБ. 1898, стр. 122—130.

[2]) *L'esprit des lois*. l. XXVI, ch. 1. Монтескье писалъ: Si je savais quelque chose d'utile à ma patrie et qui fût préjudicialle à l' Europe et au genre humain, je le regarderais comme un crime.. См. Barni, *Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle*, P. 1865, I, стр. 134.

[3]) *Lettres persanes*, l. 95.

[4]) Les traités de paix sont si sacrés parmi les hommes, qu'ils semblent qu'ils soient la voix de la nature, qui réclame ses droits (*Lettres persanes*, l. 98).

[5]) *Esprit da lois*, I, 3.

На ряду съ такимъ, соціологическимъ раціонализмомъ въ правѣ существовалъ раціонализмъ идеалистическій. Въ этомъ случаѣ система права строится a priori на какой-нибудь идеѣ разума, принятой, какъ постулатъ, въ родѣ идеи свободы, автономной личности, категорическаго императива. Такого рода раціонализмъ впервые особенно ярко сказался у Руссо. Руссо во взглядѣ на отношеніе естественнаго права къ положительному и на границы позитивнаго права сталъ вполнѣ на раціоналистическую точку зрѣнія. Нѣсколько, быть-можетъ, неопредѣленны лишь воззрѣнія его на основаніе права. Съ одной стороны, онъ иногда ставитъ принципомъ политической жизни частный интересъ и склоняется какъ будто къ утилитарному міровоззрѣнію, полагая, что личное и общее благо совпадаютъ[1]); съ другой, онъ основой поведенія считаетъ добродѣтель и чувство долга. Если первое сближаетъ его отчасти съ Гоббесомъ, Спинозою и Гельвеціемъ, то второе приближаетъ его къ этическому воззрѣнію Канта[2]).

Существуютъ ли право и справедливость по природѣ, или они являются только человѣческимъ установленіемъ, и если естественное право существуетъ, то въ какомъ отношеніи оно находится къ положительному? Повидимому, Руссо одновременно и признаетъ, что благо существуетъ по природѣ вещей, что источникомъ справедливости является Богъ, что есть одна абсолютная всеобщая справедливость, проистекающая изъ разума, и полагаетъ, что эта справедливость свою жизнь получаетъ только въ соглашеніяхъ и законахъ [3]). Однако было бы ошибочно понять Руссо такъ, будто онъ

---

[1]) См., напр.: L'égalité de droit et la notion de justice qu'elle (т.-е. volonté générale) produit, dérivent de la préférence que chacun se donne et par conséquent de la nature de l'homme (*Contr. soc.*, II, 4); ср. примѣчаніе Болавона къ этому мѣсту. И во введеніи къ *Общественному договору*: „Je tâcherai d'allier toujours, dans cette recherche, ce que le droit permet avec ce que l'intérêt prescrit, afin que la justice et l'utilité ne se trouvent point divisées.

[2]) См. Barni, *Histoire der idées morales et politiques en France au XVIII siècle*, P. 1867, II, 125 и сл.

[3]) Ce qui est bien et conforme à l'ordre est tel par la nature des choses et indépendamment des conventions humaines. Toute justice vient de Dieu, lui seul en est la source; mais si nous savions la recevoir de si haut, nous n'aurions besoin ni de gouvernement ni de lois. Sans doute il est une justice

подчиняетъ справедливость положительному праву. Законъ, о которомъ говоритъ онъ, какъ о необходимомъ условіи для воплощенія справедливости, не есть обыкновенный законъ исторически - существующаго государства. Законъ есть актъ общей воли, какъ ее понимаетъ Руссо; поэтому не можетъ быть и конфликта между справедливостью и закономъ. Но конфликтъ легко можетъ возникнуть между положительнымъ закономъ и закономъ разумнымъ, т. е. закономъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть, если бы отвѣчалъ верховной идеѣ права. Такимъ образомъ Руссо пришелъ къ крайнему утвержденію принудительной силы естественнаго, разумнаго закона [1]); онъ только считалъ, что этотъ законъ долженъ имѣть не естественную санкцію, а воплотиться въ особыя учрежденія. Руссо смотрѣлъ на историческій процессъ, приведшій людей отъ естественнаго состоянія къ правовому обществу и къ политической жизни, какъ на необходимый, неизбѣжный и безповоротный [2]). Однако образованіе политическаго общества имѣло тотъ отрицательный результатъ, что оно закрѣпило и сдѣлало правомѣр-

---

universelle émanée de la raison seule; mais cette justice, pour être admise entre nous, doit être réciproque. A considérer humainement les choses, faute de sanction naturelle, les lois de la justice, sont vaines parmi les hommes; elles ne font que le bien du méchant et le mal du juste, quand celui-ci les observe avec tout le monde, sans que personne les observe avec lui. Il faut donc des conventions et des lois pour unir les droits aux devoirs et ramener la justice à son objet. Dans l'état de nature, où tout est commun, je ne dois rien à ceux à qui je n'ai rien promis, je ne reconnais pour être à autrui que ce qui m'est inutile. Il n'en est pas ainsi dans l'état civil, où tous les droits sont fixés par la loi (*Contrat social*, II, 6).

[1]) Ср. *Contrat soc.*, I, 1, 3—4.

[2]) Что Руссо нисколько не былъ поклонникомъ естественнаго состоянія людей по сравненію съ раціонально-организованнымъ обществомъ ясно доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ *Общественнаго договора* : Quoiqu'il se prive dans cet état de plusieurs avantages qu'il tient de la nature, il en regagne de si grands, ses facultés s'exercent et se développent, ses idées s'étendent, ses sentiments s'ennoblissent, son âme tout entière s'élève à tel point que, si les abus de cette nouvelle condition ne le dégradaient souvent au-dessous de celle dont il est sorti, il devrait bénir sans cesse l'instant heureux qui l'en arracha pour jamais, et qui, d'un animal stupide et borné, fit un être intelligent et un homme (*Contrat social*, I, 8). См., напр., А. С. Алексѣевъ. *Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье*, СПБ. 1901, стр. 6 и сл.

ными тѣ неравенства, которыя возникли среди людей во время эволюціи, приведшей ихъ къ образованію политическаго общества. Это однако не связано необходимо съ природой государства и права и можетъ при цѣлесообразной организаціи быть устранено. Дать всеобщіе принципы и высшія точки зрѣнія, которыя позволили бы построить такую абстрактно-разумную и справедливую систему права, какимъ оно могло бы, а, слѣдовательно, и должно быть, чтобы отвѣчать природѣ человѣка, и стремится Руссо въ своемъ *Общественномъ договорѣ* [1]). Этотъ принципъ для справедливаго права, Руссо находитъ въ той идеѣ, что законы должны возникать въ силу общей воли всего народа. Верховной идеей права является благо всѣхъ людей [2]).

Эти принципы распространяетъ Руссо и на отношенія между государствами. Слѣдуя своему апріористическому методу [3]), Руссо работалъ надъ очеркомъ «права войны» [4]). Войну Руссо опредѣ-

---

[1]) Stammler. *Theorie des Anarchismus*, 1894, стр. 14; его же, *Сущность и задачи права и правовѣдѣнія*, М. 1908, стр. 10—11; Liepman, *Die Rechtsphilosophie des Rousseau*, 1895, стр. 95 и сл. Непониманіемъ этого условнаго построенія теоріи Руссо объясняются всѣ традиціонныя обвиненія Руссо въ склонности къ демократическому абсолютизму. См., напр Proudhon, *Idée générale de la Révolution au XIX siècle*, стр. 150: G. Bry, *Influence du Contrat social de Rousseau sur les idées et les institutions politiques*, Paris, 1898, стр. 10 и сл. (Бри, впрочемъ, очень вѣрно отмѣчаетъ, что исторически Руссо оказалъ вліяніе, особенно въ эпоху Революціи, въ смыслѣ государственнаго демократическаго абсолютизма); нѣсколько интересныхъ замѣчаній дѣлаетъ Э. Родъ, упрекая Руссо въ крайнемъ этатизмѣ, въ своей книгѣ E. Rod, *L'affaire J. J. Rousseau*, Paris, 1906, стр. 61 и сл.; E. Faguet, *La politique comparée de Montesquieu, Rousseau et Voltaire*, Paris. 1902, стр. 17 и сл.; 288 и сл.; Duguit, *Droit constitutionnel*, Paris, 1907, стр. 30—31.

[2]) Ряды интересныхъ и вѣрныхъ мыслей объ основныхъ принципахъ соціальной философіи Руссо высказалъ П. Новгородцевъ въ своей статьѣ *Кризисъ современнаго правосознанія* (*Вопросы философіи и психологіи*, кн. 84, стр. 423 и сл., особ. стр. 427, 431—432). Ср. также прекрасную статью Болавона, вполнѣ правильно, по нашему мнѣнію, понявшаго основную мысль политической философіи Руссо: *J. J. Rousseau, Du Contrat social*, éd. avec. une introduction par G. Beaulavon, Paris, 1903, стр 23 и сл. Ср. Kistiakowski, *Gesellschaft und Einzelwesen*. B., 1899, стр. 156 — 7; L. Brédif, *Du caractère intellectuel et moral de J. J. Rousseau*, Paris. 1906, 43 и сл.

[3]) „Pour connaître exactement quelles sont les lois de la guerre, examinons avec soin la nature de la chose et n'admettons pour vrai que ce qui déduit nécessairement". См. *Contrat social*, изд. Dreyfus-Brisac, app. II. стр. 319.

[4]) См. приложенныя къ указанному выше изданію „Общественнаго договора" Дрейфуса-Бризака фрагменты подъ заглавіемъ: „*Que l'état de guerre nait*

лялъ, какъ отношеніе не человѣка къ человѣку, а государства къ государству, при которомъ частныя лица дѣлаются врагами случайно, не какъ люди или граждане, а какъ солдаты, не какъ члены отечества, а какъ его защитники [1]).

У Руссо въ вопросѣ о всемірномъ правѣ произошелъ разрывъ съ идеей естественнаго права. Онъ отвергъ существованіе естественнаго международнаго права для государствъ живущихъ въ естественномъ состояніи и слѣдующимъ образомъ изобразилъ отношенія между государствами: «Когда гражданское право сдѣлалось общею нормою для гражданъ, естественный законъ сохранился только для отношеній между различными обществами, гдѣ, подъ именемъ международнаго права, онъ былъ смягченъ нѣкоторыми молчаливыми соглашеніями, чтобы сдѣлать возможной торговлю и замѣнить собою естественное состраданіе, которое, теряя въ отношеніяхъ между обществами почти всю свою силу, проявляемую въ отношеніяхъ между людьми, остается только въ нѣкоторыхъ великихъ космополитическихъ душахъ, освобождающихся отъ призрачныхъ преградъ, раздѣляющихъ народы, и, по примѣру Верховнаго Существа ихъ создавшаго, обнимающихъ весь человѣческій родъ въ своемъ благоволеніи. Политическія тѣла, оставаясь такимъ образомъ между собою въ естественномъ состояніи, очень скоро почувствовали тѣ же неудобства, которыя ранѣе принудили отдѣльныхъ лицъ выйти изъ этого состоянія; и это состояніе дѣлается еще болѣе пагубнымъ для этихъ большихъ организацій, чѣмъ оно было раньше для составлявшихъ ихъ индивидовъ. Отсюда произошли національныя войны, битвы, убійства, репрессаліи, заставляющія содрагаться природу и оскорбляющія разумъ, и всѣ эти ужасные предразсудки, возводящіе въ добродѣтель—честь, пріобрѣтаемую пролитіемъ человѣческой крови» [2]). «Что касается до такъ называемаго международнаго права, то ясно, что за отсутствіемъ санкціи

---

de l'état social" (стр. 304—320). Вопросъ о международныхъ воззрѣніяхъ Руссо подробно разработали Windenberger, *Essai sur le système de politique étrangère de J. J. Rousseau. La république confédérative des petits états*, Paris, 1899, особ. стр. 107—144, и Lassudrie-Duchêne, *J. J. Rousseau et le droit des gens*, Paris, 1906.

[1]) *Contrat social*, I, 4. Эту же мысль Руссо развиваетъ въ цитированномъ отрывкѣ „*Que l'état de guerre...*"

[2]) *Discours sur l'inégalité*, 2-e partie.

его законы лишь химеры еще болѣе слабыя, чѣмъ естественный законъ. Этотъ послѣдній, по крайней мѣрѣ, говоритъ сердцу частныхъ лицъ, тогда какъ международное право не имѣетъ другой гарантіи, кромѣ пользы того, кто ему подчиняется. Его рѣшенія уважаются лишь постольку, поскольку они отвѣчаютъ интересу» [1]). Такимъ образомъ Руссо отрицалъ не только положительное международное право, но и естественное. Выходъ изъ этого положенія тотъ же, какой былъ указанъ въ *Contrat social*, именно созданіе такой политической организаціи, въ которой была бы гарантирована всеобщая свобода. Это же является построеніемъ уже чисто раціональной системы права.

По пути, проложенному геніемъ Руссо, пошелъ его вѣрный послѣдователь въ воззрѣніяхъ на право, Кантъ [2]). Раціонализмъ въ правѣ достигъ у него своихъ крайнихъ предѣловъ. Какъ доктрина или, другими словами, какъ система объективнаго права, право раздѣлялось имъ [3]) на естественное, или на то, которое покоится на чистыхъ принципахъ a priori, и на положительное, имѣющее своимъ основаніемъ волю законодателя [4]). Въ этомъ случаѣ естествен-

---

[1]) См. *Contrat social*, ed. Dreifus-Brisac, стр. 315.

[2]) Кантъ и Фихте, съ ихъ школою, были въ воззрѣніяхъ на право и государство, по справедливому замѣчанію Ренувье, лишь учениками Руссо. Renouvier, *Les idées politiques de Rousseau* (*La critique philosophique*, 1885, II). Ср. Dieterich, *Kant und Rousseau*, 1878; Hornung, *Les idées politiques de Rousseau* (въ сборникѣ *J. J. Rousseau, jugé par les genevois d'aujourd'hui*, Genève, 1879, особ. стр. 192 и сл.); D. Nolen, *Les maîtres de Kant: Kant et Rousseau* (*Revue philosophique*, IX, 270 и сл.); R. Fester, *Rousseau und die deutsche Geschichtsphilosophie*, стр. 38 и сл.; Höffding, *Rousseaus Einfluss auf die definitive Form der Kantischen Ethik* (*Kantstudien*, II, 11 и сл.); Matthias Menn, *Immanuel Kants Stellung zu Jean Jacques Rousseau*, Freiburg, 1894; Levy-Bruhl, *L'influence de Jean-Jacques Rousseau en Allemagne* (*Annales de l'école libre des sciences politiques*, 1887, 351 и сл.); V. Delbos, *Essai sur la formation de la philosophie pratique de Kant*, Paris, 1903, стр. 115 и сл.

[3]) См. прилож. B. къ введенію въ *Rechtslehre*.

[4]) Терминъ естественнаго права употребляется Кантомъ и въ другихъ смыслахъ, что не служитъ къ прояснѣнію его мысли: такъ право, какъ моральная способность принуждать другихъ, т. е. какъ субъективное право, то же раздѣляется имъ на пріобрѣтенное и на естественное или врожденное право, при чемъ это послѣднее сводится имъ къ единственному праву индивидуальной свободы, т.-е. независимости отъ принудительной власти другого; наконецъ, сами пріобрѣтенныя права Кантъ раздѣляетъ на естественныя или частныя и публичныя или гражданскія.

ное право въ пониманіи Канта становится чистымъ апріоризмомъ, критикой права съ точки зрѣнія категорическаго императива, формальнымъ принципомъ метода построенія системы разумнаго права[1]). Хотя Кантъ основывалъ государство на общественномъ договорѣ, въ силу котораго всѣ отказываются отъ своей анархической свободы, однако политическія воззрѣнія Канта, какъ и взгляды Руссо, были идеями чистаго раціонализма въ правѣ.

Формула категорическаго императива гласитъ: поступай такъ, чтобы максима твоего поведенія могла стать всеобщимъ закономъ; она становится какъ-бы одной изъ нормъ естественнаго и всемірнаго права. Однако обязывающая сила этой нормы вытекаетъ не изъ природы, а изъ разума. Разумъ, говоритъ Кантъ, простираетъ всѣ максимы воли, разсматриваемой какъ всеобщій законодатель, на всѣ другія воли, основываясь для этого на идеѣ разумнаго существа, которое повинуется только тому закону, который оно даетъ самому себѣ. Результатъ этого объединенія воль, при автономіи каждой, подъ властью моральнаго закона, есть идеальное общество, царство цѣлей. Это общество осуществилось бы, если бы правила поведенія, согласныя съ моральнымъ закономъ, всѣми исполнялись. Чисто умозрительный и гипотетическій характеръ всего построенія вполнѣ очевиденъ. Общая воля есть уже не воля большинства, какъ иногда можно понять это у Руссо, а единогласная воля.

«Всѣмъ людямъ, имѣющимъ возможность взаимно вліять другъ на друга, слѣдуетъ принадлежать къ какому-нибудь гражданскому устройству. Исчерпывающее дѣленіе правового устройства въ отношеніи лицъ, входящихъ въ его составъ, таково: 1) устройство людей въ одномъ народѣ по государственному праву (jus civitatis), 2) устройство государствъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу по международному праву (jus gentium), 3) устройство по космополитическому праву (jus cosmopoliticum), поскольку люди и государства, находясь между собою во внѣшнихъ, взаимно вліяющихъ отношеніяхъ, должны быть разсматриваемы, какъ граждане общечеловѣческаго государства» [2]). Обращаясь со своими общими взглядами

---

[1]) Эта сторона юридическаго ученія Канта прекрасно отмѣчена П. Новгородцевымъ въ его книгѣ *Кантъ и Гегель*, стр. 146 и сл.

[2]) Кантъ, *Вѣчный миръ*, стр. 12.

на право къ разсмотрѣнію международнаго права, Кантъ, утверждая его, приходитъ, въ сущности, къ отрицанію положительнаго международнаго права и къ идеѣ раціональнаго международнаго права. Въ международномъ правѣ (jus gentium), которое Кантъ предпочелъ бы назвать публичнымъ правомъ государствъ (jus publicum civitatum), дѣло идетъ о націяхъ, разсматриваемыхъ по отношенію къ другимъ лицамъ, какъ моральныя лица, живущія въ состояніи естественной свободы, и, слѣдовательно, въ состояніи постоянной войны; и задача, которую ставитъ себѣ это право, сводится къ праву вести войну, къ праву во время войны и къ праву взаимнаго принужденія выйти изъ этого состоянія войны и къ созданію такой организаціи, которая привела бы къ вѣчному міру [1]). Элементами международнаго права являются: 1) то, что народы, какъ дикари лишенные законовъ, находятся естественно въ не-юридическомъ состояніи (такимъ образомъ у Канта получается тотъ non-sens, что право регулируетъ не-правовое состояніе), 2) что это состояніе есть состояніе войны, т.-е. права сильнѣйшаго, и 3) что необходимо заключеніе общественнаго договора между народами [2]).

До Канта международное право въ большинствѣ случаевъ сливалось съ общей теоріей права, строившейся въ видѣ системы естественнаго права. Такъ какъ послѣднее задавалось между прочимъ цѣлью опредѣлить права и обязанности людей живущихъ въ естественномъ состояніи, т.-е. внѣ подчиненія какой-нибудь власти, и такъ какъ такое состояніе встрѣчается лишь въ сферѣ международной, то международное право составляло обыкновенно часть естественнаго права (jus naturae et gentium). Кантъ вывелъ свою систему права не изъ естественнаго состоянія, а изъ разума, изъ общихъ принциповъ своей философіи и тѣмъ формулировалъ раціональную систему права. Съ прекращеніемъ изуче-

---

[1]) *Rechtslehre*, § 53.

[2]) *Op. cit.*, § 54. Это не мѣшаетъ Канту возвратиться къ дѣйствующему международному праву и разсуждать о разумности или неразумности тѣхъ или иныхъ нормъ, регулирующихъ войны и заключенія договоровъ (*op. cit.*, §§ 55—60). Здѣсь какъ нельзя больше сказывается двойственность кантовскаго ученія о правѣ.

нія вопроса объ естественномъ состояніи, прекратилась связь международнаго права съ общей теоріей права. Послѣ Канта общая теорія права, въ видѣ философіи права, стала строить систему права въ связи съ обще-философскими принципами. Международное право, отдѣлившись отъ философіи права, все болѣе удалялось съ философской почвы и все болѣе сосредоточивалось на *практическомъ* изученіи международныхъ обычаевъ и договоровъ. Однако это направленіе не сдѣлалось вполнѣ господствующимъ, и послѣднее время замѣчается стремленіе усилить критическое отношеніе къ нормамъ дѣйствующаго права. Писатели этого направленія признаютъ за нормами международнаго права положительный характеръ, и на эти положительныя нормы смотрятъ, какъ на главный предметъ науки международнаго права. Но въ то же время они считаютъ необходимой раціоналистическую оцѣнку международныхъ отношеній. Они признаютъ естественное право, но въ другомъ значеніи, чѣмъ у Гроція: они отрицаютъ и вѣчный, неизмѣнный характеръ такихъ естественно - правовыхъ нормъ и ихъ непосредственную внѣшне-обязательную силу. Эти нормы являются, какъ философское обобщеніе положительныхъ отношеній и какъ вытекающее при изученіи исторіи указаніе нравственнаго идеала, приблизиться къ которому должны стремиться нормы положительнаго права [1]).

Школа положительнаго международнаго права.

Чисто естественно-правовому направленію въ наукѣ международнаго права, выводившему все это право или изъ гипотезы естественнаго состоянія государствъ или изъ чистой идеи разума, въ теченіе XVII и XVIII вв. противостояло позитивное направленіе, отрицавшее или очень ограничивавшее значеніе естественнаго права и искавшее положительно-установленныхъ, обычныхъ и договорныхъ нормъ въ отношеніяхъ между государствами. Здѣсь, какъ

---

[1]) *Woolsey* хорошо выражаетъ такую точку зрѣнія сторонниковъ этого направленія на отношенія естественнаго и положительнаго права: „Въ области международнаго права необходимо задавать два вопроса: первый и наиболѣе главный, каково дѣйствующее соглашеніе и практика народовъ,—иначе получилась бы доктрина неопредѣленная и безъ авторитета; во-вторыхъ, надо изслѣдовать, въ силу какихъ разумныхъ или нравственныхъ мотивовъ эта практика можетъ быть объяснена и защищена, иначе порывается связь съ истиной и правомъ и приходятъ къ голому факту". *Introd. to the study of int. law*, § 15.

и въ естественно-правовой школѣ, нѣкоторые мыслители иногда склонялись къ отрицанію международнаго права: такіе позитивисты, какъ Макіавелли или Гельвецій, приходили съ другого конца, чѣмъ Гоббесъ или Спиноза, къ одинаковому результату, къ признанію отношеній между государствами аномными. Но эта крайняя точка зрѣнія и въ позитивномъ направленіи была лишь исключеніемъ. Трудно было закрывать глаза на дѣйствительность и не видѣть значительнаго развитія добровольнаго международнаго права. Особенно потрудились надъ разработкой позитивнаго международнаго права юристы Зёчъ, Рахель, Тексторъ, Бинкерсгукъ и Мозеръ.

Зёчъ [1]), несмотря на то, что въ числѣ источниковъ международнаго права, упоминалъ natura и ratio, долженъ, по справедливости, быть отнесенъ къ сторонникамъ положительнаго направленія [2]). Онъ опредѣлялъ международное право (jus inter gentes), какъ то право, которое осуществляется обычно въ отношеніяхъ между государями или суверенными государствами и кото-

---

[1]) Zouchäus (1590—1660), *Juris et judicii fecialis sive juris inter gentes et quaestionum de eodem explicatio*, London, 1650; см. Ompteda, *op. cit.*, стр. 249—252; Kaltenborn, *Kritik des Völkerrechts*, 1847, стр. 53—57; G. Scelle, *Zouch* въ *Fondateurs du dr. intern.*, 269—330 (подробное изложеніе доктрины Зёча).

[2]) Мнѣнія относительно этого расходятся. Омптеда считалъ, что Зёчъ раздѣлялъ международное право на 1) естественное, 2) основывающееся на молчаливомъ согласіи народовъ и 3) основывающееся на договорахъ и соглашеніяхъ народовъ (*op. cit.*, стр. 283). Противъ этого возражаетъ Кальтенборнъ, *op. cit.*, стр. 55, и въ существенныхъ чертахъ согласенъ съ Кальтенборномъ Scelle, *op. cit.*, 281 и 325. Объясняется эта контроверза неясностью опредѣленій у Зёча и тѣмъ, что онъ ссылается въ одномъ мѣстѣ на слова Гуго Гроція о natura, какъ источникѣ jus gentium. Онъ повторяетъ слова Гроція: Cum multi diversis temporibus ac locis idem affirmant, id ad causam universalem referri debeat, quae alia esse non potest, quam recta conclusio ex naturae principiis proveniens, aut communis aliquis consensus, et quibus illa jus naturae indicat, hic jus gentium Во всякомъ случаѣ очевидно, что и въ этомъ мѣстѣ Зёчъ понимаетъ подъ естественнымъ правомъ право необходимо дѣйствующее Къ этому онъ добавляетъ: Deinde praeter mores communes pro jure etiam inter gentes habendum est, in quod gentes singulae cum singulis inter se consentiunt, utpote per pacta, conventiones et foedera, cum communis rei publicae sponsio legem constituat, et populi universi non minus quam singuli suo consensu obligentur. Zouchäus, *Juris et judicii fecialis sive juris inter gentes .. explicatio*, pars 1, sect. 1.

рое въ силу нравовъ, согласныхъ съ разумомъ (moribus rationi congruis), принято большинствомъ націй какъ во время мира, такъ и на войнѣ [1]). Въ своемъ изложеніи Зёчъ имѣлъ дѣло исключительно съ положительнымъ международнымъ правомъ. Это не помѣшало ему быть сторонникомъ идеи международнаго суда, по крайней мѣрѣ, для сосѣднихъ народовъ [2]).

Творцомъ чисто позитивнаго направленія въ наукѣ международнаго права считается, не безъ основанія, Самуилъ Рахель [3]). Какъ всѣ писатели XVII и XVIII вв., Рахель признавалъ существованіе и дѣйствіе въ международной жизни естественнаго права; но особенностью его было то, что онъ, въ противоположность современнику своему Пуфендорфу, отрицавшему существованіе международнаго права, отличнаго отъ права естественнаго, различалъ рѣзко jus naturae и jus gentium, при чемъ это послѣднее право носило у него чисто позитивный характеръ; оно, по его воззрѣнію, основывается исключительно на согласіи народовъ, на международныхъ обычаяхъ и на договорахъ, заключенныхъ между государствами [4]). Хотя многія нормы международнаго права совпадаютъ съ естественно-правовыми [5]), иногда же ими дополняются, въ особенности во время войны [6]), однако онѣ существуютъ отдѣльно, какъ право, установленное волею народовъ [7]). Познается международное право изъ положительнаго изученія исторіи; цѣль этого права есть общая польза человѣчества [8]), созданію его способствуютъ усилившійся международный оборотъ и торговыя сношенія. Недостатокъ совре-

---

[1]) Zouchäus, *op. cit.*, sect. I, pars 1, § 1.

[2]) *Op. cit.*, sect. 1, pars 2.

[3]) Samuel Rachel (1628—1691), *De jure naturae et gentium dissertationes duae*, 1676; см. Ompteda, *op. cit.*, 276 и сл., Hinrichs, *op. cit.*, II, 145 и сл.

[4]) Rachel, *op. cit.*, II, § 16 (jus gentium est jus plurimum libertatum gentium pacto sive placito expressi aut tacite initum, quo utilitatis gratia sibi invicem obligantur).

[5]) *Op. cit.*, § 56.

[6]) *Op. cit.*, §§ 39, 40.

[7]) *Op. cit.*, §§ 84—105. Въ концѣ концовъ, точка зрѣнія Рахеля отличается отъ гроціановской только разницей въ словахъ; то, что Гроцій объединялъ общимъ названіемъ международнаго права, Рахель раздѣлилъ.

[8]) *Op. cit.*, § 38.

меннаго международнаго права —его неорганизованность, поэтому желательно созданіе постояннаго, верховнаго международнаго суда [1]).

Къ этому же позитивному направленію принадлежалъ и голландскій юристъ Бинкерсгукъ [2]). Бинкерсгукъ устанавливалъ двойное основаніе международнаго права, разумъ и обычай, но не въ томъ смыслѣ, что существуютъ двѣ раздѣльныя области международнаго права, естественная и положительная, а въ томъ, что нормы международнаго права суть обычаи, соблюдаемые народами въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и находящіе свое основаніе въ своей разумности. Разумъ есть основаніе положительнаго международнаго права; въ этомъ смыслѣ и надо понимать извѣстное выраженіе Бинкерсгука ratio est anima juris gentium [3]). «Если люди, говоритъ онъ, остаются людьми, т.-е. руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ разумомъ, то разумъ можетъ имъ предписать только извѣстныя положенія, которыя они должны соблюдать, какъ бы по взаимному согласію, и которыя, будучи установлены обычаемъ, возлагаютъ на народы взаимное обязательство, безъ чего нельзя было бы представить себѣ ни войны, ни мира, ни союзовъ, ни посольствъ, ни международой торговли» [4]). Основываясь на предполагаемомъ молчаливомъ согласіи народовъ, нормы международнаго права теряютъ свою силу въ томъ случаѣ, если данный народъ заявляетъ, что онъ не даетъ на нихъ своего согласія. «Международное право есть лишь презумція, основывающаяся на обычаѣ; а всякая презумція теряетъ свою силу съ того момента, какъ обнаружена воля, противоположная той, которая предполагалась... Воля, явно обнаруженная, исключаетъ вся-

---

[1]) *Op. cit.*, § 119—121. Объ этомъ ниже. Къ позитивному направленію причисляется и Іоганъ Тексторъ, который однако, хотя и выдѣлялъ позитивное международное право въ особую сферу, вносилъ въ изученіе этого послѣдняго значительный и естественный элементъ. Iohann Textor (1637—1701), *Synopsis juris gentium*, 1680; см. Ompteda, *op. cit.*, стр. 289 и сл.

[2]) Bynkershoek (1673—1743), *De dominio maris*, 1702; *Quaestiones juris publici*, 1737 (книга 1-я: *De rebus bellicis*) и *De foro legatorum*, 1721; см. Delpech, *Bynkershoek* въ *Fondateurs du dr. intern.*, 385 — 446, особ. стр. 388 и сл.; см. также Wheaton, *op. cit.*, I, 244—249, 290—317 (подробное изложеніе трактата Бинкерсгука *De foro legatorum*).

[3]) Ср. Kaltenborn, *Kritik des Völkerrechts*, 97—100.

[4]) Bynkershoek, *De foro legatorum*, c. III, § 1—2; ср. *Quaest. jur. pub.*, l. I, c. 10.

кую молчаливую волю, противоположную ей; и международное право имѣетъ мѣсто лишь между тѣми, которые ему подчиняются въ силу молчаливаго соглашенія» [1]).

Зечъ, Рахель, Бинкерсгукъ являлись сторонниками позитивнаго направленія, несмотря на то, что говорили о природѣ и о разумѣ, какъ источникахъ международнаго права, такъ какъ ближайшіе источники этого права они искали въ положительныхъ межгосударственныхъ обычаяхъ, которые, правда, въ свою очередь признавались потому, что они согласны съ природой и разумомъ; такимъ образомъ естественное право и положительное право являлось у нихъ не различными сферами, а само положительное международное право объявлялось естественнымъ.

Однако нѣкоторые писатели отказались и отъ такого допущенія естественнаго права и признали лишь нормы положительнаго, свободно установленнаго права. Блюнчли очень мѣтко называетъ это направленіе эмпирическимъ реализмомъ. Такъ Іоганнъ Мозеръ [2]) заявлялъ, что онъ не признаетъ ни схоластическаго международнаго права, основывающагося на примѣненіи естественной юриспруденціи, ни философскаго международнаго права, созидаемаго на нѣкоторыхъ фантастическихъ понятіяхъ о человѣческой природѣ, ни политическаго международнаго права, предлагающаго различные проекты для урегулированія международной жизни. Мозеръ признавалъ только позитивное и практическое международное право, какъ оно въ дѣйствительности примѣняется между государствами.

Вполнѣ позитивное право видѣлъ въ нормахъ, регулирующихъ международныя отношенія, и Юмъ [3]). Общественная польза есть истинная норма права и справедливости. Законы справедливости зависятъ вполнѣ отъ тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ

---

[1]) *Op. cit.*, c. XIX, § 7.

[2]) J. Moser, (1701—1785), *Versuch des neuesten europäischen Völkerrechts in Friedens— und Kriegszeiten*, 10 Bände, 1777—1780 и громадное количество другихъ сочиненій этого одного изъ самыхъ плодовитыхъ ученыхъ. См. Landsberg, *Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft*, 315—330, библіографическія указанія въ приложеніи, стр. 212—217. Сюда же можно причислить Фридриха Мозера и Пюттера.

[3]) David Hume, *The philosophical works*, 4 тома, Edinburgh, 1826 и франц. переводъ *Oeuvres philosophiques*. 7 томовъ. Paris. 1788. Ср. A. Schatz, *L'oeuvre économique de David Hume*, P. 1902, стр. 70—1.

находятся люди [1]). То же относится и къ международному праву. Лишь интересъ влечетъ народы къ установленію и соблюденію международнаго права [2]). Человѣческій родъ не могъ бы существовать безъ всеобщей ассоціаціи между индивидами; между народами существуетъ экономическая солидарность: благосостояніе одного зависитъ отъ благосостоянія другого; въ силу этого между народами должна быть полная свобода торговли [3]).

Позитивное направленіе сохранило свое вліяніе въ наукѣ международнаго права до сихъ поръ; имъ отвергается въ правѣ всякій естественно-правовой или философско-критическій элементъ, и наука международнаго права ограничивается изученіемъ одного положительнаго матеріала, извлекаемаго изъ трактатовъ и обычаевъ [4]).

Историческая школа и идея всемірнаго права.

Въ нашъ планъ не входитъ разсмотрѣніе исторіи идеи всемірнаго права въ XIX вѣкѣ. Можно указать лишь основныя этапы этой исторіи. Различныя направленія въ правѣ съ разныхъ сторонъ утверждали эту идею; однако одно изъ нихъ, повидимому, отрицало самую идею всемірнаго права; мы разумѣемъ историческую школу; однако и она не была вполнѣ послѣдовательна въ этомъ направленіи. Хотя вопросъ о ней и выходитъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія, однако онъ стоитъ того, чтобы на немъ, хотя мелькомъ, остановиться [5]).

---

[1]) *Enquiry concerning the principles of morals*, sect. 3 или *Recherches sur les principes de la morale*, sect. 3 (*Oeuvres*, V, стр. 40 и сл.). Ср. *Treatise upon human nature*, III, 2, § 2.

[2]) *Enquiry concerning the principles of morals*, sect. 4.

[3]) *Sur la balance du commerce* (*Collection des principaux économistes*, ed. Guillaumin, 1847, XIV, 86 и сл.) и *Essai sur la jalousie commerciale* (*ibid.*, стр. 99 и сл.). Ср. A. Schatz, *L'oeuvre économique de David Hume*, Paris, 1902, 61 и сл., 148, 150, 252—3; Lechartier, *David Hume, moraliste et sociologue*, Paris, 1900, стр. 72, 175 и сл.

[4]) См., напр. Gareis, *Institutionen des Völkerrechts* (1888), стр. 19, 37; Bulmerincq, *Theorie und Praxis des Völkerrechts*, § 7.

[5]) Прекрасная книга проф. Новгородцева объ *Исторической школѣ юристовъ* (1896) даетъ много интересныхъ замѣчаній о развитіи идеи всемірнаго права у юристовъ историческаго направленія. Большая часть содержанія книги проф. Новгородцева посвящена, изслѣдованію того, какимъ образомъ съ самаго начала историческая школа принуждена была отказаться отъ исключительно національнистической точки зрѣнія и въ заключеніе пришла къ универсалистическимъ идеямъ. Мы въ широкой степени воспользовались для ближайшихъ послѣдующихъ строкъ о Гуго, Савиньи и Пухтѣ выводами этой книги.

Уже у Густава Гуго, одного изъ основателей исторической школы, можно найти «признаніе высшаго идеала права, въ видѣ правового общенія всѣхъ народовъ и всѣхъ лицъ въ предѣлахъ каждаго народа, что должно привести къ прекращенію разногласій и къ водворенію всеобщаго мира» [1]).

Даже Савиньи, какъ указываетъ проф. Новгородцевъ, не удалось провести вполнѣ идеи объ исключительно національномъ образованіи права, и даже онъ принужденъ былъ допустить извѣстную связь національнаго правообразованія съ общечеловѣческимъ. Это настроеніе сказалось у него довольно сильно въ его *Системѣ современнаго римскаго права*. «Въ отдѣльномъ народѣ проявляется общечеловѣческій духъ, обнаруживающійся въ немъ въ индивидуальныхъ очертаніяхъ» [2]). За національнымъ элементомъ права не слѣдуетъ забывать элемента общечеловѣческаго. Всякое національное право имѣетъ высшее призваніе осуществить нравственное назначеніе человѣка, какъ оно опредѣляется христіанской религіей. Всякое право возникаетъ изъ дѣйствительнаго, а не возможнаго только общенія людей, а такъ какъ такое общеніе существуетъ въ данное время въ предѣлахъ отдѣльныхъ народовъ, то дѣйствительное право можетъ быть пока лишь національнымъ. Національный элементъ самъ по себѣ однако узокъ и несовершененъ; но съ теченіемъ времени онъ можетъ воспринять общія начала и соотвѣтственно расшириться [3]). Согласно этому, общечеловѣческое общеніе должно создать и общечеловѣческое право. Проф. Новгородцевъ отмѣчаетъ, что Савиньи въ концѣ концовъ долженъ былъ объявить общечеловѣческія задачи права высшимъ моментомъ, расширяющимъ узкія рамки національнаго развитія и вмѣсто первоначальнаго ученія объ органическомъ самораскрытіи національнаго духа, прійти къ болѣе сложной теоріи, которой не чуждо было даже гегеліанское понятіе о примиреніи противоположностей въ высшемъ единствѣ [4]).

---

[1]) *Philosophie des. pos. Rechts* (1819), стр. 103—104, 116 и сл., 134 и сл.; цит. у П. Новгородцева, *Историческая школа юристовъ*, стр. 49.

[2]) *System des heutig. röm. Rechts*, 20—21; Новгородцевъ, *op. cit.*, 95—96.

[3]) *Op. cit.*, 53—56; Новгородцевъ, *op. cit.*, 96—97.

[4]) Новгородцевъ, *op. cit.*, стр. 97.

У Пухты идеи космополитическаго образованія права проявляются гораздо сильнѣе, чѣмъ у Савиньи. Онъ допускаетъ мысль о всемірной исторіи, связывающей всѣ народы въ единое цѣлое. Наряду съ индивидуальными чертами въ направленіи и взглядахъ народовъ сказываются и общія начала, свидѣтельствующія о принадлежности ихъ къ высшему цѣлому [1]). «Для каждаго народа приходитъ время, когда онъ, разрывая рамки національнаго сознанія, открываетъ доступъ общимъ воззрѣніямъ и началамъ» [2]). «Процессъ развитія права совершается черезъ все человѣчество. Каждый народъ есть членъ великой цѣпи, связующей далеко ушедшее начало нашей эпохи съ ея грядущимъ концомъ» [3]).

Никто такъ ярко не выдвинулъ слабостей старой исторической школы, проистекавшихъ именно изъ недостаточнаго пониманія универсалистическаго идеала, какъ Іерингъ. Онъ далъ слѣдующую мѣткую характеристику отношеній между доктриной естественнаго права и исторической школой. Подъ впечатлѣніемъ универсализма современнаго развитія естественное право провозгласило свою теорію всеобщности права, независимо отъ времени и мѣста. Даже не желая сверхъ мѣры превозносить научную цѣнность трудовъ сторонниковъ естественнаго права, можно утверждать, что эта тенденція естественнаго права настолько же соотвѣтствовала направленію современной исторіи, насколько ей противна была тенденція исторической школы, когда послѣдняя исключительно выдвигала національный принципъ. Далекое отъ того, чтобы забывать запросы своего времени и игнорировать окружающія обстоятельства, естественное право, въ сущности, было лишь идеализаціей существующаго положенія вещей. Оно стремилось научно формулировать и оправдать реально существовавшія общность и универсальность новѣйшаго права. Но вмѣсто того, чтобы призвать себѣ на помощь исторію, оно поворачивало ей спину, и историческая школа была вполнѣ права, когда боролась противъ этой тенденціи естественнаго права. Но она совершала въ свою очередь ошибку, когда отожествляла понятіе исторіи и національности и провозглашала эту послѣднюю

---

[1]) *Institutionen*, § 83. См. Новгородцевъ, *op. cit.*, 108.

[2]) *Die Quellen des röm. Rechts.*

[3]) *Inst.*, § 9. Римское право есть всеобщее право цивилизованныхъ націй, есть всемірное право. Ср. Новгородцевъ, *op. cit.*, 109.

единственнымъ источникомъ юридическаго развитія. Эта ошибка опровергнута самой исторіей, на которой эта школа имѣетъ претензію базироваться. Пока наука не рѣшится разсматривать идею универсальности, какъ эквивалентъ идеи національности, до тѣхъ поръ она останется безсильной понять міръ, въ которомъ она сама живетъ.

Іерингъ вообще высказывается за безусловное превосходство идеи универсализма. «Двѣ идеи раздѣляютъ всемірную исторію права на двѣ вполнѣ отличныя эпохи. Это—идеи національности и универсальности. На Востокѣ, въ древности, право развивается на національной почвѣ. Нѣтъ исторіи *права*, есть лишь исторія *правъ*. Въ современномъ мірѣ, наоборотъ, исторія пріобрѣтаетъ болѣе возвышенный ходъ: она дѣлается дѣйствительно исторіей права. Отдѣльныя права перестаютъ существовать рядомъ, не задѣвая другъ друга; они перекрещиваются, соединяются въ одну общую ткань, основу которой образуютъ римское и каноническое права. По сравненію со всемірной исторіей права, какими ничтожными должны казаться всѣ эти національныя права, настоящіе научные преграды, стремящіеся съ ихъ положительными регламентами, съ ихъ жалкими опытами приспособить къ тѣсному кругу территоріи небольшой страны проблему, которую такъ величественно разрѣшило римское право для всего міра! Нынѣ наряду съ римскимъ и каноническимъ правомъ возникаетъ въ общинѣ человѣчества рядъ учрежденій, вопросовъ и проблемъ, надъ которыми работаетъ общая мысль и дѣятельность всѣхъ народовъ: феодальный режимъ, обмѣнъ, торговое и морское право; вопросы изъ права наказанія: уничтоженіе пытки, смертной казни; уничтоженіе крѣпостного права; соціальные, политическіе, церковные и международные вопросы, и сколько еще другихъ! Какъ ни коротокъ историческій періодъ, протекшій съ начала этой новой фазы исторіи права до нашихъ дней, не очевидно ли уже въ данный моментъ, что для него характерна *идея универсальности*, что эта идея составляетъ лозунгъ современной эпохи права». Жизнь народовъ не представляетъ изъ себя сосуществованія изолированныхъ существъ: подобно жизни индивидовъ въ государствѣ она является жизнью коллективнаго цѣлаго. Она составляетъ гигантскій обмѣнъ, охватывающій всѣ стороны человѣческаго существованія. Законъ физическаго міра есть также законъ и міра

духовнаго; жизнь составляется изъ воспріятія вещей извнѣ и ихъ внутренняго усвоенія; рецепція и ассимиляція суть двѣ основныя функціи, присутствіе и равновѣсіе которыхъ суть условія существованія и жизненности всякаго живого организма. Поставить препятствіе къ доступу вещей извнѣ, осудить организмъ на развитіе извнутри значитъ его убить. Всякій народъ существуетъ также и для другихъ, и всѣ остальные народы имѣютъ право быть съ нимъ въ сношеніи. Законъ раздѣленія труда регулируетъ также и жизнь народовъ. Никакая почва не производитъ всего, никакой народъ не можетъ всего. Совершенство проявляется лишь въ совокупности, въ общности, въ коллективности. Географическія, естественныя и духовныя неравенства въ достояніи народовъ уравниваются благодаря обмѣну матеріальныхъ и духовныхъ продуктовъ; вслѣдствіе этого обмѣна, скупость природы побѣждается, и идея абсолютной справедливости осуществляется во всемірной исторіи. Сказать, что каждый народъ имѣетъ для себя одного то, чѣмъ онъ владѣетъ и что онъ производитъ, такъ же вѣрно и такъ же ложно, какъ подобныя же утвержденія относительно индивида. Исторія позаботилась привить народамъ ту истину, что не существуетъ абсолютной, т.-е. независимой отъ общины, собственности. Когда какой-нибудь народъ выказываетъ себя неспособнымъ утилизировать почву, которой его надѣлила природа, онъ долженъ уступить мѣсто другому. Земля въ рукахъ того, кто умѣетъ ее культивировать. Обмѣнъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ есть не только вопросъ интереса, зависящій отъ свободной воли народовъ, это право и долгъ. Отказъ въ исполненіи этого долга равнозначущъ возстанію противъ естественнаго порядка, неповиновенію приказамъ исторіи. Изолирующійся народъ совершаетъ преступленіе не только противъ самого себя,—такъ какъ онъ лишаетъ себя средства усовершенствовать свое воспитаніе,—но онъ виновенъ въ несправедливости по отношеніи къ другимъ народамъ. Изолированіе есть уголовное преступленіе, такъ какъ верховный законъ исторіи есть общеніе. Народъ, отклонившій идею соприкосновенія съ чужеземной цивилизаціей, т.-е. воспитанія исторіей, тѣмъ самымъ теряетъ право на существованіе. Міръ имѣетъ право на его паденіе [1]). Таково пониманіе Іерингомъ международнаго общенія; оно, разумѣется, непримиримо съ оправданіемъ идеи государствен-

наго суверенитета: надъ волей, надъ интересами, надъ цѣлью отдѣльнаго государства стоитъ высшая воля, высшій интересъ и цѣль всей общины государствъ, всего человѣчества [2]).

Раціонализмъ и историзмъ въ правѣ.

Изъ этой длинной исторіи идеи естественнаго и всемірнаго права, въ которой боролись этическія, историческія и раціоналистическія точки зрѣнія, мы выносимъ то драгоцѣнное указаніе, что для того, чтобы построить систему права дѣйствительно послѣдовательную и адэкватную жизни, въ правѣ логически слѣдуетъ дифференцировать его различныя части.

Прежде всего слѣдуетъ отличать разумное право (jus rationale). Это—мыслимое право или право, отвѣчающее своей сущности; это—правовая система, сведенная разумомъ къ единой высшей идеѣ, право, какимъ оно должно быть, въ силу требованій философскаго разума. Какова эта высшая идея, еще не предрѣшается: она можетъ быть теоретическаго или нравственнаго, каузальнаго или телеологическаго характера; вопросъ рѣшается общимъ міросозерцаніемъ [3]); не предрѣшается также, дѣйствующее ли это право въ какомъ-нибудь отношеніи или нѣтъ. Это чисто умозрительное право, которое можетъ даже нигдѣ не существовать въ жизни; оно—не право положительное: если нормы разумнаго права дѣйствительно

---

[1]) *Geist des römischen Rechts*, I (2 изд.), § 1.

[2]) Самъ Іерингъ, повидимому, имѣлъ имперіалистическія идеи о международной организаціи. „Jeder lebenskräftige Staat hat den Trieb sich geographisch zu erweitern, er hat ihn in demselben Maasse, in dem die gesellschaftliche Idee in ihm lebendig wird". Стремленіе государствъ къ расширенію есть протестъ общества противъ географическаго ограниченія, поставленнаго ему требованіями общественнаго принужденія. До сихъ поръ не было на землѣ ни одной эпохи, когда это стремленіе къ расширенію не проявлялось бы въ каждомъ жизнеспособномъ народѣ. Кто скажетъ, принесетъ ли отдаленное будущее измѣненіе? Если небольшому промежутку времени, прожитому до нынѣ человѣчествомъ, предстоитъ завершеніе въ безконечномъ времени, то будущее человѣческаго рода лежитъ во все болѣе прогрессирующемъ сближеніи между государствомъ и обществомъ, пока государство не распространится на весь земной шаръ. „Die Zukunft des Menschengeschlechts liegt in der immer weiter fortschreitenden Annäherung zwischen Staat und Gesellschaft, bis Hand in Hand mit der Gesellschaft auch der Staat sich über den ganzen Erdball erstreckt" Jhering, *Der Zweck im Recht*, I (1 изд. 1877), стр. 309.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что это раціональное право нисколько не можетъ быть противополагаемо философскому позитивизму, какъ это иногда ошибочно дѣлается. Можно быть убѣжденнымъ въ относительности человѣческаго знанія,

осуществляются въ жизни, то это—нормы положительнаго права, совпадающія по своему содержанію съ разумнымъ правомъ. Системы права у Руссо и Канта были именно системами разумнаго права. Это право можно, пожалуй, назвать также естественнымъ правомъ, потому что оно соотвѣтствуетъ естеству, природѣ, сущности права. Такъ какъ оно выводится не изъ природы человѣка, а изъ разума, то для него, какъ мы уже неоднократно указывали, не нужно предполагать какого-то естественнаго состоянія людей. Разумное право не есть право дѣйствующее среди людей, живущихъ въ естественномъ состояніи; поэтому оно не есть право, дѣйствующее въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, даже если и полагать, что государства живутъ между собою въ естественномъ состояніи. Этимъ объясняется, почему у Канта и послѣ Канта это право отдѣлилось отъ международнаго права, что, какъ мы уже говорили, привело къ захирѣнію теоріи международнаго права. Въ разумномъ правѣ, въ свою очередь, слѣдуетъ различать право, открываемое разумомъ изъ разсмотрѣнія эмпирической дѣйствительности (существуютъ законы, необходимыя отношенія, разумъ ихъ познаетъ и создаетъ на основаніи ихъ систему разумнаго права,—таково марксистское пониманіе исторіи и соціальныхъ законовъ) и нутренне-обоснованное право (Руссо, Кантъ). Отъ права разумнаго слѣдуетъ отличать право естественное въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. право, соотвѣтствующее природѣ человѣка; въ немъ нужно дифференцировать нравственное, идеальное право (право нравственно сознаваемое людьми, напр., естественные законы Гоббеса — pax quaerenda est, pacta sunt servanda, или требуемое высшей волей естественное право въ смыслѣ Пуфендорфа, сюда относятся jus divinum и jus naturale, quod natura omnia animalia docuit) и всеобщее, общечеловѣческое право, т.-е. право, quod peraeque custoditur; это тотъ элементъ положительнаго права, который пользуется всеобщимъ признаніемъ. На ряду съ правомъ разумнымъ и естественнымъ слѣдуетъ признавать положительное

отрицать всякія метафизическія предпосылки и въ то же время строить систему относительно разумнаго права. Всякая соціологическая система есть, въ концѣ концовъ, попытка построить систему разумнаго и, слѣдовательно, естественнаго права; это мы видимъ и у Конта и у Спенсера и у новѣйшихъ соціологовъ-позитивистовъ, въ родѣ Дюркгейма, Дюги и т. д.

право (jus positivum), т.-е. право дѣйствующее, которое въ свою очередь можетъ быть или естественнымъ правомъ, если ему приписывается положительное значеніе (напр. jus divinum, jus naturale у многихъ представителей прежней естественной школы), или jus commune gentium, или jus voluntarium.

Такимъ образомъ въ отношеніи къ дѣйствительности права, jus rationale противопоставляется jus positivum, а въ отношеніи къ источнику права, jus necessarium, divinum или jus naturale противополагаются jus voluntarium, humanum или jus officiale. Въ исторіи часто jus naturale пріобрѣтало значеніе и jus rationale и jus necessarium, а jus positivum значеніе voluntarium и officiale. Идеаломъ является сліяніе, совпаденіе всѣхъ этихъ видовъ въ одномъ jus perfectum, которое было бы не только разумнымъ, но и дѣйствующимъ, не только необходимымъ, но и свободно принятымъ, не только установленнымъ человѣческими союзами, но и отвѣчающимъ человѣческой природѣ (таковой стремилась быть система права Гегеля).

XIX вѣкъ принесъ, главнымъ образомъ, идею историческаго развитія права. Историческое пониманіе права стремится сравнять законы соціальные съ законами природы. Задача юриспруденціи формулировать не приказы, а, изучая законы (т.-е. отношенія) общественной жизни, ихъ обнаруживать. Отдѣльный человѣкъ свободенъ въ выборѣ и потому можетъ дѣйствовать вопреки необходимымъ законамъ общественной жизни, но онъ будетъ въ этомъ случаѣ не свободнымъ, а рабомъ (гегеліанская идея о свободѣ, марксистское пониманіе соціальныхъ законовъ, Контъ и соціологія, историческое пониманіе законовъ необходимости). Несомнѣнно, между историческимъ и этическимъ существуетъ конфликтъ: не все необходимое—желательно; разумѣется, абсолютно необходимое—желательно, утверждать противное значило бы признать безсмыслицу міра и отвергнуть цѣнность жизни. Но абсолютно необходимое намъ не доступно, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи человѣческаго знанія; научное же изученіе внѣшней природы и политической жизни открываетъ намъ извѣстные законы, постоянныя отношенія; этими законами человѣкъ можетъ пользоваться, какъ законами природы, для своихъ цѣлей. Но безъ знанія абсолютно необходимаго мы

изъ разсмотрѣнія законовъ причинности не откроемъ основной цѣли: цѣль привносится нами, она служитъ тому, что мы пользуемся открытыми нами законами, какъ средствами; благодаря ей, напримѣръ, мы, видя въ жизни факты и вражды и солидарности, кладемъ въ основу этики и юриспруденціи эти послѣдніе. Расширеніе нашего познанія законовъ исторической необходимости все болѣе суживаетъ нашъ произволъ въ постановкѣ цѣлей и въ выборѣ средствъ. Законы природы и законы этическіе стремятся къ сліянію, разумное право къ праву положительному.

ГЛАВА VIII.

Основные принципы теоріи международнаго права.

Въ предшествующихъ главахъ мы прослѣдили длинную исторію идеи всемірнаго права. Мы видѣли, какъ постепенно изъ общенароднаго права она превращалась въ международное право, и какъ мало-по-малу проникали въ нее черты права человѣчества.

Источникъ международнаго права.

Изслѣдованіе природы международнаго права должно особенно подтвердить, что нельзя построить логически стройной системы права, регулирующаго отношенія государствъ, иначе, какъ допустивши что источникомъ этого права является авторитетъ всего человѣчества, какъ коллективнаго цѣлаго, или, какъ обыкновенно выражаются, международнаго союза или общенія государствъ.

Источниками объективнаго права не можетъ быть самъ субъектъ права: факторомъ права, обязывающаго субъекта права, должно быть нѣчто стоящее надъ нимъ. Это положеніе столь же справедливо для международнаго права, какъ и для гражданскаго. Напрасны и заранѣе обречены на неудачу всякія попытки вывести положительный характеръ международнаго права изъ воли или суверенитета отдѣльнаго государства. Источникомъ международнаго права ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть воля или авторитетъ государства [1]). Это неоспоримо по отношенію къ чисто національному законодательству: одно государство, разумѣется, не можетъ предписывать нормъ права, обязательныхъ для другихъ государствъ; нѣтъ государства, которое имѣло бы подобный авторитетъ; всегда государства равны между собой, въ своей независимости другъ отъ друга; изъявленіе воли одного государства ничего, кромѣ національнаго права, создать не можетъ.

---

[1]) Какъ это утверждалъ, напр., Bergbohm, *Staatsverträge* ..., стр. 19, 39, 60, 89 и др.

Все это столь очевидно и такъ общепризнано, что никакихъ особыхъ доказательствъ и не требуетъ. Болѣе споренъ вопросъ о томъ, не можетъ ли международное право быть выведено изъ международнаго договора отдѣльныхъ государствъ, при чемъ была бы устранена необходимость существованія высшаго авторитета международнаго союза, какъ источника обязательнаго характера международнаго права. Нѣкоторые [1]) предполагаютъ, что можно, не признавая верховной власти всей общины государствъ, приписать международнымъ договорамъ правотворческую силу, ибо въ нихъ участвуютъ сами государства и, слѣдовательно, они сами являются творцами права. Такое утвержденіе покоится на чистомъ недоразумѣніи. Создаваемое договоромъ право, если государства, заключающія договоръ, не являются органами высшаго цѣлаго, будетъ только механически сложенное высшее государственное право; самое большее этимъ путемъ можетъ быть достигнуто случайное общенародное право, а ни въ какомъ случаѣ не право *обязательное* для отдѣльнаго государства. Утверждать это все равно, что полагать, будто въ государствѣ норма, установленная соглашеніемъ гражданъ, имѣетъ своимъ источникомъ волю отдѣльныхъ гражданъ, а не авторитетъ всего государства, какъ цѣлаго. Наконецъ, договорное образованіе нормъ международнаго права является лишь видомъ законодательства. Законъ же въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣтъ прочно организованной законодательной организаціи, играетъ роль второстепенную, и преимущество принадлежитъ обычаю. По отношенію же къ обычаю нельзя утверждать, что источникомъ обычной нормы является воля отдѣльнаго государства, какъ она проявилась въ международномъ соглашеніи. Источникомъ международнаго обычнаго права является авторитетъ той общественной среды, въ которой оно образуется, т.-е. международнаго союза человѣчества.

Пустымъ софизмомъ, уже достаточно по достоинству оцѣненнымъ въ научной литературѣ, является попытка объяснить обязательную силу международныхъ договоровъ (при отрицаніи верховной власти человѣчества, какъ цѣлаго) посредствомъ юридическаго значенія самообязыванія государства. Къ этому, какъ извѣстно, сводятся воззрѣнія Еллинека [2]). По мнѣнію этого писателя, между-

[1]) Напримѣръ, Nippold, *Der völkerrechtliche Vertrag*, Berne, 1894.

[2]) Jellinek, *Die rechtliche Natur der Staatenverträge* (1880), 9 и сл.;

народное право существуетъ, но оно не можетъ быть выведено изъ какого-нибудь источника, стоящаго надъ отдѣльными государствами, такъ какъ нѣтъ международной власти. «Государство, будучи членомъ международнаго общенія, признаетъ себя связаннымъ нормами международнаго права, не подчиняясь однако тѣмъ самымъ какой-либо высшей власти». «Всѣ попытки вывести обязательность международнаго права изъ какого-либо стоящаго надъ государствами правового источника были и неизбѣжно будутъ безуспѣшны, какъ бы часто къ нимъ не возвращались. Ибо формально право можетъ быть дедуцируемо только изъ волевыхъ отношеній: обязательность волевыхъ актовъ въ зависимости отъ другихъ волевыхъ актовъ. Государство есть членъ общенія государства. Если бы воля послѣдняго творила право, то оно должно было бы быть общеніемъ, которое само обладало бы единой, стоящей надъ государствами волей; но это значило бы признать въ новой формѣ старое представленіе о civitas maxima и отвергнуть весь историческій процессъ, приведшій къ признанію суверенитета» [1]). Международное право возникаетъ изъ признанія государства себя связаннымъ международнымъ правомъ. Признаніе это проявляется, какъ самоограниченіе воли государствъ [2]). Международное право есть анархическое право. Оно регулируетъ не отношенія властвованія и подчиненія, а является правомъ между координированными элементами [3]).

Коренной недостатокъ теоріи самообязыванія государства, какъ основанія международнаго права, въ томъ, что этимъ дается волѣ неразрѣшимая задача изъ самой себя, изъ своего субъективнаго міра, создать объективное ограниченіе. Мы уже касались недостатковъ теоріи, которая видитъ въ юридическомъ творчествѣ исключительно моментъ дѣятельности воли. Теорія самообязыванія воли является самой неудачной изъ всѣхъ волевыхъ теорій. Право, исключительно основывающееся на свободномъ самообя-

---

Lehre von den Staatenverbindungen, 31 и сл.; *System der subjectiv. öffent. Rechte*, 184 и сл., 222 и сл.

[1]) Еллинекъ, *Право современнаго государства*. Спб. 1903. стр. 315—316; ср. стр. 244.

[2]) *Op. cit.*, стр. 243, 315—317.

[3]) *Op. cit.*, стр. 243, 245.

зываніи воль отдѣльныхъ государствъ, было бы одной химерой; каждое изъ государствъ оставалось бы господиномъ этого права; съ момента его отказа, это право не существовало бы для него. Объявленіе договора «вѣчнымъ» ничего бы въ этомъ не измѣнило; разъ связывающая сила договора зависитъ отъ самого контрагента, онъ воленъ отъ него отказаться въ любой моментъ. Такое право было бы не порядкомъ, а анархіей.

Нѣсколько ближе къ правильной точкѣ зрѣнія подошелъ Трипель [1]), который видитъ источникъ международнаго права не въ единичной волѣ государства, а въ соглашеніи, въ соединеніи (Vereinbarung) воль государствъ [2]). Это соглашеніе не является однако выраженіемъ *общей воли*, а лишь выраженіемъ согласно направленныхъ *отдѣльныхъ воль* [3]). «Поэтому, говоритъ Трипель, нельзя понимать юридическія нормы, какъ изъявленіе воли общенія государствъ (Staatengemeinschaft) или системы государствъ, составленной изъ государствъ и иногда представляемой въ видѣ союза (Verein) или даже единства». По мнѣнію Трипеля, на этомъ основаніи покоится идея civitas maxima. Въ основѣ такого пониманія лежитъ мысль, хотя иногда и не высказываемая опредѣленно, что всякое юридическое положеніе должно истекать изъ спеціальнаго волевого акта особой и отъ отдѣльныхъ воль отличной общей воли. Однако изъ такого пониманія международнаго права, какъ значащаго не надъ государствами, а между государствами, Трипель не дѣлаетъ, подобно Бергбому, вывода, что международное право не имѣетъ силы надъ государствами. «Я не могу признать, говоритъ онъ, чтобы международное право не было силой надъ государствами въ томъ же смыслѣ, какъ всякое государственное право есть сила надъ подданными. Если бы оно не было таковымъ, оно не было бы международнымъ правомъ» [4]). Трипель готовъ даже итти на пересмотръ понятія суверенитета, если оно, дѣйствитель-

---

[1]) H. Triepel. *Völkerrecht und Landesrecht*, Leipzig, 1899.

[2]) *Op. cit.*, 63—74.

[3]) *Op. cit.*, 76. Однако на стр. 79 Трипель утверждаетъ: „Im Völkerrechtssatze tritt eben dem Staate nicht nur sein eigener Wille, sondern ein *Gemeinwille* entgegen, der durch das *Zusammenwirken* mit anderen Staatswillen entstanden ist".

[4]) *Op. cit.*, 76.

но, противорѣчитъ власти международнаго права надъ государствами Теорія Трипеля, несомнѣнно, страдаетъ непримиримыми противорѣчіями, на которыя очень тонко указалъ уже Еллинекъ [1]). Международное право есть или изъявленіе индивидуальной воли государства или изъявленіе общей воли; отрицая первое, Трипель долженъ принять второе и признать международное право изъявленіемъ воли общенія государства; не дѣлая этого, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что нельзя обосновать международнаго права на авторитетѣ отдѣльнаго государства. Международные договоры всегда заключаются съ сознаніемъ ихъ обязательности для контрагентовъ; въ основѣ ихъ лежитъ норма объективнаго права, предписывающая соблюденіе договоровъ (pacta sunt servanda). Эта норма носитъ не только умозрительный характеръ раціональнаго права, но и является всюду сознаваемой и признаваемой нормой дѣйствующаго положительнаго права. Источникомъ этой нормы можетъ быть авторитетъ лишь всего цивилизованнаго человѣчества, понимаемаго, какъ единое цѣлое. Международные договоры создаютъ лишь субъективныя притязанія въ предѣлахъ объективнаго международнаго права. Если признать, что человѣчество, какъ таковое, не будучи юридически организованнымъ, не имѣетъ способовъ создавать международнаго права, то надо присоединиться къ отрицателямъ международнаго права. Вполнѣ логично поэтому поступаютъ тѣ, кто, признавая государственную власть высшей суверенной властью, существующей на землѣ, отрицаютъ власть человѣчества, отрицаютъ и какое бы то ни было международное право, допуская существованіе лишь національнаго, внѣшне-государственнаго права.

Источникъ международнаго права и основаніе его обязательности лежитъ въ авторитетѣ человѣчества, какъ союза цивилизованныхъ народовъ, и въ признаніи этого авторитета со стороны государствъ. Способомъ правотворчества и источникомъ познанія нормъ международнаго права являются международный обычай и международный договоръ; этотъ послѣдній, когда онъ направленъ

---

[1]) *Право современнаго государства*, стр. 316.

на созданіе не субъективныхъ притязаній, а нормъ объективнаго права, является договоромъ лишь по формѣ, а по содержанію это есть настоящій законодательный актъ, имѣющій непосредственное дѣйствіе для внутренне-государственныхъ правоотношеній [1]).

Субъектами международнаго права являются не только государства, но и отдѣльные общественные классы и даже индивиды, и международное право не есть только междугосударственное право, но и право, охраняющее общечеловѣческіе интересы [2]). Это естественно вытекаетъ изъ того, что международное право есть право человѣчества; такъ право федераціи обнимаетъ отношенія не только между союзными штатами, но и между отдѣльными лицами, входящими въ составъ федеративнаго союза.

Государственная власть связана международно-правовыми нормами какъ формально, такъ и матеріально; въ этомъ отношеніи сказывается извѣстное превосходство, преимущество международнаго права надъ государственнымъ: формальная обязательность, т.-е. обязанность выполнять правовыя нормы, пока онѣ дѣйствуютъ, независимо отъ ихъ содержанія и отъ того, можно ли ихъ измѣнять или нѣтъ, существуетъ какъ для нормъ международнаго права, такъ и для нормъ права государственнаго; матеріальная же обязательность, т.-е. обязательность правовыхъ нормъ именно извѣстнаго содержанія, существуютъ лишь для международнаго права. Государственно-правовыя положительныя нормы могутъ быть отмѣнены волею государства; нормы международно-правовыя находятся внѣ его произвола. Другими словами, международное право обязательно не только для органовъ государственной власти, но и для самого государства. Въ силу этого, нормы международнаго права суть нормы

---

[1]) Совершенно правильно говоритъ Бирлингъ: „Современные международные договоры, хотя бы они назывались соглашеніями или даже „деклараціями“ извѣстныхъ международныхъ принциповъ, являются не только голымъ обмѣномъ мнѣній, простымъ констатированіемъ общности извѣстныхъ воззрѣній, а скорѣе выраженіемъ общаго хотѣнія, выраженіемъ требованій, которыя государства ставятъ другъ другу, и соотвѣтствующихъ обязательствъ, которыя они признаютъ другъ за другомъ“. Bierling, *Juristische Principienlehre*, I, 31.

[2]) Въ качествѣ доказательства можно указать на образованіе международныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью охрану нѣкоторыхъ всеобщихъ соціальныхъ интересовъ.

высшаго порядка. Государственная власть связана положительными государственно-правовыми нормами лишь формально-юридически, т.-е. она должна подчиняться имъ, пока онѣ существуютъ, но она можетъ отмѣнить ихъ. Матеріально же она связана лишь моральнымъ сознаніемъ и фактическою силою общественнаго сопротивленія (негодованіе общественнаго мнѣнія, возстаніе). Международнымъ правомъ государства связаны не только формально, но и матеріально, т.-е. безъ власти односторонне измѣнять содержаніе международно-правовыхъ нормъ. Разумѣется, по отношенію къ человѣчеству международное право, въ свою очередь, имѣетъ лишь формальную обязательность [1]).

Вопросъ о суверенитетѣ.

Мы пришли къ тому выводу, что источникомъ международнаго права можетъ быть только авторитетъ человѣчества, международнаго союза, общенія цивилизованныхъ государствъ, или какъ бы тамъ иначе не называлось понятіе общественной среды, обнимающей все человѣчество. Здѣсь мы наталкиваемся на одно понятіе въ современной политической доктринѣ, именно на идею государственнаго суверенитета, которая, повидимому, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ идеей авторитета международнаго союза человѣчества; она же обыкновенно и выдвигается, какъ отрицателями международнаго права, такъ и тѣми, кто выводитъ это право изъ авторитета отдѣльнаго государства. Всякая теорія, выводящая международное право изъ авторитета общины государствъ, должна поэтому пересмотрѣть и оцѣнить самый принципъ и понятіе государственнаго суверенитета.

Что такое суверенитетъ? Мы не будемъ здѣсь касаться довольно схоластическаго вопроса, есть ли суверенитетъ извѣстная политическая власть или извѣстное свойство политической власти. Признаться, мы не понимаемъ самаго спора, столь, повидимому, раздѣляющаго многихъ писателей, пока этотъ споръ ведется въ такой общей формѣ. Значеніе и смыслъ онъ получаетъ только тогда, когда суверенитетъ опредѣляется не какъ извѣстная (т.-е. удовлетворяющая извѣстнымъ признакамъ, свойствамъ) политическая власть,

---

[1]) Во всемъ только что сказанномъ нами, мы имѣемъ въ виду, конечно, только добровольное право, а не право необходимое и право раціональное, матеріальная обязательность которыхъ существуетъ для всѣхъ и всегда.

а какъ государственная политическая власть; въ этомъ случаѣ опредѣленіе суверенитета, лишь какъ свойства власти, равносильно отрицанію непремѣнной принадлежности суверенитета государству. Такимъ образомъ споръ долженъ быть иначе поставленъ: является ли суверенитетъ извѣстной политической властью (или извѣстнымъ свойствомъ власти,—это безразлично) или государственной властью. Если мы признаемъ, что суверенитетомъ является лишь опредѣленная власть (а не признать этого мы не можемъ, ибо не всякая власть суверенна), то этимъ мы признаемъ, что для суверенитета необходимо извѣстное свойство власти.

Какова же природа суверенитета и дѣйствительно ли она такова, что дѣлаетъ невозможнымъ существованіе права человѣчества? Отвлекаясь отъ всякихъ историческихъ формъ, какія принималъ суверенитетъ въ жизни и въ теоріяхъ, мы остановимся пока на тѣхъ общихъ признакахъ, которые необходимо свойственны понятію суверенитета, какъ такового, если оно вообще хочетъ сохранить свой raison d'être. Эти признаки выступятъ передъ нами, если мы станемъ разсматривать природу вообще политической власти.

Необходимыми элементами въ понятіи суверенной власти являются верховенство и независимость этой власти и ея формально-юридическая неограниченность. Верховенство и независимость суть лишь различныя проявленія одного и того же свойства власти, тѣсно связанныя между собою и различающіяся лишь въ зависимости отъ того, разсматриваемъ ли мы суверенную власть внутри политической организаціи или въ отношеніи къ другимъ суверенымъ властямъ. Понятіе независимости заключается уже въ понятіи верховенства, ибо верховная власть не можетъ быть зависимой, въ противномъ случаѣ верховной властью была бы не данная власть, а та, отъ которой она находится въ зависимости. Въ историческомъ развитіи суверенитета мы замѣчаемъ извѣстное перемѣщеніе центра тяжести отъ независимости къ верховенству, находящееся въ зависимости отъ процесса объединенія человѣчества [1]).

[1]) Часто въ существующихъ теоріяхъ о природѣ суверенитета мы не встрѣчаемъ правильнаго взгляда на такое соотношеніе внѣшней и внутренней сторонъ суверенитета. Такъ Ремъ въ своемъ изслѣдованіи природы суверенитета обращаетъ вниманіе исключительно на внѣшнюю сторону суверенной власти и доходитъ до

Болѣе затруднительнымъ является отвѣтъ на вопросъ о формальной неограниченности суверенной власти. Очень часто суверенная власть признается ограниченной опредѣленными нормами права. Однако здѣсь смѣшивается раціонально-правовая зависимость власти отъ извѣстныхъ нормъ съ формальной независимостью власти, какъ

противопоставленія суверенитета, какъ такового, суверенитету государственно-правовому. По мнѣнію Рема, мы должны исходить изъ того, что въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ боденовское понятіе суверенитета нашло настолько всеобщій пріемъ, что въ немъ суверенитетъ обозначаетъ въ принципѣ не только болѣе высокую, но высшую и именно верховную власть. Независимая свѣтская территоріальная власть есть основное значеніе суверенитета въ настоящее время. Отсюда слѣдуетъ тотчасъ же, что примѣненіе слова суверенитетъ для государственной власти и для высшаго государственнаго органа само по себѣ недопустимо. Къ существу государственной власти принадлежитъ, что она возвышается надъ всѣми другими находящимися на территоріи свѣтскими юридическими субъектами, признакъ высшаго государственнаго органа состоитъ въ его положеніи надъ всѣми другими органами государства. Существо государственной власти и высшаго государственнаго органа состоитъ въ отношеніи господства, отношеніи положительнаго содержанія; существо суверенитета состоитъ въ отношеніи независимости, слѣдовательно отрицательнаго содержанія. Государственная власть и высшій государственный органъ обозначаютъ властвованіе *надъ* другими, суверенитетомъ же называется независимость *отъ* другихъ. Кромѣ того, суверенитетъ есть независимость отъ каждаго, государственная же власть и положеніе высшаго государственнаго органа есть только положеніе надъ опредѣленнымъ числомъ людей. Rehm, *Allgemeine Staatslehre*, стр. 61—63. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ правильно указывается на существованіе двухъ сторонъ въ понятіи суверенитета. Такъ Еллинекъ говоритъ: „Историческое развитіе суверенитета учитъ, что онъ обозначаетъ отрицаніе всякаго подчиненія или ограниченія государства другой властью. Суверенная государственная власть есть поэтому власть, которая не признаетъ никакой высшей надъ собою; она есть поэтому независимая и высшая власть. Первый признакъ проявляется преимущественно во внѣ, въ обращеніи сувереннаго государства съ другими державами, второй—внутри, въ сравненіи съ подчиненными ему личностями. Оба признака неотдѣлимо другъ съ другомъ соединены". Jellinek, *Das Recht d. mod. Staates*, стр. 431—432. Если поэтому говорятъ о международно-правовомъ и государственно-правовомъ суверенитетѣ, то этимъ обозначаютъ только два направленія единой въ себѣ суверенной власти. Ср. также Jellinek, *Die Lehre von den Staatenverbindungen*, стр. 22 и сл. Въ такомъ же духѣ высказывается и Гольцендорфъ. Онъ говоритъ, что если разсматриваемый въ своемъ внутренне-государственномъ дѣйствіи суверенитетъ имѣетъ положительное содержаніе, такъ какъ состоитъ во власти надъ подчиненными лицами, то въ международномъ правѣ онъ обозначаетъ только отрицательное свойство неподчиненности. *Handbuch des Völkerrechts*, II, стр. 8. Ср. Borel, *Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif*, стр. 30; Le Fur, *L'Etat fédéral et confédération d'Etats*, стр. 444; Haenel, *Staatsrecht*, I, стр. 118.

силы, призванной констатировать и примѣнять это право. Необходимо признать существованіе власти, которая сама опредѣляетъ свою компетенцію; а понятіе права надъ своей компетенціей есть понятіе формальной неограниченности власти [1]).

Это воззрѣніе на суверенитетъ, какъ на свойство формально-юридической неограниченности власти, раздѣлялось почти всѣми послѣдовательными мыслителями, занимавшимися изученіемъ природы политической власти; мы находимъ его у Бодена, у Гоббеса, у Руссо, у Канта, у Гегеля [2]). Наиболѣе ярко выразилъ невозможность формальнаго ограниченія суверенной власти индивидуальными правами (при условіи, что суверенной властью признается государственная, а не индивидуальная, что было бы анархизмомъ) Жанъ Жакъ Руссо. «Эти условія договора, писалъ онъ, правильно понятыя, сводятся въ сущности къ одному условію, а именно, къ полному отчужденію каждаго члена со всѣми своими правами въ пользу

---

[1]) На понятіи компетенціи - компетенціи, какъ основного признака суверенитета, сходится большинство ученыхъ. Такъ смотрятъ на суверенитетъ, напр.: Haenel, *Studien zum deutschen Staatsrechte. I. Vertragsmässigen Elemente der deutschen Reichsverfassung*, Leipzig, 1873, стр. 61, 148—149; Haenel. *Deutsches Staatsrecht*, I. Leipzig, 1892, стр. 114—118; Zorn, *Streitfragen des deutschen Staatsrechts* (*Zeitschrift fur die ges. Staatswissenschaft*, Tübingen, 1881, B. 37); Liebe, *Staatsrechtliche Studien* въ *Zeitschrift fur die ges. Staatswissenschaft*, B. 38. стр. 641—2 (Суверенитетъ государства состоитъ въ томъ, что это послѣднее не ограничено въ своей способности дѣйствовать, въ своей способности ограничивать свое юридическое существованіе; оно ограничено въ своихъ актахъ настолько, насколько оно само хочетъ ограничивать себя самого. Другими словами, суверенитетъ есть компетенція-компетенція.); Jellinek. *Gesetz und Verordnung*. Freiburg, 1887, стр. 197 (Государство, которое владѣетъ исключительной способностью самоограниченія, имѣетъ также исключительную способность ограничивать границы своей дѣятельности. Отсюда слѣдуетъ, что только суверенное государство можетъ установить границы своей компетенціи. Исключительная юридическая власть государства по отношенію къ компетенціи есть непосредственное послѣдствіе понятія суверенитета. И когда государство полагаетъ себѣ границы, далекое отъ того, чтобы потерять компетенцію-компетенціи, этимъ самымъ свидѣтельствуетъ, что оно ею владѣетъ. Коллективная личность, границы компетенціи которой постоянны, есть государство, которое оставляетъ свою компетенцію неизмѣнной. Государство можетъ, но оно не должно непремѣнно ее измѣнять).

[2]) У многихъ изъ нихъ однако эта неограниченность суверенной власти была не только формальной и чисто внѣшней, но и внутренней, такъ какъ само право часто понималось, какъ исключительное созданіе этой власти; именно это послѣднее придавало характеръ абсолютизма ихъ построеніямъ.

всей общины.... Такъ какъ отчужденіе производится безъ оговорокъ, то союзъ становится совершеннымъ, насколько вообще онъ можетъ быть такимъ, и ни у одного изъ участниковъ нѣтъ болѣе особыхъ требованій: ибо если бы у отдѣльныхъ личностей остались нѣкоторыя права, то, за отсутствіемъ высшей власти, которая могла бы рѣшать споры между ними и обществомъ, каждый, будучи въ нѣкоторыхъ вопросахъ своимъ собственнымъ судьей, скоро началъ бы претендовать стать судьей во всѣхъ другихъ вопросахъ, естественное состояніе продолжало бы существовать, и ассоціація по необходимости стала бы или тираннической, или тщетной» [1]). «Если государство или община есть только моральная личность, жизнь которой заключается въ объединеніи членовъ ея, и если наиболѣе важной его заботой является собственное сохраненіе, то ему нужна общая и побудительная сила, чтобы двигать и располагать каждой частью наиболѣе удобнымъ для цѣлаго образомъ. Какъ природа даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, такъ общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ всѣми членами послѣдняго: эта то власть, управляемая общей волей, называется, какъ я уже сказалъ, суверенитетомъ... Надо согласиться, что изъ всего того, что каждый отчуждаетъ, путемъ общественнаго соглашенія, изъ своихъ силъ, имущества и свободы, обществу важно имѣть возможность располагать только частью этого; но нужно согласиться и съ тѣмъ, что только суверенъ можетъ быть судьей степени этой важности» [2]).

Аналогичныхъ взглядовъ держался и Кантъ: здѣсь полезно вспомнить его слова: «Что должно повиноваться, и при томъ юридически безусловнымъ образомъ, тому, кто владѣетъ верховной повелительной и законодательной властью надъ народомъ, объ этомъ такъ мало дозволено сомнѣваться, что является уже подлежащимъ наказанію публичное изслѣдованіе титуловъ ея пріобрѣтенія, т.-е. подверганіе ее сомнѣнію... Это положеніе: повинуйтесь власти (во всемъ, что не противорѣчитъ внутренней моральности), господствующей надъ вами, является категорическимъ императивомъ, который не выноситъ никакого противорѣчія... Безусловное подчи-

---

[1]) *Contrat social*, I, 6.
[2]) *Contrat social*, II, 4.

неніе народной воли (которая сама по себѣ является разъединенной и, слѣдовательно, беззаконной) волѣ суверенной, объединяющей всѣхъ посредствомъ единаго закона, есть актъ, который можетъ быть совершенъ только черезъ овладѣніе высшей властью. Этотъ актъ впервые обосновываетъ юридическій порядокъ. Допускать возможность сопротивленія этому полновластію значитъ противорѣчить самому себѣ, ибо въ такомъ случаѣ оказывалось бы, что та первая власть не есть высшая и опредѣляющая собою право» [1]).

Однако это воззрѣніе на суверенитетъ встрѣчаетъ возраженіе со стороны тѣхъ теорій, которыя, исходя изъ идеи необходимости подчиненія самой суверенной власти нормамъ высшаго права, приходятъ къ отрицанію самого понятія суверенитета. Наиболѣе видными и талантливымъ представителемъ этого направленія является въ послѣднее время, безспорно, Леонъ Дюги. «Мы твердо вѣримъ въ то, пишетъ онъ, что есть высшая норма права (règle de droit) надъ индивидами и государствами, высшая надъ управляющими и управляемыми, что она возлагается и на тѣхъ и на другихъ, что *если существуетъ суверенитетъ государства*, то онъ

---

[1]) *Rechtslehre*, I Th., Anhang. Ср. оцѣнку этихъ воззрѣній Канта у П. Новгородцева, *Кантъ и Гегель*, стр. 136 и сл. Много вѣрныхъ замѣчаній о формально-юридической неограниченности суверенной власти находимъ мы у тѣхъ писателей, которые однако, по нашему мнѣнію, вполнѣ ошибочно отстаиваютъ государственный абсолютизмъ. Ср. Laband, *Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*. II, 94—95, 149—212; G. Meyer, *Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes*, 10; Schulze, *Lehrbuch des deutschen Staatsrechts*, I, 26; Seydel, *Der Bundesstaatsbegriff* въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*, Tübingen, 1872, стр. 190 и сл.; Zöpfl, *Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts*, I, § 49. Укажемъ также на Бореля, который настаивалъ на необходимости признать за суверенной властью неограниченную силу. Существо суверенитета, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ; логика отказывается признать, что нѣтъ абсолютной независимости на землѣ. Съ момента, какъ публичное право основано на идеѣ власти, нужно, чтобы эта власть относилась къ верховному пункту, который, такъ сказать, образуетъ краеугольный камень государственнаго зданія. Этотъ верховный пунктъ характеризуется суверенитетомъ, который можетъ быть таковымъ только въ томъ случаѣ, если онъ исключителенъ и абсолютенъ. Въ природѣ самой превосходной степени быть одной и недѣлимой. Это—абсолютная необходимость. Самъ суверенитетъ Борель опредѣляетъ, какъ „свойство государства, которое имѣетъ верховную и *абсолютную* мощь, которое не признаетъ никакой власти надъ собою и которое обязывается черезъ собственную свободную волю“. Borel, *La souveraineté et l'Etat fédératif*, стр. 27, 28, 43, 48, 51, 102 и др.

юридически ограниченъ этой нормой права. Или право ничто, или оно есть ограниченіе индивидуальныхъ воль, и то, что называютъ волею государства, есть въ концѣ концовъ только воля извѣстнаго числа индивидовъ. Эта граница въ одно и то же время и положительна и отрицательна; есть вещи, которыя государство обязано дѣлать, и есть вещи, которыя государство не можетъ дѣлать» [1]). Еще раньше Дюги, Прейсъ пришелъ къ отрицанію понятія суверенитета. По мнѣнію Прейса, абсолютная сила, возвышающая общую волю до степени суверенной воли, не можетъ быть признана принадлежащей къ области права; тогда было бы отвергнуто существо права, которое является ограниченіемъ произвольной власти личности; право же не можетъ отрицать своего собственнаго существованія. Отсюда Прейсъ приходитъ къ выводу, что существуетъ

---

[1]) Duguit, *L' Etat, le droit objectif et la loi positive*. I. 1901. стр. 12, ср. гл. 2, гл. 5 (стр. 319 и сл.). Ту же мысль повторяетъ Дюги въ введеніи къ своему *Droit constitutionnel*. 1907 (см. русскій переводъ „*Конституціонное право*", 1908, стр. 3—4, 144 и passim) и особенно опредѣленно въ своей послѣдней книгѣ *Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'état*. Paris, 1908. „La puissance publique n'est qu'une forme scolastique vide, un concept qui, à une certaine époque, a répondu à un besoin, a rendu des services, mais qui aujourd'hui est inutile et dangereuse" (стр. 22 и сл.) „Si la loi est l'expression de la volonté individuelle des députés et des sénateurs, elle ne peut s'imposer comme telle aux autres volontés. Elle ne peut s'imposer que si elle est la formule d'une règle de droit, ou la mise en œuvre de cette règle, et dans la mesure où elle est cela" (стр. 52 и сл.). Къ утвержденію ограниченности суверенитета нормами права пришелъ и Лефюръ. „Какъ разумъ показываетъ, что государство не создаетъ права по своей фантазіи, и какъ логика доказываетъ, что вполнѣ можно отождествлять идею власти самой высшей съ властью абсолютной и безграничной, точно также и факты указываютъ, что такъ понимаемый суверенитетъ существовалъ только въ головѣ нѣкоторыхъ теоретиковъ:. Государство находитъ какъ въ принципѣ, господствующемъ надъ нимъ, именно принципѣ права, такъ и въ самомъ существованіи составляющихъ его индивидовъ и союзовъ непереходимыя границы. Лефюръ ссылается на слова Гегеля: „право есть необходимый принципъ организаціи человѣческаго общества во всѣхъ ея формахъ, такъ какъ общество состоитъ не въ случайномъ конфликтѣ и столкновеніи различныхъ воль и не въ господствѣ однихъ надъ другими, какъ надъ рабами; оно скорѣе есть сумма человѣческихъ цѣлей, проникающихъ другъ друга". Суверенитетъ находитъ ограниченія. Опредѣленіе этихъ ограниченій заключается въ понятіи цѣли. Всякое организованное существо имѣетъ цѣль, и изслѣдованіе этихъ цѣлей должно показать объемъ правъ и средствъ, которыя должны ему принадлежать. Послѣднія должны явиться именно тѣми, которыя ему необходимы для реализаціи его цѣли. Государство, по мнѣнію Лефюра, имѣетъ цѣлью, во-первыхъ,

противорѣчіе между понятіемъ публичнаго права и понятіемъ суверенитета [1]).

Эти попытки устранить вопросъ о суверенитетѣ власти, замѣнивши его суверенитетомъ права [2]), не выдерживаютъ однако критики. Что существуетъ право высшее, обязательное для всякой власти, еще не устраняетъ вопроса о томъ, какая же власть суверенна; этимъ утверждается лишь, что никакой органъ власти не можетъ быть абсолютнымъ съ точки зрѣнія раціональнаго права. Право, какъ таковое, властью не обладаетъ, а вопросъ идетъ о томъ, какая власть суверенна. Всякое право должно примѣняться органами власти, и именно здѣсь возникаетъ вопросъ о суверенитетѣ. Вопросъ не устраненъ, онъ лишь введенъ въ болѣе узкія границы (вопросъ объ относительной или формально-суверенной власти) и нѣсколько видоизмѣненъ. Выбросить понятіе суверенитета значитъ отказаться отъ всякаго политическаго построенія. Можно отвергнуть суверенитетъ государства, но отвер-

---

быть высшей гарантіей права, этого существеннаго условія всякой организаціи, и, во-вторыхъ, быть элементомъ развитія своей націи. Государство въ силу своего суверенитета можетъ проводить линію разграниченія между собственной компетенціей и компетенціей индивидовъ и несуверенныхъ сообществъ, но оно должно это дѣлать сообразно съ правомъ, а не слѣдуя своему усмотрѣнію, какъ единственному правилу. Отсюда слѣдуетъ опредѣленіе суверенитета: „суверенитетъ есть свойство государства обязываться или опредѣляться только черезъ свою собственную волю, въ границахъ верховнаго принципа права и сообразно съ коллективной цѣлью, которую оно призвано осуществлять". Le Fur, *l'Etat fédéral et confédération d'Etats*, Paris, 1896, стр. 443 и слѣд. Впослѣдствіи Лефюръ склонился къ полному отрицанію самаго понятія суверенитета. см. его *L'Etat, la souveraineté et le droit* (въ *Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht*, 1906, № 1—2).

[1]) Preuss, *Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften*, Berlin, 1889, стр. 133, 135; см. также Kliemke, *Die Staatsrechtliche Natur und Stellung der Bundesrats*, 1894, стр. 28, и различныя работы Affolter'a, *Studien zum Staatsbegriff* (*Archiv für öf. R.*—B. 17, 1902, № 1), *Staat und Recht* (*Annalen des deutschen Reichs* 1903, № 1), *Naturgesetze und Rechtsgesetze*, München, 1904; *Zur Lehre von der Persönlichkeit des Staates* (*Archiv f. öf. R.*, B. 20, 1906, № 3).

[2]) Интересную (главнымъ образомъ, по критикѣ различныхъ теорій, существующихъ въ литературѣ о суверенитетѣ) попытку примирить суверенитетъ государства съ суверенитетомъ права представляетъ книга Krabbe, *Die Lehre der Rechtssouveränität. Beitrag zur Staatslehre*, Groningen, 1906, особ. стр. 224 и сл., 244 и сл.

гнуть вообще понятіе суверенной власти такъ же невозможно, какъ отвернуть понятіе политической организаціи. Существуютъ многоразличныя власти. Логически необходимо признаніе юридически-самоопредѣляющейся власти; эта власть можетъ принадлежать или индивиду или такъ или иначе составленному цѣлому (политическая мысль и колеблется между этими полюсами). Это независитъ отъ вопроса о верховномъ принципѣ права, обязательномъ для всякой власти. Дѣло идетъ о томъ, кто будетъ рѣшать вопросъ о правѣ, индивидъ или цѣлое. Логически мысля, нѣтъ средняго пути между индивидуалистическимъ анархизмомъ и суверенитетомъ цѣлаго, ибо, какъ сказалъ Руссо, «если бы каждый былъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ своимъ собственнымъ судьей, то онъ скоро началъ бы претендовать стать судьей во всѣхъ другихъ вопросахъ»: поэтому то и надо организовать цѣлое такъ, чтобы оно какъ можно менѣе могло сдѣлаться тираномъ; и у Руссо стоялъ верховный принципъ права—всеобщая свобода. Но кто будетъ рѣшать въ каждомъ случаѣ вопросъ о правѣ? Руссо былъ вполнѣ правъ, и несправедливы обвиненія его въ склонности къ государственному абсолютизму и къ якобинству (напр., со стороны Дюги), онъ лишь логично мыслилъ. Кто будетъ юридически рѣшать о соблюденіи верховнаго принципа права, цѣлое или индивидъ? Нельзя отвѣтить, что въ одной области цѣлое, въ другой—индивидъ. Всегда можно поставить дальнѣйшій вопросъ, а кто будетъ юридически рѣшать, подходитъ ли данный случай къ сферѣ цѣлаго или индивида, а, вѣдь, именно это послѣднее и является рѣшающимъ. Именно это свойство рѣшать окончательно, въ послѣдней инстанціи, компетенцію и является суверенитетомъ. Раціонально-юридически (т.-е. съ точки зрѣнія раціональнаго права) нѣтъ верховенства, независимости, неограниченности ни одной власти, ибо надъ всякой властью царятъ нормы высшаго права; фактически тоже нѣтъ, ибо все ограничивается сопротивленіемъ противоположныхъ силъ; но положительно-юридически и логически есть и не можетъ не быть (антиномія Руссо [1]).

---

[1]) Очень важно отмѣтить, что признаніе формальной неограниченности суверенной власти нисколько не влечетъ за собою признанія политической тиранніи и абсолютизма; абсолютизмъ и тиранія зависятъ отъ того, кто является суверенной властью и какъ организована эта власть; вѣдь, и въ анархическомъ обществѣ суверенной должна быть признана власть каждаго отдѣльнаго

Суверенитетъ есть высшая верховная власть, которой принадлежитъ формальное право устанавливать ту или другую компетенцію политическихъ органовъ, онъ есть выраженная въ извѣстныхъ внѣшнихъ органахъ власть даннаго союза. Суверенитетъ находитъ себѣ ограниченіе въ идеальномъ правѣ и въ правѣ разумномъ. Суверенитетъ есть понятіе формальное, необходимое, чтобы рѣшить, кому, съ формальной точки зрѣнія, принадлежитъ право разрѣшать всякіе возможные юридическіе конфликты въ данномъ союзѣ; это—послѣдняя инстанція, «первый двигатель».

Понятіе суверенитета необходимо, чтобы формально-юридически не получилось безвыходнаго положенія,—невозможности правового строя. Когда одна часть союза возстаетъ на другую, отрицаетъ общее право, необходима нѣкая формальная инстанція, которая разрѣшала бы спорный вопросъ. Суверенитетъ—есть, въ концѣ концовъ, постулатъ, необходимая идея разума. Суверенный органъ устанавливаетъ, что должно считать формально-положительнымъ правомъ, но это можетъ и не отвѣчать матеріальному праву. Отрицаніе суверенитета политической власти, вслѣдствіе требуемаго разумомъ подчиненія всякой власти объективному праву, выводимому разумомъ изъ разсмотрѣнія природы общества, основывается на коренномъ недоразумѣніи. Если можно и даже должно допустить подчиненіе всякой власти праву, которое не зависитъ отъ этой власти и по отношенію къ которому власть имѣетъ только компетенцію констатированія, то еще ни юридическая, ни по-

---

видивида. Формальная неограниченность нисколько не отрицаетъ фактической матеріальной и раціонально-правовой зависимости суверенной власти, она есть лишь послѣдствіе фактической необходимости признать существованіе власти, которая окончательно рѣшаетъ вопросъ о содержаніи права и о своей компетенціи. Говоря о формальной неограниченности суверенной власти, мы въ сущности касаемся самаго основного и, можно сказать, неподдающагося окончательному рѣшенію вопроса политики. Какимъ образомъ создать верховную власть, соблюдающую право; какимъ образомъ тѣ самые люди, которые склонны къ столкновеніямъ и нарушеніямъ права, могутъ сдѣлаться охранителями права, когда они становятся носителями верховной власти, какимъ образомъ найти такую политическую организацію, гдѣ бы верховная власть соблюдала право даже тогда, когда она является одной изъ сторонъ въ спорѣ? Мы не говоримъ, что нельзя выставить общихъ нормъ, которымъ подчинена и верховная власть, но вопросъ идетъ о томъ, кто правомѣрно будетъ обсуждать, подходитъ ли данный случай или не подходитъ подъ эту норму.

литическая проблемы этимъ не разрѣшены: высшая норма права существуетъ, но въ чемъ она заключается? настолько ли очевидно ея содержаніе, что всѣ люди одинаково ее понимаютъ? Человѣческія мнѣнія слишкомъ различны, и нѣтъ такой очевидной нормы, на которой согласились бы всѣ люди. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ: если раціонально и существуетъ единая норма права, для всѣхъ обязательнаго, то кто призванъ констатировать ее положительно, и если она констатируется разными лицами или организуется различно, то какая должна считаться правильной? Далѣе, когда признано, что извѣстное положительное установленіе есть дѣйствительное констатированіе нормы права, кто будетъ окончательно рѣшать, подходитъ ли данный случай подъ эту норму, т.-е. кто будетъ рѣшать формальный вопросъ о правѣ.

Вопросъ о суверенитетѣ есть вопросъ о томъ, за кѣмъ признана правомѣрность констатированія нормы права. Отвѣтить, что суверенитета нѣтъ по той причинѣ, что всякая власть должна лишь выражать право и что ея положеніе ничѣмъ не отличается отъ положенія каждаго отдѣльнаго индивида, значитъ или стать на вполнѣ анархическую точку зрѣнія и признать за каждымъ индивидомъ такое же право утверждать, что является правомъ и что нѣтъ, при чемъ нѣтъ никакой практической возможности установить, кто же правъ въ своихъ утвержденіяхъ, или признать такую высшую инстанцію, имѣющую компетенцію разрѣшать по крайней мѣрѣ формально, что̀ есть право, и такимъ образомъ признать существованіе суверенитета, такъ какъ суверенитетъ есть не что иное, какъ это право окончательно формально рѣшать вопросъ о правѣ. Такое право, сказали мы, можно признать за каждымъ индивидомъ, тогда мы имѣемъ анархію, или за коллективнымъ цѣлымъ, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ политическую организацію; наконецъ, стремленіе примирить въ особой организаціи суверенитетъ цѣлаго и составляющихъ его частей даетъ мѣсто федерализму въ широкомъ смыслѣ слова.

Выяснивши, въ самыхъ общихъ чертахъ, общее понятіе суверенитета, мы приходимъ къ заключенію, что суверенитетъ не является непремѣнной принадлежностью современныхъ государствъ, и, слѣдовательно, не препятствуетъ допущенію надъ-государственной власти. Суверенитетомъ могутъ обладать самые разнообразные

союзы, и это разнообразіе мы, дѣйствительно, и находимъ въ исторіи. Что касается государства, то это есть лишь одна изъ формъ человѣческихъ союзовъ, по своей природѣ ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ общественныхъ союзовъ. Временно оно можетъ оказаться носителемъ высшей и независимой власти суверенитета, но это не есть существенный моментъ ни для суверенитета, ни для государства: въ историческомъ процессѣ суверенитетъ являлся принадлежностью разныхъ союзовъ и даже индивидовъ.

Мы должны признать, что въ періодъ первоначальной анархіи, въ до-государственную эпоху отдѣльный индивидъ (или отдѣльная семья) обладалъ суверенитетомъ, ибо надъ нимъ не было никакого юридическаго порядка или высшей власти. Образованіе первыхъ политическихъ конгломератовъ перенесло суверенитетъ на эти союзы, ибо по прежнему надъ ними не было власти. Образованіе всемірной римской имперіи установило суверенную власть всего (или почти всего) человѣческаго союза. Темные вѣка вернулись отчасти къ эпохѣ до-государственной анархіи. Въ средніе вѣка и къ началу новаго времени въ различныхъ странахъ высшіе территоріальные владыки соединили въ своихъ рукахъ извѣстное число отдѣльныхъ верховныхъ правъ; эти права не были неограниченными ни извнутри, ни извнѣ. Подданные этихъ владыкъ также имѣли въ свою очередь рядъ правъ по отношенію къ территоріальнымъ владыкамъ, и послѣдніе были связаны и ограничены этими правами. Точно также и во внѣ, отдѣльные территоріальные владыки были ограничены; по средневѣковымъ воззрѣніямъ, надъ всѣми отдѣльными странами и ихъ правителями возвышалось всемірное верховенство императора и папы. Къ началу новаго времени, въ жизни отдѣльныхъ странъ началась концентрація власти. Это соотвѣтствовало общимъ интересамъ, образовавшемуся, вмѣстѣ съ ростомъ культуры, національному сознанію и развивающемуся экономическому обороту. Мѣшавшія экономическому прогрессу феодальныя перегородки были сломлены въ пользу центральной власти, а несоотвѣтствовавшая ни нравственному (національно-разнообразному), ни экономическому строю европейскаго общества всемірная власть императора, покоившаяся исключительно на феодальныхъ началахъ, была разрушена. Эта концентрація власти *государствъ* (какъ названы были отдѣльныя части Европы, кристализовавшіяся около одного центра власти)

совершилась въ пользу территоріальныхъ владыкъ. Создано было ученіе о суверенитетѣ, т.-е. верховной (внутри) и независимой (во внѣ) власти, какъ признакѣ государства. Въ эпоху абсолютизма, полицейскаго государства суверенитетъ считался принадлежностью личности монарха, суверена. Однако исторія вскорѣ внесла дальнѣйшія измѣненія въ такое пониманіе суверенитета. Возникновеніе правового государства сопровождалось разрушеніемъ идеи суверенитета, какъ монархическаго верховенства внутри государства. На мѣсто личной власти монарха былъ поставленъ законъ, — право, какъ воля государства, причемъ отдѣльные, даже и высшіе, органы государственной власти связаны этимъ правомъ, пока оно не отмѣнено. Возникновеніе національнаго государства разрушило идею суверенитета, какъ монархической независимости внѣ государства. На мѣсто монарха была поставлена нація, а монархъ сталъ лишь ея органомъ. Однако отношеніе націи ко всѣмъ другимъ продолжаетъ пониматься независимымъ и неограниченнымъ.

Какъ разрушеніе феодальной узко-мѣстной обособленности и образованіе государственнаго суверенитета служили общимъ интересамъ, такъ нынѣ этимъ интересамъ служитъ уничтоженіе государственной обособленности, разрушеніе суверенитета государства, дающаго возможность государственной власти преслѣдовать свои частные интересы вопреки общимъ интересамъ человѣчества. Сильная государственная власть, ставшая на мѣсто средневѣковой раздробленности и безсилія, должна быть направлена на содѣйствіе общимъ интересамъ, а не для злоупотребленія ею въ частныхъ интересахъ.

Государство не есть высшее и наиболѣе совершенное выраженіе общественной жизни, оно лишь одинъ изъ общественныхъ союзовъ человѣчества и не покрываетъ собою всѣхъ сторонъ общественнаго существованія. Коллективная жизнь людей проявляется въ неоскудѣвающемъ богатствѣ разнообразныхъ, съ прогрессомъ культуры увеличивающихся, соціальныхъ образованій. Историческій процессъ увлекаетъ человѣческую общественную жизнь на путь все большей интеграціи и сопровождающей ее дифференціаціи формъ, развѣтвляющихся все болѣе и по содержанію и по цѣли. Сначала всѣ задачи человѣческаго существованія осуществлялись

семьей, потомъ общиной, родомъ, націей, государствомъ, наконецъ международной общиной цивилизованныхъ народовъ и человѣчествомъ. Путь былъ дологъ, но велъ къ высокой цѣли.

Въ настоящее время тѣ политическіе союзы, которые получили на исходѣ среднихъ вѣковъ названіе государствъ, не могутъ быть опредѣляемы и различаемы отъ другихъ, какъ суверенные союзы. Государство вообще не является специфически наиболѣе совершеннымъ образованіемъ. Это лишь одинъ изъ многочисленныхъ восходящихъ и нисходящихъ союзовъ, изъ которыхъ состоитъ человѣческое общество. Ни въ самостоятельности и верховности власти, ни въ общенаціональныхъ цѣляхъ, ни въ свойствѣ международной личности нельзя найти прочнаго и необходимаго критерія государства. Есть союзы, которые необходимо признать государствами и которые не имѣютъ самостоятельной власти (Баварія, Болгарія, до провозглашенія своей независимости, штаты Соединенныхъ Штатовъ); есть образованія, которыя преслѣдуютъ общенаціональныя цѣли и въ то же время не являются государствами (Финляндія, Польша); есть образованія, которыя часто выступаютъ, какъ самостоятельныя международныя личности, и однако не являются государствами (Канада, Австралія). Признакъ государства можно найти лишь, какъ приближеніе, какъ среднюю линію. Въ данное время государствомъ является всякій союзъ, ограниченіе компетенціи котораго не зависитъ ни отъ кого, кромѣ какъ отъ всего человѣчества; въ этомъ признакѣ заключается понятіе *полноправности* международной личности, *сравнительнаго* суверенитета, международной свободы.

Въ настоящее время нѣтъ государствъ безусловно суверенныхъ, т.-е. исключительно распоряжающихся своей компетенціей,— ни въ территоріальномъ отношеніи, ибо, разумѣется, никакое государство не можетъ объявить внѣ закона находящихся на его территоріи иностранцевъ, ни въ личномъ отношеніи, ибо нѣтъ государствъ, которыя могли бы освободить своихъ подданныхъ отъ обязанностей по отношенію къ иностранцамъ, напр., отъ уплаты долговъ. Вообще, государственная власть уже значительно ограничивается тѣмъ, что она имѣетъ двѣ стороны, территоріальную и личную, и что эти двѣ стороны между собой не совпадаютъ. Территоріальная власть государства ограничивается тѣмъ, что на государ-

ственной территоріи есть иностранные подданные, въ значительной степени подчиненные личной власти своего государства. Личная власть государства ограничивается тѣмъ, что подданные его, находясь на территоріи чужого государства, во многомъ должны подчиняться территоріальной власти послѣдняго. Съ увеличеніемъ сношеній и передвиженія людей это ограниченіе должно принимать все большіе размѣры.

Стоитъ бросить самый общій взглядъ на обычное содержаніе международнаго права, чтобы наглядно убѣдиться, какъ далеко пошла зависимость государствъ отъ власти человѣчества. Уже въ области основныхъ правъ государствъ, не говоря даже о различныхъ случаяхъ capitis deminutio, въ родѣ ограниченія отдѣльными договорами, обязательной нейтрализаціи, состоянія протектората, мы видимъ универсальную норму, обязательную для всѣхъ государствъ, именно jus commercii,—право человѣчества по отношенію къ отдѣльному государству заставить его находиться въ правомѣрныхъ сношеніяхъ съ остальными народами земли, не закрывать доступа иностранцамъ, принимать пословъ и т. д. Право законномѣрнаго вмѣшательства особенно разительно оттѣняетъ верховную власть человѣчества надъ отдѣльнымъ государствомъ. Въ сферѣ территоріальныхъ правъ каждое государство находитъ ограниченіе своей власти въ принципѣ внѣземельности; государство связано обязательствами, падающими на него въ силу преемства въ международныхъ правоотношеніяхъ при измѣненіяхъ въ территоріи: при пріобрѣтеніяхъ новыхъ территорій государство связано извѣстными нормами; часто на государство падаютъ особыя международныя повинности, положительные и отрицательные сервитуты. Въ сферѣ личной власти, государство связано нормами jus protectionis, подданные государства обязаны нести свои повинности передъ другими государствами; несоблюденіе этой нормы влекло за собою установленіе, напр., международнаго финансоваго контроля. Обширна область, и съ каждымъ днемъ становится еще обширнѣй, общечеловѣческихъ общественныхъ интересовъ, въ которыхъ государство связано нормами всемірнаго права, обыкновенно свободно устанавливаемаго путемъ добровольныхъ договоровъ: всевозможныя уніи, международныя бюро краснорѣчиво говорятъ о возникающей надъ-государственной организаціи. Связывающая сила

договоровъ есть норма, священная для каждаго государства, и она не подлежитъ отмѣнѣ по волѣ государства. Признаніе принципа обязательнаго третейскаго суда даже только въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть отказъ во всеуслышаніе отъ принципа государственнаго суверенитета. Гражданское право въ сферѣ частныхъ международныхъ конфликтовъ стремится къ проведенію принципа международнаго общенія. Международное уголовное право развивается отъ принципа территоріальности и охраны блага собственнаго общества въ направленіи всемірнаго правосудія. Мы не говоримъ о свободѣ морей, о правѣ войны.

Абсолютно суверенно лишь человѣчество, лишь международный союзъ. Однако обращаясь къ частнымъ союзамъ, на которыя распадается человѣчество мы видимъ такіе союзы, опредѣленіе которыхъ, кромѣ нихъ самихъ, зависитъ только отъ всего человѣчества: это—независимыя государства или такъ называемыя суверенныя (именно сравнительно-суверенныя, т.-е. суверенныя по сравненію съ другими государствами рядомъ стоящими), и такіе союзы, опредѣленіе которыхъ зависитъ не только отъ всего человѣчества, но и отъ другого какого-нибудь союза, это—несуверенные союзы.

Необходимость организаціи международнаго права.

Юридическая общность современнаго человѣчества неоспорима; надъ властью отдѣльныхъ государствъ возвышается власть всего международнаго союза человѣчества. Эта общая жизнь современныхъ народовъ регулируется нормами международнаго права. Но право можетъ быть неорганизованнымъ и организованнымъ, т.-е. правомъ, примѣняемымъ въ анархическомъ обществѣ, и правомъ, осуществляемымъ опредѣленной политической организаціей. Современное международное право до извѣстной степени остается еще анархическимъ правомъ, такъ какъ не существуетъ опредѣленнаго органа (если не считать всемірныхъ конгрессовъ, собирающихся пока случайно и временно), въ которомъ воплощалась бы суверенная власть человѣчества. Однако это право постепенно организуется, такъ какъ создаются зачатки международныхъ органовъ.

Современныя теоріи международнаго права расходятся другъ съ другомъ въ вопросѣ объ организаціи этого права; наряду съ ученіями, признающими недостаточность современнаго анархическаго состоянія международнаго права и утверждающими, что всякое

право, для своей дѣйствительности, должно быть организовано, существуютъ теоріи,—и онѣ являются даже господствующими,—стоящія на вполнѣ анархической точкѣ зрѣнія. Международное общеніе, по ихъ мнѣнію, должно остаться свободной ассоціаціей независимыхъ государствъ, основанной на полномъ уваженіи къ положенію каждаго народа и руководимой принципами международнаго права; оно имѣетъ въ качествѣ основы независимость своихъ членовъ, а въ качествѣ органовъ—случайные конгрессы и конференціи [1].

Типическимъ образцомъ теоріи, господствующихъ въ современномъ международномъ правѣ, являются взгляды Еллинека. Выше мы касались воззрѣній Еллинека на международное право. Не говоря о нѣкоторыхъ несообразностяхъ въ самомъ изложеніи ихъ [2], они противорѣчатъ его же основнымъ воззрѣніямъ на государство и на обоснованіе союзовъ, обладающихъ принудительной властью. Касаясь вопроса объ обоснованіи государства, Еллинекъ подвергаетъ критикѣ идеи анархизма, провозглашающаго возможность

---

[1]) Rivier, *Principes du droit des gens*, I, 9; Ф. Мартенсъ, *Современное международное право*, I, § 47. Ривье, какъ и Мартенсъ, являются эклектистами въ сферѣ международныхъ воззрѣній. Ривье отвергаетъ какую бы то ни было опредѣленную международную организацію, даже конфедерацію, считая, что всѣ выгоды отъ такой организаціи не могутъ вознаградить потери національной независимости. Неудивительно, что Ривье восхваляетъ войну, отстаиваетъ вооруженія, находя въ нихъ дѣйствительную гарантію безопасности государствъ и даже ихъ процвѣтанія (*Op. cit.*, II, 154—158). Ср. Despagnet, *Cours de droit international public*, 1894, стр. 713—718; Bry, *Précis élementaire de droit international*, 1891, стр. 378 („всеобщимъ и обязательный трибуналъ не согласенъ съ независимостью народовъ, конфедерація государствъ еще на долгое время утопія"; точно также и Laurent высказывается за свободную ассоціацію человѣческаго рода (*Histoire du droit des gens*, т. I, предисловіе, стр. 45, т. XVII, 574 и сл.), но протестуетъ противъ всемірной имперіи (см. разборъ его доводовъ у Bluntschli, *Théorie générale de l'Etat*, стр. 27—29): онъ стоитъ за національный принципъ и потому протестуетъ противъ космополитизма XVIII вѣка (*op. cit.*, т. XVII, 576) и противъ идеи всемірной республики (стр. 577), едва ли онъ и за конфедеративную организацію, онъ желалъ бы лишь моральнаго единства (стр. 582).

[2]) *Право современныхъ государствъ*, на стр. 243: „Авторитетами устанавливающими международное право и въ то же время связанными имъ субъектами являются именно сами государства", а на стр. 245: „Международное право исходитъ отъ неорганизованнаго и потому необладающаго властью авторитета (общенія государствъ)".

существованія права безъ принудительной власти. Государство, какъ союзъ, проявляющій надъ своими членами принудительную власть, обосновывается, оправдывается Еллинекомъ, какъ необходимое условіе культуры. Какая бы то ни была плодотворная человѣческая дѣятельность возможна лишь при условіи существованія организацій, т.-е. прочныхъ, постоянныхъ соединеній воль. Какъ отдѣльныя жизненныя цѣли, такъ и вся совокупность ихъ не могутъ быть достигнуты исключительно усиліями изолированнаго человѣка. Цѣли эти могутъ быть преслѣдуемы и достигаемы индивидомъ лишь при условіи наличности правопорядка, ограничивающаго сферу свободной дѣятельности каждаго и направляющаго, въ общихъ интересахъ, индивидуальную волю по заранѣе опредѣленному пути [1]). Только правопорядокъ гарантируетъ возможность жизни въ обществѣ. Только право и гарантирующая его господствующая власть могутъ дать увѣренность въ будущемъ,—это необходимое условіе соціальной дѣятельности. Вопросъ объ основѣ государства совпадаетъ въ существенныхъ чертахъ съ вопросомъ объ основѣ права. «Если право и возникаетъ не только въ государствѣ, то *все же всякое правообразованіе всегда предполагаетъ существованіе высшаго, властвующаго и правового союза*» [2]).

При изложеніи взглядовъ на международное право, обратно, всѣ старанія Еллинека направлены на опроверженіе необходимости связи правообразованія и политической организаціи или высшей власти. При изложеніи взглядовъ на государственное право, старанія эти направлены на доказательство необходимости этой связи. Анархистамъ, чтобы опрокинуть направленную противъ нихъ критику Еллинека, стоитъ только повторить тѣ доводы, которые онъ привелъ, съ одной стороны, въ пользу значимости международнаго права, съ другой, противъ существованія власти надъ государствами; и, обратно, противъ этихъ послѣднихъ доводовъ стоитъ лишь привести его же критику анархизма.

Понятно, что это противорѣчіе взглядовъ очень неблагопріятно отозвалось и на идеяхъ Еллинека о международной организаціи. Здѣсь царитъ тотъ же не сведенный къ цѣлому эклектизмъ.

---

[1]) *Op. cit.*, стр. 140—141.
[2]) *Op. cit.*, стр. 144.

Международное право матеріально соотвѣтствуетъ чему-то высшему, выходящему за предѣлы отдѣльнаго государства. Это высшее есть международное общеніе. Однако враждебныя международному общенію національныя и государственныя теченія настолько сильны, что дѣлаютъ возможнымъ лишь существованіе государствъ рядомъ другъ съ другомъ, но не организацію общенія государствъ, если не считать случайныхъ организацій ad hoc. Однако цѣль (безконечно отдаленная), къ которой стремится человѣчество, указана Кантомъ, именно достиженіе единаго, правотворящаго гражданскаго общества. Но съ этимъ идеаломъ, признаннымъ Еллинекомъ, находится въ противорѣчіи рядомъ же высказанная имъ мысль о томъ, что самыя условія развитія государствъ и народовъ требуютъ, чтобы былъ предоставленъ полный просторъ борьбѣ новыхъ идей и новыхъ политическихъ образованій за ихъ реализацію и существованіе. Всякій надъ-государственный порядокъ лишь помѣшалъ бы плодотворному движенію народовъ впередъ [1]).

Теоріи неорганизованнаго международнаго права должны быть отвергнуты потому же, почему долженъ быть отвергнутъ вообще анархизмъ. Мы здѣсь не будемъ заниматься подробной критикой анархизма. Укажемъ лишь, что сама исходная точка всякаго анархизма покоится на ни на чемъ неосновательной и ничѣмъ недоказанной вѣрѣ въ предустановленную гармонію человѣческихъ отношеній. Самый принципъ личной свободы, изъ котораго исходятъ анархическія теоріи, гораздо болѣе дѣлается гарантированнымъ при каждомъ расширеніи организованности общества. Мы впрочемъ уже имѣли случай касаться слабыхъ сторонъ крайняго индивидуализма вообще и потому здѣсь не будемъ снова возвращаться къ этому вопросу. Въ самомъ признаніи права, не поддерживаемаго въ своемъ осуществленіи опредѣленной организаціей, заключается уже извѣстная непослѣдовательность. Допущеніе права есть допущеніе власти общественнаго сознанія надъ индивидуальнымъ. Организація власти есть лишь стремленіе устранить неудобства неорганизованнаго права и придать общественному сознанію ясную и безспорную форму. Наиболѣе неопровержимое возраженіе противъ идей анархи-

---

[1]) *Op. cit.*, стр. 245

ческаго права, регулирующаго общественныя отношенія, мы почерпаемъ изъ разсмотрѣнія историческаго процесса. Какъ бы мы ни смотрѣли на этотъ послѣдній, мы не можемъ не признать, что въ общественной жизни совершается извѣстная интеграція. Мы видимъ въ человѣческомъ обществѣ два основныхъ и противоборствующихъ стремленія: 1) стремленіе къ единству, 2) стремленіе къ множественности (индивидуальной свободѣ). Примиреніе этого антагонизма есть политическая организація, которая является миромъ, осуществляющимъ равновѣсіе частей и устанавливающимъ порядокъ [1]).

Основной соціальной силой является тяготѣніе индивидовъ другъ къ другу и къ цѣлому. Это тяготѣніе, поскольку оно служитъ возникновенію соціальныхъ образованій, является властью. Хотя власть, какъ сила стремящаяся внести миръ въ антагонистическія стремленія общества, представляетъ изъ себя въ значительной степени проявленіе волевого начала, однако въ окончательномъ результатѣ власть, сила связующая частицы въ цѣлое, должна покоиться на разумѣ. Только тогда антагонизмъ стремленія къ единству и къ множественности найдетъ примиреніе, и соціальный строй будетъ покоиться на разумномъ сознаніи и подчиненіи индивидовъ. Для того, чтобы властвовалъ коллективный разумъ, необходимо преодолѣніе раздробляющихъ началъ въ современной соціальной жизни. Такими началами, препятствующими объединенію человѣчества, въ настоящее время являются, главнымъ образомъ, раздѣленіе человѣчества на независимыя, такъ называемыя суверенныя государства и раздѣленіе общества на враждебные экономическіе классы. Задача современнаго права—преодолѣть эти разлагающія начала.

Современный юридическій международный порядокъ не совершенъ и не достаточенъ. Право и государство суть культурныя явленія. Переходъ отъ некультурнаго состоянія къ культурѣ не со-

---

[1]) Эта идея принималась и намѣчалась уже Кантомъ въ его *Idee zu einer allgemeiner Geschichte*; она не чужда гегеліанству, и составляетъ основу синтетической философіи Спенсера. Современный солидаризмъ, стремящійся найти въ политическомъ строѣ гармонію общества и личности, цѣликомъ почти исходитъ изъ эволюціоннаго принципа интеграціи, сопровождающейся соціальной дифференціаціей.

вершается сразу, а проходитъ черезъ промежуточныя стадіи полукультуры, при которой уже имѣются на лицо отношенія властвованія и признаніе права, хотя формальное право и дѣйствительная государственная организація отсутствуютъ. Въ такомъ положеніи находится нынѣ международное право; оно лишено государственной организаціи юридическаго властвованія, оно есть безгосударственное право. Международное право есть право молодой культуры и соотвѣтствуетъ еще не вполнѣ развившейся степени культурнаго прогресса. Международное право есть промежуточная ступень по пути къ юридической культурѣ. Историческій прогрессъ представляетъ собою прогрессивное развитіе культуры. При чемъ этотъ прогрессъ сказывается въ развитіи организаціи юридическаго властвованія. Неизбѣжный выводъ изъ предшествующихъ соображеній тотъ, что международная жизнь, развиваясь со ступени современной полу-культуры къ состоянію полной культуры, должна принять форму юридической организаціи.

Нѣтъ никакого основанія полагать, что современное господствующее направленіе анархическаго международнаго права можетъ оказаться плодотворнымъ. Исключительное стремленіе разрабатывать только такъ называемые положительные институты международнаго права не приведетъ къ дѣйствительному прогрессу. Утверждать, съ одной стороны, суверенитетъ и независимость государства, а, съ другой, полагать возможность правильной юридической международной жизни значитъ потеряться въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ и стремиться разрѣшить своего рода квадратуру круга. Нынѣшніе интернаціоналисты-практики вѣрятъ въ прогрессъ международнаго права; они думаютъ, что къ цѣли приведутъ гуманизація способовъ веденія войны и учащеніе обращеній къ международному третейскому суду. Если они полагаютъ, что надъ государствами есть нормы права, то необходимо, чтобы эта власть права нашла свое проявленіе въ опредѣленной организаціи, которая обладала бы всемірнымъ авторитетомъ. Если же развитіе права пойдетъ по пути созданія международной верховной власти, правильно организованной, то залогъ будущаго лежитъ тогда не въ нынѣшнихъ видахъ аморфныхъ отношеній; разница между настоящимъ и будущимъ будетъ не количественная только, а и качественная. Необходимо, чтобы новый юридическій принципъ былъ признанъ и новый юридическій

органъ созданъ. До тѣхъ поръ международное право будетъ топтаться на одномъ мѣстѣ и вѣчно упираться въ одинъ и тотъ же тупикъ государственнаго суверенитета.

Мы уже указывали въ самой международной жизни зачатки, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, разовьется будущее организованное человѣчество. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ какъ почти во всѣхъ случаяхъ, теорія отстаетъ отъ практики и упорно стоитъ на точкѣ зрѣнія когда-то господствовавшаго, но уже давно пережитаго состоянія. Нынѣшнее международное право въ сущности аналогично въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тому состоянію человѣчества, въ какомъ оно находилось на исходѣ среднихъ вѣковъ, когда католическая теократія и Священная Римская имперія окончательно были разрушены и на ихъ мѣстѣ воздвиглись независимыя національныя государства. Въ то время формальное право говорило о суверенитетѣ одной всемірной имперіи и отрицало независимость отдѣльныхъ государствъ; для того же, чтобы не стать въ вопіющее противорѣчіе съ дѣйствительностью, теорія права вела два списка отношеній, de jure и de facto, и лишь мало-по-малу, когда окончательно была разрушена имперія и суверенными признаны были государства, отказалась отъ этого дуализма. Въ настоящее время обратный процессъ приводитъ къ тому, что государства теряютъ свою независимость, и общая воля человѣчества все сильнѣе сказывается въ различныхъ институтахъ международной жизни; юристы же ведутъ двойной списокъ отношеній, съ одной стороны, юридической суверенности отдѣльныхъ государствъ, съ другой, фактической зависимости, или, какъ говорятъ французы, interdépendance. Такое направленіе соотвѣтствуетъ уже отжившему состоянію человѣчества, и дѣйствительность все сильнѣе опережаетъ теорію. Международное право не есть цѣль само по себѣ, а лишь средство объединенія человѣчества. Единое человѣчество, какъ общество свободныхъ лицъ, вотъ конечная цѣль; къ этой цѣли ведетъ пока очень несовершенно международное право, а еще совершеннѣй будетъ вести космополитическое право, право всемірной организаціи. Международное право поэтому должно быть замѣнено космополитическимъ, какъ когда-то феодальное право было замѣнено государственнымъ.

Насколько формально-юридическое направленіе суживаетъ сферу международнаго права, ограничивая его источники международ-

нымъ договоромъ, да и къ этому послѣднему относясь скептически, въ силу не-гарантированности его принужденіемъ, настолько критическое направленіе въ правѣ расширяетъ область международно-правовыхъ изслѣдованій. Вопросъ о международной организаціи не только пріемлется этимъ направленіемъ, но даже выдвигается на первый планъ. Идеалистическія предпосылки философско-критическаго направленія говорятъ о нѣкоторомъ какъ бы естественномъ правѣ, призванномъ регулировать совмѣстную жизнь государствъ, о разумности общаго международнаго порядка и международной организаціи, объ этическомъ императивѣ общечеловѣческой солидарности и о необходимости всеобщаго мира. Соціально-политическія изысканія также приводятъ къ взгляду, что возникновеніе всемірнаго хозяйства, расширеніе за предѣлы государства общественныхъ и классовыхъ интересовъ, развитіе экономическихъ узъ и духовной солидарности между государствами ставитъ на первую очередь проблему юридической организаціи человѣчества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Международный федерализмъ.

ГЛАВА IX.

Международный федерализмъ до XVIII вѣка.

Исторія намъ показываетъ, что ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами направленій, ни всемірный имперіализмъ, ни международный аномизмъ и анархизмъ, не отвѣчаютъ тому ходу, который приняла современная жизнь народовъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утверждается идея международнаго федерализма. Возникнувъ еще въ отдаленныя времена, эта послѣдняя теорія неустанно развивалась, пока не приняла формы законченной и разработанной въ своихъ деталяхъ системы.

Мы имѣли уже случай указывать, что политическій универсализмъ можетъ быть созданъ по типу или имперіалистическому или федералистическому. Изъ двухъ способовъ, посредствомъ которыхъ можетъ быть образована организація человѣчества, т. е. завоеванія и союзнаго соглашенія, федерація болѣе дѣйствительна, но она предполагаетъ для своего успѣха болѣе высокую цивилизацію, чѣмъ завоеваніе. Понятно поэтому, что развитіе федеративнаго движенія свойственно, главнымъ образомъ, новому времени, хотя сама федеративная идея нисколько не нова и вполнѣ была извѣстна и древнему міру.

Международный федерализмъ въ древности.

Начало исторіи международнаго федерализма слѣдуетъ искать еще въ древности. Многочисленныя федеративныя образованія античнаго міра, широкое федеральное движеніе Греціи не могли, разумѣется, не отразиться и на античной политической мысли [1]).

[1]) Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ Бри и Гирке, будто античная политическая мысль совершенно не знала федеративныхъ идей. Но эта область еще мало изслѣдована. Существующія многочисленныя историческія работы занимаются исключительно федераціями, а не федерализмомъ, т.-е. учрежденіями, а не теоріями.

Платонъ, разсказывая въ діалогѣ *Critias* о политическомъ строѣ на фантастическомъ островѣ Атлантидѣ, рисуетъ федеративную организацію. Весь островъ раздѣленъ на десять государствъ. Глава каждаго государства имѣетъ абсолютную власть надъ людьми и надъ законами, поскольку эти послѣдніе не составляютъ компетенціи всего союза; такимъ образомъ каждое государство сохраняетъ свою независимость. Эти десять государствъ соединены между собою въ федерацію. Въ основѣ союза лежитъ учредительный актъ, статьи котораго высѣчены на колоннѣ въ храмѣ Нептуна. Федеральнымъ органомъ является конгрессъ, собраніе главъ государствъ; конгрессъ этотъ собирается поочередно черезъ пять и черезъ шесть лѣтъ; на немъ обсуждаются общія дѣла, разсматривается, не нарушилъ ли кто-нибудь изъ правителей основныхъ законовъ, и совершается судъ; на этомъ же конгрессѣ обсуждаются и рѣшаются сообща вопросы о внѣшней войнѣ и другія важныя дѣла. Между государствами долженъ господствовать вѣчный миръ, и членамъ союза запрещается воевать другъ съ другомъ; правители гарантируютъ другъ другу сохраненіе своихъ престоловъ: предсѣдательство на конгрессѣ принадлежитъ одной старшей королевской линіи. Рѣшенія постановляются по большинству голосовъ.

Сомнительно, чтобы былъ федерализмъ въ воззрѣніяхъ Аристотеля на организацію международныхъ отношеній. Наиболѣе совершенный общественный союзъ, по его мнѣнію, есть государство [1]). Оно, по возможности, не должно быть большимъ [2]), и даже нація не должна обниматься однимъ государствомъ [3]); государство должно имѣть сношенія съ другими, но умѣренныя и, по возможности, избѣгать тѣсныхъ сношеній [4]). Въ человѣчествѣ слѣдуетъ различать цивилизованную (греческую) и варварскую части. Отношенія между цивилизованными государствами должны быть иными, чѣмъ между цивилизованными и варварскими. Если по нѣкоторымъ заявленіямъ Аристотеля можно, пожалуй, заключить, что онъ считалъ всякую войну съ варварами законной [5]), то на отношенія между гре-

---

[1]) *Polit.*, I, 1.
[2]) *Ibid.* IV, 4.
[3]) *Ibid.* II, IV, 4 1.
[4]) *Ibid.* IV, 5.
[5]) *Ibid.* I, 3.

ческими государствами онъ смотрѣлъ иначе. Повидимому, онъ склонялся къ идеѣ организаціи цивилизованныхъ народовъ. Онъ оправдывалъ стремленіе къ гегемоніи, если государство, стремящееся къ ней, имѣетъ въ виду оказать пользу подчиненнымъ, а не господствовать надъ ними [1]). «Греки, восклицаетъ Аристотель въ одномъ мѣстѣ *Политики*, народъ свободный и пользующійся наилучшимъ политическимъ устройствомъ; и если бы онъ составилъ изъ себя одно политическое цѣлое, то былъ бы въ состояніи властвовать надъ всей вселенной [2])!»

Благопріятной средой для развитія федерализма была Греція III — II вѣковъ до Р. Хр., когда отдѣльные города-республики были охвачены могучимъ стремленіемъ къ федеративному объединенію. Этотъ процессъ былъ слишкомъ рано прерванъ завоевательной политикой Рима и установленнымъ имъ унитарнымъ централизмомъ. Политическій писатель, жившій въ эпоху напряженнаго греческаго федеративнаго движенія, Полибій явился наиболѣе яркимъ выразителемъ идей античнаго федерализма [3]).

Древняя Греція и Италія знали многочисленные примѣры федерацій [4]). Подробныя свѣдѣнія сохранились объ исторіи и устройствѣ этолійской и ахейской федерацій (συμπολιτεία). Эти союзы независимыхъ городовъ представляли собою настоящія федеративныя государства. Высшимъ органомъ управленія Этолійской симполитіи было общее народное собраніе всѣхъ гражданъ, принадлежавшихъ къ союзу, дѣйствовавшее въ согласіи съ союз-

[1]) *Ibid.* IV, 13.

[2]) *Ibid.* IV, 6. Общегреческій федерализмъ находимъ мы у Исократа; см. Laurent, *op. cit.*, II, 489—492. Федерализмъ, несомнѣнно, соотвѣтствовалъ духу эпикурейской системы, построенной на принципѣ договора и пользы; подтверждающія это указанія находимъ мы у эпикурейца Лукреція. См. *De natura rerum*, V.

[3]) О федерализмѣ Полибія имѣется прекрасная и основательная работа О. Мищенко, *Федеративная Эллада и Полибій*, приложенная, какъ предисловіе (стр. I—CCXLIII), къ первому тому его перевода: Полибій, *Всеобщая исторія*, М. 1890. Много даетъ для уясненія воззрѣній Полибія и Scala, *Die Studien des Polybios*, Stuttgart, 1890, особ. стр. 299 - 324.

[4]) Указанія на обширную историческую литературу, посвященную этимъ федераціямъ, см. у Le Fur, *Etat fédéral et confédération d'Etats*, Paris, 1896. Лучшими работами остаются: E. Freeman, *History of federal government*, London, 1863; M. Dubois, *Les ligues étolienne et achéenne, leur histoire et leur institutions*, Paris, 1885, и только что указанное сочиненіе Мищенко.

нымъ совѣтомъ старѣйшинъ. Въ союзномъ совѣтѣ присутствовали представители отъ каждой общины, причемъ каждая община посылала число представителей, пропорціональное своей величинѣ и долѣ своего участья въ расходахъ всего союза. Исполнительнымъ органомъ союза являлся комитетъ апоклетовъ. Верховнымъ органомъ Ахейскаго союза было общее собраніе народа, состоявшее изъ народа и представительнаго совѣта, въ которомъ каждый союзный городъ имѣлъ одинаковое число голосовъ. Отдѣльные города союза не теряли своихъ учрежденій; они сохраняли свои народныя собранія, свои совѣты и своихъ должностныхъ лицъ. Самое право сношеній ихъ съ иноземными государствами было только ограничено, но не упразднено. Каждый членъ союза пользовался одинаковыми правами, но долженъ былъ дѣлать взносы въ союзную казну, размѣры которыхъ опредѣлялись союзнымъ собраніемъ, и поставлять контингенты въ союзную армію.

Самъ Полибій являлся горячимъ сторонникомъ описанныхъ федеративныхъ учрежденій. «Нигдѣ въ такой степени,—говоритъ онъ,—и съ такою строгою послѣдовательностью, какъ въ государственномъ устройствѣ ахеянъ, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоправство. Такъ какъ ни одинъ изъ первоначальныхъ участниковъ (союза) не пользовался никакимъ преимуществомъ, напротивъ, всякій вновь примыкающій вступалъ на совершенно равныхъ правахъ, то устройство это быстро достигло поставленной заранѣе цѣли, ибо имѣло двоякую надежнѣйшую опору въ равенствѣ и милосердіи. Устройство это должно почитать источникомъ и причиною того, что полоponнесцы объединились и создали нынѣшнее благосостояніе»[1]).

Въ полной гармоніи съ этимъ федерализмомъ находились воззрѣнія Полибія на отношенія между независимыми государствами. Существуютъ τὰ κοινὰ τῶν ἀνθρώπων ἔθη, какъ для мирнаго состоянія, такъ и для войны; международные договоры священны и должны быть соблюдаемы [2]). Для того, чтобы права народовъ и

---

[1]) Полибій, *Всеобщая исторія*, II, 38. Кри не сумѣль оцѣнить по достоинству воззрѣній Полибія см. Brie, *Der Bundesstaat*, Leipzig, 1874, стр. 9—11; за нимъ его ошибку повторилъ Гирке, *Das deutsche Genossenschaftsrecht*, III, 28, пр. 64, которому здѣсь измѣнила его обычная эрудиція.

[2]) Polybios, I, 70, 6; XXXVII, 1, 15.

договоры соблюдались, лучшее средство, конечно, есть установленіе всемірной организаціи. Полибій не скрывалъ своихъ симпатій даже къ всемірному распространенію римскаго владычества [1]); но истинно правильной организаціей можетъ быть лишь федерація. По этому же онъ высказывается за равновѣсіе государствъ. «Никогда не слѣдуетъ давать какому-либо государству усилиться до такой степени, когда становится невозможнымъ оспаривать посягательства его даже на права общепризнанныя» [2]).

Античная политическая организація покоилась на двухъ основныхъ принципахъ: на всемогуществѣ верховной власти [3]) и на національной исключительности отдѣльнаго государства. Орга-

Международный федерализмъ въ средніе вѣка.

---

[1]) Въ кн. I, 4, 3—4 онъ объясняетъ мотивы, побудившіе его написать исторію: „Никто еще не попытался изслѣдовать, когда и какимъ образомъ началось объединеніе всего міра, а равно и то, какими путями осуществлялось это дѣло. Вотъ почему мнѣ казалось необходимымъ восполнить недостатокъ и не оставить безъ разсмотрѣнія прекраснѣйшее и вмѣстѣ благороднѣйшее дѣяніе судьбы".

[2]) Polybios, I, 83, 4. Въ различныхъ мѣстахъ своей исторіи Полибій далъ наброскъ права войны; см., напр., V, 11. 3—6; XXIII, 15, 1. Эти мѣста—прекрасное возраженіе тѣмъ, кто утверждаетъ, что древности была чужда идея международнаго права.

[3]) Мы не хотимъ этимъ сказать, будто бы это поглощеніе личности античной общиной было исключительнымъ и дѣйствительно осуществлявшимся. Мнѣніе, высказанное еще Фюстелемъ де-Куланжемъ, что въ древности индивидъ былъ вполнѣ поглощенъ всемогущимъ государствомъ (Fustel de Coulanges, *Cité antique*. II, XVIII), встрѣчаетъ послѣднее время очень основательныя возраженія. Федеративное движеніе, покоящееся на принципѣ индивидуальной свободы, ясно доказываетъ неосновательность подобныхъ утвержденій. Древности нисколько не была чужда и *идея* неприкосновенныхъ правъ личности; въ качествѣ примѣра приведемъ слѣдующія прекрасныя слова Цицерона изъ его рѣчи *Pro Balbo*: „Jure nostro neque mutare civitatem quisquam invitus potest, neque si velit mutare non potest, modo adsciscatur ab ea civitate cujus esse se civitatis velit... Multi etiam superiore memoria cives romani sua voluntate indemnati et incolumes his rebus relictis alias se in civitates contulerunt... Quod si civi romano licet esse gaditanum, sive exsilio, sive postliminio, sive rejectione hujus civitatis... quid est quamobrem civi gaditano in hanc civitatem venire non liceat?.. Nam cum ex omnibus civitatibus via sit in nostram cumque nostris civibus pateat iter de ceteras civitates, tum vero... O jura praeclara atque divinitus jam inde a principio romani hominis a majoribus nostris comparata! Ne quis nostrum plus quam unius civitatis esse possit... ne quis invitus civitate mutetur: neve in civitate maneat invitus. Haec sunt enim fundamenta firmissima nostrae libertatis, sui quemque juris et retinendi et dimittendi esse dominum. *Pro Balbo*, XI, XII, XIII. Но если эта идея неприкосновенныхъ

низація власти въ древнемъ государствѣ разрушилась подъ напоромъ двухъ антагонистическихъ вліяній: стремленія къ освобожденію личности (стоическая, эпикурейская и христіанская мораль) и развитія національнаго государства въ общечеловѣческое (македонская и римская имперіи). Результатомъ сначала былъ полный распадъ общественной организаціи, отсутствіе какой бы то ни было верховной власти, анархія, а потомъ созданіе новаго государства, новой организаціи верховной власти, при признаніи двухъ новыхъ, мало извѣстныхъ античному міру принциповъ: 1) самостоятельности личности, существованія извѣстной сферы широкой или тѣсной, но окончательной и не отчуждаемой индивидуальной свободы и 2) всеобщности общественной организаціи, всемірной международной организаціи. Понятно, поэтому, что античный міръ, какъ правило, зналъ лишь одно политическое построеніе: имперіалистическій универсализмъ, іерархическую централизацію, самодержавной абсолютизмъ. Средневѣковой и новый міръ создалъ понятіе соціальныхъ клѣточекъ (общинъ, государствъ), образуемыхъ свободнымъ союзомъ индивидовъ, гдѣ личность отказывается отъ части своей свободы, но гдѣ союзъ не долженъ неограниченно расширять своей компетенціи, и понятіе соціальнаго тѣла (федераціи, международнаго союза), создаваемаго свободнымъ договоромъ соціальныхъ клѣточекъ.

Средніе вѣка были классической эпохой федерализма, если и не междугосударственнаго, такъ какъ самое понятіе государства было въ зачаточномъ состояніи, то соціальнаго и универсальнаго. Разрушеніе античнаго государства повлекло за собой анархію «темныхъ вѣковъ». Политическая власть стала считаться личнымъ достояніемъ короля; на сцену выступили прежде всего частныя отношенія; люди, ища защиты, соединялись вокругъ отдѣльныхъ сильныхъ лицъ; государственный суверенитетъ раздробился. Наступилъ сеньоріальный строй. Исчезло самое понятіе о государствѣ. Къ X вѣку анархія была полной. Но подъ неустаннымъ вліяніемъ вѣчнотворящихъ силъ жизни изъ этой анархіи началъ выростать свободный и гармоничный міръ. Изъ хаоса самопроизвольно воз-

---

правъ личности не была вполнѣ чужда древности, то во всякомъ случаѣ она и не пользовалась широкимъ признаніемъ.

никла новая организація общества. Въ началѣ, въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ, именно, съ V по X вв., образуются общественныя группировки вокругъ наиболѣе сильныхъ людей, принадлежащихъ къ церкви или къ военному сословію. Священники и воины являются центрами общественнаго притяженія; они, съ группирующимися вокругъ нихъ лицами, слабыми и ищущими ихъ защиты и покровительства, составляютъ первыя основы нарождающагося общества: знать и духовенство. Съ XI по XIII вѣка города и общины накопляютъ богатства, пріобрѣтаютъ свободу и дѣлаются очагами вольной и независимой жизни.

Таковы новыя силы, появляющіяся въ исторіи. Эти силы постепенно группируются и приходятъ въ порядокъ и гармонію. Къ XIII вѣку они образуютъ три іерархически расположенные класса: церковь, дворянство и третье сословіе. Это—основные чины, главные органы соціальной жизни. Но въ самыхъ этихъ органахъ, подъ видимымъ внѣшнимъ единствомъ, замѣчается безконечное разнообразіе. Ихъ масса—не сумма равныхъ индивидовъ; повсюду разнообразіе церковныхъ и феодальныхъ учрежденій, городскихъ коммунъ, торговыхъ и ремесленныхъ корпорацій. Основнымъ элементомъ общественнаго строя являются группы. Каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ особую организацію, свой статутъ, свой духъ, свои интересы и обычаи. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое отдѣльное и строго опредѣленное мѣсто въ общей системѣ, и всѣ вмѣстѣ образуютъ не механическій агломератъ, а іерархію. Такой видъ приняло феодальное общество въ періодъ расцвѣта среднихъ вѣковъ, т.-е. къ концу XII вѣка. Оно было системой силъ, совокупностью группъ, федераціей отдѣльныхъ живыхъ организмовъ.

Соотвѣтственно этому, политическая мысль того времени признавала не только основное понятіе единаго мірового цѣлаго, но и самостоятельное и самоцѣнное существованіе каждой части этого мірового цѣлаго, вплоть до индивида. Міръ есть единое расчлененное цѣлое, каждая его часть и служитъ для цѣлей цѣлаго и имѣетъ свою особую частную цѣль. Образуется взаимодѣйствіе и солидарность цѣлаго и частей. Каждый человѣческій союзъ есть лишь членъ общаго, вселенскаго организма, но та цѣль, которой служитъ индивидъ, должна опредѣлять и цѣль того союза, въ который вступаетъ индивидъ. «Истинно средневѣковая система мысли, говоритъ глубокій

зпатокъ средневѣковаго міровоззрѣнія, Гирке, исходила изъ цѣлаго и единства, но каждому болѣе тѣсному цѣлому, вплоть до индивида, она предоставляла собственную жизнь, особую цѣль и самостоятельную цѣнность въ гармонически расчлененномъ организмѣ проникнутаго божественнымъ духомъ мірового цѣлаго. Такимъ образомъ, въ результатѣ, въ согласіи съ средневѣковымъ строемъ жизни, она приходила къ вполнѣ федералистическому построенію общественнаго цѣлаго. Если же она требовала видимаго единства человѣческаго рода въ церкви и имперіи, то ограничивала это единство только такими отношеніями, общность которыхъ требуется самой универсальной цѣлью человѣчества. Для средневѣковой политической мысли поэтому универсальный союзъ не былъ ни абсолютнымъ, ни исключительнымъ, но образовывалъ лишь куполъ, возвышающійся надъ соціальнымъ зданіемъ, расчлененнымъ на самостоятельныя цѣлыя. И этотъ принципъ повторялся тогда на многочисленныхъ ступеняхъ вплоть до самыхъ тѣсныхъ, мѣстныхъ, профессіональныхъ и домашнихъ союзовъ. Повсюду, въ церкви и въ государствѣ, коллективныя лица состояли изъ реальныхъ индивидуальныхъ частей, изъ которыхъ каждая, правда, нуждалась въ соединеніи съ высшимъ цѣлымъ, но въ то же самое время образовывала цѣлое, надѣленное своей особой цѣлью, и само въ свою очередь организованное по принципу единства, господствующаго надъ множествомъ» [1]).

Средневѣковая организація покоилась не только на группировкѣ силъ, но и на совокупности договоровъ. Въ основу общественной жизни было положено начало договора. Всѣ члены соціальнаго организма были соединены другъ съ другомъ опредѣленными соглашеніями. Государство являлось не только совокупностью силъ, но и системою договоровъ. Сама общественная власть получила новый характеръ: она перестала быть общимъ принужденіемъ закону, а сдѣлалась обязанностью по отношенію къ лицу. Всѣ соціальныя и политическія отношенія получили форму индивидуальныхъ обязательствъ. Вся вообще внутренняя исторія средневѣковаго общества есть исторія эволюціи идеи договора. Въ VIII и IX вѣкахъ ограниченное и индивидуальное примѣненіе договора полага-

[1]) Gierke, *Althusius*, 2 изд., 226—227.

етъ основаніе системѣ вассальства; въ XI и XII в. расширеніе договоровъ на общины даетъ начало городскимъ хартіямъ и коммунальнымъ вольностямъ. Въ XIV вѣкѣ примѣненіе договора къ общей правительственной системѣ вызываетъ къ жизни первые зародыши представительнаго режима. Повсюду заключаются торжественные договоры, опредѣляющіе количество налоговъ и податей, взимаемыхъ съ населенія, судебныя и гражданскія гарантіи. Для всего государства устанавливается право обсуждать, черезъ своихъ представителей, каждое измѣненіе въ этихъ договорахъ, каждое повышеніе въ налогахъ, измѣнять законы, утверждать свои обязанности.

Такимъ образомъ изъ всеобщаго безпорядка феодальный строй создалъ нѣчто стройное. Въ своемъ полномъ расцвѣтѣ онъ пришелъ къ чрезвычайно возвышенной и гуманной формулѣ, которой не знала древность, и въ значительной мѣрѣ, къ сожалѣнію, забыло и новое время, именно, къ идеѣ согласія, ограничивающаго власть, власти соединенной съ послушаніемъ. Изъ всѣхъ этихъ частныхъ договоровъ родился общественный договоръ, неписанная конституція, господствовавшая вѣка; изъ всей признанныхъ и опредѣленныхъ вольностей получилась народная свобода [1]). «Построеніе общества, говоритъ Гирке, въ смыслѣ корпоративно-расчлененнаго цѣлаго было основной мыслью истинно средневѣковой системы; однако, надо замѣтить, это построеніе отличалось отъ федерализма новаго времени; то, что въ средніе вѣка конструировалось въ направленіи сверху внизъ, то здѣсь, черезъ посредство идеи общественнаго договора, реконструировалось въ направленіи снизу вверхъ» [2]). «Среди политическихъ теорій въ послѣднія столѣтія средневѣковья, столь богатыя корпоративной жизнью, не было недостатка въ попыткахъ принципіально обосновать, въ противовѣсъ совершавшейся или угрожавшей централизаціи въ государствѣ и церкви, идею корпоративнаго расчлененія и доказать самостоятельную цѣнность и собственное право промежуточныхъ союзовъ» [3]).

---

[1]) Ср. Imbart de la Tour, *Les origines de la Réforme*, Paris, 1905.

[2]) Gierke, *op. cit.*, 226.

[3]) Gierke, *op. cit.*, 233. Въ церкви такими автономистами были сторонники партіи соборовъ. См. также указанія Гирке на Данте, Николая Кузанскаго, Антонія Розелли, Марсилія Падуанскаго. Альвара Пелагія. Впрочемъ о

Развитіе федералистическихъ идей совершалось въ двухъ направленіяхъ: по отношенію къ внутренне-государственной жизни, гдѣ отдѣльнымъ корпораціямъ и общинамъ отводилась независимая, самостоятельная, юридическая сфера, и по отношенію къ надъ-государственной жизни, гдѣ вырабатывалось понятіе сложнаго государства и федераціи государствъ. Что касается теоріи надъ-государственнаго федерализма, то она была мало извѣстна среднимъ вѣкамъ, что объясняется господствомъ въ эту эпоху идеи единой всемірной имперіи, при которой, разумѣется, всякая автономія, всякій договоръ и союзъ автономныхъ коллективностей являлись внутренне-государственными.

Впервые съ необычайною ясностью и точностью идеи международнаго федерализма были высказаны французскимъ публицистомъ эпохи Филиппа Краснваго, Пьеромъ Дюбуа, который по истинѣ долженъ считаться настоящимъ предшественникомъ идеи Соединенныхъ Штатовъ Человѣчества [1]). Ближайшею задачею, послужившею поводомъ для международныхъ проектовъ Дюбуа, было завоеваніе Святой земли. Для этого завоеванія необходимъ рядъ реформъ, которыя осуществимы только въ томъ случаѣ, если будетъ создана международная организація. Организація эта должна быть дѣломъ международнаго конгресса, на которомъ должны принять участіе прелаты и свѣтскіе князья всѣхъ независимыхъ государствъ христіанскаго міра, въ томъ числѣ и византійскій императоръ [2]). Внутри организаціи долженъ соблю-

---

Данте см. противоположное мнѣніе Kelsen, *Die Staatslehre des Dante Alighieri*, стр. 129. Гирке въ своей прекрасной работѣ о средневѣковой корпоративной идеѣ убѣдительно показалъ, насколько общественная средневѣковая жизнь была проникнута федерализмомъ. Это былъ истинный федерализмъ, такъ какъ онъ жизнь всего человѣчества строилъ по федералистическому принципу. Соціальный федерализмъ всегда шире, всегда глубже лишь государственнаго федерализма.

[1]) Pierre Dubois (ок. 1250—1340), *De recuperatione terre sancte*, 1306 (изд. Langlois въ Collection des textes pour servir à l'etude de l'histoire, Paris, 1891). См. Renan въ *Histoire litteraire de France*, vol. 26, 1873, стр. 417—536; Richard Scholz, *Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz' VIII*, Stuttgart, 1903, стр. 375—443.

[2]) Generale concilium omnium catholicorum principium et prelatorum, какъ называетъ этотъ конгрессъ Дюбуа въ началѣ своего трактата; см. *op. cit.*, s 2 (стр. 2). Quod ut inchoetur ordinate, videtur expediens supplicare domino

даться миръ [1]). Нарушители мира должны лишаться своихъ владѣній и высылаться въ Святую землю [2]). Всѣ члены совѣта, учреждающаго общеевропейскій союзъ, должны поклясться въ исполненіи союзнаго договора [3]). Первымъ условіемъ успѣха въ завоеваніи Святой земли является миръ [4]), для обезпеченія же мира необходимо созданіе единой политической организаціи, въ которую вошли бы всѣ христіанскія государства [5]). Для сохраненія мира между отдѣльными суверенными государствами Дюбуа предлагалъ учрежденіе международной европейской палаты третейскаго суда. Судьями въ этой палатѣ должны быть шесть присяжныхъ судей, три духовныхъ прелата, и три другихъ судьи, назначенныхъ участвующими въ спорѣ сторонами. Издержки должны нести спорящія стороны; апелляціонной инстанціей являлся бы папа [6]).

---

pape quod ipse citra montes, super hiis vocatis prelatis et principibus catholicis sibi obedientibus, presertim regibus ac aliis qui non recognoscunt superiores in terris, Concilium faciat generale, Peryalogum detentorem imperii Constantinopolis, nec non detentorem regni Castelle et ejus nepotes de illo contendentes, regem Alemannie cum ejus electoribus nullatenus obmittendo, ut super recupetatione et reformatione et conservatione Terre sancte, nec non statu universalis totius reipublicae christicolarum, cum eisdem et per ipsos consilium et auxilium et remedium salubriter habeatur, ipsique domino pape... presens opusculum... mittatur..." (*Op. cit.*, § 106, стр. 90).

[1]) Nullus catholicus contra catholicos currat ad arma (*op. cit.*, § 3).

[2]) *Op. cit.*, § 4 (стр. 7).

[3]) *Op. cit.*, § 101 (стр. 82).

[4]) *Op cit.*, § 2 (стр. 3).

[5]) Idcirco inter catholicos omnes, saltem ecclesie romane obedientes, pacem firmari taliter expedit quod una sit respublica, sic fortiter unita quod non dividatur. *Ibid.*

[6]) За важностью этого мѣста, гдѣ мы впервые, насколько намъ извѣстно, встрѣчаемъ ясно формулированную идею обязательнаго международнаго третейскаго суда, мы выписываемъ его цѣликомъ: „Sed cum iste civitates et multi principes superiores in terris non recognoscentes, qui justiciam faciant de ipsis secundum leges et consuetudines locorum, controversias movere captabunt, coram quibus procedent et litigabunt? Responderi potest quod concilium statuat arbitros religiosos et alienos eligendos viros prudentes et expertos ac fideles, qui jurati tres judices prelatos et tres alios pro utraque parte, locupletes, et tales quod sit verisimile ipsos non posse corrumpi amore, odio, timore, concupiscencia, vel alias, qui convenientes in loco ad hoc aptiori, jurati strictissime, datis antequem conveniant articulis petitionum et defensionum singularum, summarie et de plano, rejectis primo superfluis et ineptis, testes et instrumenta recipiant, diligentissime examinent. Cujuslibet testis examinatio per duos ad minus juratos

Своеобразно для Дюбуа, и характерно для его федерализма, что онъ отрицалъ возможность всемірной монархіи,—взглядъ не совсѣмъ обычный для писателя начала XIV вѣка [1]).

Замѣчательный проектъ общеевропейской конфедераціи былъ задуманъ и предложенъ чешскимъ королемъ Георгіемъ Подибрадомъ [2]). По этому проекту всѣ правители христіанскихъ народовъ

---

fideles et prudentes audiatur; scribantur depositiones et per judices strictissime custodiantur, ne fraus et falsitas possint intevenire. Sic conveniant judices ad impensas moderatas partium solvendas, quatinus plus impendent quam essent in suis domibus verisimiliter impensuri. Ad judicandum, si expedierit, assessores habeant secundum eorum conscientias fidelissimos ac peritissimos in lege divina et canonica et civili. Si altera pars de ipsorum sentencia non sit contenta, ipsi judices pro omni lite processus cum sentenciis mittant ad apostolicam sedem, per summum pontificem pro tempore existentem emendandas et mutandas, prout et si justum fuerit; vel si non, salubriter ad perpetuam rei memoriam confirmandas et in cronicis sancte romane ecclesie inregistrandas". *De recuperatione*, § 12, стр. 11—12.

[1]) Modo non est homo sane mentis, ut credo, qui estimare verisimiliter posset in hoc fine seculorum fieri posse quod esset totius mundi, quod temporalia, solus unus monarcha qui omnia regeret, cui tanquam superiori omnes obedirent; quia si ad hoc tenderetur, essent guerre, seditiones et dissensiones infinite; nec esset qui posset eas sedare propter multitudinem populorum remotionem et diversitatem locorum, naturalem inclinationem hominum ad dissenciendum; licet aliqui vulgariter vocati fuerunt mondi monarche, tamen postquam regiones fuerunt de hominibus populate, non credo quemquam fuisse cui omnes obedirent (*Op. cit.*, § 63, стр. 54). Однако въ болѣе раннемъ своемъ произведеніи *Summaria brevis et compendiosa doctrina felicis expedionis et abreviationis guerrarum ac litium regni Francorum* (рукопись въ Парижской Національной библіотекѣ, latin. 6222, см. de Wailly, *Mémoires de l'Academie des Inscriptions*, XVIII, 2-e partie, стр. 435 и сл.; *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*, 2-e série, III, стр. 273 и сл.) Дюбуа высказывался за всемірное господство французскаго короля (*op. cit.*, fol. 7 и 10). Существуютъ указанія, что идея общеевропейской конфедераціи не была чужда также и творцу Нидерландской федераціи Жаку Артевельде (1290—1345) См. Potvin, *Le génie de la paix en Belgique*, стр. 13.

[2]) Georg Podiebrad (1420—1471). Проектъ его изложенъ въ *Traité d'alliance et confédération entre le Roy Louis XI, George Roy de Bohème et la Seigneurie de Venise pour résister au Turc*, 1464 (*Mémoires* de Philippe de Commines, дополн. Lenglet du Fresnoy, Paris. 1747, т. II, 424—434); см. Palacky, *Geschichte von Böhmen*, IV, 2, 235 сл., 303 сл. и особенно Hermann Markgraf, *Ueber Georgs von Podiebrad Project eines christlichen Fürstenbundes zur Vertreibung der Türken aus Europa und Herstellung des allgemeinen Friedens innerhalb der Christenheit* (*Historische Zeitschrift* Sybels, B. XXI, 1869, стр. 257—304).

должны заключить между собою союзъ. Между союзниками должно царить согласіе и миръ, и всѣ конфликты должны рѣшаться путемъ судебнаго разбирательства. Всякіе споры подданныхъ одного государства по отношенію къ подданнымъ другого государства должны рѣшаться судами или истца или отвѣтчика, а въ случаѣ ихъ медлительности, по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ, союзнымъ судомъ. Союзъ принялъ бы форму конфедераціи. Верховнымъ органомъ этой конфедераціи долженъ быть союзный совѣтъ (corpus, universitas sive collegium). Этотъ совѣтъ долженъ составляться изъ полномочныхъ представителей членовъ конфедераціи [1]). Если между полномочными нѣтъ единогласія, рѣшенія принимаются по большинству голосовъ [2]). Союзный совѣтъ обладаетъ, какъ постоянное учрежденіе, особой канцеляріей, кассой и т. д. Въ компетенцію совѣта входитъ третейское разрѣшеніе споровъ между членами союза и ихъ подданными [3]); отъ совѣта же зависитъ пріемъ новыхъ членовъ союза; кромѣ того, въ распоряженіе совѣта входитъ верховное руководство военными силами, которыя должны выставить всѣ союзники, для охраны христіанъ отъ турокъ. Судебная сторона компетенціи совѣта должна быть выдѣлена въ вѣдѣніе особаго всеобщаго союзнаго суда, «консисторіи» или «парламента». Этому суду должны быть переданы всѣ какъ настоящіе, такъ и могущіе возникнуть въ будущемъ споры между членами союза. Всѣ расходы на обще-союзныя цѣли должны вноситься членами союза сообразно съ установленными самимъ союзомъ нормами. Наслѣдникъ главы всякаго государства, вошедшаго въ союзъ, долженъ присоединиться къ союзу со дня своего вступленія на престолъ.

Достоинства федеративнаго строя не ускользнули отъ вниманія и Макіавелли. Онъ не далъ теоріи федерализма, не занимался

---

[1]) Въ этомъ совѣтѣ король Франціи съ прочими королями и князьями Галліи долженъ имѣть одинъ голосъ, короли и князья Германіи—другой. Венеціанскій дожъ и князья и города Италіи—третій, король Кастиліи и прочіе короли и князья испанской націи—четвертый. О прочихъ націяхъ не говорится опредѣленно, но указывается, что всякая нація, независимо отъ числа своихъ полномочныхъ, должна имѣть лишь одинъ голосъ.

[2]) Этотъ совѣтъ долженъ собираться для перваго пятилѣтняго періода въ Базелѣ, для второго — въ какомъ-нибудь французскомъ городѣ, для третьяго — въ итальянскомъ.

[3]) Jurisdictionem voluntariam et contentiosam una cum mero et mixto imperio prout eadem congregatio vel major pars ejusdem hoc decreverit.

вопросомъ о правѣ надъ отдѣльными государствами, но весь былъ погруженъ въ изученіе жизни отдѣльнаго государства. Но и у него въ его *Discorsi* имѣется любопытная глава, въ которой онъ изслѣдуетъ вопросъ, какими путями республика можетъ расширяться и какой изъ этихъ путей наилучшій. Наименѣе удаченъ, по мнѣнію Макіавелли, путь прямого завоеванія. Наиболѣе правиленъ способъ, состоящій въ пріобрѣтеніи союзниковъ, но съ предоставленіемъ себѣ въ союзѣ главенства, верховной власти и права начинанія общихъ предпріятій. Для своей страны, для Флоренціи, онъ совѣтуетъ третій,—федерализмъ. «Онъ состоитъ, говоритъ Макіавелли, въ томъ, чтобы соединять нѣсколько республикъ союзомъ, не давая ни одной преимущества и перевѣса надъ прочими; для распространенія слѣдуетъ только продолжать принимать въ союзъ другія республики. Такъ поступаютъ въ наше время швейцарцы, а въ древности въ Греціи—ахейцы и этолійцы. Федерація въ наше время представлена только Швейцаріей и Швабскимъ Союзомъ. Способъ распространенія государства посредствомъ союзовъ, которому слѣдовали тосканцы, ахейцы и этолійцы, а теперь швейцарцы, самый лучшій послѣ римскаго» (т.-е. второго). Достоинствами федераціи Макіавелли считаетъ, во-первыхъ то, что она рѣже вовлекаетъ въ войны; во-вторыхъ, даетъ возможность прочнѣе сохранять пріобрѣтенное. Макіавелли полагалъ, что федерація не допускаетъ слишкомъ большого распространенія. «Препятствіемъ къ обширному распространенію федеративнаго государства служитъ разнохарактерность республикъ, слишкомъ удаленныхъ другъ отъ друга, и самая отдаленность ихъ, которая мѣшаетъ имъ совѣщаться объ общихъ мѣрахъ. Притомъ федеративныя государства вообще менѣе завоевательны. Будучи управляемо совѣщательнымъ собраніемъ, федеративное государство естественно не можетъ дѣйствовать такъ быстро, какъ народъ, живущій весь вмѣстѣ, въ одномъ городѣ. Наконецъ, опытъ показываетъ, что федерація имѣетъ извѣстные предѣлы распространенія по самой природѣ своей, и не было примѣра, чтобы она переступила ихъ; въ ней не можетъ участвовать болѣе двѣнадцати или четырнадцати государствъ» [1]).

[1]) *Discorsi*. l. II, c. 4. См. Макіавелли, „*Государь и разсужденіе на первыя три книги Тита Ливія*“, пер. подъ ред. Курочкина. СПБ. 1869,

Хотя уже средневѣковыя жизнь и мысль знали федеративную идею, но была углублена эта идея и получила нравственно-философское обоснованіе лишь со времени реформаціи. Христіанство вообще дало жизнь троякаго рода интернаціонализму: централистическому теократизму, космополитическому анархизму и федерализму. Объ универсалитическомъ теократизмѣ мы говорили, излагая ученіе средневѣковаго папизма. Говоря о первоначальномъ христіанствѣ, останавливались мы также и на свойственномъ ему анархическомъ космополитизмѣ. Это теченіе христіанства не исчезло совершенно съ возникновеніемъ католической церкви а, продолжало жить въ средніе вѣка и сохранилось въ видѣ различныхъ сектъ вплоть до настоящаго времени [1]). Укажемъ, въ подтвержденіе этой мысли, на еретическое движеніе XII—XIII вв., на ученіе каѳаровъ или альбигойцевъ [2]), на крайнихъ гуситовъ и особенно на Петра Хельчицкаго [3]), на анабаптистовъ [4]), на менонитовъ и

Международный федерализмъ кальвинистовъ.

стр. 277, 282. Боденъ въ гл. 7-й 1 кн. *De republica* занимался изслѣдованіемъ природы римскихъ и латинскихъ конфедерацій, швейцарскихъ кантоновъ, Амфиктіоній, республикъ древней Галліи, Ахейскаго союза, Іонійскихъ городовъ, Этолійскаго союза и т. д.

[1]) См. А. Ященко, *Соціализмъ и интернаціонализмъ*, М. 1907, стр. 23—38.

[2]) Döllinger, *Geschichte der gnostischmanichäischen Sekten in früheren Mittelalter*, München, 1890, стр. 184.

[3]) Хельчицкій протестовалъ противъ примѣненія какого бы то ни было насилія. Онъ клеймилъ войну, какъ отвратительнѣйшее изъ всѣхъ золъ. Солдаты, по его словамъ, нисколько не лучше убійцъ и грабителей. Хельчицкій былъ сторонникомъ уравнительнаго коммунизма въ древне-христіанскомъ смыслѣ слова. Но всеобщее равенство въ обществѣ должно быть основано не войной и не государственнымъ принужденіемъ, а осуществлено внѣ государства и общества. Истинно вѣрующіе должны не принимать никакого участія въ государствѣ, такъ какъ оно грѣховное и языческое явленіе. Соціальныя неравенства, имущества, классы и ранги созданы государствомъ и могутъ только съ нимъ исчезнуть. Однако единственное христіанское средство уничтожить государство состоитъ въ томъ, чтобы его игнорировать. Истинно вѣрующему не только возбраняется принимать государственную должность, но ему возбраняется даже призывать на помощь государственную власть. Полиція и суды существуютъ не для него. Всякое принужденіе—зло. См. Хельчицкій, *Сѣть вѣры*, Москва, 1906. Ср. Anton Gindely, *Geschichte der Böhmischen Brüder*, I, Прага, 1861, стр. 13—16, 487; Л. Толстой, *Царство Божіе внутри васъ*, Лондонъ, 1898, гл. 1-я.

[4]) Анабаптитскій манифестъ, изданный въ Цоликонѣ, гласилъ: „Власти безполезны въ обществѣ истинно вѣрующихъ, и христіанину не дозволяется

на квакеровъ. Наконецъ, въ періодъ реформаціи въ христіанствѣ возникаетъ федеративное движеніе. Федералистическія идеи не могли быть ясно сознаны и послѣдовательно обоснованы средневѣковыми католическими теоріями, хотя сама средневѣковая дѣйствительность покоилась на федеративномъ началѣ соглашенія, такъ какъ самый исходный пунктъ этихъ теорій былъ не примиримъ съ федерализмомъ. Средневѣковое католическое воззрѣніе выводило власть и государство сверху, изъ Божественной воли, и потому невольно тяготѣло къ теократическому централизму. Протестантизмъ и особенно кальвинизмъ вывели власть и государство снизу, изъ природы отдѣльнаго человѣка, изъ его воли.

Въ основу церковнаго и политическаго ученія кальвинистами положена была федеративная идея договора. Церковная община, конгрегація, образуется путемъ соглашенія. Не ограничиваясь церковной сферой и перенося идею договора въ политическую жизнь, кальвинисты стали понимать всякую политическую организацію, въ томъ числѣ и государство, какъ созданіе договора первоначально суверенныхъ индивидовъ. Теорія народнаго суверенитета, въ ихъ ученіи, есть лишь продолженіе того же порядка идей: народный суверенитетъ есть соединеніе воль отдѣльныхъ индивидовъ. Намѣченныя Кальвиномъ, эти идеи федерализма развиты были его непосредственными послѣдователями, особенно монархомахами-гугенотами, восприняты англійскими пуританами и индепендентами, осуществлены въ Соединенныхъ Штатахъ и черезъ естественно-правовыя теоріи сдѣлались вѣчнымъ достояніемъ общечеловѣческой мысли.

Кальвинъ былъ истиннымъ представителемъ политической стороны реформаціи [1]), тогда какъ самъ Лютеръ и его послѣдователи,

---

дѣлаться должностнымъ лицомъ; единственное наказаніе, которое должно примѣняться въ христіанскомъ обществѣ къ преступникамъ, есть отлученіе; не дозволяется христіанамъ вербоваться въ ряды солдатъ, чтобы участвовать въ войнѣ". См. Thonissen, *Le socialisme dans le passé*, Bruxelles, 1850, стр. 126.

[1]) Ioh. Calvinus (1509—1564). *Institutio christianae religionis*, 1-е изд. 1535, 2-е—1539, 3-е—1543, 4-е—1559. *Opera Ioannis Calvini quae supersunt omnia*, ed. Baum, Cunitz, Reus, Strassburg, 1863—93, v. I—48. См. Р. Вишперъ. *Вліяніе Кальвина и кальвинизма на политическія ученія и движенія XVI вѣка. Церковь и государство въ Женевѣ XVI в. въ эпоху кальвинизма*, М., 1894.

смѣлые въ реформѣ духовной власти, были консерваторами въ области политической. Однако въ политическихъ взглядахъ Кальвина слѣдуетъ различать нѣсколько послѣдовательно смѣнявшихся періодовъ. Начавши съ полнаго, почти анархическаго провозглашенія неограниченной свободы индивидуальнаго самоутвержденія, Кальвинъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, подъ давленіемъ обстоятельствъ и опыта, принужденъ былъ допускать элементъ власти въ политической организаціи.

Въ началѣ своей дѣятельности Кальвинъ [1]) стоялъ въ опредѣленіи церкви вполнѣ на той точкѣ зрѣнія, на какую впослѣдствіи стали индепенденты. Церковь опредѣлялась имъ, какъ coetus fidelis populi; всякое соединеніе людей (congregatio), собравшихся во имя Божіе, есть церковь; слѣдовательно, въ каждой отдѣльной области или мѣстности можетъ возникнуть своя церковь. Кальвинъ высказывался за полную свободу образованія церквей и за свободное опредѣленіе ихъ границъ. Объ установленіи обязательной связи между церковными общинами, о созданіи высшаго авторитета для управленія цѣлыми группами церквей въ предѣлахъ націи, государства и даже области или города Кальвинъ не говоритъ въ это время ни слова [2]). Онъ знаетъ сначала церкви, лишь какъ свободные союзы, возникающіе повсюду, гдѣ слышится слово Божіе, гдѣ есть благочестивые люди.

Впослѣдствіи [3]), подъ вліяніемъ борьбы съ религіознымъ анархизмомъ анабаптистовъ, державшихся вполнѣ аморфной точки зрѣнія на церковную организацію, Кальвинъ начинаетъ говорить объ единой церкви на землѣ, ecclesia universalis, охватывающей всѣхъ истинно вѣрующихъ, и хотя и составленной изъ различныхъ и разсѣянныхъ по всей землѣ народовъ, но объединенной истиной божественнаго ученія. На мѣсто прежняго аморфизма Кальвинъ выдвигаетъ всемірный конфедерализмъ. Въ эту эпоху воззрѣнія Кальвина сводятся къ слѣдующему: «Отдѣльныя общины, распредѣленныя по городамъ и селеніямъ сообразно потребностямъ населенія, составляютъ части всемірной церкви и по праву обладаютъ именемъ и авторитетомъ церкви;

---

[1]) Въ первомъ изданіи *Institutiones christianae religionis*, 1535.
[2]) Випперъ, *Взгляды Кальвина*, 126—127; *Opera* Calvini, I, 163.
[3]) *Inst. chr. relig.* 2 изд. 1539, *Opera* Calvini, I.

всѣ люди, которые исповѣдуютъ церковное ученіе, хотя бы въ душѣ и были чужды церкви, входятъ въ ея составъ и, слѣдовательно, подчиняются той или другой отдѣльной церкви» [1]). Но и въ это время Кальвинъ еще умалчиваетъ объ опредѣленныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ воплощалось бы единство всемірной церкви. Лишь въ 3-мъ изданіи *Institutiones christianae religionis* (1543 г.) онъ говоритъ уже о возможности реальнаго объединенія и указываетъ тотъ органъ, который долженъ послужить средствомъ объединенія [2]). Во главѣ общинъ должна стоять коллегія пресвитеровъ (presbyterorum collegium), состоящая изъ pastores и doctores, избираемыхъ всѣмъ народомъ. Надъ отдѣльными церквами поставленъ синодъ, съѣздъ священниковъ (presbyterorum synodus), соборъ представителей отдѣльныхъ общинъ, облеченныхъ законодательной властью. Эти учрежденія покоятся на демократическомъ принципѣ общенародныхъ выборовъ. Этотъ демократическій принципъ выборовъ церковныхъ властей принялъ боевой характеръ и послужилъ политической программой развивающагося кальвинизма.

Хотя всѣ указанныя идеи Кальвина относятся лишь къ церковному устройству, но вездѣ, куда проникало кальвиново ученіе, оно оказывало вліяніе на свѣтскій политическій строй. Кальвинъ склонялся въ своихъ симпатіяхъ къ республиканскому строю [3]) и былъ въ то же время противъ созданія громадныхъ государствъ. Его федерализмъ стремился обезпечить свободу какъ личности, такъ и отдѣльныхъ союзовъ, и потому стоялъ за автономію небольшихъ государствъ [4]).

[1]) *Opera* Calvini, I, 543—549. Виппперъ, *op. cit.*, 202—204.

[2]) *Inst. chr. rel.* (1543), cap. VIII. Quartae partis symboli explicatio, ubi de ecclesia ejusque gubernatione, ordine, potestate ac disciplina agitur. *Op.* Cal., I, 537—686.

[3]) „Наиболѣе характерная черта политическаго міровоззрѣнія Кальвина въ послѣдніе годы, говоритъ Виппперъ,—недовѣрчивое и враждебное отношеніе къ монархическому управленію и политикѣ и одобреніе республиканскихъ формъ въ связи съ предпочтеніемъ къ малымъ государствамъ". Виппперъ, *op. cit.*, 516 и сл. Свои республиканскія идеи Кальвинъ высказалъ какъ въ послѣднемъ изданіи (1559) *Instit. chr. rel.*, такъ и въ особенности въ *Homil. in I librum Samuelis* (*Op.* Cal., v. 39). См. Виппперъ, *op. cit.*, стр. 576 и сл.

[4]) Въ комментаріи на книгу пророка Исаіи Кальвинъ, исходя изъ соображеній о необходимости обезпечить сохраненіе свободныхъ учрежденій, вы-

Въ тѣсной связи съ идеалами церковной организаціи, теорія федеративнаго устройства политической жизни была особенно развита послѣдователями Кальвина и прежде всего монархомахами второй половины XVI и начала XVII вѣка [1]).

сказывался за малыя государства по сравненію съ большими. „Чѣмъ могущественнѣе государи, тѣмъ сильнѣе они давятъ народъ; они тогда дерзаютъ на все и во всемъ удовлетворяютъ неумѣреннымъ страстямъ. Имъ даже неизвѣстна какая-либо сдержка ихъ могущества, наоборотъ, съ возрастаніемъ силъ растетъ произволъ". *Comment. in Isaiam*, c. VIII, 7 (*Op.* Cal., v. 36, стр. 168). Ср. Виппперъ, *op. cit.*, 523. Самое существованіе войнъ Кальвинъ приписывалъ тому факту, что существуютъ крупные властители, *Sermons sur le Deuteronome* (*Op.* Cal., v. 25, стр. 632).

[1]) Въ послѣднее время въ историко-публицистической литературѣ снова возросъ интересъ къ этому дѣйствительно замѣчательному теченію политической мысли, давшему жизнь и формулировку послѣдующимъ революціоннымъ и радикальнымъ теоріямъ. Большинство изслѣдователей останавливается при этомъ на одной лишь сторонѣ монархомахскихъ теорій, именно на ученіи о народномъ суверенитетѣ и о правѣ на сопротивленіе народа тиранамъ. Изъ обширной литературы по этой эпохѣ укажемъ лишь слѣдующія: Hundeshagen, *Einfluss d. Calvinismus auf d. Ideen vom Staat und Staatsburgerliche Freiheit*, 1841 (см. *Kleine Schriften und Abhandlungen*, II); H. Baudrillart, *Jean Bodin et son temps*, Paris, 1853; Ch. Labitte, *De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue*, 2 изд., Paris. 1865; G. Polenz, *Geschichte des französischen Calvinismus*, Gotha, 1867—69 (особ. т. III); Б. Чичеринъ, *Исторія политическихъ ученій*, М. (1869), стр. 315 — 442, (2 изд. 1903); O. Gierke, *Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien*. Breslau, 1880 (2 изд. 1902); Desjardins, *Les sentiments moraux au XVI siècle*. Paris. 1887; Douarche, *De tyrannicidio apud scriptores XVI seculi*, 1888; Weill, *Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion*, Paris, 1892; Lossen, *Die Lehre vom Tyrannenmord in der christlichen Zeit*, München, 1894; R. Treumann, *Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI Jahrhunderts (1575—1599)*. Leipzig, 1895 (Трейманъ, *Тираноборцы*. рус. пер подъ ред. Рейснеръ, СПБ. 1906); M. Landmann, *Der Souveränetätsbegriff bei den französichen Theoretiker von Jean Bodin bis auf Jean Jacques Rousseau*, Leipzig, 1896; Р. Виппперъ, *Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ* (Журн. Мин. Нар. Просв., 1896, авг.); Lureau, *Doctrines politiques chez les écrivains protestants de la seconde moitié du XVI siècle*, 1900; Borgeaud, *Université de Genève*. I, *Académie de Calvin*, Genève, 1900; H. G. Schmidt, *Die Lehre vom Tyrannenmord*. Leipzig. 1901; P. Méaly, *Origines des idées politiques libérales en France. Les publicistes de la Réforme sous François II et Charles IX*, Paris, 1903; Cardauns, *Die Lehre vom Widerstandsrecht des Volkes gegen die rechtmässige Obrigkeit im Luthertum und in Calvinismus des XVI Jahrhunderts* (Bonner Dissert. 1903); A. Elkan, *Die Publizistik der Bartholomäusnacht und Mornay's „Vindiciae contra Tyrannos"*, Heidelberg, 1905; Cirot, *Mariana*, 1905; W. Platzhoff, *Die*

Монархомахи исходили въ своихъ политическихъ построеніяхъ изъ идеи общественнаго договора. Изъ этой идеи развились не только теоріи народнаго суверенитета и неприкосновенныхъ личныхъ правъ, но и федералистическая доктрина объ организаціи церкви, государства и человѣчества на началѣ свободнаго соглашенія и союза; съ этимъ же было связано и ученіе о правомѣрномъ сопротивленіи беззаконной власти [1]). Непосредственно проблемами внѣ-государственнаго права монархомахи мало занимались. Для нихъ имѣлъ прямой и практическій интересъ лишь одинъ вопросъ международнаго характера, именно, вопросъ о томъ, имѣютъ ли право государи сосѣднихъ государствъ оказать помощь народу, возставшему противъ своего тирана [2]).

Уже въ одномъ изъ первыхъ памфлетовъ кальвинистовъ-монархомаховъ, *De jure magistratuum in subditos*, приписываемомъ ученику Кальвина Теодору де-Безъ [3]), высказывается мысль о правѣ возстанія отдѣльныхъ организованныхъ частей государства противъ тирановъ [4]) и о правѣ народовъ оказывать другъ другу помощь въ борьбѣ за освобожденіе отъ тиранической власти, въ силу солидарности всего человѣчества [5]).

Наиболѣе яркимъ и имѣвшимъ громадный успѣхъ произведеніемъ монархомаховъ былъ знаменитый памфлетъ *Vindiciae contra tyrannos*, изданный подъ псевдонимомъ Юнія Брута [6]). Авторъ

Theorie von der Mordbefugnis der Obrigkeit im XVI Jahrh., Berlin, 1906; М. Ковалевскій, *Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму*, т. II. М. 1906.

[1]) Atger, *Essai sur l'histoire des doctrines du contrat social*, Paris, 1906.

[2]) An jure possint, aut debeant vicini principes auxilium ferre aliorum principum subditis, religionis purae causa afflictis, aut manifesta tyrannide oppressis (Junius Brutus, *Vindiciae contra tyrannos*, Basel, 1580, qu. IV). Ср. *De jure magistratuum* (1550), qu. VII.

[3]) Théodore de Bèze (1519—1605), *De jure magistratuum in subditos et officio subditorum erga magistratus*, Monachii, 1550. О принадлежности этого памфлета Т. де-Безъ см. Cartier, *Les idées politiques de Théodore de Bèze d'après le traité du Droit des Magistrats sur leurs sujets*, Genève, 1900 (*Bull. de la soc. d'hist. et d'arch. de Genève*, B. II, N 4).

[4]) *De jure magist.* (1576), quest. VI, стр. 24 и сл.

[5]) *Op. cit.*, quest. VII.

[6]) Philippe de Mornay или Duplessis-Mornay (1549—1623), *Stephanus Junius Brutus, Vindiciae contra tyrannos sive de principis in populum, populique in principem, legitima potestate*, Edimburg, 1579. См. Bayle, *Dictionnaire*;

этого памфлета, Филиппъ Дю-Плесси Морнэ, провозгласилъ суверенитетъ народа и право народа оказывать сопротивленіе тирану. Однако это ученіе о сопротивленіи властямъ не носило у него чисто анархическаго характера; подъ народомъ онъ разумѣлъ не аморфную массу, а народъ, организованный выборными лицами, представителями власти, сословными чинами [1]). Впрочемъ онъ не считалъ необходимымъ, чтобы народъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, какъ вполнѣ цѣлая коллективность. Федерализмъ его мысли сказывался въ томъ, что онъ признавалъ право и обязанность на сопротивленіе также за отдѣльными, такъ или иначе организованными частями государства, напр., городами, провинціями, являющимися стражами союза между Богомъ, княземъ и народомъ [2]). Частныя же лица, разсматриваемыя, какъ таковыя, обязаны лишь не подчиняться повелѣніямъ, противорѣчащимъ заповѣдямъ Божіимъ, но они не имѣютъ права браться за оружіе [3]).

Исходя изъ органическаго представленія объ единствѣ церкви (ecclesia unica) и единствѣ человѣчества (humana societas), Ю. Брутъ настаивалъ на правѣ вмѣшательства въ дѣла иностранныхъ государствъ для защиты христіанской церкви и для поддержки народа возставшаго противъ тирана. Когда народъ собственными силами не въ состояніи наказать или изгнать церковнаго или свѣтскаго тирана, тогда должны притти ему на помощь сосѣдніе народы [4]). Церковь едина подъ главенствомъ Іисуса Христа; она представляетъ изъ себя организмъ; члены ея настолько соединены другъ съ другомъ, что никто, даже самый ничтожный изъ нихъ, не можетъ быть обиженъ, чтобы не почувствовали страданія всѣ остальные. Для жизни

Treitschke, *Hubert Languet's Vindiciae contra tyrannos*, Leipzig. 1846; Lossen, *Die Vindiciae contra tyrannos des angeblichen Step. Jun. Brutus*, München. 1887; особ. A. Elkan, *Die Publizistik der Bartholomäusnacht und Mornay's „Vindiciae contra tyrannos"*, Heidelberg. 1905.

[1]) *Vindiciae* (1579), стр. 46

[2]) *Op. cit.* qu. II, стр. 52—54. Baudrillart такъ характеризовалъ эту сторону *Vindiciae contra tyrannos*: „En la dégageant de toute la partie déclamatoire, la véritable inspiration du *Vindiciae contra tyrannos* n'est autre que le fédéralisme. Ce violent pamphlet fait constamment appel aux passions provinciales, aux prétentions urbaines, à l'insurrections des localités". См. *Bodin et son temps*, стр. 65.

[3]) См. *Vindiciae*, II quest., стр. 65 и сл., стр. 74.

[4]) *Op. cit.*, IV quaest.

всего организма опасна болѣзнь и одного органа [1]). Если какой-нибудь глава государства переходитъ границы благочестія и справедливости, сосѣдній народъ, въ согласіи съ законами справедливости и религіи, можетъ вмѣшаться и ввести тирана въ должныя границы. Если глава государства угнетаетъ народъ, сосѣдній правитель долженъ оказать помощь угнетаемому народу (такъ когда-то дѣлалъ римскій сенатъ, пока еще римскій народъ былъ свободенъ). Всѣ историки свидѣтельствуютъ, что всегда находились правители, чтобы воспротивиться тиранiи и поддержать права народа. Нынѣшніе князья должны слѣдовать этимъ примѣрамъ и принуждать къ должному поведенію тирановъ души и тѣла, враговъ республики и славы сыновъ божіихъ; иначе они сами заслужатъ названіе тирановъ [2]). Подобная взаимопомощь народовъ противъ тирановъ простирается не только на случаи церковной тиранiи, но и на случаи политическаго угнетенія. Человѣчество есть единая семья. И когда одинъ народъ протягиваетъ руку помощи другому народу, угнетенному тираномъ, то этимъ онъ лишь показываетъ, что имъ руководятъ не эгоистическія побужденія, а соображеніе блага и спокойствія всего человѣческаго общества [3]).

---

[1]) Primum ratum sit, unicam esse ecclesiam, cujus caput Christus, cujusque ita membra inter se cohaerent consentiuntque, ut nullum ex illis vel minimum, vim laesionemve pati possit, quin caetera laedantur et dolorem percipiant, ut universa Scriptura docet. Propterea comparatur Ecclesia corpori. Corpus vero saepe non brachii modo, aut cruris, sed minimi etiam digiti laesione afficitur, aut vulnere perit. *Vind.* (1579), 4 quest., стр. 218.

[2]) Breviter, si princeps nxos pietatis et justitiae limites violenter transilit, poterit vicinus pie justque extra limites, suos prosilire, non ut invadat aliena, sed ut suis illum contentum esse jubeat: quin impius et injustus erit, si negligat. Si princeps in populum tyrannidem exerceat, non minus aut segnius illi opem feret, quam illi, si populus seditionem moveat... Ita, et apud omnes historiographos vindicatae per principes vicinos tyrannidis, defensique populi exempla passim extrant, quae principes hodierni, in tyrannis tam corporum, tam animae, tam reipublicae, tam ecclesiae christi, coercendis, imitari debent, nisi ipsi tyranni meritissimo jure nominari velint (*Op. cit.*, 234—236).

[3]) An vero de iis, qui tyrannide de oppressis remve publicam adversus tyrannidem defentibus, non ope ferunt, idem statuere licebit? Давъ утвердительный отвѣтъ, Брутъ продолжаетъ: Si opportunt quidam: Verum culpa est, rei alienae sese immiscere: respondeat Terentianus Chremes: Homo sum: humani a me nihil alienum puto (Pompon. De reg. juris, leg. 36)... Quin potius principem regnum Christi invadentem coerceas, tyrannum intra limites suos contineas, populo afflicto, reipublicae prostratae, manum auxiliarem porrigas. Ita vero id

Такихъ же космополитическихъ воззрѣній держался и третій знаменитый французскій кальвинистъ-монархомахъ, Готманъ [1]). Ему приписывается памфлетъ *Réveille-Matin*, изданный подъ псевдонимомъ Евсебія Филадельфія Космополита [2]). Памфлетъ этотъ весь проникнутъ космополитическимъ духомъ. Авторъ не признаетъ никакихъ границъ между народами и въ особенности между братьями по вѣрѣ, между сторонниками реформаціи, разбросанными по различнымъ странамъ Европы. Ихъ дѣло общее и они должны поддерживать другъ друга и за предѣлами національныхъ границъ, не существующихъ для душъ и по отношенію къ Богу.Памфлетъ направленъ къ тому, чтобы вызвать возстаніе французовъ противъ тирана, и заключаетъ въ себѣ призывъ къ иностранному вмѣшательству [3]). Воззваніе къ иностранному вмѣшательству для освобожденія отъ тирана повторяется и въ другихъ кальвинистскихъ памфлетахъ конца XVI вѣка [4]). Впослѣдствіи, въ XVII вѣкѣ, въ эпоху утверждающагося во Франціи абсолютизма кальвинисты, оставаясь вѣрными своему федеративному идеалу, были представителями идеи самоуправленія и защитниками провинціальныхъ и генеральныхъ штатовъ.

Тотъ же международный федерализмъ былъ свойственъ нѣмецкимъ монархомахамъ. Изъ нихъ особенно долженъ быть упомянутъ Альтузій [5]). Альтузій далъ въ своей *Politica* система-

---

praestes, ut non tuae utilitati, sed *humanae societati* omnino consulas. *Op. cit.*, стр. 233—234. Haec Ecclesia ut unica est, ita etiam singulis Principibus Christianis in universum et in solidum commendata atque commissa est. *Op. cit.*, стр. 219.

[1]) Franciscus Hotomanus (1524—1590), *Franco-Galia*, 1573; см. указ. соч. G. Weill, Méaly, Elcan, и. кромѣ того, Dareste, *François Hotman*, Paris, 1850.

[2]) *Réveille-Matin des Français et de leurs voisins composé par Eusèbe Philadelphe Cosmopolite*, Edimburg, 1574. См. Mealy, *op. cit.*, стр. 142—152, Elkan, *op. cit.*, 54—59.

[3]) *Réveille-Matin*, стр. 143.

[4]) См. напр. *Le Tocsin contre les massacreurs* et *auteurs des confusions de la France*, Reims, 1577. Ср. Méaly, *op. cit.*, стр. 152. См. также Lambertus Danaeus (ок. 1530—1595), *Politices christianae libri VII*, Paris, 1596, l. III, c. 6.

[5]) Iohannes Althusius (1557—1638), *Politica methodice digesta et exemplis sacris et profanis illustrata*, Herborn, 1603. О немъ см. Gierke, *Althusius* и раньше его Beauverger, *Tableau historique des progrès de la philosophie politique*, Paris, 1858, стр. 64—80.

тическое построеніе федеративной системы. Онъ возвелъ въ принципъ ученіе объ общественномъ договорѣ и положилъ его въ основу публичнаго права. Семья, профессіональный союзъ, община и провинція являются у него необходимыми и органическими подраздѣленіями между индивидомъ и государствомъ [1]). Всякій болѣе обширный союзъ составляется у него изъ корпоративныхъ единствъ болѣе тѣсныхъ союзовъ. Всякій болѣе тѣсный союзъ обладаетъ особой коллективной жизнью и собственной юридической сферой, и высшему союзу подчиняется лишь настолько, насколько это необходимо для достиженія его специфической цѣли. Государство подобно составляющимъ его союзамъ и отличается отъ нихъ лишь своимъ исключительнымъ суверенитетомъ: оно, правда, какъ высшая земная правовая сила, пріобрѣтаетъ множество новыхъ и и своеобразныхъ свойствъ и функцій, но находитъ непреодолимую границу въ собственномъ правѣ болѣе тѣсныхъ союзовъ. Въ случаѣ нарушенія этой границы разрушается договоръ соединенія, и каждый изъ членовъ снова пріобрѣтаетъ полный суверенитетъ [2]). Альтузій различалъ многіе виды союзовъ государствъ (confederationes): 1) полное сліяніе (in plenum et integrum jus regno adsumuntur et cooptantur, tanquam unius ejusdemque corporis membra),—confederati faciunt unum reipublicae corpus et eandem rempublicam, 2) полное подчиненіе одного государства другимъ (оба рода—plenae confederationes), 3) союзъ взаимопомощи (non plena confederatio), 4) confraternitas, 5) союзъ протектората (jure clientari [3]). Федералистическія идеи Альтузія были поддержаны Генониемъ [4]). Этотъ послѣдній, во-первыхъ, призналъ существованіе сложныхъ государствъ [5]), во-вторыхъ, развилъ ученіе о союзахъ и соеди-

---

[1]) См. *Politica* (1603), c. V. *De consociatione universitatis*.

[2]) См. Gierke, *Althusius* (1880), стр. 244.

[3]) См. *Politica*, c. 7, стр. 73—76.

[4]) Phil. Henr. Hoenonius, *Disputationum politicarum liber unus* (3 изд.), Herbornae, 1615.

[5]) Composita respublica est vel contracta, vel ampliata. Contracta est respublica orta, constans pluribus civitatibus in unam societatem redactis. Ampliata respublica est respublica orta in plura membra et ampliora diducta quam ut una Metropoli contenta esse possit. Estque regnum, vel Imperium. Regnum est respublica ampliata, plures civitatum societatis aut ducatus sub regis gubernatione continens... Imperium est respublica ampliata, plura regna

пеніяхъ государствъ [1]). Точно также и Боксгорній надъ отдѣльными государствами полагалъ всемірную республику всѣхъ людей и изъ нея выводилъ jus gentium [2]).

Наиболѣе замѣчательнаго своего выраженія кальвинистская теорія международнаго федерализма достигла въ *Великомъ планѣ* Генриха IV [3]). Генрихомъ IV былъ задуманъ проектъ европейской организаціи; подробности этого проекта изложены были его сотрудникомъ, герцогомъ Сюлли [4]).

---

sub imperatoris imperio continens... Imperium est vel universale vel particulare. Universale est, quod totius orbis regna, politias seu respublicas continet. См. *Disput. polit.* (1615), Disp. XII § 9—19, стр. 534—5.

[1]) *Op. cit.*, disp. XIII. *De confoederatione rerumpublicarum*, стр. 548—583.

[2]) M. S. Boxhornius (1602—1653), *Institutionum politicarum libri duo*, 2 изд., Lugd. Bat. 1657. См. особ. l. I. c. 2, §§ 2—8 (стр. 5—6). Imperia vero et publicae dominationes gradatim provenerunt. Primum quidem Imperium ex jure naturae profluxit. Estque quod parentum in liberos et nepotes, et ex his genitos appellamus. Estque respublica haec quasi seniorum cognatorum, quod Imperium humanum exordio, cum longaevi et foecundi essent mortales, usum habuit. Vis ac anima ejus Imperii consistit in pietate; usus autem in numerosae familiae regimine atque conservatione. Secundum imperium ex jure gentium prognatum est, estque, quo gentes omnes eidem rationi, et unanimi consensa receptis institutis, se, velut legi, subjecerunt. Estque illa universalis respublica omnium omnino hominum. Vis hujus imperii consistit in ratione; usus autem in totius generis humani conservatione et incolamitate. Tertium imperium est, quod ex singularum gentium utilitate, necessitate et proprio, seu civili jure, peculiare, et a caeteris diversum, manavit, estque respublica singularum nationum. Vis ejus consistit in peculiari civili ratione; usus autem non tam omnium hominum, vel populorum, quam quorundam commodis ac saluti est adaequatus.

[3]) Duc de Sully (1559—1641), *Mémoires des sages et royales économies d'estat*, 1638 — 1642 (здѣсь цитируется по *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France*, изд. Michaud et Poujoulat, 2 ser., vol. 2—3, 1837). Проектъ общеевропейской федераціи изложенъ въ главахъ 175, 176, 197—199, 210—216. Объ этомъ проектѣ существуетъ довольно обширная литература. Неоднократно дѣлались попытки приписать этотъ проектъ исключительно одному Сюлли, но никакихъ серьезныхъ доводовъ въ пользу такого тезиса приведено не было и, по нашему мнѣнію, ближе къ истинѣ утвержденіе самого Сюлли, что авторомъ этого плана былъ Генрихъ IV. Ср. M. Ritter, *Die Memoiren Sullys und der grosse Plan Heinrichs IV*, München, 1871, Kükelhaus, *Der Ursprung des Planes vom ewigen Frieden in den Memoiren des Herzogs von Sully* (Inaug. Dissert.), Berlin, 1892; Pfister, *Les „Economies royales" de Sully et le Grand Dessein de Henri IV* (*Revue Historique*, 1894, v. LIV, 300, LV, 67, 291, LVI, 39, 304); E. Nys, въ *Revue de dr. int.*, XXV, 616.

[4]) Изложеніе Сюлли отличается нѣкоторой спутанностью и не лишено различныхъ противорѣчій.

Цѣлью общеевропейскаго союза [1]), по мысли Генриха IV, должны быть: а) общій миръ, безопасность, увѣренность сношеній внутри союза [2]), и б) успѣшная и общая война противъ невѣрныхъ и, слѣдовательно, постепенное расширеніе христіанской цивилизаціи [3]). Въ основу международной организаціи полагался федеративный принципъ; поэтому лучше всего, если различныя части Европы получатъ федеративное устройство, въ родѣ Швейцаріи, Нидерландъ, Италіи, отчасти Германіи [4]). Проектъ отдавалъ предпочтеніе республиканской формѣ правленія и считалъ, что будущій союзъ долженъ положить окончательную преграду расширенію наслѣдственныхъ монархій (ordinairement désireuses d'usurper les Estats, dominations et biens des plus faibles) и благопріятствовать расширенію республиканскихъ государствъ [5]). Вся Европа должна быть раздѣлена на 15 государствъ. Для этого слѣдуетъ произвести общій передѣлъ. Границы новыхъ государствъ должны получить общее признаніе и послѣ этого объявлены неприкосновенными [6]).

[1]) Этому союзу въ изложеніи Сюлли даются самыя разнообразныя названія: „Un corps comman de république chrestienne“ (*op. cit.*, III, 213, а), „République composée de toutes les nations chrestiennes“ (II, 215, а), „République tres-chrestienne“ (II, 327, б; 350, а), „Association, fraternité d'armes et de desseins“ (II, 327, б), „Association et confédération“ (II, 336, б), „Association tres-chrestienne“ (II, 338, а).

[2]) *Op. cit.*, II, 213, а; 335 б; 341, а.

[3]) *Op. cit.*, II, 341, а; 345, а; 351, а. Такимъ образомъ проектъ Генриха IV нельзя называть пацифистскимъ, ибо въ качествѣ средства онъ предполагалъ войну противъ Австріи и низверженіе могущества Габсбургскаго дома, а цѣлью ставилъ войну противъ невѣрныхъ.

[4]) *Op. cit.*, II, 328, а; 339, б.; 340, а.; 344, а.

[5]) *Op. cit.*, II, 341, б.; 330, а (Procedant aux distributions des pais conquis, l'on gratifiera toujurs plustost les estats électifs et populaires, que non pas les héréditaires).

[6]) Эти 15 государствъ слѣдующія: 5 наслѣдств. монархій—Франція, Испанія, Англія, Швеція, Ломбардія (Савоя), 6 избир. монархій—Папская Имперія, Венгрія, Чехія, Польша и Данія, 4 республики—Бельгія (Соед. провинціи) Швейцарія, Венеція и ост. Италія. Исключались Россія и Турція. Русскій государь (такъ называемый Kniés Scithien), исключался изъ общей европейской республики, 1) потому, что его владѣнія въ значительной части простираются въ Азіи, и Россія принуждена вести постоянныя войны; 2) въ силу варварства жителей Россіи; 3) вслѣдствіе разницы религій. Въ силу этихъ соображеній Россія не должна была понуждаться къ вступленію въ союзъ, а надо

Основными началами устройства европейской республики были бы слѣдующіе принципы: общіе европейскіе интересы должны быть поставлены выше и раньше частно-государственныхъ; между отдѣльными государствами не должно быть войнъ; отдѣльныя государства по возможности должны быть равны по размѣрамъ и силамъ и пользоваться равнымъ юридическимъ положеніемъ въ союзѣ; въ предѣлахъ всего союза должна быть полная свобода морской и сухопутной торговли; признается свободное отправленіе трехъ религій,— католической, лютеранской и кальвинистской [1]).

Внѣшнее устройство союза должно быть слѣдующимъ. Во главѣ, по примѣру Амфиктіонскаго союза, семь совѣтовъ, одинъ верховный и шесть низшихъ. Верховный совѣтъ (conseil général et universel) долженъ разсматривать общія предложенія и апелляціи на низшіе совѣты а также заниматься дѣлами, касающимися всей христіанской республики. Для наибольшаго удобства совѣтъ этотъ долженъ каждый годъ пребывать въ одномъ изъ 15 городовъ центральной Европы (въ какомъ именно изъ нихъ, назначаетъ каждое изъ 15 государствъ поочередно).Совѣтъ этотъ долженъ состоять изъ 40 лицъ «fort qualifiez, et sur tout bien advisez». Изъ этихъ 40 депутатовъ — 20 должны назначаться папою, Германскимъ императоромъ, Франціей, Италіей и Испаніей (по 4 каждымъ) и 20 остальныхъ — 10 государствами по 2 каждымъ). Кромѣ того, должно быть создано шесть совѣтовъ низшей инстанціи, компетенція которыхъ должна простираться на отдѣльныя части союза [2]). Верховному совѣту должна принадлежать общая законодательная власть надъ союзомъ [3]), ему же должна принадлежать судебная власть надъ отдѣльными частями союза [4]). Онъ же долженъ обладать общей исполнительной властью, распоряжаться общей арміей и принуждать каждое государство къ поставкамъ отрядовъ въ общую армію и внесенію соотвѣтствующихъ денежныхъ

было ожидать jusques à ce qu'ils en fissent pour leur commodité eux-mêmes les ouvertures et tesmoignages de se vouloir associer à cette confederation (II, 348).

[1]) *Op. cit.*, II, 320, б; 321, а.
[2]) *Op. cit.*, II, 344, б; 350.
[3]) *Op. cit.*, II, 345, а; 352, б.
[4]) *Op. cit.*, II, 330, а; 345, а.

взносовъ [1]). Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ [2]). По вступленіи въ союзъ каждое изъ государствъ-членовъ теряетъ право отдѣленія отъ союза [3]). Благодаря послѣднему условію, союзъ былъ бы не конфедеративнаго характера: а условіе принятія всѣхъ рѣшеній совѣта лишь по простому большинству отнимаетъ и федеративный характеръ у союза. Послѣдній долженъ быть причисленъ къ числу государствъ, построенныхъ на автономистскихъ началахъ.

Противъ этой организаціи было выдвинуто то возраженіе, что число государствъ и характеръ ихъ правительствъ случайны и не исходятъ изъ какого-нибудь единаго принципа, и что передѣлъ создалъ бы значительныя неравенства въ пользу Франціи. Между проектами Пьера Дюбуа (XIV в.), Георгія Подибрада (XV в.) и Генриха IV (XVII в.) можно замѣтить значительное сходство. Всѣ исходили въ своихъ проектахъ, во-первыхъ, изъ намѣренія установить миръ среди христіанскихъ народовъ, во-вторыхъ, изъ желанія вести общую борьбу противъ невѣрныхъ. Всѣ предлагали учрежденіе федеральнаго совѣта и союзнаго суда.

Примѣчательный проектъ международной организаціи былъ выработанъ французскимъ гугенотомъ. Эмерикомъ Крюсе [4]). Крюсе высказывался за установленіе всеобщаго мира [5]) и за повсемѣстную религіозную вѣротерпимость. Споры между государствами въ проектируемой имъ международной организаціи рѣшались бы третейскими судьями [6]). По мысли Крюсе, долженъ быть созданъ и постоянный конгрессъ всѣхъ монархій и республикъ міра. На этомъ

---

[1]) II, 345, а; 352, б.

[2]) II, 329, б.

[3]) La république tres-chrestienne estant une fois establie, nul des associez ne s'en pourra departir ny séparer sans attirer sur luy la malveillance des tous les autres, voire leur aggression par guerre si le cas y eschet (II, 330, а).

[4]) Emeric Crucé (ок. 1590—1648), *Le Nouveau Cynée ou discours d'Estat représentant les occasions et moyens d'establir une paix générale et la liberté du commerce par tout le monde. Aux monarques et princes souverains de ce temps*, Paris. 1623. О нем см. E. Nys. *Etudes*, I, 308—317.

[5]) *Op. cit.*, стр. 79 и сл.

[6]) *Op. cit.*, стр. 18 и сл.

конгрессѣ должны рѣшаться всѣ международные споры, и постановленія этого трибунала обязательны и принудительны. Примѣчательно, что Крюсе настаивалъ на всемірности этого конгресса и давалъ въ немъ мѣсто Турціи, Россіи, Персіи, Индіи, Китаю и Эѳіопіи [1]).

Федеративныя идеи кальвинистовъ были перенесены въ Англію [2]) и черезъ посредство индепендентства оказали сильное вліяніе на политическую жизнь Соединенныхъ Штатовъ [3]). Политико-религіозной федерализмъ въ Англіи XVII вѣка былъ логическимъ развитіемъ пресбитеріанства, выступившаго противъ католической реакціи и англиканскаго консерватизма. Пресбитеріане протестовали противъ епископской власти, признавая одно священническое достоинство и настаивая на участіи мірянъ въ управленіи церковью; но, допуская суверенную власть синода пресбитеровъ, они оставались на авторитарно-централистической точкѣ зрѣнія. Ихъ идеи въ направленіи къ анархо-конфедерализму были продолжены прежде всего Броуномъ [4]), отрицавшимъ всякую государственную церковь, возставшимъ противъ всякаго безусловнаго авторитета въ общинѣ и занявшимъ враждебную позицію по отношенію къ пресбитеріанству. Необходимо, проповѣдывалъ Броунъ, возвращеніе къ первобытному христіанству, возстановленіе царства Христа на землѣ. Отъ свѣтской власти ведетъ свое начало антихристова церковь; истинная же церковь отождествляется съ общиной и состоитъ изъ общенія вѣрующихъ, соединившихся въ силу свободнаго договора съ Богомъ.

Федерализмъ въ Англіи XVII в.

---

[1]) *Op. cit.*, стр. 60 и сл.

[2]) Ученикъ Кальвина Нокъ былъ первымъ апостоломъ пуританскаго движенія въ Шотландіи.

[3]) H. Weingarten, *Die Revolutionskirche Englands*, Leipzig, 1868. Первыми обратившими вниманіе на вліяніе кальвинизма на политическіе идеалы пуританъ были Herbert L. Osgood, *The political ideas of the puritans* (очен. интересныя статьи въ *Political science quarterly*, VI, 1891, стр. 1—28 и 201—231) и Ch. Borgeaud, *Premiers programmes de la démocratie moderne en Angleterre* (въ *Annales de l'Ecole libre des sciences politiques*, 15 avril 1890). Ср. G. Jellinek, *Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte*, 2 изд., Leipzig, 1904.

[4]) Robert Browne, *A book which showeth the Life and Manners of all true Christians*, 1582.

Продолжателемъ Броуна былъ Джонъ Робинзонъ[1]). Робинзонъ развилъ ученіе Броуна въ конгрегаціонализмъ. Основной принципъ конгрегаціонализма, а впослѣдствіи индепендентства, заключался въ автономіи всякой отдѣльной религіозной общины (конгрегаціи), въ уничтоженіи союза церкви и государства и въ независимости каждой общины отъ всякаго свѣтскаго вліянія. Эта автономія исключала лишь подчиненіе одной общины другой, но никакъ не общеніе ихъ для взаимнаго обсужденія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ индепендентизмъ допускалъ національные синоды, но рѣшительно отвергалъ всякое тѣсное объединеніе общинъ въ единую организацію, въ видѣ ли національной церкви или ecclesia catholica [2]). Именно, во взглядѣ на необходимость церковной организаціи и заключалось отличіе индепендентовъ отъ другихъ реформистскихъ церквей.

Политическія идеи индепендентовъ были въ тѣсномъ родствѣ съ ихъ религіозными воззрѣніями. Въ основѣ ихъ воззрѣній на природу человѣческихъ союзовъ лежала идея договора. Эта идея договора сначала выражается монархомахами Морнэ, Букананомъ, Ноксомъ въ видѣ теоріи договора между народомъ и княземъ. Далѣе, она превращается въ теорію договора между индивидами, которые взаимнымъ договоромъ создаютъ правительство [3]). Одними, какъ Гоббесомъ, этотъ договоръ считался непарушимымъ, а народъ окончательно отказавшимся отъ своихъ правъ; по мнѣнію другихъ, какъ, напр., Мильтона[4]), народъ всегда остается верховнымъ владыкой договора. Наконецъ, въ ученіи индепендентства, нашедшемъ себѣ примѣненіе въ С.-Америкѣ, идея договора была фактически положена въ основаніе государственной и междугосударственной жизни. Сначала идея договора примѣнялась лишь къ церковной жизни. Каждая религіозная конгрегація была независима. Всякая высшая организація могла возникнуть лишь изъ свободнаго договора независимыхъ конгрегацій. Когда индепенденты желали создать болѣе обширный

---

[1]) Robinson, *Apologia justa*, London, 1616.

[2]) Weingarten, *op. cit.*, 26.

[3]) Richard Hooker, *Treatise on the Laws of ecclesiastical Polity* (1594), l. I, c. X, 4.

[4]) Milton, *The Tenure of kings and magistrates*, London 1648. Ср. идеи *Agreement of the People*. 1645. О планѣ федеративной республики, предложенномъ Мильтономъ въ 1660 г. для Англіи, см. Esmein, *Constitutions du protectorat de Cromwell*, стр. 55 и сл.

союзъ, они заключали между собою «ковенантъ» (covenant), свободное соглашеніе. Они торжественно обязывались жить во взаимной солидарности, быть соединенными другъ съ другомъ, какъ члены единаго тѣла, въ братской любви и благоволеніи передъ Іисусомъ Христомъ [1]).

Свои идеи объ устройствѣ церковной общины индепенденты перенесли и на политическій строй. Исходили они при этомъ изъ принциповъ естественнаго права. При свѣтѣ естественнаго закона, говоритъ одинъ изъ ихъ представителей, ясно, что всѣ гражданскія отношенія основаны на договорѣ, такъ какъ за исключеніемъ естественныхъ узъ между родителями и дѣтьми и отношеніями, основывающимися на насиліи между завоевателями и плѣнными, нѣтъ другихъ, кромѣ взаимнаго договора, средствъ, въ силу которыхъ свободные и независимые отъ всякаго естественнаго или вынужденнаго принужденія индивиды могли бы быть соединены въ одинъ видимый организмъ, какъ члены единаго тѣла, связанные взаимными правами и обязанностями. Это относится къ семьѣ, общинѣ, государству и т. д. [2]).

Во вторую половину XVII вѣка индепендентизмъ развился въ квакерство. Квакеры унаслѣдовали отъ индепендентовъ космополитизмъ и международный федерализмъ. Во области внѣшней политики квакеры отвергали войну и противленіе злу насиліемъ, отказывались носить оружіе въ силу божественной заповѣди: «не убій». Всякая тиранія и притѣсненіе должны быть прекращены; короли, князья и вообще всѣ виды господства и закона должны быть ниспровергнуты; тогда наступитъ царство Божіе [3]).

---

[1]) См. Neal, *History of the Puritans*, IV. стр. 175 и John Cotton, *The way of the churches of Christ*, London, 1645.

[2]) John Cotton. *The way of the churches of Christ*, стр. 61. Индепенденты осуществили эти свои идеи на практикѣ при основаніи колоній въ С. Америкѣ (Ср. Plantation covenants 1639). Голландецъ Петръ Корнеліусъ предлагалъ уничтоженіе всѣхъ національностей и созданіе центральной магистратуры, которая должна была бы заботиться объ управленіи общими дѣлами человѣческихъ группъ, соединенныхъ въ многочисленныя общества. См. памфлетъ *Way to the Peace and Settlement of thes Nations to make the poor in these and other nations happy*; о немъ см. Gooch, *The history of english democratic ideas*. 1898, стр. 209.

[3]) Квакеры признавали, что установленіе всеобщаго мира можетъ быть

Впрочемъ, квакеры не ограничивались одними чисто-нравственными требованіями, обращенными къ отдѣльной личности; они создавали планы и общественно-политическаго переустройства человѣчества. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи сочиненіе квакера Джона Беллерса, опубликовавшаго въ 1710 г. брошюру подъ заглавіемъ «Нѣсколько соображеній по адресу европейскихъ державъ объ образованіи европейскаго государства черезъ посредство взаимнаго ручательства и ежегоднаго конгресса, для полюбовнаго улаженія всѣхъ будущихъ споровъ о территоріи и о правахъ князей и государствъ» [1]). Содержаніе книги явствуетъ уже изъ самого ея заглавія. Въ началѣ брошюры Беллерсъ указываетъ, что частные союзы, какіе можно было бы предложить для окончанія тогдашней войны за испанское наслѣдство, потребовали бы большихъ жертвъ и не дали бы ручательства въ прочномъ сохраненіи мира: очень оригинально для своего времени онъ высчитываетъ прямыя и косвенныя издержки отъ послѣднихъ войнъ людьми, деньгами и экономическими цѣнностями и въ заключеніе развиваетъ свое предложеніе. Европа

основано лишь на точномъ исполненіи заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ. Въ „Провозглашеніи основъ, принятыхъ членами общества, основаннаго для установленія между людьми всеобщаго мира“, составленномъ однимъ изъ американскихъ квакерскихъ обществъ, мы читаемъ: „мы не признаемъ никакого человѣческаго правительства. Мы признаемъ только одного Царя и Законодателя, только одного Судью и Правителя надъ человѣчествомъ. Отечествомъ нашимъ мы признаемъ весь міръ, соотечественниками своими признаемъ все человѣчество. Мы любимъ свою родину столько же, сколько мы любимъ и другія страны. Интересы и права нашихъ согражданъ намъ не дороже интересовъ и правъ всего человѣчества. Поэтому мы не допускаемъ того, чтобы чувство патріотизма могло оправдать мщеніе за обиду или за вредъ, нанесенный нашему отечеству“. „Мы признаемъ нехристіанскими и незаконными не только самыя войны — какъ наступательныя, такъ оборонительныя, — но и всѣ приготовленія къ войнамъ: устройство всякихъ арсеналовъ, укрѣпленій, военныхъ кораблей; признаемъ нехристіанскимъ и незаконнымъ существованіе всякихъ постоянныхъ армій, всякаго высшаго начальства и т. д., всякое правительственное постановленіе, требующее военной службы отъ своихъ подданныхъ“. Л. Толстой. *Царство Божіе внутри васъ*, Лондонъ, 1898, стр. 2—3. О взглядѣ квакеровъ на войну см. *Dymond, Inquiry into the accordance of war with the principles of christianity*, 3 изд., 1834.

[1]) Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти этой брошюры и потому содержаніе ея излагаю по статьѣ Э. Бернштейна: *Kommunistische und demokratisch-sozialistische Strömungen der Englischen Revolution des XVII Jahrhundert.*

должна быть раздѣлена на извѣстное число (около ста) одинаковыхъ округовъ (кантоновъ или провинцій), и каждое государство должно посылать въ международной парламентъ по одному члену на кантонъ, т.-е. быть представлено въ этомъ парламентѣ пропорціонально своей величинѣ и населенію. Этотъ парламентъ долженъ вѣдать лишь внѣшнія и общія отношенія государствъ другъ къ другу, не вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла; онъ долженъ рѣшать, сколько на каждый кантонъ государства должны поставлять годныхъ къ военной службѣ людей, морскихъ судовъ и денегъ въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется общее дѣйствіе противъ нарушителей мира; и по размѣру выполняемой повинности должно высчитываться число голосовъ въ общемъ парламентѣ, такъ что, слѣдовательно, въ счетъ должны приниматься не только территоріальные размѣры, но и сила дѣятельности государствъ. Парламентомъ должно также быть произведено по кантонамъ уменьшеніе существующихъ армій и числа находящихся подъ оружіемъ солдатъ во время мира. Въ своемъ произведеніи Беллерсъ перепечаталъ проектъ всеобщаго мира Генриха IV. Въ комментаріи къ нему онъ замѣчаетъ, что Генрихъ исключилъ изъ своего проекта Россію и Турцію, очевидно, изъ желанія угодить папскому престолу. Но «московиты—христіане и магометане—люди, они имѣютъ тѣ же способности и тотъ же даръ разумѣнія, что и остальные люди, и чтобы быть подобными послѣднимъ, нуждаются лишь въ одинаковыхъ условіяхъ дѣятельности. Выбить же изъ нихъ мозгъ, чтобы научить ихъ рзуму,—очень ошибочный пріемъ, и онъ приведетъ лишь къ тому, что большая часть Европы будетъ на военномъ положеніи. Чѣмъ болѣе, напротивъ, обширенъ будетъ этотъ гражданскій союзъ, тѣмъ прочнѣе будетъ миръ на землѣ и благоденстіе среди людей».

Тою же идеей проникнуты писанія и дѣятельность знаменитаго квакера Уильяма Пенна[1]), основателя Пенсильванской колоніи въ Сѣв. Америкѣ.

Кальвинистскому федерализму свойственна была идея независимости отдѣльныхъ общинъ и ихъ свободнаго союза. Эта идея

[1]) William Penn (1644—1718), *Essay on the present and future peace of Europe*, 1693; *Reflections and maxims* (Select Works, I, XCV и сл.).

проникла въ современную жизнь отчасти черезъ естественно-правовыя ученія XVIII вѣка, отчасти черезъ вліяніе сѣверо-американской конституціи. Федерализмъ XVI—XVII вв. былъ федерализмомъ, исходившемъ изъ религіознаго міросозерцанія; но предпосылкою реформаціи былъ принципъ свободы и независимости индивида; раціоналистическія, естественно-правовыя теоріи XVII—XVIII вв. восприняли эту идею индивидуальной свободы и свободнаго договора индивидовъ, объединяющихся въ общество: федерализмъ XVIII вѣка былъ, главнымъ образомъ, индивидуалистическимъ.

ГЛАВА X.

Международный федерализмъ въ XVIII вѣкѣ.

Развитіе идеи общечеловѣческой организаціи совершалось въ XVIII в. въ двухъ главныхъ направленіяхъ: во-первыхъ, разрабатывались, обосновывались и широко распространялись планы международной организаціи, во-вторыхъ, получила болѣе точную юридическую формулировку теорія федеративныхъ политическихъ образованій. Идея международной федераціи утверждалась на разныхъ основаніяхъ: изъ соображеній юридическихъ, какъ требованіе организаціи права, изъ соображеній моральныхъ, какъ требованіе гуманности, какъ послѣдствіе солидарности всего человѣчества, изъ соображеній утилитарныхъ, какъ требованія общей пользы всѣхъ народовъ, наконецъ, какъ необходимое средство для построенія законченной и разумной системы права. Идея международной организаціи и федеративная теорія развиваются часто независимо другъ отъ друга, иногда во взаимодѣйствіи, но въ окончательномъ результатѣ онѣ вліяютъ другъ на друга. Организація человѣчества мыслится, какъ международная федерація, и федеративная теорія проникается международными идеями.

Въ средѣ ученыхъ юристовъ, занимавшихся разработкою науки международнаго права, сдѣлалось давнишней традиціей утверждать, de lege ferenda, необходимость федеративной организаціи международнаго общенія. Уже у Гуго Гроція находимъ мы такое утвержденіе. Международное общеніе Гроцій называетъ magna universitas civitatum [1]). «Было бы полезно, говоритъ онъ, и даже до

[1]) Говоря о положительномъ международномъ правѣ, онъ замѣчаетъ: Sicut cujusque civitatis jura utilitatem suae civitatis respiciunt, ita inter civitates aut omnes aut plerasque ex consensu jura quedam nacsi potuerunt, et nata apparet, quae utilitatem respicerent non coetuum singulorum, sed magnae illius universitatis. *De jure belli*, prol., 17.

извѣстной степени необходимо, чтобы существовали собранія христіанскихъ державъ, гдѣ бы споры однихъ рѣшались другими, не заинтересованными въ спорѣ, и гдѣ бы даже принимались мѣры, чтобы принудить стороны принять миръ на справедливыхъ условіяхъ» [1]). Гроцій говорилъ о союзѣ христіанскихъ народовъ противъ враговъ христіанства и считалъ необходимымъ такой союзъ [2]).

Идея civitatis maximae Вольфа, покоившаяся на представленіи молчаливаго договора, соединяющаго государства въ нѣкотораго рода единый государственно-подобный союзъ, заключала въ себѣ несомнѣнныя черты международнаго федерализма и представляла собою попытку дать юридическое построеніе для такого рода организаціи [3]).

На точку зрѣнія необходимости международной организаціи становились и сторонники позитивнаго направленія въ наукѣ международнаго права XVII и XVIII вв. [4]). Такъ Зечъ, говоря о мирномъ разрѣшеніи столкновеній между государствами, указывалъ, что сосѣдніе и свободные народы могутъ имѣть постоянныхъ судей, обязанныхъ разрѣшать ихъ тяжбы; такова была роль амфиктіоній въ греческихъ республикахъ. Они могутъ также обращаться къ третейскому суду [5]). Рахель закончилъ свою книгу *De jure gentium* пожеланіемъ, чтобы народы согласились установить коллегію феціаловъ, рѣшенію которой государства подчинялись бы въ случаѣ конфликтовъ [6]).

---

[1]) Utile esset, imo quodammodo facto necessarium, conventus quosdam haberi Christianarum potestatum, ubi per eos quorum res non interest aliorum controversiae dirimantur; imo et rationes meantur cogendi partes ut aequis legibus pacem accipiant. *Op. cit.*, l. II, c. 23, § 8.

[2]) Omnes Christiani unius corporis membra sunt quae jubentur alia aliorum dolores ac mala persentiscere, sicut id ad singulos pertinet, ita et ad populos quam populi sunt, et ad reges quam reges pertinere. *Op. cit.*, l. II, c. 15, § 12.

[3]) На взглядахъ Вольфа на civitas maxima мы съ достаточной подробностью останавливались выше, въ главѣ VII.

[4]) О нихъ см. выше, въ предыдущей главѣ.

[5]) Zouchaeus, *Juris inter gentes... explicatio*. sect., I, pars. 2.

[6]) Eximium studium bonamque mentem profitentur, qui gentibus, civitatibus, principibus hoc consilium jam antehac commendarunt, ut ipsorum arbitratu collegium aliquod fetialium communi conventione constituatur, in quo controversiae inter gentes ortae primo omnium cognoscantur, disceptentur et judicentur, neque bello nisi extrema necessitas viam aperiat, sicut illud in eos

Гуманитарный федерализмъ.

Можетъ быть однимъ изъ самыхъ популярныхъ представителей международнаго федерализма XVIII вѣка былъ аббатъ Сенъ-Пьеръ. Самая идея вѣчнаго мира и международной организаціи обыкновенно вызываетъ по ассоціаціи имя Сенъ-Пьера. Своей громадной популярностью Сенъ-Пьеръ обязанъ не столько глубинѣ своихъ философскихъ предпосылокъ (его основные взгляды скорѣе страдаютъ неопредѣленностью и расплывчатостью), не столько силѣ литературнаго таланта (его сочиненіе длинно и скучно), сколько тѣмъ, что онъ опредѣленно и настойчиво выдвинулъ идею международной организаціи и посвятилъ попыткамъ практическаго ея осуществленія необычайныя усилія.

Основные его взгляды на мораль и право, повторяемъ, неопредѣленны. Здѣсь есть и филантропія, и любовь къ интересамъ человѣчества, и эпикуреизмъ; въ общей сложности, его моральныя идеи могутъ быть охарактеризованы, подобно большинству писателей XVIII вѣка, гуманитаризмомъ, и тѣ названія, которыя ему были даны, въ родѣ homme du bien или ami du genre humain, какъ нельзя лучше обрисовываютъ моральную физіономію не только его самого, но и цѣлаго направленія въ литературѣ этого вѣка [1]).

Сенъ-Пьеръ не только высказался за общую необходимость организаціи человѣчества, но и выработалъ подробный планъ такой организаціи [2]). Монархи отдѣльныхъ государствъ должны заключить

---

demum suscipiatur, qui forte judicatum facere nolint, aliisve modis hujus collegii auctoritati ac decretis contumaciam suam objiciant. Rachel, *op. cit.*, § 119—121.

[1]) См. Barni, *Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle*, P. 1865, стр. 69 и сл.

[2]) Abbé de Saint-Pierre, *Mémoires pour rendre la paix perpétuelle en Europe*. Cologne, 1712; *Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe*, 2 vol., Utrecht, 1713; *Abrégé du projet de paix perpétuelle* (*Oeuvres politiques*, Rotterdam, 1721—49, tt. I, II). О проектѣ Сенъ-Пьера существуетъ довольно обширная литература; еще въ XVIII вѣкѣ онъ вызвалъ очень интересныя замѣчанія Руссо, Вольтера и Лейбница, о которыхъ въ свое время будетъ нами сказано; см. Molinari, *L'abbé de Saint-Pierre*, Paris, 1857; Goumy, *Etude sur la vie et les écrits de l'abbé de S. Pierre*, P. 1859; Barni, *op. cit.*, I, 49 и сл.; Nys въ *Revue de droit international*, t. 23 (1890); Hertz въ *Preussische Jahrbücher*, t. 32 (1888); Siégler-Pascal, *Les projets de l'abbé de Saint-Pierre*; Seroux-d'Agincourt, *Exposé des projets de paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre, de Bentham et de Kant*, P. 1905.

вѣчный союзъ. Въ основу этого союза должно быть положено современное международное положеніе и выполненіе послѣднихъ трактатовъ. Цѣлью этого союза должна быть взаимная гарантія князей противъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ и взаимная охрана ихъ владѣній. Къ этому союзу должны примкнуть всѣ христіанскіе князья [1]). Этотъ grande alliance долженъ образовать изъ себя постоянное собраніе (assemblée perpétuelle) полномочныхъ представителей. Эти уполномоченные будутъ дѣйствовать по инструкціямъ своихъ правительствъ.

Европейскій союзъ не можетъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе каждаго государства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи самой формы политическаго устройства и о томъ, чтобы оказать помощь государямъ въ монархіяхъ и правительству въ республикахъ противъ мятежниковъ и революціонеровъ. Существующій порядокъ престолонаслѣдованія въ монархіяхъ будетъ гарантированъ, точно также будутъ гарантированы существующіе способы избранія и заключенные договоры. Мятежники будутъ караться смертью [2]). Взамѣнъ этого, каждый государь долженъ удовольствоваться для себя и для своихъ наслѣдниковъ территоріей, которой онъ будетъ владѣть во время заключенія союза. Всѣ государства Европы должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они будутъ находиться при заключеніи союза; ихъ границы неизмѣнны, и ихъ территоріи не могутъ быть раздроблены или присоединены къ какому-нибудь другому государству, въ силу какого бы то ни было титула, наслѣдованія, даренія, продажи, завоеванія и т. д. Ни одинъ государь, ни членъ царствующаго дома, не можетъ быть государемъ другого государства. Всѣ подписывающіе договоръ отказываются отъ всякихъ претензій другъ къ другу. Мѣна территорій

---

[1]) Il y aura dès ce jour à l'avenir une société, une union permanente et perpétuelle entre les souverains soussignés, et s'il est possible entre tous les souverains chrétiens, dans le dessin de rendre la paix inaltérable en Europe, et dans cette vue l'union fera, s'il est possible, avec les souverains mahométans ses voisins des traités de ligue offensive et défensive, pour maintenir chacun en paix dans les bornes de son territoire, en prenant d'eux, et leur donnant toutes les suretés possibles réciproques. Les souverains seront perpétuellement representés par leurs députés dans un congrès ou sénat perpétuel dans une ville libre (*Projet*... I, 284—5, art. 1).

[2]) *Projet de paix perpétuelle*, I, 290 и сл. (art. 2 и 3).

между государствами вступившими въ союзъ и заключеніе новыхъ договоровъ допустимы только съ согласія трехъ четвертей всѣхъ членовъ союза [1]).

Депутаты постояннаго собранія должны вырабатывать статьи, относящіяся къ международной торговлѣ, такъ, чтобы законы были равными и взаимными для всѣхъ народовъ и основанными на справедливости. Законную и окончательную силу эти статьи будутъ пріобрѣтать въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ приняты тремя четвертями голосовъ, но простого большинства достаточно, чтобы онѣ были введены временно [2]). Въ компетенцію постояннаго собранія входятъ: сборы съ союзниковъ ежегодныхъ взносовъ, сообразно доходамъ и расходамъ каждаго государства, для общихъ расходовъ всего союза; регулированіе престолонаслѣдій, основываясь на принципѣ salus populi suprema lex; принужденіе отдѣльныхъ государствъ подчиняться рѣшенію постояннаго собранія; добрыя услуги и посредничество для государствъ, находящихся въ спорѣ между собою, и, въ случаѣ неудачи этого посредничества, обязательное судебное рѣшеніе собранія, постановляемое по большинству голосовъ (сначала временно, а черезъ 5 лѣтъ послѣ перваго рѣшенія окончательно). Ни одно государство не можетъ начинать войны противъ другого, а въ случаѣ спора должно обращаться къ третейскому суду постояннаго собранія или сейма. Противъ неподчинившагося постановленію такого суда весь союзъ долженъ принять принудительныя мѣры и заставить его силою выполнить это постановленіе и заплатить военныя издержки [3]). Наконецъ, къ компетенціи постояннаго совѣта принадлежитъ законодательная функція: постоянное собраніе рѣшаетъ, простымъ большинствомъ голосовъ, о всякихъ новыхъ статьяхъ союзнаго договора, которыя оно сочтетъ нужными для прочности, безопасности и пользы союза. Измѣненіе основнаго договора о союзѣ можетъ произойти лишь по единогласному рѣшенію собранія.

Хотя проектъ Сенъ-Пьера представлялъ, по его собственному заявленію, лишь возрожденіе прежняго проекта Генриха IV—Сюлли,

---

[1]) *Op. cit.*, I, 297 и сл. (art. 4 и 5).
[2]) *Op. cit.*, I, 321 и сл. (art. 7).
[3]) *Op. cit.*, I, стр. 326 и сл.

а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоялъ даже и ниже послѣдняго, прогрессъ сказался, во-первыхъ, въ томъ, что проблема международной организаціи поставлена была во всей своей широтѣ, во-вторыхъ, практическое значеніе этого проекта, благодаря неутомимой агитаціи его автора, было огромно, привлекши къ себѣ широкое вниманіе общественнаго мнѣнія и вызвавши критическія замѣчанія Лейбница, Вольтера и Руссо. Проектъ Сенъ-Пьера повліялъ на взгляды всѣхъ послѣдующихъ гуманистовъ XVIII вѣка. Даже лица, въ родѣ Вольтера, иронически относившіяся къ оптимистической вѣрѣ Сенъ-Пьера въ благорасположеніе монарховъ и въ желаніе ихъ установить вѣчный миръ [1]), признавали необходимость международной организаціи. Вольтеръ полагалъ, что проектъ постояннаго мира абсурденъ не самъ по себѣ, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ Сенъ-Пьеромъ. Осуществленъ онъ можетъ быть лишь одной терпимостью. Установленію его можетъ сильно способствовать просвѣщеніе народовъ. Учрежденіе европейскаго сейма было бы очень полезно для того, чтобы проповодить судъ по спорамъ о выдачѣ преступниковъ, о торговыхъ законахъ, въ случаяхъ столкновеній законодательствъ различныхъ націй. Правители государствъ должны выработать кодексъ и обязаться подчиняться рѣшеніямъ европейскаго сейма, сохраняя однако въ крайнемъ случаѣ право прибѣгнуть къ войнѣ [2]).

---

[1]) Voltaire, *De la paix perpétuelle. Par docteur Goodheard*, 1769 (*Oeuvres complètes* de Voltaire, t. 28, Paris, 1822, стр. 35—75), *Rescrit de l'empereur de Chine à l'occasion du projet de paix perpétuelle* (*Oeuvres*, XXIV, 231).

[2]) Voltaire, *De la paix perpétuelle*, стр. 37—38. Интересно мнѣніе Сенъ-Симона о проектѣ аббата Сенъ-Пьера. По его мнѣнію, этотъ проектъ имѣетъ коренные недостатки. Первый недостатокъ тотъ, что составленный такимъ образомъ конгрессъ не можетъ привести къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ. Безъ общихъ точекъ зрѣнія нѣтъ согласія, а между тѣмъ монархи, собравшіеся вмѣстѣ, или уполномоченные, назначаемые договорившимися сторонами, и отзываемые ими, не могутъ имѣть другихъ взглядовъ, кромѣ частныхъ, и другихъ интересовъ, кромѣ собственныхъ. Кромѣ того, неизбѣжнымъ результатомъ международной организаціи по плану Сенъ-Пьера было бы продолженіе въ Европѣ того порядка вещей, который существовалъ въ ней при установленіи этой организаціи. Остатки феодализма, которые еще существовали, сохранились бы навѣки. Мало того, эта организація благопріятствовала бы злоупотребленію властью, дѣлая власть монарховъ еще болѣе грозной для народовъ

Гуманитаризмъ XVIII вѣка опредѣленно сказался также и въ теоріяхъ аббата Мабли, одного изъ представителей положительной обработки международнаго права [1]). La terre entière est notre patrie commune, заявляетъ Мабли [2]), всѣ люди братья, поэтому надо избѣгать войнъ и организовать международныя отношенія; Мабли совѣтовалъ создать международный органъ. предназначенный для охраны мира и для разбирательства всякаго рода конфликтовъ и споровъ между различными государствами [3]). Если эти охранители мира будутъ руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ не честолюбіемъ, а той мыслью, что народы являются друзьями, обязанными помогать другъ другу, то народы образуютъ мало-по-малу федеративную республику; а это наивысшая степень совершенства, на которую можетъ подняться политика. Если вы размыслите, то вы увидите, что греки нѣкогда были обязаны своимъ счастьемъ такой конфедераціи, и что вслѣдъ за ихъ раздорами наступила потеря ими своей свободы. Точно также именно союзъ

и отнимая у послѣднихъ всякіе рессурсы противъ тираніи. Другими словами, эта организація была бы не чѣмъ инымъ, какъ взаимной гарантіей князей для сохраненія своей произвольной власти. *Réorganisation de la société européenne* (*Oeuvres*, XV). См. ниже интересныя замѣчанія Руссо о пацифизмѣ Сенъ-Пьера.

[1]) См. *Le droit public de l'Europe fondé sur les traités* (*Oeuvres complètes*, Paris. 1790, vol. X—XII). Объ отношеніи моральныхъ и политическихъ взглядовъ Мабли къ взглядамъ другихъ писателей XVIII в., см. прекрасную работу W. Guerrier. *L'abbé de Mably, moraliste et politique*, P. 1886, стр. 21 и сл.

[2]) *De la législation ou principes de lois*, II, 3 (*Oeuvres*, XV, 204), *De l'étude de l'histoire*, V (*Oeuvres*, XX, 63—4).

[3]) Etablissez une classe de Magistrats, dont la seule occupation soit de conserver la paix. *De la législation*, II. 3 (*Oeuvres*, XV. 209). Въ 1786 году Мерсье издалъ *L'an 2440, rêve s'il en fût jamais* (Amsterdam, 3 vol.). Въ этомъ произведеніи Мерсье разсказываетъ о пробужденіи человѣка XVIII вѣка въ 2440 году. Это даетъ Мерсье поводъ нарисовать картину міра въ XXV столѣтіи. Въ области международныхъ отношеній въ эту эпоху, по мнѣнію Мерсье, будетъ царить миръ. Короли, съ общаго согласія, установятъ естественныя границы своимъ имперіямъ, какъ сдѣлала это сама природа. раздѣливши государства морями, лѣсами и горами. Наиболѣе мудрые люди всѣхъ націй составятъ общій союзный договоръ, и онъ будетъ единогласно принятъ; предразсудки. раздѣлявшіе націи, исчезнутъ: „Индійцы и китайцы,—говоритъ одинъ изъ представителей этой эпохи,—сдѣлались нашими соотечественниками. Мы пріучаемъ нашихъ дѣтей смотрѣть на вселенную, какъ на одну семью, собранную предъ очами общаго отца“.

тринадцати кантоновъ создаетъ въ настоящее время безопасность Швейцаріи. Каждая изъ этихъ республикъ слаба сама по себѣ, всѣ же вмѣстѣ онѣ сильны, благодаря общему интересу ихъ соединяющему»[1]).

Нигдѣ такъ, можетъ быть, не высказался международный федерализмъ, свойственный гуманитаризму XVIII вѣка, какъ въ ученіи франкъ-масонства[2]). Франкъ-масонство, по своему замыслу, было филантропическимъ учрежденіемъ, стремившимся осуществить идеалъ соціальной жизни, обосновать индивидуальную жизнь на трудѣ, на моральномъ достоинствѣ, на сознаніи назначенія *человѣчества*, построить общество на раціональныхъ принципахъ, такъ чтобы обезпечить *человѣчеству* его полное развитіе[3]). Франкъ-масонское братство всемірно въ томъ смыслѣ, что всѣ конфедераціи и частныя группы смотрятъ другъ на друга, какъ на части единаго цѣлаго, какъ на членовъ единой семьи, независимо отъ различія соціальнаго положенія, вѣры, національности. Правда, франкъ-масонское братство не имѣетъ единой международной организаціи, не имѣетъ единой центральной власти и не подчинено единому управленію, отдѣльныя ложи обыкновенно слагаются лишь въ національныя конфедераціи (Великій Востокъ и др.), однако въ теоріи франкъ-масонское братство едино, и всѣ частныя ложи образуютъ лишь единую, идеальную ложу, подобно тому какъ люди, независимо отъ ихъ національности, всѣ принадлежатъ къ единому человѣчеству. Франкъ-масонское братство простирается на всѣхъ франкъ-масоновъ безразлично. Герцогъ д'Антенъ, grand maître парижской ложи, въ своей рѣчи 24 іюля 1740 г. заявилъ: «Весь міръ есть лишь великая

---

[1]) *De la législation*. II. 3 (*Oeuvres*, XV. 214).

[2]) Мы здѣсь не беремся производить общей оцѣнки франкъ-масонскаго ученія, ни сравнивать его новѣйшія формы съ прежними,—вопросъ слишкомъ сложный, запутанный и вызвавшій обширнѣйшую, почти необозримую литературу.

[3]) Grand Orient de France такъ формулировалъ принципы франкъ-масонства: „Франкъ-масонство есть учрежденіе исключительно филантропическаго, философскаго и прогрессивнаго характера, имѣющее цѣлью отысканіе истины, изученіе морали и практику солидарности; оно трудится надъ матеріальнымъ и моральнымъ улучшеніемъ, надъ умственнымъ и соціальнымъ усовершенствованіемъ человѣчества... Франкъ-массонство имѣетъ долгомъ распространять на всѣхъ членовъ человѣчества братскія узы, соединяющія франкъ-масоновъ на всемъ пространствѣ земного шара“. *Grande Encyclopédie*, t. XVII, 1179.

республика, въ которой каждая нація представляетъ семью и каждое отдѣльное лицо—дитя». Эта идея всемірной республики дѣлается господствующей идеей франкъ-масонства. «Секретъ франкъ-масоновъ, заявляется въ одной книгѣ 1741 г., состоитъ въ томъ, чтобы незамѣтно создать всемірную и демократическую республику, въ которой повелителемъ долженъ быть разумъ, а верховнымъ совѣтомъ собраніе мудрыхъ» [1]).

Въ концѣ XVIII вѣка возникло федеративное движеніе въ отложившихся отъ Англіи сѣверо-американскихъ колоніяхъ, которое привело къ образованію сначала конфедераціи, а потомъ федераціи Соединенныхъ Штатовъ. Это движеніе нашло свое теоретическое выраженіе въ знаменитомъ *Федералистѣ*, въ рядѣ статей Мадисона, Джея и, главнымъ образомъ, Гамильтона, въ которыхъ были разобраны и отчасти впервые формулированы многіе вопросы федеративной теоріи [2]). Въ этихъ статьяхъ, посвященныхъ главнымъ

[1]) Joyau, *La philosophie en France pendant la révolution*, Paris, 1893, стр. 62. Вейсгауптъ, профессоръ каноническаго права въ Ингольштадтѣ, основатель секты иллюминатовъ, въ одной программной рѣчи заявилъ: „Съ того момента, какъ люди соединились въ націи, они перестали узнавать другъ друга подъ общимъ именемъ. Націонализмъ и національная любовь заняли мѣсто общей любви... Изъ патріотизма родились партикуляризмъ, духъ семьи и, наконецъ, эгоизмъ. Такимъ образомъ съ возникновеніемъ государства и правительства, возникли раздоры въ гражданскомъ обществѣ... Уменьшайте, ограничивайте эту любовь къ отечеству, и люди снова научатся узнавать и любить другъ друга, какъ людей... Средство выйти изъ этого состоянія заключается въ тайныхъ школахъ философіи... Благодаря этимъ школамъ въ концѣ концовъ будетъ исправлено паденіе человѣческаго рода; князья и націи исчезнутъ тогда безъ насилій, съ лица земли". Deschamps, *Les sociétés secrètes*, t. 1 (изд. 4), 254—5. Обычное заявленіе масонскихъ ложъ: Peuples, soyez frères. L'univers est votre patrie. Deschamps, *op. cit.*, I, 255; тамъ же см. рядъ другихъ заявленій различныхъ масонскихъ ложъ и представителей франкъ-масонства о космополитизмѣ масоновъ. Это осталось традиціей франкъ-масонства до самаго послѣдняго времени. Укажемъ на одинъ лишь характерный примѣръ. Блюнчли былъ членомъ великой ложи въ Бейрутѣ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1873 году въ Цюрихѣ передъ ложей Modestia, онъ согласно франкъ-масонскому идеалу, выставилъ всемірное государство, какъ цѣль, къ которой надо стремиться. Эта цѣль должна быть достигнута соединенными усиліями масонскихъ ложъ всего міра. Deschamps, *Les sociétés secrètes*, t. 1 (4 изд.), 258—259 (Деканъ пользуется данными книги Pachtler, *Der Goetze der Humanität*, Freib., 1877).

[2]) *The Federalist on the new constitution*, written in 1788 by Hamilton, Madison and Jay (1 изд. N. Y. 1788, здѣсь Hallowell. 1857); см. préface de Esmein къ прекрасному французскому переводу *Le fédéraliste*, Paris, 1902.

образомъ внутреннимъ проблемамъ федеративныхъ государствъ (что выходитъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія), авторы *Федералиста* указываютъ и на международную сторону федеративныхъ образованій. Гамильтонъ въ нѣсколькихъ статьяхъ перечисляетъ тѣ опасности, которыя вытекаютъ для государствъ, когда они не объединены въ одинъ общій союзъ; самыя разнообразныя причины влекутъ государства къ конфликтамъ и войнамъ: территоріальные споры, торговая зависть, честолюбіе правителей; и это относится не только къ монархіямъ, но и къ республикамъ, историческій опытъ показываетъ, что и республики склонны къ войнамъ съ сосѣдними народами [1]). Послѣдствіемъ войнъ явится установленіе постоянныхъ армій, что повлечетъ за собою обычные результаты.—увеличеніе непроизводительныхъ тратъ, деспотизмъ правительства и уничтоженіе гражданской свободы [2]). Конфедерація приноситъ собою миръ и даетъ гарантіи противъ возстаній и войнъ; благодаря этой политической формѣ свобода сохраняется даже и тогда, когда политическая арена расширяется и въ орбиту политической жизни вступаютъ громадныя массы народа [3]). Но изъ двухъ формъ федеративнаго соединенія, конфедераціи и союзнаго государства, для національнаго объединенія авторы *Федералиста* отдаютъ безусловное предпочтеніе федеративному государству.

Французская революція, это идейное завершеніе XVIII вѣка, жила въ атмосферѣ космополитизма, и идея международной организаціи утверждалась въ теченіе революціи многократно. Къ этому порядку идей относятся обсужденіе декларацій правъ народовъ,

---

Ср. С. Фортунатовъ, *Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ, ч. I. Федералистъ и трактаты Кальхуна*, М. 1879, стр. 19 и сл.; E. Merriam, *A history of american political theories*, N. Y. 1903, 100 и сл., и особенно чрезвычайно интересную книгу John Fiske, *American political ideas viewed from the standpoint of universal history*, N. Y. 1885.

[1]) *Federalist*, № 6—7 (Hamilton).

[2]) *Op. cit.*, № 8 (Hamilton).

[3]) *Op. cit.*, № 9 (Hamilton). Разбору различныхъ вопросовъ международнаго права, правда, не съ федеративной точки зрѣнія, посвятилъ Гамильтонъ *The letters of pacificus*, помѣщенныя въ видѣ приложенія къ *Federalist*. Здѣсь онъ отстаиваетъ правомѣрность и цѣлесообразность провозглашенія С. Штатами нейтралитета въ 1793 г.

предложенной аббатомъ Грегуаромъ, и декретъ Конвента отъ 19 ноября 1792 г. о братствѣ народовъ и о помощи всѣмъ націямъ, ищущимъ свободы [1]). При чемъ намѣтилось два теченія: одно—якобинское, унитарное, другое—жирондистское, федеративное. Крайнимъ представителемъ якобинскаго всемірнаго централизма былъ «ораторъ человѣческаго рода», Анахарсисъ Клооцъ [2]). Идеи Клооца отличались необычайной простотою. «Суверенитетъ, заявилъ онъ въ Конвентѣ 24 апрѣля 1793 г., единъ, недѣлимъ, неотчуждаемъ, неизмѣняемъ, не подлежитъ давности, неуничтожаемъ, неограниченъ, безъ предѣловъ, абсолютенъ и всемогущъ; два народа не могутъ быть суверенными. Одинъ человѣческій родъ суверененъ; онъ есть Богъ» [3]). Клооцъ объявилъ себя противникомъ федеративнаго устройства [4]). Якобинскій космополитизмъ, слѣдуя общему централистическому идеалу, стремился къ атомистическому раздробленію индивидовъ и къ противопоставленію индивиду всемогущаго государства и даже всемогущаго человѣчества [5]). Якобинскому централизму противостоялъ федерализмъ жирондистовъ. Федерали-

---

[1]) „La Convention nationale déclare, au nom de la nation française, qu'elle accordera fraternité et secours à tous les peuples qui voudront recouvrir leur liberté, et charge le pouvoir exécutif de donner aux généraux les ordres nécessaires pour porter secours à ces peuples, et défendre les citoyens qui auraient été vexés ou qui pourraient l'être pour la cause de la liberté." См. Condorcet, *La nation française à tous les peuples* (*Oeuvres*, XII, 511). — A. Sorel. *L'Europe et la Révolution française*, I, 85.

[2]) Anacharsis Cloots. *Etrennes de l'orateur du genre humain aux cosmopolites*. Chef-lieu du globe, 1793; *Appel au genre humain*, an II; *Bases constitutionnelles de la république du genre humain*, Paris, 1793; *La république universelle*, Paris, an IV.

[3]) *Moniteur*, 30 avril 1793.

[4]) *La république universelle*, 14 и сл.; *Ni Marat ni Rolond, opinion d'Anacharsis Cloots*. Paris, 1792.

[5]) Типичную рѣчь произнесъ въ якобинскомъ клубѣ въ 1792 году депутатъ Конвента Мило: „О, если бы наступило пробужденіе народовъ, и послѣ успѣховъ нашего оружія и республиканскихъ войскъ всѣ троны были ниспровергнуты, и каждая страна, ставши свободной, образовала правительство, соотвѣтствующее своему пространству, и изъ всѣхъ національныхъ конвентовъ извѣстное число чрезвычайныхъ депутатовъ образовало въ центрѣ земного шара *всемірный конвентъ*, который неустанно наблюдалъ бы за охраной правъ человѣка и всеобщей свободой торговли!" Thiers, *Histoire de la Révolution*, t. IV, стр. 434.

стомъ былъ Кондорсе [1]), федералистами были Бриссо [2]), Бюзо и Верньо [3]).

На ряду съ теоріями международнаго федерализма, исходившими изъ соображеній юридической конструкціи или филантропическаго гуманитаризма, въ XVIII вѣкѣ были созданы системы международнаго федерализма, въ которыхъ эта федерація утверждалась, какъ отвѣчающая идеѣ разума, лежащей въ основаніи всякаго права. Изъ этихъ системъ мы остановимся лишь на принадлежащихъ Лейбницу, Руссо, Канту и Фихте.

Лейбницъ.

Съ конца XVII вѣка идеи международнаго федерализма съ необычайной многосторонностью, жизненностью и философской глубиной развивались Лейбницемъ [4]). Эти идеи находились въ полномъ

---

[1]) О немъ см. подробнѣе ниже.

[2]) Brissot въ *Le Patriote Français*, № 16. см. Bucher et Roux, *Histoire parlémentaire de la Révolution*, II, 420.

[3]) Buzot, *Mémoires*. рѣчь Бюзо въ Конвентѣ см. *Moniteur*, 21, 23 février 1793; ср. Fraysinet, *Les idées politiques des girondins*, Toulouse, 1903, стр. 325 и сл.

[4]) Сочиненія Лейбница по интересующему насъ вопросу разбросаны въ различныхъ собраніяхъ его писаній (полнаго собранія не существуетъ), изъ которыхъ укажемъ слѣдующія важнѣйшія: *Opera omnia* изд. Dutens, Genevae, 1768, 6 томовъ; *Deutsche Schriften*, изд. Guhrauer, 2 тома Berlin, 1838—1840; *Leibniz und Landgraf Ernst von Hessen-Rheinfels, ein Briefwechsel*, изд. Rommel, Frankfurt am Main, 1847, 2 т.; *Oeuvres*, изд. Foucher de Careil, Paris, 1859 — 75, 7 т.; *Werke*. изд. Klopp, Hannover, 1864—84, 11 т.; *Mitteilungen aus Leibnizens ungedrückten Schriften*, изд. Mollat. Leipzig, 1893. Главнѣйшія сочиненія по вопросу о международной организаціи: *Vom Naturrecht* (Guhrauer, I, 414—419, почти буквальный переводъ у Чичерина, *Истор. пол. ученій*, II, 201—2); *Bedenken welchergestalt Securitas publica interna et externa und status praesens im Reich jetzigen Umständen nach auf festen Fuss zu stellen* (F. de Careil, VI или Klopp, II); *Caesarini Furstenarii de Jure suprematus ac legationis principum Germaniae* (Klopp, IV, Dutens, IV), и сокращеніе этой работы подъ заглавіемъ *Entretien de Philarète et d'Eugène sur la question du temps, agitée à Nimwègue* (F. de Careil, VI); *Mars christianissimus autore germano-gallo-greco ou apologie des armes du roy treschrestien contre les chrestiens* (F. de Careil, III); *Remarques sur un manifeste françois* (F. de Careil, III); *Annales imperii occidentis* и введеніе въ *Codex juris gentium diplomaticus* (Dutens, IV); *Lettre à l'abbé de Saint-Pierre* и *Observations sur le projet d'une paix pérpétuelle par l'abbé de Saint-Pierre* (F. de Careil, IV). Идеи Лейбница о религіозной и отчасти о политической организаціи человѣчества основательно и документально (въ значительной степени по письмамъ и неизданнымъ отрывкамъ) изложены Баруци

соотвѣтствіи съ его общими философско-юридическими взглядами. Вся его философская система, построенная на идеѣ предвѣчнаго мірового порядка и предустановленной гармоніи, требовала упорядоченія общечеловѣческой жизни; аморфія и безпорядокъ международныхъ отношеній противорѣчили кореннымъ образомъ его универсальному гармоническому идеалу [1]).

Въ мірѣ существуетъ всеобщая связанность. «Всякое тѣло, говоритъ Лейбницъ въ своей *Монадологіи*, чувствуетъ все, что совершается во вселенной, такъ что тотъ, кто все видитъ, могъ бы въ каждомъ тѣлѣ прочесть, что совершается повсюду, и даже то, что совершилось или еще совершится, замѣчая въ настоящемъ то, что удалено по времени и мѣсту; все дышитъ взаимнымъ согласіемъ, какъ говорилъ Гиппократъ» [2]). Подъ дѣйствіемъ вѣчныхъ законовъ мірозданія, люди въ совмѣстной жизни образуютъ рядъ постепенно расширяющихся союзовъ, имѣющихъ въ виду все болѣе возвышенныя и универсальныя цѣли [3]). Брачный союзъ, родительской союзъ, союзъ господина и рабовъ, союзъ домашній, гражданское общество,—все это послѣдовательныя ступени, ведущія къ образованію послѣдняго, обнимающаго все человѣчество союза, Церкви Божіей. Въ этотъ союзъ входятъ всѣ остальные; онъ простирается на все человѣчество [4]).

въ его обширной книгѣ: Jean Baruzi, *Leibniz et l'organisation religieuse de la terre d'après des documents inédits*, Paris, 1907, см. особен. стр. 8 и сл., 267 и сл.

[1]) Дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ великія философскія системы, исходившія изъ вѣры въ предопредѣленіе или предустановленную гармонію, какъ стоики, Августинъ, Ѳома Аквинскій, Лейбницъ, приходили къ идеалу организаціи всего человѣчества.

[2]) Лейбницъ, *Избранныя сочиненія*, М. 1908, стр. 355.

[3]) Воззрѣнія Лейбница на различныя ступени общежитія изложены были имъ въ небольшомъ отрывкѣ *Vom Naturrecht* (Guhrauer, I, 414—419).

[4]) Diese Gemeinschaft der Heiligen ist katholisch oder allgemein, und verbindet die ganze menschliche Gesellschaft zusammen (Guhrauer, I, 417). Alle unbeschränkte Gesellschaften gehen zwar auf die Wohlfahrt, können aber nicht solche allemal leisten; daher haben mehr Menschen zusammentreten oder grössere und kräftige Gemeinschaft machen müssen. Daher Haushaltungen, Geschlechter, Dörfer, Klöster, Orden, Städte, Landschaften und endlich das ganze menschliche Geschlecht, welches den Gebiet Gottes gleichsam eine Gemeine macht (*Op. cit.*, I, 418). Въ совершенномъ обществѣ долженъ возникнуть рядъ союзовъ. Geschlechter würden Zünfte oder Kasten machen, aus denen würden

Мы всѣ принадлежимъ къ совершеннѣйшему всемірному государству, монархомъ котораго является Богъ. Лейбницъ называетъ это всемірное государство царствомъ духовъ во вселенной (Reich der Geister im Universum) и всеобщей церковью. «Совокупность всѣхъ Духовъ (т.-е. разумныхъ душъ) должна составлять Градъ Божій, т.-е. самое совершенное, какое только возможно, государство подъ властью самаго совершеннаго монарха. Этотъ Градъ Божій, эта воистину Вселенская Монархія, есть міръ нравственный въ мірѣ естественномъ и представляетъ собой наиболѣе возвышенное и самое божественное изъ дѣлъ Божіихъ; въ немъ и состоитъ истинная слава Божія, ибо ея не было бы, если бы духи не познавали величія Бога и благости Его и не поражались ими. Именно въ отношеніи къ этому государству и обнаруживается, собственно, Его благость, тогда какъ Его премудрость, Его Всемогущество проявляются повсюду» [1]).

Въ теченіе всей своей жизни Лейбницъ обращался со своими проектами частичной организаціи человѣчества къ Людовику XIV, къ іезуитамъ, къ Петру Великому. Онъ мечталъ о соединеніи всего человѣчества въ единую организацію, всемірную церковь, поэтому онъ всячески пытался примирить католицизмъ съ протестантствомъ [2]). Здѣсь мы видимъ у Лейбница, какъ бы нѣкоторое возрожденіе средневѣковыхъ взглядовъ. Онъ, повидимому, не отказывался отъ средневѣковыхъ идей всемірной теократіи, хотя эта теократія теряла у него какъ католическій, такъ и юридическій характеръ. Высказываясь за юридическую организацію всего человѣчества, онъ эту организацію представлялъ то нѣсколько на средневѣковый ладъ, какъ всемірную имперію, понимая однако послѣднюю не какъ унитарное государство, а какъ обширную федерацію самостоятельныхъ государствъ, то въ видѣ всемірной конфедераціи съ верховнымъ судомъ [3]).

Städte entstehen, solche zu einer Landschaft treten, und alle Länder endlich unter der Kirche Gottes stehen (*Op. cit.*, I, 419).

[1]) *Монодологія*, § 85—86 (Лейбницъ, *Избранныя философскія сочиненія*, М. 1908, стр. 362).

[2]) По этому послѣднему вопросу см. особ. указанную выше книгу Baruzi.

[3]) Впрочемъ Блюнчли въ своей *Исторіи государственнаго права* замѣчаетъ: „Не слѣдуетъ смѣшивать этого воззрѣнія со средневѣковыми. Всеобщая церковь, по мнѣнію Лейбница, обнимаетъ не только христіанъ, но все человѣчество; она не ограничивается земной жизнью, но и простирается на безсмерт-

Въ своемъ трактатѣ *De jure suprematus* Лейбницъ мечтаетъ о томъ, чтобы весь христіанскій міръ составилъ какъ бы одну религіозно-политическую общину. Во главѣ большей части Европы долженъ стоять императоръ, на которомъ лежитъ забота объ установленіи общественнаго мира. Лейбницъ высказывается за установленіе постояннаго совѣта и общеевропейскаго сената [1]).

ныя души умершихъ на землѣ. Оно есть не мнимая теократія, во главѣ котораго стоитъ человѣческій намѣстникъ Божій, а непосредственная теократія, монархомъ которой является самъ Богъ. Однако это Божье царство,—рядомъ съ которымъ человѣческое царство является намъ въ несовершенной и частичной земной формѣ историческихъ городовъ, земель и княжествъ, имѣетъ лишь подчиненное и преходящее существованіе,— есть скорѣе всемірная церковь, чѣмъ всемірное государство". Bluntschli, *Geschichte* (1-е изд., 145—147).

[1]) Caesareum fastigium paulo sublimius esse arbitror, quam vulgo sibi persuadent. Caesarem esse advocatum, vel potius Caput, aut, si mavis, Brachium seculare Ecclesiae universalis. Totam christianitatem unam velut Rempublicam componere, in qua Caesari autoritas aliqua competit. Hinc sacri Imperii nomen, quod aeque late ac Ecclesia Catholica quodammodo porrigi debet. Caesarem esse Imperatorem, id est, Ducem natum Christianorum contra infideles: ipsius esse ante caeteros schismata componere, concilia et procurare et moderari et denique ipsa sui muneris autoritate operam dare, ne quid Ecclesia et Respublica Christiana detrimenti capiant. Multos principes constat aut Imperii Romani, aut certe Ecclesiae Romanae beneficiarios sive Vasallos esse, a Caesare aut Pontifice Reges vel Duces appellatos; et reliquos etiam non prius regno, quam Christo inaugurari, cujus Ecclesiae fidelitatem spondent, cum ab Episcopo unguntur. *Tractatus de jure supr., Ad lectorem*, Klopp, IV, 10. Itaque si jure agendum est, Caesari in magna parte Europae aliqua autoritas et quasi Primatus quidam Ecclesiastico respondens, tribuendus est: et quemadmodum in Imperio nostro de pace publica tuenda, subsidiis contra infideles conferendis, justitia inter ipsos Principes administranda, cautum est, ita scimus Ecclesiam universalem de causis principum judicasse, Principes ad Concilia appelasse, in Conciliis de ordine ac sessione pronuntiatum fuisse; Concilia Christianorum nomine bella in Christiani nominis hostes indixisse. Et, si perpetuum esset Concilium, vel constitutus a Concilio communis rei Christianae senatus exstaret, tunc quod nunc foederibus, et, ut vocant, Mediationibus atque garantiis fit, id interposita autoritate publica a capitibus Christianitatis Pontifice ac Caesare protecta, amica quidem compositione, efficacius tamen quam nunc fit, transigeretur (*Op. cit.*, стр. 11). См. особенно cap. XXXI „De potestate ecclesiae universalis ejusque Primatis in omnes Christianos, populorum voluntate agnita, et bono publico congruente" и т. д. и cap. XXXII „Pontifex ut Primas, at Imperator ut Archimarescallus, Ensifer, bracchium seculare, advocatus ecclesiae universalis. Dux contra infideles. Durante schismate Ecclesiae consolit et comitia moderatur" и. т. д. Itaque Eccelesia universalis pro una Republica habenda est, in qua omnia ad salutem animarum et generale bonum dirigi debent, cujus velut Primas est Romanus Episcopus, Archi-Mareschallus vero, sive Ensifer, Imperator... Imperator advo-

Въ *Securitas publica* Лейбницъ высказывается за объединеніе государствъ Европы въ союзъ. Въ этомъ случаѣ перестанутъ стремиться къ установленію всемірной монархіи, и Европа обрѣтетъ покой [1]). Обращаясь къ французскому королю, онъ предлагаетъ ему содѣйствовать соединенію народовъ для общаго интереса и расширенія власти христіанства. Политическій идеалъ Лейбница не былъ централистическимъ; Лейбницъ понималъ великое значеніе федеративнаго построенія общества, что вполнѣ соотвѣтствовало общему индивидуалистическому духу его системы; онъ постоянно высказывался за самостоятельность отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ общій союзъ. По мнѣнію Лейбница, нынѣ невозможно установленіе всемірной монархіи, и всемірное владычество можетъ выразиться лишь въ правѣ быть высшимъ третейскимъ судьею надъ прочими странами (arbitrium rerum); такими третейскими судьями были римляне по отношенію къ socii, Александръ Македонскій—для греческихъ республикъ. Благодаря союзникамъ (socii) возросла сила Рима, и эта сила ослабѣла, когда на мѣсто союзной связи принята была «провинціальная» связь: чтобы удерживать провинціи, нужны были арміи; благодаря же существованію армій диктатура разрушила республику, и имперія, въ свою очередь, была ими ослаблена. Французскій король долженъ стремиться не къ всемірной монархіи, а къ всемірному третейскому суду [2]).

Европа должна найти устойчивость въ своемъ устройствѣ; иначе она осуждена на войну, а между тѣмъ миръ необходимъ для правильной жизни [3]). Въ своемъ письмѣ къ аббату Сенъ-Шеру (отъ 7/11 1715 г.) по поводу выработаннаго послѣднимъ проекта мира, Лейбницъ пишетъ, что сочувствуетъ этому плану, qui intéresse tout le genre humain. Онъ считаетъ, что для осуществленія такого

---

catus est Ecclesiae vel potius Brachium Seculare, ut vocant, et Dux generalis Christianorum natus (*Op. cit.*, стр. 131 и сл., особ. 136 — 137. Ср. также введеніе въ *Codex juris gentium diplomaticus*, Dutens, IV, 3, 295 и сл.).

[1]) Non monarchiam universalem... sed directionem generalem seu arbitrium rerum esse (*Securitas publica*, изд. Klopp, II 221. Ср. изд. F. de Careil, VI, 168 и сл.). Лейбницъ зналъ проектъ Генриха IV и вполнѣ его одобрялъ.

[2]) *Op. cit.*, § 88 (изд. F. de Careil, VI, 127—8).

[3]) *Securitas publica* (изд. Klopp, II, 222).

проекта нужны добрая воля людей и иниціатива главъ государства; но le mal est qu'il est difficile de le faire entendre aux grands princes [1]). Онъ съ сочувствіемъ указываетъ на проекты Крюсе, ландграфа Эрнеста Гессенъ-Рейнфельсскаго и Генриха IV. Въ исторіи онъ находитъ примѣры такого состоянія Европы, когда существовалъ подобный верховный судья надъ отдѣльными государствами: въ средніе вѣка признавалось верховенство папъ и императоровъ [2]). Изъ двухъ проектовъ Сенъ-Пьера Лейбницъ присоединяется къ тому, который сохраняетъ за Германскимъ императоромъ отдѣльный голосъ, независимо отъ правъ его, какъ наслѣдственнаго монарха. Недостатки проекта Сенъ-Пьера Лейбницъ видѣлъ, во-первыхъ, въ томъ, что въ проектируемой имъ организаціи не было бы возможности отдѣльнымъ подданнымъ жаловаться на своихъ правителей, между тѣмъ какъ даже въ Германскомъ союзѣ судъ имперской палаты можетъ принимать жалобы на отдѣльныхъ князей; во-вторыхъ, въ томъ, что депутаты христіанскаго сената по проекту Сенъ-Пьера получали бы инструкціи отъ посылающихъ ихъ князей и вполнѣ зависѣли бы отъ усмотрѣнія послѣднихъ, между тѣмъ было бы правильнѣе дать независимость этимъ депутатамъ; не говоря о депутатахъ палаты общинъ (какъ образца представительной системы), но и судьи имперскаго суда несмѣняемы и слѣдуютъ въ своихъ рѣшеніяхъ лишь указаніямъ совѣсти [3]).

Нѣмецкая имперія для Лейбница была не союзомъ государствъ, а юридическимъ лицомъ (persona civilis), т.-е. государствомъ; но князья суть подчиненные императору (obnoxii), а не его подданные (subditi); и эта подчиненность сказывается не столько по отношенію къ императору, сколько по отношенію къ имперіи, въ которой они сами принимаютъ участіе. Лейбницъ понималъ сувере-

---

[1]) Въ *Observations sur le projet d'une paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre* Лейбницъ пишетъ: „Je suis persuadé qu'un tel projet en gros est faisable et que son exécution serait une de plus utiles choses du monde".

[2]) По мнѣнію Лейбница, и въ его время „l'empereur a quelque droit et direction dans la société chrétienne, et c'est ce que sa dignité lui donne, outre la préséance. Ainsi, je ne crois pas qu'il serait juste et à propos de détruire tout d'un coup le droit de l'Empire romain, qui a subsisté depuis tant de siècles" (*Oeuvres*, Foucher, IV, 331—332).

[3]) *Oeuvres*, изд. Foucher, V, 333.

нитетъ, какъ территоріальное верховенство (territorialis superioritas). Это верховенство, правда, можетъ быть и ограничено; Лейбницъ допускалъ существованіе относительнаго суверенитета. Но въ международно-правовыхъ отношеніяхъ лишь тѣ страны суверенны, которыя имѣютъ право заключать союзы и вести войны: это — suprematus. Нѣмецкіе князья суть настоящіе суверены; принуждены къ чему-нибудь они могутъ быть лишь войною. По воззрѣнію Лейбница, суверенитетъ отдѣльнаго члена союза вполнѣ соединимъ съ единствомъ союзнаго государства, которое въ свою очередь образуетъ особое юридическое лицо. Въ своей полемикѣ съ Гоббесомъ Лейбницъ защищалъ то положеніе, что высшая власть (majestas) можетъ быть дѣлимой и относительной, оставаясь въ то же время высшей властью [1]).

Руссо.

Идеалъ всемірной федераціи, обнимающей всѣ народы земли въ одну общину, вытекалъ у Лейбница изъ его монадизма и вѣры въ необходимую всемірную гармонію. Ученія о божественной монадѣ, о солидарности и связанности отдѣльныхъ монадъ, о царствѣ духовъ или градѣ Божьемъ, вносили нѣкоторое ослабленіе въ индивидуализмъ его построенія. Къ иному типу философскаго постро-

---

[1] Федеративную теорію Лейбница см. въ *Tractatus de jure suprematus*, cap. XI *Unio plurium territoriorum in unum corpus. Suprematus singulorum non obstat unitati Reipublicae. Comparatio Belgii foederati et Imperii quatenus procedat.* „Plura territoria uniri possunt in unum corpus, salva singulorum superioritate territoriali, cujus rei manifesta in Imperio, in Helvetico corpore et in Unitis Provinciis exempla habemus; nam si singulis regionibus jus sit proprium habendi militis, quo continere subditos in officio possit, territorii jus sibi constat. Quod si praeterea et cum exteris mire foedera possunt singulae, et exercitus conscribere, armaque expedire, quibus sibi apud vicinos quoque autoritatem parent, quod possunt Germaniae Principes: manifestum est, non obstante unione, in unaquaque Regione superesse id, quod Suprematum definivi. Multum autem interest inter confoederationem et unionem, quemadmodum inter societatem et collegium. Societas est plurium cum res in sortem collata singulorum est, lucrum inter omnes dividitur: sed in corpore vel collegio nova quaedam persona civilis constituitur, et, quae in commune aerarium illata sunt, non singulorum sunt, sed corporis ipsius, nec lucra nisi ex omnium vel majoris partis sententia distribuuntur. Confoederatio solis verbis initur, et, si opus est, junguntur vires: ad unionem opus est, ut certa quaedam administratio constituatur cum aliqua et in membra auctoritate, quae ubicunque de rebus majoris momenti ac salutem publicam spectantibus, ordinario jure obtinet, ibi Rempublicam esse ajo (Klopp, IV. стр. 57—58; ср. cap. 26—30, Klopp, IV. стр. 115—131).

енія относились теоріи международнаго федерализма, выдвинутыя въ XVIII вѣкѣ Руссо, Кантомъ и Фихте; эти послѣднія объединяются и дѣлаются философски-родственными вслѣдствіе господства въ нихъ нѣкоторыхъ основныхъ идей: чисто раціоналистическаго построенія, указывающаго лишь философскій методъ для созданія раціональной системы, политическаго индивидуализма и идеи общественнаго договора.

Въ основѣ политической философіи Руссо лежала идея общественнаго договора. Въ зависимости отъ того, какъ понимается этотъ договоръ, онъ можетъ послужить основаніемъ и федеративной теоріи и теоріи соціальнаго централизма; у Руссо онъ служилъ обоснованіемъ неограниченности и недѣлимости государственнаго суверенитета, и его международный федерализмъ вытекалъ, противъ ожиданія, не изъ идеи общественнаго договора.

По прямому свидѣтельству самого Руссо общественный договоръ имѣлъ въ его системѣ лишь методологическое значеніе. «Il y a mille manières d'assembler les hommes, il n'y en a qu'une de les unir. C'est pour cela que je ne donne dans cet ouvrage qu'une méthode pour la formation des sociétés politiques, quoique dans la multitude d'associations qui existent actuellement sous ce nom, il n'y en ait peut-être pas deux qui aient été formées de la même manière et pas deux de la façon que j'établis. Mais je cherche le droit et la raison et je ne discute pas les faits». Общественный договоръ имѣлъ у Руссо лишь значеніе вспомогательной постройки для обоснованія идеи общей воли, являющейся для Руссо тѣмъ высшимъ принципомъ, на которомъ должна быть построена раціональная система права. Общая воля должна соединять гражданъ воедино и тѣсно, поэтому нормальнымъ типомъ политическаго общества является нація, и при томъ организованная въ небольшое государство; въ этомъ случаѣ легче можетъ господствовать общая воля и власть легче можетъ осуществляться непосредственно самимъ народомъ. Въ томъ случаѣ, когда политическое общество велико, оно должно быть раздроблено на небольшія государства, объединенныя федеративною связью. Изъ этой идеи національныхъ соціальныхъ ячеекъ вытекалъ патріотизмъ и націонализмъ Руссо и его презрѣніе къ космополитизму, сливающему всѣхъ людей въ одно государственное или безгосударственное общество; когда общество, въ которое входитъ индивидъ,

слишкомъ обширно, его привязанность къ согражданамъ ослабѣваетъ, симпатія смѣняется индиферентностью и эгоизму предоставляется полный просторъ [1]).

Однако, стоя за государственный централизмъ, Руссо не приходилъ къ международному аномизму; онъ былъ занятъ идеей международной организаціи; только эта организація, по его мнѣнію, должна быть построена не на общественномъ договорѣ, при которомъ каждый договаривающійся отказывается отъ своей свободы въ пользу цѣлаго, а на свободномъ конфедеративномъ соглашеніи. Свой трактатъ *Объ общественномъ договорѣ* Руссо заканчиваетъ заявленіемъ: «Послѣ того какъ положены истинные принципы политическаго права и сдѣлана попытка основать государство на основѣ этого права, остается подкрѣпить его въ его внѣшнихъ отношеніяхъ, что заключало бы въ себѣ международное право, торговлю, право войны и завоеваній, публичное право, союзы, переговоры, трактаты и пр.» [2]). По словамъ Руссо, онъ интересовался вопросомъ о конфедеративной организаціи государствъ. Государства, какъ мы видѣли, по идеалу Руссо должны быть небольшими; но внѣшняя слабость грозитъ потерей независимости. «Я не считаю возможнымъ, пишетъ Руссо, чтобы въ наше время и при нашихъ условіяхъ суверенъ могъ сохранить пользованіе своими правами, если только гражданская община не очень мала. Но если она не велика, то не будетъ ли она покорена? Нѣтъ. Я покажу впослѣдствіи, какъ можно соединить внѣшнее могущество боль-

[1]) Il est certain que le mot de genre humain n'offre à l'esprit qu'une idée purement collective qui ne suppose aucune union réelle entre les individus qui le constituent. Ajoutons si l'on veut cette supposition: concevons le genre humain comme une personne morale ayant un sentiment d'existence qui lui donne l'individualité et la constitue une, un mobile universel qui fasse agir chaque partie pour une fin générale et relative au tout: concevons que ce sentiment commun soit celui de l'humanité et que la loi naturelle soit le principe actif de la machine. Observons ensuite ce qui résulte de la constitution de l'homme et de ses rapports avec ses semblables et, tout au contraire de ce que nous avons supposé, nous trouverons que le progrès de la société étouffe l'humanité dans les coeurs, en éveillant l'intérêt personnel, par où l'on voit que ce prétendu contrat social (appliqué à la société générale) dicté par la nature est une chimère. *Contrat social*, ed. Dreyfus-Brissac, app. IV.

[2]) *Contrat social*, IV, 9. Ср. также *Emile*, l. V въ главѣ *Voyages* (*Oeuvres complètes* de J. J. Rousseau, éd. Perrotin, Paris, 1851. II, стр. 711—712).

шого народа съ счастливымъ управленіемъ и хорошимъ порядкомъ маленькаго государства». «Я предполагалъ это сдѣлать, трактуя внѣшнія отношенія, именно разбирая вопросъ о конфедераціяхъ» [1]). На вопросъ, поставленный въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ это сдѣлалъ ранѣе Монтескье, Руссо даетъ отвѣтъ такой же, какой далъ Монтескье. У всѣхъ народовъ существуетъ нѣчто въ родѣ центробѣжной силы, вслѣдствіе которой они постоянно выступаютъ другъ противъ друга и стремятся, подобно вихрямъ Декарта, къ расширенію, за счетъ своихъ сосѣдей; при этомъ слабые народы подвергаются риску быть поглощенными, et nul ne peut guère se conserver qu'en se mettant avec tous dans une espèce d'équilibre, qui rende la compression partout à peu près égale» [2]).

Хотя, къ сожалѣнію, до насъ не дошло сочиненіе Руссо о международной организаціи, но нѣтъ сомнѣнія, что эта организація должна была, по его плану, получить конфедеративный характеръ. Это вытекало, какъ необходимое слѣдствіе, изъ всего духа его ученія. Тотъ политическій идеалъ, который съ такимъ вдохновеніемъ нарисовалъ онъ въ своемъ *Общественномъ договорѣ*, поскольку онъ не былъ чисто абстрактнымъ построеніемъ и претендовалъ на осуществленіе въ практической жизни, предполагалъ существованіе небольшихъ демократій, гдѣ весь народъ могъ бы непосредственно осуществлять свою суверенную власть, не отчуждая ея представителямъ. «La démocratie ne convient qu'aux états petits et pauvres» [3]). Основная политическая проблема въ формулировкѣ Руссо—«найти такую форму ассоціаціи, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждаго участника и въ которой каждый, соединяясь со всѣми, пови-

---

[1]) *Contrat social*. III, 15. Нѣкто, графъ d'Antraigues въ брошюрѣ *Quelle est la situation de l'Assemblie nationale*, 1790 утверждалъ, что такой проектъ Руссо о конфедераціяхъ существовалъ, но рукопись его была уничтожена имъ, д'Антрегомъ. Въ *Gouvernement de Pologne* Руссо писалъ: Appliquez-vous à étendre et à perfectionner le système des gouvernements fédératifs, le seul qui reunisse les avantages et des grands et des petits états.

[2]) *Contrat social*, II, 9.

[3]) *Contrat social*, III, 8; ср. II, 9; *Troisième Dialogue* (*Oeuvres complètes*, P. 1864, VI. 391); *Gouvernement de Pologne*, ch. 5.

новался бы однако только самому себѣ и оставался бы такимъ же свободнымъ, какимъ онъ былъ раньше» [1]). Такой формой ассоціаціи для государственной организаціи является непосредственная демократія, въ которой господствуетъ общая воля, а для международной — конфедерація, гдѣ рѣшенія принимаются по соглашенію всѣхъ участниковъ союза. Особенностью построенія Руссо было то, что онъ не придавалъ федеративному принципу универсальнаго значенія, какъ сдѣлалъ это впослѣдствіи, напримѣръ, Прудонъ; онъ не простиралъ этого принципа на внутренне-государственную жизнь, ибо des lois differentes n'engendrent que trouble et confusion parmi des peuples; но, съ другой стороны, онъ признавалъ, что les mêmes lois ne peuvent convenir à tant de provinces diverses, такъ какъ страны имѣютъ различные нравы, различный климатъ и нуждаются поэтому въ различной формѣ правленія [2]). Очевидно, по мысли Руссо, отдѣльныя части человѣчества, имѣющія тѣсное внутреннее природное сродство, должны образовать централизованныя и однородныя по своему составу суверенныя тѣла, которыя должны явиться отдѣльными членами всеобщей конфедераціи. Въ *Эмилѣ* Руссо ставитъ вопросъ о томъ, не являются ли индивиды, подчиняющіеся законамъ и правительству при сохраненіи государствами своей независимости, подверженными всѣмъ бѣдствіямъ обоихъ состояній, политическаго и естественнаго, и не лучше ли, чтобы во всемъ мірѣ было одно гражданское общество, а не многія. «Не это ли смѣшанное состояніе, участвующее въ томъ и другомъ и не дающее обезпеченія ни тому, ни другому, per quem neutrum licet, nec tanquam in bello paratum esse, nec tanquam in pace securum, не эта ли частичная и несовершенная ассоціація производитъ тиранію и войну? а тиранія и война не являются ли двумя величайшими язвами человѣчества? Nous examinerons enfin l'espèce de remèdes qu'on a cherchés à ces inconvénients par les ligues et confédérations, qui, laissant chaque Etat son maître au dedans, l'arment au dehors contre tout agresseur injuste. Nous rechercherons comment on peut établir une bonne association fédérative, ce qui peut la rendre durable, et jusqu'à quel point on peut étendre

---

[1]) *Contrat social*, I, 6.
[2]) *Contrat social*, II, 9.

le droit de la confédération, sans nuire à celui de la souveraineté» [1]). Руссо вообще представлялъ собою типическій образецъ писателя, соединявшаго симпатіи къ государственному централизму съ идеями международнаго федерализма.

Руссо сдѣлалъ краткое извлеченіе изъ проекта Сенъ-Пьера и, хотя иронически отнесся къ его пацифистскому оптимизму, присоединился однако къ его мысли о необходимости международной организаціи. Въ своемъ *Jugement sur la paix perpétuelle*[2]) онъ говоритъ, что выгоды отъ выполненія проекта Сенъ-Пьера для каждаго монарха, для каждаго народа и для всей Европы громадны, очевидны и неоспоримы; нельзя придумать ничего болѣе солиднаго и точнаго, какъ договоръ Сенъ-Пьера. Но надо различать, по мнѣнію Руссо, въ политикѣ и морали интересы двухъ родовъ: реальный и кажущійся; первый заключается въ постоянномъ мирѣ, это доказано въ проектѣ Сенъ-Пьера, второй—въ абсолютной независимости, освобождающей монарховъ отъ власти закона и подчиняющей ихъ удачѣ и судьбѣ. Руссо подвергъ жесточайшей критикѣ оптимистическую и мирную тактику пацифизма и не призналъ средствъ, рекомендованныхъ Сенъ-Пьеромъ. Онъ не вѣритъ, что можно убѣдить монарховъ или ихъ министровъ заключить общій союзъ и создать общую организацію только потому, что въ этомъ заключается общій интересъ народовъ. «У королей, говоритъ Руссо въ *Jugement sur la paix perpétuelle*, или у тѣхъ, которыхъ они ставятъ вмѣсто себя, есть лишь два занятія, двѣ цѣли—расширить свое внѣшнее владычество и сдѣлать его болѣе абсолютнымъ внутри: все остальное или относится къ указанному, или служитъ однимъ предлогомъ, таковы *общее благо*, *счастье подданныхъ*, *національная слава*, — слова, навсегда изгнанныя изъ кабинетовъ и такъ рѣдко употребляемыя въ публичныхъ эдиктахъ, что всегда возвѣщаютъ лишь пагубные указы, и народъ стонетъ заранѣе, когда его владыки говорятъ ему объ отеческомъ попеченіи». Разумѣется, установленіе международной организаціи станетъ въ противорѣчіе съ этими династическими тенденціями. Европейскій сеймъ, съ одной стороны, заставитъ правительство каждаго государ-

---

[1]) *Emile*, l. v.

[2]) См. *Oeuvres complètes* de J. J. Rousseau, t. 1 (1852), стр. 619—624.

ства не переходить границъ, установленныхъ общимъ согласіемъ, съ другой стороны, обезпечитъ монарховъ отъ возстанія ихъ подданныхъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ обезпечитъ подданныхъ отъ тиранін монарховъ, ибо иначе учрежденіе не будетъ существовать. «А я спрашиваю, восклицаетъ Руссо, есть ли въ мірѣ хотя одинъ монархъ, который, будучи ограниченъ въ самыхъ дорогихъ своихъ проектахъ, вынесъ бы безъ негодованія самую идею о томъ, что онъ будетъ вынужденъ быть справедливымъ не только съ иностранцами, но даже со своими собственными подданными». Легко понять, что, съ одной стороны, война и захваты, съ другой, развитіе деспотизма взаимно помогаютъ другъ другу; по желанію у народа рабовъ берутъ денегъ и людей для угнетенія другихъ; война даетъ предлогъ для денежныхъ вымогательствъ и для содержанія громадныхъ армій необходимыхъ, чтобы заставить народъ трепетать. Можно ли надѣяться подчинить верховному суду людей, которые осмѣливаются хвалиться, что они держатъ свою власть отъ своего меча и дѣлаютъ упоминаніе о Богѣ лишь потому, что онъ на небѣ? Тоже надо сказать и о министрахъ. «Министры нуждаются въ войнѣ, чтобы сдѣлать себя необходимыми, чтобы поставить монарха въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ не могъ бы выйти безъ нихъ, и чтобы потерять скорѣе государство, если нужно, чѣмъ свое мѣсто; они нуждаются въ войнѣ, чтобы мучить народъ подъ предлогомъ общественной необходимости; они нуждаются въ войнѣ, чтобы размѣщать своихъ креатуръ, наживаться игрой на биржѣ и втайнѣ создавать тысячи отвратительныхъ монополій; они нуждаются въ войнѣ, чтобы удовлетворять своимъ страстямъ и изгонять другъ друга; они нуждаются въ войнѣ, чтобы овладѣть монархомъ, когда противъ нихъ при дворѣ замышляютъ опасныя интриги. Всѣ эти рессурсы министры потеряли бы при постоянномъ мирѣ. И публика еще спрашиваетъ себя, почему, если проектъ мира осуществимъ, онъ до сихъ поръ не принятъ»! Нельзя надѣяться на случай, что добрая воля монарховъ и ихъ министровъ создастъ общій организованный союзъ народовъ. Одна лишь сила можетъ ихъ къ этому принудить; et alors il n'est plus question de persuader, mais de contraindre, et il ne faut plus écrire des livres, mais lever des troupes». Въ заключеніе Руссо далъ такое сужденіе о проектѣ Сенъ-Пьера: «Хотя проектъ Сенъ-Пьера

былъ очень мудрымъ, средства, предложенныя имъ для его реализаціи, доказывали простоватость автора. Онъ наивно воображалъ, что стоитъ лишь созвать конгрессъ, предложить на немъ подписать статьи мирнаго договора, и все будетъ сдѣлано. Сознаемся, что во всѣхъ своихъ проектахъ этотъ честный человѣкъ прекрасно видѣлъ результаты вещей, когда онѣ будутъ установлены, но судилъ, какъ дитя, о средствахъ для ихъ установленія» [1]).

Политическія идеи Руссо нашли себѣ развитіе и углубленіе у Канта, въ особенности международный федерализмъ, лишь слабо намѣченный у Руссо, получилъ у него философское обоснованіе [2]). Воззрѣнія Канта на современныя международныя отношенія въ нѣкоторой степени напоминали воззрѣнія Гоббеса. Государства находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ естественнаго состоянія. Естественное же состояніе есть состояніе внѣ-правовое. Международное право (которое Кантъ предпочелъ бы назвать jus publicum civitatum) разсматриваетъ государства, какъ моральныя лица, живущія по отношенію къ другимъ въ состояніи естественной свободы, слѣдовательно, въ состояніи вѣчной войны, т.-е. если и не въ безпрерывныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, то подъ постоянными угрозами ими [3]). Кантъ.

Взаимная независимость государствъ есть лишь животная и дикая свобода [4]). Война есть источникъ всякаго зла, порча нра-

---

[1]) *Oeuvres complètes.* I (1852), стр. 620—622.

[2]) Kant, *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*, 1784 (*Werke*. изд. Hartenstein, 1868, IV), *Ueber den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis*, 1793, § 3. *Vom Verhältniss der Theorie zur Praxis im Völkerrecht* (*Werke*, VI), *Zum ewigen Frieden*, 1795 (*Werke*. VI); *Die Metaphysik der Sitten*, I часть *Metaphysiche Anfangsgründe der Rechtslehre*, 1789, II отд. *Das öffentliche Recht*, 2-й разр. *Völkerrecht* и 3-й *Weltbürgerrecht*, §§ 53—62 (*Werke*. VII). Отдѣльныя замѣчанія въ *Religion innerhalb der Grenzen der blosen Vernunft*, III St. Abs. 1, VII (*Werke*, VI, стр. 221); *Streit der Facultäten*. II, 5 (*Werke*, VII, 398); *Antropologie*, § 85 (*Werke*, VII, 598).

[3]) *Rechtslehre*, § 53; ср. § 54: Staaten, im äusseren Verhältnisse gegen einander betrachtet, (wie gesetzlose Wilde) von Natur in einem nichtrechtlichen Zustande sind... Dieser Zustand des Krieges (des Rechtes des Stärkeren), wenngleich nicht wirklicher Krieg und immerwährende wirkliche Befehdung (Hostilität) ist. Ср. *Вѣчный миръ*, рус. пер., стр. 11.

[4]) *Idee zu ein. allg. Gesch.*, VII Satz; *Zum ewigen Frieden*, II Definitivartikel.

вовъ, препятствіе нравственному совершенству [1]). Отсюда стремленіе къ установленію вѣчнаго мира и употребленіе всѣхъ средствъ для его приближенія есть нравственный долгъ каждаго человѣка и категорическій императивъ практическаго разума [2]). «Народы, въ формѣ государствъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ единичные люди; подобно имъ, они въ естественномъ состояніи (т. - е. въ независимости отъ внѣшнихъ законовъ) уже своимъ совмѣстнымъ существованіемъ нарушаютъ право другъ друга и каждый изъ нихъ въ цѣляхъ своей личной безопасности можетъ и долженъ требовать отъ другого вступленія вмѣстѣ съ нимъ въ устройство подобное гражданскому, гдѣ каждому можетъ быть обезпечено его право. Это былъ бы союзъ народовъ (Völkerbund), который, однако же, не долженъ былъ бы быть государствомъ народовъ (Völkerstaat [3])».

Но требованіе соединенія государствъ во всеобщій союзъ вытекаетъ не только изъ принципа морали, изъ категорическаго императива, но и изъ разсмотрѣнія исторической эволюціи. Эта мысль высказана была Кантомъ въ статьѣ *Идея всеобщей исторіи*. Вся вселенная, всѣ явленія міра подлежатъ законамъ; существуетъ общая цѣль природы; этою цѣлью является развитіе, совершенствованіе, достиженіе полноты своего существа; для человѣка такая цѣль заключается въ цѣли всего человѣческаго рода. Средство, какимъ достигается общая цѣль природы и человѣчества, состоитъ въ борьбѣ противоборствующихъ силъ и элементовъ; въ человѣческомъ обществѣ сказывается, съ одной стороны, стремленіе людей къ общенію, съ другой, къ изолированности; какъ послѣдствіе этихъ противоположныхъ стремленій, возникаетъ установленіе гражданскаго общества; но мало правомѣрнаго порядка въ отдѣльномъ государствѣ, нужно установленіе порядка и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Здѣсь, въ международныхъ отношеніяхъ, повторяется та же борьба противоборствующихъ стремленій къ общенію и изолированному существованію; исторія народовъ наполнена войнами; однако эти войны являются лишь попытками установить новыя отношенія силъ между народами. Въ окончательномъ результатѣ должно

---

[1]) *Idee zu ein. allg. Gesch.* VII Satz; *Anthropologie*, § 85.
[2]) *Rechtslehre*, § 61.
[3]) *Zum ewigen Frieden*, 2 Definitivart.

получиться всеобщее равновѣсіе и установленіе правомѣрнаго международнаго порядка и всемірнаго общества. «Величайшая проблема для человѣческаго рода, къ рѣшенію которой принуждаетъ человѣка природа, состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть гражданскаго общества (bürgerlichen Gesellschaft), осуществляющаго право во всѣхъ отношеніяхъ» [1]. Проблема совершеннаго соціальнаго устройства заключаетъ въ себѣ проблему правильнаго устройства международныхъ отношеній и не можетъ быть рѣшена безъ послѣдней [2]. Та же необщественность (Ungeselligkeit), которая существовала нѣкогда между индивидами, существуетъ нынѣ между государствами; и тѣ же бѣдствія, которыя принудили индивидовъ вступить въ правильныя отношенія гражданскаго права, заставятъ и государства признать силу политическихъ законовъ. Войны заставятъ народы вступить въ общій союзъ (Völkerbund), гдѣ всякій, даже самый малый, народъ будетъ ожидать своей безопасности и обезпеченія своихъ правъ не отъ своего собственнаго рѣшенія, а отъ рѣшенія великой федераціи (Foedus Amphictyonum) и коллективной воли. Какъ бы ни была утопична подобная идея (столь осмѣянная по поводу проекта Сенъ-Пьера и Руссо), однако она есть неизбѣжный исходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которомъ находятся люди и которое принудитъ государства (какъ бы тяжело это имъ ни показалось) отказаться отъ животной свободы (brutale Freiheit) и въ правомѣрной организаціи (gesetzmässigen Verfassung) искать покоя и безопасности.

Раціональная идея постоянной и мирной общины всѣхъ народовъ земли носитъ, по словамъ Канта, не моральный только характеръ, а и юридическій. Природа заставила всѣхъ людей жить на опредѣленномъ, замкнутомъ пространствѣ (globus terraqueus), и такъ какъ владѣніе средствами, благодаря которымъ каждый житель земли можетъ существовать, не можетъ быть понято иначе, какъ владѣніе только частью опредѣленнаго цѣлаго, на каковую часть

---

[1]) *Idee zu ein. allg. Gesch.*, 5 Satz.

[2]) Das Problem der Errichtung einer vollkommenen bürgerlichen Verfassung ist von dem Problem eines gesetzmässigen äusseren Staatenverhältnisses abhängig, und kann ohne das letztere nicht aufgelost werden. *Op. cit.*, 7 Satz.

каждый изъ нихъ имѣетъ первоначальное право, то всѣ народы являются находящимися если и не въ юридической общности владѣнія или собственности (communio), то взаимности возможнаго физическаго дѣйствія (commercium) [1]). Въ этомъ заключается космополитическое право. Наконецъ, сближенію народовъ и образованію всеобщей организаціи служатъ интересы каждаго народа, и именно интересы торговаго оборота, несовмѣстимые съ состояніемъ войны [2]).

Относительно формы, какую должна принять политическая организація человѣчества, Кантъ обнаруживаетъ какъ бы нѣкоторое колебаніе. Въ теоріи, in thesi онъ объявляетъ раціональной (nach der Vernunft) всемірную республику (Weltrepublik) или государство народовъ (Völkerstaat), но на практикѣ считаетъ необходимымъ ограничиться свободнымъ федерализмомъ (freie Föderalismus). «Согласно разуму, для государствъ въ ихъ отношеніяхъ между собою не можетъ существовать никакого другого пути выйти изъ естественнаго состоянія постоянной войны, какъ отречься, подобно единичнымъ людямъ, отъ своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться къ публичнымъ принудительнымъ законамъ и образовать такимъ путемъ (конечно, постоянно расширяющееся) государство народовъ (civitas gentium), которое, въ концѣ-концовъ, охватитъ всѣ народы земли». Однако такого рода civitas gentium Кантъ считаетъ лишь идеальнымъ, и для настоящаго времени довольствуется лишь требованіемъ конфедеративнаго союза государствъ, въ которомъ каждое государство останется суверенно. «Такъ какъ согласно своей идеѣ международнаго права государства безусловно не хотятъ этого (т.-е. civitas gentium), отвергая тѣмъ самымъ, какъ принципъ, in hipothesi, то, что вѣрно въ теоріи, in thesi, то, вмѣсто положительной идеи міровой республики (если не все должно быть потеряно), лишь отрицательный суррогатъ устраняющаго войны, длящагося и постоянно расширяющагося союза можетъ сдержать потокъ противоправовыхъ враждебныхъ склонностей, съ постоянной, однако, опасностью ихъ проявленія» [3]).

---

[1]) См. первое прибавленіе къ *Вѣчному миру*.
[2]) *Rechtslehre*, § 62.
[3]) *Zum ewigen Frieden*, 2 Definitivartikel, рус. пер. стр. 24.

«Если государство заявляетъ: «между мною и другими государствами не должно быть войны, хотя я и не признаю никакой высшей законодательной власти, которая обезпечивала бы мнѣ мои права, а я ей—ея права», то совершенно непонятно, на чемъ же я хочу тогда основать увѣренность въ своемъ правѣ, если не на суррогатѣ гражданскаго союза обществъ, а именно на свободномъ федерализмѣ, который разумъ долженъ необходимо связать съ понятіемъ международнаго права, если вообще это послѣднее должно имѣть какой-либо смыслъ». Вторая дефинитивная статья къ вѣчному миру гласитъ: «международное право должно быть основано на федерализмѣ свободныхъ государствъ». Очевидно, подъ свободнымъ федерализмомъ, противопоставляемымъ Кантомъ государству народовъ, слѣдуетъ понимать конфедерализмъ, т.-е. такое соединеніе, при которомъ каждое государство сохраняетъ свой суверенитетъ и право выхода изъ союза. «Мирное состояніе не можетъ быть ни установлено, ни обезпечено безъ договора народовъ между собою». Поэтому долженъ существовать своеобразный союзъ, который можно назвать союзомъ мира (foedus pacificum) и который тѣмъ отличался бы отъ мирнаго договора (pactum pacis), что этотъ послѣдній стремится положить конецъ лишь одной войнѣ, первый же всѣмъ войнамъ вообще. Этотъ союзъ имѣетъ цѣлью не пріобрѣтеніе власти государствомъ, но единственно лишь поддержаніе и обезпеченіе свободы каждаго государства для него самого и въ то же время для другихъ, объединенныхъ государствъ; при чемъ это, однако, не создаетъ необходимости для нихъ подчиняться (подобно людямъ въ естественномъ состояніи) публичнымъ законамъ и ихъ принужденію [1]). Точно также, подъ civitas gentium, которое in thesi Кантъ предпочитаетъ свободному федерализму, слѣдуетъ, повидимому, разумѣть не всемірное унитарное государство, а всемірную федерацію; по крайней мѣрѣ Кантъ ясно заявляетъ во второмъ дополненіи къ *Вѣчному миру*, что идея международнаго права предполагаетъ взаимную независимость многихъ сосѣднихъ и раздѣленныхъ государствъ и хотя бы это положеніе, само по себѣ, было состояніемъ

---

[1]) *Ibid.*

войны въ случаѣ, если бы не было заключено федеративнаго союза, однако разумъ предпочитаетъ такое сосуществованіе государствъ ихъ соединенію подъ верховною властью другихъ, что привело бы, въ концѣ концовъ, къ всемірной монархіи. «Законъ теряетъ постоянно въ энергіи, по мѣрѣ того какъ правительство выигрываетъ въ пространствѣ, и деспотизмъ, который, убивая души, заглушаетъ въ нихъ зародыши добра, рано или поздно вырождается въ анархію». Необходимо, чтобы государства заключили между собой международный союзъ (Völkerbund), основывающійся на идеѣ первоначальнаго общественнаго договора, не для того, чтобы вмѣшиваться во внутреннія неурядицы другъ друга, а для взаимной гарантіи извнѣ. Однако этотъ союзъ не долженъ создавать какую-нибудь верховную власть (какъ это мы видимъ въ гражданскомъ порядкѣ), а лишь товарищество (Genossenschaft-Föderalität). Члены этого союза имѣютъ право всегда отъ него отказаться, и онъ долженъ время отъ времени быть возобновляемъ [1]). «Можно назвать такой союзъ нѣсколькихъ государствъ, для поддержанія мира, постояннымъ конгрессомъ (permanenten Staatencongress), присоединиться къ которому можетъ свободно всякое государство». Конгрессъ этотъ представитъ изъ себя лишь вольное соединеніе, которое во всякій моментъ можно разорвать, а не такое соединеніе, которое, какъ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, образуетъ государственную организацію (Staatsverfassung) и которую нельзя разорвать по произволу [2]).

Фихте. Въ кругу политическихъ идей Руссо и Канта вращался, въ первый періодъ своего философскаго развитія, Фихте. Первоначально Фихте стоялъ на индивидуалистической точкѣ зрѣнія на природу человѣческихъ союзовъ. Политическіе союзы образуются въ силу договора съ единственною цѣлью огражденія личной свободы. Послѣдовательно проводимая, эта точка зрѣнія, съ одной стороны, приводила его къ требованію всемірной организаціи человѣчества (личная свобода должна быть охранена не только во внутренне-государственныхъ отношеніяхъ, но и во внѣ-государственныхъ), съ другой, къ воззрѣ-

[1]) *Rechtslehre*, § 54.
[2]) *Rechtslehre*, § 61.

нію, что эта организація должна быть построена на конфедеративномъ началѣ, т.-е. каждое лицо и каждый союзъ имѣютъ право выступать изъ общей организаціи и вступать въ иныя соединенія [1]).

Основный принципъ, выставляемый Фихте, тотъ, что каждый индивидъ имѣетъ право принудить всякаго, съ кѣмъ онъ вступаетъ въ сношенія, войти въ государство или удалиться изъ его сферы дѣятельности [2]). Сложный случай создается тогда, когда сталкиваются граждане двухъ различныхъ независимыхъ государствъ. Каждый имѣетъ одинаковое право требовать, чтобы другой подчинился его государству. Споръ можетъ быть разрѣшенъ лишь третейскимъ судомъ. Для этого вообще необходимо, чтобы государства договоромъ гарантировали безопасность и права гражданъ другихъ государствъ; для заключенія такого договора необходимо взаимное признаніе государствъ. Нарушеніе этого договора даетъ другимъ государствамъ право на войну. Война вообще остается единственнымъ средствомъ принудить государство: надо поэтому такъ устроить, чтобы на войнѣ постоянно побѣждала и была сильнѣйшей правая сторона. Сила же вытекаетъ изъ множества (Menge); поэтому различныя государства должны соединиться другъ съ другомъ для утвержденія взаимныхъ юридическихъ отношеній и для совмѣстнаго нападенія на несправедливую сторону [3]). Такой союзъ необходимъ для охраны справедливости въ междугосударственныхъ отношеніяхъ. Форма его должна быть конфедеративной, т.-е. должна быть сохранена свобода присоединенія и отдѣленія отъ союза.

Въ случаѣ заключенія такого союза, государства соединяются и гарантируютъ по отношенію другъ къ другу и ко всякому, кто съ ними не соединенъ, свою независимость и неприкосновенность союзнаго договора. Союзная формула должна быть таковой: «мы всѣ обѣщали соединенными силами уничтожить всякое вступившее или

---

[1]) По отношенію къ государству эта точка зрѣнія была развита Фихте въ его *Beiträge zur Berichtigung der Urtheile des Publicums über die französische Revolution* (1793); по отношенію къ общечеловѣческому союзу въ *Grundlage des Naturrechts*; во второмъ приложеніи къ этому сочиненію онъ далъ очеркъ международнаго и космополитическаго права, *Grundriss des Völker— und Weltbürgerrechts*.

[2]) См. *Grundriss des Völkerrechts*, I, *Über das Völkerrecht*, § 1.

[3]) *Op. cit.*, § 15.

не вступившее съ нами въ союзъ государство, которое не признаетъ независимости одного изъ насъ, или нарушитъ договоръ, заключенный между нимъ и однимъ изъ насъ». Фихте добавляетъ: «описанное соединеніе должно быть союзомъ народовъ (Völkerbund), а не государствомъ народовъ (Völkerstaat). Различіе заключается въ слѣдующемъ. Индивидъ можетъ быть принужденъ вступить въ государство, ибо внѣ послѣдняго съ нимъ невозможны юридическія отношенія. Но никакое государство не можетъ быть принуждено присоединиться къ этому союзу, такъ какъ и внѣ его оно можетъ находиться въ юридическомъ отношеніи. Въ такое отношеніе становятся государства съ сосѣдними государствами уже черезъ взаимное признаніе и благодаря заключенію указаннаго договора: *на положительную охрану* другого государства никакое государство не имѣетъ принудительнаго права. Поэтому подобное соединеніе есть добровольное и находящееся внѣ такъ называемаго принужденія, и вслѣдствіе этого должно быть и названо *Bund*» [1]). Союзу принадлежитъ право общей гарантіи заключаемыхъ съ союзными государствами договоровъ; ему же принадлежитъ право толкованія союзнаго договора [2]). Союзу должно принадлежать право суда. Будетъ ли гарантирована справедливость этого суда? «Пока, говоритъ Фихте, чистый разумъ не проявляется на землѣ въ личности, долженъ всегда быть высшій судья, который впрочемъ, будучи ограниченнымъ, можетъ также ошибаться или имѣть злую волю; задача состоитъ въ томъ, чтобы найти такого судью, отъ котораго можно было бы менѣе всего опасаться подобнаго поведенія; а таковымъ судьею для отношеній гражданъ является нація, для отношеній государствъ—союзъ народовъ (Völkerbund [3])». Союзъ можетъ приводить въ исполненіе свои юридическія рѣшенія посредствомъ войнъ. Цѣлью такихъ войнъ должно быть уничтоженіе независимости неподчиняющагося союзному суду государства. Для веденія такихъ принудительныхъ войнъ союзъ долженъ имѣть армію; эта армія должна составляться путемъ предоставленія отрядовъ союзными государствами [4]). Цѣлью союза должно быть постепенное

---

[1]) *Op. cit.*, § 16.
[2]) *Op. cit.*, § 17.
[3]) *Op. cit.*, § 19.
[4]) *Op. cit.*, § 18.

распространеніе его на всю землю и установленіе вѣчнаго мира: единое правомѣрное отношеніе государствъ [1]). Назначеніе нашего рода, по мнѣнію Фихте, заключается въ томъ, чтобы объединиться въ единое, вполнѣ извѣстное себѣ во всѣхъ своихъ частяхъ и одинаково построенное цѣлое [2]); назначеніе человѣка — просвѣщеніе всѣхъ народовъ всего земного шара [3]).

Свою космополитическую точку зрѣнія Фихте особенно развилъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ 1804 г. на тему *Объ основныхъ чертахъ современной эпохи* [4]). Своей задачей онъ ставитъ начертать общій міровой планъ и найти общую идею, къ которой стремится человѣчество. Эта идея опредѣляется имъ такъ: «Цѣль земной жизни человѣчества состоитъ въ устроеніи его отношеній при посредствѣ свободы по началамъ разума». Фихте имѣетъ въ виду общую цѣль жизни цѣлаго человѣчества, какъ рода, а не отдѣльнаго индивида или народа. «Гдѣ отечество истинно-просвѣщеннаго христіанина-европейца?—спрашиваетъ Фихте,—вообще Европа, а въ особенности, въ каждую эпоху, то европейское государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи. То государство, которое ошибочно пойдетъ по опасному пути, съ теченіемъ времени погибнетъ, а потому не будетъ уже стоять во главѣ цивилизаціи. Но именно потому, что оно погибнетъ и должно погибнуть, появятся другія, и между ними одно въ особенности выдвинется впередъ. Пусть же земнорожденные, признающіе въ земной корѣ, рѣкахъ и горахъ свое отечество, остаются гражданами погибшаго государства; они получатъ то, чего желали и что дѣлаетъ ихъ счастливыми. Но солнцеподобный духъ неудержимо притягивается и направляется туда, гдѣ свѣтъ и правда. И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ мы можемъ успокоиться о судьбѣ и дѣяніяхъ государствъ» [5]).

---

[1]) *Op. cit.*, § 20.

[2]). См. Fichte, *Bestimmung des Menschen*, 1800; ср. Фихте, *Назначеніе человѣка*, пер. подъ ред. Лосскаго, Спб., 1901, стр. 92.

[3]) Установленіе демократической формы правленія, „истиннаго государства“ уничтожитъ возможность внѣшней войны, по крайней мѣрѣ, съ „истинными“ государствами. Установленіе справедливаго законодательства и охрана подданныхъ чужихъ государствъ, по мнѣнію Фихте, положитъ основаніе всеобщему миру государствъ. *Op. cit.*, стр. 94—95.

[4]) *Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters*, 1804.

[5]) Градовскій, *Возрожденіе Германіи и Фихте старшій (Собраніе сочиненій*, IV, стр. 131 и сл.).

Подъ вліяніемъ разгрома Германской имперіи Наполеономъ Фихте одно время склонялся къ націонализму [1]). Однако націонализмъ Фихте сильно вообще преувеличивается: во-первыхъ, національность у Фихте не совпадала съ государствомъ; во-вторыхъ, его національный идеалъ говорилъ болѣе о моральномъ усовершенствованіи и воспитаніи народа, чѣмъ о его внѣшней организаціи; въ-третьихъ, національный принципъ утверждался имъ для блага всего человѣчества, и націи являлись лишь необходимыми элементами для всемірной солидарности.

Впослѣдствіи, въ зависимости отъ перелома всего своего міровоззрѣнія, Фихте сталъ на точку зрѣнія нравственнаго основанія права и человѣческихъ союзовъ. Политическіе союзы образуются потому, что они необходимы для осуществленія нравственнаго закона, истекающаго изъ разума. Высшая цѣль человѣка—осуществленіе образа Божія. Цѣль политическихъ союзовъ, въ томъ числѣ и государствъ, воспитать людей для приближенія къ этой цѣли. Все человѣчество должно достигнуть такого состоянія, когда каждый свободно, безъ внѣшняго принужденія, будетъ повиноваться нравственному закону. Такое состояніе общественной жизни будетъ царствомъ Божьимъ (Gottesreich), абсолютной церковью. Отдѣльныя государства исчезнутъ, и все человѣчество образуетъ единое цѣлое, не нуждающееся во внѣшней принудительной власти. Когда въ какомъ-нибудь народѣ воцарится истинная теократія, то это послужитъ началомъ окончательному сліянію народовъ въ единое цѣлое. Истинно-христіанское государство превзойдетъ всякое другое знаніемъ природы, искусствомъ и энтузіазмомъ, которое обезпечитъ ему побѣду при всякомъ столкновеніи. Это побудитъ другіе христіанскіе народы послѣдовать примѣру перваго государства и заимствовать его устройство; и это устройство распространится мало-по-малу на всѣ народы христіанства. Такіе народы не будутъ воевать другъ съ другомъ и между ними воцарится вѣчный миръ и вѣчный союзъ. Съ прочими, нехристіанскими, нецивилизованными народами они будутъ находиться въ естественной войнѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что народы хри-

[1]) Націоналистическія идеи были развиты Фихте въ его *Reden an die deutsche Nation*, читанныя имъ въ 1807/8 г. См. *Sämmtliche Werke*, II, 647 и сл., III, 422, 427, VII, 165, 211.

стіанскіе будутъ побѣдителями, и эта побѣда будетъ имѣть то послѣдствіе, что и не-цивилизованные народы будутъ приняты въ лоно христіанства и заимствуютъ устройство послѣдняго; такимъ образомъ весь человѣческій родъ на землѣ составитъ единое внутренне - соединенное христіанское государство, которое, слѣдуя общему плану, побѣдитъ природу, и тогда наступитъ высшая сфера другой жизни [1]). Таковъ былъ окончательный выводъ ученія Фихте. Въ сущности это былъ анархо-теократическій идеалъ; начавши съ конфедералистическихъ воззрѣній въ своихъ *Beiträge*, Фихте черезъ централистическія идеи полицейскаго государства въ *Handelsstaat* пришелъ къ аморфно-анархическому идеалу.

Мы остановились на теоріяхъ Руссо, Канта и Фихте, какъ на наиболѣе типическихъ построеніяхъ идеалистическаго международнаго федерализма. Всѣ эти системы объединяло извѣстное внутреннее сродство основныхъ точекъ зрѣнія. Ихъ федерализмъ можетъ быть охарактеризованъ, какъ индивидуалистическій, такъ какъ цѣлью въ нихъ являлось не общество, не союзъ, а индивидъ, автономная личность, обладающая прирожденнымъ естественнымъ правомъ свободы. Провозглашеніемъ категорическаго императива о слѣдованіи индивидомъ въ своихъ дѣйствіяхъ универсальному закону, выставленіемъ постулата о стремленіи къ всеобщему союзу человѣчества вносилось въ нихъ, правда, начало универсальности, несовсѣмъ, какъ кажется, мирящееся съ началомъ личной автономности. Федерализмъ во всякомъ случаѣ въ этомъ направленіи не былъ обоснованъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему организація человѣчества не должна принять формы всемірнаго государства? Какъ мы видѣли, Кантъ колебался и готовъ былъ признать это послѣднее, и если склонялся къ федерализму, то совершенно неожиданно, изъ тѣхъ практическихъ соображеній, что государство не склонно отказаться отъ своего суверенитета, словно, выставляя идеальную цѣль, можно принимать во вниманіе такія соображенія чисто временнаго характера.

---

[1]) So das ganze Menschengeschlecht auf der Erde umfasst werde durch einen einnigen innig verbündeten christlichen Staat, der nun nach einem gemeinsamen Plane besiege die Natur, und dann betrete die höhere Sphäre eines anderen Leben (I. G. Fichte, *Die Staatslehre oder über d. Verhältniss d. Urstaats zum Vernuftreich*; см. *Werke*, 1845, t. IV, стр. 600).

Во всемъ идеалистическомъ федерализмѣ, намъ кажется, было коренное противорѣчіе: или эта доктрина должна была твердо стоять на индивидуалистическомъ принципѣ, и тогда трудно обосновать всемірную организацію; или начало всеобщности провозглашается нетерпящимъ возраженій императивомъ, и тогда, вернувшись къ стоическимъ традиціямъ, нельзя обосновать федерализма, а лишь всемірное государство.

Утилитаристическій федерализмъ.

Въ исторіи этико-политической мысли слѣдуетъ различать два основныхъ направленія: эпикурейское и стоическое, утилитаризмъ и этику долга. Одно, стоическое, исходитъ изъ понятія разумной причины всего сущаго, понятія Разума, Божества, проникающаго міръ и предписывающаго ему предвѣчный законъ. Счастье признается въ выполненіи его предписаній, въ добродѣтели, въ повиновеніи своему долгу, категорическому императиву. Это направленіе универсалистично по своему началу (источникъ — всемірный разумъ, λόγος) но легко приходитъ къ политическому индивидуализму: если всемірный разумъ сказывается во всей природѣ, то и во мнѣ— непосредственно; у меня устанавливаются прямыя связи съ этимъ предвѣчнымъ Разумомъ, и нѣтъ для меня непремѣнной нужды въ другихъ людяхъ и въ общеніи съ ними. Понятно, почему логическимъ результатомъ этой этики постоянно былъ мистическій анархизмъ (анархизмъ стоиковъ, первоначальныхъ христіанъ, индепендентовъ, Фихте и т. д.). Въ качествѣ конечнаго результата провозглашается сліяніе индивида съ міровымъ цѣлымъ. Другое направленіе исходитъ изъ индивидуальнаго, узко-личнаго интереса и приходитъ къ понятію универсальной цѣли. Надо искать счастья,—въ этомъ сходятся всѣ ученія, если придать счастью самое широкое значеніе. Аристиппъ-киренаикъ призналъ его въ наслажденіи даннаго момента, Эпикуръ — въ удовольствіи цѣлой, но индивидуальной жизни, Гоббесъ — въ счастьи цѣлаго государства, Бентамъ—въ счастьи наибольшаго числа людей, Контъ, Милль и Спенсеръ—въ счастьи всего человѣчества. Нельзя найти послѣдняго счастья въ моментѣ, ибо, какъ послѣдствіе его, можетъ притти и страданіе; нельзя найти счастья въ удовольствіи всей жизни, ибо жизнь, будучи смертной, кончится, и, кромѣ того, нельзя обосновать трудовъ и усилій для улучшенія общей жизни; смертный въ своей индивидуальности человѣкъ можетъ найти успокоеніе

и счастье только въ отказѣ, въ забвеніи своей особности, въ сліяніи себя съ міровымъ цѣлымъ. Итакъ конечные результаты обоихъ направленій совпадаютъ, но, при внѣшнемъ совпаденіи, они отличаются глубокой внутренней разницей. Первое имѣетъ въ основѣ универсальную причину, второе—универсальную цѣль, первое идетъ отъ общаго къ частному, отъ необъяснимаго къ объяснимому, отъ сложнаго къ простому, отъ метафизическаго къ позитивному, второе—отъ частнаго къ общему, отъ объяснимаго къ необъяснимому, отъ простого къ сложному, отъ позитивнаго къ метафизическому; первое исходитъ отъ начала авторитета, отъ принципа приказа, второе—отъ свободнаго изслѣдованія пользы; первое легко забываетъ землю ради призрачныхъ нормъ, второе всегда имѣетъ послѣднимъ критеріемъ личное счастье.

Намъ уже приходилось касаться доктрины утилитаристовъ, именно того въ ней направленія, которое приходило къ международному аномизму; говоря о Макіавелли, Гоббесѣ, Гельвеціи и др., мы подчеркивали, что, исходя изъ положеній утилитарной морали, съ точки зрѣнія охраны личнаго интереса, необходима общечеловѣческая политическая организація. Это, какъ нельзя лучше, было выяснено новѣйшими представителями утилитарной школы, изъ которыхъ, въ XVIII вѣкѣ, особенно Вильямъ Годвинъ и Бентамъ попытались придать утилитаристической доктринѣ новый характеръ. Изъ нихъ Годвинъ пришелъ къ идеалу анархо-конфедеративнаго устройства всего человѣчества, съ устраненіемъ современнаго государства, а Бентамъ создалъ разработанный планъ международной федераціи.

Политическая доктрина Вильяма Годвина [1]) исходила изъ того общаго положенія, что законною цѣлью политическихъ учрежденій является лишь выгода отдѣльныхъ лицъ. Все, что не можетъ быть сведено къ послѣдней,—національныя богатство, преуспѣяніе и

---

[1]) William Godwin, *An Enquiry concerning Political Justice and its influence on General Virtue and Happines*, 2 т., Лондонъ (1793). О Годвинѣ см: Kegan Paul, *William Godwin, his Friends and Contemporaries*, 2 т., Лондонъ, 1876; Leslie Stephen, *English Thought in the 18-th Century*, т. 2 (2 изд. 1881); Eltzbacher, *Anarchismus*, Jena, 1900; James Bonar, *Philosophy and Political Economy*, London, 1893; Elie Halevy, *La formation du radicalisme philosophique*, II; H. Denis, *Histoire des systèmes économiques et socialistes*, II, Paris, 1907, стр. 6 и сл.

слава,—«выгодно только для тѣхъ обманщиковъ, которые съ давнихъ временъ сбивали съ толку людей, чтобы тѣмъ надежнѣе держать ихъ въ нищетѣ и низводить на низшую степень».

Годвинъ полагалъ, что въ силу требованія всеобщаго блага государство должно быть замѣнено общественной жизнью людей, основывающейся единственно на принципѣ блага всѣхъ. На мѣсто государства должны стать независимыя общины; онѣ должны быть небольшими по размѣру и имѣть по возможности менѣе сношеній между собой. Общества людей не заинтересованы въ установленіи многочисленныхъ сношеній другъ съ другомъ; если обратное этому и бываетъ необходимо, то происходитъ это лишь благодаря ошибкамъ или насилію. Это соображеніе уничтожаетъ сразу главные предметы дипломатіи, столь таинственной и столь сложной и до настоящаго времени поглощавшей вниманіе правительствъ. Сдѣлаются излишними послы, консулы, всѣ искусственныя учрежденія, созданныя, чтобы нанести ущербъ другимъ народамъ и проникнуть въ ихъ тайны. Обширныя территоріи тоже излишни. Зло, заключающееся въ идеѣ правительства, дѣлается болѣе невыносимымъ при расширеніи юрисдикціи государства и, обратно, болѣе сноснымъ по мѣрѣ ограниченія его территоріи. Честолюбіе, которое въ первомъ случаѣ ужаснѣе чумы, не находитъ простора для своего проявленія во второмъ случаѣ. Народныя волненія могутъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія, когда они находятъ широкій просторъ, какъ волны въ морѣ; если же они тѣсно ограничены, они дѣлаются безвредными, какъ зыбь въ небольшомъ озерѣ. Умѣренность и справедливость можно найти лишь въ небольшихъ союзахъ [1]). Споры между различными общинами при такомъ строѣ сдѣлаются въ высокой степени безразсудными, хотя, быть-можетъ, и будутъ имѣть мѣсто; для ихъ урегулированія необходимо соглашеніе различныхъ общинъ, чтобы законы справедливости выяснялись и, въ случаѣ необходимости, рѣшенія могли выполняться принудительно. Въ полной гармоніи съ этими анти-государственными воззрѣніями находилось отрицаніе Годвиномъ обычнаго патріотизма [2]).

---

[1]) Godwin. *Political Justice*, II, 562.

[2]) Одинъ изъ существеннѣйшихъ принциповъ политической справедливости, по мысли Годвина, состоитъ именно въ томъ, чтобы избѣгать того, что „обманщики и патріоты“ такъ часто рекомендуютъ. Ихъ постоянныя поученія таковы:

Онъ, правда, готовъ былъ признать много прекраснаго и цѣннаго и въ патріотизмѣ, но при этомъ подразумѣвалъ подъ патріотизмомъ нѣчто выходящее изъ обычнаго пониманія слова. Мудрый человѣкъ не можетъ не быть приверженцемъ свободы и равенства, онъ будетъ готовъ повсюду защищать ихъ, гдѣ бы они ни существовали; для него не можетъ быть безразлично, когда его свобода и свобода другихъ лицъ связаны съ исходомъ предпринятой борьбы. Но такая привязанность проявится къ дѣлу, а не къ странѣ. Вездѣ, гдѣ есть люди, понимающіе цѣну политической справедливости и готовые защищать ее, тамъ его отечество. Вездѣ, гдѣ онъ можетъ болѣе всего содѣйствовать распространенію этихъ принциповъ и реальному счастью человѣчества, тамъ и его отечество. Для какой бы то ни было страны онъ не пожелаетъ ничего иного, кромѣ справедливости [1]). По мнѣнію Годвина, есть только двѣ справедливыя

„Любите отечество. На мѣсто личнаго существованія индивидуальности поставьте существованіе союза. Меньше принимайте въ расчетъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ общество, а добивайтесь общаго богатства, благополучія и славы. Очистите разумъ отъ грубаго вліянія чувства и возведите его до единаго созерцанія той абстрактной индивидуальности, по отношенію къ которой отдѣльные люди—лишь отдѣльные члены, годные только для мѣста, или занимаемаго“. Однако требованія разума въ этомъ отношеніи діаметрально противоположны. Общество есть мыслимое бытіе и само по себѣ не имѣетъ права ни на малѣйшее вниманіе; богатство, благополучіе и слава цѣлаго суть недоступныя разуму химеры; они ничего не стоятъ сами по себѣ, а лишь въ соотношеніи съ тѣмъ, насколько они могутъ сдѣлать индивидуальныхъ людей счастливыми и добродѣтельными. Общество было учреждено не ради славы, не для того, чтобы доставлять великолѣпный матеріалъ для страницъ исторіи, а для пользы его членовъ. Любовь къ отечеству есть одна изъ тѣхъ благовидныхъ иллюзій, которыя были выдуманы обманщиками съ цѣлью сдѣлать толпу слѣпымъ орудіемъ своихъ злыхъ намѣреній. Godwin, *Political Justice*, II, 513.

[1]) *Op. cit.*, II, 515. Отрицая правительство для будущаго, съ точки зрѣнія разума, Годвинъ готовъ былъ допустить его для настоящаго. При этомъ, изслѣдуя сравнительное достоинство различныхъ государственныхъ формъ, онъ замѣчаетъ: „Мы не должны однако забывать, что правительство есть зло, узурпація индивидуальной совѣсти людей, и что если мы и принуждены допустить его, какъ необходимое зло, для настоящаго времени, то обязаны, какъ друзья разума и человѣческаго рода, дѣлать это по возможности въ меньшей степени и заботливо наблюдать, не можетъ ли оно быть еще болѣе уменьшено послѣдовательнымъ просвѣщеніемъ человѣческаго духа“. *Op. cit*, II, 380. Симпатіи Годвина склонялись къ демократической формѣ правленія. Достоинства демократіи сказываются какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ

причины войны, а именно—защита собственной свободы и свободы другихъ. «Хорошо извѣстно возраженіе,—говоритъ Годвинъ,—противъ второй изъ этихъ причинъ, состоящее въ томъ, что «націи не не должны вмѣшиваться во внутреннія дѣла другъ друга»; но можно только удивляться, что такое неразумное возраженіе такъ долго принималось во вниманіе. Истинный принципъ заключается въ томъ, «что народъ и индивидъ тогда только способны владѣть какой-нибудь свободой, когда они понимаютъ природу ея и желаютъ владѣть ею»; поэтому было бы несправедливымъ предпріятіемъ принужденіе народа быть свободнымъ; но когда народъ самъ желаетъ этого, помочь ему пріобрѣсти ее есть нравственный долгъ всякаго.

Политическимъ идеаломъ Годвина былъ общественный строй, сведенный къ наиболѣе простымъ элементамъ, безъ правительства, безъ репрессивной и принудительной власти, при которомъ имущества дѣлятся поровну между членами, но каждый долженъ добровольно отказаться отъ своей собственности, когда она можетъ удовлетворить болѣе насущную потребность другого. Будущая организація человѣчества мыслилась имъ въ видѣ свободнаго анархическаго союза отдѣльныхъ общинъ.

международныхъ отношеніяхъ. При демократіи, по мнѣнію Годвина, войны должны сдѣлаться чрезвычайно рѣдкими и причины ихъ болѣе справедливыми; наступательная война противорѣчитъ самой природѣ демократіи: „Быть-можетъ,—говоритъ Годвинъ,—нельзя указать ни одного примѣра войны, имѣвшей мѣсто въ исторіи человѣчества, которая тѣмъ или инымъ путемъ не возникла бы благодаря двумъ великимъ политическимъ монополіямъ—монархіи и аристократіи“. Что можетъ быть источникомъ взаимнаго непониманія между государствами, когда человѣкъ или классъ не находятъ въ этомъ повода захватить для себя новыя привилегіи за счетъ остальныхъ? Народъ, у котораго царствуетъ справедливость, долженъ имѣть все, чего онъ желалъ бы, такъ какъ у него есть средства существованія. Зачѣмъ такой народъ станетъ стремиться къ увеличенію богатства и территоріи? Послѣднія потеряли бы свою цѣнность въ моментъ, когда онѣ сдѣлались бы собственностью всѣхъ... Война и завоеванія не могутъ быть выгодны общинѣ. Онѣ стремятся возвысить немногихъ на счетъ остальныхъ, а поэтому и предпринимаются только тогда, когда большинство является орудіемъ небольшого числа людей. Это же не можетъ имѣть мѣста въ демократіи, разъ послѣдняя—не демократія только по имени. Наступательная война не соотвѣтствуетъ природѣ демократіи, а оборонительныя войны чрезвычайно рѣдки. Въ самомъ дѣлѣ, по какому поводу другое государство напало бы на страну, правительство которой даетъ гарантіи безвредности и нейтральности?

Впервые сознательно на универсальную почву поставлена была теорія утилитаризма Бентамомъ. Онъ понялъ, что личный интересъ естественно переходитъ въ общественный и что эгоизмъ для своего восполненія требуетъ всеобщей симпатіи и благоволенія [1]); отсюда его формула разумнаго принципа пользы—преслѣдованіе наибольшаго счастья наибольшаго числа людей. Въ этой формулѣ заключается уже цѣлая политическая программа юридическаго универсализма. Въ своей *Деонтологіи* Бентамъ провозглашаетъ, что онъ имѣетъ въ виду не только интересъ каждаго человѣка, но и счастье всего человѣчества [2]). «Симпатія, какъ заявляетъ Бентамъ въ *Introduction to the principles of Morals*, въ началѣ обнимаетъ извѣстныя личности, затѣмъ ограниченный классъ личностей, позже—цѣлую націю, еще позже—человѣческій родъ вообще и, наконецъ, всю чувствующую тварь». Симпатія простирается всюду, куда простирается интересъ, а интересъ не замыкается въ такой ограниченный кругъ, какъ семья, община, государство: солидарность людей не только связываетъ ихъ всѣхъ все болѣе и болѣе тѣсными узами, но и дѣлаетъ эти узы всемірными. Образуется рядъ различныхъ связей: домашнихъ, соціальныхъ, профессіональныхъ, общинныхъ, провинціальныхъ, національныхъ, международныхъ, всемірныхъ [3]). «Соціальныя отношенія проникаютъ все существо общества. Нѣтъ той личности, которая не была бы связана съ обществомъ какими-нибудь болѣе или менѣе тѣсными узами. Кругъ все расширяется, внутренняя связь все крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ общество просвѣщается. Интересъ, въ самомъ началѣ замкнутый въ предѣлахъ семьи, распространяется на племя, съ племени на область, съ области на націю, съ націи на весь человѣческій родъ. А по мѣрѣ того, какъ будетъ расти пониманіе политическихъ и деонтологическихъ наукъ, будетъ замѣчаться увеличеніе зависимости всякаго отъ добраго мнѣнія всѣхъ и прогрессивное усиленіе нравственной санкціи. Прибавимъ, что сила этой санкціи значительно возрастетъ, когда она будетъ въ состояніи дѣлать болѣе точную оцѣнку своей соб-

---

[1]) См. Halévy. *La formation du radicalisme philosophique*, I, *La jeunesse de Bentham*, Paris, 1901, стр. 19 и сл.

[2]) J. Bentham, *Déontologie ou science de la morale*, Paris, 1834, I, 20.

[3]) *Op. cit.*, I, 207.

ственной мощи» [1]). По мѣрѣ просвѣщенія, въ людяхъ все болѣе и болѣе развивается духъ всеобщаго благоволенія, такъ какъ они убѣждаются, что интересы ихъ чаще соприкасаются, чѣмъ взаимно отталкиваются. Въ торговыхъ сношеніяхъ невѣжественные народы смотрѣли другъ на друга, какъ на соперниковъ, могущихъ поживиться только одинъ на развалинахъ другого. «Твореніе Адама Смита есть трактатъ о всемірномъ благоволеніи, ибо онъ показываетъ, что торговыя сношенія приносятъ выгоду всѣмъ участвующимъ въ нихъ націямъ, что въ великомъ соціальномъ предпріятіи народы являются не соперниками, а союзниками».

Великую роль въ установленіи всемірной солидарности играетъ соціальная дифференціація. «Къ счастью для всѣхъ и для каждаго, говоритъ Бентамъ, человѣческій родъ имѣетъ разнообразное строеніе. Большая часть удовольствій человѣка подчинена волѣ другихъ и онъ можетъ получить это удовольствіе только при содѣйствіи и сотрудничествѣ другихъ людей. Намъ невозможно пренебрегать счастьемъ другихъ, не рискуя нашимъ собственнымъ. Каждый человѣкъ связанъ съ человѣческой расой самою прочною изъ всѣхъ связей,—узами личнаго интереса» [2]). Человѣчество—едино; одинаковость природы и универсальность чувства симпатіи дѣлаетъ изъ всѣхъ людей единую семью; всѣми руководятъ одни и тѣ же страданія и удовольствія [3]). Отсюда естественная ненависть Бентама къ войнѣ [4]) и требованіе урегулированія международныхъ отношеній [5]). Исходя именно изъ принципа общаго блага, Бентамъ пришелъ къ идеѣ о необходимости международной организаціи [6]). Въ начертаніи этого плана

---

[1]) *Déontologie*, I, 203. Бентамъ предвидитъ эпоху, когда сознаніе долга такъ проникнетъ всѣхъ людей, что значительная часть политической санкціи сдѣлается ненужной и съ успѣхомъ замѣнится моральной санкціей.

[2]) *Déontologie*, II, 158, ср. стр. 161.

[3]) J. Bentham, *Traités de législation civile et pénale*, par Dumont, Paris, 1830, III, 125.

[4]) См. прекрасныя слова Бентама противъ войнъ и противъ восторговъ по адресу военныхъ героевъ въ *Déontologie*, II, 288—291.

[5]) См. планъ международнаго кодекса въ *Traités de législation*, II, 391 и сл.

[6]) „*The happiest of mankind are sufferers by war*". См. *Principles of international Law*, Essay IV: „*A plan for an universal and perpetual peace*" (*Works* ed. Bowring, 1843, II, стр. 546—560. Напис. между

Бентамъ исходилъ изъ двухъ предварительныхъ принциповъ: необходимости ограниченія и фиксированія военныхъ силъ народовъ, составляющихъ европейскую систему, и прекращенія колоніальной политики съ полной эмансипаціей существующихъ колоній. Однако ни того ни другого онъ не считалъ достаточнымъ для поддержанія международнаго мира. Для этого необходима особая организація. Учрежденіе международнаго суда (common court of judicature), даже если бы его рѣшенія были и не принудительны, много бы содѣйствовало сохраненію мира [1]). Исторія знаетъ уже примѣры такихъ международныхъ трибуналовъ: вооруженный нейтралитетъ, американская конфедерація, германскій сеймъ, швейцарскій союзъ. Размышляя о той формѣ, какую должна принять международная организація, Бентамъ пришелъ къ идеѣ конфедеративнаго союза. Международный трибуналъ долженъ организоваться въ международный конгрессъ, на который каждая держава посылаетъ двухъ депутатовъ. Этому конгрессу подлежитъ прежде всего вопросъ о всеобщемъ разоруженіи и о количествѣ остающихся войскъ въ каждомъ государствѣ. Этому же конгрессу принадлежитъ компетенція разрѣшать споры между отдѣльными государствами. Выполненіе рѣшеній этого конгресса достаточно можетъ быть гарантировано давленіемъ общественнаго мнѣнія. Для этого въ учредительный актъ союза должна быть внесена статья, обезпечивающая свободу прессы въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ. Однако, въ случаѣ нужды, рѣшенія международнаго конгресса или сейма приводятся въ исполненіе силою. Для этого каждое изъ союзныхъ государствъ поставляетъ въ распоряженіе конгресса извѣстный контингентъ войскъ [2]).

Впослѣдствіи, уже въ концѣ своей жизни, Бентамъ снова вернулся къ идеѣ международной организаціи, что явствуетъ

1786—1789 г. Довольно точное изложеніе этого плана см. у Briout, *L'idée de paix perpétuelle de Jérémie Bentham*, Paris. 1905 (въ общемъ однако очень слабая теза); Nys, *Les Benthams Papers du British Museum* (*Etudes du droit international*, т. II, 1901, стр. 291 и сл.); Seroux-d'Agincourt. *Exposé des projets de paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre, de Bentham et de Kant*, Paris. 1905.

[1]) Establish a common tribunal, the necessity for war no longer follows from difference of opinion. Just or unjust, the decision of the arbiters will save the credit, the honour of the contending party. Bentham, *op. cit.*, стр. 552.

[2]) *Op. cit.*, стр. 554.

изъ писемъ, написанныхъ имъ въ періодъ времени отъ 1827 по 1830 [1]). Въ этихъ письмахъ онъ развивалъ идею кодекса международнаго права, редактированнаго конгрессомъ, на которомъ былъ бы одинъ представитель отъ каждаго цивилизованнаго государства. Самъ Бентамъ даетъ проектъ 8 статей этого кодекса. Въ этихъ статьяхъ заявляется о полномъ равенствѣ государствъ, о правѣ ихъ на полную автономію, на форму правленія, на свободу совѣсти и религіи, и объ обязанности уваженія таковыхъ у другихъ государствъ. This confederation, with the Code of international Law approved, adopted and sanctioned by it, has for its object, or say ends in view the preservation, not only ot peace (in the sense in which by peace is meant absence of war) but of mutual good-will and consequent mutual good offices between all the several members of this confederation. Къ этой мысли о кодификаціи международнаго права Бентамъ присоединялъ мысль о передачѣ судебныхъ функцій международному конгрессу, при чемъ этотъ конгрессъ являлся бы судомъ второй инстанціи, разбирательство же международныхъ дѣлъ въ первой инстанціи поручалось бы единому судьѣ, избираемому конгрессомъ и надѣленному судебными функціями, за исключеніемъ принудительной власти. Стоя на чисто конфедеративной точкѣ зрѣнія, Бентамъ не рѣшался надѣлить повелительной властью и конгрессъ. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ своемъ раннемъ проектѣ онъ возлагалъ надежды на силу общественнаго мнѣнія.

Соціологическій федерализмъ.

Весь этотъ индивидуалистическій федерализмъ, стоической ли традиціи, какъ у Руссо и Канта, или утилитаристическій, какъ у Бентама, страдалъ тѣмъ кореннымъ недостаткомъ, что желалъ создать общество изъ механическаго сложенія индивидовъ. Окончательный результатъ, универсальная организація человѣчества, не примиримъ съ исходнымъ пунктомъ, со свободой личности, являющейся всегда цѣлью, а не средствомъ. Мы не будемъ заниматься здѣсь указаніемъ всѣхъ слабыхъ сторонъ этого индивидуализма, ибо намъ нужно было бы повторить весь арсеналъ тѣхъ неопровержимыхъ возраженій, которыя были представлены въ началѣ XIX вѣка многообразной реакціей противъ механиче-

---

[1]) См. Nys, *Les Bentham papers du British Museum* (*Etudes de droit international*, II, 1901, стр. 311—314).

ски-индивидуалистическаго духа XVIII вѣка. XIX вѣкъ утвердилъ, въ противовѣсъ крайностямъ индивидуализма, общественное начало; въ этомъ его великая заслуга. Однако и въ XVIII вѣкѣ было уже стремленіе внести органическую закономѣрность въ жизнь человѣчества. Общество понималось этимъ направленіемъ, какъ нѣкоторое органическое образованіе, и всемірная федерація мыслилась, какъ необходимое послѣдствіе внутренняго общественнаго роста. Общечеловѣческая организація является, съ точки зрѣнія этой теоріи, необходимымъ послѣдствіемъ историческаго процесса, влекущаго народы къ объединенію и устанавливающаго тѣсную солидарность отдѣльныхъ частей человѣчества; федералистическій же характеръ этой организаціи вытекаетъ изъ общепризнаннаго факта соціальной дифференціаціи. Это направленіе правильнѣе было бы, въ противовѣсъ индивидуалистическому, видящему цѣль въ индивидѣ, назвать соціалистическимъ, какъ видящее цѣль въ обществѣ, если бы терминъ соціализма не примѣнялся уже узко, къ особому экономическому направленію, не обнимающему всего общественнаго направленія. Быть можетъ, можно было бы рискнуть назвать его соціэтатическимъ [1]). Въ этомъ соціэтатическомъ федерализмѣ мы можемъ уже въ XVIII вѣкѣ констатировать два теченія: одно соціологическое, приходящее къ идеѣ международной федераціи изъ соціологическаго изученія жизни общества, какъ организма, развивающагося по необходимымъ законамъ, и экономическо-соціалистическое, подчеркивающее экономическую солидарность человѣчества и приходящее къ идеѣ общественной международной организаціи труда и собственности.

На ряду съ юридическими теоріями, строившими международную федерацію съ точки зрѣнія чисто юридическихъ соображеній, de lege ferenda, на ряду съ раціоналистическими философскими системами, видѣвшими въ международной федераціи формальную идею разума, необходимую для созданія раціональной системы права, на ряду съ утилитаристическими системами, считавшими, что международный союзъ долженъ быть организованъ, какъ средство къ достиженію наибольшаго счастья и блага наибольшаго числа людей, на ряду со всѣми этими теченіями въ XVIII вѣкѣ создава-

[1]) Какъ это ни странно, до сихъ поръ въ научной литературѣ не установилось термина, которымъ обозначалось бы направленіе, видящее въ противоположность индивидуализму, цѣль въ обществѣ, а не въ индивидѣ.

лись и теоріи, если можно такъ выразиться, историко-соціологическаго федерализма. Международная федерація мыслилась, какъ естественный моментъ въ исторической эволюціи человѣчества, представляя собою не произвольное созданіе случайной воли людей въ каждый данный моментъ, а органически развивающееся цѣлое.

Это воззрѣніе проглядываетъ уже у перваго представителя, у родоначальника философіи исторіи, у Вико. Вико смотрѣлъ на человѣчество, какъ на одну обширную общину, управляемую Богомъ и находящуюся подъ дѣйствіемъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ историческихъ законовъ [1]). Существуетъ естественный порядокъ развитія человѣческихъ обществъ; въ основѣ ихъ лежитъ не общественный договоръ, а законъ исторической эволюціи. Правда, Вико не выставлялъ идеи вѣчнаго прогресса, но его теорія историческаго круговорота не есть теорія вѣчнаго повторенія; новыя возвращенія начинаются съ аналогичнаго, но высшаго пункта. Такъ государство когда-то возникло какъ союзъ героевъ, отцовъ семействъ въ одну общину, управляемую аристократически, общимъ совѣтомъ лучшихъ людей. Нынѣшняя стадія существованія многихъ независимыхъ государствъ соотвѣтствуетъ эпохѣ предъ-государственнаго независимаго существованія отдѣльныхъ семей. Эти государства должны соединиться въ общую федерацію, въ своего рода международную аристократію, управляемую совѣтомъ представителей и главъ отдѣльныхъ государствъ, вступившихъ въ общій союзъ. Въ настоящее время цивилизація почти завершена и распространяется почти на всѣ народы, и міръ народовъ управляется лишь небольшимъ числомъ великихъ монарховъ. Въ Европѣ, гдѣ господствуетъ христіанская религія, предписывающая милость по отношенію ко всему человѣческому роду, великія монархіи быстро подвигаются по пути цивилизаціи; нѣкоторыя, въ родѣ Польши и Англіи, сохраняютъ еще аристократическое правительство; но если естественный ходъ человѣческихъ и гражданскихъ дѣлъ не будетъ нарушенъ необычайными событіями, то эти государства, несомнѣнно, перейдутъ къ болѣе совершенному строю. Эта часть міра (Европа), гдѣ особенно развита наука, заключаетъ въ себѣ также значительное число

---

[1]) *Discours prononcé en 1700* см. *Oeuvres choisies* de Vico. изд. Michelet, Paris, 1835, 198—199; *De universi juris uno principio et fine uno*, 1720, §§ 155—156; *La science nouvelle*, P. 1844, I. 8.

народныхъ республикъ, неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ. Общія причины неизбѣжно ведутъ къ одинаковымъ результатамъ; и Соединенныя Нидерландскія провинціи и Швейцарскіе кантоны объясняютъ образованіе Этолійской и Ахейской республикъ. Многія свободныя республики составляютъ въ этихъ образованіяхъ одну аристократію, соединяющую ихъ въ постоянную лигу для мира и войны, подобно Германской имперіи, состоящей изъ многихъ свободныхъ городовъ и суверенныхъ государствъ, подчиненныхъ императору, какъ своему главѣ; форма правительства Германской имперіи аристократическая. Умѣстно замѣтить, говоритъ Вико, что суверенныя державы, соединившись между собой въ лигу, постоянную или временную, въ свою очередь сами образуютъ аристократію. Эти лиги суверенов суть послѣднія формы гражданскихъ образованій, такъ какъ нельзя вообразить состоянія, которое было бы выше ихъ. Но такова же была и первая форма гражданскихъ состояній,—ибо въ природѣ вещей, что человѣческія дѣла кончаются такъ же, какъ они начинаются [1]).

Истиннымъ родоначальникомъ современной соціологіи должно признать Монтескье. Намъ уже приходилось отмѣчать эту сторону въ его ученіи. Позитивные политическіе законы, которыми занимается онъ въ своемъ *Духѣ законовъ*, носятъ не индивидуальный, а соціальный характеръ; они вытекаютъ не изъ произвольнаго усмотрѣнія законодателя, а изъ природы вещей; но множество различныхъ обстоятельствъ вліяетъ и на ихъ созданіе и на ихъ измѣненіе. Отсюда релятивизмъ выводовъ Монтескье [2]). Наблюдая природу человѣческихъ обществъ, Монтескье пришелъ неизбѣжно къ идеѣ международной солидарности и вытекающаго изъ нея международнаго федерализма. «Les choses sont telles en Europe que tous les Etats dépendent les uns des autres... L'Europe est un Etat composé de plusieurs provinces» [3]). Уже зна-

---

[1]) *La science nouvelle*, 1844, V, 387 и сл.

[2]) Этотъ релятивизмъ отчетливо былъ формулированъ Монтескье въ 3-й главѣ первой книги *Духа законовъ*.

[3]) Montesquieu, *Pensées et fragments*, Paris, 1899, стр. 316. „L'Europe n'est plus qu'une nation composée de plusieurs, la France et l'Angleterre ont besoin de l'opulence de la Pologne et de la Moscovie, comme une de leurs provinces a besoin des autres: et l'état qui croit augmenter sa puissance par

менитая теорія о раздѣленіи властей, какъ наиболѣе цѣлесообразномъ и разумномъ устройствѣ государственной организаціи, дѣлаетъ доктрину Монтескье близкой къ федерализму. Допущеніемъ дѣлимости суверенитета по родамъ власти, по отдѣльнымъ органамъ, обосновывается федеративная теорія, такъ какъ она покоится на дѣленіи суверенитета. Естественно, что Монтескье выступилъ въ своихъ государственныхъ и международныхъ идеалахъ послѣдовательнымъ федералистомъ. Монтескье — врагъ всемірной монархіи [1]), но сторонникъ свободныхъ международныхъ союзовъ. Именно изучая республиканскую форму правленія, Монтескье пришелъ къ федеративному идеалу. Свойство республики, по мнѣнію Монтескье, обладать небольшой территоріей; въ противномъ случаѣ республика не можетъ долго просуществовать [2]). Если республика велика, она разрушается въ силу внутренняго порока, если же она мала,—въ силу внѣшней силы [3]). Исходомъ является установленіе такого устройства, которое имѣло бы всѣ внутреннія выгоды республиканскаго правительства и внѣшнюю силу монархическаго, именно созданіе федеративной республики [4]). Федерація есть договоръ, по которому многія политическія организаціи соглашаются сдѣлаться гражданами бо́льшаго государства, ими образуемаго. Это — общество обществъ (*société de sociétés*). Монтескье указываетъ на историческую важность федеративной формы въ Греціи и въ новѣйшее время въ Нидерландахъ, Швейцаріи и Германіи. Федеративныя конституціи обладаютъ особой долговѣчностью, что объясняется существованіемъ многочисленныхъ центровъ сопротивленія противъ попытокъ разрушенія, направленныхъ извнѣ или извнутри. Федераціи свойственна республиканская форма, принятіе монархіи въ число федеративныхъ республикъ ведетъ къ разложенію федераціи. Этимъ объясняется гибель феде-

---

la ruine de celui qui le touche, s'affaiblit ordinairement avec lui". *Reflexions sur la Monarchie universelle en Europe* (*Deux opuscules*, Paris, 1891, стр. 36).

[1]) *Esprit des lois*, liv. IX, ch. 7. Подробнѣе см. цитир. сочиненіе Монтескье *Reflexions sur la monarchie universelle*.

[2]) *Esprit des lois*, VIII, 16.

[3]) *Op. cit.*, IX. 1.

[4]) *Op. cit.*, IX, 9.

ративнаго движенія въ Греціи [1]). Монтескье находилъ также, что конфедеративная форма, когда каждый членъ свободенъ во внѣшней политикѣ и въ заключеніи союзовъ, несовершенна и неустойчива, примѣромъ чего ему служила Германская конфедерація [2]).

Недостатками системы Монтескье, отмѣченными еще Контомъ, было, во-первыхъ, то, что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на необходимую послѣдовательность различныхъ политическихъ состояній и не столько связалъ между собою политическіе факты, какъ это должно быть во всякой положительной наукѣ, сколько гипотетически ихъ сблизилъ; во-вторыхъ, онъ приписалъ чрезмѣрную важность второстепенному факту — формѣ государственнаго устройства. Дальнѣйшій шагъ сдѣланъ былъ Кондорсе, о которомъ Контъ, со своей обычной широтой пониманія, писалъ: «общая концепція, могущая возвысить политику на степень наблюдательныхъ наукъ, была открыта Кондорсе. Онъ первый ясно увидѣлъ, что цивилизація подчинена прогрессивному движенію, всѣ шаги котораго строго связаны одни съ другими, согласно естественнымъ законамъ, открываемымъ философскимъ наблюденіемъ прошлаго и опредѣляющимъ для всякой эпохи, вполнѣ позитивнымъ способомъ, усовершенствованія, которыя данное состояніе общества призвано испытать въ своихъ частяхъ или въ цѣломъ. Кондорсе не только нашелъ въ этомъ способъ дать политикѣ истинно-позитивную теорію, но онъ и попытался установить эту теорію въ своемъ сочиненіи *Эскизъ исторической картины прогресса человѣческаго духа*, одного заглавія и введенія къ которому достаточно, чтобы обезпечить за авторомъ вѣчную честь созданія этой великой философской мысли» [3]).

---

[1]) *Op. cit.*, IX. 2. „L'esprit de la monarchie est la guerre et l'agrandissement, l'esprit de la république est la paix et la modération."

[2]) Эмиль Фаге въ своей книгѣ *La politique comparée de Montesquieu, Rousseau et Voltaire*. Paris, 1902, стр. 169 и сл. подчеркиваетъ симпатіи Монтескье къ соціальной децентрализаціи и отмѣчаетъ, что Руссо въ значительной степени слѣдовалъ въ данномъ случаѣ идеямъ Монтескье (съ чѣмъ едвали можно согласиться), а Вольтеръ склонялся скорѣе къ государственному централизму.

[3]) A. Comte, *Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société (Système de politique positive*, IV (1854, стр. 109). О Кондорсе см. капитальное изслѣдованіе F. Alengry, *Condorcet, guide de la révolution française, théoricien du droit constitutionnel et précurseur de la science sociale*, Paris, 1904: о воззрѣніяхъ Кондорсе на международное право особ. стр. 658 и сл.

Кондорсе, рисуя грандіозную картину прогресса человѣческаго духа, предвидитъ эпоху, когда народы получатъ право располагать самими собою, своею кровью и своими богатствами; мало-по-малу они научатся смотрѣть на войну, какъ на самый ужасный бичъ, какъ на величайшее изъ преступленій. Сначала исчезнутъ тѣ войны, въ которыя вовлекали народы узурпаторы народнаго суверенитета. Народы узнаютъ, что они не могутъ дѣлаться завоевателями, не потерявши своей свободы, что постоянная конфедерація есть единственное средство сохранить ихъ независимость [1], что они должны искать не могущества, а безопасности. Мало-по-малу исчезнутъ коммерческіе предразсудки; ложный меркантильный интересъ потеряетъ отвратительную власть покрывать кровью землю, ввергать народы въ нищету подъ предлогомъ ихъ обогащенія. Причины, производящія и усиливающія національную вражду, исчезнутъ. Учрежденія, лучше скомбинированныя, чѣмъ эти проекты вѣчнаго мира, которые занимали досугъ и утѣшали душу нѣкоторыхъ философовъ, ускорятъ прогрессъ этого братства націй; и войны между народами, какъ убійства, будутъ въ числѣ тѣхъ чрезвычайныхъ жестокостей, которыя унижаютъ и возмущаютъ природу [2]. Существуетъ солидарность интересовъ отдѣльнаго народа и всего человѣчества [3]. Для того, чтобы могла осуществиться организація человѣчества, народы должны быть равными [4] и свободными [5]. Еще въ 1786 г. Кондорсе писалъ: «Аббатъ Сенъ-Пьеръ осмѣлился вѣрить, что люди когда-нибудь сдѣлаются достаточно благоразумными и націи заключатъ общее соглашеніе, откажутся отъ варварскаго права войны и станутъ передавать на судъ мирныхъ судей обсуж-

---

[1]) Des confédérations perpétuelles sont le seul moyen de maintenir leur indépendence.

[2]) Condorcet, *Tableau des progrès de l'esprit humain, X-e époque* (*Oeuvres*, VI, 265—6).

[3]) *Discours de reception à l' Academie francaise.*

[4]) *Tableau des progrès de l'esprit humain* (*Oeuvres*. VI. 237).

[5]) Plus il existe de peuples libres, plus la liberté de chacun est assurée. Je crois même que tant qu'il existera sur le globe une grande nation esclave, ni la cause du genre humain sera décidée, ni ses chaînes brisés sans retour. *Lettre d'un citoyen des Etats-Unis aux Francais* (*Oeuvres*, *IX*, стр. 97). Кондорсе высказывался также за созданіе всемірнаго языка. *Tableau des progrès de l'esprit humain* (*Oeuvres*. VI, 270—272)

деніе своихъ претензій, своихъ интересовъ и требованій. Нѣтъ сомнѣнія, эта мысль—не химера». Съ своей стороны, Кондорсе предлагалъ учрежденіе международнаго третейскаго судилища. Лица, составляющія это судилище, должны выработать кодексъ публичнаго права, покоющагося исключительно на разумѣ и на справедливости; «націи, составивъ конфедерацію, должны обязаться выполнять постановленія этого кодекса во время мира» [1]).

Кондорсе не только предлагалъ организацію народовъ въ международную федерацію, но и былъ, по крайней мѣрѣ до 1789 г., послѣдовательнымъ конфедералистомъ. Въ моментъ созванія генеральныхъ штатовъ онъ выдвинулъ проектъ конфедеративнаго устройства государства и права каждой провинціи свободно входить и выходить изъ общей государственной ассоціаціи. «Если провинція считаетъ себя обиженной (lésée), если она смотритъ на ассоціацію съ другими, какъ на тягостную для себя, то она можетъ имѣть право, послѣ обсужденія выгоды или неудобства отдѣленія, произвести такое отдѣленіе; но такое постановленіе не можетъ быть принято ни обыкновеннымъ собраніемъ, ни по обсужденію заранѣе предопредѣленному (arrêtée d'avance). Въ самомъ дѣлѣ, если провинція считаетъ себя свободной отдѣлиться отъ имперіи, то каждый кантонъ этой провинціи можетъ, въ силу того же права, претендовать на отдѣленіе отъ нея; каждая община можетъ также отказаться слѣдовать постановленію кантона. Слѣдовательно, для того, чтобы провинція законно могла отказаться отъ ассоціаціи, необходимо, чтобы она высказала свое постановленіе объ этомъ въ такой формѣ, чтобы каждый кантонъ, каждая община могла осуществить то же право отдѣленія; впрочемъ, она не можетъ законно отдѣлиться, не выслушавши другихъ членовъ политической ассоціаціи, не взвѣсивши неудобствъ раскола и того, что вызываетъ этотъ расколъ, и не согласившись съ другими провинціями о долгахъ, заключенныхъ сообща, и о совмѣстныхъ конвенціяхъ» [2]).

---

[1]) Condorcet, *Oeuvres*, VIII, 21—23.

[2]) *Lettres d'un gentilhomme à monsieurs du Tiers*, 1789 (*Oeuvres* de Condorcet. IX, 230—231). Намъ кажется, что Алянгри, поддерживающему мнѣніе, что Кондорсе не былъ жирондистомъ и федералистомъ, не удалось объяснить этого мѣста изъ статьи Кондерсе, см. Alengry, *Condorcet*, стр. 428 и сл.

Высказанная Кондорсе историко-соціологическая идея безконечнаго прогресса человѣчества, какъ коллективнаго цѣлаго, представляющаго собою великій живой организмъ, стремящійся къ образованію единой организаціи, единаго народа, была поддержана и съ краснорѣчіемъ провозглашена въ Германіи Гердеромъ [1]). Новымъ въ ученіи Гердера было то, что человѣчество у Гердера составлялось не изъ искусственныхъ образованій, въ родѣ государствъ, а изъ естественныхъ національныхъ организмовъ: всякая нація, по мысли Гердера, есть естественный членъ общечеловѣческаго союза; такимъ образомъ у Гердера примирялись космополитическія и національныя идеи.

Соціально-экономическій федерализмъ.

Въ этомъ утвержденіи прогресса человѣчества, какъ единаго организма, совершающаго поступательное движеніе къ организаціи во всемірную федерацію, громадную роль сыграли политико-экономическія наблюденія надъ необычайно развивавшимся торговымъ международнымъ оборотомъ. Разсматриваемое съ экономической точки зрѣнія, человѣчество стало представляться всемірнымъ рынкомъ и всемірной мастерской, въ которой каждое государство и каждая страна соединены тѣсною солидарностью экономическихъ интересовъ. Отсюда естественно было заключеніе, что въ интересахъ народовъ —объединиться въ общій политическій союзъ. Этою мыслью проникнута была особенно физіократическая школа.

Мерсье де-ля-Ривьеръ, изучая въ своемъ сочиненіи *Объ естественномъ порядкѣ политическихъ обществъ* вопросъ объ отношеніяхъ націй между собою [2]), пришелъ къ тому заключенію, что между всѣми народами существуетъ естественное и всемірное общеніе. Это общеніе было между людьми еще до установленія отдѣльныхъ политическихъ организацій, и оно осталось по ихъ учрежденіи; оно лишь приняло новую форму и придало бо́льшую прочность и устойчивость взаимнымъ основнымъ правамъ и обязанностямъ людей, неразрывнымъ съ человѣчествомъ [3]).

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, его два произведенія: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Riga, 1784—91, 4 тома, и *Briefe zur Beförderung der Humanität*, Riga, 1793—7, 10 томовъ.

[2]) Mercier de la Rivière, *L'ordre naturel des sociétés politiques* (*Collection des principaux économistes*, ed. Guillaumin, 1846, II, стр. 524 и сл.).

[3]) *Op. cit.*, стр. 525.

Частныя общества являются въ дѣйствительности различными вѣтвями одного ствола, изъ котораго они извлекаютъ свой жизненный сокъ. «Каждая нація есть лишь провинція великаго царства природы; поэтому если бы всѣ націи возвысились до познанія абсолютно справедливаго и несправедливаго, онѣ всѣ управлялись бы одними и тѣми же законами, и эти законы въ своей сущности были бы совершенно одинаковыми». Это всемірное общеніе нашло свою очень несовершенную форму въ системѣ европейскаго равновѣсія; система эта, какъ бы она плохо ни была скомбинирована, показываетъ намъ, что всѣ націи Европа смотрятъ другъ на друга, какъ на одно общество, образованное общимъ интересомъ, соединяющимъ всѣ частныя силы, чтобы дать имъ одно направленіе и тѣмъ обезпечить взаимную безопасность. Система европейскаго равновѣсія есть родъ невыраженной ни въ какихъ договорахъ конфедераціи. «Общая конфедерація всѣхъ державъ Европы не является химерой, какъ это многіе полагаютъ; она настолько въ порядкѣ вещей, что ее должно предполагать всегда заключенной или, лучше сказать, всегда существующей безъ посредства какихъ бы то ни было нарочитыхъ конвенцій на этотъ счетъ, въ силу одной необходимости... Система европейскаго равновѣсія не могла быть основана на иномъ основаніи, какъ на существованіи этой естественной и необходимой конфедераціи». Недостатки этой конфедераціи—это, во-первыхъ, то, что она покоится на раздѣленіи и противопоставленіи однѣхъ державъ другимъ, и, во-вторыхъ, то, что она задѣваетъ естественные и законные интересы нѣкоторыхъ націй. Между народами должно существовать братство и соотвѣтствіе правъ и обязанностей, которое и должно найти свое необходимое выраженіе въ конфедераціи [1]).

Шмидъ д' Авенштейнъ, изложившій въ *Принципахъ всемірнаго*

---

[1]) De ces vérités résulte qu'un intérêt capital, un intérêt évident, et commun à toutes les nations, les tient naturellement et *nécessairement* confédérées entre elles pour consolider le droit de propriété et la liberté par une garantie commune: cette confédération naturelle et générale, qui est la même que celle qui subsiste entre les membres d'une société particulière, impose à chaque nation le devoir de concourir au maintien des droits des autres nations; mais aussi par ce devoir elle achète le droit de s'approprier à son tour les forces des autres nations pour la défense de ses propres droits. *Op. cit.*, стр. 533—4.

законодательства основныя начала воззрѣній физіократовъ [1]), повторяетъ почти дословно Мерсье де-ля-Ривьеръ. Онъ особенно ярко подчеркиваетъ идею солидарности, взаимной зависимости, соединяющей всѣ народы. Говоря о договорахъ между государствами, авторъ *Принциповъ всемірнаго законодательства* говоритъ: «Мирные трактаты никогда не будутъ имѣть требуемой прочности, если имъ не окажетъ своего содѣйствія третейскій судъ и не будетъ дана гарантія со стороны всеобщей конфедераціи цивилизованныхъ народовъ. Въ интересахъ этой конфедераціи, чтобы справедливость требованій была хорошо выяснена и чтобы право одного изъ договаривающихся нашло вѣрную защиту противъ нарушителя договоровъ». Между всѣми цивилизованными народами долженъ быть заключенъ хорошо гарантированный договоръ о конфедераціи [2]).

Точно также и Тюрго видѣлъ въ федеративныхъ республикахъ одно изъ лучшихъ средствъ примирить безопасность государствъ отъ иностранныхъ вторженій и его оборонительную силу съ внутреннимъ спокойствіемъ; федеративное устройство есть вообще лучшее средство обезпечить независимость небольшихъ государствъ. Тюрго полагалъ, что всѣ сосѣдніе народы, говорящіе на одномъ языкѣ, одинаковой культуры, должны естественно соединиться въ такого рода федеративныя ассоціаціи. Путемъ, ведущимъ къ установленію такихъ федерацій, является принятіе каждымъ государствомъ законодательства, отвѣчающаго принципамъ естественнаго права, свободы торговли и промышленности. Вопросъ территоріальныхъ разграниченій долженъ быть рѣшенъ до установленія конфедераціи. Свобода торговли уничтожитъ въ будущемъ территоріальные споры, такъ какъ государство не будетъ заинтересовано въ увеличеніи своей терри-

---

[1]) (Schmid d'Avenstein). *Principes de la législation universelle*, 2 vol., Amsterdam, 1776, II, стр. 155 и сл.

[2]) Il est singulier que parmi cette foule de conventions conclues souvent sans raison, et rompues plus souvent avec moins de raison encore, on n'ait jamais imaginé la plus utile et la plus importante de toutes, un traité fédératif bien énoncé et bien garanti entre les nations policées de l'Europe. On pense, il est vrai, fort tard ordinairement aux choses les plus simples, et les projets faciles dans l'exécution effraient par les phantômes que la paresse ou l'ignorance leur opposent. Les siècles futurs seront étonnés de l'indolence et de la pusillanimité des générations précédentes (*Principes de la législation universelle*, II, стр. 242—3).

торіи. Во главѣ конфедераціи долженъ стоять верховный конфедеративный совѣтъ. Дѣла, рѣшающіяся въ этомъ совѣтѣ, раздѣляются на двѣ категоріи: требующія быстроты обсужденія (исполнительнаго характера) должны рѣшаться большинствомъ голосовъ депутатовъ, остальныя дѣла (законодательнаго характера) должны рѣшаться большинствомъ кантоновъ. Депутаты должны голосовать свободно; они должны посылаться законодательными учрежденіями государствъ. Послѣднія могутъ ихъ отозвать, но для этого необходимо рѣшеніе усиленнаго большинства голосовъ законодательнаго учрежденія [1]).

Стремленіе ввести порядокъ и гармонію въ экономическія отношенія по необходимости должно привести къ идеѣ международной федераціи. Связь эта съ неизбѣжностью обусловливается прежде всего той формой, какую приняла экономическая жизнь современнаго человѣчества. Промышленность и торговля потеряли свой національный характеръ, и хозяйство сдѣлалось всемірнымъ. Изъ этого единства экономической жизни вытекаетъ необходимость и единства юридической организаціи. Съ политико-экономической точки зрѣнія характерная черта идеальной экономической организаціи есть единство въ экономическихъ отношеніяхъ. На мѣсто нынѣшняго производства безъ порядка, плана и метода, исключительно подчиненнаго случаю, конкуренціи и борьбѣ интересовъ, съ раціональной политико-экономической точки зрѣнія должны быть созданы порядокъ и постоянство,—производство, находящееся въ рукахъ цѣлой коллективности, какъ единаго хозяйства, и состоящее подъ руководствомъ центральныхъ властей. Но, разумѣется, если право собственности на капиталъ и производство должны быть переданы въ руки коллективности, чтобы уничтожить нынѣшнюю анархію экономическихъ отношеній, то этой

---

[1]) Condorcet, *Vie de Turgot* (*Oeuvres*, т. V, 1847, стр. 213—215, 220—221); Ср. Turgo, *Plan de deux discours sur l'histoire universelle*, *Lettre au docteur Price sur les constitutions américaines* (*Collection des principaux économistes*, ed. Guillaumin, IV, 626 и сл., 808 и сл.). Среди физіократовъ были послѣдовательные федералисты, не только защищавшіе международную федерацію, но и склонявшіеся къ внутренне-государственной децентрализаціи; таковыми были, напр., Дюпонъ-де-Немуръ и Летронъ. См. объ ихъ проектѣ провинціальныхъ собраній Esmein, *L'Assemblée Nationale proposée par les Physiocrates*, *Bulletin de l'Acad. des sciences morales et politiques*, sept.—oct. 1904, стр. 397.

коллективностью не можетъ быть ни корпорація, ни община, ни городъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ анархія экономическихъ отношеній продолжалась бы и экономическая независимость корпорацій, общинъ или городовъ привела бы только къ конкуренціи и борьбѣ между корпораціями и общинами. Ближайшей такой коллективностью можетъ быть лишь государство; однако даже и созданіе экономически организованнаго государства еще не повлечетъ за собою введенія полнаго порядка и гармоніи въ экономическую жизнь. Конкуренція и экономическая борьба между отдѣльными государствами сохранятся и въ этомъ случаѣ, и это соперничество ежемпнутно будетъ нарушать внутреннюю гармонію отношеній, такъ какъ при современномъ состояніи жизни человѣчества нельзя представить себѣ государства экономически изолированнымъ и замкнутымъ. Эта космополитическая тенденція новѣйшей капиталистической стадіи экономической жизни живо была изображена Марксомъ: «Крупная промышленность создала міровой рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Міровой рынокъ чуднымъ образомъ ускорилъ развитіе торговли, мореплаванія, всѣхъ средствъ сообщенія... Побуждаемая постоянно нуждою новыхъ рынковъ, буржуазія наводнила товарами весь міръ. Она должна повсюду проникать, повсюду утверждаться, вездѣ создавать средства сообщенія. Благодаря эксплоатаціи мирового рынка, буржуазія придаетъ космополитическій характеръ производству всѣхъ странъ. Къ отчаянію реакціонеровъ, она отняла у промышленности ея національную основу. Старая національная промышленность разрушена уже повсюду или близка къ этому. Она замѣняется новою промышленностью, введеніе которой дѣлается жизненнымъ вопросомъ для всѣхъ цивилизованныхъ націй: эта новая промышленность обрабатываетъ уже не мѣстные сырые матеріалы, а сырье, доставляемое изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, и ея продукты потребляются не только въ соотвѣтствующей странѣ, но во всѣхъ частяхъ земного шара. На мѣсто прежнихъ потребностей, удовлетворяемыхъ національными продуктами, рождаются новыя потребности, требующія для своего удовлетворенія произведеній отдаленнѣйшихъ мѣстностей и разнообразнѣйшихъ климатовъ. На мѣсто прежней изолированности самоудовлетворяющихся націй развивается международная торговля, взаимная зависимость націй. Это же самое можетъ быть

приложено и къ интеллектуальному производству. Интеллектуальные продукты націи становятся общей собственностью всѣхъ національностей. Узость и исключительность дѣлаются со дня на день все болѣе и болѣе невозможными; многочисленныя мѣстныя и національныя литературы образуютъ всемірную литературу».

Изъ рамокъ нашего изслѣдованія выходитъ изученіе теченій международнаго федерализма въ XIX вѣкѣ; поэтому мы не можемъ остановиться на томъ, какъ историко-соціологическая идея федераціи человѣчества развивалась въ дальнѣйшемъ. Отецъ новѣйшаго позитивизма, соціализма и соціологіи, Сенъ-Симонъ неоднократно выступалъ съ планами международной организаціи человѣчества [1]). Его ученикъ, Контъ понялъ человѣчество, какъ le Grand Être, и создалъ цѣлую позитивистическую религію человѣчества [2]). Соціологическія теоріи пришли къ основному закону раздѣленія труда и къ эволюціонному закону соціальной интеграціи, сопровождаемой дифференціаціей, при чемъ интеграція ведетъ къ установленію всемірной общечеловѣческой организаціи, а дифференціація придаетъ ему федеративный характеръ [3]). Точно также соціализмъ, стремясь внести гармонію и миръ въ соціальныя отношенія, неизмѣнно приходилъ къ интернаціоналистическому идеалу. Соціализмъ,—какъ по основаніямъ, изъ которыхъ онъ возникъ, такъ и по цѣлямъ, къ которымъ онъ стремится, — связанъ внутренней и необходимой связью съ интернаціонализмомъ (понимаемымъ въ смыслѣ идеи общечеловѣческой солидарности и международной организаціи человѣчества). Соціализмъ, какъ соціальная система, по которой или одни средства производства (коллективизмъ), или средства производства вмѣстѣ съ предметами потребленія (коммунизмъ)

---

[1]) Saint Simon, *Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains* (*Oeuvres*, Paris, 1865—78, т. XV, 11—60); *Réorganisation de la société européenne* (*Oeuvres*. XIV. 153—248). О немъ см. Ященко, *Соціализмъ и интернаціонализмъ*, М. 1907, 54 и сл. *Exposition de la doctrine saint-simonienne*, 1830 (*Oeuvres*, XLI, 178—219).

[2]) Auguste Comte. *Cours de philosophie positive*. VI (Paris, 1842, стр. 550 и сл.); *Système de politique positive*. I. (P. 1851, 330 и сл.).

[3]) Durkheim. *De la division du travail social*. P. 1893, стр. 311—312, 455—7; Тардъ. *Соціальные законы*, СПБ. 1902, 43 и сл., 267; Спенсеръ, *Основы соціологіи*, заключительная глава.

должны быть соціализованы, т.-е. находиться въ общемъ владѣніи, явился протестомъ противъ того элементарнаго факта, что въ жизни человѣческаго общества происходитъ неустанная борьба за существованіе. Изъ разнообразныхъ формъ борьбы, которыя представляетъ общественная жизнь, наиболѣе безпощадными являются войны народовъ и борьба имущихъ и неимущихъ классовъ. Въ обоихъ случаяхъ борьба ведется за человѣческую жизнь. Въ борьбѣ государствъ, на войнѣ, люди убиваютъ другъ друга открыто и прямо; въ борьбѣ классовъ неимущіе убиваются или прямо— во время безработицы, экономическихъ кризисовъ, или косвенно— путемъ непосильной работы, невыносимыхъ гигіеническихъ условій жизни, недоѣданія и т. п. Въ одномъ случаѣ человѣкъ убивается непосредственнымъ физическимъ нападеніемъ, въ другомъ—тѣмъ, что у него отнимаются,—иногда отчасти, иногда и совсѣмъ,— средства для продолженія своего существованія. По отношенію къ факту этой борьбы соціализмъ явился, по его, по крайней мѣрѣ, заявленіямъ, какъ идеалъ соціальной гармоніи, какъ цѣль общаго мира, къ которому надо стремиться. Если онъ не выражалъ претензій на прекращеніе всякой борьбы вообще, то во всякомъ случаѣ постоянно высказываемой цѣлью его являлось прекращеніе какъ экономической борьбы классовъ путемъ соціальной гармоніи, такъ и борьбы государствъ путемъ космополитическаго союза. Миръ соціальный и миръ международный тѣсно связаны между собой. Милитаризмъ (результатъ отсутствія космополитической организаціи) лежитъ невыносимымъ экономическимъ бременемъ на современныхъ народахъ и главнымъ образомъ, конечно, на его малоимущихъ классахъ. Уничтоженіе армій и освобожденіе въ бюджетѣ милліардовъ, которые нынѣ тратятся на непроизводительныя военныя цѣли, чрезвычайно приблизило бы рѣшеніе соціальнаго вопроса Наконецъ, многія соціальныя реформы, рабочее законодательство, 8-часовой рабочій день и т. д., по самымъ условіямъ экономической жизни, могутъ быть осуществлены лишь на международной почвѣ. Въ силу этихъ причинъ соціалистическая мысль естественно съ самаго своего возникновенія должна была проникнуться идеями международнаго федерализма. Нельзя представить себѣ уничтоженія военныхъ государствъ,—что ставило себѣ цѣлью соціалистическое движеніе,—безъ установленія космополитической организаціи, кото-

рая одна лишь можетъ привести къ исчезновенію армій, этого главнаго средства государственной централизаціи и абсолютизма. Впрочемъ, повторяемъ, разборъ, оцѣнка и критика этого направленія выходитъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія.

ГЛАВА XI.

Основные вопросы международнаго федерализма.

Ходъ развитія идеи организаціи человѣчества

Исторія человѣчества представляетъ собою величественную картину постепеннаго объединенія людей, неустаннаго роста политической организованности. Уже античный міръ зналъ эти колоссальные государственные союзы, извѣстные подъ именемъ всемірныхъ монархій, которые стремились подчинить весь человѣческій родъ власти единаго владыки, дѣйствію единаго закона. Основываясь на началѣ завоеванія, стремясь къ абсолютной организаціи, эти политическія образованія разрушались вслѣдствіе враждебнаго дѣйствія внутреннихъ непокоренныхъ силъ и отсутствія въ своихъ нѣдрахъ дѣйствительной мощи. Послѣдняя рухнувшая мечта мірового могущества, Римская имперія, въ своемъ страшномъ паденіи наполнила обломками міръ. Первый напоръ варварства въ V и VI столѣтіяхъ привелъ человѣческое общество въ состояніе аморфіи и полной анархіи; однако этотъ періодъ политическаго хаоса продолжался недолго и скоро возникли новыя образованія, — Халифатъ, Каролингская имперія, и удержалась Византійская имперія. Во вторую половину IX вѣка и въ X вѣкѣ — новый приступъ разрушительныхъ силъ, послѣдній и самый ужасный порывъ исторической бури, одна изъ самыхъ темныхъ и ужасныхъ эпохъ анархіи въ исторіи человѣчества. Каролингская имперія раздробляется, распадается на мелкія части. Отовсюду яростно устремляются волны варварства, и остатки цивилизаціи, казалось, исчезнутъ въ общей катастрофѣ. Норманы, сарацины, венгры бросаются со всѣхъ сторонъ на Европу, угрожая гибелью всему. Среди безпросвѣтной ночи темныхъ вѣковъ это былъ самый страшный часъ. Но дѣйствіе историческихъ законовъ, влекущихъ людей къ созданію всемірной гармоніи, не прекращалось, и путемъ необычайнаго, безсознательнаго, стихій-

наго усилія человѣчество вступило въ новый міръ цивилизаціи. Съ XI вѣка начинается новая исторія; изъ аморфіи рождаются организаціи, образуются политическіе союзы, заключаются соглашенія, возникаютъ народы. Постепенно происходитъ усиленная интеграція вокругъ государственныхъ тѣлъ, порядокъ устанавливается въ предѣлахъ государствъ; но во внѣ, въ отношеніяхъ отдѣльныхъ государствъ между собой, продолжается анархія; объединительная тенденція въ человѣческомъ обществѣ сказывается однако по прежнему; народы сближаются, возникаетъ международный союзъ цивилизованныхъ народовъ, съ невѣроятной быстротой растутъ спонтанейно всевозможныя международныя организаціи, и постепенно возникаетъ верховная власть всего человѣчества, которая постепенно стремится получить организованную форму для своего выраженія; слагаются мало-по-малу элементы, изъ которыхъ возможно созданіе всемірной федераціи.

Мысль политическая развивалась параллельно этому историческому процессу политической интеграціи. Выше мы прослѣдили эволюцію идеи общечеловѣческой организаціи. Мы видѣли, какъ вначалѣ она носила имперіалистическій характеръ, какъ потомъ отъ анархическаго космополитизма пришла къ международному федерализму. Изученіе различныхъ политическихъ теорій показываетъ, что почти всякое направленіе политической мысли, если оно желаетъ оставаться послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своему исходному положенію, должно прійти къ идеѣ общечеловѣческой организаціи. Какой бы принципъ ни принимался въ обоснованіе человѣческихъ союзовъ, логически неизбѣженъ универсалистическій идеалъ. Теологическая школа, видя въ Богѣ источникъ политической власти, должна признать, что единый Богъ долженъ установить единую власть, единое право и организацію, такъ какъ этого требуетъ единство мірового начала; папизмъ былъ самымъ вѣрнымъ и самымъ совершеннымъ выраженіемъ теологической теоріи. Идеалистическія системы, оправдывающія политическую жизнь, какъ осуществленіе нравственной идеи, приходятъ къ требованію общечеловѣческаго союза, ибо, если нравственный законъ состоитъ въ объединеніи людей въ союзы и въ выходѣ изъ естественной изолированности, то этотъ законъ, какъ абсолютный, не можетъ ограничиваться государствомъ, а простирается на все человѣчество. Вѣчный миръ, всеобщая орга-

низація—требованіе нравственнаго долга; война безнравственна. Единство нравственнаго закона есть основаніе общечеловѣческаго союза; это мы видѣли у стоиковъ, у христіанъ, у схоластиковъ, у Лейбница, у Канта, у Фихте и т. д. Точно также и соціологическій позитивизмъ, исходя изъ идеи единства законовъ человѣческаго развитія, приходитъ неизбѣжно къ мысли объ единствѣ общества, какъ простирающагося на все человѣчество, и объ единой его организаціи; между различными частями человѣчества существуетъ тѣсная солидарность, общность экономическихъ и соціальныхъ интересовъ; отсюда вытекаетъ существованіе общей, цѣлями всего человѣчества ограниченной соціально-экономической политики; съ этой общечеловѣческой политикой должна быть согласована политика отдѣльныхъ государствъ и ей подчинена; соціалистическій интернаціонализмъ есть лишь частное приложеніе этой общей соціологической идеи. Психологическія теоріи обоснованія политической жизни, предполагая человѣка по природѣ стремящимся къ общенію, должны видѣть въ изолированности государствъ и ихъ неорганизованности препятствіе началу общенія. Если государство есть выраженіе соотношенія общественныхъ силъ, если въ основѣ его лежитъ господство болѣе сильныхъ части общества надъ болѣе слабой, то нѣтъ основанія, чтобы эта организація силъ останавливалась на государствѣ; борьба враждебныхъ международныхъ силъ должна привести къ побѣдѣ болѣе сильной части человѣчества надъ болѣе слабой и къ организаціи этого господства. Если предполагать, вмѣстѣ съ договорно-раціоналистическими теоріями, что политическіе союзы, и въ частности государство, образуются, какъ разумное, сознательное и произвольное созданіе людей, стремящихся внести порядокъ и миръ въ состояніе соціальной войны, то ничто не доказываетъ, что этотъ общественный договоръ долженъ остановиться на государствѣ; вполнѣ цѣлесообразнымъ и разумнымъ является общій договоръ государствъ; только въ этомъ случаѣ дѣйствительно будетъ достигнутъ общественный миръ. Понятно, что почти всѣ договорныя теоріи приходили къ всемірному, международному федерализму. Всякая послѣдовательная утилитаристическая теорія, въ основу этики полагающая наибольшее счастье наибольшаго числа людей, по самому своему основному принципу, стремится распространить свои построенія на все общество, на

все человѣчество. Когда мы обращаемся къ исторіи всевозможныхъ школъ и направленій, боровшихся въ философіи права, мы видимъ, что ни одно изъ нихъ не могло отказаться отъ универсалистическаго идеала, и даже историческая школа, вышедшая изъ вражды къ космополитическому раціонализму XVIII вѣка, должна была признать всемірный характеръ творчества права.

Форма политической организаціи человѣчества.

Если необходимость общечеловѣческой организаціи почти не возбуждаетъ сомнѣній, то гораздо запутаннѣе и сложнѣе является вопросъ о той формѣ, которую должна принять такая организація. Человѣческая соціальная жизнь представляетъ собою самыя различныя градаціи организованности, начиная отъ сплошной безформенности полнаго разъединенія личностей, вплоть до унитарнаго деспотизма, гдѣ всѣ являются рабами каприза одного. Въ основу классификаціи союзныхъ политическихъ формъ естественнѣе всего положить степень власти союза надъ личностью, другими словами, то или иное распредѣленіе суверенитета между цѣлымъ и частями.

Для того, чтобы уяснить себѣ природу соціальныхъ образованій, надо допустить извѣстную основную соціальную силу, понимаемую, какъ психическая энергія, въ силу которой между отдѣльными лицами устанавливается соціальная связь и создается соціальное единство. Силой этой является психическое влеченіе, родъ психическаго притяженія между соціальными атомами и молекулами. Соціальное притяженіе существуетъ между отдѣльными индивидами, которые, связанные этой силой, образуютъ первыя соціальныя коллективности. Между коллективностью и личностью образуется связь, родъ энергіи, влекущей личность къ единенію съ коллективностью. Отдѣльныя коллективности въ свою очередь тяготѣютъ другъ къ другу и образуютъ новыя высшія общественныя единства. Насколько сила психическаго притяженія проявляется въ томъ, что жизнь личности опредѣляется жизнью коллективности, она является общественной властью, т.-е., другими словами, общественная власть есть соціальная энергія, устанавливающая извѣстное отношеніе между лицомъ и обществомъ. Если мы станемъ анализировать природу общественной власти, мы должны будемъ различить въ ней три основныхъ элемента: матеріальную зависимость частей отъ цѣлаго, сознаніе индивидами какъ факта этой зависимости, такъ и необходимости ея, и волю лицъ на установленіе

той или иной формы этой зависимости. Въ природу власти входитъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ этихъ элементовъ, но нѣтъ нужды, чтобы они входили всѣ. Поскольку во власти представленъ одинъ лишь элементъ чистаго сознанія, власть носитъ неорганизованный характеръ и проявляется, главнымъ образомъ, въ нравственно-бытовой сферѣ; поскольку же въ ней представленъ элементъ воли, она пріобрѣтаетъ характеръ организованности и проявляется, главнымъ образомъ, въ юридической сферѣ. Человѣческіе союзы являются системами энергій, совокупностями силъ, тяготѣющихъ къ опредѣленному центру; при чемъ слѣдуетъ различать власть, какъ силу, устанавливающую извѣстное отношеніе между цѣлымъ союзомъ и его частями, и осуществленіе этой власти черезъ посредство извѣстныхъ органовъ; въ каждомъ союзѣ есть суверенная власть, т.-е. та власть, отъ которой зависитъ форма союза, и есть суверенные органы, осуществляющіе эту власть. Во всякомъ политическомъ союзѣ, поскольку его можно выдѣлить изъ всего человѣческаго общества, должна быть своя суверенная власть; теоретически мысля и логически отвлекаясь отъ сложности политической жизни, мы должны допустить существованіе суверенной власти въ семьѣ, въ общинѣ, въ церкви, въ государствѣ, въ человѣчествѣ.

Политическіе союзы могутъ, организуясь, принимать различныя формы; разсматривая эти политическія формы съ точки зрѣнія отношенія части и цѣлаго, т. е. съ точки зрѣнія организаціи власти, мы получаемъ три основныхъ типа политическаго построенія: аморфный, федеративный и централистическій; при аморфіи политическія отношенія не выливаются въ опредѣленную организацію, а сохраняютъ самопроизвольный характеръ; въ федеративныхъ образованіяхъ отношеніе между цѣлымъ и частями устанавливается ихъ соглашеніемъ, при чемъ въ конфедераціяхъ сохраненіе союза зависитъ одинаково и отъ воли всего союза и отъ воли каждой его части, а въ федераціяхъ условія соединенія устанавливаются и видоизмѣняются согласнымъ дѣйствіемъ цѣлаго и частей; въ централистическомъ союзѣ та или иная организація власти и ея компетенція зависятъ исключительно отъ воли всего союза; возможно, что отдѣльныя части союза пользуются широкой долей самостоятельности и автономности, но если эти самостоятельность и

автономность находятся въ зависимости исключительно отъ воли всего союза, то налицо имѣется централистическое политическое образованіе.

Аморфія, конфедерація, федерація, автономія и централизація различаются между собою по степени связанности воли частей, вступающихъ въ соединенія, т.-е. по степени зависимости частей отъ цѣлаго, по степени свободы частей и власти цѣлаго. Эти виды соединенія могутъ быть примѣнены ко всякимъ человѣческимъ союзамъ, индивидуальнымъ, групповымъ, областнымъ, государственнымъ, международнымъ. При всякомъ такомъ соединеніи отношенія частей и цѣлаго могутъ разсматриваться исключительно въ сферѣ соединенія, независимо отъ положенія самого соединенія къ внѣшнему міру. Такъ, по разному типу могутъ быть образованы товарищества, по различному типу соединяются рабочіе синдикаты и корпораціи (полная независимость аморфныхъ отношеній, конфедерализмъ, федерализмъ, автономность и централизмъ). Можно поэтому говорить о суверенитетѣ (о правѣ на компетенцію) отдѣльнаго синдиката, составляющаго часть союза синдикатовъ, разумѣя подъ суверенитетомъ степень свободы даннаго синдиката по отношенію къ самому союзу. Это нисколько, понятно, не препятствуетъ тому, что самъ союзъ,какъ цѣлое, въ предѣлахъ государства по отношенію къ верховной власти можетъ быть лишенъ всякой независимости. Точно также, при анализѣ природы государственныхъ соединеній, мы можемъ говорить о томъ или иномъ распредѣленіи суверенитета, оставляя въ сторонѣ самый вопросъ, съ абсолютной точки зрѣнія принадлежитъ ли суверенитетъ самому государству или союзу всего человѣчества. Въ предѣлахъ всякаго юридическаго союза всегда осуществляется та или иная степень власти, и поэтому можно говорить, кому принадлежитъ въ немъ суверенная власть, т.-е. верховная по отношенію ко всякой другой власти, проявляющейся въ данномъ союзѣ.

Всякое послѣдовательное политическое направленіе должно или сдѣлать индивида центромъ всего, дробить всякую политическую организацію, въ томъ числѣ и государство, до соціальныхъ атомовъ и превратить, слѣдовательно, человѣчество въ однородную массу, или перенести весь центръ тяжести на союзъ, на цѣлое и притти послѣдовательно къ централистическому построенію, или, наконецъ, примп-

рить обѣ крайности въ федеративномъ образованіи; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ преобладаніе принципа свободы и анархическій строй, во второмъ—преобладаніе принципа власти и авторитарный строй, и, наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ примиреніе принциповъ власти и свободы. Не претендуя устанавливать закона историческаго развитія, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ высказать предположеніе, основывающееся впрочемъ на предшествующемъ историческомъ опытѣ, что каждая политическая форма, начиная съ чистой аморфіи, имѣетъ извѣстное стремленіе перейти въ болѣе интегрированную.

Вопросъ объ общечеловѣческой организаціи есть вопросъ о переходѣ отъ состоянія аморфнаго общенія къ общенію федеративному. Въ самой аморфіи существуютъ глубокія различія, соотвѣтствующія различнымъ стадіямъ историческаго развитія, начиная отъ первоначальной стадіи чистой аморфіи всеобщей войны всѣхъ противъ всѣхъ, до возможной заключительной въ цивилизаціи стадіи юридической аморфіи нравственно-солидарнаго человѣчества. Существуютъ аморфіи—неорганизованнаго обычнаго права, самопроизвольныхъ союзовъ по отдѣльнымъ отраслямъ, періодическихъ, но не постоянныхъ органовъ общей воли, въ родѣ конгрессовъ, и, наконецъ, органовъ существующихъ постоянно, но дѣйствующихъ случайно, въ родѣ Гаагской палаты третейскаго суда. Современная международная жизнь прошла черезъ всѣ эти стадіи аморфнаго общенія и находится у границы конфедеративнаго объединенія.

Подъ конфедераціей въ современной юридической наукѣ разумѣется основанное на свободномъ соглашеніи соединеніе независимыхъ лицъ (коллективныхъ или индивидуальныхъ, государственныхъ или негосударственныхъ), при которомъ это соединеніе имѣетъ однако постоянный и всесторонній характеръ по своимъ цѣлямъ и выливается въ опредѣленную постоянную организацію. Конфедерализмъ есть организованный юридически индивидуализмъ: въ новой исторіи онъ возникъ изъ средневѣковаго конфедерализма и ученія о неприкосновенныхъ правахъ личности. Первое построеніе юридически-философской системы конфедерализма мы находимъ у англійскихъ конгрегаціоналистовъ XVII вѣка. Идеи конгрегаціоналистовъ оказали сильное вліяніе на политическій строй первыхъ колоній въ Сѣверной Америкѣ и на созданіе послѣдующихъ конфедерацій и федерацій на американскомъ континентѣ. Конфедера-

ція есть соединеніе свободное вполнѣ, при чемъ союзъ не только не можетъ расширить своей компетенціи безъ согласія каждаго члена конфедераціи, но и каждый членъ конфедераціи сохраняетъ право выхода изъ общаго союза; поэтому конфедерализмъ въ основѣ своей есть анархическое направленіе, чѣмъ и объясняется, что самая теорія конфедерализма разработана была главнымъ образомъ анархистами - конфедералистами, въ особенности Прудономъ. Прудонъ опредѣлялъ конфедерацію, какъ договоръ, посредствомъ котораго нѣсколько главъ семействъ или нѣсколько общинъ, или нѣсколько группъ общинъ или государствъ взаимно и равно обязываются другъ передъ другомъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ спеціальныхъ предметахъ, которые послѣ этого переходятъ въ спеціальное и исключительное вѣдѣніе делегатовъ конфедераціи. Договоръ, лежащій въ основѣ конфедераціи, долженъ носить реальный (а не фиктивный) характеръ. Это—положительный, дѣйствительный договоръ, реально предлагаемый, обсуждаемый, вотируемый, принимаемый и правомѣрно видоизмѣняемый по волѣ договаривающихся лицъ. Дальнѣйшей характерной чертой федеративнаго договора является, по мысли Прудона, то, что договаривающіяся лица не только взаимно обязываются другъ передъ другомъ, но, заключая контрактъ, индивидуально сохраняютъ за собою болѣе правъ свободы, власти, собственности, чѣмъ уступаютъ. Власть, обязанная выполнять этотъ договоръ, никогда не можетъ вполнѣ господствовать надъ составными частями союза, т.-е. конфедеративныя права никогда не могутъ ни въ числѣ, ни въ значеніи превосходить правъ общинныхъ или провинціальныхъ властей, точно такъ же какъ послѣднія не могутъ превосходить правъ и прерогативъ человѣка и гражданина. Конфедеративная система есть противоположность іерархіи или административной и правительственной централизаціи, которою отличаются имперскія демократіи, конституціонныя монархіи и унитарныя республики. Ея основной принципъ заключается въ томъ, что въ конфедераціи права центральной власти спеціализируются, ограничиваются, уменьшаются въ числѣ, непосредственности и, если можно такъ выразиться, въ интенсивности, по мѣрѣ того какъ конфедерація развивается черезъ присоединеніе къ ней новыхъ государствъ. Конфедерація въ точномъ смыслѣ слова—не государство; это—группа

суверенныхъ и независимыхъ союзовъ, соединенныхъ договоромъ взаимной гарантіи. Конфедеральная конституція также не то, что разумѣется подъ хартіей или конституціей и что является краткимъ изложеніемъ публичнаго права страны; это—контрактъ, содержащій условія соединенія, т.-е. взаимныя права и обязанности вступившихъ въ договоръ союзовъ. То, что называютъ конфедеративною властью, не является правительствомъ: это—агентство, созданное договорившимися сторонами для совмѣстнаго выполненія извѣстныхъ политическихъ функцій, отъ которыхъ каждая отказывается и которыя такимъ образомъ входятъ въ компетенцію федеральной власти [1]). Одинъ изъ главныхъ вопросовъ конфедеративной теоріи касается того, можетъ ли, единственно по своему желанію, отдѣльный членъ конфедераціи отказаться отъ союза. Прудонъ разрѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ, считая, что отдѣленіе вполнѣ законно, если дѣло идетъ о вопросѣ государственнаго суверенитета, оставленнаго внѣ общаго договора. Но можетъ случиться, что, по разнымъ соображеніямъ, претензіи меньшинства несовмѣстимы съ нуждами большинства, что расколъ компрометтируетъ свободу государства, въ этомъ случаѣ вопросъ рѣшается правомъ войны, т.-е. наиболѣе значительная часть, разрушеніе которой повлекло бы за собой наибольшій ущербъ, должна получить верхъ надъ наиболѣе слабою.

Главная особенность конфедераціи съ юридической точки зрѣнія можетъ быть сведена къ двумъ основнымъ положеніямъ: соединеніе сохраняетъ свободный договорный характеръ, и компетенція союза надъ своими частями очень ограничена. Изъ того положенія, какъ конфедерація есть свободное договорное отношеніе, слѣдуетъ, что она не носитъ государственнаго характера и не имѣетъ суверенной власти надъ составляющими ее частями. Каждая договаривающаяся часть сохраняетъ свою верховную власть. Суверенитетъ принадлежитъ не цѣлому, а частямъ. Расширеніе или ограниченіе компетенціи союза по отношенію къ части исключительно зависитъ отъ воли этой части. Центральная власть не можетъ выйти изъ предметовъ своего вѣдѣнія безъ сво-

---

[1]) Proudhon, *Du principe fédératif*, 1863, стр. 47 и сл.

боднаго и единогласнаго согласія всѣхъ соединенныхъ частей. Изъ указаннаго само собой вытекаетъ, что въ конфедераціи государствамъ - членамъ принадлежитъ право нулификаціи и право отдѣленія. Въ силу права отмѣны отдѣльное государство-членъ имѣетъ право постановлять окончательное рѣшеніе въ столкновеніяхъ по поводу компетенціи, могущихъ возникнуть между нимъ и союзной властью. Какъ всякій союзъ, и конфедерація имѣетъ союзную власть. Послѣдняя, управляя союзными дѣлами, не является однако суверенною властью. Она не имѣетъ государственнаго властвованія надъ членами союза, такъ какъ въ ея распоряженіи нѣтъ государственно-правовыхъ средствъ для принудительнаго осуществленія своей воли. Противоположное воззрѣніе, приписывающее конфедеративному союзу корпоративный характеръ и потому надѣляющее союзную власть правами господства надъ союзными частями, приводитъ, какъ совершенно справедливо говоритъ въ одномъ мѣстѣ Еллинекъ, неизбѣжно къ причисленію конфедераціи къ разряду союзовъ, въ которыхъ суверенна центральная власть, и такимъ образомъ теряется разница между нею и федеративными союзами. Компетенція союзной власти носитъ очень ограниченный характеръ: каждое государство сохраняетъ въ конфедераціи почти всю прежнюю долю своей независимости, свое отдѣльное войско, отдѣльные суды и т. п.; конфедерація обыкновенно не имѣетъ даже общаго суда. Конфликты между ея членами разрѣшаются въ большинствѣ случаевъ третейскимъ разбирательствомъ. Частныя государства допускаютъ только такое ограниченіе своей власти, какое необходимо, чтобы центральный организмъ могъ правильно функціонировать. Они сохраняютъ за собой участіе въ образованіи союзной воли. Большинство конфедерацій имѣло одинъ союзный органъ (сеймъ или конгрессъ); депутаты въ него назначались непосредственно каждымъ государствомъ и были надѣляемы обязательными для нихъ инструкціями; количество ихъ обыкновенно было одинаково отъ каждаго государства. На пересмотръ договора требовалось единогласное согласіе всѣхъ государствъ. Въ исполненіи постановленій союзнаго органа участвовали сами государства-члены. Частныя государства уступаютъ союзной власти только тѣ права, которыя необходимы, чтобы обезпечить внутреннюю и внѣшнюю безопасность членовъ союза. Изъ этого послѣдняго слѣдуетъ, что у отдѣльныхъ

государствъ, пока они состоятъ членами конфедераціи, отнимается въ отношеніяхъ между ними право войны (иначе это была бы не конфедерація, а аморфное состояніе); право заключать договоры съ не-членами конфедераціи ограничивается обязанностью, чтобы эти договоры не наносили ущерба безопасности конфедераціи или одного изъ ея членовъ. Суверенитетъ членовъ конфедераціи, право нуллификаціи и отдѣленія и требованіе единогласія для всякихъ измѣненій договора составляетъ анархическую сторону конфедераціи [1]). Она не является устойчивымъ соединеніемъ, сопровождается постоянными волненіями и переворотами и обыкновенно скоро переходитъ или въ аморфію или въ федеративное соединеніе. Конфедеративный союзъ государствъ требуется многими для сферы международныхъ отношеній, при чемъ сторонники такого союза однако нисколько не исходятъ изъ анархическихъ предпосылокъ. Современная международная жизнь находится еще въ періодѣ заключенія свободныхъ союзовъ для отдѣльныхъ цѣлей, т.-е. въ стадіи аморфіи; требованіе конфедеративнаго объединенія есть поэтому требованіе усиленія принципа власти и юридической организованности въ ущербъ принципу произвола и анархіи.

Довольно сложнымъ и запутаннымъ является вопросъ объ юридической природѣ федераціи, т.-е. о томъ, кому въ союзѣ принадлежитъ суверенная власть и каково отношеніе между федеративнымъ союзомъ и членами этого союза. Господствующее направленіе, которое можно было бы назвать унитарнымъ, отрицая теорію раздѣленія суверенитета, приходитъ къ признанію единственнаго суверенитета союзной власти. Классически эта теорія была формулирована Лабандомъ. Всѣ государственныя соединенія, по этой теоріи, какъ бы они ни были различны по организаціи и цѣли, могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: они или договорныя (международно-правовыя), или корпоративныя (государственно-правовыя). Различіе между этими категоріями то же самое, что въ области частнаго права различіе между юридическимъ лицомъ и обществомъ. Юридическое лицо есть субъектъ правъ, общество—правоотношеніе. Точно такъ же конфедерація государствъ есть правоотношеніе между государствами,

---

[1]) Еллинекъ, *Право современныхъ государствъ*, стр. 515.

а не субъектъ правъ; федеративное государство, напротивъ, есть организованное единство, лицо, а не правоотношеніе. Конфедерація государствъ, какія бы обширныя и значительныя функціи ей ни были предоставлены, по своей юридической природѣ есть образованіе международнаго права, а не государственнаго; напротивъ, всякое государство, какъ бы слабы ни были его строеніе и связь его членовъ, исключаетъ въ предѣлахъ своей организаціи примѣненіе принциповъ международнаго права. Юридическое основаніе государственнаго соединенія, какъ общества, есть договоръ; юридическое основаніе государства, какъ корпораціи частнаго права, есть конституція, статутъ. Юридическая индивидуальность государства состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ собственное право властванія для выполненія своей задачи и обязанностей и самостоятельную волю властванія. Именно въ въ этомъ лежитъ пунктъ различія между всякими формами государства, съ одной стороны, и всякими формами государственныхъ соединеній—съ другой. Въ конфедераціи государствъ воля союза есть выраженіе общей воли членовъ, даже и тогда, когда установлено, чтобы меньшинство сообразовало свою волю съ волей большинства. Напротивъ, въ государствѣ федеративномъ воля государства отличается отъ воли его членовъ; она не является суммой ихъ воль, но волей независимой отъ нихъ, даже и тогда, когда они призваны способствовать образованію этой воли. Въ конфедераціи публичныя права властванія отдѣльныхъ соединившихся государствъ принадлежатъ каждому на его территоріи, хотя бы было установлено пользованіе этими правами сообща или съ общаго согласія. Въ федеративномъ же государствѣ существующія верховныя права не суть права его членовъ, которыми оно пользуется только въ качествѣ общаго администратора для всѣхъ, но эти права принадлежатъ самостоятельно государству; члены не имѣютъ въ нихъ никакого участія, даже когда призваны пользоваться ими. Права федеративнаго государства не являются правами членовъ, а правами надъ членами. Изъ этого слѣдуетъ, что при международно-правовомъ соединеніи государствъ члены его сами являются субъектами верховной юридической власти, въ то время какъ при соединеніи государствъ въ одно сложное государственное существо есть налицо власть, которая находится надъ государствами-членами

и ими юридически властвуетъ; послѣднія же верховной власти не имѣютъ. Высшую верховную власть, которая никакой другой надъ собой не имѣетъ, мы называемъ суверенной. Существенное различіе между союзомъ государствъ (конфедераціей) и конституціонно-организованнымъ, корпоративнымъ, сложнымъ государствомъ (федераціей) состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что при первомъ суверенна власть отдѣльнаго государства, при послѣднемъ—центральная власть[1]). Признакъ суверенитета—способность свободно опредѣлять въ предѣлахъ права свою собственную компетенцію. Эту способность всѣ конституціи признаютъ въ федераціи за центральной властью, а не за частными государствами. Послѣдствіемъ этого является то, что федеральный законъ въ силу одного факта своего обнародованія отмѣняетъ законъ частнаго государства; въ случаѣ же конфликта между федераціей и частнымъ государствомъ онъ разрѣшается центральною властью.

Теорія, приписывающая суверенитетъ въ федераціи союзу, исходитъ изъ принципа такъ называемой недѣлимости суверенитета; при чемъ въ пользу этой недѣлимости приводится обыкновенно цѣлый рядъ доводовъ: указывается, что сама природа власти такова, что суверенитетъ долженъ быть единымъ; власть есть воля политическаго организма, воля же едина и недѣлима, поэтому дѣлимость суверенитета противорѣчитъ единству государственной власти; суверенитетъ есть свойство абсолютнаго характера и не допускаетъ умаленія. Однако ссылки на свойства воли недостаточно, ибо волевая теорія есть лишь фикція, лишь гипотетически предложенная аналогія, часто, быть-можетъ, удобная для теоретическихъ построеній, но подлежащая немедленному оставленію, какъ только она становится въ противорѣчіе съ фактами дѣйствительности. Между тѣмъ отрицать дѣлимость суверенитета значитъ не понять самой сущности федераціи, какъ специфическаго политическаго образованія, и оставить необъясненными многочисленныя явленія реальной жизни. Съ точки зрѣнія того пониманія суверенитета, которое мы развили выше, нѣтъ вопроса о суверенитетѣ власти, какъ о матеріальномъ правѣ; какъ сила, власть ограничена

---

[1]) Laband, *Das Staatsrecht des deutschen Reiches*, 3 изд., Freiburg, 1895, I, 59 и сл.

матеріально - юридически нормой высшаго права, а фактически, покоясь въ сознаніи подчиняющихся ей лицъ, признаніемъ этихъ лицъ; вопросъ о суверенитетѣ власти возникаетъ только, какъ вопросъ о формальной необходимости чрезъ посредство внѣшнихъ органовъ рѣшать вопросъ о правѣ, и сводится такимъ образомъ къ вопросу о суверенитетѣ органовъ власти; исторически только это послѣднее и имѣло значеніе, въ борьбѣ монархическаго и народнаго суверенитета. Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ суверенная власть, переводится въ вопросъ о томъ, какой органъ власти является сувереннымъ. Защищать въ данномъ случаѣ недѣлимость суверенитета значитъ защищать унитарный абсолютизмъ и централизмъ. Стремленіе нынѣшнихъ юристовъ построить понятіе суверенитета, какъ свойства *недѣлимой*, единой верховной власти, вполнѣ напоминаетъ тяготѣніе средневѣковыхъ глоссаторовъ и постглоссаторовъ построить систему единаго всемірнаго римскаго права. Свести къ формальному недѣлимому единству есть обычное стремленіе формалистической юридической мысли, такъ какъ свойство человѣческаго ума—reductio ad unitatem.

Съ точки зрѣнія централистическаго пониманія суверенитета невозможно уразумѣть природы федеративнаго государства,—надо отказать въ государственномъ характерѣ или федераціи или отдѣльному члену этой федераціи. Выходъ изъ этого положенія можетъ быть найденъ только въ принятіи теоріи сотрудничества органовъ въ образованіи суверенной воли. Не можетъ быть нѣсколько суверенныхъ органовъ, имѣющихъ каждый свой суверенитетъ, но можно допустить, что суверенное рѣшеніе получается путемъ согласнаго дѣйствія многихъ органовъ. Пусть не будетъ дѣлимости суверенитета, но есть сотрудничество различныхъ органовъ въ его образованіи, есть корпоративное пониманіе суверенитета, что̀ сводится къ тому же результату, какъ если бы мы допустили раздѣленіе суверенитета. Въ федераціи суверенитетъ не принадлежитъ ни цѣлости ни отдѣльнымъ государствамъ-членамъ, ни всему союзу въ цѣломъ, онъ принадлежитъ и тому и другимъ въ ихъ соединеніи въ неразрывное цѣлое. Въ этомъ сотрудничествѣ цѣлаго и частей заключается своеобразная особенность федеративнаго государства. Суверенитетъ не принадлежитъ союзной власти, такъ какъ при этомъ теряется всякое различіе между федераціей и автоно-

міей, и мы видимъ, что фактически расширеніе компетенціи не принадлежитъ одной союзной власти; суверенитетъ не принадлежитъ отдѣльному государству, такъ какъ при этомъ теряется всякое различіе между федераціей и конфедераціей и такъ какъ фактически въ существующихъ федераціяхъ нельзя говорить о суверенитетѣ отдѣльныхъ государствъ; суверенитетъ не подѣленъ между центральной властью и отдѣльными государствами такъ, что и то и другія суверенны въ своей компетенціи, такъ какъ фактически въ федераціи ни союзная власть, ни отдѣльное государство не имѣютъ односторонняго права на расширеніе своей компетенціи; суверенитетъ принадлежитъ союзной власти и власти отдѣльныхъ государствъ, дѣйствующихъ согласно; ни та ни другая не суверенны, суверенны лишь онѣ въ своей совокупности. Въ данномъ случаѣ представляется такая же возможность говорить о дѣлимости суверенитета, какъ въ парламентарномъ государствѣ, гдѣ суверенная власть не принадлежитъ ни одной изъ трехъ властей (палатамъ и президенту или королю), а всѣмъ имъ вмѣстѣ, дѣйствующимъ солидарно. Подобно тому, какъ въ унитарномъ государствѣ государственный суверенитетъ понимается, какъ органическое единство права, часто получаемое путемъ сотрудничества многихъ государственныхъ органовъ, напр., короля и парламента, такъ и въ федеративномъ государствѣ такое единство верховной власти получается путемъ сотрудничества власти федераціи и власти отдѣльныхъ штатовъ. Субъектомъ государственной власти является множественность государственныхъ союзовъ въ своемъ органическомъ единствѣ. Федеративная власть не есть только власть надъ государствами-штатами, ни сумма властей штатовъ. Теорія федеративнаго государства прекрасно объясняется ученіемъ о сотрудничествѣ властей. Каждая составная часть общаго суверенитета, федерація и штаты обладаютъ самостоятельной сферой дѣятельности, не имѣютъ власти высшей надъ собой, но для полноты нуждаются въ восполненіи другъ другомъ. Область государственной дѣятельности подѣлена между всѣмъ союзомъ и отдѣльными штатами; внутри своей спеціальной сферы и то и другое независимы, и власть обоихъ обладаетъ полной самостоятельностью. Самостоятельность эта обезпечена дѣленіемъ государственныхъ функцій. Компетенція власти отдѣльнаго государства и государства совокупнаго должна быть строго разгра-

ничена. Центральная власть должна быть самостоятельна по отношенію къ власти отдѣльнаго государства. Эта самостоятельность достигается тѣмъ, что 1) центральная власть въ предѣлахъ своей компетенціи имѣетъ дѣло непосредственно съ народомъ, а не съ отдѣльнымъ государствомъ; она издаетъ законы непосредственно обязывающіе и сама приводитъ ихъ въ исполненіе; 2) центральная власть владѣетъ самостоятельными финансовыми и военными средствами, необходимыми для выполненія своихъ задачъ; 3) создается особая организація центральной власти,—независимое отъ отдѣльныхъ государствъ центральное правительство, особая представительная палата, представляющая единство всего народа, на ряду съ палатой, представляющей интересы отдѣльныхъ государствъ, и независимый союзный судъ.

При такомъ пониманіи природы федеративнаго государства отвергается одностороннее право центральной власти на расширеніе своей компетенціи. Право на расширеніе компетенціи предполагаетъ центральную власть, охватывающую всѣ области государственной жизни и сводящую отдѣльныя государства на такое положеніе, что они даже въ сферѣ своей ограниченной компетенціи имѣютъ только такую самостоятельность, к кую имъ заблагоразсудитъ дать центральная власть. Различіе между федераціей и унитарнымъ государствомъ въ томъ, что въ федераціи центральной власти и централизаціи поставлены такія границы, которыя не могутъ быть перейдены. Существеннымъ признакомъ федеративнаго государства является то, что въ немъ обезпечено не только единство и сила цѣлаго, но и свобода союзныхъ частей. Это послѣднее достигается не только тѣмъ, что на ряду съ общенароднымъ представительствомъ создается представительство отдѣльныхъ государствъ, но и тѣмъ, что самостоятельность отдѣльныхъ государствъ обезпечивается твердымъ положительнымъ опредѣленіемъ компетенціи союзной власти.

Политическая жизнь людей проходитъ различныя градаціи организованности. Та общественная жизнь, гдѣ нѣтъ организованнаго союза и гдѣ каждому индивиду принадлежитъ полный суверенитетъ, т.-е. власть распоряжаться своей компетенціей, есть аморфія, здѣсь суверенно каждое лицо (мы употребляемъ лицо и въ смыслѣ индивида и въ смыслѣ коллективности, входящей, подобно лично-

сти, въ общій союзъ съ другими коллективностями). То общеніе, гдѣ отдѣльныя лица заключили и организовали общій союзъ, но при этомъ сохранили за собою полный суверенитетъ, т.-е. право компетенціи, есть конфедерація; здѣсь суверенъ и союзъ измѣнить свою компетенцію, суверенно и лицо, такъ какъ оно сохраняетъ право покинуть союзъ. И аморфизмъ и конфедерализмъ одинаково являются видами анархизма; разница между ними въ томъ, что при конфедерализмѣ считается необходимымъ созданіе опредѣленной и постоянной организаціи, при аморфизмѣ же нѣтъ и этого. Понятно, что конфедерализмъ, будучи несовершеннымъ компромиссомъ между суверенитетомъ цѣлаго и частей, являясь первой стадіей по пути къ образованію общественно-политической организаціи, представляетъ собою неустойчивое состояніе и подверженъ такой же критикѣ, какъ и чистый анархизмъ; съ положительно-юридической точки зрѣнія это non-sens, такъ какъ здѣсь судьею всякаго спора являются и союзъ и лицо. Тотъ политическій союзъ, гдѣ компетенція и цѣлаго и частей точно установлена и гдѣ всякое видоизмѣненіе этой компетенціи зависитъ отъ согласнаго рѣшенія цѣлаго и частей, является федераціей: здѣсь суверенитетъ принадлежитъ совмѣстно цѣлому и частямъ. Федерализмъ одинаково враждебенъ какъ анархизму такъ и централизму, гдѣ сувереннымъ признается лишь весь союзъ. Политическая жизнь почти никогда не представляетъ этихъ формъ въ чистомъ видѣ, потому что человѣческое общество состоитъ изъ множества союзовъ, воздѣйствующихъ одинъ на другой; она колеблется между чистой аморфіей и политической централизаціей.

Главной, основной проблемой цивилизаціи, съ политической точки зрѣнія, было обезпечить соединенное дѣйствіе людей въ большихъ размѣрахъ, не жертвуя при этомъ мѣстной независимостью. Вся предшествующая исторія Европы показала, что эта задача не можетъ быть достигнута безъ помощи принципа представительства, который находитъ свое осуществленіе лишь въ федеративной системѣ. Поэтому организація человѣчества мыслится въ новое время почти исключительно, какъ международная конфедерація или федерація.

Мы не будемъ касаться здѣсь многихъ детальныхъ сторонъ общаго вопроса о международной организаціи, напримѣръ, того,

въ какія конкретныя формы должна вылиться эта организація, какъ могутъ вырабатываться въ ней законы, въ какихъ предѣлахъ и черезъ посредство какихъ органовъ можетъ осуществляться международная правительственная власть, каково цѣлесообразное устройство международнаго суда. Опустимъ мы и разсмотрѣніе вопроса о самомъ объемѣ этой организаціи [1]). Все это выходитъ изъ предѣловъ поставленной нами себѣ задачи. Насъ въ предшествующемъ изложеніи интересовала лишь общая идея необходимости придать опредѣленную форму политической организаціи совокупной жизни человѣчества и разнообразныя существовавшія въ политической литературѣ попытки ея обоснованія.

[1]) Нерѣдко сторонники международнаго федерализма ограничиваютъ организацію человѣчества одною его европейскою частью. Однако такое воззрѣніе едвали выдерживаетъ критику. Всемірной союзъ государствъ долженъ явится разрѣшеніемъ вопроса объ уничтоженіи войны: между тѣмъ созданіе лишь европейской федераціи государствъ, даже если бы оно и осуществилось, не способствовало бы замиренію человѣчества: внѣ Европы воздвигся могущественный американскій міръ, сфера дѣятельности Соед. Штатовъ выходитъ изъ границъ американскаго материка и простирается на другія части свѣта, въ Азіи пробуждаются массы монгольскихъ народовъ. Федерація Европы не разрѣшила бы вопросовъ міровой политики и не предохранила бы отъ возможности кровавыхъ конфликтовъ: увеличился бы лишь масштабъ борьбы, но самая возможность войнъ не была бы устранена. Предполагать возможность созданія исключительно европейской международной организаціи значитъ ошибочно смотрѣть на значеніе и степень международныхъ узъ. Съ одной стороны, между европейскими государствами не всегда существуютъ наиболѣе тѣсныя международныя отношенія; съ другой стороны, часто внѣевропейскія страны связаны съ нѣкоторыми европейскими государствами болѣе тѣсно, чѣмъ непосредственные географическіе сосѣди послѣднихъ. Кромѣ того, нельзя забывать, что многія европейскія государства имѣютъ колоніи въ различныхъ частяхъ свѣта и что конфликты между ними возможны главнымъ образомъ по спорамъ въ колоніальной сферѣ. Всеевропейская организація можетъ имѣть только тогда значеніе и вообще только тогда можетъ быть осуществлена, когда она захватитъ въ свою сферу и всѣ колоніи и подвластныя земли европейскихъ государствъ. Колоніи эти однако разбросаны въ всѣхъ частяхъ свѣта и такъ перепутаны и связаны интересами съ внѣевропейскими государствами, что осуществленіе федераціи европейскихъ государствъ мыслимо только въ случаѣ присоединенія къ ней и внѣевропейскихъ странъ, т. е. при осуществленіи общечеловѣческой организаціи. См. Ященко, *op. cit.*, стр. 144 и сл. Впрочемъ мы согласны съ мнѣніемъ графа Л. Камаровскаго, что, быть-можетъ, историческимъ ядромъ международной организаціи призвана сдѣлатся прежде всего Европа. См. его основательное изслѣдованіе по этому предмету *Вопросъ о международной организаціи* (М. 1905, стр. 81), представляющее наиболѣе послѣдовательно и законченно проведенную точку зрѣнія международнаго федерализма.

Международный федерализмъ и патріотизмъ и національный принципъ.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоятъ между собою международный универсализмъ, съ одной стороны, и государственный патріотизмъ и національный принципъ, съ другой, какимъ образомъ примиряется существованіе общечеловѣческой политической организаціи съ идеей отечества и націи и можно ли вообще этого достигнуть.

Патріотизмъ есть исключительная любовь къ родному государству, чувство, соединяющее членовъ одного государства между собою и съ верховною властью. Понимаемый, какъ чувство, исключающее любовь и привязанность къ другимъ политическимъ образованіямъ, патріотизмъ не выдерживаетъ и самой слабой критики. Прекрасно сказалъ Антонъ Менгеръ: «Основнымъ моментомъ патріотизма является чувство преданности каждаго отдѣльнаго гражданина личнымъ и политическимъ интересамъ господствующихъ группъ; въ качествѣ же побочнаго момента въ него входитъ еще чувство симпатіи къ странѣ и народу. Съ устраненіемъ данныхъ господствующихъ группъ исчезаетъ и связанный съ ними патріотизмъ, уступая мѣсто чувству преданности интересамъ новыхъ господъ. Идеалъ патріотизма былъ бы достигнутъ вполнѣ только въ томъ случаѣ, если бы данная государственная форма вмѣщала въ себя исключительно одинъ народъ одной религіи и одной національности, ибо здѣсь преданность интересамъ правящихъ группъ была бы совершенно скрыта чувствомъ симпатіи къ странѣ и народу. Но этотъ идеалъ, разумѣется, недостижимъ въ настоящее время, когда опредѣленіе національнаго состава государства зависитъ отъ случайностей войны или капризовъ дипломатіи; и дѣйствительно, большая часть современныхъ государствъ состоитъ изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ народностей, раздѣленныхъ между собою религіей и соединенныхъ съ осколками другихъ націй... Изъ этого явствуетъ, что патріотизмъ не есть чувство, глубоко коренящееся въ природѣ человѣка, но, напротивъ, представляетъ изъ себя искуственное, исторически обусловленное явленіе». Наиболѣе сокрушительной критикѣ подвергается патріотизмъ съ точки зрѣнія солидарности людей и народовъ и нравственнаго универсализма. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія самое понятіе патріотизма (въ смыслѣ предпочтенія родной страны чужимъ странамъ представляетъ внутреннее противорѣчіе. О конкретномъ

патріотизмѣ (англійскомъ, французскомъ и т. д.) еще можно спорить, но общій теоретическій вопросъ о патріотизмѣ можетъ быть рѣшенъ лишь отрицательно. Теоретически признать право на существованіе національнаго или государственнаго патріотизма значитъ признать право на существованіе взаимно исключающихъ, противоположныхъ и враждебныхъ началъ, значитъ признать, что имѣетъ какой-нибудь логическій смыслъ утвержденіе различныхъ человѣческихъ союзовъ, что они лучшія и наиболѣе желательныя организаціи. Мы видимъ, что отечества расширяются и суживаются, создаются и исчезаютъ, границы постоянно мѣняются подъ вліяніемъ войнъ и договоровъ. Какимъ же образомъ нѣчто, якобы цѣнное само по себѣ, можетъ зависѣть какъ въ своемъ объемѣ, такъ даже и въ существованіи отъ воли одного человѣка или отъ случайностей битвы? Съ моральной точки зрѣнія патріотизмъ не можетъ быть признанъ, какъ противорѣчащій болѣе высшему чувству, общечеловѣческой солидарности. Поэтому, если можно теоретически обосновать патріотизмъ, то только какъ естественную привязанность людей къ тому политическому союзу, къ которому они принадлежатъ, при чемъ въ этой привязанности не должно быть ничего исключительнаго. Патріотизмъ можетъ быть признанъ, лишь какъ привязанность къ государственному союзу, болѣе великому по сравненію съ болѣе мелкими союзами, заключающимися въ немъ (частными націями, провинціями, индивидами), какъ требованіе общечеловѣческіе идеалы осуществлять въ частно-государственной сферѣ, какъ долгъ придавать государственной жизни направленіе, соотвѣтствующее цѣлямъ человѣчества,—патріотизмъ въ этомъ случаѣ сливается съ гуманизмомъ,—какъ, наконецъ, требованіе свободы государственнаго самоопредѣленія. Патріотизмъ можно понимать двоякимъ образомъ (и притомъ совершенно противоположнымъ), и какъ отрицаніе личнаго эгоизма и какъ утвержденіе этого эгоизма. Можно въ патріотизмѣ видѣть привязанность, любовь къ чему-то болѣе широкому, чѣмъ сфера личныхъ интересовъ, и въ такомъ случаѣ расширеніе сферы патріотизма есть усиленіе альтруизма и солидарности; или можно подъ патріотизмомъ разумѣть исключительную любовь къ себѣ и къ той частной группѣ, къ которой принадлежишь,—въ такомъ случаѣ патріотизмъ вполнѣ противоположенъ солидарности и является началомъ эгоизма и

вражды. Первый ведетъ къ уничтоженію границъ и маленькихъ отечествъ ради созданія великаго отечества, къ прекращенію войнъ и къ всемірной гармоніи; второй является двигающимъ началомъ войнъ, милитаризма и вооруженнаго мира. Патріотизмъ широкій, истинный является дѣйствительною любовью не только ко всему человѣчеству, но и къ его отдѣльнымъ частямъ, такъ какъ только при установленіи всеобщей гармоніи и при благополучіи цѣлаго можетъ процвѣтать и его часть, маленькое, ближайшее отечество. Патріотизмъ узкій и ложный является въ сущности желаніемъ зла не только всему человѣчеству, но и своей частной родинѣ, такъ такъ онъ ведетъ къ войнѣ, вооруженіямъ и безумной тратѣ средствъ и силъ. Когда выдвигаются возраженія противъ узкаго патріотизма, то сторонниками его часто указывается, что такая пропаганда служитъ въ пользу національныхъ соперниковъ и предаетъ государство тому или другому врагу. Однако не надо забыть, что международный федерализмъ нисколько не стремится къ подчиненію одной націи другой, а лишь къ подчиненію всѣхъ націй единому великому цѣлому,—международному союзу.

Еще менѣе сомнѣній можетъ возбудить вопросъ о томъ, не находится ли универсализмъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ національнымъ принципомъ. Новѣйшія изслѣдованія понятія національности показали, что національность не можетъ быть опредѣлена по какому-нибудь объективному признаку, такъ какъ ни языкъ, ни расевое родство, ни религія, ни естественныя границы не составляютъ непремѣннаго признака національности (хотя обыкновенно и являются важными факторами ея образованія); рѣшающимъ моментомъ здѣсь является субъективное сознаніе людей. Нація есть группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ и потому отличными отъ другихъ людей. Какъ образованіе психологически-субъективное, національность есть общность, принимаемая каждымъ естественно и свободно, привязанность къ ней со стороны принадлежащихъ къ ней лицъ вытекаетъ сама собою, натурально, и потому національный вопросъ сводится лишь къ установленію нормальнаго положенія націи въ средѣ другихъ человѣческихъ союзовъ. Какъ таковой, національный принципъ есть требованіе, предъявляемое къ внѣшнему міру о правѣ національнаго самоопредѣленія.

Главное и наиболѣе солидное основаніе въ пользу утвержденія національнаго принципа приводится съ точки зрѣнія права личной свободы. Если національность есть свободно сознанный союзъ людей, то утвержденіе права личнаго самоопредѣленія влечетъ за собою съ неизбѣжною послѣдовательностью утвержденіе и права національнаго самоопредѣленія. Однако и здѣсь, какъ и при исключительномъ пониманіи патріотизма, крайнее проведеніе принципа національности должно быть отвергнуто во имя идеи универсализма, во имя общечеловѣческой солидарности. То, что составляетъ достоинство якобы той или другой націи, то, что въ ней есть истинно и вѣчно цѣннаго, не составляетъ на самомъ дѣлѣ исключительнаго достоянія національнаго духа, а есть нѣчто общее всему человѣчеству. Скорѣе націи раздѣляются другъ отъ друга своими недостатками. Неправильно утвержденіе, будто нація есть совокупность моральныхъ традицій, духовнаго богатства, которыя необходимо защищать. На самомъ дѣлѣ нѣтъ національнаго богатства, а есть богатство соціальное; нѣтъ частнаго генія, а есть лишь общечеловѣческій геній, выраженіе знаній, добытыхъ людьми всѣхъ странъ. Противъ послѣдовательнаго и крайняго проведенія національнаго принципа можно привести множество другихъ, болѣе относительныхъ соображеній. Можно указать, и не безъ основанія, на глубокое противорѣчіе, заключающееся въ самомъ понятіи національности, и на анархическій характеръ, свойственный ей. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ характернаго объективнаго признака, который съ несомнѣнностью опредѣлялъ бы національность. Ни раса, ни религія, очевидно, признаками національности уже служить не могутъ; остается языкъ; но что разумѣть подъ національнымъ языкомъ? тотъ ли языкъ, на которомъ говорятъ образованные классы общества, или простонародныя нарѣчія? Если выбрать первое, это было бы и несправедливо, и едва ли удовлетворило бы защитниковъ національнаго принципа, и служило бы причиной недовольства народныхъ массъ. Если ограничиться главными нарѣчіями, то кто будетъ окончательнымъ судьей этого разграниченія? Если же принимать во вниманіе всѣ существующія нарѣчія и діалекты, то нѣтъ предѣла дѣлимости. Кромѣ того, лингвистическія измѣненія происходятъ постоянно, и границы національности измѣнялись бы безпрерывно. Положить лингвистическій признакъ въ основу автономнаго самоопредѣленія значило бы

лишить публично-правовую жизнь всякой опредѣленности и устойчивости. Если же въ основу національности положить свободное сознаніе лица (единственно возможное опредѣленіе національности), тогда каждая самая незначительная группа лицъ, опираясь на свое субъективное сознаніе, можетъ требовать автономной независимости, а, признавъ полную основательность такихъ требованій, логически неизбѣжно признать правильность анархическаго идеала свободнаго союза добровольныхъ группъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что послѣдовательными сторонниками національнаго принципа являются анархисты. Положить въ основу автономнаго самоопредѣленія личный моментъ національнаго сознанія значитъ создать неразрѣшимые конфликты съ территоріальнымъ принципомъ. Территорія и національное сознаніе въ наше время широкаго оборота и смѣшенія населенія всѣхъ странъ почти нигдѣ не совпадаютъ: на одной территоріи живутъ лица, причисляющія себя къ различнымъ національностямъ. За кѣмъ же изъ нихъ признать право автономнаго самоопредѣленія? За всѣми, очевидно, невозможно; необходимо, слѣдовательно, дѣлать выборъ; какой же принципъ (если не индивидуальное сознаніе) положить въ его основу? очевидно, принципъ большинства; но самый принципъ большинства есть уже отрицаніе принципа національности, такъ какъ на немъ строится государственное единство въ отрицаніе независимости національностей. Конфликта не разрѣшитъ требованіе автономности для самой малой общины, а скорѣе обострить. Очевидно, разно-національный составъ возможенъ такъ же въ мелкихъ общинахъ, какъ и въ большихъ провинціяхъ; принципъ большинства, признанный по отношенію къ мелкимъ общинамъ, лишь осложнитъ дѣло, такъ какъ, несомнѣнно, это большинство часто будетъ составляться случайно, совершенно несоотвѣтственно дѣйствительному большинству въ данной странѣ Ко всему этому необходимо добавить, что національности часто живутъ во враждѣ даже и тамъ, гдѣ имъ дана полная свобода самоопредѣленія. Признать вполнѣ національный принципъ значитъ часто открыть путь безконечнымъ раздорамъ и борьбѣ. Это проведеніе національнаго принципа было бы отрицаніемъ историческаго процесса, приведшаго, тягостнымъ подчасъ путемъ, къ объединенію человѣчества въ большіе государственные союзы. Надо исправлять недостатки этихъ союзовъ, а не разрушать ихъ.

Государство есть такой же естественный фактъ исторіи, какъ и національность, и нѣтъ особыхъ основаній возвеличивать національность по сравненію съ государствомъ.

Но если и нельзя, въ силу указанныхъ соображеній, противопоставить національный принципъ идеѣ политическаго универсализма, то во всякомъ случаѣ необходимо принимать его во вниманіе въ стремленіяхъ придать международной жизни организованную форму. Въ какой степени и почему долженъ признаваться національный принципъ, прекрасно было выражено Влад. Соловьевымъ: «На той степени развитія, какой достигло человѣчество, принадлежность даннаго лица къ извѣстной народности закрѣпляется его собственнымъ актомъ самосознанія и воли. И такимъ образомъ народность есть внутренняя, неотдѣлимая принадлежность этого лица, то, что для него въ высокой степени дорого и близко... Нравственный принципъ не позволяетъ превращать дѣйствительное лицо живого человѣка съ его неотъемлемымъ и существеннымъ національнымъ опредѣленіемъ въ какой-то пустой, отвлеченный субъектъ, произвольно выдѣляя изъ него опредѣляющія его особенности. Если мы должны признавать собственное достоинство этого человѣка, то эта обязанность простирается и на все то положительное, съ чѣмъ онъ связываетъ свое достоинство; и если мы любимъ человѣка, то должны любить его народность, которую онъ любитъ и отъ которой себя не отдѣляетъ» [1]). Индивидуализмъ признается имѣющимъ право на существованіе лишь постольку, поскольку въ своеобразныхъ формахъ личности осуществляется общечеловѣческое. Долгъ личности—освобождаться отъ всего, что отчуждаетъ ее отъ общечеловѣческаго. Своеобразныя формы внутренней жизни, манеры чувствовать, мыслить, хотѣть, вѣрить, творить, все это не мѣшаетъ людямъ чувствовать себя едиными. Но есть извѣстныя формы внѣшней жизни, разнообразіе которыхъ служитъ къ отчужденію людей другъ отъ друга; сюда относятся организація верховной власти, право. Національность, какъ и личность, имѣетъ право на самоопредѣленіе, но это самоопредѣленіе не должно переходить въ исключительность. Въ данномъ случаѣ имѣются двѣ заинтересован-

[1]) Вл. Соловьевъ, *Оправданіе добра* (*Собраніе сочиненій*, т. VII, стр. 309).

ныя стороны: національность и человѣчество, и предпочтеніе должно быть отдано человѣчеству. Нація должна развивать въ себѣ черты общечеловѣческія, сводя до minimum'а черты чисто національныя. Существуетъ два рода національныхъ движенія: одно можно назвать центростремительнымъ, другое—центробѣжнымъ. Въ первомъ случаѣ раздѣленныя части одной національности, хотя и имѣющія многія несходныя черты, стремятся къ юридическому объединенію (такова была германская національная идея, итальянская и т. п.). Въ другомъ случаѣ изъ единой, уже объединенной націи стремятся выдѣлиться ея вѣтви, опираясь на право самоопредѣленія. Въ первомъ случаѣ обыкновенно выдвигалась, и съ полнымъ основаніемъ, въ пользу національнаго принципа та идея, что нація есть начало солидарности, которое на мѣсто враждующихъ союзовъ ставитъ единое начало высшаго союза. И дѣйствительно, пока національность раздѣлена на отдѣльныя области, на враждующіе классы, идея націи является идеей солидарности, идеей демократической, универсалистической. Оттуда ея прогрессивный характеръ. Но разъ цѣль національнаго объединенія достигнута, дальнѣйшая жизнь прекращается, идея цѣпенѣетъ, замыкается, отвердѣваетъ, ростъ пріостанавливается. Нація является уже принципомъ не солидарности, а разъединенія, обособленности, является не динамическимъ, а косно-охранительнымъ началомъ, не тѣмъ, что творитъ болѣе великіе союзы, а что препятствуетъ творчеству такихъ союзовъ. Провинціальная національность для государственнаго единства есть уже пройденная стадія историческаго процесса, и потому такія націи, при извѣстной силѣ національнаго сознанія, могутъ требовать лишь автономіи для значительныхъ и отдѣльныхъ провинцій и свободы личной для прочихъ національностей. Въ этомъ случаѣ, съ демократически-государственной точки зрѣнія, эта національная автономность не должна ни въ чемъ наносить ущерба или стѣснять права остального государственнаго населенія. Во всякомъ случаѣ, то или другое рѣшеніе національнаго вопроса есть вопросъ факта. Національный принципъ можно выставлять, или какъ принципъ направляемый противъ міра, находящагося внѣ націи, или какъ признаніе въ націи особой ячейки общечеловѣческой организаціи. Правильно понятый національный принципъ нисколько не противорѣчитъ универсальному идеалу. Національность есть основная

единица человѣчества: и именно международный федерализмъ въ своемъ требованіи федеративнаго объединенія человѣчества даетъ возможность примирить національный принципъ съ политическимъ универсализмомъ.

Разумность идеи единаго человѣчества.

Мы видѣли въ предшествующихъ главахъ цѣлый рядъ мыслителей, философовъ и юристовъ, съ самыхъ разныхъ сторонъ обосновывавшихъ идею общечеловѣческой организаціи. Это неустанное поступательное движеніе универсалистической идеи наилучшій аргументъ противъ того мнѣнія, которое считаетъ идею всемірной федераціи утопіей, выходящей изъ предѣловъ позитивно-научнаго разсмотрѣнія. Вся человѣческая мысль тяготѣетъ къ универсальному идеалу, и стремленіе удержать за государствомъ неограниченный суверенитетъ является въ гораздо большей степени утопизмомъ, и при томъ реакціоннаго характера.

Соціологъ Тардъ, смотря на эволюцію войны съ соціологической точки зрѣнія, пришелъ къ заключенію, что естественнымъ концомъ этой эволюціи должно явиться всеобщее замиреніе, благодаря утвержденію всемірной политической организаціи. «Исторія, пишетъ онъ, при вѣрномъ пониманіи ея показываетъ, что война непрерывно эволюціонируетъ въ извѣстномъ направленіи; послѣднее много разъ проявлялось въ исторіи: это не трудно подмѣтить, несмотря на всю историческую путаницу, что и даетъ намъ надежду на то, что война, становясь все рѣже и рѣже, въ будущемъ исчезнетъ окончательно. Въ силу лучистаго распространенія подражательности, неустанно и скрытымъ образомъ расширяющаго поля соціальной жизни, расширяются и соціальныя явленія, а войны также слѣдуютъ этому движенію. Отъ крайне многочисленныхъ, очень мелкихъ и жестокихъ столкновеній между маленькими кланами человѣчество переходитъ къ менѣе частымъ, но болѣе значительнымъ, хотя менѣе жестокимъ войнамъ между мелкими, а затѣмъ между большими поселеніями, затѣмъ къ войнамъ между непрерывно разростающимися народами и, наконецъ, приходитъ къ эрѣ крайне рѣдкихъ, оченъ грандіозныхъ, но совершенно лишенныхъ жестокости конфликтовъ между національными колоссами, которыхъ настраиваетъ мирнымъ образомъ самая ихъ громадность.— Каждое расширеніе, каждый изъ этихъ этаповъ, чрезъ которые проходятъ войны и которые прежде всего ведутъ къ замиренію,

отмѣчаютъ собой ослабленіе войнъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ трансформацію въ направленіи, благопріятномъ для ихъ исчезновенія въ будущемъ. Каждое увеличеніе государствъ—отъ племени до города, королевства, имперіи, до огромной федераціи—влекло за собою прекращеніе войнъ внутри извѣстнаго, все болѣе расширяющагося пространства. Вплоть до нашей эпохи на земномъ шарѣ всегда существовали мѣстности—замкнутыя въ горахъ долины, острова, отдѣльныя части континента, впослѣдствіи побережья внутреннихъ морей—которыя долго разсматривались, какъ своего рода міры, совершенно отличные по своимъ жителямъ; и когда эти маленькіе міры замирялись, наконецъ, послѣ ряда завоеваній, приводившихъ различныя части ихъ подъ одно и то же господство, постоянно преслѣдовавшаяся конечная цѣль—всемірное умиротвореніе—казалась, наконецъ, достигнутой. Имперія фараоновъ, Китайская имперія, Перу инковъ, нѣкоторыя острова Тихаго Океана, Римская имперія знали эти моменты отдыха. Несчастіе заключалось въ томъ, что обаятельный предѣлъ, какъ только онъ начиналъ казаться близкимъ, снова и снова отодвигался, и міръ оказывался больше, чѣмъ это думали: съ могучими, дотолѣ невѣдомыми сосѣдями, которыхъ надо было покорить или которымъ надо было покориться, чтобы установить окончательно всеобщій миръ, завязывались сношенія, принимавшія вскорѣ воинственный характеръ. Продолжаясь, войны, говоря вообще, расширяли поле мира. Но это расширеніе не можетъ быть безконечнымъ; міражъ этотъ не можетъ оставаться навсегда недостижимымъ, потому что земной шаръ имѣетъ границы. Характерной чертой нашей эпохи, глубоко отличающей ее въ извѣстномъ смыслѣ отъ всего прошлаго, служитъ то, что международная политика великихъ державъ впервые охватываетъ не одинъ или два континента какъ прежде, а весь земной шаръ, и что такимъ образомъ передъ нами открывается, наконецъ, столь ослѣпительная перспектива, что мы не смѣемъ даже вѣрить въ нее,—перспектива цѣли, хотя и труднодостижимой, но вполнѣ реальной, не обманчивой, не уходящей вдаль по мѣрѣ нашего приближенія къ ней» [1]. «Ничто не доказываетъ, что не настанетъ день, когда установится одна безграничная—англійская или русская—имперія, ко-

[1] Тардъ, *Социальная логика*, Спб. 1902, стр. 43—45.

торая, несмотря на океаны, раздѣляющіе ея различныя провинціи, будетъ управлять послѣдними на основаніи единаго равнаго для всѣхъ закона, съ тѣмъ въ общемъ благодѣтельными величіемъ и единствомъ, первое понятіе о которыхъ далъ Римъ, и съ той интенсивностью, съ тѣмъ разнообразіемъ мѣстной жизни, которыхъ именно не доставало послѣднему. Увеличится размѣръ политическихъ и соціальныхъ явленій, вотъ и все» [1]).

Еще глубже, еще возвышеннѣе выразилъ эту основную идею человѣческой исторіи кн. Сергѣй Трубецкой. «Съ эмпирической точки зрѣнія видимой цѣлью исторіи является созиданіе совершеннаго общества; общественные союзы, появляющіеся отъ начала, вступаютъ во взаимное столкновеніе, въ общую борьбу за существованіе, въ которой выживаютъ наиболѣе прочныя, сильныя, жизнеспособныя организаціи, наиболѣе солидарныя, разумныя и культурныя. И такимъ путемъ возникаютъ государства.—Для многихъ мыслителей совершенное культурное государство, правовой, разумный союзъ людей и является высшею идеальною цѣлью человѣчества. Государство есть сверхличное нравственное существо, воплощеніе объективнаго, собирательнаго разума: это Левіаѳанъ Гоббса, земное божество Гегеля. Для другихъ государство является лишь ступенью въ объединеніи или собираніи человѣчества въ единое цѣлое, единое «Великое Существо», le grand Etre, какъ называлъ его Контъ. Разумная цѣль человѣчества не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся, враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіаѳановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга. Великое Существо будущаго, истинное земное божество или божественное общество, должно объять все человѣчество и осуществить царство разума, мира и свободы. Оно одно можетъ служить конечною цѣлью человѣчества во всемъ его цѣломъ, и къ ней идутъ народы въ общекультурной работѣ своихъ государствъ, въ своихъ войнахъ, союзахъ, революціяхъ и реформахъ, въ своей промышленности, техникѣ, искусствахъ и наукѣ. Уже теперь человѣчество перестало быть отвлеченностью и стало реальною величиной, всѣ части которой находятся во взаимной зависимости, во все болѣе и болѣе дѣятельномъ экономическомъ и

---

[1]) Тардъ, *op. cit.*, стр. 267.

политическомъ взаимодѣйствіи между собою; уже теперь ни одинъ народъ не замыкается въ узкія рамки національнаго существованія, но живетъ и дѣйствуетъ въ одной всемірной политической аренѣ; уже теперь одна общеевропейская культура съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе утверждаетъ свое нераздѣльное господство въ мірѣ, осуждая всѣ низшія, несовершенныя культуры на вымираніе или перерожденіе. Конечное единство, разумѣется, еще весьма далеко. Несмотря на возрастающее общеніе и сближеніе народовъ, на усиливающуюся зависимость, ихъ вражда обостряется, ихъ вооруженія становятся все болѣе и болѣе грозными, хотя самая опасность истребленія будитъ всеобщую жажду мира и вызываетъ потребность въ разумной всечеловѣческой организаціи, обезпечивающей такой миръ. Но если бы конечная цѣль человѣчества лежала столь же далеко отъ настоящаго, какъ это настоящее - отъ того дикаго первобытнаго состоянія, съ котораго человѣчество начало свой путь, то и тогда человѣчество достигло бы своей цѣли. Тѣ, кто вѣрятъ въ прогрессъ и въ разумъ, видятъ въ мукахъ человѣчества родовыя муки и вѣрятъ, что оно породитъ изъ себя всечеловѣческое Великое Существо, которое осуществитъ въ себѣ конечный идеалъ» [1]).

---

[1]) Кн. С. Трубецкой, *Учение о логосѣ* (*Собраніе сочиненій*, т. IV, М. 1908, стр. 5—6).

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХЪ АВТОРОВЪ.

Цифры, напечатанныя чернымъ шрифтомъ, обозначаютъ страницы, на которыхъ разсматривается теорія даннаго автора.

Adler G., 193.
Adler M., 129.
Aegidius Romanus Colonna, **41.**
Aeneas Sylvius Piccolomini, **67.**
Affolter, 239,
Albertini, 162.
D'Alembert, **201.**
Alengry F., 339, 341.
Althusius Joh., **279—280.**
Alvarius Pelagius, **43.**
Ambrosius, **153.**
Amos, 129.
Anaxagoras, 2.
Anselmus Cantuariensis, 160.
Anthisthenis, **3**, **5.**
Antoniades, 38.
Antonius de Rosellis, **67.**
Appollonius Tyanensis, 20.
Archelaus, 81.
Aristotelis, **8—9**, 92, 125. **144—147, 258—259.**
Arnaud E., 129.
Arnoldson, 129.
Aristippus, 3, **4—5.**
Artevelde, J. 268.
Atger, 276.
Antoninus, M. Aurelius. 10, **15—17.**
Audiganne A., 129.
Augustinus, **29—31**, 126, **153**, **160.**
Augustinus Triumphus, **42.**
Austin, 104.
Avril, 184.
Bacon Fr., **171.**
Ballanche, **47.**
Bara L., 129.
Barni, 201, 205, 293.
Barth, 9, 10,
Barthélemy, 162.
Bartolus a Saxoferato, 65, **66**, **159.**
Baruzi Jean, 303, 304.
Basch, 78.
Basdevant, 175.
Bastide Ch., 182.
Batain. 128.
Baudeau, 198.
Baudrillart H., 99, 169, 170, 275.
Bauer Edgard, 78.
Baumann, 37.
Bayle, 276.
Beaulavon G., 205, 207.
Beauverger, 279, 281.
Becker W., 129.
Bella Petrica см. Petrus a Bella Petrica.
Bellarmin, **43.**
Belderbuch, 128.
Bellers John, **288—289.**
Bender, 138.
Bengnot, 17.
Benoist Charles, 83.
Bentham Jerem., 127, **331—334**
Benzo de Alba, 53.
Bergbohm, 226.
Bernays, 9.

Bernhardus abbas Clarevallensis, **35**.
Bernhardus Parm., 37.
Bernstein E., 288.
Bèze Théodore, **276**.
Bierling, 119, 120, 231.
Bill A., 129.
Binding, 119.
Bluntschli J., 248, 209, 305.
Bodin Jean, **99 — 100**, **168 — 170**. 235, 271.
Boehmer, 57.
Bogue, 128.
Boisguillebert, 198.
Bonar James, 327.
Bonet Honoré, 97.
Bonhöffer, 10, 12, 14.
Bonifacius VIII, **40**, 98.
Boom C., 129.
Borel, 234, 237.
Borgeaud Ch., 275, 285.
Bossuet, 179—180.
Boucher, **44**.
Bouglé, 110.
Bourgoing, 128.
Bouvet F., 129.
Boxhornius M., **281**.
Brédif L., 207.
Brederodius, 127.
Brie, 257, 260.
Briout, 333.
Brougham Leech, 138.
Browne Robert, **285**.
Bryce, 17, 26, 27, 50, 51, 53, 69.
Bry G., 207.
Bry, 248.
Bucher et Roux, 302.
Bulmerincq, 217.
Burlamaqui, 184.
Bürgel, 138.
Buzot, 302.
Bynkershoek, **215—216**.

Caird, 100.
Calvinus Joh., **272—275**.
Campanella, 7, **45**.
Caraman, 128.
Cardauns, 275.
Carlyle, 8, 12, 13, 26.
Carmichael, 175.
Cartier, 276.
Celsius, 23.
Chauveau, 138.
Chelçicky, 271.
Chevalier, 154.
Chrisippus, 12, 148.
Chrysostomus, 12.
Cicero, 2, 3, 9, 10, **12—13**, 147, **148**, 186, **261**.
Cirot, 275.
Clemens Alexandrinus, 22, 23.
Clichthove J., 127.
Cloots Anacharsis, **301**.
Comte Auguste, 69, 203, 223, 339, 347.
Condorcet, 301, **339—341**, 345.
Conradus de Monte puellarum, 43.
Connanus Parisiensis, **167—168**.
Cotton John, 287.
Cousin V., 125.
Covarrubias Didacus, **165**.
Crates, **6**.
Crucé Emeric, 127, **284—285**.
Cumberland, **178—179**.
Cybichowski, 1, 138.
Cynus Pistoriensis, 65, 66.

Dahn, 119.
Danaeus Lambertus, 279.
Dante Alighieri, **56—60**.
Dareste, 279.
Decretum cm. Gratianus.
Delbos V., 209.
Delpech, 215.
Democritus Abder., **9**, **81—82**.
Denis H., 327.
Deschamps, 299.
Desjardins, 275.
Deslandres M., 119, 121, 122.
Despagnet, 247.
Diderot, 194, **199—200**.
Diels, 81.
Dieterich Conrad, 125, 209.
Digest., 12, 18, 149, 150, 151.
Diogenes Laërtius, 2, 5, 6, 10, 12, 81, 82.
Diogenes Sinopsis, **5—6**.

Diodorus, 147.
Dionysius Halicarn., 147.
Dirksen, 149.
Dock, 99.
Döllinger, 271.
Douarche, 275.
Dreyfus, 46.
Dubois Pierre, 96, 127, **266—268.**
Dubois M., 259.
Ducros L., 201.
Duguit L., 110, 207, 223, **237—238.**
Dumesnil H., 129.
Dunning, 99, 165.
Dupasquier H., 129.
Dupplessis-Mornay, **276—278.**
Dupont de Nemours, 345.
Dupuy, 96.
Durand F., 128.
Durkheim, 110, 223, 347.
Dumord, 288.

Egger, 138.
Eligius, 160.
Elkan A., 275, 277, 279.
Eltzbacher, 327.
Engelbertus abbas Admontensis, **60—62.**
Epictetus, 6, 10, **14—15.**
Epicuros, **9—10, 81—82.**
Epiphanus Sanctus, 5.
Erasmus Roterdamus, 127.
Esmein, 286, 299, 345.
Eucken R., 20, 26, 38.
Eusebius, 23.

Faber Johannes, 65, 98, 99.
Faget A., 126.
Eaguet E., 129, 207, 339.
Fallati, 103, 104.
Fechtner E., 182.
Federalist, **299—300.**
Fénelon, **159.**
Fester R., 83, 209.
Feuerbach, 78.
Feugeray, 37.
Fichte, 77, **320—325.**
Fischer Kuno, 100.
Fiske John, 300.
Franck Ad., 26.
Frayssinet, 302.
Freeman, 24, 259.
Fricker, 101.
Fried, 126.
Friedberg E., 26, 27, 42, 94.
Fusinato, 138.
Fustel de Coulanges, 138, 261.

Gareis, 217.
Gebehardus Sal., **33.**
Gentillis Albericus, **170—171.**
Geny, 119.
Gierke, 10, 26, 27, 41, 51, 55, 65, 98, 99, 119, 161, 257, 260, 264, 265, 266, 275, 279, 280.
Giles de Rome см. Aegidius Romanus.
Gindely Anton, 271.
Girardin E., 129.
Gizycki, 81.
Glasson, 98.
Godwin William, **327—330.**
Goldast, 25, 56, 60, 62, 64, 67, 94, 96, 97.
Gomperz, 3—4, 5, 6, 7.
Gondon, 128.
Gooch, 287.
Goudar A., 127.
Goumy, 293.
de la Grasserie, 129.
Gratiani Decretum, 37, 158, 159.
Gregorius VII, **34.**
Gregorius Petrus de Toulouse, **170**
Grotius Hugo, **172—177, 291.**
Guerrier W., 297.
Guggenheim, 94.
Gumplovicz, 119.
Gutehr Fr., 128.
Guyau, 81, 201.

Haas A., 10, 84.
Haashagen, 53.
Haenel, 234, 235.
Halevy E., 321, 331.
Hamilton, **299—300.**
Hancke, 99, 169.
Harnack, 80.

Hartmann G., 189.
Haym, 100
Heffter, 138.
Hegel, **100—103**, **124—125**, 235.
Helvétius, **90—91**.
Hely, 175.
Henry L., 129.
Heraclitus, 125, **139**.
Herder, 342.
Hertz, 293.
Hesiodus, **138**.
Hesse-Rheinfels Ernest, 127.
Hieronymus, 153.
Hildenbrand, 2, 5, 10, 12.
Himly, 52.
Hinkmar, **33**.
Hinrichs, 161, 184, 186, 191, 214.
Hobbes, 2, 10, **84—86**, 235.
Hoenoieus Ph., **280—281**.
Hoffding, 209.
Holbach, 194, **200**, 234.
Holland, 170.
Holtzendorff F., 1, 126, 129, 138.
Homerus, **138**.
Hooker Richard, 286.
Horn F., 2.
Hornung, 209.
Horoy, 158.
Hostiensis, **37**.
Hotomanus Franciscus, **279**.
Hrabar Vladimir, 160.
Huberti, 126.
Hugo Floriacensis, **53—54**, **218**.
Humbertus cardinalis, **33**, 52, 53.
Hume David, **216—217**.
Hundeshagen, 275.
Huquccio, **56**.
Huraut, 94.

Jacobus Arena, 65.
Jamblich, 2.
Janet P., 26, 33, 36, 38.
Jay, 299.
Jay William, 128.
Jeauvrot, 84
Jellinek, 92, **227—229**, **234**, 235, **248—250**, 285, 360.
Ihering, 18—19, **219—222**.
Imbart de la Tour, 99, 265.
Innocentius, **36**, 98.
Institutiones, 18, 148, 149, 150.
Jodl, 144.
Iohannes Parisiensis, 65, **93—94**.
Iohannes Saresberiensis, **36**.
Iordanus v. Osnabrück, 53, 54.
Jourdan, 94.
Joyau, 299.
Isidorus Hispalensis, **158**.
Isocrates, **3**, 259.
Justiniani Codex, 55.
Justinus, 22, **33**.
Ivo Carnotensis, **35**.

Kaerst Julius, 4.
Kahle, 100.
Kaltenborn, 100, 161, 164, 171, 213, 215.
Kant, 77, 125, 128, **209 — 211**, 223, 235, 236, **315—320**.
Kegan Paul, 327.
Kelsen, 57, 60, 266.
Kistiakowsky, 207.
Klaus, 125.
Kleanthes, 12.
Kliemke, 239.
Koch Georg, 33.
Kollberg, 84.
Konrad von Megenberg, 43.
Kornelius P., 287.
Krabbe, 239.
Kükelhaus, 281.

Labanca, 94.
Laband, 237, 360—362.
Labitte Ch., 275.
Lactantius, 153.
Laferrière, 149.
La Fontaine, 126.
Lagorgette, 126, 129.
Lajard, 41.
Lamennais, **47**.
La Motte, 128.
Landmann, 44, 99, 100, 169, 170, 275.
Landsberg, 55, 216.
Landulfus de Colonna, **62**.

Larroque P., 129.
Lasson, 104, 125.
Lassudrie—Duchêne, **208.**
Laurent F., 1, 4, 10, 17, 20, 21, 26, 138, 259.
Lechartier, 217.
Le Fur, 24, 70, 234, 238, 259.
Leibniz, 70, 186, **189—190, 302—308.**
Lemaire André, 98.
Lemonier, 129.
Leroux A., 98.
Leslie Stephen, 327.
Lessing, **193**
Letrosne, 198, 345.
Levy-Bruhl, 100, 209.
Liebe, 235.
Liepmann, 207.
Lilienfein, 52.
Lipps, 128.
Locke, **181—184.**
Lorimer, **188.**
Lossen, 275, 277.
Lucianus, 6.
Lucretius, 259.
Lueder, 125.
Lupold Bebenburg, **63—64.**
Lureau, 275.

Mably, **297—298.**
Machiavelli, **83—84, 269—270.**
Madison, 299.
Maistre Joseph, **46, 124—125.**
Maitland, 98.
Makarewicz, 119.
Manegoldus Lutinbach, **33.**
Marchand, 128.
Marion H., 110, 182.
Markgraf Hermann, 268.
Marsilius Patavinus, **94—95.**
Maulde-la-Clavière, 84.
Marx Karl, 346, 347.
Mealy P., 275, 279.
Menger A., 119, 368.
Menn M., 209.
Menzel A., 87.
Mercier, 297.
Mercier de la Rivière, **342—343.**
Merignhac, 126,
Merriam E., 300.
Meslier Jean, **200—201.**
Mevius Dav., **191.**
Meyer, 94,
Meyer G., 237.
Meyer Th., 154.
Mézières, 129.
Michelet, 104.
Migne Patrologia, 26, 34, 35.
Milton, **286.**
Mirbt Karl, 26, 33, 34, 41.
Moch G., 129.
Mohl Robert, 83, 104.
Molinari, 129, 293.
Montesquieu, **201—204, 337—339.**
Monumenta Germaniae historica, 26, 33, 53.
Morelly, 7, **200.**
Morena Otto, 55.
Morus Thomas, 7.
Moser J., **216.**
Mougins de Roquefort, 46.
Muller Adam, 46.
Müller Jochmus, 1, 138.

Neal, 287.
Neander, 21.
Nettelbladt Daniel, 193.
Nettlau, 78.
Nézard, 170.
Nicolaus Cusanus, **67.**
Niemann, 29.
Nimis, 94.
Nippold, **227.**
Nolen D., 209.
North (Duchess), 198.
Novikow J., **126, 129.**
Nys Ernest, 26, 45, 97, 98, 127, 158, 160, 161, 281, 284, **293,** 333, 334.

Occam Guillelmus, **62—63.**
Odofredus, 65.
Oidradus de Laude, **65, 98.**
Ompteda, **161, 164, 213, 214, 215.**
Origenus, **153.**
Ortloff, 149.

Osenbrüggen, 138.
Osgood L., 285.
Otto Frisingensis, 52.

Pachtler, 299.
Palacky, 268.
Paoli-Chagni, 128.
Paulus, 152.
Pearson, 11, 12.
Pecqueur C., 128.
Pellissier Georges, 199.
Penn William, 127, 289.
Petrarca, **64**.
Petrus de Andlo, **67**.
Petrus a Bella Petrica, **65—66**.
Petrus Chrysologus, 160.
Petrus Damianus, **53**.
Petrus de Vineis, 54.
Pfister, 281.
Philo Alexandrinus, 19, **20**.
Philostratus, 3.
Piedelièvre, 46.
Placentin, 55.
Plato, 2, 3. **5**, **6—8**, 78, 81, **141—143**, **258**.
Platzhoff W., 275.
Plotinus, **20**.
Plutarchus, 3, 8, 10, 12, **20—21**, 147.
Podiebrad Georg, **268—269**.
Pöhlmann, 7, 11, 78.
Polenz G., 275.
Polier de Saint Germain, 127.
Polibyos, **147—148**, **259—261**.
Porphyrios, 9, 20, 147.
Postellus Guilelmus, **68**.
Potthast, 25.
Potvin, 126, 268.
Prato, 126.
Preuss, **238—239**.
Proclus, 20.
Protagoras, 81, **139**.
Proudhon, 125, 207, **357—358**.
Pseudo Isidorus, 33.
Ptolomaeus Lucensis, 38.
Putendorf Samuel, **184—187**.
Putter, 104, 216.
Puchta, **218—219**.
Pythagoras, **2**, **139**.

Quesnay, **195—198**.

Rachel Samuel, **214—215**, **292—293**.
Raynerius de Forlivio, 65, 193.
Rehm, 92, **233—234**.
Renan, 266.
Renouvier, 209.
Reuter, 29.
Revon M., 126.
Richet Ch., 129.
Riezler, 26, 43, 93, 94, 96.
Ritter M., 281.
Rivier, 247.
Robinson, **286**.
Rod E., 207.
Rolland, 165.
Rolin Jaequemyns, 170.
Rossaeus, **44**.
Rousseau J. J., 127, 194, **205—209**, 223, 235, 236, **308—315**.
Rufinus episcopus, 160.
Ruyssen, 129.

Saint-Pierre (abbé de), 127. **293—296**, 307.
Saint-Simon, 69, 128, 296, 347.
Saleilles R., 119.
Salmasius, **100**.
Sarrazin, 128.
Sartorius, 128.
Savigny, 55, 98, **218**.
Scala, 9, 138, 148, 259.
Scelle G., 213.
Schardius, 25, 62, 63, 64, 67.
Schatz A., 109, 195, 216, 217.
Schlaf J., 125.
Schlief, 129.
Schlegel, **47**.
Schleirmacher, **47**.
Schmekel, 12.
Schmid d'Avenstein, **198—199**, **343—344**.
Schmidt A., 83.
Schmidt, 54.
Schmidt, 147.
Schmidt H. G., 275.
Scholz Richard, 26, 40, 41, 42, 93, 94, 96, 266.

Schulte, 159.
Schulze, 237.
Seé Henri, 199.
Seebohm F., 127.
Seneca, 10, **13—14**, 186.
Seroux-d'Agincourt, 293, 333.
Seydel, 104, 237.
Sextus Empiricus, 81.
Siégler-Pascal, 293.
Sigwart, 84.
Siotto-Pintor, 129.
Socrates, **2—4**, **140—141**.
Sorel A., 301.
Soto Dominicus, **164**.
Spencer, 223. 347.
Spinoza, 2, **87—90**.
Stammler, 78, 109, 207. 222.
Stein Lorenz, 60.
Stein L., 126.
Steinmetz, 125.
Stilpon, **4**.
Stirner Max, **78—79**, **105—108**.
Strabo, 12.
Stobaeus, 2, 3, 4, 5, 9, 56, 81, 147.
Suarez, 43, **44**, **165—167**.
Sullivan. 94.
Sully (duc de), 127, **281—284**.

Tarde, 347, 375, 376.
Tertulianus, 22, **153**.
Texte. 195.
Textor Johann, **215**.
Thamm, 170.
Thedorus, **5**.
Theodoricus de Niem, **67**.
Theophrastus, **9**.
Thiers, 301.
Thomas Aquinatis, **37—39**, **154—158**, 160.
Thomas Cantuarensis, **35**.
Thon. 119.
Thonissen, 272.
Thucydides, 147.
Tommasini, 83.
Tomasius, **187**.
Tönnies, 84.
Treitschke, 277.
Treumann R., 275.
Triepel H., **229—230**.
Turgo, **344—345**.

Usener, 81.

Vaihinger, 125.
Valerianus, 160.
Valois N., 94.
Vasquez Menchaca, **164—165**.
Vattel, 193.
Vico, **336—337**.
Victoria Franciscus, **162—163**.
Villari, 83.
Viollet, 98.
Vitriarius, 53.
Voigt, 5, 10, 12, 18, 149, 150.
Voltaire, 194, **199**, **296**.
Vopiscus, 17.

Wachsmuth, 138.
Wagner, 125.
Wailly, 268.
Waitz, 52, 53, 54.
Walker, 17, 26, 138, 161, 162, 164.
Wallace, 81.
Ward, 17, 138.
Wegele, 57.
Weill G., 68, 275, 279.
Weingarten H., 285, 286.
Werner, 165.
Wheaton, 215.
Wido Ferrara, 53.
Wieland, 193.
Winckler, 10, 20, 21, 22.
Windelband, 22, 142.
Windenberger, 208.
Winkler, **171**.
Wolff, **191—193**, **292**.
Woolsey, 212.

Xenophon, 2, 5, 140, 141.

Zeller, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 20.
Zeno, **11—12**.
Zöpfl, 237.
Zorn A., 104.
Zorn Ph., 104.
Zouchäus, **213—214**, 235, **292**.

Алексѣевъ А. 83, 206.
Бліохъ, 126.
Боголѣповъ, 18, 149.
Вальденбергъ, 84.
Виппперъ Р., 194, 272, 273, 274, 275.
Грабарь В., 26, 53—56, 65, 66, 98, 99, 152, 154, 159, 161, 162.
Градовскій А., 100, 125, 323.
Камаровскій Л., 103, 126, 367.
Каченовскій, 26, 138.
Ковалевскій М., 170, 276.
Котляревскій С., 47.
Лодыженскій, 126.
Мартенсъ Ѳ., 247.
Мищенко Ѳ., 259.
Новгородцевъ П., 8, 100, 119, 121, 142, 187, 190, 207, 210, 217, 218, 219, 237.
Паліенко, 92, 99, 170.
Петражицкій, 119, 121.
Соловьевъ В., 108, 142, 373.
Стояновъ, 138.
Таубе М., 21, 22, 26, 126, 138.
Трубецкой Евгеній, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 54, 119, 126, 142, 160.
Трубецкой Сергѣй, 109, 139, 377, 378.
Толстой Л., 80, 271, 288.
Фортунатовъ С., 300.
Чичеринъ Б., 26, 38, 46, 50, 93, 94, 96, 97, 100, 103, 125, 161, 165, 166, 275, 302.
Шершеневичъ Г., 104.
Ященко А., 7, 80, 104, 271, 367.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
7	послѣ 10 стр. снизу	пропущена строка:	Вэрасса и *Naufrage des îles flottantes.*
18	1 „ „	Гл. V.	Гл. VI.
24	1 „ „	Гл. VI.	Гл. IX.
26	18 „ „	Eicken	Eucken
31	3 „ „	Политическій идеалъ	Политическіе идеалы.
126	7 „ „	*La genie*	*Le génie.*
128	5 „ „	Wellian	William.
129	1 „ „	Fagnet	Faguet.
198	1 и 3 „ „	Schimdt	Schmid.
207	14 „ „	ряды	рядъ.
304	4 „ сверху	per	der.

Выпускъ 10-й Отдѣла Юридическаго. Основные вопросы науки международнаго права. 291 стр. **Гр. Комаровскій.** Опытъ характеристики понятій aequitas a aequum jus въ римской классической юриспруденціи. 309 стр. **Хвостовъ.** Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ западной Европѣ. 151 стр. 1895 г. **Сперанскій.** Цѣна 2 р. 65 к.

Выпускъ 11-й Отдѣла Юридическаго. Русская политика въ Восточномъ вопросѣ, ея исторія въ XVI — XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи. 465 стр. Изд. 1896 г. **Жигаревъ.** Цѣна 1 р. 85 к.

Выпускъ 12-й Отдѣла Юридическаго. Деликты и договоры, какъ источники обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима. 234 стр. Изд. 1896 г. **Гусаковъ.** Цѣна 95 к.

Выпускъ 13-й Отдѣла Юридическаго. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. 226 стр. **Новгородцевъ.** Къ вопросу о юридической природѣ государства и органовъ государственной власти. 32 стр. Изд. 1896 г. **Кокошкинъ.** Цѣна 1 р.

Выпускъ 14-й Отдѣла Юридическаго. Номоканонъ при большомъ требникѣ. 520 стр. Изд. 1897 г. **Павловъ.** Цѣна 2 р. 10 к.

Выпускъ 15-й Отдѣла Юридическаго. Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. 340 стр. Изд. 1898 г. **Соболевъ.** Цѣна 1 р. 35 к.

Выпускъ 16-й Отдѣла Юридическаго. Подоходный налогъ въ Англіи. Экономическія и общественныя условія его существованія. 472 стр. Изд. 1898 г. **Озеровъ.** Цѣна 1 р. 90 к.

Выпускъ 17-й Отдѣла Юридическаго. Натуральное обязательство по Римскому праву. 516 стр. 1898 г. **Хвостовъ.** Цѣна 2 р. 5 к.

Выпускъ 18-й Отдѣла Юридическаго. Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи. Ихъ исторія въ связи съ нѣкоторыми сторонами экономической жизни этой страны. 310+321 стр. Изд. 1901 г. **Косинскій.** Цѣна 2 р. 50 к.

Выпускъ 19-й Отдѣла Юридическаго. Очерки по водному праву. Право на рѣки общаго пользованія. Субъекты права. 33 стр. **Нефедьевъ.** Старшая Дружина на службѣ Московскихъ Государей. 36 стр. **Мрочекъ-Дроздовскій.** Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. VII+220 стр. **Мануйловъ.** Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. 245 стр. Изд. 1901 г. **Новгородцевъ.** Цѣна 2 р. 15 к.

Выпускъ 20-й Отдѣла Юридическаго. Новый трудъ по Римской традиціи. 24 стр. **Хвостовъ.** Памятники русскаго права времени мѣстныхъ законовъ. Пособіе къ слушанію лекцій и къ практическимъ занятіямъ. 78 стр. **Мрочекъ-Дроздовскій.** Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. 159 стр. **Суворовъ.** Наказаніе, его цѣли и предположенія. Общее и спеціальное предупрежденіе преступленій. 157 стр. Изд. 1902 г. **Мокринскій.** Цѣна 1 р. 65 к.

Выпускъ 21-й Отдѣла Юридическаго. Населеніе Россіи по 5-й ревизіи. Подушная подать въ XVIII вѣкѣ и статистика населенія въ концѣ XVIII в. Ч. I и II. 695 стр. Изд. 1902 г. **Денъ.** Цѣна 2 р. 80 к.

Выпускъ 22-й Отдѣла Юридическаго. Основные вопросы ученія о наказаніи. III—XXXV. 1—407. **С. В. Познышевъ.** Цѣна 1 р. 85 к.

Выпускъ 23-й Отдѣла Юридическаго. Образованіе народа во Франціи. Эпоха третьей республики. (1870—1902). 1—394 стр. **Ив. Чистяковъ.** Цѣна 1 р. 65 коп.

Выпускъ 24-й Отдѣла Юридическаго. Международные Третейскіе суды XIX вѣка. Очерки, теоріи и практики. 312 стр. Изд. 1904 г. **Н. Н Голубевъ.** Цѣна 1 р. 50 к.

163/166.

Выпускъ 25-й Отдѣла Юридическаго. Митрополиты въ первые три вѣка Христіанства. **П. Гидуляновъ.** Цѣна 2 р. 25 к.

Выпускъ 26-й Отдѣла Юридическаго. Новое изданіе Русской Правды. 32 стр. **П. Мрочекъ-Дроздовскій.** Цѣна 20 к.

Выпускъ 27-й Отдѣла Юридическаго. Соціальные факторы преступности. 203 стр. **М. Н. Гернетъ.** Цѣна 1 р. 35 к.

Выпускъ 28-й Отдѣла Юридическаго. Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы. Къ реформѣ нашего законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ. 380 стр. **С. В. Познышева.** Цѣна 1 р. 70 к.

Выпускъ 29-й Отдѣла Юридическаго. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи Изслѣдованіе по исторіи Англійскихъ финансовъ. 654 стр. Изд. 1907 г. **П. Гензель.** Цѣна 3 р. 80 к.

Выпускъ 30-й Отдѣла Юридическаго. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Изслѣдованія **І. М. Гольдштейна.** Томъ І. Синдикаты, задачи торговой политики и будущая роль Россіи. 526 стр. Цѣна 2 р. 85 к.

Выпускъ 31-й Отдѣла Юридическаго. Къ вопросу о постановкѣ экономическихъ семинаріевъ. 30 стр. Изд. 1907 г. **А. Кауфманъ.** Цѣна 20 к.

Выпускъ 32-й Отдѣла Юридическаго. Международный федерализмъ. Идея юридической организаціи человѣчества въ политическихъ ученіяхъ до конца XVIII вѣка. **А. Ященко.** Цѣна 2 р. 50 к.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

BINDING SECT. MAR 10 1965

JC
355
I38
IAshchenko, Aleksandr
Semenovich
Mezhdunarodnyi federalizm

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 11 14 04 008 0